

КРИС УИКХЕМ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

ОТ ПАДЕНИЯ РИМА ДО РЕФОРМАЦИИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

CHRIS WICKHAM

MEDIEVAL
EUROPE

YALE UNIVERSITY PRESS
NEW HAVEN AND LONDON

КРИС УИКХЕМ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

От падения Рима до Реформации

Перевод с английского

Москва
2019

УДК 94(4)"375/1492"
ББК 63.3(0)4
У35

Переводчик Мария Десятова
Научный редактор Станислав Мереминский, канд. ист. наук
Редактор Наталья Нарциссова

Уикхем К.

У35 Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации / Крис Уикхем ;
Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 536 с.

ISBN 978-5-91671-712-9

Тысячелетие, прошедшее с распада Римской империи до начала Реформации, было насыщено преобразованиями, и потому его не так легко описать в рамках одной книги. Тем не менее британский историк Крис Уикхем принял этот вызов. Он показывает Средневековье как динамичный период масштабных перемен, фокусируясь на таких знаковых событиях, как падение Рима, реформы Карла Великого, распространение христианства в Европе, закат Византийской империи, эпидемии Черной смерти и т. д. Анализируя их, автор рассказывает, какие изменения они вызвали в социальной, экономической и политической сферах, а также в частной жизни людей. Перед глазами читателя разворачивается панорамная картина жизни государств и городов средневековой Европы, проходит галерея образов императоров, королей, деятелей Церкви, рыцарей, крестьян, купцов. Эта насыщенная информация и увлекательно написанная аналитическая работа будет интересна и специалистам, и тем, кто обратится к периоду Средневековья впервые.

УДК 94(4)"375/1492"
ББК 63.3(0)4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях; а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tuiliv@alpin.ru.

© Chris Wickham, 2016
Originally published by Yale University Press
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Альпина нон-фикшн», 2019

ISBN 978-5-91671-712-9 (рус.)
ISBN 978-0-300-20834-4 (англ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Иллюстрации</i>	7
<i>Карты</i>	10
<i>Благодарности</i>	19

Глава 1. Новый взгляд на Средние века	21
Глава 2. Рим и его западные преемники: 500–750 гг.	53
Глава 3. Кризис и преобразования на Востоке: 500–850/1000 гг.	85
Глава 4. Эксперимент Каролингов: 750–1000 гг.	111
Глава 5. Расширение границ христианской Европы: 500–1100 гг.	140
Глава 6. Передел Западной Европы: 1000–1150 гг.	168
Глава 7. Долгий экономический подъем: 950–1300 гг.	201
Глава 8. Неоднозначность восстановления централизованной власти: 1150–1300 гг.	230
Глава 9. Крах альтернативных возможностей, 1204 г.	274
Глава 10. Гендерные роли и сообщества в позднесредневековой Европе	297

Глава 11. Деньги, война и смерть: 1350–1500 гг. 333

Глава 12 Переосмысление политики: 1350–1500 гг. 370

Глава 13. Заключение 395

Библиография 403

Примечания 459

Предметно-именной указатель 522

ИЛЛЮСТРАЦИИ

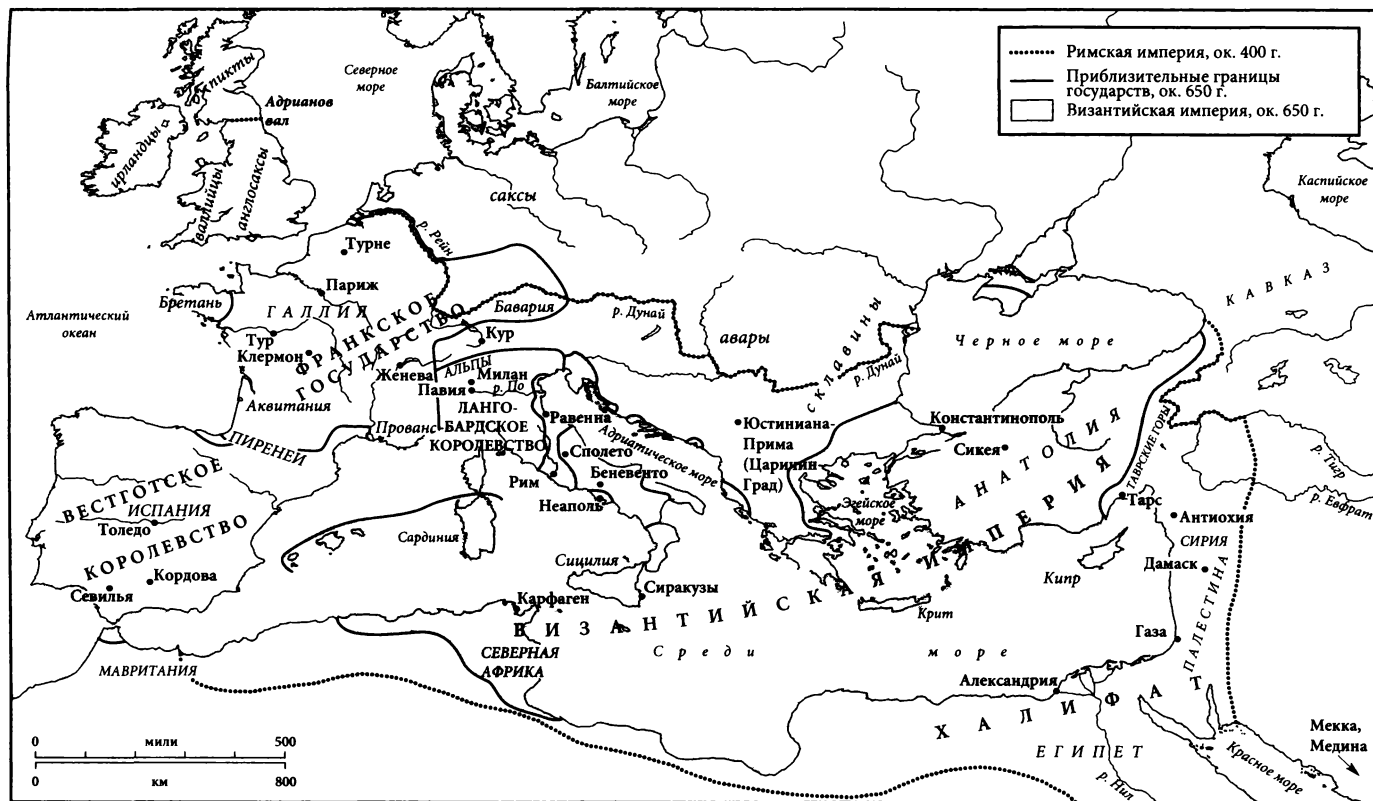
1. Диптих с изображением Манлия Боэция, 487 г., слоновая кость. Христианский музей, Брешиа, Италия/Bridgeman Images.
2. Баптистерий Иоанна Крестителя, VI в., Пуатье. © Nick Hanna/Alamy Stock Photo.
3. Пизанский собор, конец XI — начало XII в. M&M Photo.
4. Собор Св. Софии, Константинополь (Стамбул), 530-е гг. Фото Лесли Брубейкер.
5. Бирмингемский Коран, ок. 640–650-х гг., Бирмингемский университет.
6. Богатый зал, Мадина аз-Захра, Кордова, 950-е гг.
7. Сборник франкских законов, 850–870-е гг, библиотека герцога Августа, Вольфенбюттель. Cod. Guelf. 299 Gud. lat © Herzog August Bibliothek Wolfenbuttel (<http://diglib.hab.de/mss/299-gud-lat/start.htm>).
8. Дворцовая капелла, Ахенский собор, ок. 800 г.
9. Евангелие из Линдисфарна, Евангелие от Луки, начало VIII в. Британская библиотека (Cotton MS Nero D. IV, f. 139).
10. Ставкирка, Хеддал, Норвегия, XIII в.
11. Бронзовые врата, Гнезненский кафедральный собор, конец XII в., сцена гибели святого Адальберта. © Jan Włodarczyk/Alamy Stock Photo.
12. «Плоды доброго правления в городе», фреска Амброджо Лоренцетти, Палаццо Публико, Сиена, 1138–1139 гг. Fondazione Musei Senesi.
13. Рокка-Сан-Сильвестро, Тоскана, XIII в. Ventodiluna.

14. Мозаика апсиды базилики Св. Климента, Рим, ок. 1118 г. © imageBROKER/Alamy Stock Photo.
15. «Сон Иннокентия III», фреска Джотто ди Бондоне, церковь Св. Франциска, Ассизи, 1290-е гг. Bridgeman Images.
16. Замок Гравенстен, Гент, конец XII в. © Alpineguide/Alamy Stock Photo.
17. Собор Парижской Богоматери, Париж. Peter Bull.
18. Отель Mercure Shakespeare, Стратфорд, XIII–XVI вв. © Mark Benton/England/Alamy Stock Photo.
19. Фреска «Воскресение Христово» в Кахрие-Джами (монастырь в Хоре), Константинополь (Стамбул), ок. 1320 г. QC.
20. Статуи Экхарда Мейсенского и Уты Балленшtedской, Наумбургский собор, середина XIII в. © VPC Travel Photo/Alamy Stock Photo.
21. Северные (Стамбульские) ворота, городская стена Никеи (Изник, Турция), построены во времена Древнего Рима, периодически перестраивались до начала XIII в. ЕВА.
22. Казначейский свиток, конец XII в., 1163–1164 гг. Национальный архив, Лондон.
23. Эгиль Скаллагримссон, изображение в исландской рукописи, возможно сделанное Хьялти Торстейнссоном, XVII в. Фото Йоханны Олафсдоттир, изображение предоставлено Институтом исландских исследований имени Арни Магнуссона.
24. Церковь Покрова на Нерли, Владимир, ок. 1160 г. © [www.123rf.com/Elena Shchipkova](http://www.123rf.com/Elena_Shchipkova).
25. Святая Анна обучает Деву Марию чтению, иллюстрация из французской рукописи, 1430-е гг. Музей Гетти, Лос-Анджелес. Цифровое изображение предоставлено Getty's Open Content Program.
26. Румельская крепость, Стамбул, 1452 г. © www.123rf.com/rogna
27. Колокольня, Брюгге, 1480-е гг. © Jank1000| Dreamstime.com
28. Карлов мост, Прага, конец XIV в. Book Travel Prague.
29. Девичий дворик, Алькасар, Севилья, 1360-е гг. © funkyfood London — Paul Williams/Alamy Stock Photo.

30. Площадь Пия II, Пьенца, Тоскана, 1459–1462 гг. © Siephoto/Masterfile.
31. «Энеа Сильвио Пикколомини отправляется на Базельский собор», Пинтуриккьо, Сиенский собор, 1500-е гг. Библиотека Пикколомини, кафедральный собор в Сиене, Италия/F. Lensini, Siena/Bridgeman Images.

КАРТЫ

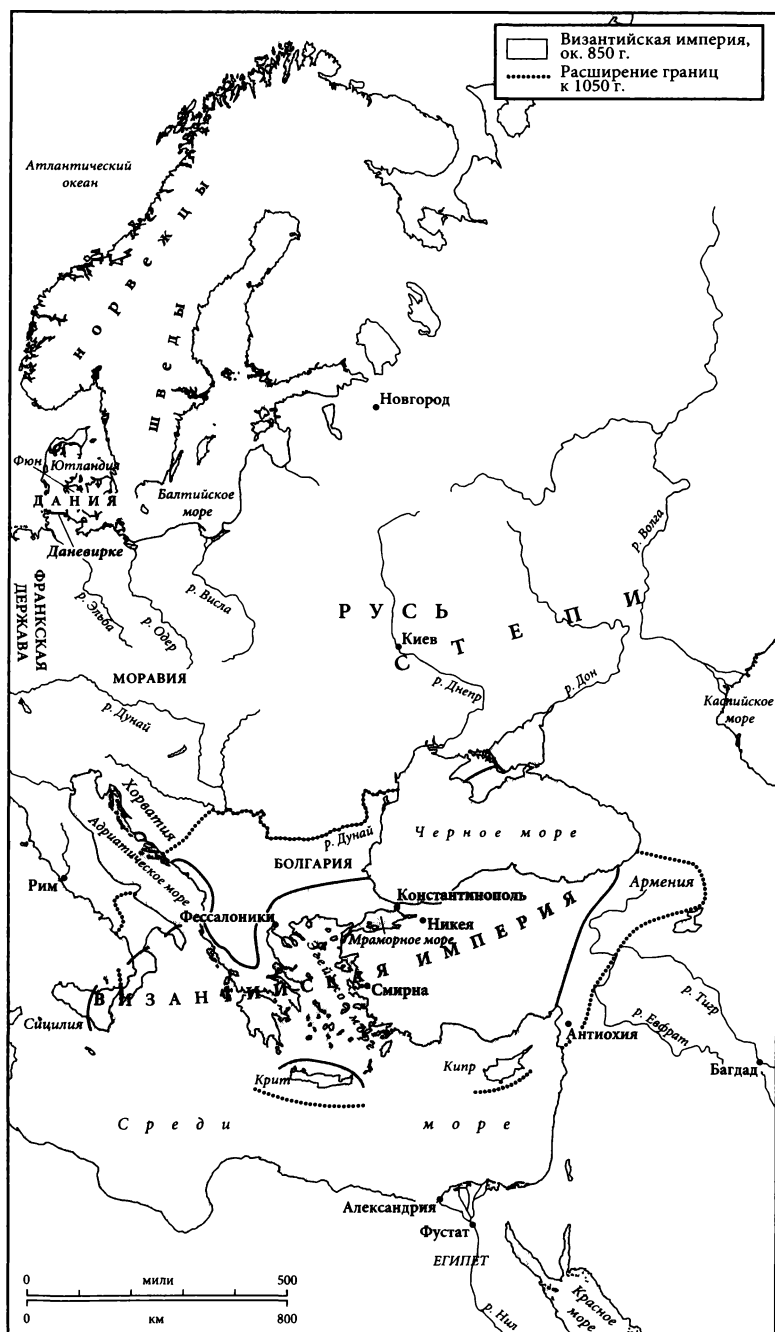
1. Европа в 550 г.
2. Западная Европа в 850 г.
3. Восточная Европа в 850 г.
4. Западная Европа в 1150 г.
5. Восточная Европа в 1150 г.
6. Западная Европа в 1500 г.
7. Восточная Европа в 1500 г.

Карта 1. Европа в 550 г.

Карта 2. Западная Европа в 850 г.

Карта 3. Восточная Европа в 850 г.

Карта 4. Западная Европа в 1150 г.

Карта 5. Восточная Европа в 1150 г.

Карта 7. Восточная Европа в 1500 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь хочу поблагодарить Хизер Маккаллум, которая подала мне идею этой книги и в конце концов убедила написать ее. Она же высказывала критические замечания по черновым вариантам и проверяла все данные в рукописи. Лесли Брубейкер прочитала весь текст и указала места, которые нуждались в правке. Такой же вклад внесли два сочувствующих читателя из Йеля. Многие мои друзья читали отдельные главы: Пат Гири и Майке де Йонг — с первой по шестую, Лесли Абрамс — пятую, Крис Дайер — седьмую, Джон Арнольд — восьмую, Роберт Суонсон — десятую, Линдал Ропер — десятую и двенадцатую, Джон Уоттс — одиннадцатую и двенадцатую. Без их помощи (и суровой критики) я бы не справился, особенно когда добрался до менее знакомых мне периодов Средневековья. Еще ряд людей помогли советами, справочными материалами и поиском литературы — это Питер Косс, Лорена Фьерро Диас, Марек Янковяк, Том Ламберт, Изабелла Ладзарини, Конрад Лейзер, Софи Марнетт, Гедре Мицкунайте, Морин Миллер, Наталия Новаковская, Гельмут Реймитц, Джон Сабапати, Марк Уиттоу, Эмили Уинклер (и это далеко не полный список). Не могу назвать здесь поименно всех, кто случайной репликой, не подозревая, что я делаю мысленную пометку, спасал текст от ошибки, но все выступавшие на семинаре по Средневековью «по понедельникам в пять», который мы с Марком Уиттоу ведем в Оксфорде уже 11 лет, так или иначе внесли свой вклад в эту книгу. Кроме того, я хотел бы сказать спасибо RAE₂₀₀₈ и REF₂₀₁₄* за интеллектуальный стимул: благодаря им я ознакомился с авто-

* Программа оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях. —

ритетными материалами широкой тематики, которые иначе прошли бы мимо меня. Многие из этих книг и статей включены в библиографию.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СРЕДНИЕ ВЕКА

Эта книга посвящена переменам. Так называемое Средневековье длилось 1000 лет — с 500 по 1500 год, — и Европа конца этого периода сильно отличалась от той, что была в начале. Раннее Средневековье было проникнуто влиянием Римской империи, которая объединяла половину Европейского континента, но резко отсекала ее от другой половины. По прошествии 1000 лет Европа в целом уже обрела те контуры, которые сохраняются и поныне: в том или ином виде в ней сформировалось большинство нынешних независимых государств. Задача этой книги — проследить ход перемен и показать их значимость. Однако сосредоточимся мы не на результатах. Многих авторов трудов о Средневековье заботит в первую очередь происхождение нынешних государств и другие аспекты «современности» в их понимании, поэтому для них смысл средневекового периода заключен именно в результатах и итогах. Мне это кажется в корне ошибочным. История лишена целесообразности, историческое развитие не стремится к чему-то, а отталкивается от чего-то. Более того, с моей точки зрения, бурный период Средневековья представляет самостоятельный интерес и его не обязательно рассматривать через призму последующих событий. Надеюсь, моя книга послужит убедительным тому доказательством.

Это отнюдь не значит, что средневековая история Европы представляет собой водоворот событий, не имеющих никакой логической связи, кроме принадлежности к произвольно выбранному

тысячелетнему временному отрезку. Вовсе нет. Средние века размечены четко обозначенными переломными моментами, из которых и складывается этот исторический период. Падение Западной Римской империи в V веке, кризис Восточной Римской империи, столкнувшейся с подъемом ислама в VII веке, экспериментальный проект Каролингов по созданию высокодуховного государства на рубеже VIII–IX веков, распространение христианства в Северной и Восточной Европе в X веке (преимущественно), радикальная децентрализация политической власти на Западе в XI веке, демографический и экономический рост с X по XIII век, восстановление политической и религиозной власти на Западе в XII–XIII веках, закат Византии в тот же период, Черная смерть и развитие государственных органов в XIV веке, вовлечение более широких слоев населения в публичную сферу на рубеже XIV–XV веков — вот перечень основных, на мой взгляд, переломных моментов, каждому из которых будет посвящена отдельная глава книги. Эти вехи связывала между собой череда структурных изменений: среди прочего, упадок и последующее возрождение понятий общественной власти, переход от налогообложения в качестве основного источника государственных ресурсов к землевладению и обратно, влияние письменности и грамоты на политическую культуру, развитие во второй половине Средневековья законодательно закрепленных и четко очерченных моделей местного управления и самоопределения, под влиянием которого изменились взаимоотношения правителей и подданных. Эти изменения мы также будем разбирать. Однако углубляться в микроисторию социумов и культур и подробно рассказывать об исторических событиях, происходивших в отдельных странах, нам попросту не позволит объем книги. Перед вами аналитическая работа о Средних веках, а не учебник истории — их сейчас предостаточно, в том числе совершенно великолепных, поэтому пополнять их собрание нет нужды¹. Разумеется, в каждой главе, чтобы не быть голословным, я освещу в той или иной степени политические события обозначенного периода, особенно для читателей, которые обращают

ся к Средним векам впервые. Однако основное внимание будет сосредоточено на переломных моментах и всеобъемлющих структурных особенностях, показывающих, чем, на мой взгляд, прежде всего характеризуется и чем интересен средневековый период. Именно они станут предметом анализа.

Отмечу также, что мой перечень переломных моментов не совпадает с исторической канвой, которую открыто или исподволь намечают многочисленные хроники европейского Средневековья. С распространенной по сей день точки зрения, Европа, которую спасают от морального разложения «Григорианские реформы» XI века, от невежества — «Возрождение XII века», от бедности — фламандское ткачество и венецианское мореходство, от политического упадка — формирование государств Генрихом II и Эдуардом I в Англии, Филиппом II и Людовиком IX во Франции, Альфонсо VI и Фердинандом III в Кастилии, достигает расцвета в «зрелом Средневековье» XII–XIII веков с его крестовыми походами, рыцарским кодексом, готическими соборами, Папской областью, Парижским университетом и Шампанскими ярмарками, а после 1350 года приходит в упадок (чума, войны, церковные расколы и культурная неопределенность), преодолеть который помогает философия гуманизма и радикальная реформа Церкви. Такой интерпретации вы здесь не найдете. Она представляет в неверном свете позднее Средневековье и полностью оставляет за скобками начало Средних веков и Византию. Кроме того, она слишком проникнута уже раскритикованным мной стремлением увязать Средневековье, по крайней мере начиная с 1050 года, с современностью. Это отголосок не изжившего себя, вопреки уверениям историков, желания искать в истории мораль, славные времена, героев и злодеев.

Такое морализаторство для многих оправдано самим понятием «средневековый». У этого термина любопытная история. Изначально он имел пренебрежительный оттенок, который отчасти сохраняется и в наши дни. Со времен Римской республики люди противопоставляли себя, современных — *moderni* на латы-

ни — древним, *antiqui*, «античным». Однако в XIV–XV веках ученые, которых мы называем гуманистами, начали применять термин «античный» к римским и предшествующим классикам, преемниками которых они себя считали, а предположительно уступавших им в мастерстве писателей промежуточного тысячелетия относили к периоду, который к XVII веку все чаще стали называть «Средними веками», *medium aevum*. В XIX веке термин, прижившись, распространился и на другие области — «средневековое» правительство, экономику, Церковь и так далее в противовес так же выпестованной в XIX веке идее Возрождения, с которого, как следовало полагать, и началась «современная» история¹. Такое Средневековье — всего лишь условность, подтасовка, совершенная горсткой ученых. Однако представление это крепло по мере того, как нарастали все новые и новые слои «современности».

С 1880-х годов, когда подача исторического материала стала более профессиональной и постепенно возникла специализация на отдельных периодах, начали появляться и положительные взгляды на средневековое прошлое. Иногда они были проявлением защитной реакции — например, попытки изучающих то или иное столетие Средневековья провозгласить собственный «ренессанс» («ренессанс XII века», «каролингский ренессанс» и пр.), обеляющий «их» период в глазах презрительно фыркающих специалистов по Новому времени. Иногда обретали фанатичный оттенок — когда католические историки превозносили религиозную чистоту Средневековья, а историки-националисты норовили именно в этом периоде найти истоки безоговорочного превосходства собственной страны. В Средних веках, далеких и местами очень плохо документированных, удобно выискивать подтверждение любым домыслам XX века, и в результате подобные взгляды предстают такими же далекими от реальности, как и заявления некоторых гуманистов. Однако параллельно уже больше столетия ведется упорная эмпирическая работа, благодаря которой тысячелетие Средневековья проступает более четко и ясно во всей своей сложности и очаровании. Специалисты

по Средневековью зачастую сами не знают, сколь многим обязаны рвению историографов-националистов. Английские историки до сих пор склонны во главу угла ставить развитие английского государства — первого в Европе, а значит, подтверждающего исключительность англичан; немцев волнует *Sonderweg* — «особый путь», помешавший формированию такого государства у них, тогда как итальянские историки в распаде итальянского королевства ничего страшного не видят, ведь именно он подарил итальянским городам независимость и обусловил развитие культуры, с которой и началось Возрождение — самое что ни на есть итальянское³. Однако сегодняшняя глубина и многосторонность исследований Средневековья позволяют выдвинуть альтернативу этим взглядам и с легкостью обходить их.

Одной проблемой меньше — но возникает другая. Если мы отказываемся от образа Средних веков как долгого мрачного безвременья, полного беспричинного насилия, невежества и суеверий, как отличать этот период от предшествующего и последующего? Начало его обозначить в какой-то степени проще, поскольку традиционно оно увязывается с политическим кризисом, вызванным падением Западной Римской империи в V веке — поэтому за приблизительный рубеж Античности и Средневековья берется 500 год. Независимо от того, считаем ли мы Римскую империю в каком бы то ни было смысле «лучше» западных преемников, те бесспорно отличались большей раздробленностью, структурной слабостью и простотой экономики. Поиски рубежа осложняются тем, что Восточная Римская империя, которую мы сейчас называем Византией, существовала еще долго, поэтому для юго-востока Европы 500 год за отправную точку брать бессмысленно. В самом деле, даже на Западе этот перелом коснулся лишь ряда нынешних европейских стран, самыми крупными из которых были Франция, Испания, Италия и юг Британии, поскольку в Римскую империю никогда не входили Ирландия, Скандинавия, большая часть Германии и основная масса славянских государств. Осложняет задачу установления границы и то, что за последние четверть века истори-

кам удалось выявить значительную степень преемственности между периодами до и после 500 года, особенно в культурной области — в религиозных представлениях, в концепции общественной власти, — благодаря чему «позднейшая Античность» присутствовала местами до 800 года и даже до XI века. Это соотношение перемен и преемственности затушевывает перелом, наступивший после падения империи. Однако 500 год (плюс-минус полвека) по-прежнему остается удобной отправной точкой и, по крайней мере для меня, маркером коренных перемен на столь многих уровнях, что закрыть на них глаза невозможно.

С 1500 годом (плюс-минус полвека, по такому же принципу) дела обстоят сложнее: перемен было меньше или, по крайней мере, предполагаемые маркеры начала «современного», Нового времени не обладали достаточной значимостью. Окончательное покорение Византии османами в 1453 году мир не потрясло, поскольку к тому времени когда-то огромная империя уже распалась на отдельные провинции на территории нынешней Греции и Турции, и к тому же османы довольно успешно сохраняли политическое устройство Византии. «Открытие» Америки Колумбом — точнее, покорение ее крупнейших государств испанскими завоевателями в 1520–1530-х — несомненно оказалось катастрофой для американского коренного населения, однако Европа (за исключением Испании) последствия этого завоевания ощутит еще очень не скоро. В гуманистической философии, ставшей интеллектуальной почвой Возрождения, все сильнее проступают средневековые черты. Остается протестантская Реформация, тоже пришедшаяся в основном на 1520–1530-е (и последующая католическая контрреформация), как религиозно-культурный перелом, расколовший Западную и Центральную Европу и создавший два зачастую противоборствующих блока — существующих по сей день — с постепенно расходящимся культурно-политическим укладом. Это был бесспорно серьезный и относительно неожиданный раскол, пусть и слабо отразившийся на православном христианстве Восточной Европы. Однако, если подводить черту под европейским Средне-

вековьем именно Реформацией, выходит, что мы начинаем Средние века экономико-политическим кризисом на фоне культурно-религиозной преемственности, а заканчиваем культурно-религиозным кризисом на фоне относительной стабильности политики и экономики. Во всем определении Средних веков имеется некая искусственность, от которой нам никуда не деться.

Тем не менее, признав это, мы получаем возможность заново подступиться к вопросу рассмотрения Средних веков как единого целого. Разумеется, можно подыскать конечный рубеж и получше, чем 1500 год, — например, 1700-й с его научными и финансовыми переворотами или 1800-й с его политическими и промышленными революциями. Эти даты предлагались уже не раз. Но такой подход означает, что какую-то из перемен придется признать первостепенной и отодвинуть остальные на задний план. Это значит придумывать новые границы, а не сопоставлять. Прелесть сохранения традиционной периодизации именно в искусственности вех в виде 500 и 1500 годов, поэтому на ограничиваемом ими историческом отрезке можно отслеживать на разных территориях параллельные изменения, не обязанные служить предпосылками некоего крупного исторического события — Реформации, революции, индустриализации или любого другого признака «современности». И еще необходимо добавить, что эта периодизация полезна и для более широких сравнений, хотя я такого рода задачи перед собой не ставил. Наши с вами современники, занимающиеся историей Африки, Индии, Китая, часто недовольны ярлыком «средневековый», который тянет за собой европейские ассоциации и, что гораздо серьезнее, подразумевает непременное превосходство Европы, что у большинства нынешних историков вызывает отторжение. Но если признать искусственность границ, средневековый европейский опыт можно применять для сравнения, сопоставлять с другими вариантами развития в более нейтральном ключе, а значит, с большей пользой⁴.

На самом деле «Европа» — понятие тоже довольно условное. Это просто полуостров Евразийского материка, как и Юго-Вос-

точная Азия⁵. С северо-востока его отделяют от великих азиатских государств российские леса и необжитые сибирские пространства, однако проходящий южнее коридор степей, который от Украины тянулся на запад до самого сердца Европы, Венгрии, во все времена приводил из Азии неутомимые орды кочевников — сперва гуннов, затем болгар и монголов. Крайне важно также, что Южная Европа в любую эпоху неотделима от Средиземноморья и немыслима без экономических связей (даже при отсутствии политических и культурных уз) с соседними областями — Западной Азией и Северной Африкой. При Римской империи объединенное водным пространством Средиземноморье представляло собой гораздо более значимый предмет изучения, чем «Европа», разделенная между Римом на юге и скопищем «варварских» племен (как их называли римляне) на севере. И разделение это сохранялось долго: христианская религия и постримские принципы управления начали распространяться на север от прежней римской границы не раньше 950 года. К тому времени Средиземноморье уже возрождалось как центр торговли и до конца Средних веков не уступало по важности северным каналам торгового обмена⁶. А Европа ни до, ни после не была цельной политической единицей.

Разумеется, Европа как понятие существовала и в Средние века. В IX веке государями «Европы» иногда называли своих монархов приближенные ко двору Каролингов, правивших на территории нынешней Франции, Германии, Нидерландов и Италии, а затем придворные в оттоновской Германии X века: своих сюзеренов они прочили на роль верховных владык аморфных, но обширных земель, которые удобно было называть «Европой». В этом риторическом значении понятие существовало все Средние века наряду с базовыми географическими представлениями, пришедшими из Античности, однако на нем редко (это не значит, что никогда) строились заявления о национальной принадлежности⁷. Да, в середине Средних веков христианство постепенно распространилось по всей территории нынешней Европы (последними в конце

XIV века крестились правители Литвы, намного превосходившей размерами сегодняшнюю). Однако к формированию общеевропейской религиозной культуры это не привело, поскольку распространение на север латинского и греческого обрядов христианства представляло собой два разных процесса. Более того, из-за непостоянства границы между христианскими и мусульманскими владениями — христианские правители в Испании XIII века отодвигали ее на юг, а мусульманские (османы) в XIV–XV веках — на север, в Балканы, — понятие «христианской Европы» (не учитывавшее многочисленных европейских евреев) никогда не совпадало с действительностью и не совпадает по сей день. В самом общем смысле, как мы еще увидим, во второй половине интересующего нас периода Европа все-таки достигла определенного единства развития в рамках разнообразия институтов и политических укладов, выраженного в системе епархий или в опоре на письменную документацию в государственном управлении и пронизывающего ее от Руси до Португалии. Тем не менее этого недостаточно, чтобы считать данный континент единым целым. Слишком отличались друг от друга его страны. Все заявления об основополагающем европейском, и только европейском единстве беспочвенны даже сегодня, а применительно к Средним векам это не более чем вымысел. Так что средневековая Европа — это просто обширное неоднородное пространство, рассматриваемое на протяженном временном отрезке, а кроме того, достаточно хорошо документированное, чтобы можно было вести разносторонние исследования. Ничего романтического в этом образе нет и не предполагалось. Однако увлекательного материала на этом пространственно-временном интервале хватает, и моя задача — его структурировать.

И последнее, о чем необходимо предупредить. Есть два распространенных подхода к Средневековью: представлять людей того времени «такими же, как мы», просто живущими в технологически менее развитом мире (мечи, лошади, пергамент и никакого центрального отопления), — или показывать их бесконечно далекими от нас, носителями совершенно непостижимых ценностей и миро-

воззрения, часто неприемлемых для нас и требующих значительной перестройки сознания, чтобы посмотреть на происходившее с точки зрения средневековой логики и мотивов. Оба подхода в той или иной степени верны, но если ограничиться лишь одним из них, он превращается в ловушку. Первый чреват скатыванием в банальность или морализаторство, проистекающее из досады на средневековых персонажей, которые почему-то упорно не понимают того, что нам кажется очевидным. Второй также опасен морализаторством, но гораздо больше — увлеченностью на грани умиления, когда историк-антрополог закапывается в восхитительно непривычном и непохожем, иногда на уровне очень мелких деталей. Я бы попытался совместить эти два подхода и под более широким историческим углом взглянуть на то, как представители Средневековья принимали решения в реально существовавших политико-экономических условиях, исходя из реально исповедовавшихся принципов, «сами делая свою историю, но делая ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁸. Маркс, которого я только что процитировал, не предполагал вживания в анализируемый исторический период, и я этого также не предполагаю, однако понимать мотивы различных деятелей в очень непохожем на наш, но все же не совсем неузнаваемом мире этот анализ и в самом деле требует. Как и история в целом. Как ни важно осознавать, что 980-е действительно отличались от нынешней эпохи и что для постижения тогдашних моральных принципов и политической логики необходимы определенные умственные усилия, то же самое не лишне бывает учитывать и применительно к 1980-м.

Оставшуюся часть вводной главы я хотел бы посвятить основным характеристикам организации и функционирования средневекового общества, проливающим свет на разные модели поведения и политические векторы, которые предстанут перед нами в этой книге. Сперва я обрисую особенности политики, преимуществен-

но середины средневекового периода, а затем коснусь экономики и основных особенностей средневековой культуры. Это не значит, что в Средневековье все мыслили и действовали одинаково; различия, как и всегда, были огромны, однако присутствовали и достаточно широко распространенные общие черты, отчасти обусловленные, как мы еще убедимся, базисными социально-экономическими моделями, характерными для всего периода.

Передвигаться по средневековой Европе было непросто. Сеть унаследованных от Римской империи дорог заканчивалась на римской границе, проходившей по Рейну и Дунаю, а в оставшейся части Германии, не говоря уже об областях, расположенных севернее и восточнее, их долгое время почти не существовало, и путешественники старались по возможности выбирать для перемещения водный путь и речные долины. Поскольку карт также не было, прокладывать новые пути рисковали только опытные и бывалые. Учитывая, что высокими горами — кроме Альп — Европа похвастаться не может, основную преграду представляли леса, покрывавшие большую часть континента, за исключением Британии и некоторых средиземноморских областей — около 50% нынешней Германии, около 30% нынешней Франции и еще более значительную часть Восточной Европы. Храбрые портняжки из сказок братьев Гримм, теряющиеся в дремучем лесу, — совсем не вымысел. В 1073 году германский император Генрих IV, стремительно отступая под напором великого саксонского восстания, вынужден был укрыться в лесу, поскольку дороги караулили саксонцы, и три дня скитался, голодая, прежде чем ему удалось вновь выйти в обжитые места. При этом даже по дорогам добраться куда-либо быстро не представлялось возможным. Когда тот же Генрих IV, уже одержав победу над саксонцами, в 1075–1076 годах вступил в политическое противоборство с папой Григорием VII, вскоре переросшее в обмен угрозами низложения, послания из южной Саксонии, а затем Утрехта (сейчас Нидерланды), где находился Генрих, шли до Рима почти месяц — и это с гонцами, самым быстрым способом связи до появления в XIX веке железных дорог⁹. Ландшафт таил

в себе опасности, горы слыли не воплощением красоты и романтики, а, скорее, прибежищем демонов и (в Скандинавии) троллей.

Однако не стоит думать, что повсюду царил дикость. Она присутствовала в качестве фона и порой даже прорывалась на передний план, но ничуть не мешала некоторым европейским государствам достигать достаточно крупных размеров, причем стабильно. Каролингская империя, как мы уже знаем, занимала половину Западной Европы, и почти так же далеко простиралась на землях нынешней России и Украины в XI веке власть Киевских князей, притом что к северу от степей почти все пространство покрывали леса. Люди путешествовали. Правители нередко все свое царствование проводили в походах — английский король Иоанн Безземельный (1199–1216)* проезжал в среднем 20 километров в день, редко задерживаясь на одном месте дольше чем на несколько ночей¹⁰. Крупным армиям доводилось преодолевать расстояния в тысячу и больше километров, как, например, во время кампаний германских императоров в Италии в X–XIII веках или пеших походов и морских плаваний крестоносцев, отправлявшихся завоевывать Палестину или Египет. Независимо от прочих результатов, с точки зрения логистики это был несомненный успех. Перемещалось и мирное население, пусть медленнее, — в частности, в ходе миграции германцев на обширные земли Восточной Европы после 1150 года. Итак: разумеется, нужно учитывать, что европейское пространство в целом было очень локализованным. Большинство средневековых европейцев действительно представляли себе окрестности лишь в пределах пары селений — обычно до ближайшего рынка. Где-нибудь на окраине королевства граф — то есть представитель короля в данной местности — мог зачастую какое-то время творить что заблагорассудится, поскольку король не имел возможности остановить его, а иногда и вовсе не подозревал о происходящем. Затрудненность сообщения сильно осложняла дело. Однако в конце концов правитель, если он чего-то стоил,

* Все даты в скобках после имен правителей обозначают годы правления. —

Прим. авт.

появлялся с войском (или присылал других графов приструнить зарвавшегося), и графы об этом помнили — что пресекало по крайней мере открытое вероломство. Были и другие механизмы управления, позволявшие распространить власть правителей довольно далеко и довольно надежно. Их мы рассмотрим в последующих главах. А в этой затронем некоторые основные правила осуществления политической власти, действовавшие почти на всем протяжении интересующего нас периода. Проиллюстрирую их на конкретном примере, а потом разберем его значение.

Летом 1159 года король Англии Генрих II (1154–1189) заявил права на южнофранцузское графство Тулузское. Генриху уже принадлежала почти половина Франции, герцогства и графства от Нормандии на севере до Пиренеев на юге, доставшиеся ему от родителей и в приданое от супруги Алиеноры, наследницы большого южного герцогства Аквитания. Наследственные притязания Алиеноры распространялись и на Тулузу, но сперва Генриху нужно было преодолеть сопротивление графа Тулузского. Всеми своими французскими землями Генрих владел, в 1158 году присягнув на верность французскому королю Людовику VII (1137–1180) и взяв на себя обязательство защищать его жизнь, однако Людовик, чья непосредственная власть ограничивалась Парижским регионом, не мог тягаться с Генрихом в военной мощи. Летом Генрих вторгся в Тулузу с огромным войском, вероятно самым многочисленным из когда-либо им собранных: в походе приняли участие большинство подчинявшихся ему крупных английских и французских баронов и даже король Шотландии Малкольм IV, принесший ему вассальную присягу. Людовик не мог допустить дальнейшего расширения власти Генриха, а кроме того, граф Тулузы Раймунд V был его зятем, поэтому его требовалось поддержать, но как? Людовик прискакал в Тулузу с довольно немногочисленным сопровождением (и потому быстро), и, пока Генрих двигался туда с войском, король Франции укрепился в городе и начал организовывать оборону. Вполне возможно, Генрих взял бы город, несмотря на его укрепления, но теперь за стенами Тулузы находил-

ся его сюзерен. В одном источнике той эпохи говорится, что «он не пожелал осаждать Тулузу из почтения к королю Людовику Французскому, оборонявшему город от короля Генриха», а в другом (автор которого не был согласен с действиями Генриха), что он принял совет не нападать «из пустого предубеждения и преклонения». Иными словами, Генрих оказался в тупике. Если он нападет на сюзерена, которого поклялся защищать, чего будут стоить клятвы его собственных баронов в верности ему самому? И что он будет делать с плененным королем, оставаясь его вассалом? Поэтому он не стал нападать и, основательно разорив за лето окрестности, попросту отступил. Генрих, один из двух самых могущественных монархов Западной Европы, не рискнул прослыть клятвопреступником и предпочел пожертвовать (и это была крупная жертва) репутацией полководца¹¹.

Решающую роль в этой ситуации сыграли личные взаимоотношения Генриха и Людовика. Они строились на церемониальных обязательствах — клятвах, вассальной присяге (официальном признании личной зависимости) — и очень тесно были связаны с понятием чести, а также принципами феодальной иерархии. В соответствии с этими принципами Генрих правил как вассал от имени короля Франции десятком французских графств и герцогств со всеми угодьями — тогда как в Англии, своем богатейшем и самом сплоченном владении, он был полновластным правителем и сюзереном. Перед нами пример так называемого военного феодализма: крупная знать и рыцари несли военную службу и хранили политическую верность сеньору в обмен на пожалования в виде земель или должностей от короля или сеньоров рангом пониже королевского и за нарушение клятвы могли этих пожалований лишиться. Находящихся в таком подчинении называли вассалами, а получаемые в условное пользование владения — феодами или ленами; отсюда термины «феодальный» и «вассальный» в современной исторической науке. Французские земли Генриха в источниках того периода часто называются *feoda*, бароны Генриха тоже явились в Тулузу главным образом как его вас-

салы, держатели пожалованных Генрихом земель. Между тем термин «феодализм» в последнее время вызывает много вопросов. Как отмечает Сьюзен Рейнольдс, военные и политические обязательства, равно как и понятия вроде «лен», редко отличались четкостью и однозначностью, особенно во Франции XII века. Многие критики подчеркивают, что слово «феодализм», не употреблявшееся непосредственно в Средние века, в устах современных авторов может принимать самые разные значения, становясь в результате бессмысленным и потому бесполезным. Мне же кажется, что смысл в нем по-прежнему есть — при наличии точного определения¹². Если в данной книге я к этому термину прибегаю редко, то лишь потому, что стараюсь здесь максимально избегать специализированной лексики, а не потому, что он в чем-то заведомо проблематичнее других используемых историками терминов. Как бы то ни было, действия Генриха под Тулузой были продиктованы тем, что Людовик выступал сеньором Генриха в его французских владениях, а Генрих обладал таким же статусом по отношению к собственным баронам. Вассалитет, независимо от того, именовать ли его феодальным, бесспорно повлиял на исход этого противостояния.

В значительной мере такое положение дел было обусловлено тем, что высшее сословие несло военную службу не за плату. Услугами наемников в XII веке пользовались, наемной была основная масса пехоты (в том числе в войске Генриха в 1159 году), однако конники и военачальники, даже если и получали частичную оплату, имели, прежде всего, личные обязательства либо перед королем, либо перед сеньором, а то и перед тем и другим одновременно¹³. В Римской империи армия, намного превосходившая размерами средневековые и к тому же регулярная, была полностью наемной. Для ее содержания приходилось взимать высокие налоги с земледельцев, поскольку основным источником государственных доходов была земля. Тем самым обеспечивалось единство государства, и в основном именно упразднение прежней налогово-бюджетной системы (см. главу 2) привело к тому, что раннесредневеко-

вые преемники Римской империи не могли тягаться с ней в могуществе. Аналогичным образом функционировали Византийская и Османская империи, сохраняя преемственность в Юго-Восточной Европе на всем протяжении Средних веков, как будет показано в главах 3 и 9. В конце Средневековья общее налогообложение вернется и в Западную Европу, хотя и уступая римскому масштабам и эффективностью. С одной стороны, оно реструктурирует ресурсы правителей, а с другой — создаст новые сложности: в частности, вынудит монархов заручаться согласием представителей знати и горожан, которым предстояло нести бремя финансирования армии (точнее, перекладывать его на своих крестьян). Из глав 11 и 12 станет ясно, как это сказалось на политической динамике позднесредневекового Запада. Однако в XII веке во Франции и почти на всем протяжении Средних веков в большей части Европы земельный налог взимался разве что в виде мелких податей. В результате армии формировались за счет военных обязательств землевладельцев или за счет раздачи земель, на которых могли селиться военные, а при использовании наёмников — за счет выплаты им жалованья из доходов от земельных ресурсов королей или графов, а также из отступных, которыми откупались землевладельцы, не желавшие служить. В этих условиях воинская служба (а значит, и комплектование армии) в значительной степени зависела от личных взаимоотношений, связанных с владением землей.

Эту политику землевладения подробно — с непревзойденной взвешенностью — анализировал великий французский историк Марк Блок в 1940 году. (Он называл это базирующееся на землевладении общество феодальным, не сводя определение термина к феодам и вассалам.) Блок доказывал, что феодальное общество подразумевает «раздробленность власти»: оно способствует децентрализации политического устройства, потому что (это упрощенное изложение мысли Блока) при изначальной ограниченности владений чем больше вы раздаете, тем меньше остается вам, и в будущем одеваемая землями знать может утратить готовность

повиноваться, если вам станет нечего жаловать¹⁴. Как мы увидим ниже, дело обстояло не совсем так, особенно в раннем Средневековье. Например, Каролингам отсутствие налогообложения не помешало править весьма обширной по любым более поздним меркам территорией. Тем не менее нельзя отрицать, что государства, полагающиеся на налогообложение, всегда намного устойчивее тех, что вознаграждают за военную службу или политическую лояльность земельными наделами. Наемные военные и чиновники надежнее жалуемых земель — провинившимся и некомпетентным можно просто перестать платить. Правитель, средства которого проистекают исключительно от землевладения, вынужден, если ему (гораздо реже — ей) хочется добиться политического успеха, действовать с оглядкой, особенно в отношениях со знатными военачальниками, у которых сложно будет отобрать угоды. Этим отличалось большинство средневековых политических укладов.

Может показаться, что мы уклонились от обсуждения политической деятельности и неоправданно перескочили на военную службу. Однако в интересующий нас период граница между ними была стерта. На протяжении всего Средневековья управление государством покоилось на двух «китах» — организации закона и порядка и военном деле. Политическая верность была неотделима от готовности сражаться, и поэтому земельная аристократия в Средние века почти всегда имела военную выучку и принадлежала к военному сословию, в чем мы еще не раз убедимся. Хотя военные победы и справедливость правителей (в том числе способность заставить противника признать поражение, охватывающая оба аспекта) часто воспевались как источник экономического благополучия государства — при этом стихийное бедствие могли счесть карой за несправедливость государя, — ответственности за экономическое развитие от них никто не ждал. Забота о бедняках возлагалась на местную общину и церковную благотворительность, за образование платили в частном порядке, за лечение тоже. Ограниченность государственной сферы в Западной Европе и ее прочная привязка к личным взаимоотношениям дала некоторым

влиятельным историкам повод заявить о бессмысленности применения термина «государство» к средневековым политическим образованиям¹⁵. Как будет видно из последующих глав, я это мнение не разделяю и буду доказывать, что и полномочия королей раннего Средневековья, и усложняющиеся системы управления начиная с XIII века вполне можно характеризовать как государственную власть. Соответственно, термин «государство» будет применяться в данной книге к большинству европейских политических систем, за исключением самых примитивных, существовавших в северной части континента. Однако, независимо от характеристик, сфера полномочий этой власти в самом деле была ограниченной.

Вернемся к Генриху II и Людовику VII: в 1159 году феодальное землевладение находилось в расцвете. Генрих даже намеревался упразднить в Англии остатки земельного налога, который английские короли, единственные в католической Европе, собирали уже больше века¹⁶. Может быть, он хотел устранить тем самым повод к возникновению оппозиции, а может, очевидным образом сознавал, что в заведомо конечной игре с пожалованием земель у него уже достаточно ресурсов, чтобы рассчитывать на преданность и благодарность костяка своей знати, как французской, так и английской. На Пасху и в Рождество, а также в другие праздники эта знать созывалась ко двору короля и принимала участие в церемониях. Церемониальная культура, формировавшаяся вокруг Генриха II и других правителей, имела собственный этикет и правила игры и также способствовала укреплению верноподданничества¹⁷. И в целом относительно устойчивости своего положения Генрих был прав. Но даже он не рискнул рубить сук, на котором сидел — то есть принцип вассальной верности, — и нарушить свою клятву, принесенную Людовику. Как мы видим, вассально-ленные отношения не обязательно влекли за собой циничные маневры землевладельцев, только и ждущих возможности обособиться от теряющего власть правителя. Обязательства, связанные с принятием земли в дар, а также понятие чести, неотделимое от понятия верности,

также имели значение. Запятнавшему себя бесчестьем трудно было смыть позор, поэтому действовать следовало с осторожностью, и в политике Средних веков очень многое зависело от того, чтобы не приблизиться к той грани, за которой ты опорочишь себя окончательно и бесповоротно, — к этому моменту я очень скоро вернусь. Более того, в XII веке права дворян и обязательства, накладываемые клятвой верности, формулировались четче, о чем прекрасно знали и не упускали возможность воспользоваться этим в других ситуациях и Людовик, и Генрих. Может быть, некоторые дворяне того времени и решались рисковать клятвами и честью, но Генрих был слишком опытным игроком, чтобы пойти на это. Как бы то ни было, отношения власти, в рамках которых разыгрывались эти вассальные игры, целиком и полностью складывались вокруг земельного держания. Разобравшись в этой системе, мы значительно продвинемся в понимании средневековой европейской политики, поскольку не охваченными ею оставались только более сильные государственные системы Византии, Османской империи и Аль-Андалуса — мусульманской Испании.

Теперь обратимся к экономике. Основную идею, которая красной нитью пройдет через всю книгу, можно изложить в двух словах. Как мы уже видели, для средневековых политических образований главным фактором единства и процветания выступало владение землей. Причина проста: любое доиндустриальное общество зависит в первую очередь от сельскохозяйственного производства. Ничего даже отдаленно похожего на фабрики не существовало ни в Средние века, ни долгое время после. Ремесленники, иногда вполне многочисленные, трудились и в городах Египта X века, и в северной Италии и Фландрии XIII столетия, кустарным способом производя ткани или металлические изделия в количестве, достаточном для продажи на ярмарках по всей Европе, однако доступные им технологии все равно уступали производственным возможностям будущего. Но самое главное — ремесленники составляли очень ограниченную долю населения: после 1200 года

в европейских городах, часто крошечных, проживало не более одной пятой всего населения Европы, а до того — еще меньше. (Точные цифры лежат в области предположений, поскольку данных у нас нет, однако на пропорцию ориентироваться можно. Подробнее мы обсудим это в главе 7.) Кроме того, примерно с 950 года велась добыча железа и серебра для чеканки европейских монет, однако в этой отрасли занятость была еще ниже. Большинство населения — свыше четырех пятых в раннем Средневековье и немногим меньше в более поздние времена — составляло крестьянство: эти люди трудились непосредственно на земле в условиях натурального хозяйства, на более или менее фиксированных наделах и в постоянных поселениях (обычно деревнях, иногда на обособленных крестьянских хуторах). На сельскохозяйственную продукцию приходилась основная доля производимого человеческим трудом в Средние века, и поэтому контроль над ней и, соответственно, над землей, ее рождавшей, имел принципиальное значение.

Но кто же распоряжался землей и сельскохозяйственным производством? В некоторых случаях — сами крестьяне, в частности там, где практиковалось крестьянское землевладение, прежде всего в Северной и Восточной Европе, особенно в первой половине средневекового тысячелетия, хотя крестьяне-собственники существовали и на юге, в Испании, Италии и Византии. При этом на территориях, где применялось налогообложение, — как у византийцев и арабов, а в позднем Средневековье и во многих западных королевствах и городах-государствах, — а также там, где власти собирали подати натурой с независимого крестьянства, как первые князья на большей части Восточной Европы, земельные ресурсы отчасти контролировались правителями, даже если те не являлись ее непосредственными владельцами. Однако основная территория Европы всегда принадлежала не представителям крестьянского сословия, а землевладельцам, доходы которых — и неплохие — складывались из ренты, взимаемой с крестьян-арендаторов. (До 1200 года наемный труд на земле был крайней редкостью.) Землевладельцами были представители военного дво-

ряньства, о чьей верности (или неверности) государю мы говорили выше, и крупные церкви (на церковные земли могло приходиться до трети общей площади королевства), и именно они составляли аристократическую верхушку Европы. Также землевладельцами были и сами короли, поэтому, если они не прибегали к налогообложению, доходы поступали к ним главным образом от земель, находившихся в их непосредственном владении. Соответственно, богатство феодалов — короля, духовной и светской знати — обеспечивалось тем, что можно было взять с крестьянства — силой или под угрозой ее применения.

Это, разумеется, не означало, что каждый бушель зерна выбивали силой. У феодалов просто не хватило бы дружины, учитывая, что крестьяне составляли большинство населения. На деле крестьяне, как правило, соглашались на арендную плату, а господа зачастую исходили из того, что со временем уговор перерастет в обычай и его уже не изменишь. Однако выплату ренты гарантировало наличие у господина возможности силового воздействия — дружины, которой он командовал. Сбор ренты проходил под надзором вооруженного отряда (как и сбор налогов, вызывавший еще большее неприятие у населения). Протесты крестьян, сами по себе достаточно бурные, скажем против произвольного повышения ренты и податей, разумеется, жестоко подавлялись. У строптивых крестьян изымали и уничтожали продукцию, применяли к ним побои, отрубание конечностей, пытки. И если последние вызывали у авторов средневековых источников явное отторжение, то к побоям и увечьям они обычно относились более снисходительно. (Исторические документы в большинстве своем написаны церковниками, которые порицали прегрешения знати, но строптивых крестьян жаловали еще меньше.)¹⁸ Подчеркну: такое происходило не со всеми, но могло произойти, и крестьяне об этом знали. Иными словами, насилие в средневековом аграрном обществе было делом обычным. Иногда крестьяне все равно оказывали сопротивление и даже преуспевали в этом, но в основном они оставались в подчинении у господ.

Часть крестьян была юридически свободна, часть — нет. В разных территориальных областях свобода — де-юре или де-факто (а это было далеко не одно и то же) — означала разное, однако несомненно предполагала полноценное участие свободного крестьянства в общественной жизни — например, в собраниях, игравших большую роль в раннесредневековой политике, — а также возможность воззвать к правосудию. Если такие крестьяне выступали арендаторами, свобода зачастую подразумевала более низкую ренту. Зависимые крестьяне (на латыни называвшиеся *servi* или *mancipia*) разнились между собой еще больше. В древности термин «серв» подразумевал рабство: многие сервы обрабатывали землю на плантациях, пусть и относительно редких ко временам поздней Римской империи, а рабы в качестве домашней прислуги имелись во многих местностях на всем протяжении Средних веков. Однако в общем и целом в средневековый период большинство сервов были крестьянами-арендаторами. Сервы ущемлялись в гражданских правах, по определению распространявшихся лишь на свободных граждан, и не только платили более высокую ренту, но зачастую должны были выполнять неоплачиваемую, считавшуюся унижительной работу. Однако землей они пользовались на схожих со свободными крестьянами условиях, поэтому рабами их не назовешь, и я буду именовать их зависимыми. В каждом селении складывалась довольно сложная внутренняя иерархия между свободными и зависимыми арендаторами, особенно в раннем Средневековье. С течением времени на большей части Европы эта тенденция слабела, общий статус экономически зависимых перекрывал юридические различия, и свободные часто вступали в брак с зависимыми (хотя законом такие союзы долгое время строго воспрещались). Поскольку землевладельцы усиливали гнет и по отношению к свободным арендаторам, обе категории зачастую — начиная примерно с 1000 года — оказывались в схожем юридически зависимом положении, которое часто называется «серваж» (от французского *serf*, происходящего, в свою очередь, от латинского *servus*). В раннем Средневековье крестьянские бун-

ты зачастую возникали из-за попыток перевести свободных крестьян в категорию зависимых. К XI–XII векам гораздо чаще повodom становились непосредственные условия экономической зависимости, к тому времени более распространенной (см. главу 7), и деление на свободных и зависимых играло меньшую роль. Однако значение оно все же имело; например, и в Англии, и в Каталонии после 1200 года имелись свободные арендаторы, не считавшиеся сервами, и отмена серважа в XV веке стала важной переменной¹⁹.

Динамика взаимоотношений землевладельцев и крестьян обуславливала в Средние века не только экономическое, но и социально-политическое развитие. Она обозначала границы, присущие социальному расслоению (см. главу 10), и именно на нее опиралась вся земельная политика, о которой говорилось выше. В последующих главах мы увидим, как менялась эта динамика в разные периоды и при разных обстоятельствах: как в Северной Европе крестьянство теряло свою независимость во второй половине Средних веков (глава 5); как изменился характер сеньориального землевладения в Западной Европе XI века, принеся с собой множество дополнительных повинностей, насильственно взимавшихся с местного крестьянского населения (глава 6); как отразился экономический подъем середины средневекового периода на благополучии крестьян и господ и на выстраивании отношений между ними (глава 7); как возникло и насколько успешным было позднесредневековое крестьянское сопротивление землевладельцам и государству (глава 12). Однако на протяжении всей книги важно учитывать простую истину: богатство и политическая власть строились на эксплуатации крестьянского большинства. Вся экономическая динамика средневекового общественного строя, включая любые изменения, которые мы обычно называем экономическим «развитием» — рост числа и размеров рынков, рост городов и ремесленного производства в расчете в основном на аристократический спрос, — держалась на неравенстве между землевладельцами и крестьянами и на излишках, которые первым удавалось изъять у вторых. Разумеется, это не значит, что крестьяне будут

упоминаться на каждой странице, но почти все, что упоминаться будет, существовало за счет излишков, подневольно отдаваемых в качестве ренты, и забывать об этом было бы ошибкой.

Что касается базовой средневековой культурной парадигмы, тут обобщать сложнее — и сложнее делать выборку. Здесь я обозначу только три аспекта средневековой культуры, включающие в себя представления, несколько более других распространенные на территории Европы, — отношение к чести, полу и религии. Каждый из них еще появится на страницах этой книги и будет разобран подробнее, применительно к конкретным областям и периодам, однако некоторое предисловие необходимо. Как мы уже видели, честь служила мощной движущей силой в политических отношениях в середине Средних веков — как, впрочем, и прежде, и после. Трудно переоценить, насколько важно было сохранять репутацию человека честного и благородного в любой части Европы в любой период для представителя любого средневекового сословия, в том числе крестьянского, даже если другие зачастую считали, что у крестьян чести нет; в том числе и для женщин, даже если окружающие зачастую подразумевали под честью женщины честь ее мужской родни. Обвинения в вероломстве, трусости, воровстве, незаконной половой связи (для женщин), а также положение рогоносца (для мужчин) — все это угрожало потерей чести. Если человека ловили на воровстве, ему грозила смерть (кража, совершаемая тайно, в большей части средневековой Европы считалась хуже убийства, получающего огласку), а если он и оставался в живых, то лишался доброго имени — того, что в позднем Средневековье называлось *fama*, и это значило, что он не мог свидетельствовать в суде, а в некоторых случаях даже и приносить присягу. Это само по себе становилось серьезной проблемой, поскольку присяги и клятвы были неотъемлемой частью не только политики, но и судебных процедур, и потому утрата честного имени во многом лишала человека юридической защиты²⁰.

Мужчины защищали свою честь от подобных обвинений, а также крупных или мелких оскорблений другого рода официальными клятвами — а иногда силой, не размениваясь на слова. Сила сама по себе была достаточно весомым аргументом в судебных разбирательствах: покушение на чужую собственность демонстрировало достаточную серьезность намерений и готовность к судебному противостоянию. Если же вы не защитили свою собственность от посягательств, возможно, ваши права на нее не так уж неоспоримы. Крестьяне носили ножи и пускали их в ход; статистика убийств в средневековых английских деревнях не слишком отстает от показателей самых неблагополучных в криминальном отношении американских городов XX века²¹. Оскорбленные представители знати в среднем и позднем Средневековье нападали на земли и замки обидчика (дуэли до самого конца Средних веков и позже были не так распространены). Убийство из мести было в порядке вещей и честь убившего не пятнало. Нельзя сказать, что в большинстве стран средневековой Европы кровная вражда была неотъемлемой частью уклада. Если не брать явные исключения (Исландию, например, и позднесредневековую итальянскую городскую верхушку), применение насилия в основном было однократным, и дело решалось компенсацией и/или судебным разбирательством. При этом если череду насильственных действий, которую мы зовем кровной враждой, прекращали с помощью денег и подарков, это тоже могли расценить как бесчестье, поэтому, и вступая на путь вражды, и сходя с него, приходилось вести себя осмотрительно, чтобы не уронить собственное достоинство. Даже церковники, задачей которых было прекращение насилия (чему у нас имеется немало примеров), эту логику понимали. Так, епископ Григорий Турский (ум. в 594), написавший очень подробную «Историю франков», повествует о знатном жителе Тура по имени Храмнезинд, который согласился принять денежное возмещение за гибель своих родственников от руки другого знатного горожанина, Сихара, и через несколько лет после той распри сел за пиршественный стол со своим бывшим врагом. Разгоряченный вином

Сихар заявил, что Храмнезинд озолотился за счет полученного возмещения. И Храмнезинд подумал (сообщает нам Григорий): «Если я не отомщу за гибель своих родственников, я не достоин называться мужчиной, а должен буду называться слабой женщиной» — и прикончил Сихара на месте. Григорий этот порыв явно одобряет, хотя именно он в свое время посредничал при возмещении ущерба. Оскорбительное заявление Сихара, который, по сути, назвал Храмнезинда трусом, нажившимся на гибели родственников, привело бы к кровопролитию во многих средневековых сообществах. Примерно так же, насколько нам известно, началась знаменитая кровная вражда Буондельмонти и Арриги во Флоренции XIII века²².

Подчеркну: это не значит, что в любом средневековом обществе бытовали одинаковые принципы. Представлением о «средневековом мышлении» злоупотребляют слишком многие авторы, в особенности те, кто стремится доказать, что средневековый человек был не в состоянии «рационально» обдумывать те или иные общественные и религиозные вопросы. И этого тезиса вы в моей книге тоже не найдете. Честь определенно понимали по-разному. Наличие внебрачных детей обычно не порочило мужчину нигде (даже если в некоторых местностях — не во всех — это обстоятельство юридически осложняло жизнь самим детям), но только в отдельных случаях — в частности, в позднесредневековой Ирландии, — считалось позором не признать явившегося на порог с заявлением, что он ваш внебрачный ребенок. У ирландских лордов таких детей набиралось много, зачастую на совершенно эфемерных основаниях²³. Тем не менее о повсеместной приемлемости защиты чести силой можно говорить с уверенностью. И, как следует из цитаты о Храмнезинде, акцент делался на мужском начале, утверждении себя как мужчины. Еще сильнее этот мотив самоутверждения включался, когда ссорящиеся находились в подпитии, что случалось часто — очень многие оскорбления, становившиеся поводом к насилию, наносились во время возлияний. (Император Карл Великий, по утверждению его биографа Эйнгарда, пить

не любил. Утверждение сомнительное, однако явно призванное подчеркнуть исключительность правителя.) При этом распитие пива, вина и меда таило в себе не только риск: это был стандартный способ закрепить верность. Если люди пьют за одним столом (впрочем, и едят тоже), значит, имеют взаимные обязательства; если вы пьете на пиру у господина, значит, обязуетесь сражаться за него и уроните честь, если отступитесь. Распространенный в средневековых сказаниях сюжет — имеющий в своей основе подлинные события — когда врагов приглашали на пир, чтобы помириться, а на пиру убивали. Стратегически оправданный ход — ведь за столом противник не ожидает подвоха, — но совершенно бесчестный²⁴. И сами по себе совместные возлияния — тоже очень мужское занятие. Во многих средневековых обществах женщины на такие пиры не допускались — за исключением супруги устроителя пира, находившейся на особом положении.

Для женщин пространство в этом обществе было сильно ограничено. Гендерные роли были четко расписаны: в крестьянском обществе пахать мог только мужчина, а прясть — женщина, и подобные нормы были довольно широко распространены во времени и пространстве (например, в Китае действовало такое же правило). В большинстве средневековых обществ женщине не прощался даже намек на интимные вольности, приемлемые для гетеросексуальных мужчин; решение вопросов силой им тоже было заказано — за них дрались и сражались мужчины. Иногда женщина и вовсе не имела общественных прав — в раннесредневековой Италии и Ирландии, например, женщин перед законом представляли мужчины, и наследовать землю им было сложно. Однако такие крайности являлись, скорее, исключением, и во множестве других средневековых обществ женщины и мужчины надеялись равными правами наследования, допускалось появление женщин в суде и даже (пусть реже) участие в общественных собраниях²⁵. Встречались в Средневековье и женщины, облеченные политической властью, — правившие либо от лица детей после смерти мужа, либо, в более редких случаях, как правило в позд-

нем Средневековье, — как наследницы при отсутствии братьев. Некоторые королевы, такие как Маргарита Датская или Изабелла Кастильская в XV веке, справлялись с полномочиями правителей более чем успешно. В главах о раннем Средневековье перед нами также предстанет не одна могущественная королева-мать.

К вопросам гендерных ролей я еще вернусь в главе 10 — мы будем рассматривать их более подробно в позднесредневековом контексте, когда сможем, наконец, поговорить не только о королевах и представительницах высшей знати. Предварительно скажу лишь, что основное различие между ранним и поздним Средневековьем — на большей части Европы, по крайней мере, — я вижу в росте многозначности женской роли по мере постепенного усложнения общественных отношений. Юридические ограничения, поначалу иногда довольно суровые, впоследствии зачастую несколько сглаживались, хотя в вопросах наследования к женщинам никогда не бывали благосклонны (в ряде мест наследовать стало даже сложнее) и их роль всегда была ограниченной. Отчасти это объяснимо, если оценить, в каком положении тогда находились мужчины: человек, боящийся насилия (как большинство современных мужчин), имел мало шансов на долгую жизнь в обществе, в котором от него требовалось участие в военных действиях, и едва ли пользовался бы уважением в деревне — если только он не был служителем церкви, что в какой-то мере освобождало от необходимости применять силу. (Однако нельзя не отметить, что многие церковники охотно сражались в войнах; и наоборот, на смиренных церковников с их обетом безбрачия часто поглядывали с некоторым презрением в силу неопределенности их гендерного статуса.) Таким образом, вопросы чести регламентировали публичное мужское поведение не менее строго, чем женское, хоть и в другом ключе²⁶. Однако самые жесткие ограничения всегда касались женщин. Общество в Средневековье — впрочем, не только в Средневековье — было ориентировано на мужчин.

Если же говорить о религии, то, как ни банально утверждение, что средневековый человек был религиозен, религиозны-

ми действительно были все — и иудеи, и мусульмане, и язычники, и христиане, составлявшие в позднем Средневековье в Европе большинство. (Что касается атеистов, если они и существовали, то почти всегда оставались в тени²⁷.) Эта прописная истина часто объясняется «властью Церкви» — дескать, проповедники внушали пастве смирение и покорность, страдая вечными муками в аду и так далее. На самом деле такие проповеди были характерны, скорее, для начала Нового времени с его соперничеством протестантизма и католицизма. До того деятели Церкви, как правило, хорошо отдавали себе отчет в том, как много они могут требовать от паствы, — если в принципе проповедовали, поскольку проповеди, хоть и существовали всегда и получили новое развитие начиная с конца XII века, не являлись непременным атрибутом их деятельности²⁸. Но вместе с тем, несмотря на постоянные, из века в век повторяющиеся жалобы духовенства на нежелание мирян следовать наставлениям Церкви, рассчитывать на то, что паства воспримет основные принципы христианской веры, церковники могли. Да, у мирян представление об этих принципах не всегда совпадало с церковным, и в разные периоды священники реагировали на это расхождение по-разному. В раннем Средневековье они порицали «языческие», с их точки зрения, пережитки, в частности, обряды, казавшиеся несовместимыми с христианским учением. В более поздние века поводом для недовольства в основном выступали распространенные виды «греховных» поступков либо, примерно после 1000 года, ереси — то есть богословские учения, которые Церковь, латинская или греческая, расценивала как противоречащие своей доктрине, особенно если они отвергали церковную иерархию. Надо сказать, что миряне не всегда уступали моралистам-церковникам в строгости соблюдения заповедей. Все монашеское движение, а позже и нищенствующие ордена были светскими (рукоположенное священство составляло в мужских монастырях меньшинство, а в женских отсутствовало вовсе, поскольку сан мог принять только мужчина). В этих случаях человек по собственному почину принимал обязательство соблюдать христианский

обычай в зачатку крайне строгой его форме, хотя, как правило, законность этому обету придавали не менее строгие формы повиновения настоятелю/настоятельнице, а в их лице — церковному ордену, однако эти обеты не предполагали или, по крайней мере, не должны были предполагать автономных верований. Далее — в главах 8, 10 и 12 — мы еще увидим, к чему приводило формирование собственных богословских и духовных взглядов в тех или иных объединениях мирян начиная с 1150 года. Но ясно, что христианское мирское сообщество, независимо от того, насколько хорошо оно разбиралось в тонкостях доктрины и было готово следовать призывам церковников, особенно в том, что касалось интимных отношений и «благородного насилия», отводило религии крайне важную роль, и распространена она была повсеместно.

Подчеркиваю это обстоятельство не потому, что кто-то его оспаривает, а потому, что мы не всегда осознаем в полной мере, что из этого следует. Светские и религиозные мотивы истории зачастую разделяют и относят к потенциально или действительно противоборствующим категориям. Когда знать основывала монастыри или дарила им большие земельные наделы, а своих родственников назначала настоятелями, она делала это из религиозных побуждений, приводимых в дарственных (обмен сокровищ земных на сокровища небесные и т. п.), или чтобы находящийся под контролем данного знатного рода монастырь служил долгосрочным вложением в виде земельных угодий на случай, если семья разрастется и землю придется делить? Короли ставили во главе епархии собственных капелланов и других придворных потому, что видели в них образец добродетели и идеальную кандидатуру на должность епископа, или потому, что стремились укрепить свою власть в отдаленных частях королевства и назначали самых верных и надежных туда, где требовался крепкий оплот? Сыновья франкского императора Людовика Благочестивого вынудили его совершить публичное покаяние в 833 году (см. главу 4), поскольку значительная доля франкского политического класса считала его грехи слишком тяжкими и, как следствие, угрожающими нрав-

ственному облику империи, или потому что сыновья хотели нейтрализовать его и добивались окончательного отречения от власти в их пользу? Крестоносцев вел с распятием в руках в Палестину в 1096 году религиозный пыл (см. главу 6), желание выволочь христианские святыни из рук иноверцев или религиозными мотивами они попросту оправдывали захват чужих земель? Почти каждый из этих вопросов предполагает ответ «да» на обе его части, но гораздо важнее осознавать, что эти противопоставления на самом деле условны: оба мотива были неразрывны и в сознании средневекового человека существовали как единое целое. Разумеется, одни политические деятели были циничнее, другие — набожнее, но ни те ни другие — за исключением разве что немногих религиозных фанатиков — не увидели бы противопоставления в мотивах, которые мы норовим рассортировать. Своекорыстие значительной доли средневековой религиозной риторики, особенно исходящей из уст облеченных властью, нам зачастую более чем очевидно, однако лицемерия в ней не было. Возможно, именно лицемерие (нам) было бы проще объяснить, однако почти каждый из этих людей действительно верил в то, что говорил. И нам нужно учитывать это при оценке любых средневековых политических действий и поступков, даже самых хитроумно спланированных.

Это лишь введение, предисловие к тому, о чем мы будем говорить дальше. В последующих главах основное внимание будет уделено переломным моментам и ключевым для понимания этапам развития, которые я обрисовал в начале главы. Кроме того, на протяжении всей книги мы будем наблюдать, как исходные общие условия на каждой стадии дальнейшего развития варьировались: ранне-средневековый уклад очень сильно отличался от позднесредневекового, франкский — от византийского и так далее. Этими различиями в значительной степени и интересно средневековое тысячелетие, однако в то же время из частей складывается целое. Между разными средневековыми обществами существовали экономические, социальные, политические и культурные параллели, стоящие

того, чтобы отслеживать и объяснять их. Я постараюсь по мере возможности заняться и этим — насколько позволит необходимость ограничить анализ тысячи лет Средневековья вчетверо меньшим количеством страниц.

РИМ И ЕГО ЗАПАДНЫЕ ПРЕЕМНИКИ 500–750 гг.

Почему пала Римская империя? Если коротко — она не пала. Половина империи — восточная, со столицей в Константинополе, занимавшая территорию нынешних Балкан, Турции, Египта и стран Леванта, — благополучно пережила раскол и завоевание западной части (нынешней Франции, Испании, Италии, севера Африки, Британии) иноземцами, произошедшие в V веке. Как мы убедимся в следующей главе, не сломили ее и массовые нашествия два века спустя. Восточная Римская империя — которую мы далее будем называть Византийской, хотя ее подданные до самого конца именовали себя римлянами (ромеями), — продержалась еще тысячу лет, пока последние ее земли не покорились в XV веке османам. Те, переняв у Византии (Рима) ряд основополагающих принципов финансового и административного устройства, принялись строить собственную империю со столицей в бывшем Константинополе, ныне Стамбуле. Таким образом, в определенном смысле Римская империя просуществовала до Первой мировой войны, когда рухнуло и Османское государство.

Я говорю это не для того, чтобы создать образ прошлого, которое никогда не претерпевает изменений, — какие-то его элементы всегда присутствуют в настоящем, однако это не значит, что в прошлом не происходило серьезных трансформаций, без которых не обошлась, в частности, и Византийская империя. Я имею в виду другое. Когда речь идет о каких-то переломных событиях — конец

мирной жизни для Европы в 1914 году, распад Советского Союза в 1991-м, — историки делятся на тех, кому такие катастрофы кажутся неизбежностью, обусловленной структурными предпосылками, зачастую зревшими достаточно долго и в какой-то исторический момент сошедшими воедино, и тех, кто объясняет эти переломные события волей случая, результатом неких сиюминутных, почти случайных политических решений. Даже если историк учитывает нюансы и тонкости, он все равно в качестве более значимых выбирает из общей мешанины либо структурные факторы, либо политические. Я сам в основном тяготею к структуралистам. Но применительно к Римской империи V века о назревавших предпосылках краха ее западной части говорить сложно, поскольку на восточную половину они, со всей очевидностью, не распространились. Тем не менее какие-то структурные причины назвать можно: Запад мог быть или стать более слабым, чем Восток, или же более уязвимым для захватчиков. Тенденция, зародившаяся еще в III веке и окончательно закрепившаяся в V веке, к административному делению империи на две отдельные части — для удобства логистики — также могла ослабить целостность государства и его способность противостоять внешней угрозе. Среди сотен конкурирующих гипотез, касающихся причин «падения» Рима, все эти доводы обязательно отыщутся и будут выглядеть вполне весомо¹. Тем не менее в данном случае гораздо более примечательны сиюминутные решения, иногда простые человеческие ошибки. Поскольку за точку отсчета в нашем повествовании мы берем 500 год, примерное начало Средневековья, то, в принципе, имеем полное право вынести пока еще римский Запад V века за скобки — как несоответствующий эпохе. Однако нам все же придется отступить на шаг и окинуть предшествующие события хотя бы беглым взглядом — слишком сильно было то влияние, которое они оказали на дальнейшую историю. Кроме того, напрашивается еще одно предположение: если, скажем, в 400 году в Западной Римской империи отсутствовали серьезные структурные дефекты, немало элементов ее устройства должны были пережить кризис

V века. Так оно и случилось, в чем мы будем неоднократно убеждаться на протяжении этой главы.

Северная граница Римской империи рассекала нынешнюю Европу примерно посередине — по Рейну и Дунаю (и Адрианову валу в Британии), знаменуя разительный контраст между севером и югом, касающийся не только политических связей, но и особенностей культуры и экономики. Контраст этот пережил крушение Западной империи на столетия. При всех различиях между провинциями в определенном смысле Рим был поразительно однороден: сеть дорог связывала между собой города с похожими друг на друга общественными зданиями, в основном каменными. Самовосприятие элиты римского общества определяла *civilitas* («гражданственность») со всей ее «цивильностью» и «цивилизацией», которые до сих пор слышатся нам в латинском слове. Аристократ был немыслим без знакомства с классическими образцами латинской литературы (а в грекоязычной Восточной империи — греческой) и владения письмом. Неотъемлемой частью Римского мира было и крайнее социальное неравенство: на его территории еще не изжило себя рабство и остро ощущались различия между богатыми и бедными, а также снобизм, с этими различиями связанный. Все это было присуще сложному устройству Римской империи в любой из периодов ее развития. После того как в IV веке империя (по крайней мере ее правящая верхушка) стала христианской, к перечню формировавших ее особенностей добавилась и христианская религиозная литература, а епископы начали соперничать за влияние с патрициатом. Однако больше в этом отношении почти ничего не изменилось (мало кто из христиан-богословов, несмотря на провозглашаемые в Новом Завете эгалитарные принципы, считал рабство злом)².

Контраст с «варварским», как его называли римляне, севером был разительным. Экономический уклад — и материальная культура — там отличались большей простотой. Политические объединения уступали римским в размерах и сложности организации, а также в постоянстве: привязанности менялись по мере воз-

вышения и падения разных правящих семей. Непосредственно к северу от Рейна и Дуная большинство этих объединений говорили на германских языках, хотя ни они сами, ни римляне не считали это признаком однородности. (Терминами «варвары» и «германский» я в дальнейшем пользоваться буду, но исключительно для удобства.) Неудивительно, что «варварские» народы, особенно их предводители, были лично заинтересованы в богатствах Рима и пытались поживиться ими либо в ходе набегов и даже завоеваний, либо за счет наемной службы в римской армии. В результате на рубежах империи складывалась переходная зона — с римской стороны более военизированная, а с «варварской» — проникнутая римским влиянием¹. Но в общем и целом обозначенная двумя великими европейскими реками граница была достаточно четкой.

По сути, в V веке в Западной Римской империи происходило следующее: набеги северных «варваров», донимавших Рим почти на всем протяжении его истории, теперь привели к политическому расколу: армии, не считавшие себя римскими, захватывали западные провинции и образовывали обособленные королевства. В 400 году до этого было еще далеко: начало процесса только обозначилось на Балканах, где пытались осесть — и интегрироваться в римскую армию — готские племена, бежавшие в 370-х на территорию империи от степных кочевников, которых римляне звали гуннами. К 500 году Балканы в восточной части империи снова оказались под властью Рима — на западе же дела обстояли иначе. Одна ветвь готов, которую мы зовем вестготами, владела Галлией (современная Франция) к югу от Луары и большей частью Испании; другая же ветвь, которую мы называем остготами, осваивала Италию и Альпы; бургунды занимали долину Роны, вандалы — север Африки (современные Тунис и Алжир), а большая часть Северной Галлии управлялась вождями франков. Юго-восток Британии — провинции, покинутой римлянами уже в начале V века, — находился в руках крохотных племенных союзов, в совокупности называемых нами (а может, и ими самими) англами и саксами. Были и другие, владевшие более мелкими территориями.

Земли бывшей Западной Римской империи, неподконтрольные военным силам, прежде сосредоточенным за римскими границами, были немногочисленны и разрозненны: Мавритания (примерно совпадающая с нынешним Марокко), части центральных Альп вокруг Кура; западная Британия, в частности Уэльс, плюс Бретань. Между собой они связаны не были, с Восточной Римской империей — тем более, и отождествляться с Римом все они — за исключением Кура — перестали довольно быстро⁴.

Риму уже приходилось ассимилировать захватчиков: разгромив, их расселяли по окраинам империи, а потом использовали как наемников — по крайней мере до тех пор, пока чужаки не утрачивали «неримские» характеристики. С захватчиками, потерпевшими поражение в череде разрозненных вторжений первого десятилетия V века, римские власти поступили привычным образом: вестготы осели в 418 году в окрестностях Тулузы, бургунды в 442 году — под Женовой, вандалы в 435 году — на территории нынешнего Алжира. Вестготов, в частности, использовали в войнах против вандалов в 417 году и свевов в 456 году, оба раза в Испании, а также против гуннов в Галлии в 451 году (самых гуннов, в свою очередь, использовали против готов). Завоевание Италии остготами в 489–494 годах также произошло с подачи империи, поскольку византийский император Зенон направил расселившихся на Балканах остготов свергать Одоакра, поднявшего восстание в римских войсках и независимо правившего в Италии с 476 года. Король остготов Теодорих к тому времени уже обладал определенным весом как имперский военачальник. Несмотря на огромный наплыв «варварских» племен, число которых заметно выросло по сравнению с предыдущими столетиями, сам по себе этот процесс опасности не представлял — пока римские власти держали руку на пульсе. В начале века им это в целом удавалось. Смуту внесли вандалы, союз племен, вторгшихся в империю с севера через Рейн в 407 году и за десятилетие прошедших через Галлию в Испанию. Частичный разгром в 417 году не заставил их покориться, и в 429 году под предводительством нового правителя Гейзериха

(ум. в 477 году) они добрались до Северной Африки, где в 435 году обосновались окончательно, но ни в коем случае не в качестве побежденных. Новые их земли, сами по себе не особенно плодородные, располагались в непосредственной близости от основных источников зерна и оливкового масла Западной Римской империи, а также богатых окрестностей великого римского города Карфаген, что в нынешнем Тунисе. Почему Рим упустил это обстоятельство из виду, почему не побеспокоился о Карфагене и не защитил его лучше? Как бы то ни было, Аэций (ум. в 454 году), военачальник и тогдашний правитель западной части империи, этого не сделал, и в 439 году Карфаген закономерно пал. С этого момента Рим все меньше был способен диктовать условия политических перемен на Западе. Лишившись африканских богатств, Западная империя осталась и без налоговых поступлений, а без них не на что стало содержать регулярные войска, потребность в которых в эти сложные для нее времена только усилилась. Отсутствие регулярных войск вынуждало все чаще заручаться поддержкой «варварских» армий, но держать их в узде становилось все сложнее¹.

Задача использовать «варваров» в своих целях и при этом сохранять стратегическое главенство осложнялась также нестабильностью политической обстановки в западной части империи V века, где от имени недееспособных императоров правили военачальники, сменявшие друг друга в основном в результате переворотов. Политические руководители зачастую явно не успевали за событиями и безуспешно пытались решить злободневные проблемы вчерашними методами. К постепенному финансовому разорению империи добавлялся растущий политический раскол и соперничество между двумя крупнейшими западными провинциями — Галлией и Италией, которые по-прежнему находились в основном под контролем римских войск. Рицимера, военачальника и правителя империи с 457 по 472 год, по-настоящему интересовала только Италия, поэтому южную и центральную Галлию бургунды (союзники Рицимера) и вестготы, при Эйрихе (466–484) действовавшие независимо, поделили между собой. Сделан-

ный Рицимером выбор сыграл решающую роль. Когда в 476 году в Италии поднял восстание Одоакр, сражаться было уже практически не за что, и, вместо того чтобы посадить на трон марионеточного императора, он просто объявил себя королем, номинально признав власть правителя Восточной, а не Западной империи⁶.

Как видите, я уделяю больше внимания выбору римлян, чем завоеваниям «варваров». В последнее время историки бурно спорят о том, насколько «варварскими» разные германские народы были в действительности⁷. Почти все они (за исключением франков), прежде чем основать независимые королевства, какое-то время провели в римских провинциях, зачастую носили военизированную римскую одежду, а также перенимали другие римские особенности. Разные группы готов, в частности, вполне можно рассматривать как вышедшие из повиновения римские войска, в составе которых имелось достаточно неготов, в том числе, несомненно, римского происхождения. Почти все предводители «варваров» женились на представительницах римской знати, а римские военачальники (включая Рицимера и Одоакра) нередко сами происходили из «варваров»⁸. «Варварские» короли в основном владели двумя языками, а кто-то мог изъясняться исключительно на латыни. Все они заимствовали принципы римской системы управления и применяли их где только возможно. От римских правителей они отличались только именами, как свидетельствует, например, характеристика вестготского короля Тулузы Теодориха II (453–466), данная Сидонием Аполлинарием (ум. ок. 485 г.), римским аристократом и литератором из центральной Галлии: набожен (но не до истовости), ответственно относится к делам управления, предпочитает говорить о серьезных предметах, дает изысканные обеды, где «соединены греческая изящность, галльское изобилие, итальянская живость <...> и царский порядок»⁹. Все эти власти, кроме правителей самых северных провинций, исповедовали христианство — по крайней мере в той же степени, что и остальная империя (в 400 году язычников еще было в избытке). Но само по себе христианское вероисповедание не означало един-

ства — IV и V века были эпохой религиозного раздора, споров о природе Бога и взаимных обвинений в ереси. Ариане против никейцев, монофизиты против халкидонян (никейцев и халкидонян, победивших в конечном итоге на центральных римских землях, с тех пор чаще называли католиками на западе Европы и православными на востоке). Но и здесь «варвары» просто принимали ту или иную сторону. Вандалы-ариане, в частности, время от времени преследовали «еретиков» — представителей никейского большинства в римской Северной Африке — с тем же рвением, с каким преследовал ариан любой никейский император, и руководствовались теми же законами¹⁰. Романизация упрощала притирку. От провинции к провинции местная римская знать, получавшая все меньше военной поддержки извне, попросту находила способы ужиться с соседями-«варварами», будущими правителями этих земель, устраивалась при дворе (как Сидоний у Теодориха II, хоть тот и противостоял Эйриху) и участвовала в управлении — разумеется, в максимальном соответствии с римским обычаем. Таким образом, сближение наблюдалось с самого начала почти повсеместно, даже в вандальской Африке, где по вышеупомянутым религиозным причинам обстановка была более напряженной¹¹. Военные перевороты стали для Римской империи обычным делом начиная с I века, римские войска давно превратились в многонациональные, и львиную долю их составляли провинциалы из приграничных земель, так что пока коренные перемены заключались лишь в том, что военачальники этих территорий по обе стороны границы начали объявлять себя королями.

А значит, можно считать, что в событиях V века ничего сверхъестественного не было. Король остготов Теодорих (474–526) правил Италией и землями к северу от старой римской границы по Дунаю. Он одолел вестготов в Испании, пользовался мощным влиянием в королевствах вандалов и бургундов, и органы управления при нем мало изменились по сравнению с прежними римскими. Ему ничто не помешало бы называться римским императором, и в наших источниках он нередко именно в этом качестве и выве-

ден¹². После его смерти император восточной части Юстиниан (527–565) явно не рассматривал западные провинции как утраченные безвозвратно, поскольку попытался отвоевать сперва вандальскую Африку в 533–534 годах, а затем, в 534–540 годах, Италию. Восстание в Италии вернуло остготским правителям власть, и заново подчинить Апеннинский полуостров Юстиниану удалось только в 554 году, но к тому времени он успел завоевать заодно немалую часть испанского побережья. В руках Рима вновь оказалось почти все Средиземноморье, а среди крупных провинций из прямого подчинения выпадали только Галлия и центральная часть Испании¹³.

Однако при всей романизации «варварских» королевств в первое столетие их существования некоторые принципиальные перемены все же происходили, причем, как покажет история, необратимые. Первая состояла в том, что германские народы уже не называли себя римлянами. Они явно обособлялись от тех, кого завоевывали и кем правили, отличаясь в этом отношении от всех прежних военачальников и организаторов переворотов, включая Рицимера и других полководцев V века, у которых можно проследить родственные «варварские» связи. Да, покоренные остготы и вандалы, судя по всему, сливались с населением римских провинций, поскольку больше они в наших источниках не появляются — и то же самое относится почти ко всем завоевываемым «варварским» народам, — но германцы, одержавшие верх, к римлянам себя причислять не собирались. В устойчивых королевствах, таких как вестготское в Испании и франкское в Галлии, происходило прямо противоположное: римляне начинали воспринимать себя готами и франками. Иными словами, менялась самоидентификация, и звание римлянина, столетиями выступавшее надежным показателем положения и культуры, это свойство утрачивало¹⁴. Вторая перемена заключалась в том, что прежнее единство Запада, от Адрианова вала до Сахары, исчезло безвозвратно. Даже Юстиниану — и тем более никому после него — не удалось завоевать Средиземноморье целиком (на побережье Галлии он не посягнул

вовсе, а в Мавритании властвовал с переменным успехом). Возникали обособленные политические образования с собственными политическими центрами: Парижский регион у ранних франков (и этот центр, возникший около 500 года, своего статуса не утрачивал ни разу), Толедо в центральной Испании у вестготов, область Павия — Милан у еще одних захватчиков, лангобардов, вторгшихся в Италию в 568–569 годах, после повторного завоевания Юстинианом¹⁵. Все три центра были для римлян окраиной. И хотя Милан соперничал за звание столицы империи в IV веке, на закате римского правления центрами в Италии считались Рим и Равенна.

Третья перемена была, пожалуй, самой важной. Римской империей управлял разветвленный чиновничий аппарат, финансируемый за счет развитой налоговой системы, включавшей множество сборов, первостепенным среди которых был высокий и сложно формируемый земельный налог. Система работала — несмотря на поразительную коррумпированность, непопулярность среди подданных империи и множество возможностей для злоупотреблений. У нас имеется масса указов, изданных императорами, которые были недовольны нерадивостью традиционных сборщиков податей — членов городского совета, из чего следует, что, даже если со сбором налогов возникали заминки, надзор и контроль над ним был строгий. Это подтверждают, в частности, итальянские и египетские исторические источники — методичный учет передачи прав собственности на землю, обеспечивавший государству возможность исправно взимать налог с нового хозяина. Судя по египетским документам, даже богатые и влиятельные землевладельцы налоги действительно платили. В основном эти сборы шли на содержание армии — самая большая расходная статья для римского государства (гражданский чиновничий аппарат занимал второе место с большим отрывом), а это означало регулярную переправку денег и товаров через Средиземное море из богатых южных провинций вроде Африки и Египта в северные приграничные области, где в основном сосредоточивались войска, а также в Рим и Константинополь — крупные столичные города, которые

кормились за счет остальной империи. Наемная армия частично обособлялась во всех землях империи от других основных высших слоев — имперской (сенаторской) знати, а также городских и провинциальных властей, представители которых были, прежде всего, землевладельцами, а кроме того, гражданскими.

Таким образом, налогово-бюджетная система структурировала все римское государство, и в начале V века ей ничто не угрожало. Однако, когда западная часть империи начала дробиться на королевства, резко оборвалось перераспределение налоговых поступлений, что серьезно сказалось на Риме как городе и на многих северных армиях. Более того, интересы новой германской элиты не совпадали с интересами ее предшественников — римских военачальников-бунтарей. Те гнались в основном за деньгами, которые давала политическая власть, а сменившим их германцам нужно было другое — владеть землей, как владела ею та самая провинциальная знать, с которой они теперь соседствовали и над которой властвовали. Это вполне римское желание имело самые неблагоприятные для Рима последствия: постепенно исчезала необходимость содержать осевшую на землю армию. Отпадала потребность в налогообложении, а поскольку сбор налогов и так вызывал трудности и неприятие, рано или поздно власти от него отказывались. Впрочем, «варварские» короли собирали налоги до тех пор, пока им это удавалось. Об этом свидетельствуют источники, относящиеся к остготскому правлению и дошедшие до нас в «Вариях» — сборнике посланий правителей и должностных лиц, составленном долго служившим готским королям государственным деятелем Кассиодором Сенатором (ум. ок. 580 года), а также многочисленные случайные упоминания и жалобы в хрониках той эпохи. Но даже Юстиниан, отвоевавший земли вандалов и остготов, решил, что восстанавливать прежнюю систему налогообложения трудно и чревато недовольствами. Во франкской Галлии к 580-м годам, когда появились сочинения историка Григория Турского, налоги уже заметно сократились, а короли использовали освобождение от податей как стандартную политическую привилегию. К 640-м земельный налог исчез почти

по всей Галлии и лишь в долине Луары собирался время от времени. Короли начали рассчитывать на доход со своих земель — весьма обширных (как и положено при имперском землевладении), а не на сборы и налоги (за исключением торговых пошлин). Экономической основой политической деятельности перестало быть налогообложение, и на смену ему пришло владение землей¹⁶. Эти перемены знаменовали разрыв не только с прошлым, но и с настоящим — с современными этим королевствам государствами Восточного и Южного Средиземноморья, Византией и арабами, о которых пойдет речь в следующей главе. К этому разрыву мы еще не раз вернемся в нашем повествовании, ведь, как нам уже известно из предыдущей главы, политика, опирающаяся на землевладение, менее стабильна и обычно менее доходна, чем опирающаяся на налоги. Кроме того, в главе 11 мы увидим, что даже возрождение налоговых режимов в Западной Европе позднего Средневековья последствия этой перемены не преодолело. Справиться с ней полностью на Западе удалось лишь в совершенно иных экономических условиях эпохи промышленной революции.

Одно из важных последствий заключалось в упрощении экономики западных провинций. Даже короли — разве что кроме франкских — не могли тягаться богатством с прежними властями (впрочем, и расходы у них были существенно ниже). Вельможам раннего Средневековья тоже было далеко до богатейшей сенаторской аристократии Рима, владевшей обширными имениями по всему Средиземноморью (тем более что в этом раннесредневековой знати препятствовал политический раскол империи). В большинстве регионов — опять же за исключением франкской Галлии — мало кто из землевладельцев обладал собственностью более чем в одной-двух городских областях. Система налогообложения отчасти компенсировала расходы на торговые сделки в поздней Римской империи, а без этого межрегиональный торговый обмен стал неуклонно сокращаться и к началу VIII века почти во всем западном Средиземноморье ограничивался предметами роскоши. В то же время, поскольку аристократия стала беднее, а торговля внутри регио-

нов и вся торговля предметами роскоши опиралась на спрос среди знати, торговые обороты снизились на всех уровнях почти повсеместно. Во всех западных провинциях, как свидетельствуют археологические раскопки, сокращался товарообмен и материальные запросы знати становились скромнее. Так происходило и в Италии, разоренной военной кампанией Юстиниана, хотя остготское государство по своему устройству было близко к Римской империи. В Британии же, сильно зависевшей от системы военного снабжения, экономический кризис после ухода римских войск в начале V века — то есть еще до прибытия англов и саксов — ощущался особенно остро: города и сельские виллы пришли в запустение, кустарное производство сохранилось только на уровне натурального деревенского хозяйства. Ни в Галлии, ни в Испании, ни в Италии такого упадка не наблюдалось, однако и они не избежали упрощения экономики. Это не значит, что обеднение высших слоев имело исключительно пагубные последствия. Если земли и богатства знати сокращались, а крестьян-арендаторов (в том числе юридически несвободных, о чем я писал в главе 1) по-прежнему хватало, крестьяне-землевладельцы, менее зависимые или вовсе независимые от высшего сословия, должны были стать многочисленнее — и зажиточнее. Однако товаров они приобретали меньше и экономику от упрощения не спасали. Каждому, кто пытается доказать преемственность между Римской империей и новыми государствами, придется учесть эти резкие экономические перемены, о которых свидетельствует археология. Любая преемственность (а она существовала в разных областях и направлениях) накладывалась на гораздо менее сложную систему производства и обмена, которая упростилась в результате политического дробления на Западе и «оседания» армии на земле. Структурными причинами падения Западной Римской империи эти перемены назвать нельзя — однако на структурные результаты они могут претендовать со всей определенностью¹⁷.

Итак, падение западной части империи свидетельствовало о кризисе, а также о резких социально-экономических переменах.

Но не только. В оставшейся части главы мы рассмотрим три основных государства-преемника Римской империи, сформировавшихся после краха неофициального владычества остготского правителя Теодориха в начале VI века, — франкскую Галлию (все чаще и тогда, и сейчас называемую Франкским государством, Франкией), вестготскую Испанию и лангобардскую Италию. (Британию мы оставим для главы 5.) И каждый раз будем разбирать, что осталось от римского уклада и что появилось нового¹⁸. Однако начнем с некоторых общих культурных и социополитических структурных особенностей римского прошлого, которые, перейдя к преемникам почти полностью, определяли функционирование ранне-средневековых политических образований. В число этих особенностей входят устройство римского провинциального общества, христианская Церковь, а также культура и ценности государственной власти.

Римская империя начиналась как сеть самоуправляемых, по сути, государств, связанных, прежде всего, армией. К концу ее существования этот уклад ощутимо изменился. Городские советы постепенно утратили свое значение и перестали действовать в V–VI веках почти повсюду, как на востоке, так и на западе Европы; власть стала более централизованной примерно после 500 года не только в Восточной Римской империи, но, как ни странно, и в более слабых западных королевствах. Однако верность городскому укладу сохранилась везде, где были города, — то есть по всему Западу, за исключением Британии, северо-западной Испании, а также галльских и южногерманских областей вдоль старой границы империи¹⁹. Сплоченные объединения местной знати существовали в городах южной Галлии, восточной и южной Испании и Италии, они составляли сохранившееся римское общество, которым теперь правили пришлые германцы, и, как мы уже имели возможность убедиться, две эти стороны притирались друг к другу достаточно быстро. Представителями городских сообществ — как во внутренней политике, так и перед королевской властью — все чаще выступали епископы. На всей территории бывшей Запад-

ной Римской империи христианизация завершилась к VI веку; особняком стояли только еврейские общины в некоторых областях Галлии, Италии и в первую очередь Испании. Какое преломление получало христианство у местных жителей — это уже другой вопрос. Как отмечалось выше, церковные авторы, почти все до единого несгибаемые в своих взглядах, постоянно сетовали на «языческую» составляющую в местных культах, то есть на элементы, которые им казались языческими, а местному населению — самыми что ни на есть христианскими, как, например, встреча Нового года или пьянство на церковных празднествах²⁰. Но повсеместно признавалось, что во главе Церкви стоят епископы, институт которых в каждом городе империи учреждали еще римляне, и среди них существовала своя иерархия, на верхней ступени которой находились митрополиты (позднее их стали называть архиепископами), а выше всех — пять патриархов империи, одному из которых, папе римскому, принадлежала духовная власть над всем Западом. Падение Римской империи эту структуру почти не затронуло, разве что влияние папы на протяжении нескольких столетий почти не ощущалось за пределами Италии.

Епископы обладали авторитетом и на закате империи, но крупными политическими игроками они стали именно в начале Средневековья. Кафедральные соборы обрастали землями, приносимыми в дар прихожанами, и потому сан епископа давал могущество. Кроме того, духовным авторитетом епископов наделял культ святых реликвий, складывавшийся с V века, поскольку именно епископы являлись настоятелями соборов, в которых эти святыни хранились. Епископы не только возглавляли городские религиозные церемонии, их все привычнее воспринимали как местных политических руководителей (в большинстве случаев они происходили из местной знати), и их назначение нередко давало повод для соперничества²¹. Они представляли свои общины перед королем и придворными, короли относились к ним как к руководителям этих общин и были готовы внимать критике со стороны епископов, к которой тех обязывал сан. Политическое возвышение

епископов отчасти объяснялось исчезновением светских муниципальных институтов, а отчасти тем, что как к организованной влиятельной группе в более слабых по сравнению с рухнувшей империей королевствах к ним прислушивались больше, чем в прежде существовавшем государстве.

Наглядным примером активности и роли епископов может служить Григорий Турский (ум. в 594 году), происходивший из знатного рода города Клермон в центральной Галлии, но имевший родственников в Туре на Луаре, где он и стал епископом в 573 году. (Местные претенденты на епископскую кафедру считали его чужаком, его же такое отношение возмущало.) По объему оставленных свидетельств, как исторических, так и житийных, с Григорием Турским не может сравниться почти никто из остальных авторов раннего Средневековья. В основном он описывает события, в которых сам принимал участие, и рисует на редкость подробную, пусть и одностороннюю, картину королевской и местной политики, общества и культуры 570–580-х годов. Григорий Турский был епископом во Франкском королевстве и, несмотря на римское происхождение, хранил верность франкским правителям (в его сочинениях не чувствуется ностальгии по римскому прошлому, а своих королей он считал законными преемниками римской власти). Однако в то время государство франков было поделено между тремя королями — братьями, а затем дядей и племянниками. Григорий служил при дворе одного из братьев, Сигиберта (561–575), был близок к другому, Гунтрамну (561–593), и враждебно настроен по отношению к третьему, Хильперiku (561–584). Таким образом, его едва ли можно считать нейтральной политической фигурой. Хильперик, как и следовало ожидать, питал к нему ответную неприязнь и осыпал угрозами — которые во Франкии тех времен были далеко не пустыми, поскольку короли запросто расправлялись с противниками, зачастую самыми изощренными способами. Один из ярких эпизодов этой конфронтации, произошедший в 577 году, описан Григорием с нетипичным вниманием к месту действия: Хильперик, с двумя епископами по бокам, стоял у шала-

ша, сплетенного из ветвей, перед ним находился стол с яствами, и через этот стол король и епископ обменивались словесными выпадами. Из того, в каких подробностях это запомнилось Григорию, видно, насколько он был тогда напуган. Куда больше по душе ему был Гунтрамн, всегда готовый внимать ему за обеденным столом. Григорий был снобом, врагов своих он часто характеризовал как пришедших к власти из низов — например, харизматичную супругу Хильперика Фредегонду, правившую королевством от имени их сына Хлотаря II (584–629). При этом он всячески расхваливал свой город, в том числе принятые в нем налоговые послабления, и превозносил местного святого и своего предшественника, епископа Мартина (ум. в 397), подробно описывая чудеса, происходившие на могиле последнего у границы римского города. Кроме того, как мы видели в предыдущей главе, он брал на себя роль миротворца в междоусобицах, а также поддерживал других епископов, если у них возникали разногласия с королями — даже тех, кого недолюбливал, — и готов был защищать их перед самим Хильпериком (именно это он и делал в 577 году). Наконец, Григорий был нравоучителем — сан обязывал, а короли и другие политические деятели понимали, что должны, по крайней мере, прислушиваться к нему. Несмотря на отсутствие военной поддержки (свита для епископов тех времен была редкостью, хотя позже стала делом обычным), он действительно обладал политическим весом в глазах королей, поскольку Тур имел стратегическое значение и часто переходил из рук в руки при территориальном переделе, в котором все эти короли участвовали. Возможно, устоять как политической фигуре Григорию помогла и бесспорная наблюдательность («История франков» поражает подробностью описаний). И при всей его предвзятости, на которую приходится и приходилось делать скидку и нам, читателям, и королям, имевшим с ним дело, он явно умел улаживать проблемы. В этом и заключалась роль епископов, и он с нею справлялся, зачастую в очень непростой обстановке, в течение 20 лет — долгий срок для франкского политического деятеля²².

Еще один элемент римского наследия, о котором нужно упомянуть отдельно, — понятие политической легитимности, которое можно назвать культурой «публичного». Во времена империи в сферу *publicum* попадало налогообложение, имперская собственность, чиновничий аппарат, общественные блага — все то, что сейчас относится к «государственному сектору». Исчезновение налоговых поступлений, на которые этот сектор опирался, не означало исчезновения самого понятия. Короли по всему послеимперскому Западу пользовались этим термином регулярно, подразумевая принадлежащие им права, а также своих чиновников, суды, дорожную сеть и так далее. Поддерживаемое новой властью разделение на публичное и частное (тоже римский и послеримский термин) подтверждает, что мы не ошиблись, назвав послеримские королевства государствами, пусть зачастую и слабыми. В этот период к образу общественного блага короли в своих указах апеллировали нечасто, этим займутся Каролинги в VIII–IX веках, как мы увидим в главе 4. Но отождествление королевской власти с публичной сферой было явным — и временами наглядным: в частности, правосудие отправлялось *publice*, «публично», на глазах у всех.

Публичность на постримском пространстве имела большое значение. Здесь *publicum* бывшей империи соединялось с одной совершенно неримской особенностью всех раннесредневековых королевств — общественным собранием. Собрания политических представителей, общенациональные или местные, были неотъемлемым элементом легитимизации королевской власти, указов и судов по всей постримской Европе, к северу и югу от римской границы. Назывались они по-разному — *conventus*, *placitum*, в англосаксонской Англии — *гемот*, в Скандинавии — *тинг* — и существовали как в кельтских и славянских общинах, так и в германо- и латиноязычных. Начало им положило бытовавшее к северу от границы представление об ответственности короля перед всеми наделившими его законной властью свободными мужчинами (не женщинами) своего народа и о коллективной основе поли-

тической деятельности. В большом постримском государстве все это было неосуществимо (да и прежде всегда граничило с условностью), но даже тогда короли правили — по крайней мере номинально — «в присутствии всего народа, в общем совете с нами» (как выразился лангобардский король Лиутпранд в 713 году), и с 500 года образ обширного народного пласта, легализующего верховную власть и устраивающего публичные собрания, был уже достаточно распространен²³. То есть сама идея принадлежала не Риму, однако она вполне естественно слилась с римским понятием публичности, и эти концепции подпитывали друг друга. Пусть практическая власть правителей постримских государств была временами сильно ограничена, однако в публичной сфере они господствовали безраздельно, и это в корне отличало их от альтернативных сил в любом королевстве. Такая картина наблюдалась по всему Западу до самого конца правления Каролингов и даже позже, а когда — начиная с X века — культура публичности стала исчезать вместе с законодательными народными собраниями, характер политической власти резко изменился, что мы увидим в последующих главах.

Культура публичности, политика собраний, христианство и епископат, исчезновение налоговой системы и становление феодальной политики, обеднение аристократии и рост независимости крестьянства, упрощение экономики — вот что отличало постримские королевства. А еще осевшая на земле армия, которой командовала уже не гражданская аристократия, и значит, аристократические ценности становились крайне военизированными и оставались такими до конца Средневековья и далее. Гуманитарное же образование римской гражданской знати утрачивало значение. Римского происхождения не имели только собрания, хотя и они во многих случаях появились благодаря расколу империи и краху налоговой системы: иными словами, они сильно отличались от римского уклада, хотя из него и вырастали. Вот из таких составляющих складывались условия, в которых действовали правители на постримском пространстве, и таковы были параметры этого

пространства. Давайте посмотрим, какие формы они принимали в тех или иных постримских королевствах.

Франки входили в число наименее романизированных германских племен, отвоевавших себе в V веке кусок римской территории, а северная Галлия, которой они завладели, была сильно разорена. Поначалу ни о какой сплоченности между ними не было и речи, и до конца V века разрозненные франкские королевства перемешались землями независимых военачальников, правивших по римскому обычаю. Однако королю Турени Хлодвигу (481–511) удалось завоевать владения остальных франков, а также алеманнов в долине среднего Рейна. В 507 году он двинулся на юг, где, разгромив и уничтожив вестготского короля Алариха II, сына Эйриха, занял и юго-западную Галлию. Перед кончиной Хлодвиг его земли простирались от Рейна до Пиренеев. Его сыновья завоевали Бургундское королевство (в Галлии неподвластными франкам остались только Бретань и пока еще вестготский Лангедок на средиземноморском побережье) и контролировали обширные области центральной Германии, никогда не входившей в Римскую империю. К 530-м годам они уже вторгались в Италию, пользуясь войной Рима с готами, и в течение столетия с переменным успехом удерживали господство над северными частями полуострова. Благодаря этим впечатляющим завоеваниям двух поколений франкских королей их государство оказалось самой могущественной державой постримского Запада. Кроме того, в результате этих завоеваний франки стремительно приобщались к укладу более романизированных областей бывшей империи. Еще Хлодвиг успел стать католиком (не арианином, в отличие от готов) и начал издавать указы на латыни. К середине VI века различия между франками и другими преуспевшими германскими племенами начали сглаживаться, и теперь основная разница заключалась в том, что лишь франки правили землями по обе стороны старой римской границы. Помимо этого, Хлодвигу удалось провозгласить собственный род — династию Меровингов — единственными законными коро-

лями франков. В этом статусе Меровинги — с небольшим перерывом — продержались четверть тысячелетия, до 751 года. Начиная с 670-х годов они были не более чем фигурами, легитимирующими стоявших за их спинами могущественных сановников-майордомов, но все равно обладали достаточным для этой легитимации весом. Хлодвиг разделил свое огромное королевство между сыновьями, и в дальнейшем эта практика (непривычная для постримского пространства) продолжилась. За 150 лет правления Меровингов достаточно долгий промежуток без дробления наблюдался лишь единожды, с 613 по 639 год, при Хлотаре II и его сыне Дагоберте. Каролинги, сменившие Меровингов у власти в 751 году, также делили земли между наследниками. Тем не менее Франкское государство не раз действовало как единая держава, братья и кузены оказывали друг другу политическую и военную поддержку, и со стороны оно виделось единым. Эта территория сохраняла статус ведущей европейской державы, пока в конце X века результаты дальнейшего дробления не закрепились окончательно²⁴.

На королей конца VI века мы уже имели возможность посмотреть — глазами Григория Турского. Богатые и могущественные, они отличались буйством и своеобразием, и никто из перешедших им дорогу на этом свете не задерживался. Вся политика знати и епископата вращалась вокруг их двора. Законность власти Меровингов означала, что король мог взойти на престол и ребенком, и в 580-х таких детей было двое. За каждого правила мать-регент — невзлюбившая Григория Фредегонда, а в старом королевстве Сигиберта — его вдова Брунгильда, Григорию покровительствовавшая. Брунгильда правила и за внуков после ранней гибели сына, и даже за правнука, пока в 613 году ее не убил вновь объединявший франкские земли сын Фредегонды Хлотарь II, единственный на тот момент взрослый представитель мужского пола в династии Меровингов. Королевы-регенты правили от имени внуков и правнуков Хлотаря в 640-х и 650-х годах. Для сильной династии средневековой Европы правление королев-матери было в порядке вещей, однако в рассматриваемый период подоб-

ная сильная династия имелась лишь у франков, поэтому их пример наиболее нагляден. Женская власть традиционно вызывала противоречивое отношение. Григорий, например, явно ее не жаловал и очень скупо отзывался о своей покровительнице Брунгильде — по принципу «если не можешь сказать ничего хорошего, лучше помолчать» (пожалуй, единственный раз, когда Григорий его придерживался), — но при этом упоминал, что правила она *viriliter*, «по-мужски»²⁵.

Размеры Франкского государства обеспечивали богатство и могущество не только королям, но и крупной знати. У богатейших ее представителей было больше земель, чем у аристократов любого другого европейского государства того периода, включая Восточную Римскую империю, то есть Византию. Для франкской знати само собой разумеющимся было превосходство не только в могуществе, но и в благочестии: святые меровингского периода в основном имели благородное происхождение; подкрепляло образ благочестивого аристократа и преобладание выходцев из местной знати среди епископов. Знатные семьи основывали богатые монастыри — чтобы укрепить могущество рода и привлечь пожертвования, но также и потому, что подобное покровительство было закономерным с точки зрения добродетелей высшего сословия. Так, основательницей монастыря в Нивеле (нынешняя Бельгия) в 640-х годах была Итта, вдова Пипина I, представителя Пипинидов — одного из влиятельнейших франкских родов, а первой настоятельницей — Гертруда, его дочь. Меровингские монастыри VII века — под покровительством королей и знати — составляли политический костяк на сельских землях Франкского государства до появления новой опоры в середине Средневековья²⁶. Кроме того, представители знати превращались в самостоятельных политических игроков. Когда Хлотарь заново спланировал Франкию, он объединил только земли, а не три королевских двора, и каждый из них — в частности северо-восточное королевство, называвшееся Австразией, и северо-западное под названием Нейстрия — стал отдельной ареной политических

маневров местной знати вокруг самого могущественного местного вельможи, выступавшего, по сути, вице-королем, — майордома. Одним из таких майордомов и был Пипин I.

После очередного раздела земель — между сыновьями Дагоберта в 639 году — могущество майордомов усилилось еще больше. К середине VII века они конкурировали за власть с королевскими регентами, пока короли были еще детьми, и временами даже выбирали, кого из Меровингов сажать на трон. Тягаться с ними могла лишь небольшая группа по-настоящему могущественных епископов, тоже в большинстве своем аристократов, таких как Аудоин Руанский (ум. ок. 684), один из ставленников Дагоберта, и Леодегарий Отёнский, низложенный и убитый в 678 году майордомом Эброином. Последний из самостоятельных Меровингов, Хильдерик II, был убит в 675 году, и, когда его гибель поставила печальную точку в этой череде событий, знати оставалось только сражаться. В битве при Тертри в 687 году победили Пипиниды, и с тех пор Франкское королевство возглавляли майордомы из их рода. Битвой завершился пришедшийся на середину столетия период смуты, который в итоге продлился всего четверть века. Но победитель битвы при Тертри Пипин II (ум. в 714 году) уже не мог тягаться могуществом со своими предшественниками. За время смуты франки утратили владычество над германскими племенами — баварами, алеманнами и тюрингами, а также герцогами Аквитании на юго-западе Галлии. Даже некоторые из епископов начали выкраивать себе полуавтономные территории. После смерти Пипина междоусобица началась и в его семье: в 715–719 годах вдова Пипина Плектруда, ставшая регентшей при своем внуке-майордоме, выступила против незаконного сына Пипина Карла Мартелла, и, казалось, все вернулись в 670-е. Однако победа Карла продемонстрировала, что это не так. Как единственный майордом (717–741) с единственным двором он отвоевал изрядную долю недавно отколовшихся земель до самого Прованса, а его сыновья Пипин III и Карломан I, династия которых впоследствии стала называться Каролингами, вернули под власть франков Аквита-

нию и Алеманнию. Таким образом, франкские земли и господство, несмотря на перипетии предыдущего периода, снова сосредоточились в одних руках, а значит, фундамент Франкского государства был достаточно прочным²⁷.

Эта прочность отчасти объяснялась развитыми структурами управления. У нас имеется больше исторических данных по Франкии, особенно VII века, чем по другим постримским политическим образованиям, и эти данные свидетельствуют о том, что деятельность королей охватывала всю территорию государства, простираясь далеко за пределы политических центров, а сановникам нередко приходилось перебираться с места на место. Так, крупный аристократ с юга Дезидерий Кагорский (ум. в 655 году), прибывший на север служить казначеем у Хлотаря II, был затем назначен управлять Провансом, а в 630 году стал епископом в своем родном городе. Правительственная структура при Меровингах была сложной и по римскому обычаю опиралась на письменную документацию. Аудоин, до того как стать епископом, служил у Дагоберта референдарием — ответственным за составление официальных королевских бумаг. При Пипине II и даже в какой-то степени при Карле Мартелле от этой практики частично отошли, но Пипин III начал возрождать ее, и к 800 году, когда правил его сын Карл Великий, правительство стало еще более многосоставным. Это был, без сомнения, важный фактор, причем, как уже говорилось, опиравшийся на внушительную римскую (государственную) традицию²⁸. Однако устойчивость франкского политического устройства объяснялась также ограниченностью выбора у аристократии. Политические притязания знати, при всей их необузданности и своекорыстии, сосредоточивались вокруг короля (а затем майордомов), которые превосходили знать богатством и обеспечивали как покровительство (землю и деньги), так и легитимность — по крайней мере преуспевшим. Самостоятельность долгое время была немыслима, и даже после 670-х на такое замахивались только крупные аристократы, как правило герцоги, в подчинении которых находились целые области. У представителей знати, разуме-

ется, имелись оплоты на подвластных землях, и во многих случаях не обходилось без соперничества на местном уровне. Однако в большинстве областей знать — за исключением тех же герцогов или епископов, облеченных официальными полномочиями, — местной политикой не занималась. Мало того, состав их владений внутри Франкского королевства мог меняться — и в некоторых случаях количество для политического успеха было более значимо, чем расположение²⁹. Этот порядок сохранился и при Каролингах, как мы увидим в главе 4, а когда он изменился, существенные сдвиги произошли и в структуре политической власти.

Ключевой фактор мне видится таким: франкское политическое устройство было на постримском Западе самым крепким и, несмотря на свою кажущуюся ненадежность и ставку на насилие, сохраняло устойчивость. Как уже отмечалось, во многом эта устойчивость объяснялась опорой на римскую управленческую традицию. Но, несмотря на беспримерное, по меркам постримской эпохи, богатство, государство франков обеспечивало себя не за счет налогов, а его армия все больше складывалась из военных дружин знати. Королям приходилось согласовывать свои действия с этой знатью, а те, кто этого не делал — как Хильдерик II в 675 году и Брунгильда в последние годы правления, — могли поплатиться жизнью. Как правило, поддержкой знати заручались напрямую, поскольку у той не было альтернативного политического контекста для приложения сил, а королевский двор в любом случае всегда был богатым и притягательным. То есть козыри все равно оставались на стороне централизованной власти. Однако необходимость заручаться согласием существовала; в основе политики уже лежало землевладение, и даже если верховная власть еще не была шаткой, то могла стать таковой. Вот тут и приходили на помощь собрания, поскольку у франков они выступали инструментом легитимности аристократической и королевской власти. Короли и другие правители регулярно выносили решения на рассмотрение собрания — как в 585 году, когда Фредегонда созвала 300 представителей знати присягать на верность своему сыну Хлотарю. И наоборот:

в 673 году майордом Эброин не пригласил нейстрийскую знать на коронацию Теодориха III, точнее, велел не являться, и нейстрицы, заключив, что Эброин собирается править без их участия, предпочли поддержать брата Теодориха Хильдерика II^{го}. Эта особенность останется отличительной чертой раннесредневекового Запада.

С такими же проблемами сталкивалась вестготская Испания — но решала их иначе. Когда Хлодвиг захватил большую часть вестготских земель в Галлии, вестготы еще не успели установить полное господство над Испанией, и во второй половине столетия им пришлось тяжело. Им предстояло пережить борьбу за престол, сепаратистские восстания в крупных южных городах — Кордове, а затем Севилье — и даже в сельских областях, а также завоевание Византией средиземноморского побережья. Тем не менее Леовигильду (569–586) удалось объединить почти всю Испанию — за исключением прибрежной полосы, которую отвоевали только в 620-х годах, и баскских земель в Западных Пиренеях. Леовигильд занимался объединением на всех уровнях: он издал свод законов, наиболее проникнутый римским влиянием в сравнении с законами других «варварских» королевств, и пытался справиться с религиозными распрями между католиками и арианами, менее ожесточенными в Испании, чем в вандальской Африке, однако достаточно острыми, то преследуя католиков (в частности, католиков-готов), то пробуя смягчить арианскую доктрину, чтобы сделать ее более приемлемой для их соперников. Аналогичные (и, возможно, послужившие Леовигильду примером) попытки предпринимались в Византии с целью преодоления раскола между монофизитами и халкидонянами, но точно так же закончились неудачей: религиозные споры по поводу божественной природы не терпят компромиссов. Сын Леовигильда Рекаред (586–601), не мудрствуя, крестился в католичество и на Третьем Толедском соборе в 589 году объявил арианство вне закона: в дальнейшем все готы должны были стать католиками (римляне в протоколах собора почти не фигурируют; в политическом отношении почти все

население Испании уже считалось готским). С тех пор тяга к объединению в Испании — в отличие от Франкского государства и Италии — была заметно проникнута религиозными мотивами, и почти к каждому крупному политическому событию на протяжении последующих ста с лишним лет приурочивался очередной Толедский собор, число которых к 702 году достигло 18. Результатом стали, среди прочего, королевские указы о преследовании иудеев — единственного оставшегося крупного религиозного меньшинства, — и на протяжении столетия это преследование только ужесточалось. Хотя суровостью с этими указами не могли сравниться никакие другие антииудейские законы стран Европы до самого позднего Средневековья, свою функцию по порабощению и насильственной христианизации они все же не выполнили, поскольку и в последующие века иудеев в Испании хватало. Многочисленные прочие указы королей были столь же жестки. Так, в 683 году Эрвиг (680–687) считал огромные недоимки по налоговым поступлениям признаком скорого конца света, а в 702 году Эгика (687–702) полагал, что в каждом городе, селении и имении укрываются беглые рабы и любой свободный человек обязан сообщать о них, если не хочет получить 200 плетей. Вестготы не давали спуска никому и нигде, любой намек на разобщение или неповиновение казался им фатальным³¹.

Обреченности, которой проникнуты, в частности, готские законы конца VII века, историки придают слишком большое значение. Они-то знают, что в 711 году, после того как вестготский король Родерих погиб в сражении (см. следующую главу), большую часть Испании завоевали арабы и берберы и полуостров был раскроен на части, поэтому неудивительно, что они видят признаки грядущего распада задолго до его наступления. Данные испанской археологии свидетельствуют, что экономика становилась крайне локализованной, изменчивой и во многих областях сильно упрощалась. Немногочисленные письменные источники, созданные вне королевского двора, также указывают на ощутимый социальный разрыв, например между романизированным югом с его многочислен-

ными городами и сельским севером, где уклад действительно был крайне прост³². В таких условиях королям не удавалось поддерживать фиктивное единство, сидя в столице — Толедо, и суровость законов, возможно, свидетельствует о том, что они это осознавали. Не исключено. Однако с таким же успехом короли могли попросту следовать церковным постулатам своей крайне морализаторской эпохи — а также находиться под влиянием риторики законов Римской империи, поскольку вестготы до самого конца придерживались римского стиля правления, придавая большое значение букве закона, даже когда на деле в политике царил сумбур. В действительности Испания конца VII века была достаточно прочной. После Рекареда, которому, как и его предшественникам начиная с 507 года, не удалось основать династию, в Испании снова начался период насильственной смены власти, которому положил конец последний из мятежников, старик Хиндасвинт (642–653), казнивший всех потенциальных соперников. В дальнейшем правители сменялись хоть и часто, но не насильственно: короли умирали своей смертью, а мятежи терпели фиаско — почти до самого конца существования королевства. Как и во Франкском государстве, знать вращалась при королевском дворе, превосходившем любой другой пышностью и приверженностью церемониям, а также, как свидетельствует указ Эрвига, сохранявшем практику сбора налогов. Хоть размеры их и неизвестны — возможно, подати были невелики, — служили они в первую очередь обогащению короля, поскольку армия, как и на всем Западе, уже не была наемной³³. Однако аристократия, насколько мы можем судить, была гораздо беднее франкской, что отражалось и в растущей примитивизации материальной культуры, наблюдаемой археологами. В этом случае богатый королевский двор обладал для приближенных еще большей привлекательностью, не в последнюю очередь потому, что престол редко передавался по наследству и королем мог стать кто-то из них. Таким образом, в конце VII века, как свидетельствуют исторические источники, Испании даже лучше, чем Франкскому государству, удавалось успешно сохранять устой-

чивость и сформированные по римскому образцу механизмы управления без опоры на характерную для Римской империи систему сбора налогов. Впоследствии были модернизированы и эти механизмы, поскольку что-то вестготы перенимали и у современной им Византии.

Лангобардская Италия держалась примерно посередине. Лангобарды вторглись в разоренную римско-готской войной 568–569 годов Италию, защитой которой Восточная Римская империя не особенно озаботилась, но, поскольку сплоченности между захватчиками не было, после убийства двух королей подряд в 572–574 годах они распались на несколько политических союзов, возглавляемых герцогами. Под властью единого правителя они объединились в 584 году, и первый их по-настоящему могущественный король Агилульф (590–616), разгромив большинство соперников, основал столицу в Павии. И все равно, когда в 605 году был заключен мир с византийцами, которые сохранили за собой прежнюю столицу Италии, Равенну, Италия была разделена на несколько частей. Под властью византийцев осталась значительная часть побережья, а также крупные города — Равенна, Рим и Неаполь, однако между византийскими землями вклинивались три крупных участка лангобардских владений — центрально-северное королевство, занимавшее Паданскую равнину и Тоскану, и два независимых центрально-южных герцогства со столицами в Сполето к северу от Рима и в Беневенто к северу от Неаполя. И лангобардов, и византийцев такое положение дел устраивать не могло, но изменить его никак не удавалось — окончательное объединение Италии произошло только в 1870 году. И хотя в последующие 150 лет лангобарды постепенно расширяли свои владения, занять Рим или Неаполь, а также объединить три отдельные политические единицы, считавшие себя лангобардскими, не получилось даже при двух самых честолюбивых и преуспевших королях — Лиутпранде (712–744) и Айстульфе (749–756), присоединивших Сполето и на какое-то время Равенну. У лангобардов не наблюдалось ни Хлодвиговой тяги к завоеваниям, ни Рекаредовой потребности

в сплочении. Если против византийцев им еще удавалось выстоять, то с франками приходилось труднее: в конце VI — начале VII века те периодически брали верх над лангобардами и трижды разбивали лангобардское войско в 750-х и 770-х, пока в 773–774 годах Лангобардское королевство (за исключением Беневенто) не завоевал Карл Великий³⁴.

Казалось бы, ничего впечатляющего, однако среди трех основных государств-преемников Лангобардское королевство отличалось наибольшей крепостью верховной власти. Оно сильно уступало Франкии размерами, поэтому связи между Павией и общинами в других городах были теснее. Кроме того, в нем не было такого регионального расслоения, как в Испании; экономика, разумеется, сильно упростилась и приобрела более районированный, чем при империи, характер, однако такого резкого отката назад, как в некоторых областях Испании, не наблюдалось, да и городская культура — пусть на непритязательном материальном уровне — на большей территории полуострова сохранилась. Италию составляли мелкие, но устойчивые провинциальные общины, верхушка которых почти без исключения проживала в городах. Как и в Испании, в Италии не было достаточно богатой аристократической прослойки, которая могла бы представлять систематическую угрозу для королей (исключение, как и в Испании, составляли отдельные личности уровня герцога крупного города, захватывавшие престол силой), и ни одному представителю этой прослойки не удалось бы выстроить себе крепкий оплот на провинциальных землях, учитывая количество соперников в каждом городе. В Лангобардском королевстве, как и во Франкии, сильна была приверженность собраниям, однако здесь — как при дворе, так и на местах — в их ведении находилось, скорее, правосудие, чем политика. По крайней мере, такую картину рисуют нам источники VIII века, куда более изобильные, чем в предыдущий период. Подданные искали в Павии справедливости, и королевский суд оправдывал их ожидания. О его решениях мы знаем из судебных документов, а также из внушительного свода очень ситуатив-

ных и детальных законов, в частности изданных Лиутпрандом. С последним не мог тягаться дотошностью ни один из современных ему законодателей: кто еще стал бы расписывать, какое наказание следует мужчине, который украл одежду купавшейся в реке женщины и вынудил ее возвращаться домой в чем мать родила? (Вердикт: он должен полностью выплатить *вергельд*, компенсацию за убийство, как если бы и в самом деле лишил кого-то жизни, поскольку в противном случае все равно не избежать кровной мести.) Это была прагматичная, достаточно приземленная и простая модель управления — но, судя по всему, она работала. После 774 года лангобардские методы правления стали перенимать и франки³⁵.

Масштабность, сплоченность и богатство поздней Римской империи остались далеко в прошлом. К VIII веку ни одно из описываемых государств не собирало сколько-нибудь серьезных налогов, поэтому модели управления стали намного примитивнее. Экономика также упрощалась (хотя Северной Галлии лучше других удавалось поддерживать систему производства и обмена товаров, что было закономерно, учитывая богатство ее знати) — в VIII веке в средиземноморских королевствах она переживала, пожалуй, наибольший упадок. Однако европейское пространство не было замкнутым — между королевствами всегда существовали взаимосвязи и происходили перемещения. В период обострения отношений с франками лангобардские короли даже разработали систему паспортов для тех, кто прибывал в королевство через Альпы³⁶. И самое главное, это было управляемое пространство. Все три государства-преемника опирались в управлении на документацию разного рода — принцип, унаследованный от Рима, — а также на традицию собраний (во Франкском государстве и в Италии в большей степени, в Испании в меньшей), от Рима не унаследованную. Кроме того, у них формировались собственные отличительные черты: во Франкском государстве — собрания, определявшие политику государства, а также эффективная и, как правило, имев-

шая регулярную основу военная машина; в Испании — сильная морализация верховной власти и приверженность церемониям; в Италии — тип «всепроникающего» правления, для которого характерны вникание в детали, действие на опережение и быстрая ответная реакция. Как нам предстоит увидеть в главе 4, все эти принципы, в основном складывавшиеся в самом начале Средних веков, позже будут взяты на вооружение Каролингами.

ГЛАВА 3

КРИЗИС И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ВОСТОКЕ 500–850 / 1000 гг.

Если бывшая Западная Римская империя в начале VI века пребывала в неопределенности, то Восточная переживала экономический подъем. В богатых селениях северной Сирии среди оливковых рощ строились крепкие каменные церкви, в странах Леванта благодаря орошению возделываемые земли теснили пустыню; на холмах нынешней южной Сербии, на родине императора Юстиниана (527–565), рос город Юстиниана Прима (ныне Царичин-Град), который, как показали недавние раскопки, мог похвастаться не только множеством великолепных общественных зданий, но и довольно значительным населением и налаженным ремесленным производством, хотя находился, как и сейчас, в стороне от наезженных дорог. Тот же император Юстиниан в 532–537 годах возвел в Константинополе «великую церковь» — собор Св. Софии, до XIII века остававшийся крупнейшей крытой постройкой в Европе¹. По торговым путям, расчертившим все Восточное Средиземноморье и Эгейское море, в Константинополь и другие крупные города поступало вино из Газы, оливковое масло из Сирии и Анатолии, египетские зерно и папирус, египетский и сирийский лен, керамика с Кипра и островов Эгейского моря. В основе этого товарообмена лежала система податей, в рамках которой продовольственную и другую продукцию везли на север,

в Константинополь и к военной границе на Балканах, а также на восток, к персидской границе по Евфрату, однако распространение товаров не ограничивалось маршрутами транспортировки натуральных налогов². Величайшие богатства Восточной империи сосредоточивались вне ее европейской территории, преимущественно в Египте и странах Леванта, однако причастность к ним сохранялась и на юго-востоке Европы, а когда Юстиниан отвоевал ряд западных территорий, к этим богатствам приобщились Северная Африка, Сицилия и юг Италии (в отличие от центра и севера, разоренных римско-готской войной). Система товарообмена VI века не знала себе равных в европейской истории до XIII столетия, когда — на совершенно иной экономической почве — начался пик производства и торговли во Фландрии и Италии (см. главу 7). На ней почти не отразилась обрушившаяся на Константинополь и другие восточные области в 541–543 годах эпидемия болезни, вероятно бубонной чумы³.

Таким образом, для Константинополя средневековое тысячелетие начиналось в достатке — сопряженном, что неудивительно, с политическим главенством. Получив от своего предшественника Анастасия (491–518) преимущество в виде прочной налоговой базы, Юстиниан в 528–533 годах пересмотрел весь свод законов и разработал корпус текстов, на котором в дальнейшем строилось все римское право; реформировал имперский чиновничий аппарат, издав законы, оберегающие от произвола властей придерживающих; вел войны с вандалами и остготами, сражался на северных границах империи и с особым упорством противостоял персам. Кроме того, он безжалостно преследовал религиозные меньшинства, вносившие хотя бы малейшую смуту, не щадя, впрочем, и те, что вели себя тихо. Юстиниан был и остается фигурой противоречивой. Своей бескомпромиссной суровостью и огромными амбициями, зачастую получавшими необычное воплощение — и собор Св. Софии, и законодательные реформы не знали себе равных по размаху, — он вызывал и критику, и открытую враждебность. Опальный отставной чиновник Иоанн Лид поносил главно-

го императорского министра-реформатора Иоанна Каппадокийского, не стесняясь в выражениях, и называл не только губителем административного устройства, но и омерзительным, порочным, жадным до еды и питья (его аппетиты истощили все рыбные промыслы в Черном и Мраморном морях), неумеренно жестоким двухполым хищником, который валяется голым в спальне в луже собственных испражнений. Весь доступный классической риторике набор клише одним залпом. Императора Иоанн Лид не критиковал, но критиковали другие — не в последнюю очередь современный ему историк Прокопий Кесарийский, считавший Юстиниана демоном, а его властную супругу Феодору — блудницей. Налоговая система, надо признать, действительно не могла выдержать несколько войн одновременно и масштабное строительство в придачу, а административные реформы Юстиниана не обеспечили предполагаемого радикального преобразования. Видимо, вследствие этого преемники его на грандиозные проекты уже не заманивались. Однако правление этого императора бесспорно демонстрирует возможности, которые целеустремленный властитель мог рассматривать и частично воплощать в жизнь⁴.

И все же необходимо учесть, что, пожалуй, самой главной из стоявших перед Юстинианом проблем — или, по крайней мере, неотделимой от остальных его политических деяний — была религиозная рознь. Теологические споры V века о божественной природе Христа привели к возникновению монофизитства (утверждавшего, что божественное и человеческое в Иисусе неразделимо), которое противоречило учению, принятому в столице, но имело достаточно адептов среди населения восточных провинций. Для Юстиниана, воспринимавшего себя прежде всего христианским императором, религиозное единство было не менее важно, чем позже будет для вестготов. И он готов был добиваться этого единства гонениями, однако и компромиссов не чуждался (монофизиткой была, в частности, сама императрица Феодора) — в 553 году на церковном соборе в Константинополе он попытался выработать примирительную доктрину, приемлемую для обеих

сторон. Однако замысел провалился, и монофизиты за время его правления только сплотились, чем обрекли на провал последующие попытки найти равновесие. Христианские церкви Армении, Ливана и Египта по сей день причисляются к монофизитским⁴.

Проблеме монофизитов в IV веке придавалось большее значение, чем борьбе ариан и никейцев, потому что теперь христианизация Восточной империи, как и западных территорий, успешно завершилась — в очередной раз оставив за бортом иудеев. Однако христианство на Востоке отличалось от западного. Епископат действовал не менее активно, и власть над городами епископы, как и на Западе, получали все чаще. Но на более широкой политической сцене они — за исключением глав епархий крупнейших городов — сильными игроками не числились. Церковь на Востоке зачастую уступала западной в богатстве земельных владений, и при этом византийские императоры гораздо активнее вмешивались в духовные вопросы. Кроме того, религиозная деятельность не всегда подчинялась строгой церковной иерархии. Стремительно увеличивалось число автономных монастырей, которые не всегда были так тесно связаны с властью аристократии, как на Западе. Они являлись средоточием доморощенной народной религиозности, а монахи — там, где они были особенно многочисленны, например близ Иерусалима или в южном Египте, — выступали фанатичной религиозной полицией. Выдающимися личностями, несмотря на гораздо меньшую численность, были и аскеты, «духовные подвижники», такие как Симеон Столпник (ум. в 592), стоявший на башне в окрестностях Антиохии 44 года, — он обладал немалым авторитетом, пророчествовал и выступал духовным наставником даже для императоров, а также творил чудеса. Кроме того, аскеты изгоняли бесов — как Феодор Сикеот (ум. в 613) в центральной Анатолии, житие которого изобилует подвигами такого рода. Складывались культы местных святых, мучеников ранней Церкви, епископов, аскетов — как и на Западе, большую ценность для таких культов имели реликвии и мощи. Святынями, как правило, распоряжались церковные иерархи, однако в VI веке

империю отличала религиозность, идущая от низов и неподвластная не только епископам, но и императору⁶.

В VI веке после долгого перерыва возобновились войны с Персией, где возрождалось — особенно при Хосрове I (531–579) — бывшее могущество Сасанидов. Поскольку Персия была не менее сильной империей с опытной армией и персидская граница проходила в непосредственной близости от богатейших земель Римской империи, соседство было опасным. Юстиниан развязал несколько войн, и впоследствии, в 570–580-х, конфликт стал почти постоянным — закончился он лишь во времена соперничества двух персидских шахов, когда император Маврикий (582–602) поддержал вышедшего победителем Хосрова II и тот в 591 году заключил с Византией мир. Перемирие позволило Маврикию перебросить силы на Балканы, где со времен Юстиниана шло нашествие новых захватчиков — славяноязычных племен (византийцы обобщенно называли их склафинами — так их буду называть и я), которых поддерживали авары, тюркский народ, бывшие кочевники, обосновавшиеся с 560-х годов к северу от Дуная. Войска Маврикия, изнуренные зимней войной, в 602 году подняли мятеж, двинулись на столицу и, убив императора, возвели на престол своего главнокомандующего Фоку — это был первый успешный переворот в Восточной Римской империи почти за 250 лет, однако далеко не последний. Воспользовавшись гибелью своего покровителя Маврикия, Хосров II возобновил войну — с новыми силами и куда большим размахом. Когда Фока пал жертвой следующего переворота, совершенного сыном экзарха Африки Ираклием (610–641), междоусобица в византийском стане дала персам возможность совершить прорыв: в 611–619 годах они захватили Сирию, Палестину и Египет, экономические центры империи. В 626 году, выступив по всем канонам военного искусства, персы атаковали Константинополь с одного фланга, а авары со склафинами — с другого, однако взять город им не удалось. Эта осада стала наивысшим их достижением. Ираклий зашел со своим войском персам в тыл,

объединился в 627–628 годах с тюркскими племенами из степей к северу от Кавказа и вторгся в самое сердце шахских земель — Месопотамию, нынешний Ирак. Хосров II был убит, персидская держава пришла в упадок, и к 630 году Ираклий получил назад все захваченные у Римской империи владения. Однако не прошло и половины десятилетия, как все вновь изменилось. И на ромеев, и на персов к тому времени уже наседал новый враг — арабы. В 634–642 годах мусульманские арабские войска в череде стремительных кампаний и победоносных сражений и осад вновь завоевывали все провинции, которые Хосров в свое время отнял у римлян, и этим не ограничились: за тот же короткий период они отобрали у персов Ирак, а в 640-х — весь Иран. Последний сасанидский шах Йездигерд III был убит в 651 году, и к тому времени вся его империя находилась в руках арабов. Эти завоевания, оказавшиеся необратимыми, определили всю дальнейшую геополитику Европы и Азии⁷.

Что же означали все эти события? Давайте рассмотрим их с позиций римлян, а затем — арабов. Для римлян это была величайшая военная катастрофа за более чем 600 лет существования империи, причем почти непостижимая: до тех пор арабы всегда считались малозначимыми пограничными племенами, в лучшем случае годящимися в наемники, но существенной угрозы не представлявшими (на проходящей в основном через пустыню аравийской границе даже не строили вооруженных укреплений). Возможно, римляне надеялись, что все еще можно исправить, но, когда первая гражданская война среди арабов в 656–661 годах не привела к расколу нового халифата и набегу арабов на Анатолию только усилились, стало ясно, что новый политический расклад не изменится. Римляне пока не понимали, что такое ислам — поначалу он казался упрощенной формой христианства, а не иной религией, — но в любом случае, учитывая тогдашний политический образ Восточной Римской империи, катастрофа воспринималась не только как военная, но и как религиозная, поскольку победоносных арабов никак нельзя было назвать православными. Одна из реак-

ций на такую катастрофу — крепить устои православия, бесспорно подрываемые внутренними врагами. Соответственно 640–650-е годы характеризовались усилением гонений на всех, кто не признавал последний религиозный компромисс Ираклия под названием монофелитство. На этот раз преследования коснулись и монофизитов, и католиков (и иудеев), а папа Мартин I (649–655) был в 653 году арестован в Риме и после суда сослан в Херсонес Таврический за отказ поддерживать императорскую политику. Другая реакция — заключить, что на этот раз тревога не ложная, как бывало неоднократно, и конец света действительно грядет. Так называемое «Откровение Мефодия Патарского», сирийский апокалипсис, вскоре переведенный на греческий и даже латынь, был написан в исполненные новых надежд годы второй гражданской войны в Аравии в 680-х и получил широкое распространение. Но конца света не случилось, и апокалиптические картины утратили остроту. Как ни странно — после всех духовных битв середины века — утихли и христологические споры. В 680 году Константин IV (668–685) официально отказался от искусственной монофелитской доктрины, и христологические разногласия с тех пор почти не напоминали о себе. Новая жизнь, где приходилось держать круговую оборону, снижала значимость ученых споров о божественной природе, а когда в более спокойном VIII веке религиозные расхождения наметились вновь, камень преткновения был уже иным, о чем я расскажу ниже⁸.

Военная обстановка тем временем оставалась напряженной. За восемь лет Римская империя уступила две трети своей территории и три четверти ресурсов, а оставшуюся часть обороняла от богатого и активного врага. Чтобы выстоять, нужно было меняться, и она менялась. (С этого момента, чтобы обозначить рубеж, я буду использовать название, которым нарекли все еще римскую империю историки, — Византия, от первоначального названия Константинополя, Византий. В интересующий нас период византийцами называли только жителей столицы⁹.) Для этого империи пришлось организовать оборону гораздо даль-

ше Центральной Анатолии, за Таврскими горами, наискось пересекающими нынешнюю Турцию, создав военные округа (фемы) в Западной Анатолии, где войска кормились с земли, на которую были посажены в качестве компенсации за урезанное жалованье. Оно выплачивалось по-прежнему, но к тому времени почти полностью натурой, поскольку монетная система в центральных областях империи — на Эгейском море и в Анатолии — была на грани развала. Угроза сопротивления, которое способны были оказать эти войска, свела на нет продолжавшиеся целый век арабские набеги на скудных землях Анатолийского плоскогорья. Исключение составляли единичные организованные атаки, которых, впрочем, Константинополь мог не бояться, поскольку был надежно защищен с запада, а с востока его оберегал от любых нападений, кроме морских, пролив Босфор. Последним крупным посягательством была великая осада Константинополя арабами с моря и суши в 717–718 годах: о походе было известно заблаговременно, и византийцы успели подготовиться, поэтому осада, как и в 626 году, закончилась неудачей¹⁰.

Таким образом, худшие времена для империи остались позади. Поразительно и примечательно, что она выстояла под всеми этими ударами, когда Западная Римская империя двумя столетиями раньше не вынесла гораздо более слабой, по военным меркам, угрозы. Дело не в крепкой руке; военное и политическое руководство было очень неуверенным и шатким и в 640-х, и в 660-х годах, и в десятилетие после смерти Константина IV. Отчасти это объяснялось тем, что организационная инфраструктура империи, сложившаяся в тучные годы начала VI века, оказалась достаточно прочной и в то же время способной на стремительную адаптацию (чиновничий аппарат VIII века, уже полностью грекоязычный не в пример Юстиниановым временам, структурно очень сильно отличался от аппарата VI столетия). Земельная аристократия, порядком обедневшая, утратила статус, растворившись в государственной иерархии, и до IX века знатные семейства фактически перестали упоминаться в источниках¹¹. Однако основная причина заключалась

в том, что скорость и размах катастрофы просто не дали ей отразиться на местном укладе, как это часто бывало на Западе. Не было относительно мирных периодов, за время которых местные военачальники или население провинций с византийской стороны границы могли привыкнуть к арабским соседям, как западные римляне привыкали к германским племенам. Все знали, что альтернативой радикальным мерам будет поражение. Однако важно также, что среди этих радикальных мер не было отказа от земельного налога и, как следствие, окончательного оседания армии на земле. Налоговая система Римской империи уцелела, хоть и в упрощенной форме. При этом в некоторых частях империи — в Константинополе и ближайших окрестностях, а также на Сицилии — она функционировала почти так же, как прежде, на основе монетной системы. Этого оказалось достаточно, чтобы найти опору и возродиться, когда положение дел в империи улучшилось.

К 700 году Византийская империя сильно отличалась от империи образца 600 года. Центр тяжести к этому времени сместился на запад, политическое «сердце» теперь находилось на Эгейском море, к которому имел выход Константинополь. Последний хоть и сократился в размерах (остальное государство его больше не кормило), по-прежнему был крупным и экономически активным городом. В кризисные годы северный рубеж обороны истощился полностью и Балканский полуостров постоянно осаждали склавинские племена, часть из которых добралась до нынешней южной Греции. Подлинное владычество Византии ограничивалось восточной кромкой греческого побережья и несколькими отдельными городами на западной стороне и на Адриатике, защищенными с моря. В 680–681 годах сеть мелких склавинских поселений и византийских анклавов на Балканах была разорвана появлением новых тюркских кочевников — булгар, которые после 626 года взбунтовались против аваров. Византийцы (после поражения) готовы были принять их в лоно империи, чтобы перестало лихорадить хотя бы часть Балкан, и кочевники, осев в северной части нынешней Болгарии, в конце концов вывели ее из-под номи-

нального византийского господства. Экономика Греции и Западной Анатолии значительно упростилась, большинство городов — за исключением крепостей — были заброшены, однако не все, и какой-то уровень товарообмена на побережье Эгейского моря сохранялся¹².

В результате главенствующее положение обретали западные области империи — ось Равенна — Рим — Неаполь, а также Сицилия и север Африки. Все они, за исключением Северной Африки, были меньше подвержены арабской угрозе. И действительно, к 700 году Сицилия стала богатейшей из провинций империи. (Африка в 690-х полностью отошла завоевателям.) Товарообмен на берегах Италии не уступал эгейскому — хоть и менее сложный и разнообразный, чем при Юстиниане, он по-прежнему был активным¹³. Поэтому не так уж удивительно, что Константин II (641–668) решил под конец своего царствования перенести столицу в Сиракузы, главный город Сицилии, хотя другим крупным политическим игрокам это показалось слишком радикальным и вскоре император был убит. Рим тоже долгое время сохранял связи с Востоком. Папа, еще не ставший официальным правителем города, но уже обладавший большой властью, по-прежнему был главой имперской Церкви, и с его взглядами приходилось считаться в религиозных диспутах. Кроме того, он владел обширными землями в южной Италии и на Сицилии, поэтому не испытывал недостатка в ресурсах. Авторитет папы у императоров этого периода действительно вырос. Если Григорий Великий, на современный взгляд самый выдающийся папа раннего Средневековья, крупный богослов и активный политический деятель, не был влиятельной фигурой в Константинополе при Маврикии, то Мартин I много значил для Константа II (к несчастью для него). Голос Рима был учтен и когда Константин IV отказывался от монофелитства, и с тех пор папы более полувека были преимущественно грекоязычными — притом что в городе было много южноитальянских и восточных священников¹⁴. Таким образом, Византийская империя теперь была ориентирована по оси Константинополь — Сици-

лия, а не Константинополь — Египет, как в VI веке. Соответственно владычество над Северным морским путем через Средиземноморье византийцы обороняли от посягательств арабов как можно тщательнее¹⁵.

Так пережили кризис середины VII века римляне. У арабов, как у победившей стороны, картина была, разумеется, совершенно иной. Поскольку книга посвящена Европе, у нас нет возможности подробно анализировать новый мир, построенный арабами, однако сравнить его с римским необходимо, чтобы получить представление об историческом контексте. Как бы то ни было, в следующей половине тысячелетия арабские халифаты стали богатейшими и сильнейшими политическими образованиями в Средиземноморье, которые оказывали значительное влияние на европейскую сторону региона, поэтому внимания они, несомненно, заслуживают. Начнем с успеха арабов: залогом его стало объединение Мухаммедом (ум. в 632 году) и его последователями многочисленных аравийских племен под эгидой ислама. Каким был ислам на заре своего существования, мы никогда не узнаем, хотя крепнет уверенность, что Коран, его основное священное писание, примерно к 650 году был уже близок к своей окончательной форме, как всегда и утверждала мусульманская традиция. Это, разумеется, не означает, что учение исповедовали или хотя бы знали повсеместно. Как и у христиан, представление о своей религии у ранних мусульман сильно варьировалось¹⁶. Однако самое главное, что войны в арабских войсках считали себя единоверцами, и этого было достаточно хотя бы для того, чтобы одержать первые победы, которые в качестве спланивающего фактора добавляли к общей вере общие интересы. Успех, конечно, объяснялся не только религиозностью: с дурными военачальниками и слабой дисциплиной сражения не выигрывают, тем более что численность арабских войск поначалу была невелика¹⁷. Их полководцы определенно знали свое дело. Как и в германских племенах двумя столетиями ранее, многие арабы, скорее всего, получили военный опыт в римских и пер-

сидских войсках (пусть даже основное состоявшее на службе у римлян племя Гассанидов сражалось на стороне Ираклия). Кроме того, недавняя римско-персидская война, истощившая и разорившая армии обоих противников, тоже не способствовала устойчивости ни той ни другой империи. Однако на этом поиски причин придется завершить: наши источники, при всей своей многочисленности с арабской стороны, в основном относятся к более поздним временам и большего нам не расскажут.

Гораздо лучше документировано то, как арабы распорядились своими успехами. Преемники Мухаммеда, халифы (араб. «халифа» означает «заместитель» — имеется в виду Господа) правили богатейшими землями к западу от Индии и Китая и обладали несметным ресурсным потенциалом, который, насколько мы можем судить, не пропал даром. Начиная с 640-х годов халифы, видимо, предпочли не сажать войска на землю (как это происходило ранее в германских племенах), а расквартировывать в городах и платить жалованье за счет налогов, которые уже существовали и в Римской империи, и в Персии и которые еще долго будет собирать и распределять сложившаяся римская и персидская элита. Практика финансирования армии, правящего класса и государства за счет разветвленной системы налогов в арабском мире не сдавала позиций¹⁸. Она обеспечила арабам существенное изначальное преимущество, отделив их от значительно более многочисленного местного неарабского и немусульманского населения, которому в результате так и не удалось арабов поглотить. В конечном итоге верх одержали арабский язык и мусульманская религия — на всей территории Халифата, за исключением Ирана. (В этом тоже состояло отличие от большинства германских племен на Западе: в Галлии, Испании и Италии будущее осталось за языками на основе латыни, а не германскими.) Примерно до X века ислам был религией меньшинства на всех захваченных землях, за исключением, возможно, Ирака. И тем не менее, по крайней мере с конца VIII века, новая культура арабо-мусульманской элиты медленно, но верно завоевывала господство в главных центрах мусульманского мира.

В ней сохранялись отголоски литературы и философии более раннего периода (прежде всего, классической греческой философии и науки), однако основу ее к этому времени составляли иные образцы летописания, богословия, поэзии, географии, наставлений, беллетристики, почти ничего общего не имевшие с прежними традициями. Созданный в этих жанрах в IX и X веках огромный массив текстов (гораздо более обширный, чем где бы то ни было в Европе в любой период Средневековья) до сих пор составляет костяк исламской культуры⁹. В XII–XIII веках некоторые из достижений арабской культуры, особенно в области медицины и философии, стараниями переводчиков на латынь добрались и до Западной Европы.

Таким образом, благодаря действенной налоговой и административной системе Халифат сохранял политическую функциональность и — в течение долгого времени — баснословное богатство. Эта система гораздо медленнее отделялась от своих римских (и персидских) корней, чем фискальные структуры не только западноевропейских королевств, но и Византии. На территории бывшей Римской империи оказавшиеся под властью арабов Египет и Левант также подверглись наименьшим по сравнению с другими землями экономическим изменениям — при археологических раскопках вычленил период арабских завоеваний и вправду нелегко, и благополучие VI века, утраченное византийскими провинциями, здесь довольно долго сохранялось неизменным¹⁰. Новые исламские города, такие как Фустат (сейчас часть Каира), а после 762 года Багдад, могли разрастаться до огромных размеров. Когда в XI–XIII веках оживились торговые отношения в Средиземноморье, Египет как центр производства и торговли стал еще более влиятелен, чем во времена Рима. Иными словами, в Халифате далеко идущие культурно-религиозные перемены компенсировались и окупались меньшей изменчивостью экономического и политического устройства, что представляло собой почти полную противоположность происходившему в Европе, как Восточной, так и Западной.

Впрочем, политическая жизнь Халифата не отличалась такой стабильностью, как государственные структуры. Непосредственные преемники Мухаммеда сохраняли право централизованно определять военную стратегию и распоряжаться ресурсами, что было эффективно, но вызывало недовольство войск, избалованных победами и достатком. Убийство халифа Усмана повстанцами в 656 году привело к междоусобице, приостановившей арабскую экспансию. В 661 году кузен Усмана Муавия из династии Омейядов, дальний родственник Мухаммеда, одержал в этой войне верх и стал халифом (661–680). Омейяды, назначившие своей столицей сирийский Дамаск, правили почти столетие. Но, когда после смерти Муавии стало понятно, что он и его преемники рассчитывали на династическое правление, вспыхнули мятежи и началась вторая гражданская война, в которой Омейяды терпели поражение, пока в 692 году Абдул-Малик (685–705) не занял священную Мекку. Он придал Халифату гораздо большую внешнюю религиозность; Абдул-Малик, как и его сын Аль-Валид I (705–715) вслед за ним, строил монументальные мечети и повелел чеканить на монетах цитаты из Корана вместо своего портрета. Омейяды властвовали над Сирией и Палестиной, и египетские войска до самого конца хранили им верность, однако в Ираке, а иногда и в Иране династия встречала сопротивление. Начавшееся в 747 году в Иране восстание под религиозными лозунгами поддержали и в других областях; в 750 году Омейяды пали и были почти уничтожены как род, а к власти в Халифате пришла новая династия — Аббасиды, потомки дяди Мухаммеда, считавшиеся более законными правителями с точки зрения мусульманской религии. (Полагали, что в результате восстания власть получают Алиды, потомки самого пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы, однако этого не случилось, и с тех пор Алиды, хоть и окруженные почетом, считали себя ущемленными.) Аббасиды носили халифский титул еще не один век, пока в 1517 году его не отобрали османские султаны, хотя реальная власть Аббасидов продлилась всего два столетия, до 940-х годов. Оплот их нахо-

дился в Ираке, а не в Сирии, которая до XII века не могла вернуть себе статус крупного политического центра. Второй халиф Аббасидов, аль-Мансур (754–775), основал Багдад, а его преемники способствовали расцвету арабской литературы в течение последующих столетий²¹.

Дальнейшая история халифов — равно как и многочисленных династий, пришедших на смену свергнутым Аббасидам, — остается за рамками этой книги. Но важно подчеркнуть, что к 940-м годам подвластная халифам территория распалась на множество отдельных государств в Египте, Ираке, Иране и так далее, которые воедино больше никто не собирал. Только Османам в XVI веке удалось объединить мусульманские земли в Средиземноморье и Ирак, но Иран они подчинить не смогли. До этого самым могущественным из государств-преемников Аббасидского халифата на Средиземноморье был независимый халифат Фатимидов (969–1171) с центром в Египте, но распространявший свою власть и на Сирию, и, по крайней мере номинально, на Тунис и Сицилию. Фатимиды, что нехарактерно, были по происхождению Алидами — по крайней мере, считали себя таковыми, — и в своем правлении эта преуспевающая династия опиралась на шиизм, а не на суннизм, преобладающее направление ислама в Средние века²².

Внутренние междоусобные войны притормозили экспансию Халифата, однако после их завершения посягательства арабов на соседей возобновились с новой силой, свидетельствуя о возрождении единства и целеустремленности. В результате Халифат постепенно прирастал землями Северной Африки и Центральной Азии. К концу VII века ему покорились берберские королевства на алжирском и марокканском берегу, а также византийская Северная Африка. Оттуда в 711 году берберско-арабская армия вторглась в вестготскую Испанию и к 718 году завоевала ее почти целиком. Но дальше в глубь Европы арабы не продвинулись (хотя около века спустя им удалось присоединить Сицилию) — совершавшиеся затем набеги на Галлию не носили экспансионистского характера. К тому времени Халифат разросся максимально, простираясь

от Атлантики до границы с Китаем. Поддерживать по-настоящему долгосрочное единство было невозможно и теоретически, и, как показал постаббасидский период, практически — хотя удерживать под своей властью территорию от Египта до Самарканда в течение 300 лет было само по себе логистическим и организационным достижением. Если халифы и желали что-то завоевать после 700 года, то Константинополь, однако тут они потерпели неудачу в те же годы, когда одержали победу в Испании — в 717–718-м. Испанию, впрочем, они присоединили попутно; в 740 году она, как и большая часть Северной Африки, была охвачена мятежами, поэтому после 755–756 годов с готовностью приняла последнего уцелевшего представителя династии Омейядов, Абд ар-Рахмана I (756–788), в качестве независимого эмира²³. Однако эмират Аль-Андалус был единственной частью Европы, напрямую преобразованной арабскими завоеваниями, и в конце этой главы мы к нему еще вернемся.

На арабские завоевания, как и на падение Западной Римской империи, западная историческая школа смотрит в большинстве своем через призму морализаторства, рассуждая о крахе цивилизации и имперских амбиций, а также о триумфе варварства. И в том и в другом случае это лишено смысла, но, учитывая высокое развитие Халифата, применительно к нему это бессмысленно вдвойне. Смотрели на них и через ориенталистскую призму: в этот период Восточное и Южное Средиземноморье перестало быть частью той же цивилизации, что и северное побережье, и стало чужеземьем, где под палящим солнцем плелись непостижимые интриги и раз за разом происходила жестокая — при этом, по сути, нецелесообразная — смена власти. Это тоже ошибочный подход, но более коварный, потому что тут есть доля истины: арабоязычная культура была действительно непроницаема для латино- и грекоязычной Европы, за исключением одной-двух точек соприкосновения — Аль-Андалуса, затем Сицилии, а позже — великих итальянских торговых городов, которым необходимо было налаживать взаимодействие с богатыми областями Средиземноморья.

Кроме того, христианским государствам слишком легко было увидеть в мусульманах экзистенциальную угрозу — и иногда именно этим они руководствовались в своих действиях, самым драматичным примером чего служат крестовые походы. И конечно, христианским государствам гораздо сложнее оказывалось учиться у мусульманских, даже если научиться можно было многому. Учитывать эти подходы мы должны, но брать их на вооружение не будем.

Тем не менее одно из таких представлений нуждается в дополнительном пояснении: неужели Европу как таковую действительно создали арабы, расколов единство римского и постримского Средиземноморья и отделив европейское побережье от азиатского и африканского (с некоторой размытостью на окраинах, самыми очевидными примерами которой в тот период были Аль-Андалус и византийские земли в Анатолии)? Именно так полагал великий бельгийский специалист по экономической истории Анри Пиренн в начале XX века. С его точки зрения, Средиземноморье представляло собой единое экономическое целое — до арабских завоеваний, которые разрушили торговые связи Римской империи, после чего европейский товарообмен сместился к северу, своему естественному средоточию, которым Пиренн считал Бельгию²⁴. Здесь имеется фактическая неувязка: Западное Средиземноморье к VII веку уже успело утратить экономическое единство, а к X веку торговцы из исламских государств, наоборот, воссоздавали средиземноморскую торговую сеть от Аль-Андалуса до Египта и Сирии, к которой Византия и итальянские города впоследствии попросту подключились²⁵. Однако нельзя отрицать, что с тех пор южный рубеж христианского мира проходил по Средиземному морю, а не по Сахаре, как в 500 году. И все же в этой соблазнительной теории имеется прокол — постоянное упоминание Европы, понятия, ничего не значащего сейчас и совершенно беспомощного в Средние века, как мы знаем из главы 1. Более того, огромные политические и культурные различия между севером и югом Европы были и остаются до сих пор даже острее, чем различия между

тремя крупнейшими западноевразийскими политическими игроками — Франкским государством, Византией и Халифатом. Такое положение сохранялось до позднейшего Средневековья, когда на окраинах началась еще большая неразбериха — османы к тому времени подобрались к границе Венгрии, а русские князья готовились покорять Сибирь. Я же, пожалуй, не буду пускаться в поверхностные и обычно исполненные самодовольства размышления о мировой истории и скажу просто: в результате арабских завоеваний в Западной Евразии появился третий крупный игрок, более могущественный, чем главенствовавшая прежде (Восточная) Римская империя, и такой, с которым впоследствии пришлось взаимодействовать всем. От этого уже вполне можно отталкиваться.

После великой осады Константинополя в 717–718 годах византийцам уже не нужно было действовать в кризисном режиме, и они довольно скоро это поняли. Император Лев III (717–741), вышедший победителем из мясорубки военных переворотов предыдущего десятилетия, на фундаменте этой победы возвел прочную структуру верховной власти, которую унаследовал и развил его сын Константин V (741–775). Лев III издавал законы, Константин перестроил главный акведук, подававший воду в Константинополь, — жизненно важное для водоснабжения предприятие. Кроме того, он реформировал армию, создав специализированные ударные отряды, и, впервые за столетие перейдя в наступление, раз за разом шел войной на болгар и славянов, вернул господство над нынешней Грецией и землями к северу от нее и даже напал на арабов. Западная часть империи Константина интересовала гораздо меньше, поэтому он не особенно заботился о том, чтобы предотвратить потерю Равенны и других земель в центральной Италии — включая Рим, где папы в его правление благополучно отстаивали независимость. Однако на востоке последствия его военных побед будут ощущаться еще долго. Совместными усилиями Лев III и Константин V заложили основы сильной Византийской империи середины Средних веков, ориентированной

на Эгейский регион. По сравнению с прежними временами она сократилась в размерах, однако была едина в военном и фискальном отношении и, уступая площадью другому крупному европейскому государству, Франкскому, превосходила его сплоченностью внутренней организации вокруг сохранившей размах и вновь разраставшейся столицы и определенно имела более долгую историю. Позже император Никифор I реформировал и налоговую систему, и начиная с его правления становится больше свидетельств возврата монетного обращения, а затем — расширения экономического обмена и ремесленного производства²⁶.

Здесь мы впервые с VI века наблюдаем политическую уверенность в своих силах. Не всегда она была полностью оправданной, по крайней мере к тому моменту. При хане Круме (ок. 800–814) болгары собрались с силами и нанесли поражение Никифору I. Сам император погиб в битве. А в 828 году, спустя два переворота и одну междоусобную войну, стратегически важный остров Крит заняли арабские войска. К 902 году увенчалась успехом затянувшаяся на 75 лет попытка арабов отвоевать Сицилию, и та вышла из-под византийского владычества окончательно. Но при Феофиле (829–842), который, как и Константин V, активно отстраивал Константинополь, империя сохранила единство, а затем натиск арабов ослаб. Империя оказалась в выгодном положении и смогла воспользоваться и первым крупным кризисом Аббасидов в 860-х годах, и более длительным, начавшимся в X веке, как мы еще убедимся в главе 9²⁷.

В таком историческом контексте (достаточно благоприятном, если не считать 810–820-х годов) развивался один из самых интересных христианских конфликтов Средневековья — спор о религиозных изображениях. Начиная с 680-х годов наряду с отсылками к давнему культу реликвий возникают упоминания о поклонении образам — они тоже существовали издавна, однако с означенного времени многие стали воспринимать их по-новому, как окно в бытие изображенного святого (или Иисуса). Веру эту поддерживали не все, многие считали, что нельзя поклоняться рукотворному

изображению на деревянной доске, однако почитание образов распространилось достаточно широко, чтобы некоторые его элементы были канонизированы Трулльским собором в 691–692 годах. Возникло оно — именно в Византии, не на Западе, — скорее всего, потому что в конце VII века византийцы пытались примириться с поражением и соприкасаться с божественным как можно теснее многим казалось утешительным. Однако это стремление сразу же смешалось с потребностью клира контролировать детали религиозных обрядов, которые, по сути, в основном и обсуждались на Трулльском соборе. На смену опасности ошибиться насчет природы Христа пришла опасность нарушить чистоту обряда — и для многих поклонение образам не просто подлежало контролю, но само по себе выступало прегрешением. Споры о том, грешно или не грешно молиться иконам, были связаны и с кросс-культурной щекотливостью вопроса об изображениях в целом, поскольку именно в этот период халифы начали порицать изображение человеческого лика как такового, по крайней мере в общественном и религиозном контексте. Усматривать здесь мусульманское влияние на византийское христианство (или наоборот) оснований нет, однако вопрос, считать человеческие изображения благом или злом, святыней или грехом, звучал повсюду, у представителей разных стран и религий²⁸.

Вопросы такого рода объясняют начавшееся в VIII веке иконоборчество, упоминания о котором впервые появляются в 720–730-х годах в связи с действиями двух анатолийских епископов. Около 750 года ту же политику начал проводить сам Константин V, написав два иконоборческих трактата под названием «Изыскания», а в 754 году он созвал Иерийский собор, осудивший почитание икон. Несколько изображений в церквях были уничтожены и заменены распятиями, которые Константин считал вполне приемлемыми — в силу символичности — предметами для поклонения. (Насколько мы сегодня можем судить, основная масса икон уничтожению все же не подверглась.) Важнее, что на смену непосредственному, неконтролируемому соприкосновению со священ-

ным, которое обеспечивали иконы, приходило посредничество церковников и церковных обрядов, предполагающих причащение. В этом и состояло «иконоборчество» Константина (уточню, что термин современный, в Византии его не знали). Насколько ему сопротивлялись, сложно сказать. Противники у Константина, несомненно, имелись, хотя достоверно нам известно лишь о римских папах. Армия же, напротив, его поддерживала, равно как, скорее всего, и столица, и — когда до них докатилась молва — богословы Франкского государства, где в силу того, что поклонение образам и без того было не в ходу, действия Константина воспринимались как естественные. Достоверно известно другое: после смерти Константина, а затем его сына Льва IV вдова последнего Ирина, правившая как регент при своем сыне Константине VI (780–797), повела иную политику и на Втором Никейском соборе в 787 году восстановила иконопочитание, осудив Константина V и его религиозные взгляды²⁹. Ирина была женщиной жесткой — впоследствии, ослепив и свергнув сына, она стала единственной в средневековой европейской истории правительницей, захватившей власть силой, и царствовала самодержавно, пока сама не была свергнута в ходе переворота 802 года Никифором I. Второй Никейский собор был нужен, возможно, лишь для того, чтобы назначить на высокие должности сторонников самой Ирины, а не ее свекра Константина, а также чтобы вновь привести византийские религиозные обряды в соответствие с римскими. Успех Ирины свидетельствовал и о том, что в Византии правительница обладала подлинной властью. Она встала в один ряд с такими крупными политическими деятельницами, как Феодора, влиятельные София (вдова Юстина II) в VI веке и Мартина (вдова Ираклия) в VII столетии, правящие императрицы Зоя и Феодора в 1040–1050-х годах, несмотря на то что ее свержение говорит и о непрочности женской власти³⁰. Но иконоборчество переворот 802 года не вернул, тем самым, возможно, доказывая, что религиозные взгляды Константина V уже не встречали того отклика и под-

держки, которые прослеживаются в более ранних исторических источниках.

Однако на этом иконоборчество не прекратилось. Гибель Никифора I в сражении взбудоражила империю и всколыхнула — особенно в войсках — память о победах Константина V. В 815 году новый император Лев V вновь обратился к иконоборчеству в надежде вернуть тем самым и военный успех. Однако вторая волна иконоборчества, как ее часто называют, судя по всему, была, скорее, культом власти и армии, который со всей истовостью насаждался лишь Феофилом в 830-х и военных успехов все равно не обеспечил. Не прошло и года после смерти Льва, как регенты, правившие от имени его малолетнего сына Михаила III, от этой политики отказались, а в 843 году возродилось формализованное поклонение образам, гораздо более основательное, поскольку к тому времени у него имелось подробное богословское обоснование, отсутствовавшее в середине VIII века. Почитание священных образов — икон — с тех пор стало ключевой составляющей православного христианства и отличало византийскую религиозную культуру до последних дней империи. Не исключено, что именно этим объяснялась независимость мышления некоторых византийских богословов: в какой-то степени они начинали все заново. Византийское государство классического Средневековья было детищем Константина V, дело которого продолжили Никифор I и Феофил, но православная религия сформировалась в противостоянии всем троицам (даже Никифору, который, хоть и не был иконоборцем, сверг Ирину, героиню Никейского собора). В будущем мирянам Византии предстояло искать новых героев.

В завершение этой главы обратимся к Аль-Андалусу. Не будучи в буквальном смысле «восточным» государством, поскольку географически (как и Ирландия) он представлял собой самую западную окраину Европы, Аль-Андалус испытывал сильнейшее влияние политического уклада, формировавшегося в Египте и Ираке. В Аль-Андалус входила не вся Испания, арабам не удалось завла-

деть гористой северной кромкой полуострова, где в VIII–IX веках сохранялись разрозненные христианские королевства, в X веке ставшие несколько более сплоченными³¹. Кроме того, своим оплотом арабы сделали юг со столицей в римской Кордове, а не центральное плоскогорье вокруг прежней столицы, Толедо. Толедо и другие крупные северные города вроде Сарагосы считались, скорее, крупными пограничными областями, которые, разумеется, тоже требовалось контролировать, но о полноте централизованной власти речь не шла. Эмират Омейядов формировался непросто, Испания после завоевания была очень раздробленной, и отношения разных частей полуострова с верховной властью складывались неодинаково. Кроме того, там, в отличие от большинства других завоеванных арабами территорий, отсутствовала устоявшаяся система налогообложения, и, хотя арабские правители стремились наладить ее как можно скорее, добиться той эффективности, которая на Ближнем Востоке до X века воспринималась как должное, им не удавалось. Это, впрочем, не мешало Кордове как столице стремительно расти. На пике своего расцвета в X веке она, пусть ненадолго, оказалась крупнейшим городом Европы. Абд ар-Рахман I в 756 году стал основателем династии Омейядов, которая правила без перерывов до 1031 года, почти не встречая препятствий при передаче власти по наследству. Тем самым закладывались надежные предпосылки для стабильного роста государства под властью эмиров, которое, несмотря на независимость Аль-Андалуса, развивалось в основном благодаря заимствованиям правительственных механизмов у Аббасидов. Параллельно шла исламизация правящего класса, а затем, уже медленнее, испанского населения в целом, которая к IX веку была заметна в Кордове, а к началу X века, вероятно, достигла решительного перелома на всей остальной территории эмирата³².

Это политическое образование чуть не рухнуло под натиском первой большой волны междоусобных войн, в 880–920-е годы, когда по всему Аль-Андалусу начали восставать местные политические деятели — один из них, Омар бен Хафсун (ум. в 917),

претендовавший на вестготское происхождение, даже обратился в христианство (верный признак слабости владычества Омейядов). Однако Абд ар-Рахман III (912–961) быстро обратил эту волну вспять, разгромив почти всех новоявленных местных властителей и впервые связав свои владения единой налоговой системой. Поскольку ему приходилось противостоять экспансии и халифским притязаниям Фатимидов, в 929 году он объявил себя халифом и выстроил близ Кордовы новый дворцовый комплекс — Мадина аз-Захра, призванный производить впечатление на приезжих и успешно с этой задачей справлявшийся. Это был век наивысшего расцвета Аль-Андалуса, когда Альмерия развивалась как средиземноморский порт, а сложная экономика и материальная культура распространялись далеко за пределы столицы. В последние годы столетия аль-Мансур, могущественный хаджиб (майордом) халифа, управлявший государством в 981–1002 годах, пошел в наступление на северные королевства, разросшиеся за время первой междоусобицы, и разгромил их главные города, Леон и Сантьяго-де-Компостела. Казалось, что Аль-Андалусу теперь хватит сил поглотить весь полуостров³³.

Этого не произошло. После 1009 года никчемные наследники аль-Мансура позволили стране погрязнуть в междоусобной борьбе за престол. В 1013 году была разгромлена Кордова, в 1031 году упразднен халифат, и страна распалась почти на три десятка отдельных тайф (буквально «общин») с центрами в Толедо, Севилье, Валенсии, Гранаде и так далее. Как мы увидим в главе 8, это дало христианским королевствам возможность расширяться дальше и впервые превзойти военной мощью раздробленные теперь мусульманские эмираты, в чем те и убедились, когда Альфонсо VI Кастильский взял Толедо, ставший в 1085 году первой крупной территориальной потерей Аль-Андалуса. Это, впрочем, отнюдь не означало падения мусульманской Испании. Тайфы, долго считавшиеся признаком ее слабости, поскольку вели к раздробленности, на самом деле зачастую процветали как мелкие эмираты. В них сохранялась политическая и фискальная организация, сфор-

мированная при Абд ар-Рахмане III, и вырабатывалась сложная политическая культура. Богатством и интеллектуальной активностью они напоминали позднесредневековые итальянские города-государства, а в том, что им плохо удавалось защититься от превосходящих войск христианской Кастилии и затем от прибывших к ним же на помощь в конце 1080-х Альморавидов из мусульманского Марокко, они мало отличались от итальянских городов, вынужденных с 1490-х годов противостоять французам и немцам. Благодаря тайфам появился на свет один из самых интересных политических трактатов средневековой Европы «Ат-Тибьян» правителя Гранады Абдаллаха бен Зири (1073–1090), уступившего тайфу Альморавидам и впоследствии писавшего свое сочинение в марокканской ссылке. Трактат Абдаллаха — нечто среднее между «Государем» Макиавелли и «Я, Клавдий» Роберта Грейвза: автобиографическое повествование проигравшего правителя, чей политический успех начался и закончился восхождением на престол, однако достаточно умного, чтобы увидеть, где он оступился, и осмыслить свои ошибки. Его описание применяемого Альфонсо принципа «разделяй и властвуй» и вымогательство «платы за защиту» у соперничающих тайф, в результате разоряющее их всех, вошло в анналы. Об отступных деньгах Абдаллах знал из собственного горького опыта: сперва он отказался платить Альфонсо, но потом, когда Севилья заплатила тому больше, вынужден был откупаться повышенной суммой. Необычайным изяществом слога отличаются его замечания насчет следования советам — распространенная тема в литературе, посвященной управлению государством: «Я слушал собеседников ушами, когда следовало бы слушать разумом». Его рассуждения о том, почему он потерял власть (включая разбор причин, по которым его отвергла каждая из социальных прослоек Гранады), — образец запоздалой мудрости. Другого примера подобной практической рефлексии у политического деятеля европейская литература не увидит до XV века, как нам предстоит убедиться в главе 12³⁴.

После падения Толедо Аль-Андалусу удалось собраться с новыми силами под властью берберских династий — причем дважды, при Альморавидах (1086–1147), как мы только что видели, а затем, начиная с конца 1140-х годов, при Альмохадах. Лишь в 1212 году, когда Альмохадов разбили кастильцы, существование Аль-Андалуса действительно оказалось под угрозой, но даже после этого понадобилось почти 300 лет, чтобы он окончательно исчез с лица земли. В XII веке в значительной степени возродилась и присущая халифату Омейядов высокая культура. Интеллектуальная и образовательная среда, финансируемая Альмохадами, послужила почвой, в частности, для трудов по аристотелевской философии и других научных работ Ибн Рушда (ум. в 1198), который, под латинизированным именем Аверроэс, будоражил умы преподавателей Парижского университета в XIII веке³¹. Поддерживался этот уровень и в Гранадском эмирате, о чем свидетельствует дошедший до нас высочайший образец средневековой архитектуры — дворец Альгамбра XIV века.

Тем не менее на взлете, которым мы заканчиваем эту главу, Аль-Андалус удержаться не сумеет, каким бы триумфальным ни был разгон. Но этот этап подчеркивает, что в X веке Кордовский халифат вместе с Византией составляли пару самых эффективных политических образований Европы, и оба они опирались на систему налогообложения, не знающую современных им аналогов. В том столетии богатство и могущество тяготело к юго-западу и юго-востоку континента, что прекрасно сознавали оставшиеся посередине христиане-католики. Они восторгались Византией (иногда с примесью досады) и боялись Аль-Андалуса, но чувствовали мощь обеих держав. И когда Аль-Андалус все же распался, каждая из воюющих тайф сохранила политический уклад, сформировавшийся при халифате, благодаря моделям, заложенным на востоке в VII веке и усовершенствованным в дальнейшем Аббасидами и Фатимидами. Христианские королевства Кастилия, Арагон и Португалия, поделившие между собой завоеванные богатые земли, внакладе не остались.

ЭКСПЕРИМЕНТ КАРОЛИНГОВ 750–1000 гг.

Амбиции Каролингов уже больше четверти века будоражат умы историков: именно эта династия предприняла масштабную попытку пересмотра политики всего Средневековья. В определенном смысле действовать с размахом было на самом деле легче: Франкская империя Карла Великого (768–814) и его сына Людовика Благочестивого (814–840) существенно превосходила размерами любое другое политическое образование средневековой Европы, поскольку включала в себя территории современной Франции, Германии и Нидерландов, частично захватывая северную Италию, Каталонию и Австрию. Это не значит, что политические начинания, которые мы наблюдаем у ряда западноевропейских государств после 1200 года, были менее радикальными: достаточно вспомнить, например, инновационные политические институты североитальянских городов XIII века или гуситов в Богемии (Чехии) XV столетия. Однако эти преобразования были фрагментарными и мелкомасштабными. Не стоит, однако, думать, будто каролингские правители и знать сознавали, к чему ведут их действия. Свою задачу они видели в основном как нравственную, даже теологическую, черпая императивы из глубины веков (образцами для подражания Каролингам служили библейский Израиль и христианская Римская империя), и избранные ими политические методы имели не менее давнюю историю — Каролинги просто пытались *соответствовать*. Да, нередко их постигали неудачи, поскольку поли-

тические амбиции и чаяния слишком многих участников, включая самих моралистов, были слишком своекорыстными, жестокими и порочными: как нередко бывало в истории, грандиозный замысел обычно разбивался о сиюминутные политические задачи. Но, несмотря на это, понимать мотивы Каролингов необходимо, поскольку они действительно пытались создать нечто новое, пусть неосознанно, причем на основе, довольно сильно отличавшейся от той, которой располагал любой более поздний государственный строй. В дальнейших главах именно с правлением Каролингов станут сравниваться другие страницы будущей западноевропейской истории, поэтому его нужно проработать тщательно. Кроме того, этот период хорошо документирован; если о Меровингах нам известно больше, чем о других западных постримских королевствах, то о Каролингах мы знаем еще больше, чем о Меровингах. Наш интерес к ним, как видно, не праздный, тем более что применительно к Франкскому королевству мы выйдем за рамки основного каролингского периода, заканчивающегося 887 годом, и рассмотрим также образовавшиеся после его распада государства X века.

Начнем с краткого экскурса в политику VIII–IX веков, а затем, прежде чем перейти к идеологии, которой руководствовались Каролинги, посмотрим, как протекало их правление¹. Карл Мартелл, майордом, получивший власть над Франкским королевством в 710-х годах, положил начало завоеваниям, которыми для Каролингов характеризовался VIII век, как мы видели в главе 2. Он же стал основоположником династии, которую более поздние средневековые авторы называли в его честь. Номинально он по-прежнему правил от имени меровингских королей, однако к тому времени действительной властью они уже не обладали, и в промежуток с 737 года до своей смерти в 741 году Карл даже не позаботился возведением на трон нового монарха. Точно так же поступили двое его сыновей, Пипин III и Карломан I, наследовавшие Карлу как майордомы, но уже к 751 году Пипин, оставшийся единовластным правителем, счел возможным короноваться самому. Однако, как ни ослабили Меровинги, их правле-

ние насчитывало 250 лет, и династия обладала сакральностью, качеством трудноуловимым, но требующим с ним считаться, поэтому коронация по сути представляла собой переворот. Пипин и его наследники старательно маскировали это обстоятельство — равно как и их летописцы. Не исключено, что согласие заранее дал сам папа римский; вполне вероятно, что помазание Пипина архиепископом Майнца Бонифацием поддержала знать. Однако достоверно известно, что папа Стефан II (752–757), прибывший во Франкское государство в 754 году просить Пипина о помощи в отражении атаки лангобардов (первый случай появления папы римского к северу от Альп), собственноручно миропомазал Пипина. Процедура эта была для франков беспрецедентной — хотя у вестготов прежде обряд помазания применялся². Он определил характер последующей политики Каролингов, поскольку без поддержки Церкви они оставались бы обычным знатным родом, пусть и самым выдающимся во Франкской державе. Религиозная подоплека сохранилась и в дальнейшем; церковные соборы созывали еще Пипин и Карломан в 740-х годах, эта практика продолжилась и в 750-х, и в следующем столетии.

Карл Мартелл совершал военные походы почти ежегодно — точно так же поступали его сыновья, и до смерти Пипина Каролинги успели завоевать большинство основных независимых областей, когда-то находившихся под властью Меровингов. Карл Великий, сын Пипина, к 771 году оставшийся единовластным правителем, действовал с еще большим размахом. В 773–774 годах он молниеносно захватил лангобардскую Италию, однако в сражениях с саксами на северной границе такой же стремительной победы добиться не удалось. На то, чтобы покорить их и силой обратить в христианство, ушло 12 лет — с 772 по 804 год. (Саксов трудно было победить именно в силу их раздробленности — с той же проблемой сталкивались и римские императоры в северных кампаниях столетия назад; однако саксы обеспечили франкам возможность непрерывных военных учений.) В 787 году Карл Великий вторгся в Баварию, последнюю из когда-то принадлежавших Меровингам

земель, и взял ее без боя. Затем франкская армия двинулась дальше на восток и в 795–796 годах атаковала аварскую столицу на территории нынешней Венгрии. Хотя аваров подчинить не удалось, франки неслыханно обогатились за счет трофеев — сами авары, вероятно, добыли их во время набегов на Византию. Карл Великий предпринял поход и в Испанию, но наступление на Аль-Андалус оказалось предприятием гораздо более сложным, и тем не менее к 801 году на землях вокруг Барселоны надежно утвердилась власть франков. В общем и целом к 804 году, когда закончилась масштабная завоевательная кампания, владения франкского короля увеличились вдвое со времен Карла Мартелла и границы оставались нерушимыми. Это была уже империя, а не королевство, поэтому современные историки подчеркивали, что в 800 году папа римский короновал Карла Великого именно как императора, и, хотя на самом деле никакой кардинальной перемены не произошло, носить этот титул и ему, и его наследникам, несомненно, было лестно³.

В 790-х Карл Великий выстроил себе новую резиденцию в Ахене. К 814 году, когда престол унаследовал единственный из его оставшихся в живых сыновей Людовик Благочестивый, Ахен превратился в настоящую столицу. Людовик сделал его своим основным оплотом — там он разрабатывал кампании, оттуда руководил империей. К тому времени приграничная война свелась к охране рубежей, но Людовик создал на востоке, от Балтики до Адриатики, обширную буферную зону из племен-данников, в большинстве своем славяноязычных, и мог быстро мобилизовать войска, как в 817 году, когда подавлял мятеж, поднятый его племянником, королем Италии⁴. Тихими выдались 820-е годы — пик правления Людовика, а в 830-х вновь начались бури: именно тогда ему пришлось бороться с двумя крупными восстаниями (830-го и 833–834 годов), организованными тремя его старшими сыновьями — Лотарем, Пипином и (в 833 году) Людовиком Немецким. Второе из восстаний обернулось для императора временной потерей власти. Эта смута — классический пример того, как политическая

идеология Каролингов функционировала на практике, и мы к ней еще вернемся. В конце десятилетия Людовик вернул себе власть и без помех передал ее трем оставшимся наследникам (умершего Пипина сменил младший сын Людовика Карл Лысый), которые после непродолжительной междоусобицы 841–842 годов в 843 году официально разделили франкские земли по Верденскому договору.

Для Каролингов, как когда-то и для Меровингов, раздел земель был в порядке вещей: такие разделы уже проводились в 741 и 768 годах. То же самое произошло бы и в 814 году, если бы оставались в живых братья Людовика. В 843 году Лотарю (840–855) как старшему из братьев и уже соправителю императора отошли центральные земли вокруг Ахена и узкая полоса, связывавшая его владения с политическим оплотом в Италии. Людовiku (840–876) досталось Восточно-Франкское королевство — то есть в основном земли к востоку от Рейна, а Карлу (840–877) — Западно-Франкское, примерно соответствующее двум третям нынешней западной Франции. Затем каждый из них троих делил земли уже между своими сыновьями. Это вело к раздробленности, и Каролинги всегда беспокоились, как бы наследников не оказалось слишком много. Они исключали наследников по женской линии и бастардов, получавших по этой причине некоролевские имена, такие как Гуго или Арнульф. (Из-за скудного набора королевских имен у Каролингов в ходу были прозвища, как правило присваивавшиеся монарху при жизни или вскоре после смерти.) Однако в результате им пришлось столкнуться с противоположными проблемами — когда слишком многие представители династии умирали, не оставив законного наследника мужского пола. К концу 870-х годов Каролингам грозил уже не избыток наследников, а нехватка, и в 876–884 годах все королевства унаследовал единственный законнорожденный взрослый представитель династии — король-император Карл Толстый. Однако вернуть централизованную власть времен Людовика Благочестивого ему было нелегко. После 843 года в основных королевствах сложились отдельные

политические образования (в Италии, где еще со времен завоевания Карлом Великим почти непрерывно правили собственные короли, это произошло еще раньше), поэтому претендующему на единовластие монарху пришлось разбираться с ними по очереди. Карлу на это времени не хватило; в 887 году он был свергнут собственным племянником Арнульфом — незаконнорожденным, как ни парадоксально⁵. После этого, как мы еще увидим далее, каждое королевство развивалось по-своему.

Начало этим разным путям развития уже было положено. Италия, особенно при сыне Лотаря Людовике II (840–875), была самой централизованной: относительно небольшие размеры позволяли королю придерживаться принципов «всепроникающего» правления, характерного для лангобардского прошлого. Сложнее всего поддавалось централизации Восточно-Франкское королевство, поскольку оно почти никогда не было римским и связи в нем были налажены плохо: в него входили те области Франкии, где идеологические преобразования Каролингов приживались хуже всего — однако оно обладало наибольшей военной мощью, поскольку Людовик Немецкий поддерживал боеготовность в войсках за счет постоянных приграничных войн, не в последнюю очередь с Моравией, набирающим силу королевством на территории современной Чехии. Наибольшим вниманием историков пользуется Западно-Франкское королевство при Карле Лысом. Его правление лучше всего документировано, а сам он отличался наибольшими политическими амбициями, однако в военном отношении это королевство было слабейшим из трех, так как постоянно подвергалось набегам скандинавов-викингов с моря (см. главу 5), начавшимся в 830-х и продолжавшимся почти непрерывно до 880-х годов⁶. Людовик II мог утверждать в письме византийскому императору Василию I, что империя по-прежнему едина, поскольку правители Каролинги принадлежат к одному роду⁷, и во многом он был прав: Верденский договор, как и предыдущие разделы земель, не предполагал постоянства и окончательности — о чем свидетельствует наследование престола Карлом Толстым. Однако взаимовыручки между братья-

ми и кузенами (в борьбе с викингами, например) было мало. Наоборот, как и следовало ожидать, время от времени вспыхивали войны: например, в 858 году Людовик Немецкий пытался захватить Западно-Франкское королевство, а Карл Лысый в 876 году напал на Восточно-Франкское. После 887 года в королевствах-преемниках правителями становились в основном не Каролинги, поэтому границы сохраняли постоянство.

Утверждают, что трудности у Каролингов начались вскоре после того, как перестала расширяться их империя, поскольку отсутствие постоянных военных побед поколебало верность аристократии королю. Но дело было не в этом. Мятежи знати против Карла Великого были характерны для 780–790-х годов, не позже, а против Людовика и его наследников почти во всех случаях выступали его августейшие братья и сыновья. Поддержка королевских повстанцев знатью крайне слабо вяжется с масштабным недовольством политикой Каролингов как таковой⁸. Наоборот, франкской аристократии, особенно старинным знатым родам, владевшим обширными землями в самом сердце королевства — нынешней северной Франции, Бельгии и западной Германии, — очень много досталось от королевских щедрот за столетие завоеваний и после, так что в их верности Каролингам, по крайней мере в общем смысле, сомневаться не приходилось. В знак милости от короля можно было рассчитывать на пожалования в виде земель и должностей (сюда включались монастырские и королевские земли и даже власть над самими монастырями). Пожалования не всегда были пожизненными и не всегда наследовались, однако на практике приближенный, сохранявший верность королю, мог надеяться передать их своим сыновьям, как и должность, пусть и не обязательно на том же месте. В результате знатные семейства расселялись очень широко, как, например, род, который мы называем Гвидонидами, происходивший из окрестностей Майнца на Рейне. К 840-м годам в нем имелись графы и герцоги, владевшие землями как в устье Луары, так и в центральной Италии за тысячу киломе-

тров оттуда. Гвидониды действительно могли представлять угрозу для каролингских правителей, однако сохранить такой уровень власти вне хотя бы частично сплоченной империи им бы не удалось, и они это знали⁹.

Богатыми землевладельцами и короли, и знать — как светская, так и духовная — были еще при Меровингах, но теперь их богатство умножилось. Наряду с этим росла экономическая активность на франкских землях, особенно коренных — в северных областях, между Рейном и Сеной. (В каролингской Италии такой активности не наблюдалось, и аристократия, как свидетельствуют исторические данные, была не такой богатой.) Отчасти этот рост мог иметь более широкие предпосылки; по некоторым признакам в IX веке население Европы в целом начало постепенно увеличиваться, хотя этот фактор обретет значение лишь в последующие века, как мы увидим в главе 7. Однако немалую роль здесь сыграла и интенсификация возделывания земель. В IX веке особенно активно осваивали свои угодья некоторые крупные землевладельцы, в частности северные монастыри, тщательно документировавшие процесс в полиптихах, специальных описях земель и доходов с них. Эти описи гораздо подробнее любых аналогов, которые имеются у нас применительно к Европе до XIII века. По крайней мере, церковные землевладельцы, как и короли, заботились о том, чтобы систематизировать получение дохода со своей собственности. Излишки они продавали — скорее всего, чтобы покупать что-то взамен: имеющиеся письменные источники говорят о наличии сети рынков во Франкской державе IX века, а также о том, что вино и ткани перевозились на достаточно дальние расстояния. Это подтверждают и археологические находки: широко распространялись не только монеты и искусно сработанные гончарные изделия, но и более специализированный товар, например стекло и базальтовые жернова из Рейнской области¹⁰. На Рейне одни города, такие как Кёльн, сохраняли статус важных центров торговли, а другие, например Майнц, развивались в этом направлении. Не меньшее значение имел и расцвет портов на франкском побере-

жье, таких как Дорестад в дельте Рейна близ современного Утрехта. Активная торговля шла на международном уровне — аналогичные порты имелись в Англии и Дании". (И именно этими путями прибывали к франкам викинги.) В этот период экономическая активность дает представление о спросе — а значит, и достатке — в первую очередь высшего сословия, и все же средоточие подобной активности в северной части Франкской державы о чем-то да говорило. И это вело к дальнейшему усилению политического протонизма того периода.

Необходимым условием политического признания для любого аристократа или церковного иерарха было участие в созываемых королем съездах. Не участвующего могли счесть врагом — или, хуже того, пустым местом. Приезжать полагалось с подарками — настолько щедрыми, что во времена Карла Великого преподнесенных в дар лошадей приходилось клеймить, обозначая, кем они были подарены. Значение собраний не только не снизилось, а, пожалуй, даже повысилось по сравнению с меровингским периодом; крупные государственные вопросы решались на *placitum generale* — съездах, проводившихся дважды в год в разных городах основных франкских земель (и отдельно в Италии) и собиравших крупнейшую светскую и духовную знать. Там же разрешались и политические конфликты каждого царствования: так, Людовик Благочестивый предпочел публично покаяться на съезде в Аттиньи в 822 году в причастности к ослеплению и последующей смерти взбунтовавшегося короля Италии Бернарда, чтобы подвести черту под своим скандальным поступком. Таким образом, собрания помогали не только франкской знати снискать расположение короля, но и королю узаконить свою власть. Как и в предыдущие столетия, они по-прежнему служили для принародной — «публичной» — демонстрации королевской власти и деяний (ярким примером служит пресловутое покаяние Людовика Благочестивого в Аттиньи), пусть даже этот «народ» был представлен исключительно тонкой прослойкой высшей знати¹². Слово «публичный» здесь заимствовано из исторических текстов, поскольку у Каро-

лингв *publicus* используется часто и относится (кроме прочего) к судебным собраниям, *placitum*, и в более общем смысле к *res publica*, подразумевавшему нечто приближенное к нашему понятию государства. Короли и их верховные сановники прилагали все усилия, чтобы удержать полемику на этих собраниях в цивилизованных рамках, однако важно сознавать, что полемика действительно имела место и непопулярные мнения действительно высказывались — примером тому отличавшийся прямолинейностью архиепископ лионский Агобард (ум. в 840), своей речью против владения церковной землей мирянами вызвавший сильное негодование на том же съезде в Аттиньи. На более мелких *placitum* — собраниях *fideles*, самого узкого круга приближенных короля, — споры нередко возникали бурные, однако последнее слово оставалось за королем. В противном случае — как в примере с Людовиком Благочестивым в 833 году, к которому мы сейчас подойдем, — им приходилось очень туго¹³.

Еще раз подчеркну, что знать в основном вращалась на королевской орбите, поскольку альтернативы пока были не столь заманчивы, как в более поздние столетия. Как и применительно к эпохе Меровингов, мы не располагаем свидетельствами об отмежевании сеньоров — то есть о наличии земель под властью одного хозяина, который пользовался бы там безоговорочным господством, а жители состояли бы у него в подданстве, и потому данная территория могла служить ему автономным оплотом. Ни один из трех политических центров Гвидонидов, в частности, такой автономией не располагал — даже издавна находившееся под их властью герцогство Сполето в центральной Италии, — поскольку назначением по-прежнему ведал король и земельного держания можно было лишиться. Как и прежде во Франкской державе, политическая власть аристократа не имела постоянного территориального сосредоточения, так как приближенный к королю мог получить дополнительные земли где угодно — а после 843 года, когда соперничающие короли пытались заручиться исключительной поддержкой подданных, мог с такой же вероятностью какие-то владения

потерять. Так, например, в противостоянии Людовика Немецкого и Карла Лысого в 858 году некоторые члены династии Вельфов, состоявшие в родстве со второй супругой Людовика Благочестивого Юдифью и положившие начало одному из влиятельнейших родов Европы классического Средневековья, поддержали Карла и лишились своих владений в Восточно-Франкском королевстве — что обернулось для семьи расколом¹⁴. У каждого аристократа (в том числе, к тому времени, аббата или епископа) имелась дружина, состоявшая из присягнувших ему на верность как сеньору. Войска Каролингов формировались в первую очередь из таких личных дружин. Отношения вассального подчинения были для той эпохи основополагающими. Однако каждый свободный мужчина также приносил клятву верности королю — в 802 году Карл Великий составил особенно подробный текст присяги, — и король действительно считал присягнувших «своими» — в той же степени или в большей, чем людьми их непосредственного сеньора. Когда, например, в 860-х годах епископ Ланский Гинкмар отнял земли у недостаточно верных подданных, те обратились с жалобой к самому Карлу Лысому¹⁵. У воинов, самых состоятельных свободных мужчин в любой местности, могло быть сразу несколько благодетелей. Эйнгард (ум. в 840), биограф Карла Великого и крупная фигура при дворе унаследовавшего трон Людовика Благочестивого, располагавший обширным кругом благодетелей, писал архиепископу Майнца Рабану Мавру об одном из людей Рабана, Гундхарте, которого местный граф призвал в дружину, вероятно в Рёнском регионе центральной Германии. Однако, поскольку с графом он находился в состоянии кровной вражды, сражаться под его началом было бы смерти подобно. Гундхарт собирался отказаться, выплатив отступные за отказ от несения военной службы, и Эйнгард просил Рабана дать свое согласие. Таким образом, Гундхарт был связан обязательствами перед королем — через графа; перед своим собственным сеньором Рабаном; перед своим родом (откуда и кровная вражда); но при этом у него имелся еще один совершенно отдельный благодетель в лице Эйнгарда¹⁶.

Такой разветвленный вассалитет был у франков в порядке вещей — что не давало какому-либо из сеньоров укрепить свою автономию. К тому же при Каролингах сохранялась система публичных судов, куда могли обращаться даже крестьяне: известно несколько случаев, когда они пытались призвать к ответу своих господ, и есть свидетельства того, что при определенных обстоятельствах, если им удавалось дойти до короля или заручиться чьим-то покровительством, они могли и выиграть¹⁷. Эта общественная активность на местах также затрудняла укрепление личной власти. Недавние научные исследования некоторых регионов в эпоху Каролингов и первые годы после нее выявили наличие местных общин с достаточно сложным социальным укладом, которые единовластному господину нелегко было подчинить¹⁸. Разумеется, здесь мы имеем дело с военизированной знатью, по определению стремившейся к тому, чтобы подчинять и добиваться желаемого силой. Крупные землевладельцы, как светские, так и духовные, к тому времени существенно — и зачастую незаконно — расширили свои угодья за счет владевших землей крестьян. Эта практика распространилась в VII веке, и в IX столетии процесс завершился, как следует из отраженных в каролингских законах жалоб¹⁹. Одной из областей, где крестьян обирали и притесняли сильнее всего, в этот период была Саксония. После завоевания ее франками и саксонская верхушка, и пришедшая франкская светская и духовная знать стремительно подчиняли себе крестьян-собственников. Во время смуты 841–842 годов на этой почве вспыхнуло так называемое восстание «Стеллинга» — самый крупный из крестьянских бунтов за все Средние века до конца XIII столетия, — жестоко подавленное в 843 году Людовиком Немецким²⁰. Это, несомненно, крайний случай, однако областей, де-факто находившихся в чем-то продолжительном единовластном подчинении, действительно хватало. И тем не менее эти земельные держания не были оплотами, дающими гарантированную опору, а если кому-то из знати и приходилось ее искать, то лишь угодив в опалу. Им необходим

был королевский двор, и они с готовностью участвовали в любых королевских политических начинаниях.

При Карле Великом у нас появляются первые надежные данные о практических мерах, с помощью которых франкские короли пытались удержать свою огромную империю под контролем. При Людовике Благочестивом свидетельств становится больше, и число их продолжает расти при его сыновьях. Один из методов можно охарактеризовать как гибкое единство: над каждой областью стоял граф, аристократ, зачастую присланный из других мест, который вершил правосудие и командовал войсками (а это, как мы помним, два «кита» государственного управления). На границах создавались более военизированные провинции — марки. На местных судебных собраниях (*placita*) распространенной практикой стало избирать скабинов, представителей местной верхушки, которые вершили суд от имени графа. Правда, нововведением это не назовешь: такие представители существовали повсюду и прежде, это было, скорее, упорядочение. Графы определенно выделялись проводниками королевской власти: в поэме 834 года Людовика Немецкого воспевают, вознося хвалу судебной деятельности графа одной из областей Баварии по имени Тимо: «Ваш, блистательного короля, граф и наместник, защищавший правых <...> ненавистный вора и омерзительный разбойникам, тот, кому претили распри и кто вершил правосудие»²¹. Судьями — а также управой на графов — выступали и епископы, в том числе в таких регионах, как Италия, где до того они в светских делах почти не участвовали. При Карле Великом и его преемниках королевские представители, называемые *missi* (лат.), посланцы — как правило, граф и епископ в паре — в качестве выездной судебной инстанции разбирали жалобы на местных графов и устраивали собственные слушания. После 802 года на большей части империи каждой такой паре был отведен отдельный округ. Однократные поручения от имени короля давались и другим представителям местной власти — нередко с письменными наставлениями, как следует из переписки. Эти совмеща-

ющиеся роли, как называет их Дженнифер Дэвис, не выстраивались в иерархию, однако в совокупности формировали систему сдерживания — иногда успешного — коррупции и злоупотребления властью. А еще они отсылали к королю, за которым оставалось решающее слово в любом споре. У нас имеется собрание письменных ответов Карла Великого одному из *missi*, советовавшемуся с королем по ряду юридических вопросов — касавшихся, например, социального статуса и незаконных пошлин (читайте закон, раздраженно отвечал король, и только в том случае, если он молчит на этот счет, выносите дело на рассмотрение *placitum generale*). Графы, разумеется, не всегда судили честно — в источниках фигурирует немало жалоб, свидетельствующих о практике подкупа с целью гарантировать принятие решения в свою пользу (мы бы назвали это взяточничеством). Впрочем, коррупции были подвержены и *missi*: из имеющихся записей следует, что одни государевы посланцы вынуждены были исправлять злоупотребления других, своих предшественников; попадаются и намеки на тайный сговор между разными «инстанциями». Лишиться земельного держания графу за такое случалось редко — как правило, подобная кара грозила за участие в восстании или другие проступки аналогичного характера²². Но введенная Каролингами систематическая инспекция одних представителей государственной власти другими пресекала наиболее дерзкое беззаконие или поползновения создать себе оплот где-нибудь на окраине империи, притом что окраины к тому времени действительно отделились от центра. В конце концов о злоупотреблении становилось известно, и следовали, пусть и с отсрочкой, ответные меры.

Практика эта отражалась в письменном законе. Каролинги издавали множество законов и указов под названием «капитулярии» — они делились на *capitula*, главы. Сюда же относились частично совпадающие с капитуляриями постановления церковных соборов, пик которых пришелся на 800–835 годы. Формат их сильно разнился — от повестки заседания и однократных наставлений государевым посланцам, которые нельзя расценивать как законодательные акты, до официальных редакций тра-

диционного закона населявших империю народов и заявлений на тему нравственности и богослужения. Какие-то дошли до нас в единственном экземпляре, однако многие представлены в рукописных копиях, и относительно некоторых из них можно с уверенностью сказать, что они систематически рассылались по всей империи — в одной из копий капитулярия 803 года утверждается, что он подписан всеми вельможами на собрании в городе Париже. Это не значит, что все подробно расписанные постановления непременно исполнялись или доводились до сведения всех и каждого, однако их обилие свидетельствует о том, что бумажная работа считалась неотъемлемой частью управления государством, и Карл Великий, судя по приведенным в предыдущем абзаце настойчивым отсылкам к закону, считал так же. Грамотой владел не каждый граф, но многие, и немало собраний капитуляриев и других указов, подготовленных для светских чиновников, уцелело или дошло до нас в виде цитат в завещаниях. Письменное слово, как утверждает в своей авторитетной работе Розамунда Маккиттерик, было важно для управления государством Каролингов — помимо ссылок на письменные указы, издававшиеся при дворе, в источниках фигурируют и требования письменных ответов. И хотя оно уступало значимостью устному общению (как мы еще убедимся, так будет на протяжении всех Средних веков и даже позже), именно письменные документы структурировали представления Каролингов о том, как управлять своей огромной и очень разнородной державой²³. В общем и целом, при всем несовершенстве этой практики государственного управления, она обеспечивала самое жесткое руководство из всех возможных в государстве, не имеющем сложной административной системы, привычной византийцам и арабам, и более жесткое, чем в любой другой державе Западной Европы в течение долгого времени — до Англии конца XI века, Италии середины XII столетия и Франции XIII века.

И вот теперь мы переходим к религиозному аспекту преобразований Каролингов, который был неразрывно связан с описанными выше задачами государственного правления. Для фран-

ков эта неразрывность большей частью, несомненно, была внове; как уже упоминалось в начале главы, она, скорее всего, была продиктована структурными взаимоотношениями между Каролингами и Церковью, начавшимися с воцарения Пипина в 751 году или даже ранее. Но каковы бы ни были ее истоки, к 780-м годам она уже проявлялась в полную силу и в течение века составляла значительную часть политической риторики и даже практической политики. Карл Великий и его преемники стремились ни больше ни меньше как сформировать всеобщую нравственную парадигму для спасения всего франкского народа и считали, что за всеми их деяниями неотрывно наблюдает Господь. Особенно заметно это в выдающемся капитулярии «*Admonitio generalis*» 789 года, регулировавшем проблемы нравственности церковников, иерархии епископов, необходимости мира и согласия, праведности и избегания прегрешений и прочего в том же духе, что обычно обсуждалось на церковных соборах (и в основном заимствовалось из канонических установлений), но в данном случае было издано отдельно под именем короля и адресовано всем. Эта риторика смешивалась с наставлениями более светского характера во многих последующих текстах²⁴. Как мы уже видели, правители Восточной Римской империи/Византии считали правильное христианское учение и обряды основополагающими для своей политической задачи — точно так же считали и вестготы (а франки располагали доступом к текстам испанских церковных соборов), и никто из более поздних средневековых правителей не стал бы этого отрицать, если бы его об этом спросили. Однако ни в одном более позднем государстве, за исключением разве что Франции при Людовике IX и гуситской Богемии, вопрос духовно-нравственного преобразования — «исправления», как его называли Каролинги, — не стоял так остро. Участвовать должны были все (по крайней мере, вся элита империи), и участвовать непосредственно. Посыл этот исходил от короля, а не от Церкви, хотя франкские епископы и принимали в «исправлении» деятельное участие, тогда как римские папы относились к нему гораздо прохладнее, а некоторые папы,

например Пасхалий I (817–824) — агрессивно и даже враждебно. Лишь в более поздний период IX столетия папы Николай I (858–867) и Иоанн VIII (872–882) осознали, что заинтересованность франков в религиозной легитимности даст им повод вмешиваться в политику к северу от Альп²⁵.

Королевские указы подкреплялись четко структурированной программой образования. В послании Карла Великого своему верховному духовенству, написанном около 784 года, подчеркивается, что образование обязательно для всех, кто желает угодить Богу (или, надо полагать, королю), и с тех пор мы находим систематические упоминания о школах: в Ахене, в частности, имелась школа для знати при дворце, а королевские монастыри, такие как обитель Св. Мартина в Туре на западе или Фульдское аббатство на востоке, отличались особенным усердием в обучении как монахов, так и светской знати. В первую очередь по этой причине короли рассчитывали, что графы и *missi* смогут читать их наставления и указы, и, судя по всему, несмотря на неизбежные исключения, этот расчет был оправдан. Кроме того, монастыри собирали библиотеки, переписывая крупные массивы более ранних текстов разного рода: немало классических произведений на латыни — сочинения Цезаря, Горация, очень многое из Цицерона — дошло до нас только благодаря копиям, сделанным при Каролингах. Образовательная программа увязывалась с еще одним нововведением Карла Великого, поддержанным и его преемниками: при дворе призывали интеллектуалов со всей Франкской державы и покоренных земель (а также из Англии и Ирландии), которых манило предлагаемое королями щедрое жалованье (и почти все прибывшие действительно обогащались) и сама возможность приобщиться к такому масштабному преобразованию. В их числе были Алкуин из Нортумбрии (вполне вероятно, приложивший руку к королевскому посланию 784 года и «*Admonitio generalis*»), Теодульф из Испании, а затем и Эйнгард из Восточно-Франкского королевства; в следующих поколениях их ряды пополнили главный советник Карла Лысого архиепископ Реймса Гинкмар, ирландский бого-

слов Иоанн Скот Эриугена и крупные представители франкской знати — такие как Рабан Мавр. Это были королевские советники и зачастую серьезные политические игроки; они обеспечивали критическую массу новых сочинений (библейских толкований, богословских трактатов, поэзии, исторических трудов), полемику и интеллектуальный подъем. Тенденция, наметившаяся в наших источниках уже к 790 году, удерживается в течение последующих трех поколений. Подтверждается она и масштабностью некоторых трудов, созданных при дворе, — таких, например, как написанный в 790–793 годах Теодульфом «Труд Карла» против антииконоборческих протоколов Второго Никейского собора или пространные отповеди Гинкмара и других в 850-х годах учению фульдского монаха Готшалка о предопределении. На ученых мужей возлагалась обязанность не просто советовать королям, но «вразумлять», как Карл Великий вразумлял всю свою державу в 789 году, и у нас имеется масса документов именно такого назначения — в частности, на этом поприще преуспел Гинкмар¹⁶.

Важно учесть, что не только духовенство участвовало в этих преобразованиях. Эйнгард был мирянином, к тому же не из самой знатной семьи, и авторитет при дворе завоевал благодаря острому уму; поколением позже Экхард, граф Макона (ум. ок. 877), в завещание которого включены несколько кодексов, хроник и сочинений отцов Церкви, был не менее истовым приверженцем каролингских начинаний. То же можно сказать и о королевской династии: Людовик Благочестивый был предан преобразованиям душой и телом, как и его сестры. Пожалуй, самым показательным примером здесь выступает Дуода (ум. ок. 843), жена Бернарда Септиманского (камерария Людовика Благочестивого и весьма одиозной фигуры в смутный период около 830 года), написавшая книгу поучений для своего сына Вильгельма, наполнив ее внушениями и наставлениями из Библии и католической литературы. Если Дуода была для этого достаточно образованной и ей хватило знаний, почти наверняка полученных в Ахене, насчет мужчин-аристократов ее ранга сомневаться тем более не приходится¹⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что по крайней мере часть знати проникалась замыслом Каролингов именно так, как надеялись Карл Великий, Людовик и их религиозные идеологи. Как мы видели в главе 2, франкская знать давно считала себя по определению добродетельнее остальных, однако двор и школы Карла Великого и Людовика Благочестивого явно давали ей для этого новые основания.

Все это необходимо нам для понимания общей направленности политики Каролингов, где, особенно начиная с 810-х годов, любой крупный политический маневр получал подчеркнуто нравственно-религиозное воплощение и выражался в программных текстах, которые современного читателя могут привести в замешательство. Можно усматривать здесь стремление нарядить низменную политику в пышные одежды новой придворной риторики, однако, по всем признакам, по крайней мере основным игрокам эта аргументация была близка — и действительно, учитывая обилие отсылок к Библии в этих текстах, многие явно знали ее достаточно хорошо. Например, за мелкие поражения в Испании в 827 году поплатились смещением два графа — приближенные (и это явно не простое совпадение) старшего сына Людовика Благочестивого Лотаря, однако в Ахене эти поражения были восприняты как признаки Божьего гнева и вызвали массовую истерию. В 828 году Людовик не только не стал созывать летний *placitum generale*, но под конец года даже прекратил охотиться — верные признаки, что дела в государстве плохи. Вместо этого на более камерном зимнем собрании советники Людовика запланировали на 829 год четыре покаянных церковных собора, и по крайней мере двое из его приближенных — Вала (кузен Людовика) и Эйнгард — представили меморандумы, в которых излагалось, что же неладно в империи. Эйнгард утверждал, в гротескных подробностях, что его замечания имеют два источника — видение, ниспосланное архангелом Гавриилом, и слова демона Вигго, который вещал устами одержимой им девицы. И Вала, и Эйнгард видели корень государственных бед в грехе — вероломстве, гордыне, ненависти, несо-

блюдении воскресенья как дня отдыха и (по мнению Вала) узурпации церковной собственности. Франкам, разумеется, необходимо было покаяться, чем и занялись своевременно участники соборов 829 года. Требовалось коллективное покаяние, от верхов до низов, и не в последнюю очередь самого королевского двора, нравственного центра франкской вселенной. Испанские неудачи, которые в более спокойную эпоху, вероятно, остались бы незамеченными, были раздуты до размеров катастрофы, повергнувшей в смятение политические круги¹⁸.

На таком же напряженном религиозном фоне вспыхнули два мятежа, поднятых вскоре сыновьями Людовика. Во время восстания 830 года была предпринята попытка обвинить супругу Людовика Юдифь — мачеху взбунтовавшихся сыновей короля — в измене ему с Бернардом Септиманским. Обвинение, являвшееся, скорее всего, наветом, свидетельствовало тем не менее, насколько важно было поддерживать безупречный моральный облик двора. Именно поэтому в правление Каролингов королевских жен то и дело подозревали в неверности, и после Юдифи еще несколько королев предстали перед судом по скандальному обвинению — жена Лотаря II Теутберга на рубеже 850–860-х годов, жена Карла Толстого Рихарда в 880-х, жена Арнульфа Ода в 890-х. Каролингские королевы не назначались регентами — подобные прецеденты остались в прошлом, в VI–VII веках, а потом возобновились только в X столетии, однако попытки очернить их говорят о значимости их роли — как практической (они были крупными благодетельницами и государственными фигурами), так и нравственной — во власти. Политика Каролингов была морализаторской не только в религиозном отношении, но и в гендерном. Если Людовик не способен искоренить прелюбодеяние при собственном дворе, полагали его недруги, ему не место на троне¹⁹.

В 830 году Людовик со своими сыновьями справился, но приструнить их окончательно не смог, и три года спустя они восстали против него снова. На этот раз победа осталась за ними: когда Людовик выступил против мятежников у эльзасского Кольмара —

на равнине, впоследствии прозванной Полем лжи, — изрядная часть его войска вероломно перешла на сторону противника; император был отправлен в заточение, на троне воцарился его сын Лотарь. Почему войско покинуло Людовика, мы не знаем; исторические источники достаточно подробны, однако представляют собой не более чем манифесты каждой из сторон. Известно нам следующее: на Компьенском собрании в октябре того года вельможи и епископы королевства постановили не только низложить Людовика, но и потребовать публичного покаяния в своих проступках. В дошедших до нас текстах, написанных участвовавшими в собрании епископами, среди прегрешений Людовика числился военный поход, предпринятый во время сорокадневного поста; требование принести клятвы, противоречащие данным ранее (то есть совершить клятвопреступление), а также злодеяния более стандартные, такие как высылка неугодных или убийство короля Италии Бернарда. Однако было ли последующее покаяние Людовика в Суассоне добровольным и потому действительным или вынужденным и потому — несмотря на пережитое королем унижение — недействительным? Обряд мог расцениваться — и расценивался — по-разному, о чем свидетельствуют наши источники. Когда на следующий год между сыновьями Людовика начались распри, позволившие ему вернуться на трон, недействительность раскаяния усиленно подчеркивалась, в том числе особенно рьяно на собраниях 834–835 годов. К тому времени весь период смуты считался происками дьявола³⁰.

Переписать последние пару страниц в сугубо светском ключе ничего не стоит, и историки проделывали это не раз. Тогда получается, что Людовик был не в силах сладить со своими отбившимися от рук сыновьями, которые рвались к власти и беспокоились из-за того, что у второй жены отца подрастал собственный сын. Кроме того, имелись враждебно настроенные политические игроки калибром поменьше, графы и епископы, попавшие в немилость у Людовика и перешедшие в стан Лотаря, такие как Агобард Лионский (писавший часть текстов собрания 833 года). Нельзя отри-

чать, что именно на этом политическом фоне развивались события тех лет и личные интересы играли в них ключевую роль. Но это не значит, что участники считали нравственно-религиозную окраску происходящего, подчеркиваемую во всех наших источниках, искусственной. В таком случае вряд ли понадобилось бы настаивать в Компьене на покаянии, а до того — раздувать панику, на волне которой были созваны соборы 829 года. Суть в том, что в высокой политике Каролингов все к тому времени поверялось гипотетическим Господним одобрением, поэтому покаяния и другие церковные обряды казались всем участникам совершенно нормальным способом решения политических проблем. Подход не самый практичный (скажем, истерия 828–829 годов многим покажется бесполезной тратой всеобщего времени), но именно таким он был. Даже во времена смуты политические деятели Каролингов не снижали свои непомерные амбиции, поскольку считали, что любые их поступки, в том числе и неудачные, имеют принципиальное значение для Господа.

Аналогичная морализаторская окраска сохранялась и в 870-х годах во многих политических маневрах (частью весьма сомнительных) у кузенов Каролингов. В 880-х годах тенденция слабеет, и хотя полностью не исчезает, Карл Толстый такого рвения уже не выказывает. Однако своим наследием этот представитель династии интересовался живо: по его заказу в 885–887 годах Ноткер Санкт-Галленский писал свои «Деяния Карла Великого» — сборник большей частью вымышленных рассказов об уже полумифическом, определенно выступающем аллегорической фигурой императоре. Если верить Ноткеру, Карл Великий, которого он называет «бдительным», велел расположить окна во дворце так, «что он чрез решетку своего терема мог видеть все <...> притом никто из них не мог утаиться от взоров пронизательного Карла»³¹. То, что воплощением образа Карла Великого через 70 лет после смерти императора стали надзор и бдительность, согласуется с тем, что мы видели в этой главе до сих пор. Имперское правление Каролингов опиралось на знания и коммуникацию, а также

на убеждение, что императору будет известно все. Однако не менее всеохватывающим был и бдительный надзор Господа за дворцом и всей империей.

В 887 году положение ощутимо изменилось. Арнульф в результате заговора пришел к власти только в Восточно-Франкском королевстве, и после ранней смерти правителя и его сыновей восточно-франкские вельможи вынуждены были в 911 году посадить на трон герцога из центральной Германии — Конрада I, не принадлежавшего к династии Каролингов, а в 919 году — Генриха I, герцога Саксонии. В Италии за корону на выборах правителя в 888–889 году сражались уже два не входивших в династию семейства. Беренгар I (888–924), маркиз расположенного на северо-востоке Италии Фриуля, пережив пятерых соперников, в 915 году даже получил императорский титул, который к тому времени не давался без итальянской короны. Но после убийства Беренгара корона по очереди переходила к представителям еще трех семейств. Долина Роны раскололась на два независимых королевства — Бургундию и Прованс, где правили другие бывшие представители обычной знати. В Западно-Франкском королевстве на трон взошел граф Парижский Одо (888–898), однако не выдержал противостояния со здравствовавшим представителем Каролингов Карлом Простоватым (898–923), который сменил его на престоле по условиям мирного договора. Затем против Карла выступил брат Одо Роберт I (922–923), и соперничество между двумя линиями продолжилось. В общей сложности за столетие, начиная с 887 года, на троне той или иной земли бывшей Франкской империи воцарялись представители девяти франкских знатных родов. Среди них встречались потомки Каролингов по женской линии, но таких было немного. Один из летописцев того времени называет их *reguli*, «царьки». Иными словами, больше 20 лет после низложения Карла Толстого политическая обстановка в каждом королевстве была крайне нестабильной, а легитимность власти — сомнительной. Стабильностью отличалось лишь маленькое королевство Бургундия,

в котором до 1032 года на троне сменяли друг друга короли-долгожители из одной и той же династии и которое в 930-х годах поглотило Прованс. Стоит ли удивляться, учитывая все вышеизложенное, что нравственно-политические замыслы Каролингов как раз в этот период постепенно теряли силу. Отчасти их возродил, как мы вскоре убедимся, наиболее преуспевший среди преемников Каролингов род Генриха I, который мы называем Оттонами, однако до изначального размаха им было далеко. Образование и религиозные сочинения с политической окраской хоть и не исчезли, теперь все больше становились прерогативой Церкви, а программные королевские «вразумления», продолжавшиеся до конца IX века, в X столетии уже изживали себя — исключение составляла испытывавшая сильное каролингское влияние Англия, как мы увидим в следующей главе³².

Самым неблагополучным среди этих королевств было Западно-Франкское, переживавшее еще более тяжелые времена, чем в IX веке. И хотя набегам скандинавов удалось положить конец, когда Карл Простоватый в 911 году отдал викингам с Сены отдельное графство — ядро будущей Нормандии, реальная власть короля распространялась лишь на земли к северу от Луары, где у него имелись соперники и прежде (Одо и Робертом из рода Робертинов их ряды не исчерпывались), а теперь к ним добавились буйные норманны. К 930-м годам сын Карла Людовик IV (936–954) непосредственно повелевал лишь несколькими графствами — у Робертинов насчитывалось больше. Западно-Франкская часть превратилась в лоскутное одеяло из герцогств и графств, лишь номинально подчиненных северным королям. Не особенно изменилось положение и в 987 году, когда герцог из рода Робертинов Гуго Капет окончательно отобрал трон у Каролингов, поскольку к тому времени графства вокруг Парижа, которыми Капетинги (как мы с этого времени будем их называть) уже достаточно давно владели, тоже были раздроблены³³.

Генрих I какое-то время также не слишком контролировал большую часть Восточно-Франкских земель, а его оплот, распо-

ложенный на восточносаксонской военной границе, располагался слишком далеко от традиционного центра державы Каролингов. Зато в результате у него имелась боевая армия, тренируемая нападениями на славяноязычные племена к востоку с последующим их порабощением (см. главу 5). Благодаря ей Генриху I удалось завоевать территорию вокруг Ахена, к тому времени называемую Лотарингией, где было достаточно королевских угодий, и оборонять Восточно-Франкские земли от набегов новых кочевников, мадьяр — или венгров, как их называют по сей день. В результате его авторитет в королевстве оказался достаточно прочным, чтобы наследование трона его сыном Оттоном I (936–972) протестов не вызвало. Однако за время царствования Оттону пришлось подавить два мятежа, что позволило ему назначить правителями большинства крупных восточно-франкских герцогств собственных родственников — на достаточный срок, чтобы укрепить свою власть над их держаниями. Ему подчинялись и прежние коренные земли Франкской империи, и даже западно-франкские короли признавали его верховным франкским правителем — его сестра, королева-мать Герберга и его брат Бруно, архиепископ Кельнский, были в конце 950-х действующими регентами в Западно-Франкской империи. Продолжая экспансию, он дважды вторгался в Италию и в 962 году провозгласил себя императором и ее королем. С тех пор королевство Италия снова входило в империю франков, а Оттон, его сын Оттон II и внук Оттон III (983–1002) стабильно правили на территории, включающей более половины прежней державы Карла Великого, не имея сколько-нибудь равных соперников среди других королей. Эта стабильность не пошатнулась и за тринадцатилетний период, когда королевство вернулось к женскому регентству, и за малолетнего Оттона III (он умер в 22 года) правили королева-мать и даже королева-бабка — жена Оттона II, византийская принцесса Феофано (ум. в 991) и жена Оттона I Адельгейда (ум. в 999). С этими правительницами действительно считались куда больше, чем с их меровингскими предшественницами³⁴.

Именно с правлением Оттонов, особенно после 962 года, логичнее всего сравнивать правление Каролингов и именно по его организации определять, что к тому времени изменилось. Во-первых, Оттоны по-прежнему созывали законодательные собрания — теперь не в коренных землях Франкской империи, а в окраинной Саксонии, но светские и духовные вельможи туда добирались. Короли были тесно связаны с Церковью; придворные капелланы регулярно становились епископами, государи председательствовали на церковных соборах, в точности как когда-то Людовик Немецкий и его сыновья, а в постановлениях часто цитировались решения каролингских соборов. Их власти хватало и на то, чтобы смещать римских пап и назначать своих — Каролинги, как ни велико было искушение, на такое не отваживались. Их армия намного превышала численностью войска других западных правителей. Богатство им тоже сопутствовало: в их подчинении находились прежние королевские земли Каролингов вокруг Ахена и Франкфурта, к которым после взятия Италии добавились земли вокруг Милана и Павии (это не считая фамильного оплота Оттонов в юго-восточной Саксонии, а также доходов от богатых серебряных рудников, открытых к югу от Гослара в их саксонском домене в 960-х, обеспечивавших серебром для чеканки монет весь Запад). Таким образом, Оттонам было чем награждать верных за службу, и они награждали. Однако государственный контроль при Оттонах был слабее, чем при Каролингах. Как-никак они базировались в бывшей Восточно-Франкской державе, которая еще при Людовике Немецком отступала от каролингских замыслов, а оплот Каролингов с центром в Ахене теперь стал рядовым герцогством. Примечательно, что по своей державе они разъезжали гораздо больше, чем в свое время требовалось Каролингам, — чтобы подданные сильнее ощущали их присутствие. И не зря: когда в 960-х годах Оттон I несколько лет провел в Италии, чтобы закрепить там свою власть, в Саксонии отмечались всплески негодования. При этом своих вельмож — за исключением представителей собственной династии — Оттоны перемещали гораздо меньше, и к этому вре-

мени связи между местными сообществами великих герцогств в Италии и Франкии сравнительно поредели³⁵.

Все это вполне закономерно, учитывая, что Оттоны, как уже упоминалось, не стремились возрождать нравственно-религиозный проект Каролингов. Они покровительствовали интеллектуалам, одним из которых был математик и энциклопедист Герберт Орильякский (ум. в 1003), в 999 году по велению Оттона III ставший папой римским Сильвестром II. Но в письмах Герберта не наблюдается склонности к назиданию, как у Агобарда или Гинкмара. Оттоны почти не занимались законодательством — притом что их церковные соборы свои постановления издавали. При саксонском дворе писали исторические труды, сочиняли поэтические произведения и даже пьесы (за авторством монахини Хросвиты из королевского монастыря Гандерсхайм), отличающиеся значительной сложностью и несущие отпечаток классического наследия (в том числе произведений Саллюстия и Теренция), но без уклона в политическую теологию³⁶. Это само по себе немало; Оттоны заслуживают почетного места в истории интеллектуальной культуры. Однако к этому времени ни одному королевству не удалось бы просто так возродить замыслы начала IX века — слишком многое изменилось с тех пор. Следующее религиозное возрождение с политической окраской, предпринятое папой Григорием VII и его преемниками, уже не ассоциировалось ни с каким из королевств и, напротив, все сильнее порицало попытки королей взять на себя духовное лидерство по примеру Карла Великого и остальных.

Одно тем не менее в X веке осталось неизменным — культура публичности в политике. Ни в Восточно-Франкском королевстве, ни в Италии почти не было четко очерченных территорий под единоличной властью местного феодала, базировавшейся на личной зависимости и вассальной службе, а в Западно-Франкской державе они только начали появляться. Восточно-Франкская часть была децентрализованной и тем не менее, как и в прежние века, стержневую роль в политике Оттонов играли собрания — обще-

государственные и местные — и допустимые в их рамках маневры. Этим маневрам было посвящено немало научных трудов: в частности, исследовалось, как формализация общественного поведения во времена Оттонов и позже создавала видимость согласия, помогавшую как разрешать противоречия, так и вуалировать неразрешенные. О каролингских истоках этой практики вспоминали не всегда, потому что теперь даже при воплощении таких публичных деяний в церковных обрядах характерные для IX века покажные мотивы в них отсутствовали. И все же они свидетельствуют о сохранении традиции публичной власти, которую мы наблюдали во Франкской державе с VI века и которая берет начало в мощных государственных механизмах Римской империи³⁷. Это важно. Здесь кроется основополагающее различие между политическими системами раннего Средневековья и более поздних столетий, когда публичную сферу приходилось воссоздавать заново и она при этом всегда была связана с местными властными структурами, как мы увидим в дальнейших главах.

Однако постепенно публичность верховной власти у франков слабела. Сперва тенденция к этому наметилась в некоторых областях Западно-Франкской державы, где из-за раздробленности государственная власть расшатывалась изнутри, зато укреплялся авторитет местных феодалов. Переломным моментом здесь часто считают рубеж X–XI века, и хотя датировка (как и само существование переломного момента) вызывает бурные споры и в любом случае варьируется от области к области, ориентироваться на нее можно. После этого, в XI веке, политический уклад X века (не говоря уже об эпохе Каролингов) для многих утратил смысл, поскольку политические условия изменились, и стремительно забывался. Даже если бы кто-то попытался вернуться к богословской полемике Каролингов, политический фон, на котором она разворачивалась, давно канул в небытие³⁸. В Италии, где к 1000 году тоже начали появляться местные домены, культура публичной власти гораздо лучше сохранялась в городах, где по-прежнему созывались многолюдные четко организованные судебные собрания,

пока традиции не положила конец захлестнувшая страну смута конца XI века. В Восточно-Франкской державе собрания и коллективная ответственность продержались дольше всего — пусть и ограничиваясь теми районами, где королевская власть не сдавала позиции. Однако там ее укрепляла, в том числе, относительная разобщенность местных властей, и для окончательного упразднения публичности необходимы были перемены, которые в одних местах наметились на рубеже XI–XII веков, а в других еще позже. Эти процессы не были универсальными, но общие черты у них имелись. Какие-то из них проистекали из каролингского эксперимента, поскольку Каролинги стремились регламентировать все и вся, и замкнутость местных сообществ под властью феодалов (в общем и целом характерная для XI века особенность) была с этой регламентацией связана³⁹. Но все это коренным образом изменилось с исчезновением общественной и коллективной легитимизации власти, которую Меровинги, Каролинги и Оттоны считали само собой разумеющейся, а тяга Каролингов к морализаторским жестам возвысила на какое-то время до политического искусства. Что из этого вышло, мы увидим в главе 6.

ГЛАВА 5

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЫ 500–1100 гг.

Христианизация Северной Европы изменила уровень наших знаний о континенте. В 500 году граница Римской империи отделяла ведомое от неведомого. Обо всем, что происходило к северу от нее, мы знаем из данных археологических раскопок, которые рассказывают хоть и много, но далеко не все, и из римских источников, авторы которых обращали взоры на север, однако при этом были не просто не осведомлены, но в большинстве случаев даже не пытались нарисовать точную картину: «варвары» их интересовали только как отражение недостатков римского общества. По прошествии трех насыщенных событиями веков, к 800 году, положение мало изменилось. К этому времени франкам подчинялась большая часть Германии к северу от римской границы, пусть эти земли пока и не были полностью интегрированы во франкскую политическую систему. Достаточно много известно об Ирландии и англосаксонской Англии — формально бывшей римской провинции, на деле сильно отличающейся от Рима общественным устройством, — но в остальном для областей к северу от Рейна и Дуная у нас по-прежнему нет иных источников, кроме археологических и сторонних документальных, не балующих надежностью. Положение изменилось к 1100 году: к этому времени для большинства регионов у нас имеются по крайней мере какие-то письменные дан-

ные, позволяющие точнее представить, как была устроена жизнь в северной половине Европы. А там в это время повсюду формировались политические структуры, более сложные, чем при Карле Великом.

Разумеется, дело здесь не в христианстве как таковом. Христианизация различных политических образований на севере означала в первую очередь крещение короля и его свиты — остальное население обращалось в новую веру уже потом, зачастую гораздо позднее, — и это крещение, принятое из сколь угодно искренних побуждений, как правило, крайне медленно влияло на ценности и порядки, считавшиеся в том или ином обществе нормальными, достойными и нравственными, поскольку эти ценности теперь также объявлялись христианскими, независимо от близости их к изложенному в Новом Завете¹. Однако христианство несло с собой церковный уклад, а с ним приверженность письменному слову (иначе не получится читать Библию) и ведению писцовых книг (обычный способ защиты церковных земель, даруемых королями, от посягательств — в Северной Европе почти все ранние документальные источники повсеместно связаны с Церковью). Вскоре появляются и летописные тексты — как правило, на латыни, но и на местных языках также (в частности, на ирландском, древнескандинавском и русском), — оправдывающие действия верховного правителя и духовенства². Этим плоды христианизации не ограничивались, поскольку она позволяла государю заимствовать и внедрять хотя бы некоторые механизмы управления, применявшиеся в двух великих европейских державах раннего Средневековья — Франкии и Византии. В некоторых случаях возможность открыться навстречу южноевропейскому влиянию и перенять принципы политического устройства была единственной причиной перехода в иную веру — и единственной итоговой переменной. Как бы то ни было, христианство само по себе не делало Европу однородной — там лишь возрос интерес к более перспективным, но все еще неодинаковым формам политической власти. Воздействие заимствованной религии на каждую из северных

стран было подобно бариевой взвеси, выявляющей при рентгенодиагностике не однородность, а контрасты.

Христианство в Северной Европе распространялось с запада на восток — медленно, но где-то после 950 года этот процесс ускорился. Первой, в V–VI веках, крещение приняла Ирландия, затем пиктская часть Шотландии, Англия и центральная Германия — в VII веке, Саксония — насильно, как мы уже видели, — после завоевания Карла Великого в VIII столетии, Болгария, Хорватия и Моравия — в IX веке, Богемия — в X веке, Польша, Русь (куда входили земли европейской части России и Украины) и Дания — в конце X века, Норвегия, Исландия и Венгрия — на рубеже X–XI веков, Швеция — более медленными темпами в течение XI века³. В стороне от этого процесса остался только дальний северо-восток Европы, балтийско- и финноязычные земли, первые из которых в XIII веке образовали единственное крупное и могущественное языческое государство средневековой Европы — Литву. Ее великие князья приняли христианство лишь в 1386–1387 годах. Рассмотреть все эти страны подробно мы не можем, да и сведения о многих из них, даже после принятия христианства, остаются слишком обрывочными для полноценного интересного обзора. Поэтому в данной главе мы ограничимся Ирландией, Англией, Данией, Норвегией и Польшей — именно в таком порядке — и покажем, как по-разному шел процесс принятия новой для них религии, что, в свою очередь, выявляет различия в их укладе до 1100 года. О Болгарии и Руси мы поговорим ниже, в главе 9, поскольку распространение христианства на север от Византии шло несколько иначе, и к остальным европейским государствам — по состоянию на последнюю четверть Средних веков — вернемся в главе 11, поэтому завершение процесса мы увидим уже там. А в этой главе мы коснемся, кроме всего прочего, некоторых крупных преобразований на севере, не имевших никакого отношения к христианству, в частности экспансии народов, в конечном итоге ставших славяноязычными, и походов скандинавов-викингов на Ирландию, Британию и Франкию.

Однако прежде давайте рассмотрим элементы сходства между странами Северной Европы до обращения в христианство — насколько позволяют судить о них наши скудные источники и анализ более поздних данных. Языкового сходства не было точно: среди тогдашних североевропейцев были представлены почти все языковые группы нынешней Европы. О религиозном сходстве тоже говорить не приходится; северное язычество отличалось не меньшим разнообразием, чем в Римской империи; где-то существовали пантеоны богов, где-то один верховный бог, где-то — шаманизм или поклонение силам природы, возможно частично переплетаясь. Кроме того, где-то обряды проводили служители культа, а где-то — местные правители⁴. Однако две общие черты у всех северных сообществ все же имелись — относительная слабость правительственной власти и относительная независимость крестьянства. Что касается первой: северные политические образования в массе своей довольно долго были крошечными и нестабильными. В 800 году в Ирландии насчитывалось до 150 королевств; в англосаксонской Англии, судя по всему, их были десятки, пока около 600 года не началась некоторая консолидация, но и потом их оставалось свыше десяти. В Норвегии до X века почти в каждой долине имелась своя политическая единица; что же касается нынешней Польши и славянских областей Балкан, то франкские и византийские источники VII–X веков перечисляют множество плохо определяемых народов, живших на этих территориях. Даже название этим единицам подобрать сложно: если у одних имелись так и или иначе титулованные правители, которых можно именовать королями, то у других четко определенной или постоянной верховной власти не было вовсе. Поэтому не каждое политическое образование в этой россыпи вправе называться королевством. Можно обозначить их как «племена» (иногда я так и буду делать, главное — помнить, что ни о какой «первобытности» речь в данном случае не идет), однако самыми обтекаемыми и потому подходящими для обобщений применительно ко всему северу терминами будем считать «народы» и «политические

образования». В большинстве из них ключевой особенностью, как и в постримских королевствах на Западе, выступала политика собраний. Короли — там, где они имелись, — прислушивались к собраниям довольно часто (здесь наиболее точные сведения нам предоставляют Норвегия и Швеция), а в некоторых местах, таких как Исландия, которая осваивалась на рубеже IX–X веков переселенцами из Норвегии, и у славяноязычных лютичей в долине Одера около 1000 года на собрании принимались все политические решения и единоличного господства не было ни у кого — по крайней мере теоретически⁴. Если же правитель в таком племени все же наличествовал, указаний на то, что он обладал прямой, непосредственной властью, почти нет. Разумеется, у таких правителей имела собственная дружина, которую они использовали для сражений в междоусобных войнах и установления мелкомасштабного господства, но убедительное количество ранних примеров обстоятельного политического вмешательства «сверху» найти сложно, и, скорее всего, большинству правителей приходилось сотрудничать и советоваться с органами коллективного управления, численный состав которых варьировался от общины к общине.

Это связано с тем, что в северной половине Европы крестьянство было в основном независимым — то есть не имевшим в массе своей договора с землевладельцем. Это не значит, что в обществе царило равноправие; подневольные существовали везде, в больших количествах трудясь на элиту, и даже в некоторых крестьянских семьях имелись один-два батрака или помощника по хозяйству. Соответственно точно так же повсюду существовала элита — более богатая и/или знатная. Из этой прослойки, как правило, происходили и правители. Однако под ее непосредственным контролем находились ограниченные земельные участки, и даже в более поздние периоды, когда знать (не в последнюю очередь церковная) стала владеть значительно большими наделами земли, у нас имеются примеры, в частности в Скандинавии, когда это не подразумевало господства. Остальная часть земель находилась под контролем низших слоев, то есть крестьянства; и в целом

экономическое развитие почти повсюду на севере, судя по всему, довольно долго определялось крестьянским, а не аристократическим выбором и нуждами. Подтверждением тому служит и редкость обнаружения крупных скоплений ценностей в раннесредневековых археологических слоях на севере — характерное исключение составляет лишь Дания до периода викингов, к которой мы еще вернемся. Единоличная власть отдельных представителей знати была, судя по всему, недостаточно устойчивой, они представляли собой что-то вроде вождей в антропологической терминологии и в последующих поколениях могли опять слиться с крестьянством, если обладали недостаточной хваткой или имели слишком большое потомство, среди которого делилось накопленное. При этом, однако, их позиции иногда, как в Ирландии, закрепляла довольно сложная утвержденная законом иерархия, а иногда, как в Скандинавии, им отводились особые религиозные и политические роли на местах, передаваемые по наследству⁶.

Соответственно, хотя в экономическом отношении крестьянство было в основном независимым, ему повсюду приходилось взаимодействовать со знатью, и это необходимо учитывать. Взаимодействие принимало разные формы. В Ирландии — сложные отношения покровительства, основанные на одаривании скотом (а не землей, как почти повсюду в Европе) в обмен на гостеприимство, а также военную и политическую поддержку. В Англии до VIII века короли и знать властвовали над крупными областями, где жило крестьянство, однако владельцами этой земли не являлись. Крестьяне выплачивали не ренту, а небольшую дань, возможно нерегулярно (за исключением зависимых, которых уже тогда можно считать подчиненными арендаторами)⁷. В Исландии и, вероятно, в остальной части Скандинавии свободные крестьяне поддерживали представителей местной знати на собраниях и платили отступные, если не присутствовали там; позже местная знать получала свою выгоду от распоряжения церковной десятиной. В будущей Польше относительно независимые крестьяне, как и в Англии, платили дань местным правителям, но, судя по все-

му, без четкого территориального деления. На лесистых просторах будущей Руси пахари и звероловы платили схожую дань зачастую довольно далеко находящимся правителям — волжским булгарам, а затем скандинавским (варяжским) князьям Киевским и Новгородским. Политические образования на Руси отличались большой площадью, и в них отчетливее, чем где бы то ни было, обозначалась опора на верховную власть правителя с вооруженной дружиной, однако местная власть из века в век оставалась довольно аморфной, и оброк достаточно долго мог выплачиваться с перебоями — окончательное закрепощение русского крестьянства произошло только в начале Нового времени⁸. Каждая из этих варьирующихся экономико-политических моделей располагала потенциальными рычагами для усиления власти и увеличения богатства знати, однако процесс этот был не автоматическим: он шел в Англии, но не в Ирландии, в Дании, но не в Швеции и так далее. Даже к 1100 году среди северных народов о полноте власти верховного правителя и знати можно было говорить только применительно к Англии. Подробнее эту модель мы рассмотрим чуть ниже.

Итак, страны, подвергавшиеся постепенной христианизации на протяжении шести веков, представляли собой мелкие государственные образования, не имевшие развитой социоэкономической иерархии. Однако, как я уже говорил, последствия христианизации в этих странах сильно разнились. Первой христианство приняла Ирландия. Там переход в новую веру начался еще в V веке, при римском укладе, и с самого начала был связан с выдающимся миссионером Патриком, британским христианином, который какое-то время провел в Ирландии в рабстве и хорошо знал ее, как свидетельствуют его собственные сочинения. Патрик и другие миссионеры проповедовали, странствуя из королевства в королевство, борясь при этом с противостоянием сильного повсеместно представленного жреческого сословия — друидов. Мы не знаем, как им удалось преуспеть (известно лишь, что процесс растянулся по меньшей мере на столетие) и что ожидали короли от хри-

стианства — возможно, власть сродни римской? Но если так, время было выбрано не самое удачное, поскольку Западная империя рушилась, и нигде этот крах не ощущался так сильно, как в ближайшей римской провинции, Британии, пережившей после ухода римлян резкий социоэкономический спад. В Уэльсе и в остальной западной части острова, не завоеванной германоязычными англосаксонскими политическими союзами в V — начале VI века, выкристаллизовывались больше десятка королевств⁹. В Ирландии новоявленная христианская Церковь не только не служила основой для политического объединения, наоборот, ее епископская и монастырская иерархия (значение монастырей в Ирландии с самого начала было велико) вела к такой же раздробленности, как и светский политический уклад. По сути, священники просто заменили друидов как прослойку обладателей особого знания. Интерес к письму, который принесла новая религия, распространялся и на другую специализированную прослойку — судей, поэтому в Ирландии, наряду с хрониками и протоколами церковных собраний, а позже прозаическими эпосами, появились и подробные сборники юридических трактатов. Следующие несколько столетий предстают в них чередой междоусобных войн между мелкими племенными союзами, в лучшем случае выстроенными в иерархию, вокруг двух очень крупных кланов, каждый из которых властвовал над несколькими королевствами, — И Нейллов в центрально-северной части и Эоганахтов на юго-западе. К тому времени все короли уже приняли христианство, но их власть была сильно ритуализирована и ограничена множеством табу, имевших бесспорно дохристианские корни. Сложно сказать, принесло ли христианство здесь какие-то перемены в принципе, если не считать добавления к политическому ландшафту ряда влиятельных церквей, имевших некоторую, хоть и не очень тесную, связь с европейскими¹⁰.

Гораздо сильнее, чем христианство, повлияли на Ирландию набеги викингов в IX веке. В сельской Ирландии скандинавы всегда были малочисленны — они селились в основном в морских торго-

вых городах, прежде всего в Дублине, ими же и основанном. Однако их набеги, которым нужно было организовано сопротивляться, в значительной мере способствовали политическому объединению. С этого времени нам начинают попадаться правители, стремящиеся расширить свое господство и даже провозглашающие себя «королями всей Ирландии» — как Маэл Сехналл мак Маэл Руан (ум. в 862) и Бриан Бору (ум. в 1014). К XI веку расширяются и территории, на которых правили такие верховные государи (принадлежавшие теперь зачастую к совсем другим династиям), и их власть на этих территориях¹¹. Но на этом политическое объединение заканчивалось; слишком ограниченны были имевшиеся в распоряжении королей ресурсы и слишком примитивна инфраструктура, чтобы добиться чего-то более постоянного. Вторжение английского короля Генриха II после 1169–1170 годов и частичное завоевание, подарившее сыну Генриха Иоанну титул «лорда Ирландии» к 1177 году, привели к образованию англо-норманнских владений, имевших сходство с современными им ирландскими королевствами и вместе с тем сохранявших особенности английского и континентального уклада. Ирландская церковь еще с 1110-х годов приблизилась по структуре к континентальной, а ирландские короли (как их называли в ирландскоязычных текстах до 1400 года и позже) по крайней мере номинально подчинялись английскому правительству в Дублине. И тем не менее «гэльские» владения позднего Средневековья и некоторых из английских по-прежнему несли в себе социокультурные черты королевств пятисотлетней давности и более, а там, где это было не так, перемены шли изнутри, а не насаждались извне. Английская политическая власть и эти владения находились теперь в диалектической взаимосвязи, однако в остальном Ирландия к концу Средних веков изменилась, пожалуй, меньше всех прочих областей Европы¹².

В Англии все происходило совершенно иначе. Как мы уже видели, ранние англосаксонские государственные образования были часто крохотными, судя по их названиям, сведениям из более позд-

них письменных источников и данным археологических раскопок. Даже после частичного объединения там насчитывалось от 10 до 15 отдельных королевств, куда в начале VII века прибывали проповедовать миссионеры из Рима, Франкии и Ирландии. Как и в Ирландии, эти королевства одно за другим переходили в христианскую веру на протяжении трех поколений, однако здесь гораздо отчетливее проявлялась заинтересованность королей в культурно-политических связях, которые сулило им христианство — с римскими папами и, самое главное, с франкскими государями, ближайшими соседями по ту сторону Ла-Манша, гораздо более богатыми и могущественными. Правители Кента, самого политически и географически близкого к франкским землям королевства, приняли христианство первыми, после 597 года, стараниями миссионеров из Рима. Уэссекских королей (а именно правителей Гэмпшира и Беркшира) обратил в христианскую веру франкский миссионер в 630-х годах. К правителям Нортумбрии на севере христианство в конце концов пришло в 630-х из Ирландии, однако на церковном соборе в Уитби в 664 году была утверждена континентальная пасхалия, сближавшая Нортумбрию с Римом и Франкской державой. Крещение принимали самые честолюбивые короли, стремившиеся расширить свою власть. Исключение среди них составлял Пенда, король Мерсии (ум. в 655), однако после его гибели в сражении с нортумбрийцами Мерсия тоже перешла в христианскую веру. После 670 года новый архиепископ Кентерберийский Феодор Тарсийский (ум. в 690), назначенный папой византиец, совершил то, о чем ни один ирландский церковный деятель в то время и мечтать не мог, — объединил епископов всех англосаксонских королевств в единую иерархическую структуру. С тех пор англосаксонская церковь была полностью интегрирована в западноевропейскую, и сходство между ними усиливалось¹³.

Однако между английскими королями VII века и правителями на континенте имелись явные различия. Островные власти могли обладать личным богатством, как свидетельствуют королевские погребения (самое известное было устроено около

625 года в Саттон-Ху), но в остальном ресурсы их были ограничены, а государственная власть довольно примитивна и опиралась, как и повсюду, на собрания. Как и в Ирландии, их деятельность сводилась к междоусобным войнам, в которых они участвовали со своей дружиной. Однако постепенно полномочия их расширялись. Кто-то занялся законотворчеством, создавая своды законов, напоминающих континентальные (хотя и написанные на древнеанглийском). К концу столетия они наладили торговые отношения с франками через сеть морских портов — Ипсвич, Лондон, Хэмвик в нынешнем Саутгемптоне, — сравнимых с континентальными, такими как Дорестад¹⁴. В VIII веке несколько могущественных мерсийских королей — Этельбалд (716–757), Оффа (757–796) и Кенвульф (796–821) — имели достаточно тесные связи с первыми Каролингами. Оффа не только установил господство над южной Англией, но и присоединил большинство ее королевств к Мерсии, и этим происходившее в Англии отличалось от происходившего в то же время в Ирландии. После его кончины кроме Мерсии насчитывалось всего три королевства — Нортумбрия, расширившийся к тому времени Уэссекс и восточная Англия. Кроме того, при нем возникла более четкая организационная инфраструктура власти. Систематичностью — и опорой на письменные тексты — она уступала каролингской, однако включала в себя контроль над людскими ресурсами, позволивший Оффе выстроить военные укрепления в ряде мерсийских городов и стокилометровый вал, отделивший его королевство от земель валлийцев. Вал Оффы существует до сих пор и представляет собой крупнейшее сооружение такого рода в Европе со времен Адрианова вала. В 760-х годах Оффа начал чеканить новую монету по образцу выпущенной за несколько лет до того Пипином III (и в свою очередь, возможно, испытавшей влияние более ранних английских образцов). С 742 года до 830-х в Мерсии непрерывно проводились церковные соборы, напоминающие франкские, о чем имеются документальные подтверждения в письменных источниках¹⁵.

К 800 году Англия (или по крайней мере Мерсия) обрела гораздо большее сходство с Франкской державой, чем в 600 и даже 700 годах. Отчасти это объясняется заимствованиями, отчасти — изменениями, следовавшими собственной внутренней логике. И те и другие были связаны с христианизацией — хотя и не всегда вызваны ею. За ними стояли, пожалуй, самые значимые социально-экономические перемены в английских королевствах, начавшиеся, вероятно, во времена мерсийского господства и получившие дальнейшее развитие в IX веке: медленный переход от крупных облагаемых данью территорий к частному землевладению королей и знати. К середине X века этот процесс, судя по всему, более или менее завершился, преобразовав экономическую среду: начиная с этого времени на половине территории страны происходила структуризация деревенской общины, крестьянская независимость исчезла почти везде, а короли, получившие во владение самые крупные надель, обрели еще большую власть — в том числе и над знатью, которая старалась держаться к ним поближе, поскольку тоже выигрывала от этих перемен¹⁶.

Мерсия завоеванное в VIII веке господство не удержала. Начиная с 820-х годов ей пришлось пережить несколько периодов междоусобицы, после которых часть южных королевств — и среди них Кент — отошла к Уэссексу. Однако все они оказались не готовы к набегам викингских разбойничьих отрядов, а затем — с 850-х годов — и вполне серьезных армий, которые, стоило им осознать уязвимость английских королевств, перешли в 865–878 годах к полномасштабному завоеванию. Скандинавские правители захватили восточную Англию, покончив со всеми королевствами, кроме Уэссекса. Уэссекс тоже едва не пал, но его король Альфред (871–899), потерпев поражение, сумел заново собраться с силами — в 878 году он одержал над викингами победу и добился заключения мира, более или менее прочного. Альфред провел военную реформу, укрепил крупные западносаксонские города и занял неподвластную скандинавам южную половину Мерсии. Тем самым он предоставил своему сыну Эдуарду Старшему и доче-

ри Этельфледе (правившей Мерсией) плацдарм для завоевания в 910-х годах скандинавских королевств южной Англии, а своим внукам — в частности Этельстану (924–939) — для дальнейшего продвижения на север. К 954 году в их руках была вся Нортумбрия, за исключением владений независимых эрлов Бамборо на дальнем севере, которые сумели не попасть под власть викингов. Уэссекское завоевание привело к созданию первого по-настоящему единого государства — «королем англосаксов» начал называть себя еще Альфред, и с тех пор название «Англия», хоть и медленно, стало входить в употребление¹⁷.

Таким образом, Альфред, Этельстан, а затем и его племянник Эдгар (957–975) оказались, по сути, прямыми преемниками власти Мерсии и расширили ее, поскольку не похоже, чтобы Оффа задумывал подчинить себе всю Англию. Принципы управления они активно заимствовали у франков. При дворе Альфреда, который и сам был высокообразованным человеком, подвизался франкский богослов Гримбальд из Сен-Бертена, который переводил христианские сочинения с латыни на английский. Коллективная присяга, приносить которую предписывал всем свободным людям судебник Альфреда, была схожа с присягой на верность Карлу Великому. Более поздние законы X века напоминают и даже цитируют капитулярии Каролингов, по крайней мере одна копия которых в Англии имелась точно — к X веку каролингская идея на континенте, как нам известно, уже сдавала позиции, поэтому до Англии доходила прежде всего в книгах. Архиепископ Йоркский Вульфстан (ум. в 1023), владевший текстом капитулярия, писал назидательные трактаты и морализаторские кодексы, проникнутые каролингской идеей, а финансируемая из королевской казны монастырская реформа в правление Эдгара несла отчетливый отпечаток аналогичной реформы Людовика Благочестивого. Такие англосаксонские традиции, как ополчение и политика собраний, не утратили принципиального значения в Англии X века, однако и они не обошлись без реорганизации: в выстраивании иерархии судебных собраний для шайр

(графств) и сотен*, а также действиях согласно королевским предписаниям прослеживаются параллели с франкскими порядками. Правители в X веке заключали династические браки с Оттонами и Каролингами и вмешивались в западно-франкскую политику. Пик этих тенденций пришелся на правление Эдгара и его сына Этельреда II (978–1016) — оба успешно укрепляли могущество позднего англосаксонского государства при поддержке своих ближайших соратников из числа знати и духовенства, среди которых была бабка Эдгара Эадгиву и мать Этельреда Эльфтрута: оба короля, как и большинство английских правителей X века, взошли на трон в юном возрасте, поэтому королеве-матери отводилась важная роль. К XI веку Англия была самой явной наследницей всей каролингской идеи — такого поворота Карл Великий никак не мог предположить, — а благодаря небольшим размерам еще и самым сплоченным государством на католическом Западе. Этельред даже ввел земельный налог, первый на Западе, как мы убедимся в следующей главе. Разумеется, истоки этого могущества нужно искать не только в каролингской идее — во многом оно было связано с уже упомянутыми переменами в землевладении, а также с тем, что западносаксонская знать, обогатившаяся за счет завоеваний, спланировалась в олигархию и управляла страной вместе с королевами-регентами, пока Этельред опрометчиво не низложил многих ее представителей. Однако возможность опереться на каролингские принципы определенно придавала королям уверенности, что видно из источников X века, и по ним мы можем судить, насколько сделанная ими в VII веке ставка на принятие христианства как на пропуск в континентальную политику оправдала себя¹⁸.

Таким образом, в Англии перемены, вызванные христианизацией, оказались наиболее полномасштабными среди всех стран Северной Европы, равно как и в Саксонии, насильно крещенной фран-

* Сотня — историческая административная единица в Англии. — *Прим. пер.*

целое столетие они наглядно демонстрировали, что даже неструктурированные северные политические образования способны оказывать серьезное воздействие на королевства в других землях. А еще они возвращались не с пустыми руками, как показывают археологические находки в торговых городах Скандинавии, однако приносили не только богатство, но и смуту: из бывших викингов, как правило, происходили соперничавшие до XI века норвежские короли, и, скорее всего, с этим же связан недокументированный упадок датской королевской власти в IX веке¹⁰.

Только во второй четверти X века появился король — Горм (ум. в 958), возможно, из нового рода, — которому вновь удалось подчинить себе значительную часть Дании. Его сын Харальд Синезубый (958 — ок. 986) стал первым явно христианским правителем королевства. Харальд был современником Оттона I, чьи земли располагались заметно ближе к Дании, чем владения Карла Великого, и в христианскую веру его к 965 году обратил германский миссионер, приближенный к брату Оттона Бруно. Представляется вполне вероятным, что Харальд пытался сблизиться с Оттоном, подражать ему в политике и нейтрализовать как угрозу. Однако любопытно, что, несмотря на достаточно хорошо документированное участие с этого времени датских епископов в делах страны, Харальд в своем правлении на них опирался мало. Он устанавливал власть над всей Данией силой и около 980 года выстроил сеть круговых замков, обнаруженных археологами; судя по всему, это был период закрепления завоеваний, а также систематизированного формирования армии и флота. Именно они, а также давняя практика собраний выступали основными столпами датской королевской власти, а отнюдь не Церковь. Армия и флот оказались достаточно мощными, чтобы сыну Харальда Свейну и внуку Кнуту (1014–1035) удалось в 1010-х годах завоевать Англию и с переменным успехом властвовать в Норвегии. Кнут привозил в Данию английских, а не германских епископов и в 1027 году совершил паломничество в Рим, совпавшее с коронацией германского императора Конрада II. К этому времени он явно использовал свою

принадлежность к христианской Европе в политических целях. Даже если его владычество на более широкой территории вскоре рухнуло, королевская власть в Дании с тех пор оставалась прочной — к 1100 году даже более прочной, чем в большинстве франкских земель²¹. К концу периода, рассматриваемого в этой главе, Дания была самым могущественным королевством на севере после Англии и, возможно, Венгрии. К 1070-м в ней сложилась стандартная епархиальная структура, а затем и сеть приходских церквей, многие из которых существуют до сих пор. Образ жизни датской знати все больше приближался к принятому в остальной Европе (хотя частные замки были редкостью), в письменных источниках имеются указания на наличие крупных землевладельцев (как светских, так и духовных), а также крестьянского землевладения²². Дальнейшее историческое развитие Дании (короли против епископов против знати) укладывается в стандартные европейские модели. Однако здесь, в отличие от Англии, ядро политической власти формировалось отнюдь не благодаря христианизации; Церковь была пусть и важным, но дополнением к социально-политическим преобразованиям, которые происходили и без нее.

В Норвегии объединение происходило позже, и этот процесс был неравномерным. Судя по данным археологии, в период раннего Средневековья она представляла собой разрозненные королевства, не увязанные в иерархическую структуру, разделенные горами, лесами и участками гористой местности. Первые попытки завоевания всей этой территории связываются с полумифическим Харальдом Прекрасноволосым (ум. ок. 932), одним из местных королей, а также его сыновьями и внуками. Однако окончательного успеха им добиться не удалось. На протяжении X века мы по-прежнему видим в письменных источниках на древненорвежском (поздних, XIII века, но включающих поэзию более раннего периода) сеть местных общин, управляющихся собраниями (тингами) и состоящих из независимых крестьянских хозяйств, подчиняющихся местной знати (ярлам или ландманам — «земельным

людям»). Следующими распространить свою власть на всю Норвегию попытались Олаф Трюггвасон (ок. 995–1000) и Олаф Святой (1015–1028). Оба приняли христианство, сражаясь в чужих краях, и их экспансия выглядела как целенаправленное, относительно насильственное обращение в ту же веру норвежских земель, а также расположение знати к себе за счет одаривания и назначения на управленческие должности на местах. Так, согласно более позднему историографу Снорри Стурлусону, свободные жители Ругаланна, собравшись на тинг, решили поручить троим самым красноречивым возражать «красивым словам» Олафа Трюггвасона, однако, когда дошло до дела, делегаты из-за внезапно одолевшего их косноязычия не смогли произнести ни звука, поэтому крещение было принято. На Гулатинге конунг подкупил влиятельного местного вождя, выдав замуж свою сестру за его родича, после чего на тинге и вождь, и родич поддержали конунга и «никто не посмел ему противоречить». На Фростатинге (собрании жителей Тронхейма) местные — надо полагать, наученные предшествующими событиями, — собрались во всеоружии, как на военный тинг, поэтому к угрозам конунг Олаф прибегать не стал и согласился на требование принести жертву на празднике середины лета. Придя же на капище, он заявил, что жертвами будут сами вожди, и те, не ожидавшие такого поворота событий, сдались. Это, разумеется, художественное изложение, по нему сложно судить о действительных успехах конунга, однако оно наглядно иллюстрирует, как правители вели переговоры с тингом и сколько этих переговоров на самом деле требовалось. Ни Олаф Трюггвасон, ни Олаф Святой долго не продержались и были свергнуты, как и род Харальда Прекрасноволосого в 970-х годах, вторгшимися датчанами. При этом Олаф Святой, попытавшийся вернуть себе власть, своей бесцеремонностью настроил против себя и крестьян, и знать и погиб во вспыхнувшем мятеже в битве при Стикластадире в 1030 году. Как ни удивительно, более поздние источники полны сочувствия к восставшим, хотя почти сразу же после битвы Олаф был объявлен святым мучеником. При этом провозглашение Олафа святым было важ-

но для восстания против датской власти, в 1035 году вернувшего престол сыну Олафа Магнусу, и для упрочения владычества единокровного брата Олафа Харальда Сурового (1047–1066) — тоже вернувшегося с военной службы в чужих краях — и его наследников. Харальд сформировал войско со знатными военачальниками, с помощью которого подавлял непокорных, и укреплял норвежскую Церковь, держа ее в полном своем подчинении²³.

Из простого пересказа политических событий XI века может сложиться впечатление, будто Норвегия к этому времени стала во многом похожа на Данию, но это не так, в чем легко убедиться, если проследить ее историю после 1100 года. Вспыхнувшие в 1130-х годах распри между претендентами на престол начинались, как зачастую и бывает, с противостояния правителей-соперников, поддерживаемых отрядами союзов местной знати. Однако эти союзы выражали приверженность не только верховной власти, но и местной и постепенно избирали собственных конунгов. Самый успешный союз, сложившийся вокруг короля Сверрира (1177–1202), состоял даже не из знати: поначалу это было в основном крестьянское ополчение с дальнего востока, а затем и севера страны, так называемые биркебейнеры, «лапотники», выступавшие против юго-восточной группировки баглеров, «посошников», возглавляемых епископами (Сверрир не покорился папе Иннокентию III и умер отлученным от Церкви). Компромиссный мир между противоборствующими сторонами был заключен только в 1220-х годах²⁴. Суть в том, что Норвегию не удалось ни полностью объединить (как это пытались сделать правители вроде Харальда Сурового), ни полностью подчинить — ни королям, ни знати. Политика местных собраний сохранялась и в дальнейшем, как и участие крестьян в этих собраниях; власть королей никогда не была сильной, а попытки замахнуться на большее пресекались. Однако в рамках этой децентрализованной политической системы начатая Олафом Трюггвасоном и Олафом Святым христианизация и формирование Церкви с 1030-х годов оказались для королей важными инструментами утверждения своей власти там, где это было возможно. Им принадлежала более струк-

турирующая роль в поддержке королевской власти, чем христианству в Дании, пусть даже сама власть тут была слабее. Норвежская христианизация, в отличие от английской, датской или, как мы увидим ниже, польской, не имела почти никакого отношения к франкам, однако организованная Церковь начиная с середины XI века сближалась по форме с континентальной как никакой другой институт в Норвегии, и только такой харизматичный правитель, как Сверрир, мог обойтись без нее²⁵.

Последней мы рассмотрим Польшу, и тут, как и в случае с Данией, нам придется отступить на несколько столетий назад, чтобы разобраться, какое значение на самом деле имела начавшаяся в 960-х годах (как и в Дании) христианизация. В VI–VII веках по всей Восточной и Центральной Европе (нынешние Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), а также на Балканах возникли общины, археологически представленные небольшими поселениями из углубленных хижин-землянок с очень простой материальной культурой и, как правило, кремационным могильником. Общины были действительно не крупными и поначалу не имели выраженной иерархии — при этом, как ни поразительно, им удавалось упорно расширяться как на запад, так и на юг, что, без сомнения, свидетельствовало о слабости всей восточноевропейской политики VI века. Жителей этих общин византийцы, как мы уже знаем из главы 3, называли склавинами, франки на латыни писали *sclaveni*, но автоматически считать их всех славяноязычными мы не можем, тем более что многие действительно на славянских языках не говорили. В массе своей население Восточной и Центральной Европы станет славяноязычным лишь к IX веку, и с этого времени его можно будет с уверенностью называть славянским, но лишь на лингвистических основаниях. Они не принадлежали к одному народу, делясь на множество племен — судя по всему, то и дело распадавшихся и объединявшихся. Однако примерно с VII века политические позиции их соседей укрепляются, а франки становятся серьезной угрозой. Последние не стремились завоевывать территории скла-

винов, но набеги с VII по X век совершали — преимущественно с целью захвата рабов. К IX веку слово *slavus* на латыни стало означать «раб», и в конце концов именно от этого корня образовались соответствующие наименования в западных языках. Рабов франки не только захватывали, но и покупали у самих славян (невольничий рынок имелся в X веке в Праге), как и другие их соседи — венецианцы на юге, скандинавы на Балтике и на Руси, арабские купцы, прибывающие с Востока. В войсках и чиновничьем аппарате Аль-Андалуса велика была доля «славян» — сакалиба, которые поначалу попали туда как невольники. Вокруг работорговли сложились свои экономические связи, которые прослеживаются в основном лишь благодаря археологии — по распределению железных кандалов, по обнаружению иранских монет в Восточной Европе (к X веку в очень больших количествах). Именно в ответ на угрозы со стороны соседей в VIII и IX веках на большей части Восточной и Центральной Европы появляются более крупные укрепленные поселения — оплоты правителей того или иного ранга, которые явно стремились и защититься от нападения сами, и поставляли рабов нападавшим. Одна такая сеть особенно богатых крепостей служила костяком королевства Моравия в IX веке, пока в 890-х ее не разрушили нагрянувшие венгры. Венгерские набеги стали еще одним пунктом в списке опасностей, грозивших окрестным племенным общинам²⁶.

Именно в таком контексте в начале X века в центре нынешней Польши образовался обнаруженный археологами ряд единообразных укреплений — это не считая немалого количества разрушенных. Сформировалась новая славянская держава, которая в то время, возможно, еще не называлась Полонией (латинское ее обозначение), но к XI веку за ней закрепилось это название. Первое упоминание о ней в германских письменных источниках приходится на 960-е годы, когда правитель Польши Мешко I (ум. в 992) сражался с саксонцами. В 965 году он сочетался династическим браком с представительницей Чешского княжества, оформившегося четвертью века ранее и уже принявшего христианство. В 966 году

Мешко тоже крестился, а в 967 году он появился при саксонском дворе Оттона I, и в источнике того времени назван «другом императора». Действия Мешко вполне понятны: он, как и Харальд Синезубый в Дании, но обладая гораздо менее крепкой политической опорой, пытался приобщиться к кругу христианских правителей (в латинских источниках и поляков, и богемских чехов обычно называют «князьями», поскольку германские императоры не спешили признавать их полноценными королями). Это давало ему возможность обезопасить свой народ от набегов и угона в рабство (хотя на спасение от более организованных военных действий надеяться не приходилось). Немаловажно также, что Полонию окружали многочисленные более мелкие славянские племена, остававшиеся языческими; с одной стороны, они защищали ее от саксонцев, а с другой — служили самой династии Пястов, из которой происходил Мешко, источником живого товара, поскольку работорговля в этот период, судя по всему, находилась на подъеме. Кроме того, христианизация, как мы уже наблюдали на других примерах, могла обеспечить Пястам организационную инфраструктуру, которая у них пока отсутствовала: власть ранних Пястов ограничивалась почти исключительно княжеской дружиной — они облагали данью окрестные крестьянские общины и набирали оттуда воинов. (На землях Пястов, в отличие от их более мелких соседей, политика собраний была выражена слабо.) И действительно, какое-то время дела шли гладко: прибывали епископы, в основном из Богемии, а в 1000 году в Польшу, как ее уже можно называть, явился сам Оттон III и учредил архиепископство, то есть номинально независимую церковь, в укрепленном поселении Гнезно в сердце тогдашних польских земель. Сын Мешко Болеслав I Храбрый (992–1025) приумножил могущество Польши, в ходе войн с германцами расширив свои владения до самой Балтики, и даже сумел на целый год — в 1003–1004 годах — завоевать Богемию. Польша постепенно возвышалась как государство²⁷.

Однако длилось это недолго. После смерти Болеслава в стране начался раскол; значительная часть земель отмежеввалась от вла-

дений Пястов, а языческие бунты уничтожили епископальную систему управления, которую пришлось восстанавливать Казимиру I (1039–1058) и его преемникам¹⁸. Дело в том, что к тому моменту у польских князей отсутствовала политическая организация, способная удерживать крупные земли дольше чем несколько лет. Причины ограниченности экспансионистских притязаний ранних Пястов стоит искать там же, где у Ирландии, в отличие от других рассмотренных нами в этой главе стран, и христианизация, даже если она означала приобщение к более четко оформленным церковным иерархическим структурам, здесь ни на что не влияла. Изменилось такое положение не сразу. Польские границы с этого времени становились устойчивее и снова начинали постепенно расширяться — более медленными и безопасными темпами, чем при Болеславе I. Однако модель власти, при которой король и его ближайшее окружение — знатные вельможи и наместники, а также чуть менее привилегированные рыцари — просто собирали подати, какое-то время оставалась основной.

Перемены в этом устройстве наметились в конце XI — начале XII века. Военной верхушке начали выделять земли для сбора податей напрямую, и постепенно, как и в Англии, эти наделы превратились в поместья — владения зарождающейся аристократии могли быть довольно обширными. То же самое делала Церковь. Крестьяне становились арендаторами, все сильнее закрепощаемыми законодательно, хотя окончательное закрепощение произошло только после эпидемии Черной смерти. Свое воздействие оказывали с конца XII века и германские переселенцы, защищенные германским законом. Однако, в отличие от Англии, князья из династии Пястов процесс этот не особенно контролировали. В течение столетия после смерти Казимира I они были заняты междоусобными войнами, а после смерти Болеслава III в 1138 году польские земли поделили четверо его сыновей, наследники которых еще полтора века воевали между собой и провоцировали дальнейший передел. Немаловажное контекстуальное значение имело и то, что в тот период на западе Церковь боролась за независимость от светской

власти, как мы увидим в следующей главе. Епископы отстаивали свои права, и противиться этому князьям было сложно. К этому времени в развитии Польши во многом заметно сближение с европейскими политическими моделями (особенно германскими), но об укреплении власти речь не идет, и Церковь по-прежнему оставалась для князей малополезной. Епископат, конечно, способствовал сохранению идеи общей польской земли, но, в отличие от Норвегии, не мог служить ресурсом крупной политической власти в какой бы то ни было форме. И действительно, хотя к 1150 году местные власти — верховные князья, духовенство и знать — стали гораздо сильнее, чем в 950 году, в территориальном отношении политические единицы в составе польских земель откатились на два века назад²⁹.

Итак, пять разных территорий севера Европы дают нам пять разных примеров воздействия христианизации (прежде всего насаждения церковной иерархии). В Ирландии Церковь быстро встроилась в децентрализованную структуру ирландских королевств и ввела дополнительный усложняющий фактор в их взаимодействие. В Англии Церковь с самого начала служила связующим звеном и во многом способствовала приобщению мерсийских, а затем западносаксонских правителей к общей западноевропейской (то есть франкской) политической и даже морально-политической парадигме. В Дании политическая система, сама развивавшаяся в этом направлении, во вкладе Церкви нуждалась мало. В Норвегии Церковь, напротив, служила существенной опорой, пусть и слабому, владычеству правителей над изолированными и часто нежелающими подчиняться областями. В Польше, несмотря на гораздо большую простоту сообщения между районами Среднеевропейской равнины, церковная организация связующего воздействия не оказывала и верховная власть дробилась. Таким образом, общих моделей развития у нас почти не наблюдается. Если расширить список североевропейских примеров, расширится и разброс вариантов; даже если отнести Богемию в одну катего-

рию с Данией, Венгрию — частично к Дании, частично к Англии (см. главу 8), Швецию — частично к Польше, частично к Норвегии, а Шотландию — сперва к Ирландии, затем (не до конца) к Англии¹⁰, объединение получится достаточно условное и различия все равно будут значительными.

В таком случае было ли в принципе что-то общее в развитии этих регионов? Ответ — да. Общие черты были, и не одна. Во-первых, как отмечалось в начале главы, каждому из этих государств христианизация прививала привычку к более систематической опоре на письменность, тем самым резко увеличивая массив находящихся в нашем распоряжении письменных источников. Самый яркий пример здесь — Польша, все сведения о которой вплоть до последних трех лет перед крещением Мешко получены исключительно благодаря археологии, зато после крещения стабильно появляются письменные свидетельства. То же самое происходит и в других рассмотренных странах, только более плавно. Это, подчеркиваю, не значит, что лишь христианизация давала «пропуск в историю»; даже в этом кратком обзоре мы наблюдали крупные исторические перемены и до смены религии — славянизацию Восточной Европы или появление скандинавских королевств и княжеств от Дублина до Киева. Но сведений о них у нас гораздо меньше, и, хотя западные скандинавские колонии иногда достаточно прилично документированы, описания эти чаще всего — до перехода колоний в христианство — были сделаны иноземцами. Вторая общая тенденция, меньше связанная с христианством и Церковью, состояла в постепенном ослаблении крестьянской независимости во всех северных землях. Даже там, где политическая власть была раздробленной, как в Польше и в Ирландии, усиливалась зависимость крестьян от местных феодалов. Процесс этот шел не везде одинаково — если в Англии он почти завершился к XI веку, то в Норвегии (и тем более в Швеции) в конце Средних веков и позже оставалось значительное количество независимых крестьян, — но он был общим. Это одна из крупнейших перемен на севере за весь период Средних веков. Она привела, сре-

ди прочего, к увеличению концентрации прибавочного продукта, доступного знати, а вместе с ним — к расширению торговых связей. После 900 года росло количество английских земель, вовлеченных в торговые отношения на Западе; Балтика постепенно развивалась как торговая артерия. С VIII века на побережье современной Польши появилась сеть портов, поначалу, видимо, связанных с укрепленными поселениями вдали от моря, которые выступали центрами ремесленного производства и, возможно, невольничьими рынками. Позже они включились в торговые связи со скандинавами в Северном море, а также — через крупные русские реки — с Византией и Халифатом. По мере того как знать богатели, эти порты превращались в центры всестороннего обмена, а в позднем Средневековье вошли в Ганзейскую лигу³¹.

Третья общая тенденция носила культурный характер и была непосредственно связана с еще одним последствием христианизации. Речь идет о постепенном сближении каждого государства, принимавшего новую веру (даже Ирландии и Норвегии), с франкским и постфранкским пространством Западной Европы и принятии его культурно-политических обычаев, в том числе общепринятых представлений о политической деятельности. Роберт Барлетт отмечает заимствования в области личных имен: по всему северу имена святых, такие как Иоанн, и франко-германские имена, такие как Генрих, стали соседствовать с исконными, а иногда и вытеснять имена вроде Бриан, Этельред, Олаф и Болеслав. Кроме того, все шире распространялись грамоты как средство письменного общения и монеты как платежное средство³². В образе жизни и манерах северная элита тоже постепенно перенимала франко-германские порядки — печати, вассальную присягу, строительство замков (исключение здесь составляет Скандинавия), а позже гербы, рыцарский кодекс и идеи рыцарской литературы. К XIII веку повсюду появились цистерцианские монастыри. Границы латинской христианской Европы раздвинулись до полярного круга и рубежей нынешней России, а на востоке в ходе параллельных процессов того же достигла греческая Европа (см. главу 9).

В ряде случаев каждая из рассмотренных стран испытывала схожее давление — например, требования, исходившие от международного папства (см. главу 8), или, позже, политические требования формирующихся парламентов (см. главу 12). Велик соблазн увидеть здесь общую тенденцию к однородности, то есть зарождение общей европейской истории, в рамках которой развитие отдельных европейских государств отличалось лишь нюансами. Однако это было бы заблуждением. Обрисованные здесь различия продолжали обуславливать расхождения в развитии этих стран до конца Средних веков и далее. Прежде всего, в северных странах (за крупными исключениями в виде Англии и Венгрии) система налогообложения в позднем Средневековье была гораздо слабее, чем на западе и юго-востоке Европы, отражая тем самым давние различия в инфраструктуре королевской власти и свидетельствуя о том, что при всем желании королей и знати подражать французским правителям и аристократии достатка им для этого не хватало. Подробнее мы рассмотрим это обстоятельство в главе 11.

ГЛАВА 6

ПЕРЕДЕЛ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 1000–1150 гг.

В конце главы 4 я говорил о значительной разнице между общественной политической сферой раннего Средневековья в Западной Европе и ограниченной по масштабу, более персонализированной, основанной на феодальном господстве политикой более поздних столетий. Постепенный переход к этой политической модели намечился на рубеже XI–XII веков в Западно-Франкской державе, и к 1100 году она уже преобладала во многих местах. И хотя после этого крупномасштабные политические образования вернулись, местная власть никуда не исчезла и стала одним из главных отличий второй половины Средних веков на Западе от первой. Развитие этой новой политики мы и рассмотрим в данной главе. Однако для начала надо пояснить, что именно я подразумеваю под этой политикой, поэтому начнем мы с текста, который даст нам представление о новых политических характеристиках того периода.

В 1020-х годах Гуго де Лузиньян, феодал из западной Франции, приказал составить длинную памятную запись, в которой перечислялись все обиды, нанесенные ему его сеньором Гильомом V, графом Пуату и герцогом Аквитании. Гильом обещал ему кого-то в жены, а затем налагал запрет на брак; помешал Гуго унаследовать положенные ему земли; действовал, не посоветовавшись с Гуго; не пришел Гуго на выручку, когда у того пытались отобрать

земли (Гуго сказал Гильому: «Все мои лишения от преданности вам», но Гильом сочувствия не выразил: «Ты мой и исполнишь волю мою»); он не препятствовал строительству замков в ущерб Гуго и сжег замки, возведенные самим Гуго. Всякий раз Гуго роптал, а Гильом обещал поддержку, но обещаний не выполнял. В конце концов Гуго «отрекся от графа во всеуслышание, сохранив верность лишь его городу и ему лично», и они какое-то время воевали. Только после этого граф-герцог пошел на мировую и отдал Гуго часть удерживаемого наследства в обмен на весьма суровые обеты и клятву верности от Гуго. Насколько хватило обещаний графа, мы не знаем, но Гуго счел их достаточными, чтобы на этом закончить повесть о несправедливом с ним обхождении¹.

В этой записи Гуго изображен как жертва, однако в действительности все обстояло иначе: он был одним из самых могущественных и потенциально опасных вассалов Гильома, так что на эту историю можно взглянуть и с другой стороны. Тем не менее поразительно, насколько силен в этом тексте упор на личные связи, на взаимоотношения, основанные на верности и предательстве. Он напоминает французские эпические поэмы XII века — например, об отъявленном негодяе Рауле де Камбре, который сжег женский монастырь, где находилась мать его верного вассала Бернье, а затем нанес Бернье удар древком копья, и только тогда тот решился разорвать вассальную клятву². Перед нами политический уклад, построенный на личных отношениях и к тому же крайне локализованный: все действие разворачивается в Пуату, а другие графы (например, граф Анжуйский, владения которого находились в 100 километрах к северу) упоминаются почти как иноземные. Гильом был одним из самых преуспевающих местных правителей во Франции начала XI века, о чем невольно свидетельствует и памятная запись Гуго, однако в его владениях находились чужие замки, которые, сколько бы он ни пытался, подчинить себе полностью не удавалось. При всех притязаниях на безоговорочную власть над своими вассалами поладить с ними без ответных уступок с его стороны не получалось. Личные отношения такого рода имели давнюю исто-

рию, однако никогда прежде на них не строилась вся политика³. Какой бы ни была эта эпоха, на мир Карла Великого или Оттона I она уже не походила.

Расклад сил в Западной и Южной Европе в 1000 году вырисовывался довольно четко. Самыми могущественными, как мы уже знаем из главы 3, бесспорно, были располагавшиеся на юго-западной и юго-восточной окраинах континента Аль-Андалус и Византия — особенно после того, как ощутимо пошатнулась мощь выкованной Карлом Великим Франкской державы. Франкское государство к этому времени действительно раскололось окончательно, и, хотя в двух основных государствах-преемниках, Восточно-Франкском и Западно-Франкском королевствах, никакого национального самосознания еще не было и в помине, называть их Германией и Францией для удобства уже можно, что я и буду делать с этого момента⁴. Из этих двух государств сильнее определено была Германия — ее императоры правили также и Италией. Французские короли сильно уступали им, а помимо них в латинской Европе подлинной политической прочностью обладала разве что Англия, размерами не превышавшая какое-нибудь немецкое герцогство. Расстановка сил выглядела стабильной, однако на самом деле — как продемонстрирует следующее столетие — устойчивости в ней не было. Уже к 1030 году Аль-Андалус после двадцатилетней смуты распался примерно на 30 государств-преемников; в 1071 году византийцы потерпели поражение от орды турок-сельджуков и окончательно утратили господство над восточной третью своей империи, современной центральной Турцией. Германскую империю после 1077 года тоже охватила смута, в результате которой, в частности, отмежеввалась Италия. Англия сохранила единство, но пережила два разорительных завоевания. Французские короли могущественнее не стали, однако Франция выступала ареной борьбы честолюбивых и задиристых сеньоров вроде Гуго де Лузиньяна, и некоторые из них, в особенности нормандцы, в качестве наемников во второй половине XI века сумели отвоевать у предыдущих правителей южную Италию, а к 1100 году — в Первом кресто-

вом походе — даже Палестину. В других частях Европы возникали из ниоткуда новые сильные державы, в частности Венгрия и Кастилия. И в довершение всего, западная Церковь, впервые возглавляемая римскими папами, начинала претендовать на роль независимого нравственного авторитета, соперничающего с традиционной светской властью. Из этих политических перемен, их предпосылок и контекста складывались те социальные изменения, которые нам необходимо рассмотреть. О том, что происходило в Византии, мы поговорим ниже, в главе 9; о Венгрии и Кастилии — в главе 8. Здесь же мы сосредоточимся на развитии бывшей каролингской (или находившейся под каролингским влиянием) Западной Европы — Германии, Италии, Франции, а также Англии, и сперва рассмотрим политическую ситуацию, а затем перейдем к структурным особенностям и в завершение обратимся к переменам в западной Церкви и к норманнам в Средиземноморье.

Германия в 1000 году была, бесспорно, крупнейшей и сильнейшей в военном отношении западной державой, хоть и уступала внутренней устойчивостью своей каролингской предшественнице, не говоря уже о южных государствах, прибегавших к налогообложению. (Коль скоро я перешел на современные названия, нелишне будет добавить, что в состав «Германского королевства/империи» до конца Средневековья входили нынешние Нидерланды, Швейцария и Австрия.) Короли-императоры династии Оттонов, своим оплотом избравшие Саксонию на севере Германии, были, как мы уже видели, богаты — благодаря доходу от земель, добыче саксонского серебра, а также уделам в Рейнской области и северной Италии. Территорию страны тяжело было держать под контролем, учитывая ее густые леса и малочисленность дорог (единственный действующий путь с севера на юг проходил по Рейну), но по крайней мере связать север и юг державы Оттонов трем императорам удалось. После 1024 года престол перешел к наследникам по женской линии — Салической династии, знатному роду из Рейнской области, что послужило поводом к развитию этого региона как политического центра. Ее короли-императоры разъез-

жали по Германии не меньше, чем Оттоны, однако почти не навевались ни в Италию (разве что для коронации императорской короной), ни в большую часть Саксонии. Италия хранила относительную верность империи, хотя ее могущественные города с этого времени начали демонстрировать все большую склонность к бунтам. В то же время Саксония, утрачивая роль средоточия власти, отдалялась от остального государства и все больше противилась жесткому контролю королевских властей над серебряными рудниками — к 1073 году она тоже взбунтовалась в открытую⁵.

Первым двум королям-императорам из Салической династии — Конраду II и Генриху III (1037–1056) — удавалось сохранить прочную власть над Германией. Добились они этого за счет пышных церемониальных собраний при дворе, удовлетворявших амбиции знати, щедрой раздачи как можно более дальних земель, а также, при необходимости, военных походов против непокорных герцогов — приемы вполне традиционные. Но после 1056 года, в период малолетства наследника Генриха III Генриха IV (царствовавшего затем до 1106 года), королевская власть стала стремительно слабеть. После 1065 года повзрослевший Генрих IV также стремительно принялся ее восстанавливать, но действовал сурово и отличался тягой к нововведениям — в частности, разрабатывал (параллельно с другими правителями) новые методы контроля над своими владениями, который все больше поручался министрам, местным управляющим рыцарского звания, но формально зависимым и потому не склонным к отмежеванию. Он настроил против себя не только саксонцев, но и южных герцогов. В 1075–1076 годах у Генриха IV разгорелся конфликт с папой Григорием VII, и тот пригрозил ему отлучением от Церкви. Генрих поспешно отправился в Италию и там — один из самых известных эпизодов истории Средневековья — простоял три дня и три ночи в снегу под стенами замка Каносса в январе 1077 года, пока находившийся внутри папа не принял его покаяние. Однако германских герцогов это не умиротворило — в 1077 году они свергли Генриха и провозгласили королем его соперника. Смута в Германии

продлилась 20 лет. После 1080 года, когда отношения с Григорием испортились снова, она перекинулась и на Италию. В Германии Генрих вышел победителем в борьбе за престол. В Италии же, где ему пришлось сражаться с находившимися на стороне папы городами и сеньорами (в частности, с могущественной маркграфиней Матильдой Тосканской, помимо других крепостей владевшей и Каноссой), затянувшееся противостояние привело к тому, что к 1100 году принадлежность Италии к империи почти перестала ощущаться. Власть королей-императоров, сохранявшаяся все это время, несмотря на их нечастые визиты на земли по ту сторону Альп, теперь, по сути, закончилась, и городам, как мы еще увидим, пришлось стоять за себя самим. При более слабых преемниках Генриха IV региональная раздробленность наметилась и в Германии, хотя главенство империи по-прежнему признавалось, и при Фридрихе I Барбароссе (1152–1190) его на какое-то время удалось возродить⁶.

В этом смысле история Франции в XI–XII веках была более ровной, поскольку у Капетингов престол переходил от отца к сыну без перебоев и оспаривания с 987 по 1316 год, и даже после этого удалось обеспечить непрерывное преемство верховной власти по мужской линии до 1848 года, что было уникальным достижением не только для Европы, но и в мировых масштабах: в непрерывности престолонаследования Францию превзошла только Япония. Однако реальная власть этих королей ограничивалась королевским доменом, простиравшимся на 120 километров от Парижа до Орлеана на Луаре, и правом назначения епископов на основной территории северной Франции. Остальная часть королевства была по сути независимой: герцоги и графы, такие как Гильом V Аквитанский, с которым мы познакомились в начале главы, утверждали собственную власть почти без оглядки на короля. При этом правители XII века могли при необходимости созвать ополчение почти со всего королевства, как сделал Людовик VI (1108–1137) ввиду угрозы германского вторжения в 1124 году, или выступать как судьи на тяжбах, которые велись далеко за пределами королев-

ского домена, как Людовик VII (ум. в 1180) на многолюдном королевском суде 1155 года. К XII веку узы верности королю постепенно крепили, чем, как мы видели в главе 1, успешно воспользовался Людовик VII в Тулузе в 1159 году в противостоянии с королем Англии Генрихом II, который к этому времени владел — благодаря приданому супруги и своему наследству — немалой частью Франции. Но лишь к концу XII века, когда достаток быстро растущего Парижа обеспечил полноценные поступления в казну, сын Людовика VII Филипп II Август смог выступить против сына Генриха II Иоанна и отвоевать в 1202–1204 годах ядро своих французских земель, в результате чего король Франции впервые за 300 лет занял главенствующее положение в собственном королевстве. Но это произошло позже, а пока история Франции оставалась историей отдельных герцогств и графств. Какие-то из них — Фландрия, Нормандия, Анжу и Тулуза, к которым в XII веке добавился королевский домен, — сохраняли относительную однородность: их правители внушали достаточно страха, чтобы удерживать стратегический контроль над замками и землями и не выпадать из системы земельных пожалований. В результате в игре оставались — пусть невольно — и более мелкие сеньоры вроде Гуго де Лузиньяна. Другие области — Шампань, Бургундия, а после Гильома V и значительная часть Аквитании — дробились, иногда в начале XI века достаточно быстро, на все более и более мелкие земли, в некоторых случаях превращаясь в скопления независимых уделов под властью сеньоров, имевших по горстке замков на брата⁷.

Единство в этот период сохраняла только Англия. Да, возобновившиеся набеги скандинавов с 990-х по 1010-е годы привели к временному удалению из страны короля Этельреда II (ум. в 1016) — еще одного любителя жестких, непопулярных и зачастую неудачных мер — и некоторой смуте, однако к 1016 году страна была завоевана датчанами, которые создали объединенное английско-датское королевство под владычеством Кнута (ум. в 1035), о котором рассказывалось в предыдущей главе. Кнут благополучно укрепился на английском троне и правил в английской манере, создав

собственный круг приближенных из английских и датских семей. После 1042 года при сыне Этельреда Эдуарде Исповеднике произошел возврат к традиционному укладу, но королю пришлось обороняться от Кнутовых приспешников, один из которых после смерти Эдуарда в 1066 году взойшел на трон как Гарольд II. Напряженной обстановкой воспользовался Вильгельм Незаконнорожденный, герцог Нормандии, не имевший серьезных оснований претендовать на английский трон: вторгшись в Англию, он разбил Гарольда в битве при Гастингсе. В конце 1060-х годов Вильгельм — в историю вошедший как Завоеватель (ум. в 1087) — лишил владений почти всю английскую знать, передав ее земли французам. Аналогов такого целенаправленного уничтожения всего правящего класса разом Европа не будет знать до 1917 года⁸.

Интересно тем не менее, что во время всех этих потрясений Англия сохраняла внутреннюю организацию, а король — верховную власть. Вильгельму I досталось крепкое, по западным меркам, политическое устройство, опиравшееся на крупное королевское землевладение и земельный налог (изначально введенный Этельредом, чтобы откупаться от датчан, и оставшийся при Кнутах), который Вильгельм учредил заново. Смена генеалогии, языка и ценностей правящего класса на французские не повлияла на эффективность государственного управления. Вильгельм пускался на довольно своеобразные и демонстративные политические акции, не последней из которых стала (также не имевшая аналогов в латинской Европе) проведенная в 1085–1086 годах всеобщая перепись сельскохозяйственных и земельных ресурсов страны — так называемая «Книга Страшного суда», восхищавшая и ужасавшая современников и до сих пор будоражащая умы историков. Богатство и беспощадность двух поколений нормандских правителей, раздробленность жалуемых новой знати земель (не позволявшая большинству феодалов создать себе единый оплот), а также сохранение раннесредневековой системы судебных собраний по округам предотвратили возможный раскол и во время междоусобной войны между двумя внуками Вильгельма I в 1140-х годах.

Победа в конце концов осталась за наследником одного из них, Генрихом II, графом Анжуйским (1154–1189), который довольно уверенно правил Англией и, как мы знаем, значительной частью французских герцогств и графств в течение 35 лет (этого достижения не умаляет то, что через каких-нибудь 15 лет его сын половины этих владений лишился) ⁹.

По большей части мы пока рассматривали истории политических неудач. Под влиянием французской историографии во второй половине XX века именно французский опыт в большинстве своем воспринимался как норма. И хотя, как видно даже из этого краткого экскурса, действительность выглядела иначе, споры о значении французского опыта не утихают с 1990-х годов. Многие рассценивают его как «феодальную революцию», сопровождавшуюся резким ростом насилия и приватизацией политической власти, а кто-то даже видит именно здесь истинный конец Античности, однако этим историкам противостоит другая сторона, считающая перемены, происходившие около 1000 года (или в несколько более поздние годы XI века), поверхностными, поскольку структура политической власти оставалась прежней, хотя масштаб стал меньшим. Препными остались и аристократические ценности — преданность сеньору и понятие чести, почти не менявшиеся на протяжении раннего и классического Средневековья¹⁰.

Вторая сторона обогатила наше понимание того, что на самом деле изменилось в XI веке, ценными нюансами, и тем не менее я в основном придерживаюсь точки зрения первых. Измельчение политической структуры, особенно если основу ее составляют военизированные очаги, такие как замки, закономерно делает насилие более повсеместным и всепроникающим, пусть даже оно имеет (и обычно действительно имело) вполне конкретную направленность. Глубоко персонализированные политические отношения, продемонстрированные в жалобе Гуго де Лузиньяна, тоже возможны, лишь когда власть локализована настолько, что все участники событий знакомы между собой, чего не было при Каро-

лингах, хотя (как мы видели выше) личные взаимоотношения — равно как и насилие — несомненно существовали и тогда. Тот тип политической власти, который рисуют наши источники XI века во Франции, даже если непосредственными ее проводниками были герцоги и графы, плотно опирался на утверждение все более специфических прав знати на небольших территориях, включая право вершить суд и собирать всевозможные подати и пошлины, которое французские историки называют *seigneurie banale* (баналитетной сеньорией). Эти права принадлежали лично сеньору и могли даже продаваться и покупаться отдельно — а также служить предметом вооруженной борьбы. Держателями этих прав зачастую были мелкопоместные дворяне, в наших источниках называемые *milites*, «рыцари», имевшие по одному-два замка, — не чета крупной знати каролингского периода, располагавшей десятками поместий. И эта власть в ходе решающих и всеобъемлющих перемен, ведущих к ее локализации, становилась все более четко очерченной и формализованной. С этого времени большое значение имело, где кончались владения сеньора, поскольку за их пределы право вершить суд или взимать подати не распространялось. Подробнее прописывались и сами права. По той же причине, если сеньор заявлял о своем господстве над селением, все большее значение имело, где заканчивалась земля этого селения, поэтому границы деревень, а также приходов размечались все четче. Замки, к XI веку ставшие более многочисленными, превращались в оплоты местной власти, в которых прежняя каролингская знать не нуждалась, поскольку владела многочисленными поместьями и редко сосредоточивала власть в каком-то из них, — они служили ей источником дохода, дававшего средства на участие в региональной или королевской политике. Эта структура власти все больше закабаляла французское крестьянство: к податям добавлялись и другие повинности, зачастую тяжелые, иногда произвольные и всегда направленные на укрепление непосредственного господства. Поборы к тому же могли увеличиваться по мере того, как сельскохозяйственная экономика в эпоху роста населения и расчист-

ки земель давала все больше излишков, по крайней мере пока крестьяне не перешли к коллективному сопротивлению, о котором мы поведем речь в следующей главе".

Перемены были существенными, поскольку все они играли на руку местным властям. До XI века короли — а также региональные правители, герцоги, графы и епископы — могли править «сверху», пользуясь древней римской идеей публичной власти и раннесредневековой практикой коллективной ее легитимизации через политику собраний, не заботясь о происходящем на местах, если речь не шла об измене или о несправедливости настолько вопиющей, что слухи докатывались и до них. Мелкопоместные французские сеньоры конца XI–XII веков уже не позволяли себе настолько отстраняться от происходившего в их владениях: теперь требовалось более четкое осознание, кто, кем и как правит. Важно учесть, что к этому сдвигу вели два отдельных процесса, поскольку ослабление публичной сферы королевской власти и собраний имело иную подоплеку, чем усиление местных сеньорий. Но процессы эти влияли друг на друга: в результате постепенного формирования структур местной власти публичная сфера оказывалась не единственной ареной политической деятельности, что становилось особенно важно, когда правители испытывали трудности. И наоборот, сокращение публичной политической сферы побуждало местные власти к большему обособлению, закладывая тем самым основы будущей ячеистой структуры. Оба этих процесса соответствовали тому, что Марк Блок называл «раздробленностью власти»: они представляли собой закономерное следствие феодальной земельной политики при отсутствии отдельной опоры государства на налогообложение¹². Это не значит, что локализация была неизбежным следствием этой политики, однако при недостаточной надежности и бдительности правителей вероятность нормовила воплотиться в жизнь. И хотя воплощение ее сильно разнилось в интенсивности и сроках (рассмотреть все ее нюансы нам, как и в других случаях, не позволит объем книги), ячеистая структура политики с этих пор прослеживается даже в относительно

крепких региональных единицах Франции, таких как графства Тулуза и Фландрия, или в претензиях Гуго де Лузиньяна к Гильому V Аквитанскому. Правителям любого ранга приходилось учитывать сеньории как структурный элемент своей политической власти.

Такова была французская модель, где эта тенденция проявилась сильнее всего. Насколько широко распространялась она за пределы Франции? Отдельные проявления имелись. К 1100 году, например, замками пестрела вся Западная Европа — за исключением Византии, которая шла совершенно иным путем. До конца IX века они были редки (резиденции меровингской и каролингской знати по большей части обходились без укреплений), однако затем привычка к строительству крепостей медленно, но верно стала приживаться повсюду, даже в таком сильном государстве, как Англия, особенно после 1066 года. Изначально это были в основном очаги королевской власти (как, например, раскопанный и реконструированный императорский дворец Оттонов в Тилледе), но постепенно, как и во Франции, замки стали необходимостью для каждого местного правителя, крупного или мелкого, в Германии, Италии и христианской Испании¹³. При этом в других странах кризис политической власти протекал совсем не так, как во Франции. В Англии, а также в Кастилии XII века владельцы замков по-прежнему вращались на околокоролевской орбите, поскольку лишать себя покровительства богатого монарха было попросту невыгодно, даже если удалось бы выдержать королевский гнев и вооруженную осаду. В этих странах личные сеньории либо дробились и перемежались королевскими землями (как в Кастилии), либо не развивались как явление вовсе. Так происходило, прежде всего, в Англии, где, за исключением периода смуты 1140-х, судебная власть над свободными подданными принадлежала королю, а лордам оставалось вершить правосудие лишь над зависимыми (хотя эта прерогатива все равно наделяла их существенной властью, поскольку зависимых в Англии было много, а в конце XII века, когда границы между свободными и зависимыми нача-

ли сдвигаться, стало еще больше)¹⁴. Англии действительно лучше, чем кому бы то ни было, удалось во многом сохранить публичную политическую организацию каролингского образца, сложившуюся в конце X века, хотя королевские собрания уже утратили легитимизирующую функцию, которая была присуща им до Нормандского завоевания.

Германия тоже развивалась иначе, чем Франция. Во-первых, короли-императоры, по крайней мере некоторое время и в некоторых частях страны, сохраняли могущество до 1240-х годов, и с ними приходилось считаться, поскольку войско их тоже оставалось могучим. Сохранялась и политика собраний с председательством королей — эти собрания выступали площадкой для всевозможных политических деяний. Административная инфраструктура вне собраний была достаточно ограниченной, однако германские герцоги, насколько мы можем судить, в своих обширных владениях утверждались не особенно прочно, а подчинявшиеся им графы во многих случаях обладали не столько единой территорией, сколько разрозненными правами. В массе своей ни герцоги, ни графы не имели возможности беспрепятственно создавать себе мощные территориальные оплоты в отсутствие короля, как Гильом V Аквитанский. И нельзя сказать, что другие светские или духовные землевладельцы сосредоточивали власть в одном месте — как правило, их владения были широко разбросаны. Когда королевская власть расшатывалась — как в начале, а затем и в конце правления Генриха IV или в 1140-х годах, но прежде всего с 1240-х и далее, — местная власть консолидировалась не сразу, а когда консолидировалась, все равно не была склонна к формированию территориальных судебных сеньорий по французскому образцу. Вместо них мы наблюдаем разделенные на части скопления наследственных земель (возможным средоточием которых выступал фамильный монастырь), королевские замки в феодальном держании, право взимать рыночную пошлину и — германская особенность — сильную местную власть, проистекающую из «адвокации» на церковных землях, то есть права вершить суд в этих владениях, которое

немецкие епископы и аббаты по обыкновению уступали наследственным светским судьям¹⁵. Хорошо изученный пример — владения Церингенов, складывавшиеся в XII веке на землях вокруг Шварцвальда и в нынешней северной Швейцарии и представлявшие собой набор ситуативных прерогатив (в число которых входил и герцогский титул), которые, однако, надежно удерживались в руках представителей династии, пока она не угасла в 1218 году¹⁶. К такому же владычеству стремились уже существовавшие герцоги и графы. В любом случае подобные тенденции определенно свидетельствовали о политической локализации. Работ, сравнивающих историю Германии и Франции, мало, однако параллелей между этими двумя странами все же больше, чем принято считать¹⁷. Местная власть в Германии в большей степени представляла собой сеть наслаивающихся друг на друга инстанций, от все более далекого короля до местных господ и «защитников», тогда как многие французские сеньории отличались относительной компактностью, но в остальном результат получался примерно одинаковым. К концу Средних веков местная власть в Германии тоже стала более компактной, и тогда на территории все более номинального королевства Германия появились сотни независимых сельских (и городских) властей.

Свои особенности имела и северная Италия, к которой мы обращаемся в завершение. Там также постепенно развивались местные сеньории, особенно в XI веке, в лангобардской и каролингской сети графств и марок, таких как Тоскана (сохранявших политическую организацию по каролингскому образцу вплоть до войн 1080–1090-х годов). Состояли эти сеньории из скопления частных владений (включая замки), наследственных феодалов и прав собирать десятину с сельских приходов. Однако лишь с началом этих войн обозначившийся кризис государственной власти побуждал сеньории к превращению в замкнутые целостные территории с правом суда над всем их населением (и собственниками, и арендаторами), которое называлось на латыни *dominatus loci*, «владычество над местностью», и выступало близким итальянским ана-

логом французскому *seigneurie banale*. Сложилось оно примерно через столетие после появления во Франции, однако сходство прослеживается очевидное, пусть даже итальянские сеньории были слабее французских и менее требовательными¹⁸. Отличие Италии состояло в том, что здесь были большие и могущественные города — за их стенами проживали правители сельских земель, что само по себе существенно умаляло независимость сеньорий. С 1100 года городские центры начали расширяться в связи со стремительным усложнением экономики, и, когда королевство Италия пришло в упадок, власть на местах сосредоточилась прежде всего в городах.

В независимых итальянских городах складывались собственные формы собраний и совещательных органов. Они отличались от судебных собраний каролингского и посткаролингского прошлого, однако в основе их лежала та же идея тесной связи политической легитимности с массовым присутствием народа. В начале XII века этими собраниями, как и городами в целом, все чаще управляли ежегодно переизбиравшиеся коллегии должностных лиц, называвшиеся консулами: в Генуе и Пизе их главенство закрепилось к 1110 году, в Милане и других городах Ломбардии — к 1130-м, в Венето — к 1140-м. Консулы избирались из богатейшего гражданского сословия — землевладельцев и иногда торговцев, а кроме того, как правило, в их число входили несколько владевших замками аристократов. В социальном отношении они не были новой прослойкой — новизна заключалась в коллективном характере их деятельности, и к середине XII века они уже называли себя «коммуной», открыто обозначая тем самым эту коллективность. Такие коммуны превалировали над прежней каролингской системой графств, центром которых в Италии выступали города, и к 1200 году большинство из них заново утвердили свою власть над сельскими сеньориями на своей территории. Особняком стояла лишь горстка таких сельских сеньоров в менее урбанизированных областях. Коммуны разительно отличались от сельских сеньорий Франции и Германии, да и самой Италии, и сами ощущали

свое отличие. К 1130-м годам они уже характеризовали свою власть словом «публичный» и начинали заниматься самостоятельным законотворчеством. Однако необходимо подчеркнуть, что они, как и сельские сеньории, были порождением изначально крайне ситуативной и неофициальной, ненадежной и затрудненной локализации власти, которая в условиях ослабления королевской становилась более формализованной, и что в растущих притязаниях на судебные права внутри политико-административной территории (границы которой становились предметом ожесточенной, часто кровопролитной борьбы) тоже прослеживается сходство с французскими судебными сеньориями¹⁹.

Таким образом, не вся Западная Европа была похожа на Францию, однако на протяжении всего XI века везде, кроме Англии, наблюдались перемены, в которых можно провести хотя бы параллели с французской моделью. Почему именно в этот период? Как я уже говорил, кризис государственной власти сам по себе побуждал больше полагаться на местное управление, к тому же оно к этому времени стало более устойчивым. Отчасти причина в том, что сдержки и противовесы каролингской эпохи теперь меньше давали о себе знать и создавать местные оплоты стало проще. Однако, помимо этого, в аристократической прослойке назрели социальные перемены, обусловившие дробление сеньорий. При Каролингах «подлинный» аристократический статус означал принадлежность к относительно узкому кругу, состоявшему из семейств, из которых можно было назначать графов. Военные деятели рангом ниже могли владеть парой поместий или иметь источник благосостояния, однако их статус был прочно связан с принадлежностью к графской или епископской свите, и в одиночку они ничего собой не представляли. К XI веку, если у вас имелся замок, значит, имелся и местный военный статус, закрепленный, по большому счету, непосредственно за вами. Ваши предки, скорее всего, вращались при каролингском дворе, но могли быть и богатыми крестьянами, возвысившимися совсем недавно. Таким образом, социальная прослойка, которую мы называем аристократи-

ческой, постепенно расширялась. Ваш собственный сеньор, граф или герцог, вероятно, по-прежнему претендовал на господство над вами, но не считаться с вами не мог, как мы наблюдали на примере Гильома V и Гуго де Лузиньяна. Если ваш сеньор был недостаточно грозен или недостаточно благополучен, вы обретали все большую независимость и все сильнее утверждали собственную власть, пусть и мелкомасштабную, то есть создавали собственную сеньорию с собственными правилами и требованиями. Это было внове. В предшествующие столетия не раз случались периоды смуты или ослабления верховной власти, не сопровождавшиеся, однако, сколько-нибудь значительным развитием независимых сеньорий. Не всегда развивались они и теперь: целеустремленный граф, герцог или сам король мог притормозить этот процесс или обратить вспять — в частности, это удалось Вильгельму Незаконнорожденному после смуты, на фоне которой происходило принятие малолетним наследником титула герцога Нормандии в 1035 году²⁰, и от междоусобицы 1140 года Англия тоже смогла оправиться, причем с легкостью. Но теперь эта тенденция обрела потенциал: слабый правитель, смута, междоусобица могли запустить соответствующий процесс где угодно, и недостатка в этих спусковых механизмах не было. А когда такое случалось, вернуться к прежнему порядку уже не выходило, появлялись формализованные единицы местной власти, образуя ячеистую структуру, с которой более поздним правителям приходилось выстраивать новые отношения, если они желали восстановить собственное государство.

Локализация власти и ее усиление на местах определили и две отличительные особенности XI века, выходящие за рамки обсуждения общественно-политических характеристик отдельных стран, которым мы занимались до сих пор. Обе эти особенности хорошо укладываются в общую картину, которую я только что нарисовал, и дополняют ее. Речь идет о церковной «реформе» и нормандской/французской экспансии в южную Италию и Палестину. Рассмотрим их по очереди.

Реформаторских религиозных движений история христианской Европы знает немало. Таков удел религии, опирающейся на длиннейшее Священное Писание, где местами провозглашаются нравственные ценности, противоречащие моральным принципам того или иного политического или религиозного уклада, что раз за разом выясняют вдумчивые читатели. (То же самое происходило в исламском мире с Кораном, эпизодически, но интенсивно.) При Каролингах, как мы видели в главе 4, религиозно-политическая «реформа» (средневековые теоретики этим термином не пользовались, поэтому он останется в кавычках) имела большое значение. Тогда она была прерогативой королей и императоров, действовавших совместно с коллегиями епископов и аббатов, а также светской знати, и зачастую ими руководивших. Однако по мере локализации политической власти в X веке епископы начали искать иные источники легитимности помимо государевых (зачастую они находили их в сочинениях Григория Великого¹¹); епископские соборы с этого времени тоже все чаще стали проводиться без королевского участия. И с этого же времени, особенно в XI веке, реформирующие группировки все больше дифференцировались на местном уровне и также не всегда действовали с оглядкой на верховную власть, пусть даже заботившие их проблемы — монашеская аскеза, целомудрие духовенства, духовное просвещение мирян, порочность симонии, то есть купли-продажи церковных должностей — редко представляли собой что-то новое. Тем не менее результаты этой локализации религиозной деятельности отличались от происходившего в предыдущие столетия. Рассмотрим их на примерах, область за областью, заканчивая деятельностью пап в Риме конца XI века, которая, по крайней мере изначально, была такой же локализованной, как и у других, но вскоре приобрела более широкое влияние на религиозную деятельность.

В 960-х годах в Англии началась монашеская «реформа», направленная на ужесточение монашеской аскезы. Проводилась она под покровительством и контролем короля Англии Эдгара и его ближайшего окружения и таким образом (целенаправлен-

но) продолжала централизованную реорганизацию монашества, предпринятую во Франкской державе Людовиком Благочестивым полутора веками ранее. Однако английская реформа не ограничивалась монастырями: она в значительной мере затронула и кафедральные соборы, настоятели которых становились монахами и епископы которых также часто монашествовали. Тем самым английская Церковь приобретала монашескую окраску, почти не знавшую аналогов в Европе и определенно не имевшую отношения к Каролингам. Англичане пришли к этому сами²².

Совершенно иное направление развития мы наблюдаем на примере независимого Ключни — монастыря, основанного в 910 году на окраине Бургундии Гильомом Благочестивым, герцогом Аквитании, но подчинявшегося не герцогам, а папе римскому. Ключни, монастырь, известному своей строгостью, часто приписывалась роль предтечи полностью независимой международной Церкви позднего Средневековья, притом что его аббаты, не происходившие в большинстве своем из крупных аристократических семей и не связанные ни с какой местной политической верхушкой (это способствовало и географическое положение Ключни, находившегося в своего рода вакууме власти), имели очень тесные связи с рядом других светских правителей того периода — начиная с Альбериха, римского патриция (ум. в 954), покровителя аббата Одона в 930-х годах. Собственные земельные владения Ключни неуклонно прирастали благодаря пожертвованиям от светских семейств из разных областей, в результате чего монастырь активно строился и перестраивался. Беспрецедентность его положения заключалась в том, что он стоял во главе конгрегации монастырей, рассредоточенных на половине Западной Европы и подчинявшихся Ключни, а не местному правителю, будь то епископу или графу. В результате возникла международная, выходящая за сложившиеся политические границы сеть монастырей, связанных соблюдением общего устава и проработанного до мелочей литургического обряда. Впоследствии по тому же принципу будут организованы многие другие монашеские ордены²³.

Промежуточное положение между этими двумя крайностями — тесной связью Церкви со светскими властями в Англии и определенной степенью независимости от них в Бургундии — занимала Церковь Верхней Лотарингии (современная область Лотарингия во Франции) на западной окраине Германского королевства. Здесь епископы — Меца или Туля — совершенно самостоятельно, без светского вмешательства, реформировали местные монастыри, такие как Горце близ Меца или Сент-Эвр в Туле, но при этом были лично связаны с германским императорским двором. Так, Бруно Тульский (в сане епископа с 1026 по 1051 год), возродивший Сент-Эвр и соседний Муанмутье, происходил из высшей местной знати, состоял в родстве с королем-императором Конрадом II (который и назначил его епископом), герцогами Верхней Лотарингии и епископом расположенного неподалеку Меца, поэтому не представлял себя в отрыве от императорской власти²⁴. Да, его деятельность была реформаторской и тоже нацеленной на ужесточение монашеской аскезы, однако велась она в особом лотарингском контексте, в котором, как в Англии и Бургундии, складывались собственный регламент и догмы.

Соборы или синоды епископов по-прежнему существовали везде, однако теперь они часто не только созывались независимо от светских властей, но и активнее критиковали эти власти. Среди известных примеров — соборы движения за «Божий мир» в центральной и южной Франции конца X — начала XI века. По сути это были местные церковные соборы, созывавшиеся епископами при активном светском участии. В дошедших до нас протоколах немало внимания уделяется бесчинствам местных сеньоров (особенно на церковных землях), которых Церковь надеялась урезонить посредством обетов, учреждения правил, расширяющих церковную неприкосновенность, а позже — ограничения военных действий определенными днями недели. Историкам не составляло труда вписать эти собрания в парадигму «феодальной революции», хотя в последнее время от этого уже снова отходят: движение за мир ни в коем случае не означало ополчения на сеньо-

ров, которые сами к этому движению принадлежали. Порицание насилия вполне можно считать стандартной церковной риторикой (хотя это не означает, что насилие было выдумкой). То же самое относится к роли мирской власти в церковной «реформе»; разумеется, независимое руководство светским обществом здесь — непривычным образом — осуществляли епископы, но и графы, и даже короли могли взять — и незамедлительно брали — эту миссию на себя. Гораздо важнее, что эти соборы являли собой сугубо региональный отклик на обозначавшиеся социальные проблемы, поскольку в своей деятельности они в основном ограничивались территорией центральной и южной Франции. В каком-то смысле соборы движения за «Божий мир» имитировали собрания *placitum* эпохи Каролингов, только на этот раз созываемые местными властями: каролингская традиция в данном случае возрождалась снизу и в отдельно взятом регионе⁴⁵.

Ведущую роль в этом реформаторстве могли брать на себя и не облеченные официальными полномочиями. Наглядный пример тому — миланская патария, народное религиозное движение 1057–1075 годов, возглавляемое как (низшим) духовенством, так и мирянами и яростно боровшееся с симонией и брачными связями среди миланских священнослужителей. Это было одно из первых движений подобного рода, руководителями которого выступали в основном миряне. Оно вызвало в городе раскол, поскольку женатое духовенство было давним обычаем, устоявшейся миланской церковной традицией, и защищали его не менее пылко, чем порицали. Архиепископа Гвидо да Велате (ум. в 1071) участникам движения удалось выдворить из города, несмотря на некоторую надуманность выдвинутых против него обвинений в симонии. Тем не менее очевидно, что в Милане страх перед симонией как явлением, не только угрожающим Церкви, но и развращающим ее ряды, прочно коренился в общественных ценностях. Милан — бесспорно крупнейший город северной Италии и к тому времени активно торгующий — знал толк в коммерции, так что часть его жителей теперь видела в симонии, которую часто преподносили

как обмен услугами, ту же куплю-продажу, недостойную непорочной Церкви. Симония и семейная жизнь священников, как упоминалось выше, вызывали осуждение и до того, по крайней мере у церковных реформаторов, так что в опасениях миланцев ничего нового не было. Новым был высокий накал тревоги, связанной с этими опасениями, а также сам характер патарии как народного движения со специфическими местными корнями. Схожие движения возникали в отдельных итальянских городах, но в других миряне оставались равнодушными или проявляли враждебность, и даже в Милане ответные действия аристократов-традиционалистов в 1075 году привели к гибели светского вождя патарии Эрлембальда и угасанию движения²⁶. Добавлю, что несмотря на сильную поддержку со стороны пап в 1060–1070-х годах светская платформа патарии таила в себе отдельную угрозу: что, если миряне посягнут, скажем, и на доктрину? Случалось в XI веке и такое, но посягнувших, как правило, считали еретиками, а не духовным авангардом Церкви: так было во французском Аррасе в 1024 году и в Монфорте на северо-западе Италии в 1028 году, где миряне решили отказаться от крещения (в первом случае) и папского верховенства (во втором), и епископы их за это осудили²⁷. О значении этой тенденции, распространившейся на Западе после 1150 года, мы еще поговорим в главе 8, а здесь нелишним будет упомянуть, что и слово «патарен» превратилось в синоним еретика. И хотя в 1095 году папа Урбан II причислил Эрлембальда к лику святых, опасный подтекст патарии не забылся.

Последний и самый пространный мой пример — собственно Рим и еще одна волна локализованных перемен, на этот раз, впрочем, имевших куда более существенные последствия. В 1046 году вокруг папского престола развернулась очередная борьба — только претендентов, вопреки обыкновению, оказалось трое. Король Германии Генрих III, низложив двоих, вынудил третьего, Григория VI, отречься на соборе в Сутри, проводившемся в преддверии прибытия Генриха в Рим для коронации в качестве императора, и назначил папой своего подданного, Климента II. Смещать

пап германским королям, начиная с Оттона I в 963 году, доводилось неоднократно; гораздо менее характерным было назначение папы не из римлян, хотя в 996 и 999 годах при Оттоне III случались и такие прецеденты. Стараниями Генриха III, однако, на папском престоле последовательно сменились пять германцев, и с тех пор до конца XII века редкостью среди пап стали как раз уроженцы Рима. К 1050-м годам такие же стремительные перестановки прошли в коллегии кардиналов, среди которых с этих пор римляне тоже оказались в меньшинстве. Третьим папой Генриха III, властвовавшим дольше и успешнее остальных, стал епископ Бруно Тульский, принявший имя Лев IX (1049–1054). Он был, как мы уже знаем, близок к императорскому двору, но при этом активно выступал против симонии и в сане папы римского провел ряд соборов по всей Европе — от Рима до французского Реймса, — на которых симония выступала основным пунктом обсуждения. В Реймсе в 1049 году при отсутствии светских участников (король Франции отказался прибыть) все собравшиеся епископы и аббаты должны были по велению Льва IX заявить, что сан ими получен не за деньги: эта уловка позволила папе выявить тех, кому должность досталась за плату, — и лишить их сана²⁸.

Собор в Реймсе положил начало новому периоду церковных «реформ», в которых впервые за все время важную роль играли папы — Лев IX, Александр II (1061–1073) и Григорий VII (1073–1085), бывший архидьякон Хильдебранд, из-за харизматичности, честолюбия и бескомпромиссности которого многие стали называть всю «реформу» григорианской. Но размах перемен был шире; особенность этого периода заключалась в том, что Рим принимал реформаторов всех мастей — лотарингцев из окружения Льва IX, таких как выступающий против симонии экстремист Гумберт из Муанмутье, североитальянцев вроде основателя монастырей Петра Дамиани (оба стали кардиналами) и настроенных на реформы представителей собственно римского клира, в частности Хильдебранда. Связывало их убеждение, что Церковь погрязла в симонии (главный страх всей эпохи, как мы уже убедились)

и разврате, не дававшем покоя Петру Дамиани, который приравнивал половые связи священников к инцесту и не устал живописать их опасность — в том числе в длинном и поразительно подробном трактате против мужеложства, оказавшемся для Льва IX слишком радикальным²⁹. Основным камнем преткновения оказалась сама симония и ее трактовка. Смысл вроде бы ясен — покупка церковных должностей, но при этом Григорий VI, которого вынудили отречься за покупку папского титула у Бенедикта IX, выступал на стороне реформы (Хильдебранд был его протеже), и, судя по всему, симония для него означала «откупиться от недостойного предшественника». Другие и в самом деле расценивали такую плату как элемент обмена услугами — характерную черту средневековой (и не только средневековой) политики. Среди пуристов, напротив, встречалось мнение, что зараза симонии может распространиться на любое светское вмешательство в церковные выборы, которое было значительным, поскольку императоры и короли издавна и регулярно выбирали епископов и даже пап, а кроме того, участвовали в церковных обрядах освящения и инвеституры. Гумберт из Муанмутье, например, доказывал в 1050-х годах симонический характер светской инвеституры духовенства, хотя его взгляды никто не спешил разделить. В конце концов в 1078 году на его сторону встал Григорий VII, издавший на весеннем соборе того года запрет на светскую инвеституру, но лишь после того, как началось его противостояние с Генрихом IV³⁰. Из-за этого решения, принятого Григорием VII, конфликт императора и папы часто расценивается как борьба за контроль над обрядом инвеституры. Однако на самом деле это был лишь один из мелких пунктов более широкого круга спорных вопросов, касавшихся нравственной обособленности, влияния и независимости духовенства, которые, как становилось все яснее, и вызывали панику по поводу симонии (и брачных связей священников). И хотя споры об инвеституре в конце столетия достаточно сильно накаляли обстановку, оказалось, что и в них — на фоне достигнутого в 1122 году перемирия — возможен компромисс.

Проводившуюся при императорской поддержке «реформу» Льва IX можно считать восходящей к традиции каролингского периода. Однако после смерти Генриха III в 1056 году среди реформаторов наметился раскол. Одни считали приемлемым и далее действовать с оглядкой на императорский двор, другие полагали, что главная роль в реформировании должна принадлежать исключительно духовенству. В конце концов верх — хоть и не без труда — одержали вторые, возглавляемые Хильдебрандом/Григорием VII. Когда Григорий окончательно рассорился с Генрихом IV (первоначальным поводом для конфликта послужила смута в Милане, а не богословские вопросы), тот в 1084 году занял Рим и при значительной поддержке Церкви рукоположил собственного папу, Климента III (1080–1100). Светская верхушка Рима в основном выступала на стороне Григория VII, но, когда его союзники, нормандцы из южной Италии, сожгли часть города, чтобы помочь ему бежать, большинство римлян поменяли свои убеждения, и Климент удерживал Рим почти до конца жизни³¹. У второго преемника Григория VII, Урбана II (1088–1099), сторонников в Риме было мало. Если его сторона и завоевала в конце концов широкую поддержку, достаточную, чтобы в последний год соперничества пап утвердиться в Риме, то лишь благодаря еще одному нововведению в духе Льва IX (и если на то пошло, собраний «Божьего мира»), только в совершенно иной политической обстановке — созыву церковных соборов со значительной долей светского контингента, но под выраженным руководством клира в разных городах северной Италии и Франции. В их число вошел и Клермонский собор 1095 года, продемонстрировавший торжество харизматичного лидерства (и вместе с тем точного расчета), — на этом соборе Урбан призвал к Первому крестовому походу³². После 1100 года сопротивление партии Григория — Урбана довольно быстро сошло на нет. По сути, уже к началу XII века независимость духовенства от светской власти все больше воспринималась как должное, а женатое священство в Западной Европе, наоборот, становилось все большей редкостью³³. (Для сравне-

ния: в Византии, не затронутой этими событиями, все оставалось по-прежнему.) Духовный водораздел между клиром и мирянами с тех пор обозначился резче, и главенство папы в церковной иерархии в Западной Европе тоже признавалось все отчетливее, по крайней мере теоретическое. В этих новых условиях морализаторская политика верховных правителей, как у Карла Великого и Людовика Благочестивого, встречалась гораздо реже; папы считали, что подобная инициатива должна исходить от них, а королю, который, несомненно, обязан был подчиняться папе, отводилась гораздо более светская роль, чем прежде.

Даже сегодня поразительное количество историков ведет повествование о церковной «реформе» конца XI века в триумфальном ключе, деля участников на «хороших» и «плохих», причем делают это и историки протестантского толка, хотя для протестантизма брачные узы духовенства и светское участие в церковном выборе — явления безусловно положительные. Но суть совсем не в этом. Наша задача — разобраться, каким образом и на каких основаниях победила григорианская сторона «реформаторского» движения. И здесь нам придется вернуться к локализации политики. О той или иной «реформе» задумывался любой честолубивый представитель Церкви XI века (как, собственно, и любого другого периода), но инициатива, как мы уже видели, к этому времени не обязательно должна была исходить от централизованной власти, то есть императора или папы. Поскольку практическая политика тяготела к локализации, у «реформы» тоже имелись собственная локальная логика и динамика, а также различные местные очаги, как мы наблюдали на примере монастырей, «Божьего мира» и патарии, а теперь и римских пап. Тенденция набирала силу. Епископские соборы созывали повсюду, монастыри реформировали, повсеместно основывали новые пуристские монашеские ордена; собственную духовную «реформу» и новые подходы к пасторскому попечению могли внедрять также отдельные епископы и церковные капитулы (хорошо изученный пример — Верона)¹⁴. Эти процессы протекали независимо друг от дру-

га и слегка разнились, а значит, остановить их было нелегко. Генрих IV и его союзники могли не пускать приверженцев григорианства на папский престол, но помешать Григорию, а тем более Урбану участвовать в местных «реформаторских» начинаниях на всем остальном Западе было не в их власти. При этом сложнее всего для таких пап было добиться, чтобы их принимали всерьез за пределами Рима еще во время борьбы за папский престол (Англия в числе прочих хранила нейтралитет почти на всем протяжении этой борьбы). Существовала традиция обращения к папе римскому за судом и утверждением, которую активно поддерживал и развивал Григорий, однако для этого папа должен был восприниматься как законный.

Таким образом, по всей Европе легитимность папы впервые проверялась на прочность отношением местной правящей верхушки³⁵. Тем не менее Урбан, француз и к тому же клюнийский монах, пользовался во Франции популярностью, которую ажиотаж вокруг Клермонского собора только усилил. Франции в совокупности с христианской Испанией (которую дела германских императоров всегда занимали мало), по крайней мере половиной центральной и северной Италии и нормандцами в южной Италии вполне хватало, чтобы уравновесить и даже перевесить сильную поддержку, которую Климент III имел на большей части Германии и в некоторых областях Италии. Однако, когда победа осталась за преемниками Григория и Урбана — в лице Пасхалия II (1099–1118), гораздо менее предприимчивого, но не имевшего соперников после 1105 года, для него и следующих пап основная сложность заключалась в том, что церковная «реформа» по-прежнему проводилась на местной почве, не более чем с номинальной оглядкой на пап. И действительно, среди представителей международной Церкви XII века попадаются довольно крупные политические деятели, в частности Бернард Клервоский (ум. в 1153), который своей религиозной легитимностью не был обязан папству вовсе. Бернард, монах из строгого французского цистерцианского ордена и основатель собственного монастыря, приобрел духовный авто-

ритет на волне стремительного успеха цистерцианства в начале XII века благодаря собственным многочисленным сочинениям, публичной аскезе, а также харизме и бескомпромиссности. Он главенствовал в церковной политике северной Франции 25 лет, не нуждаясь в поддержке со стороны пап, наоборот, во время следующей папской смуты, в 1130–1140-х годах, в Бернарде нуждались именно они³⁶. Авторитет Бернарда демонстрирует, кроме всего прочего, что Церковь в этот период была не менее локализованной, чем светская политика. Да, в местной поддержке для харизматичных религиозных деятелей ничего нового не было, и да, обретенные Бернардом благодаря ей рычаги влияния на большей части территории Франции и Италии доказывают, что даже неофициальное церковное руководство обретало международный потенциал. И все-таки его выдвижение произошло снизу. В последующих столетиях папы будут доставлять будущим Бернардам куда больше проблем.

Таким образом, «папская монархия» XII века (выражение нынешних историков, не средневековых) в каком-то отношении напоминала французскую, где король обладал признанной властью над всей территорией монархии, но контролировать происходящее почти не имел возможности. Так и папская власть не имела решающего значения на местном уровне: конфликт централизации и местного многообразия будет сохраняться до конца Средневековья и далее. Однако определенную долю контроля — как и королю Франции над подвластными ему землями — папству установить удастся. Как это произойдет, мы увидим позже.

Одним из самых интересных событий XI века стало отвоевание южной Италии и Сицилии нормандцами у ряда разных правителей — провинциальных византийских властей в Апулии и Калабрии, арабских эмиров Сицилии, а также князей и герцогов шести независимых земель на материковой части Италии со старинными лангобардскими и византийскими столицами в Беневенто, Салерно, Неаполе и прочих. Это покорение часто сопоставляют с Нор-

мандским завоеванием Англии, однако на самом деле они были прямо противоположны друг другу. Завоевание Англии представляло собой организованную военную операцию, проводившуюся нормандским герцогом и его войском, обошедшуюся одним решающим сражением и завершенную менее чем за пять лет. Завоевание Италии велось наемниками из низшей нормандской знати и растянулось на два поколения стихийного кровопролития. Таким образом, оно служит показателем возможностей локализованной политики, которая, как мы уже достаточно наблюдали в этой главе, укоренялась на большей части Западной Европы.

Не вызывает сомнений, что сильная раздробленность была присуща южной Италии задолго до завоевания: она берет начало в IX веке, когда междоусобица расколола старинное лангобардское герцогство Беневенто, а правители Неаполя и соседних городов добились независимости от Византии. В результате нормандцы и другие выходцы с севера Франции, сражаясь в первые десятилетия XI века в качестве наемников в бесконечных войнах между этими областями, разглядели возможность установить там собственное господство. Первой такой областью стала в 1030 году Аверса к северу от Неаполя, теоретически по-прежнему находившаяся под властью неаполитанского герцога. К 1040-м годам разные группировки нормандцев хозяйничали во всех областях материкового юга. К 1053 году они разгромили папскую армию во главе с Львом IX, пытавшимся их выдворить, и к концу десятилетия под контролем нормандцев оказалась большая часть материковой Италии. Однако о единстве не было и речи. Каждый из завоевателей основывал собственную сеньорию, крупную или мелкую. При этом иногда новая власть сохраняла прежний политический уклад, иногда сближала его с северной *seigneurie banale*, опирающейся и на присвоение земельных владений, и на локализованное судебное право, а иногда — на бывших византийских, а затем на бывших арабских землях — новые правители присваивали права на взимание налогов, составлявшие фискальную основу прежнего режима, и их сеньория опиралась на налогообложение, а не зем-

левладение. В 1060–1080-х годах нормандцы завоевали и Сицилию — чуть более организованно, — и с тех пор та находилась под централизованным управлением арабской и, прежде всего, греческой чиновничьей прослойки. Однако в других областях в следующем поколении на смену столкновениям с завоевателями приходили стычки между самими завоевателями-нормандцами³⁷.

Таким образом, около 1100 года нормандский юг Италии представлял собой скопление разнородных, сильно локализованных политических единиц. Пребывание под верховной властью — князя Капуанского или герцога Апулийского, которые часто состояли в родстве между собой (два самых могущественных нормандских правителя 1080-х годов, Роберт Гвискар в Апулии и Салерно и Рожер I на Сицилии, были братьями из рода Отвилей) — не означало плотного контроля. Нормандцы пока почти не предпринимали попыток строить там государство. Такое впечатление, что в основном они просто куражились: репутацию заправских головорезов и тиранов нормандцы старательно оправдывали (так им охотнее покорялись завоевываемые)³⁸, а бесчинствовать под южным итальянским солнцем наверняка было увлекательнее, чем в захудалом нормандском Отвиле. Однако результатом все равно становилась политическая локализация, еще более усилившаяся. Нормандцы насаждали ее, невзирая на прежние границы, сливая свойственный бывшим византийским провинциям сильный государственный контроль с политикой земельного обеспечения лангобардских политий, — все они попросту перемещивались в нормандских владениях. В этом отношении историю южной Италии можно сравнить с историей западноевропейской Церкви: в обоих случаях резко различающиеся местные уклады связывались в общую структуру без учета сложившихся границ, и, даже если локализация сохранялась, транснациональная структура способствовала укреплению этих укладов.

Мало того, сугубо региональные и локализованные уклады можно было экспортировать и дальше. Европейская раздробленность ни в коем случае не лишала европейские власти любого

калибра способности распространяться за изначальные пределы. Первый крестовый поход, объединивший Церковь с фанатичными и беспринципными светскими властями, отличался натиском и стремительностью. Получивший просьбу о помощи от византийского императора Алексея I (см. главу 9) Урбан II проповедовал поход в 1095–1096 годах и в Клермоне, и на других соборах, связывая идею религиозного паломничества с давним призывом «освободить» Иерусалим от владычества мусульман. Урбан и сам, наверное, удивлялся тому, с какой готовностью этот призыв был подхвачен: ряды крестоносцев сразу же начали пополняться за счет французских графов и владельцев замков, затем движение распространилось и на Германию (где, кроме того, велик был контингент утопически настроенного крестьянства), а чуть позже и на Италию. Первые войска выступили уже следующей весной и затем пополнялись еще несколько лет. Мало кому удалось дойти далеко — большая часть полегла в Венгрии и нынешней Турции, но самые крупные силы, выступившие в августе 1096 года, в основном французские, прошли через Византийскую империю, чем вызвали там немало опасений, и в конце концов, вопреки всему, взяли в 1098–1099 годах Антиохию, а затем Иерусалим³⁹. История этого триумфа рассказана много раз, и всегда в одобрительном ключе, несмотря на сопровождавшее победное шествие истребление евреев Рейнской области в 1096 году, а также евреев и мусульман в Иерусалиме в 1099 году. И хотя об уроне, который приходилось терпеть Ближнему Востоку от европейских авантур, — принимая во внимание мрачные десятилетия после Второй мировой войны — нам сейчас известно гораздо больше, на историографию крестовых походов это знание почти никак не повлияло⁴⁰. Важно, однако, помнить, что Первый крестовый поход возглавляли не короли, а герцоги и графы (Тулузы, Нормандии, Фландрии, а также сын Гвискара Боэмунд), епископы, сеньоры помельче и правители итальянских городов — иными словами, представители местной светской власти, о которой мы и ведем речь в этой главе. Несмотря на искренний религиозный пыл, они всю доро-

гу конфликтовали, и кто-то откололся раньше времени. Некоторых — Боэмунда, например, ставшего в результате правителем Антиохии, — завоевание новых земель интересовало не меньше, чем конечная цель в виде освобождения Иерусалима. Но дошедшие получили возможность насаждать на Востоке все тот же ячеистый политический уклад, привычный для Франции и Италии, принося колониальную раздробленность в Сирию и Палестину, которым в течение века христианского владычества — до почти окончательного отвоевания их Саладином в 1187–1188 годах — пришлось переживать то же, что и южной Италии⁴¹.

Подытожим. В XI веке политическая власть стала более локализованной и четче разграниченной. Ее проводниками часто выступали фигуры настолько мелкие, что каролингская знать не признала бы их ровней. В утверждении своей власти сеньоры — и города — были достаточно изобретательны, присваивая права изначально незаконными способами, которые, стоило сеньору утвердиться, возводились в ранг закона. Это была новая структура власти; она сохраняла достаточную преемственность с прежней (в частности, в кодексе аристократических принципов и ценностей, которые почти не изменились), однако с этого времени практическая власть требовала знать и учитывать подробно прописанные права и поземельные отношения. Могущество королевской власти, разумеется, восстанавливали, и зачастую довольно быстро — и Рожер II на Сицилии в 1120–1140-х годах, и Генрих II в Англии в 1150–1160-х, и Фридрих Барбаросса в Германии, а также (с меньшим успехом) в северной Италии в 1150–1170-х, и папы от Иннокентия II до Иннокентия III во второй половине того же века, а затем Филипп II во Франции в 1200–1210-х годах. Но, восстанавливая верховное могущество, и эти правители, и другие опирались на ячеистую структуру фактической власти, а не на прежний уклад и королевскую идеологию (разве что в совсем незначительной степени)⁴². Публичность, унаследованная Каролингами и Оттонами от Римской империи, исчезла почти повсюду, и ее

приходилось возрождать — на разной основе. Именно поэтому происходившие перемены выступают переломным моментом — по крайней мере в Западной Европе: на них строились все политические процессы более позднего Средневековья. Как проходило это строительство, мы увидим в главе 8.

ГЛАВА 7

Долгий экономический подъем 950–1300 гг.

Вот — вкратце — что нам известно о подъеме экономической активности классического Средневековья. В промежутке с 950 по 1300 год население Европы увеличилось в три раза; чтобы накормить его, проводилась обширная расчистка земель со сведением лесов и распашкой неосухокультуренных пастбищ; по всему континенту появлялись новые и развивались уже существующие города, в которых товары (прежде всего металлические изделия и текстиль) производились теперь на профессиональной ремесленной основе, гораздо менее распространенной прежде, а рынок сбыта стал гораздо шире. В обиход все активнее входили монеты (в этот период почти везде — за исключением Византии — серебряные); начинала развиваться сельскохозяйственная специализация; люди и товары повсеместно перемещались на более далекие расстояния, особенно начиная с 1150 года; многообразие товарного обмена, характерного для запада и юга Европы, постепенно распространялось и на север. По средневековым меркам это был экономический бум. Иногда рост населения может привести к обнищанию, но к тому периоду это не относится: к концу обозначенного исторического отрезка экономика усложнилась, хотя, как мы еще увидим, в некоторых регионах в начале XIV века наблюдались явные признаки достижения демографического потолка¹.

А вот чего мы не знаем: почему (и когда) началась эта демографическая экспансия; как на самом деле она была связана с экономическими переменами данного периода²; когда приобрел значение межгосударственный товарообмен (присутствие итальянских купцов во Фландрии отмечено уже к 1120 году, но когда оно стало экономически значимым?); насколько выиграли от этой торговли остальные регионы Европы, помимо двух крупнейших центров концентрации городов, Фландрии и северной Италии; какие социальные слои получили наибольшую выгоду от экономического роста и сохранилась ли эта выгода; насколько производство зависело от крестьянского (то есть массового) спроса и насколько — от аристократического (то есть ограниченного); насколько значимой была на европейском «рынке» сельскохозяйственная продукция в сравнении с товарами ремесленного производства? Нам толком неизвестны даже принципиально важные основные детали: например, какие именно товары производились в Милане, крупнейшем городе латинской Европы XII века, и где они продавались, — до 1190 года, когда увеличивается массив генуэзских торговых книг (охватывающих, впрочем, лишь малую часть этого товара)³; когда именно — не говоря уже о том, как и почему, — английская шерсть стала базовым сырьем для фламандских сукноделов; или почему разработка серебряных рудников — в данный период подразумевавшая разрешение на чеканку монет — на удивление нечасто вела к обогащению того региона, на территории которого рудники находились.

Причин такого незнания несколько. Самая очевидная — проблема с историческими источниками, поскольку обо всем вышеперечисленном в них очень редко говорится напрямую, по крайней мере до XIV века. И полной картины у нас не будет никогда, хотя будущие археологические находки, несомненно, еще дадут некоторые подсказки. Другие причины — на совести самих историков. Одна из них — спад интереса к крупномасштабной систематической работе со средневековыми архивными материалами, которая представляет собой единственный надежный способ проследить

модели развития (в современной литературе часто преподносятся как «факты» утверждения, восходящие к гипотезам пионеров экономической истории, выдвинутым в 1960-х, а зачастую и намного раньше, но до сих пор всерьез не проверенным)⁴. Еще одна, и довольно важная, причина заключается в том, что очень немногие (если не считать какого-то крайне ограниченного контекста) предпринимают серьезные попытки выстроить экономическую модель устройства и функционирования средневекового общества⁵. Вместо этого в большинстве случаев заимствуются модели индустриального или индустриализующегося общества и применяются к историческому периоду, где все было устроено совершенно иначе. В лучшем случае это сопровождается рассуждениями о том, как тот или иной средневековый социоэкономический уклад или политическая линия «препятствовали» тенденциям развития, которые в противном случае — якобы — сближались бы с тенденциями, скажем, 1750 года.

Эти проблемы здесь, разумеется, не решить. Однако учитывать их в нашем дальнейшем повествовании необходимо. Потому что *факт* экономической экспансии для нас принципиально важен, если мы хотим разобраться в динамике средневекового общества в обозначенный период и позже; но, исследуя его здесь, важно сознавать степень нехватки базовых сведений и выводов. Ряд отправных точек, впрочем, сомнений не вызывает: небывалая экономическая активность Парижа и городов Северо-Французской низменности в XII веке служит предпосылкой для развития парижских школ, а затем и университета (поскольку нет смысла привлекать студентов, если существующая инфраструктура не дает возможности прокормить их), а также позволяет королю Франции Филиппу II при ограниченности непосредственно контролируемой им территории потягаться ресурсами с королем Англии Иоанном Безземельным в войнах начала XIII века. Наконец, она способствует концентрации ресурсов, обеспечивающей строительство дорогостоящих готических соборов в каждом городе северной Франции. Однако нужно честно признать себе, что мы не понимаем толком, как была устро-

ена экономика Парижского региона в этот период⁶. На каждом этапе мы будем убеждаться, что экономические перемены имели важные последствия, сознавая при этом, что механизм их действия мы объяснить зачастую не можем. С этим неудобством мы будем сталкиваться на протяжении всей главы, но это все же лучше, чем пытаться характеризовать социальные, политические и культурные перемены в Европе, особенно после 1150 года, вовсе не принимая во внимание экономический контекст.

Итак, демографическая экспансия: по крайней мере, в ее наличии никаких сомнений нет, поскольку устойчивый прирост населения прослеживается в письменных источниках достаточно ощутимо. Однако масштабы его определить сложно. Единственная более или менее надежная статистика — «Книга Страшного суда» 1086 года, а затем перепись для подушного налога 1377 года, сделанная после Черной смерти, унесшей от трети до половины населения Европы с 1347 по 1352 год и еще несколько раз накатывавшей повторными волнами, что, разумеется, не могло не сказаться на европейской экономике. Но период после 1350 года мы рассмотрим отдельно в главе 11. Население Англии составляло около 2 млн в 1086 году и немногим больше в 1377 году, то есть, очевидно, до чумы численность была гораздо выше. Насколько выше — зависит от гораздо менее полной и более локализованной статистики, но, по примерным прикидкам, около 1300 года она достигала 5 млн (в 11 раз меньше нынешней), с большой долей вероятности знаменуя демографический пик, а в X веке — на момент предположительного начала демографической экспансии — население гипотетически исчислялось 1,5 млн, отсюда и выводы о трехкратном приросте. Сходятся с этими расчетами и более приблизительные прикидки по другим странам Европы, а в описях поместий каролингского периода имеются указания, что во Франкской державе демографический рост мог начаться и в IX веке. Пик этого процесса, скорее всего, пришелся на 1150–1300 годы⁷.

Если население увеличивается втрое — пусть даже за 300 лет, — на это не может не отреагировать крестьянство (всегда, как мы уже

видели, составлявшее подавляющее большинство). Отреагировать оно может сокращением рождаемости (поздние браки, строгие правила половой жизни, аборты, отказ от ребенка), но в данный период оно к таким мерам не прибегало или прибегало недостаточно. Можно отреагировать совершенствованием земледелия, систематизацией севооборота, применением улучшенных плугов (они уже имелись, но стоили дорого) и учетом свойств почвы в выборе участков для сева или выпаса — даже если это означает необходимость обменивать затем свою пшеницу на чей-то ячмень или на овец. Можно расчищать ближайшие леса и пустоши, увеличивая площадь пахотных земель. Можно перебираться в города или даже мигрировать в другие районы, где простора больше (в Европе это, как правило, вело к дальнейшему сведению лесов). У европейских крестьян с 950 по 1300 год, насколько мы можем судить, в ходу было все. Крестьянин обычно старается не переходить на трудоемкие агротехнические методы, даже если они доступны, без крайней необходимости, и в этот период такая необходимость у него возникла (при этом он не испытывал недостатка в рабочих руках, поскольку и семья у него разрослась). Если на северо-западе Европы постепенно распространялась система трехполья, то в Аль-Андалусе, арабской Сицилии, а затем и в северной Италии так же планомерно развивалась ирригация⁸. В дальнейшем интенсификация только усиливалась; не только орошение на юге, но и внедрение новых посевных культур на севере избавило некоторые области Норфолка и Фландрии от необходимости держать поля под паром. Имеются также обширные свидетельства мелко-масштабной расчистки на уже заселенных землях — об этом говорит лесная семантика в названиях новых деревень и полей по всей Европе, — а также достоверные признаки освоения заболоченных земель в дельтах Рейна и По⁹. Подробно документирован, как мы еще увидим, в этот период по всей Европе и рост городов, который всегда подразумевает приток переселенцев, поскольку ни в одном городе до Нового времени рождаемость не превышала смертность (город всегда был местом нездоровым: в частности, почти ни один

из них не мог похвастаться даже зачаточной системой канализации, а кроме того, туда стекались обездоленные, ищущие лучшей участи и умиравшие быстрее). При этом отток в города означал, что крестьянам приходилось выращивать посевы на продажу, чтобы прокормить новых горожан.

Гораздо медленнее шло переселение на более дальние расстояния. Крестьяне — народ оседлый, и рисковать они не любят, поэтому искать счастья в неизведанных землях — до эпохи великих колонизаций XIX века — им было несвойственно. Однако благодаря продвижению европейского политического уклада на восток — посредством завоевания и/или христианизации славянских и венгерских земель (см. выше, главу 5), зачастую малонаселенных, — территория нынешней Польши в будущем уже не походила на дикую пустошь. Как только люди начали двигаться на восток (где-то после 1150 года, что само по себе показательно — раскачивались они долго), по всей Германии и Нидерландам их отлавливали профессиональные вербовщики, которых специально для этой цели нанимали сеньоры: в обмен на главенствующую должность в будущей общине им поручалось завлекать поселенцев низкой рентой и налаженным бытом. Затем последовала германизация больших участков Восточной Европы, сохранявшаяся до насильственного переселения больших масс народа в конце 1940-х годов. Поселенцы в большом количестве вырубали леса под распахку, но нередко захватывали и наделы прежних жильцов, зачастую при активной поддержке местных властей, к этому времени тоже часто германских. Иными словами, речь идет не о покорении целины. (Еще меньше его напоминали другие крупные колонизаторские движения данного периода — в Испании и Сирии/Палестине, довольно густонаселенных областях.) Тем не менее к дальнейшему постепенному расширению пахотных европейских земель этот процесс вел успешно¹⁰.

Закономерный вопрос: удавалось ли крестьянству, осознавшему, что для выживания в эпоху демографического роста придется интенсифицировать труд и расширить поля, в чем-то выиграть

и добиться благополучия? Однозначного ответа нет. Вырубка окрестных лесов, например, была чревата риском остаться без дров и строительного материала, не говоря уже о пищевых ресурсах в виде ягод и орехов, а также выпасе для свиней. Зерновая монокультура диктовала крестьянской семье XIII века менее разнообразный и полезный рацион, чем, скажем, в 900 году¹¹. При этом — как свидетельствуют археологические данные — застройка селений во многих областях Европы в указанный период стала более продуманной, качество построек улучшилось. Почти во всей Италии, например, в XII веке деревянное строительство сменилось каменным, и, хотя на севере (где дерево имелось в избытке и не вызывало трудностей в использовании) камень применялся реже, каменные фундаменты постепенно распространились и там, как и усложненные технологии деревянного строительства вроде фахверка. Все это признаки роста производственного мастерства и наличия средств для его оплаты — то есть признаки процветания деревни¹². К XIII веку, по данным раскопок, у крестьян стали чаще встречаться относительно стандартизированные металлические изделия, такие как ножи и даже украшения для одежды (а также качественная керамическая посуда, хотя эта тенденция наметилась раньше; о тканях, заметим, археология рассказывает нам меньше), что указывает на повышение доступности рынков, число которых тоже росло.

К рынкам мы еще вернемся. Они, впрочем, отражают не только увеличение благосостояния крестьянства, поскольку постепенная коммерциализация общества может сопровождаться — и часто сопровождается — усилением гнета со стороны землевладельцев. И теперь мы посмотрим на происходящее под несколько иным углом. В последних трех абзацах почти ничего не говорилось о господах, но над большинством крестьян, по крайней мере в плотно заселенных западных и южных районах, стояли землевладельцы. В Западной Европе только в Италии и Испании имелись большие массы свободно владеющего землей крестьянства, хотя были и области помельче, где наблюдалась такая же картина, —

Альпы или прибрежные районы Нидерландов и севера Германии. Как мы знаем из главы 5, на севере Европы таких крестьян было больше, но почти во всех северных странах этого периода шло усиление и крупных землевладельцев. Как только у крестьянства появлялась возможность выращивать больше, господа во многих случаях незамедлительно находили возможность больше с него брать, и бремя, связанное с ростом населения, ощущалось не так сильно, а возможно, было просто менее заметно, чем постоянные прямые поборы со стороны господ. Можно предположить, что этот гнет имел для всеевропейской сельскохозяйственной экспансии, коммерциализации и роста производства большее значение, чем рост населения как таковой. Но я эту версию применительно к данным столетиям не поддерживаю, поскольку экспансия прослеживается и в тех областях Европы (например, в некоторых районах Италии), где рента и оброк пока существенно не повышались. Однако взаимное влияние демографического роста, феодального гнета, коммерциализации и повышения урожайности вело к развитию экономики почти в каждом регионе Европы.

Так или иначе гнет, которому землевладельцы подвергали крестьян в период классического Средневековья, не везде принимал одинаковые формы. Каролингские поместья тяготели к манориальной системе: в манорах земля часто делилась на господскую и надельную, крестьяне выплачивали оброк и на регулярной основе отрабатывали барщину на господской части, доход с которой присваивался владельцем поместья. Универсального распространения маноры не получили, однако представляли собой передовую форму хозяйственной организации, позволяющей извлечь выгоду из земельных владений¹³. В раннесредневековых поместьях зачастую имелось немало зависимых, не обладавших юридическими правами, облагавшихся высоким оброком и выполнявших большую часть барщины, — их статус резко отличался от статуса свободных крестьян, несших более легкое бремя повинностей (см. главу 1). Эти две модели в интересующий нас период постепенно утрачивали свое значение, и к XIII веку по-настоящему рас-

пространенными оставались только в Англии, где в конце XII века пережили возрождение. Во всей остальной Европе маноры либо не существовали никогда (в Испании, Скандинавии, на Востоке), либо стремительно приходили в упадок (в Италии уже к X веку, во Франции — к XII столетию) и уступали более гибким моделям эксплуатации: так, оставшиеся не сдаваемые в аренду господские владения во Франции XIII века в основном обрабатывались наемными батраками. Подневольный труд даже в небольшом объеме по-прежнему увязывался со статусом закабаленного, однако в течение рассматриваемого периода на большей части Европы и то и другое хоть и не исчезло к приходу чумы, но значительно сократилось. С этих пор преобладающей формой повинности стала денежная рента¹⁴.

И наоборот, политико-административные права сеньора, *seigneurie banale* (см. главу 6), — право взимать плату за правосудие, право на пастбища, лесные угодья и пользование мельницей, право забирать рабочую силу для транспортировки, строительства и охраны замков, а также вводить ситуативные и иногда достаточно крупные отчисления (во Франции, для которой это было особенно характерно, они назывались талья, от слова *taille* — «срез») — могли разрастаться до достаточно обременительных поборов в дополнение к ренте, притом что некоторые сеньоры облагали такими поборами не только арендаторов, но и свободных крестьян, проживавших на территории замка. Такая модель характерна в основном для Франции, западной части Германии, севера Испании и Италии. Степень закабаления крестьян такими поборами отражает прижившееся в этих странах и в Англии название «серв» — от латинского *servus*, «раб». Независимо от изначального юридического статуса, на практике в XII веке и свободные, и несвободные равным образом скатывались в зависимость. Дальнейшему развитию этой тенденции способствовало усиление опоры на письменный закон, который часто воскрешал или утверждал старинные концепции закабаления. Учитывая разнообразие поборов, доступных сеньориальному режиму, необходимости в подне-

вольном труде он уже не испытывал, тем более что поборы (особенно талью и ее аналоги) легче было повышать, чем оброк, который довольно быстро становился фиксированным¹⁵.

До недавнего времени для историков, занимающихся средневековым крестьянством, эта тенденция служила доказательством того, что крестьяне отдавали господину все излишки, перебиваясь «прожиточным минимумом», и в результате их положение было близко к нищенскому. Теперь же мы склонны усомниться в повсеместности такой картины, даже если не учитывать растущие масштабы колонизации европейских земель, где поселенцы облагались пониженной рентой. Даже в Англии, с ее возмраставшими показателями подлинного закабаления, в XIII веке рента была не такой высокой, как могло бы следовать из сведений о намолоте и субаренде¹⁶. В Италии, Испании и Франции одна из важных тенденций XII — начала XIII столетия заключалась в объединении крестьянских общин для получения льготных грамот, в которых сеньор соглашался отказаться от непредсказуемых поборов и держаться в более ограниченных и четко определенных рамках. Восстановить контекст таких соглашений можно лишь косвенно, поскольку сами грамоты, составленные в очень велеречивом ключе, в качестве побудительных мотивов приводили добрую волю сеньора и прочее в том же духе. Один из образчиков такой выпренности — подписанное сеньором Тинтиннано (небольшого укрепленного селения в южной Тоскане) согласие установить постоянную ренту:

Коль скоро Рим, повелевавший во время оно всем миром, достиг своих высот, превыше всего ставя равенство, справедливость и свободу... пристало и мне, Гвидо Медико... ведающему делами Тинтиннано, принимая во внимание, что положение в замке и меж господами и живущими там верными людьми, из-за неравенства, несправедливости и подневольного труда делалось все плачевнее и плачевнее и ныне ухудшилась донельзя... Я вознамерился восстановить прежнее благое положение

дел и улучшить его, буде возможно. И стало мне очевидно, что другого пути исполнить сие, кроме как заменить обычные повинности, кои люди наши привыкли и обязались платить господам, денежным оброком дабы господа не посмели потребовать от вышепоименованных людей ничего сверх указанного против их воли ... во имя блага и достатка замка Тинтиннано, который, буде население его приумножится, меж замками Италии процветанием будет славен...

В действительности, несмотря на все красивые слова, крестьяне Тинтиннано — нынешней Рокка д'Орчия, расположенной всего в паре миль от главного паломнического пути из Франции в Рим (возможно, именно этим объясняются отсылки к Вечному городу в грамоте Гвидо Медико), — угрожали уйти из деревни совсем, если сеньор не согласится на уступки. Вполне вероятно также, что грамота была получена за деньги, то есть крестьяне были готовы заплатить один раз за четкие правила взимания ренты и прописывание собственных прав, которым посвящен остаток текста: в документах такого рода подобная оплата оговаривается часто, хоть и не в данном примере. Угрозами и подкупом — в разном соотношении — действовали крестьяне по всей Европе, выбивая общинные льготы¹⁷.

Каждая из таких льготных грамот свидетельствует, что общине удавалось коллективными действиями обеспечить себе некоторую экономическую стабильность и усилить свой местный институциональный авторитет. Коллективность для средневековой политики, как мы уже знаем, не редкость: ее проявлениями были и собрания — при Каролингах или в Северной Европе, — и итальянские городские коммуны. Этот принцип оправдывал себя и в деревнях, на всей территории Европы¹⁸. Даже в английских селениях, где льготные грамоты были редки, имелись коллективно установленные порядки. Деревенские общины, которые до XI века, насколько мы можем судить, были сильны только в Испании и, возможно, в Дании, в классическом Средневековье набирали силу

по всей Европе. Им отводилась ведущая роль, их старосты обретали институциональный авторитет, а в некоторых частях Италии и южной Франции даже называли себя консулами — по городскому образцу. Почти всегда это были представители самых зажиточных семей. Крестьянской верхушке политическая и экономическая независимость от господ всегда приносила наибольшую выгоду, но верхушке требовалась поддержка общины, поэтому община выигрывала тоже. В ведении общины все чаще находилась приходская, то есть местная религиозная деятельность, усиливалась и экономическая роль общин: в Северной Европе они занимались распределением пахотной земли «открытого поля», на юге — ирригацией и повсеместно — общинным выпасом¹⁹. Благодаря такой коллективной инициативе, хоть и редко в тот период переходившей в открытый бунт, господа обирали крестьян гораздо меньше, чем могли бы, то есть наблюдаемые нами социальные перемены не всегда оставляли последних в проигрыше. Кроме того, коллективность объясняет археологические данные, касающиеся благополучия деревни. Хотя мы по-прежнему не можем сказать наверняка, возникало это благополучие (какое бы ни было) до или после образования общин и получения льгот, оно все же свидетельствует, как и ведущая роль общин, что и крестьянам экономическая экспансия в рассматриваемый период давала преимущество, которое им иногда удавалось сохранить.

Одна из развивавшихся в XI–XIII веке устойчивых тенденций, когда к оброку добавлялись права сеньора — и даже, в какой-то степени, когда не добавлялись, — состояла в том, что поборы все чаще взимались в денежной форме. Причина проста: увеличилось количество серебра в обращении, поэтому деньги теперь водились и у крестьян, а господа предпочитали денежную ренту, поскольку так проще было покупать необходимое. Когда вернулось налогообложение — по большей части в XIII веке, о чем мы поговорим в следующей главе, — налоги тоже почти всегда собирались деньгами. Крупные центры добычи серебра — Гослар в Саксонии с 960-х годов, Мейсен там же с 1160-х, Фризах в Австрии с 1190-х, Йигла-

ва в Богемии с 1220-х, Кутна-Гора там же с 1290-х и (стоявший особняком от этих центральноевропейских разработок) Иглесиас на Сардинии с 1250-х — продержались каждый примерно по столетию. Благодаря этим рудникам и множеству более мелких — там же, в центральной Европе, а также на севере центральной Италии — серебра для чеканки и перечекировки монет хватило на весь обозначенный период, хотя случался и ощутимый дефицит, около 1100 года, а затем в начале XV века²⁰. Сведений о монетах, которые чеканили из этого серебра, у нас достаточно, поскольку монеты сохранились вкладах и обнаруживаются при археологических раскопках, а также постоянно упоминаются в исторических документах. На раскопках они чаще всего встречаются в слоях начала — середины XIII века, однако в письменных источниках упоминания о них возникают на большей части Европы уже к XI веку, по крайней мере применительно к крупным сделкам. Переходя с натурального оброка на денежный, сеньоры должны были исходить из того, что продажа товаров на местных рынках позволяла крестьянину выручить необходимую сумму серебром.

До сих пор нередко считается, что для активного товарообмена необходимы монеты. Это не так. Почти для любой системы обмена, как сейчас, так и в прежние времена, крайне важен кредит, а кредитные соглашения, даже достаточно сложные, могут строиться и на безналичном расчете. В средневековой экономике кредитованию отводилась существенная роль. С кредитом крестьянин сталкивался на рынках, где объем продаваемого или покупаемого им товара был слишком мал, чтобы расплачиваться серебром (в Англии XII века за овцу давали четыре пенса — это самая мелкая монета до роста цен в конце столетия), и дома, когда требовалось закупать зерно для сева, собирать приданое, взять в аренду еще одну пашню, чтобы прокормить растущую семью, но расплатиться сразу средств не хватало²¹. В документах, отражающих такого рода сделки, которые получали все большее распространение в наиболее активных местных экономиках, суммы указываются в монетах, однако это не значит, что долг непременно требо-

валось выплачивать наличными. Тем не менее применение монет постепенно распространялось на все типы сделок, и к XIII веку, по крайней мере в Западной и Южной Европе, обладание ими считалось само собой разумеющимся. После того как крестьяне вынужденно включились в рыночный обмен, чтобы платить денежный оброк, монеты постепенно входили в обиход и в сельской местности, в свою очередь служа предпосылкой для следующего (более важного) этапа — привычки покупать ремесленные изделия, а не производить их самим. Это развитие служило фоном для другого направления экономических трансформаций того периода — роста городов.

В общем и целом доля урбанизации в классическом Средневековье была невелика. В Англии периода «Книги Страшного суда», из которой взяты наши самые ранние относительно надежные данные, в городах проживало около 10% населения (при общеевропейском статистическом разбросе от 2% в Скандинавии до около 15% в Италии в 1050 году). Не исключено, что к 1300 году эти пропорции удвоились. Однако об урбанистическом главенстве в экономике страны говорить не приходится, разве что внутри плотных скоплений городков средней величины во Фландрии и северной Италии и особенно вокруг крупнейших городов Европы — Парижа и Милана с населением около 200 000 человек в 1300 году; Константинополя (уже заметно сдавшего по сравнению с предыдущим столетием), Генуи, Венеции и Флоренции с населением около 100 000 человек; Лондона, который при населении меньше 80 000 человек выступал бесспорным центром единого государства²¹. Лишь в Италии города обладали политической властью над сельской местностью, поскольку все независимые итальянские коммуны были городскими, хотя нельзя не признать, что фламандские города при графах Фландрских тоже де-факто главенствовали на местах и почти на всем протяжении XIV столетия (а также до него и позже, но в меньшей степени) бунтовали против своих государей.

Остальные города действовали на экономико-политической арене, где господствовали сельские власти, которые нельзя рассматривать в отрыве от окрестной знати, покупавшей их продукцию. (Таким образом, историк экономики Майкл Постан, назвавший города «нефеодальными островами в море феодализма», крупно ошибался, тем более что городская верхушка исповедовала те же принципы, что и более традиционная аристократия — например, необходимость защищать свою честь силой, — и различить их иногда было трудно²³.) На самом деле неудивительно, что, после того как в середине XII века столько сил было отдано возвращению протокапиталистического потенциала средневековой городской экономики, следующее поколение сосредоточилось на сельскохозяйственном секторе, хотя в последнее время появился еще ряд хороших исследований, посвященных росту городов в Англии и Фландрии. Как в действительности происходил этот рост, мы разберем на примерах. Я расскажу вкратце о трех очень разных городах — Пизе, Генте и Стратфорде-на-Эйвоне, а затем мы выстроим более обобщенную картину на основе увиденного.

Пиза, как почти все главные итальянские города, была выстроена еще римлянами и сохранила преемственность в управлении и политической деятельности со времен Римской империи. Около 1100 года она находилось под властью архиепископа и виконта, и, кроме того, там имелись зачатки городской коммуны. Расположенная в болотистой дельте реки Арно, откуда рукой было подать до portus Pisanus — лучшего порта на западном берегу Италии между Генуей и Неаполем, — Пиза всегда была обращена к морю и начиная примерно с 950 года уверенно развивалась как центр морской торговли. Археологические данные свидетельствуют, что с того времени — как и при римлянах, но значительно активнее, чем в промежуточный период, — Пиза служила каналом импорта в Тоскану со всего остального Средиземноморья, особенно качественной поливной керамики из Туниса и Сицилии (керамика в раскопах всегда представлена хорошо). Кто привозил ее — пизанцы или тунисцы/сици-

лийцы — неизвестно, однако в существовании пизанского флота к XI веку сомневаться не приходится, поскольку у пизанцев имелись торговые связи с эмирами Дении в Аль-Андалусе, а еще они прирастились грабить богатые средиземноморские города, находившиеся под управлением мусульман (в 1064 году они совершили набег на Палермо, а в 1115 году — на Пальму-де-Майорку). Великолепный пизанский собор конца XI века, сохранившийся до наших дней почти без изменений, был построен в том числе на добытые в походах трофеи, как гласят надписи на фасаде. Подавляющее большинство торговых путей на Средиземноморье в XI веке были мусульманскими, и пизанцам приходилось отвоевывать себе место, как викингам в Северном море двумя веками ранее. В начале XII века, после успешного участия в Первом крестовом походе (архиепископ Пизанский Даимберт стал латинским патриархом Иерусалима), пизанцы получили возможность заключать коммерческие соглашения: с Византией — в 1111 году, с Каиром — в 1154 году, с Тунисом — в 1157 году. К тому времени они вместе с генуэзцами и венецианцами выступали крупнейшими игроками на растущей арене средиземноморской торговли. Разумеется, не всю городскую верхушку Пизы составляли торговцы — немало было и землевладельцев классического средневекового типа, да и у каждого купца имелась какая-то земля, однако у некоторых коммерческие интересы выходили на первый план, и пизанцев можно было встретить теперь повсюду от Константинополя до Сицилии. Пиза, в отличие от своей сестры и соперницы Генуи, не предоставила нам такого количества нотариальных реестров с 1150 года и далее, демонстрирующих, насколько сложные и подробные контракты уже в то время заключали судовладельцы и насколько активно участвовала знать в финансировании морской торговли, развернувшейся по всему Средиземноморью. Однако более прозаические и шаблонные сухопутные документальные свидетельства, касающиеся Пизы, подтверждают, что ее богатейшие представители отличались не меньшей предприимчивостью²⁴.

В результате Пиза стремительно росла — особенно в XII веке. К 1100 году рыночная площадь вышла за границы старых римских

стен, а город, опоясанный новой стеной, которую коммуна возвела в 1150-х годах, был уже в шесть раз больше старого и раскинулся по обоим берегам Арно. К тому времени Пиза могла похвастаться немалым числом каменных и кирпичных домов знати — некоторые из них стоят и по сей день, а также одно- и двухэтажными домами рядовых горожан. Из коллективной клятвы верности, подписанной в 1228 году всеми взрослыми мужчинами Пизы, можно заключить, что в городе проживало около 25 000 человек. Немалую долю от этого числа составляли представители сотни с лишним ремесел, среди которых были пекари, башмачники, кузнецы, текстильщики, а также вездесущие *mercatores* — купцы разного ранга²⁵. На первый взгляд впечатляет, однако к тому времени пик расцвета, судя по всему, уже был пройден. Такой же торговый уклад с 1100 года можно было наблюдать в любом средневековом городе, и крупном, и мелком, и к 1228 году Пиза начала отставать от Генуи. Ее процветание обеспечивала торговля — доставка товаров из одних регионов в другие, а не ремесленное производство продукции, которой торговали на каждом углу. Круг тех, кто нуждался в Пизе как поставщике, был ограничен. В него, разумеется, входили сухопутные города Тосканы — Лукка, Сиена и развивающаяся Флоренция, но у Пизы не было преимущества в виде близости к Милану и к альпийским перевалам, которым располагала Генуя. Несколько десятилетий спустя Генуя переросла Пизу в четыре раза, а в 1284 году генуэзский флот разгромил пизанский в крупном морском сражении в устье Арно, и восстановить былое благополучие Пиза уже не сумела.

А теперь возьмем для сравнения другой не менее активно торговавший город в северной части Европы — фламандский Гент, расположенный на побережье у слияния Шельды и Лейе, на такой же заболоченной в тот период местности. Постоянное поселение здесь появилось только с возникновением монастыря в VII веке, к IX веку рядом с монастырем вырос речной порт, однако в 879 году викинги уничтожили и то и другое. Немного позже на другом берегу Лейе, чуть ниже современного центра города,

возникло новое поселение, обнесенное рвом, а к середине X века недалеко оттуда возвели замок графа Фландрии, изначально деревянный, но в середине XI века перестроенный в камне. Гент постепенно разрастался в направлении графского замка, у стен которого разворачивались главные городские рынки, демонстрируя тем самым, насколько важен был для развития города на раннем этапе спрос на товар у обитателей замка. К началу XII века поселение, ведущее свою историю примерно с 900 года, занимало около 80 гектаров — вдвое меньше заново обнесенной стенами Пизы 1150-х. При этом к концу XIII столетия население Гента насчитывало свыше 60 000 человек — намного больше, чем в тогдашней Пизе, равно как и в любом другом городе Фландрии, хотя в Брюгге и Ипре, расположенных в 50 километрах от Гента, проживало чуть больше половины от этого количества. Как и в Пизе, часть домов знати, а также по крайней мере один из рынков в XII веке уже были каменными; возводили здесь и дома-башни. В некоторых домах имелись обширные склады — это были купеческие здания. Богатая и независимая верхушка Гента к 1128 году составляла коммуну (*communió*), возглавляемую членами городского управления, кроме того, там, без сомнения, существовала купеческая гильдия. До нас дошли подробно прописанные уставы таких гильдий хоть и не в Генте, но в двух соседних городах конца XI века — Сент-Омере и Валансьене. Самоуправление — в виде олигархии, которая к XIII веку называлась Союзом тридцати девяти, — сохранялось, хотя графы Фландрии по очереди пытались с ним бороться. В XIV веке предводители фламандских городов, воевавших с графом, часто имели гентское происхождение — как Якоб ван Артевельде в 1340-х годах и его сын Филипп в начале 1380-х, какое-то время де-факто правившие всей Фландрией²⁶.

В отличие от пизанской городской верхушки, для гентской землевладение не было первостепенным, хотя со временем землю начала покупать и она. Ее богатство во все времена имело урбанистическую основу, гентскую элиту, как и пизанскую, составляли торговцы, но общегородская экономика в Генте отличалась, поскольку он был

в первую очередь центром текстильного производства. В XI веке Фландрия налаживала поставки своей шерсти в города для дальнейшей переработки в сукно, однако самое позднее к 1110 году она уже импортировала шерсть из Англии, и с тех пор именно английская шерсть до окончания эпидемии Черной смерти оставалась основным сырьем для фламандской суконной отрасли. В XIII веке около половины населения Гента составляли суконщики — подобной концентрацией могли похвастаться только Ипр, Милан и позже Флоренция, хотя на тканях специализировались, пусть с меньшими объемами производства, два десятка городов во Фландрии и Италии (а также фламандская сельская местность). Гент и его соседи экспортировали сукно в самые дальние части Европы: купцы из Ипра фигурируют в новгородских грамотах 1130-х годов. Вплоть до XIII века фламандский текстиль играет главную роль даже во флорентийском производстве, сосредоточенном на окраске и отделке тканей из Гента, Ипра и других фламандских городов. Кроме того, торговцы из разных краев стекались на пять ежегодных фламандских текстильных ярмарок, очередность проведения которых установилась уже к XIII веку. Таким образом, богатство Генту обеспечивали общеевропейские масштабы сбыта продукции, а пропитание — не менее широкие и разветвленные торговые каналы, поскольку Фландрия не могла прокормить все свои города сама. Это был элитный рынок — фламандское сукно, производившееся на экспорт, было слишком качественным для массового потребления, которое в то время оставалось крайне локализованным и почти не коммерциализировалось. Однако элиты в Европе имелось достаточно, чтобы производство ширилось, а производители богатели. Не заставил себя ждать и классовый конфликт: крупнейшие народные восстания, вошедшие в число самых успешных за все Средние века, объединили текстильщиков и крестьян во Фландрии в 1297–1304 годах и в 1323–1328 годах. В ожесточенном сражении при Куртре в 1302 году фламандцы разбили самого короля Франции²⁷.

Пиза и Гент как крупнейшие города были включены в международный товарообмен, однако остальные, намного уступавшие им

размерами, обслуживали в основном местные рынки. В Англии, по которой этот вопрос проработан лучше всего, в 1300 году имелось 500–600 бургов (borough — населенный пункт, получивший городскую хартию), из которых в «Книге Страшного суда» фигурируют только 112, то есть остальные появились уже позже. В подавляющем большинстве таких поселений не набиралось и тысячи жителей²⁸, а вся торговля велась в окрестностях радиусом 25 километров — расстояние, позволяющее обернуться за день. Именно к этой категории принадлежал хорошо изученный Стратфорд-на-Эйвоне в Уорикшире. В «Книге Страшного суда» он указан как деревня, но в 1196 году его владельцу, епископу Вустерскому, была дарована королем Ричардом I рыночная хартия, и епископ разделил селение на одинаковые участки для сбора стандартного оброка²⁹. Стратфорд процветал и богател, а следы проведенного епископом межевания до сих пор можно обнаружить в планировке современного города (один из участков, например, занимает гостиница «Шекспир»). К 1250-м годам в нем проживало чуть больше 1000 человек, так что по английским меркам разросся он быстро; почти все переселенцы стекались из окрестных деревень в пределах тех самых 25 километров. К этому времени город уже отличался сплоченностью, подкрепленной возникновением в 1260-х годах местного религиозного братства, к которому принадлежали даже некоторые беднейшие жители, а также приезжие торговцы. Основное население города составляли ремесленники, занимавшиеся изготовлением кожи, тканей, металлических и деревянных изделий и производством продуктов питания — типичные ремесла для любого средневекового города без определенной специализации. Тем не менее нам они важны. Стратфорд был очень удачно расположен. Он помещался между двумя четко очерченными зонами — плодородными пахотными землями долины Эйвона и холмистой Фельденской равнины на юге и Арденским лесом на севере, — где экономика имела больше аграрную направленность. Кроме того, по мосту через Эйвон в Стратфорде проходила римская дорога, ведущая на запад к Дроитвичу, специализировавшемуся

на солеварении. Таким образом, Стратфорд как нельзя лучше подходил на роль торгового перекрестка южного Уорикшира, собирающего на своем рынке покупателей и продавцов со всех четырех сторон. Однако значительная доля ремесленников в Стратфорде свидетельствует о другом — о зарождении производственной сети на базе не крупного города с потенциальным крестьянским рынком сбыта численностью около 10 000 человек из ближайших окрестностей. Ведь кто еще поедет в Стратфорд? Местные богачи — епископы, графы, мелкие дворяне — съезжают (или пошлют слуг) в ближайшие действительно большие города, Ковентри или Бристоль, два из пяти крупнейших в Англии. Появление ремесленников в Стратфорде (и множестве других мелких городков, наглядно отражающих развитие процесса) — это признак следующего крупного сдвига в экономике, основанной на товарообмене, а именно: с одной стороны, ориентации городского производства не только на элиту, но и на массового потребителя, а с другой — возникновения у крестьян привычки покупать ткань (самый важный товар из этого ассортимента), а не изготавливать самим. Хотя, как я уже говорил в начале главы, мы еще только на подступах к тому, чтобы выяснить, как далеко зашел процесс коммерциализации в сельской экономике, но успеху такого незначительного городка, как Стратфорд, место на этих подступах нашлось³⁰.

Таким образом, города действовали на двух разных экономических и географических уровнях. Первый — простой обмен между городом и селом. Горожане в большинстве своем не производили продукты питания, они изготавливали ремесленные изделия на продажу, а на вырученные деньги покупали продукты, выращенные крестьянами. Иногда, если город был крупным и/или густонаселенным, торговля с ним охватывала довольно большую территорию; лондонский спрос, в частности, затрагивал такие дальние рынки, как в Дувре, Оксфорде и даже в Питерборо, а Сицилия с начала XIII века стала житницей для половины великих городов северной и центральной Италии³¹. Однако в основном этот торговый обмен был местным.

Второй уровень — дальняя торговля, связывавшая Фландрию с Италией и оба эти региона с более отдаленными землями. Она заметно развивалась. У морских торговых путей вдоль побережий Европы издавна было два основных направления — в Средиземноморье и в Северном море. Оба переживали свои взлеты и падения (в раннем Средневековье упадок торговли в Северном море пришелся на VI век, а в Средиземном — на VIII столетие³²), но к XI веку у обоих увеличивались и охват, и интенсивность. К тому времени важнейшими рынками на Средиземном море выступали Константинополь, Александрия (и чуть дальше от побережья Каир), Палермо, Альмерия и Венеция, а на Северном море — Лондон, Брюгге, а также речные порты на Рейне, такие как Кёльн. Чуть позже — по завершении крестовых походов — Венеция, Генуя и (на не столь долгий срок) Пиза выстроили собственные торговые и колониальные империи в Восточном Средиземноморье. К этому времени от двух главных магистралей начали ответвляться другие пути, в частности балтийский, нанизывающий торговые порты на побережье нынешней Германии и Польши, которые в XIV веке объединятся в Ганзейскую лигу, а затем по великим русским рекам через Новгород и Киев устремляющийся обратно в Константинополь. Кроме того, стремительная урбанизация Фландрии и северной Италии способствовала развитию более прямых сухопутных связей, в том числе через Альпы. К XII веку итальянские и фламандские купцы встречались примерно на середине пути, в Шампани, где шесть крупных ежегодных ярмарок, устраиваемых местными графами, образовали в XIII веке еще один общеевропейский центр товарообмена³³.

На ярмарках в Шампани и в других городах вдоль этих путей торговали продукцией со всей Европы, и не только: шелк везли из Византии и Сирии, лен и сахар — из Египта, перец и другие пряности — с берегов Индийского океана, лучшие сукна — из Фландрии и Италии, оружие — из Милана, пушнину — из Руси. Системы обмена становились все сложнее; из кредитных соглашений, заключаемых в Шампани и на других ярмарках между живу-

щими далеко друг от друга, развивалось банковское дело, на котором начинали специализироваться тосканские города во главе с Луккой и Флоренцией. К концу XIII века крупнейшие банки вышли на международный уровень посредничества (через флорентийские банки Барди и Перуцци шла немалая часть экспорта английской шерсти во Фландрию) и ссужали деньгами не только купцов, но и королей, нуждавшихся в финансах для ведения войны и готовых платить высокие проценты. Как и в 2008 году, ни к чему хорошему это не привело, поскольку долги короли делали тоже королевские, и банки рушились: король Англии Эдуард I разорил банк Риккарди в Лукке, конфисковав в 1294 году его активы (банкротство наступило в следующем десятилетии); Фрескобальди во Флоренции обанкротились в 1311 году, когда финансовые трудности начались у Эдуарда II, а в 1343–1346 годах настала очередь Барди и Перуцци, к тому времени уже завышавших свои финансовые обязательства, отчасти из-за ссуд Эдуарду III⁴. Однако теперь у ряда семей появилась возможность из поколения в поколение накапливать богатство, строить карьеру и получать социальный и политический вес в родных городах (Джотто расписывал семейные капеллы Барди и Перуцци в Санта-Кроче во Флоренции), подвизаясь на финансовом и торговом поприще, то есть будучи представителями торгового капитализма. Такого европейская история еще не знала, даже во времена Римской империи.

Такая модель развития, особенно рассматриваемая в романтическом свете, как это нередко случается, настолько завораживает историков, что иногда ее выставляют единственным истинным образцом средневековой экономики — доказательством того, что, не вмешайся некие чрезвычайные обстоятельства (Черная смерть, ограничительная политика средневековых гильдий или, с меньшей долей вероятности, Столетняя война и дефицит серебра в начале XV века), средневековая Европа могла бы перейти к промышленному капитализму на несколько столетий раньше. Однако на самом деле международная европейская торговля не была самой важной составляющей экономического взлета.

Во-первых, Европа находилась не в центре, а, скорее, на окраине этого торгового пространства, которое простиралось на восток от Европы через Египет к Индийскому океану до самого Китая, где долина Янцзы в XIII веке была самым экономически развитым регионом мира. Что касается средиземноморской торговли, ее настоящим средоточием, по крайней мере до XIV века, был Египет с центром в Каире, крупнейшем (после упадка Константинополя начиная с 1204 года, о чем см. главу 9) городе Средиземноморья, вдвое превышающем размерами Париж и Милан. Кроме того, в Египте имелись города — текстильные фабрики, такие как Тинис и Думьят, производившие лен (а также и сахар) в промышленных объемах³⁵. Принципы работы итальянских банков XIII века во многом заимствовались у дельцов Каира и Александрии. Среди них было немало евреев, что дает нам возможность использовать в качестве источника знаний каирскую генизу, огромный массив средневековых еврейских свитков, содержащих достаточно сведений о торгово-финансовой деятельности купцов из исламских стран в XI–XIII веках. (В Европе на долю евреев оставалось только мелкое и презренное ростовщичество — далеко не тот уровень, на котором действовали итальянские банкиры³⁶.) Генуя и Венеция как посредники сильно зависели от Египта, а фламандские и удаленные от моря итальянские центры текстильного производства хоть и не зависели, но достаточно долго от него отставали.

Во-вторых, система международной торговли, при всем ее великолепии, меньше значила в общеэкономическом отношении, чем первый уровень городской экономики — мелкомасштабный торговый обмен продуктами первой необходимости и низкосортными тканями и металлическими изделиями между городом и сельской местностью. Международная торговля оперировала, прежде всего, товарами престижного потребления, дорогими вещами, которые продавались королям, дворянству, верховному духовенству, городской аристократии и их окружению. Банковское дело было шире, поскольку за счет банковских ссуд финансировались войны и военная логистика, далекая от роскоши и утонченности.

1. Консульский диптих Флавия Ман-
 лия Боэция, 487 г. Аристократы времен
 поздней Римской империи часто за-
 казывали диптихи (парные изображения)
 из слоновой кости в память о значимых
 событиях — в данном случае это назначе-
 ние Боэция консулом и префектом Рима.
 В правой части диптиха Боэций держит
 в руке платок, давая сигнал к началу го-
 нок на колесницах, так как консульская
 должность подразумевала присутствие
 на подобных мероприятиях. Консул Бо-
 эций, вероятно, был отцом известного
 философа, носившего то же имя и каз-
 ненного за измену правителем Италии
 Теодорихом в 524 г.

2. Баптистерий в Пуатье, VI в. Один из немногих сохранившихся образцов монументаль-
 ной архитектуры эпохи Меровингов, располагавшийся в крупном городе Южной Гал-
 лии, дает хорошее представление о зодчестве того времени. Вся кладка оригинальная, если
 не считать современных контрфорсов, препятствующих обрушению постройки со склона.
 Сколько в этом здании относится к периоду позднего Рима, до победы франков над империей в 507 г.,
 вопрос открытый, однако его облик позволяет с уверенностью утверждать, что Меровинги строили —
 или перестраивали — в классическом римском стиле.

3. Пизанский собор, конец XI — начало XII в. Возведенный по самым передовым технологиям своей эпохи, собор воплотил в себе честолюбивые замыслы пизанцев. Как следует из надписей на фасаде, значительную часть средств на строительство обеспечили трофеи, добытые в морских набегах на богатые мусульманские города.

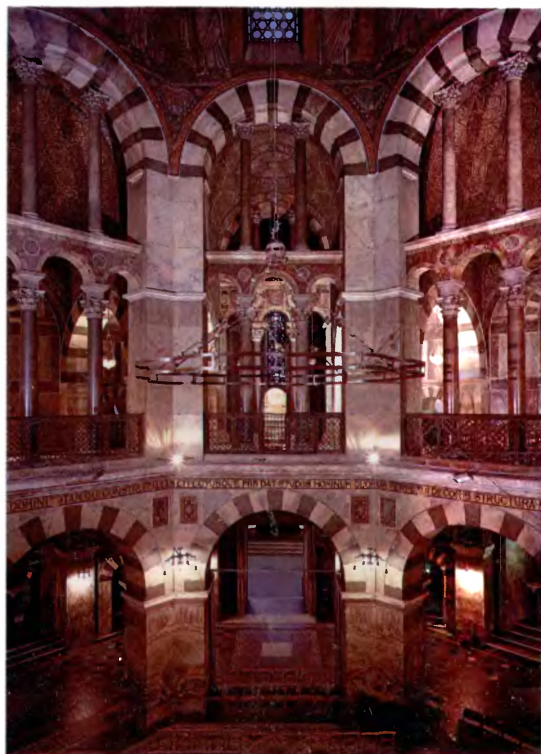
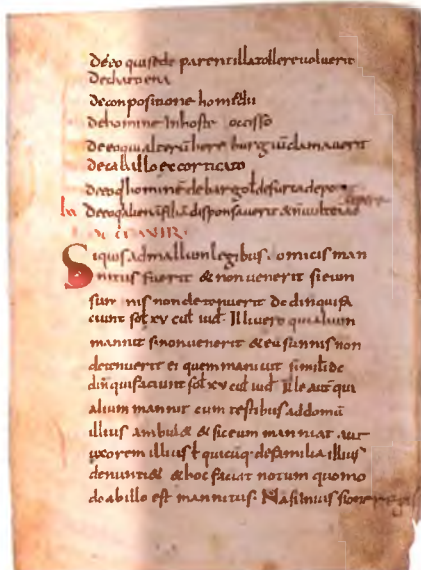
4. Собор Св. Софии, Константинополь (сейчас Стамбул), 530-е гг. «Великая церковь» византийской столицы была построена императором Юстинианом в 532–537 гг. Грандиозное сооружение превышало размерами все остальные известные крытые постройки Европы со времен Римской империи до строительства собора в Севилье в XIII–XIV вв. Обвалившаяся в 557 г. кровля была восстановлена в 562 г. К более поздним временам относятся только османские минареты.

5. Бирмингемский Коран, около 640–650-х гг. Радиоуглеродный анализ с точностью 95% определяет, что пергамент этих страниц Корана, обнаруженных в библиотеке Бирмингемского университета в 2013 г., был произведен до 645 г. Следовательно, текст написан позже — хотя едва ли намного. Датировка совпадает с периодом правления халифа Усмана (644–656), которому в исламе принадлежит заслуга собирания текста Корана в единую книгу. Однако, несмотря на убедительное совпадение, споры вокруг датировки Корана по-прежнему не утихают.

6. Восстановленный парадный зал кордовских халифов из династии Омейядов в дворцовом комплексе Мадина аз-Захра, 950-е гг. Дворец, выстроенный Абд ар-Рахманом III, был разрушен около 1010 г., раскопан в XX в. и реконструирован в XX–XXI вв. Отделка зала была выполнена из ценных материалов, его великолепие, как известно из дошедших до нас свидетельств, вызывало немалое восхищение у иностранных послов.

7. Сборник франкских законов, 850–870-е гг. Данный экземпляр, сохранившийся в немецком городе Вольфенбюттель, представляет собой составленный в IX в. сборник франкских законов от Салической правды (перед нами ее первая страница) до капитуляриев эпохи Карла Великого (до 810-х гг.). Подобных сборников того периода сохранились десятки, что свидетельствует о желании государственных деятелей эпохи Каролингов держать их под рукой.

8. Капелла Ахенского дворца Карла Великого, около 800 г. Во дворце Ахена, ставшего при Карле Великом новой столицей Франкского государства, была устроена большая церковь, которую в 805 г. освятил папа Лев III. Роскошное убранство церкви включало облицовку из мрамора (доставленного из Рима и Равенны, по свидетельству биографа Карла Великого Эйнгарда), бронзу и ныне утраченные фрески.

9. Евангелие из Линдисфарна, начало VIII в. Принадлежит к числу самых красочно иллюстрированных литературных памятников средневекового периода. Предположительно, переписано и иллюстрировано в Линдисфарнском монастыре в Нортумберленде, имеет сходство с рядом других евангелий того же периода, созданных в Англии и Ирландии, где специализировались на такого рода украшениях. На снимке — первая страница Евангелия от Луки.

10. Ставкирка, Хеддал, Норвегия, XIII в. В архитектуре средневековой Норвегии получили распространение деревянные церкви, выстроенные с применением новаторских конструктивных приемов. Ставкирка в Хеддале на юге Норвегии — самая большая из церквей такого типа (правда, дополнительно увеличена она была уже в 1890-х).

11. Бронзовые врата, Гнезненский кафедральный собор, конец XII в. В XIV в. этот древнейший польский собор был перестроен, однако сохранились врата с изображением сцен из жития Адальберта Пражского, убитого язычниками пруссами в 997 г. Останки его были выкуплены поляками и захоронены в соборе. Сцена над дверным кольцом правой створки изображает гибель святого. Не исключено, что врата выполнены иностранными мастерами, работавшими в Польше, поскольку такой стиль характерен для пограничных германско-французских земель.

12. «Плоды доброго правления в городе», Амброджо Лоренцетти, Сисна, 1138–1339 гг. На фреске, украсившей зал заседаний в ратуше Сисены, представлен идеализированный город, процветающий под властью мудрого и заботливого правителя, радующий взгляд ремесленными мастерскими, учебным заведением, полноводными торговыми потоками и (явное художественное преувеличение) танцующими на улицах женщинами.

13. Рокка-Сан-Сильвестро, Тоскана, XIII в. Возможно, лучше всего сохранившиеся из имеющихся заброшенных средневековых поселений — горняцкий поселок при медных и серебряных рудниках на Тосканском побережье, пришедший в упадок после истощения залежей руды. Период его расцвета, к которому относятся уцелевшие строения, пришелся на XII–XIII вв. Замок на вершине принадлежал сенюру, остальные постройки — дома простых горняков, которые тоже отличаются высоким качеством каменной кладки. Хотя владелец замка строго контролировал добычу руды, горняки, судя по всему, не бедствовали.

14. Мозаика апсиды базилики Св. Климента, Рим, около 1118 г. Пространство великолепной мозаики, изготовленной по заказу кардинала при папе Пасхалии II, заполняет виноградная лоза, в завитках которой представлена вся христианская Церковь, а также различные персонажи, занимающиеся в том числе повседневными хозяйственными делами. Перед нами свидетельство того, как папская власть стремилась продемонстрировать могущество и богатство в тяжелый для нее период утраты позиций в Риме.

15. «Сон Иннокентия III», Ассизи, 1290-е гг. Фреска в церкви Св. Франциска (первом большом францисканском храме), с большой долей вероятности выполненная Джотто и его учениками, изображает сон Иннокентия, в котором Франциск Ассизский в одиночку удерживает от обрушения Латеранскую базилику (кафедральный собор Рима). Относится к начальному периоду мифологизации Франциска и его невероятного политического успеха.

16. Замок в Генте, конец XII в. Основная часть замка графов Фландрии в Генте сохранилась в неизменном виде, хотя в XIX в. здание подверглось существенной перестройке. Замок представлял собой один из главных оплотов графской власти на территории города, ставшего впоследствии самым крупным во Фландрии. Расцвет Гента как центра ремесленного производства начался с замка, однако разросшийся и разбогатевший город оказался серьезным соперником для графов.

17. Собор Парижской Богоматери, Париж. Самый известный из ряда крупных и дорогостоящих готических соборов, возведенных в Северной Франции в XII–XIII вв. — в данном случае в 1160–1260-х гг. Шпиль относится к XIX в.

18. Отель Mercure Shakespeare, Стратфорд-на-Эйвоне, XIII–XVI вв. Стоит на одном из фискальных участков (burgage plots), нарезанных при основании Стратфорда в начале XIII в. и до сих пор различных на плане города. Само здание относится к тюдоровскому периоду и представляет собой классическую для городской застройки тех времен фахверковую конструкцию; впоследствии реконструировалось.

19. Фреска «Воскресение Христово» в Кахрие-Джами, Стамбул, около 1320 г. Монастырь Хора (Кахрие) был построен константинопольским придворным советником, ученым и мыслителем Феодором Метохитом в 1315–1321 гг. Перед нами самая драматичная фреска монастыря, изображающая сокрушение Иисусом врат ада — здесь он освобождает Адама и Еву, чтобы вознести их в рай

20. Статуи Экхарда Мейсенского и Уты Балленштедской, Наумбург, середина XIII в. Скульптурные изображения маркграфа и маркграфини, основавших в XI в. собор в Наумбурге на северо-востоке Германии, появились на его стенах двумя столетиями позже вместе с десятком другими искусно выполненными каменными статуями. Скульптуры демонстрируют характерную для любого средневекового столетия зависимость церковной общины от покровителей-мирян.

21. Северные (Стамбульские) ворота Никси содержат фрагменты, относящиеся к разным временам, от эпохи Древнего Рима до начала XIII в. Изначально эти монументальные стены и ворота были построены римлянами, однако систематически ремонтировались и перестраивались в византийский период, в частности при никейских императорах (1204–1261).

22. Казначейский свиток, конец XII в. Английская Палата шахматной доски (высший финансовый орган) первой ввела практику систематической финансовой отчетности для контроля доходов казны. Первый дошедший до нас казначейский свиток относится к 1130 г., затем, начиная с 1156 г., они сохранились в почти непрерывной последовательности. Название происходит от свитков, в которые сворачивались сшитые по несколько штук листы пергамента.

23. Эгиль Скаллагримссон, изображение в исландской рукописи, XVII в. Эгиль Скаллагримссон, исландский поэт конца X в. (до нас дошли некоторые его творения), был к тому же буйным задирой с очень крупной головой. Данный портрет начала Нового времени отражает представления исландцев той эпохи о том, как должен выглядеть крестьянский герой.

24. Церковь Покрова на Нерли, Владимир, около 1160 г. Красивейший пример того, как византийский стиль, перенимаемый правителями Руси, превращался в самобытную архитектуру. Церковь выстроена под Владимиром князем Андреем Боголюбским (1157–1174).

25. Святая Анна обучает свою дочь Деву Марию чтению, иллюстрация из французской рукописи, 1430-е гг. Популярность этой сцены в иллюстрированных рукописных книгах позднего Средневековья свидетельствует о том, что в общественном представлении отдельные мирянки могли быть грамотными и именно они обучали грамоте своих детей.

26. Румельская крепость, Стамбул, 1452 г. Замок был выстроен в ходе подготовки к осаде Константинополя Мехмедом II, чтобы перекрыть путь через Босфор венецианским судам, доставлявшим в город провизию.

27. Колокольня, Брюгге, 1480-е гг. Символ гордости горожан, возвышающийся над крытым рынком на главной площади Брюгге, в XIII в. был возведен из дерева. Венчающая его восьмигранная башня добавлена в конце XV столетия.

28. Карлов мост, Прага, конец XIV в. Долгое время оставался единственным мостом через реку Влтаву, разделяющую Прагу на две части. При императоре Карле IV был перестроен в более величественном стиле скульптором и архитектором Петром Парлержем. Староместская мостовая башня в левой части снимка, также спроектированная Парлержем, представляет собой достойный образец светской чешской готики. Лебеди современные (!).

29. Девичий дворик (Patio de las Doncellas), Алькасар, Севилья, 1360-е гг. После завоевания почти всего аль-Андалуса кастильцами многие художественные традиции испанских мусульман (наглядно воплощенные в гранадской Альгамбре) распространились на остальные испанские земли. Алькасар (королевский дворец) в Севилье служит особенно выразительным примером, изобилуя мусульманскими архитектурно-декоративными приемами в сочетании с христианскими.

30. Главная площадь Пьенцы, Тоскана, 1459–1462 гг. Пий II родился в Корсиньяно — небольшом селении Южной Тосканы. Став папой римским, он дал селению статус города и, переименовав в свою честь в Пьенцу, украсил монументальными зданиями в «ренессансном» стиле, которые оказались великоваты для крохотного городка: на снимке за собором видна открытая местность.

31. «Энеа Сильвйо Пикколомини отправляется на Базельский собор», XVI в. Перед нами одно временно и классический морской пейзаж эпохи Возрождения, и сцена из жизни сиенского гуманиста, ставшего впоследствии папой Пием II (1458–1464). Фрески с изображением значимых событий жизни папы были выполнены Пинтуриккьо в 1503 г. по заказу племянника Энеа Сильвйо Пия II, который пробыл в сане понтифика меньше месяца. Выбор сцены, несмотря на откровенно антипапский характер Базельского собора, продиктован тем, что именно там Энеа Сильвйо зарекомендовал себя как политический деятель.

однако потребитель был тот же — высокие политические круги. Лишь одинаковая для верхов и низов любого крупного города потребность в бесперебойном снабжении едой и топливом, а также сырьем, например шерстью, связывала эту международную сеть с крестьянским большинством. (Причем не всегда поставщиками выступали крестьяне: на большей части Италии в XII–XIII веках господа отошли от денежного оброка, осознав, насколько прибыльнее самим продавать зерно и вино в города³⁷.) Именно мелкие города и мелкомасштабная торговля — очень медленно и неуверенно — выводили более дешевые продукты промышленного производства на массовый рынок, тем самым с большей вероятностью подготавливая почву для той индустриализации, которая начнется через 500 лет. О дальнейшем переходе от натурального хозяйства к товарному в сельской местности в конце Средневековья мы еще поговорим в главе 11; но даже тогда ни одна область Европы еще не встала на путь промышленного переворота. Когда же в конце концов этот путь наметился, веками на нем стали дешевые товары для сельского потребителя, а не караваны судов с шелками и пряностями, разгружаемые в Венеции.

Однако в XII–XIII веках наметилась одна действительно важная тенденция в развитии производства, которая в долгосрочной перспективе связала сельскую и городскую экономики, — аграрная специализация. Как мы уже видели, один из способов бороться с истощением земли — выращивать то, что лучше всего подходит для данной почвы, и именно на этом специализироваться, продавая на сторону и покупая взамен то, что лучше растет на других землях. Какую-то часть урожая оставляли себе — сельские общины, выращивающие урожай на продажу и питающиеся в основном покупным, а не произведенным собственноручно, до XX века были редкостью. Однако специализацию — сперва на местном уровне, а потом и на более широком — проследить можно. В Италии, например, уже к XI веку участки на склонах гораздо чаще, чем в предыдущие столетия, отдавали под виноградники, а на равнинах выращивали зерновые. Очевидно, что такого рода разделе-

ние предполагало и обмен между производителями. В Англии объектом специализации выступали пастбищные и пахотные земли, как мы видели на примере окрестностей Стратфорда.

Однако постепенно целые области начинали специализироваться в производстве на экспорт. Зерновые можно растить почти везде, но плодородным землям у реки или моря проще обеспечивать зерном менее плодородные — как Сицилии, служившей житницей для урбанизированных частей центральной и северной Италии. В конце Средних веков такую же роль для большей части Северной Европы стала играть Польша. Во французском виноделии специализация начиналась с северных районов — Северо-Французской низменности и Шампани, соседствующих с областями, где виноград на вино выращивать не получалось, но пить его элита была бы не прочь. Однако на этих землях урожайность виноградариков была ниже и вино получалось хуже, чем на юге (знаменитое и дорогое игристое шампанское появилось лишь в XVIII–XIX веках). Когда улучшилась транспортная инфраструктура, крупномасштабное экспортное производство переместилось в Бордо и Бургундию, где выработалась устойчивая специализация на виноградарстве. В Англии к XII веку интенсивный и экспортоориентированный характер приняло производство шерсти; в центральной Испании и на юге Италии схожие процессы начались позже, в XIII–XIV веках. Лес тоже становился специализированной продукцией — в больших лесных массивах, уцелевших после расчистки под пашни и располагавшихся достаточно близко к удобным водным путям, таких, например, как немецкий Шварцвальд вблизи Рейна и бескрайние прибрежные леса южной Норвегии. Специализированным товаром становилась даже вяленая рыба. Норвегия самым своим существованием в качестве заселенной территории в значительной степени обязана была возможности отправлять вяленую рыбу через Берген в Англию и дальше на юг³⁸. Стоило такой взаимосвязи возникнуть, и она сохранялась надолго. Родившиеся из необходимости рационализировать сельское хозяйство в период роста населения и городского спро-

са, каналы товарообмена сохранялись, даже когда в конце XIV века численность населения в городе и деревне резко сократилась. Кроме того, сокращение численности провоцировало в дальнейшем во многих областях Европы переход к пастбищному животноводству, то есть производству шерсти, обеспечивая сырьевую базу для дешевого сукна и на будущие столетия.

Все описанные в этой главе перемены происходили на волне роста населения. Как я уже несколько раз упоминал, рост этот резко прекратился с приходом в Европу Черной смерти в 1347–1352 годах и позже. О событиях этого периода мы поговорим в главе 11. Но это не значит, что бум европейской экономики был всеохватывающим и длился до самого прихода чумы. Способность крестьян справиться с долговременным демографическим подъемом без радикально новых технологий и агротехнических приемов была не бесконечна. Доступные крестьянам XIII века приемы к концу столетия исчерпали себя, и с тех пор по мере роста населения наши источники все чаще и чаще упоминают массовый голод. Прежде в годы неурожаяв сельским общинам удавалось как-то продержаться, но теперь, на пределе демографического роста, они уже не справлялись. В 1315–1317 годах, а местами и позже суровые зимы и дождливые лета истощили ресурсы всей Северной Европы, и даже развивающиеся торговые сношения, о которых говорилось выше, не спасали от голода — по крайней мере, после первого года. Урожай зерна и винограда резко снизились, эпидемия среди овец сократила объемы поставок шерсти во Фландрию, пострадало даже солеварение³⁹. Точное число жертв голода установить трудно, однако смертность была высокой; менее масштабный голод случался и в следующие десятилетия, в том числе и в Италии. Демографическая экспансия там остановилась, и крестьянскому населению пришлось искать новые, более радикальные способы ограничения рождаемости. Можно расценивать происходящее как катастрофу, что историки в основном и делали, рассматривая все позднее Средневековье как период упадка и кризиса. Теперь эти события анализируются под новым углом, с учетом нюансов,

позволяющих считать период после Черной смерти становлением всепроникающей коммерциализации. Сейчас такой подход часто распространяется на всю первую половину XIV века, причем кривая предполагаемой степени экономической интеграции устойчиво стремится вверх⁴⁰. Однако нельзя не сказать о том, что несколько десятилетий до 1350 года были для европейского крестьянства очень тяжелыми, по крайней мере в тех регионах, у которых уже не осталось простора для демографической экспансии: Италии, северной Франции, Нидерландов, большей части Англии. Им, как ни цинично, чума принесла некоторое облегчение. Но об этом мы еще поговорим более подробно.

Итак, что же нового принес долгий экономический подъем европейским социально-политическим структурам? Вне всякого сомнения, мобильность. Перемещаться по Европе можно было и прежде, но теперь, когда фламандцы устремлялись в Англию, итальянцы — во Фландрию, французы — в Италию не только по торговым делам, но и, пользуясь развивающимися торговыми путями, ради образования или политической карьеры, связи складывались достаточно сложные, пусть и нескоро, поскольку из Англии в Италию в 1300 и даже в 1500 году добирались не намного быстрее, чем в 800-м. Социальная мобильность тоже была на подъеме; этому способствовал рост городов, поскольку городской уклад отличался от деревенского, и небольшому проценту счастливицов — пусть не беднейшим из бедных, а в основном сельской верхушке — удавалось в этой новой городской среде пробиться. В деревне новые экономические возможности также способствовали обогащению, в первую очередь более зажиточных, которые к этому времени уже начали нанимать бедняков на поденную работу. Таким образом, социальная мобильность усиливала социальное расслоение. Доступнее стали профессиональные знания. С развитием новых ремесленных центров в европейских городах получить их — при наличии денег — оказывалось проще. Об этом свидетельствовало и многоязычие на строительстве европейских собо-

ров, и постепенное распространение приемов готической архитектуры из северной Франции в Англию, Германию, южную Испанию, Италию, Богемию в XIII веке⁴¹. Правителям более широкий доступ населения к деньгам и общий рост благосостояния на всех уровнях давал возможность собирать налоги. К ней прибегли еще Иоанн Безземельный в Англии и Филипп II во Франции в начале XIII века, но их преемники Эдуард I и Филипп IV в конце столетия использовали ее, как мы увидим в следующей главе, с большей отдачей. Она позволила им создать новые государственные структуры, которые, в свою очередь, влияли на социальную мобильность (за счет образования чиновничьей прослойки с особой подготовкой и знаниями) и социальные ограничения. Кроме того, благодаря ей можно было вести более крупномасштабные войны, что добавило авантюризма в европейскую политику XIV века в невиданных прежде масштабах. Иными словами, усиление социально-политической гибкости, которое повлек за собой долгий экономический подъем, имело не только положительные стороны. Однако в общем и целом, даже если не романтизировать столетия экономического подъема, нельзя, по крайней мере, не отметить его влияние на европейский уклад на всех социальных уровнях. Наряду с последствиями политической локализации, описанной в предыдущей главе, он лег в основу большинства тенденций развития, которые будут проанализированы в оставшейся части книги.

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ВЛАСТИ 1150–1300 гг.

Назначая в 1093 году архиепископом Кентерберийским Ансельма из Бекского монастыря, король Англии Вильгельм II по традиции провел обряд инвеституры, вручив Ансельму пастырский посох. Вскоре Ансельм поссорился с королем и, покинув Англию, в 1098 году прибыл в Рим. Там, однако, как нам уже известно, папы с 1078 года светскую инвеституру порицали, поэтому, вернувшись после смерти Вильгельма II в 1100 году в Англию, Ансельм уведомил вступившего на престол Генриха I, что инвеститура недействительна. Это вызвало новый виток конфликта, и король с архиепископом помирились только в 1107 году. Ансельм отличался изрядной бескомпромиссностью — отсюда и конфликты, — но отнюдь не был невеждой-провинциалом: итальянец, в прошлом аббат крупного нормандского монастыря, прогрессивный и уважаемый богослов. Если человек с таким кругозором и связями оставался в неведении относительно одной из главнейших составляющих конфликта между папами и императорами, политическая коммуникация на рубеже X–XI веков явно оставляла желать лучшего¹.

Для сопоставления рассмотрим Четвертый Латеранский собор, состоявшийся в Риме столетием позже, в ноябре 1215 года. О созыве этого крупнейшего из средневековых церковных соборов папа

Иннокентий III объявил в апреле 1213 года, на нем присутствовало огромное количество епископов и аббатов, свыше 1200 представителей верховного духовенства со всей Европы и даже с Востока. Каноны (постановления) собора охватывали все стороны деятельности Церкви, включая выборы, проведение церковных судов, отлучение, судебные ордалии* (на них был наложен запрет), ереси, отношение к иудеям, крестовые походы и — не в последнюю очередь — развитие пастырского попечения и проповедования. В дальнейшем с ними была ознакомлена вся латинская Европа — благодаря систематическому распространению протоколов собора и ожидавшимся от епископов (ожидания оправдались лишь частично) наставлениям приходским священникам. Не стоит удивляться, что эти постановления почти нигде не послужили толчком к немедленному «реформированию», как отмечают историки, хотя в более отдаленном будущем многие из них все же оказали воздействие. Несмотря на отсутствие в них радикальных нововведений, новой была их нацеленность на единообразие. И, что еще важнее, повседневные обряды теперь повсеместно строились на их основе². Здесь можно отметить несколько существенных перемен. Во-первых, мы видим, насколько могущественнее стали папы в 1215 году по сравнению с 1100 годом, о чем свидетельствует одна только способность Иннокентия III созвать всех в Рим и провести в жизнь постановления собора, вдохновленные в первую очередь самим папой. Но, кроме этого, мы видим, насколько более развитым стало сообщение. Участников собора Иннокентий III созывал через гонцов, отправлявшихся во все города и веси Европы — причем не везде дороги были так хороши, как, например, в Германии или Польше, и это не говоря уже о необходимости переправляться морем в Ирландию, Шотландию, Англию и Скандинавию, которые также делегировали на собор своих прелатов. Участники откликались с готовностью, и это тоже свидетельствует о том, что политические контакты стали куда более интенсивными.

* Испытание огнем и водой.

В этот период менялись и характер власти, и сообщение, и использование документации — и перемены продолжались весь XIII век. Некоторые их последствия мы и рассмотрим в этой главе.

В XII–XIII веках почти по всей латинской Европе централизованная власть после сокращения в масштабах в XI веке, которое мы рассматривали в главе 6, разрасталась и/или становилась более могущественной. Не в Польше и не в Швеции, как мы тоже уже знаем, а после 1240-х и не в Германии, но в остальных областях более или менее везде. Начнем мы с беглого поочередного обзора этих перемен во Франции, Англии, Кастилии, Венгрии, Италии, Римско-католической церкви и, наконец, Германии, чтобы получить представление об этих разных, но в чем-то совпадающих процессах. Однако в основном в данной главе речь пойдет о том, как они повлияли на сообщение и управление. Среди важных достижений того периода — более широкое использование письменности, развитие представлений об отчетности, развитие законодательства, постепенное расширение возможностей решения проблем — и все они отражались на политическом укладе. Эти перемены связаны, кроме того, с протекавшим параллельно развитием интеллектуальной среды и новыми формами местных религиозных обрядов, которые бросали вызов растущей централизации религиозной легитимности. Функционирование столь сложных структур и контроль над ними представляли основные проблемы для властей в данный период, и каждую из них мы рассмотрим по очереди.

Классический пример — на этот раз политической унификации — нам снова дает Франция. Как мы видели в главе 1, власти Людовика VII (1137–1180) как сюзерена оказалось достаточно, чтобы заставить отступить Генриха II в Тулузе в 1159 году, однако это не отменяет того факта, что под непосредственным владычеством Людовика VII находился лишь Парижский бассейн, а почти половину территории Франции составляли владения английского короля. Тем не менее сын Людовика Филипп II Август (1180–1223) это владычество значительно приумножил и укрепил. Как мы уже

знаем, Парижский бассейн был областью богатой и обеспечивал Филиппа II внушительными ресурсами, поэтому его стратегическое положение было гораздо прочнее, чем может показаться. Сын Генриха II Иоанн в 1201–1202 годах совершил ряд тактических промахов в пустяковом, казалось бы, деле: женившись на Изабелле Ангулемской, невесте одного из его французских графов, очередного Гуго де Лузиньяна, он затем отказался прибыть в Париж, когда Гуго обратился к Филиппу как сеньору Иоанна на его французских землях. Филипп в ответ совершил незаурядный шаг: объявил земли Иоанна конфискованными и вторгся в его владения. В войне 1202–1204 годов Иоанн потерпел поражение и большую часть своих французских земель потерял, сохранив лишь на юге часть Аквитании (Гасконь) с центром в Бордо, которая оставалась под английским владычеством еще 250 лет. Таким образом Филипп II почти удвоил свои ресурсы и вчетверо увеличил территорию королевского домена, превратив его в плацдарм для дальнейшего расширения королевской власти. Альбигойские крестовые походы 1208–1229 годов (к ним мы еще вернемся), хоть и предпринятые не под его началом, постепенно перешли под предводительство его сына Людовика VIII и привели к распространению королевской власти до самого средиземноморского побережья.

Это политическое образование удержалось даже в нестабильные годы малолетства внука Филиппа II — Людовика IX (1226–1270) в 1220–1230-х годах и не менее сложный период крестовых походов Людовика IX в Египет и Тунис (в обоих случаях окончившихся полным провалом). Сохранению централизованной власти способствовало, прежде всего, то, что на постепенно расширявшейся территории королевского домена монархи не возвращали местную власть наследственным графам и герцогам, а поручали управление каждой из таких земель от королевского имени сменяемым чиновникам более низкого ранга — бальи или сенешалям, которым к 1220-м годам стали выплачивать жалованье. При Филиппе IV (1285–1314) королевская власть упрочилась почти на всей территории Франции, где крупных сеньорий осталось еще меньше: да,

Фландрия, Бургундия, Бретань и, разумеется, английская Гасконь были обширными, независимыми и в большинстве своем богатыми областями, но с ними соседствовали королевские земли, где крепко централизованное управление. Чиновничий аппарат, функционировавший при Филиппе IV, хорошо документирован, он был разветвленным и хранил верность королю — карьере некоторых его представителей, как мы еще увидим, историки могут проследить. Рука Филиппа IV оказалась достаточно тверда, чтобы предотвратить несколько крупных переворотов, в том числе благодаря хорошо организованному уничтожению рыцарского ордена тамплиеров и конфискации его земель в ходе показательных судебных процессов в 1307–1314 годах. Кроме того, в 1303 году он отправил небольшое войско в Италию арестовать в Ананьи, к востоку от Рима, папу Бонифация VIII, который заявил о верховенстве духовной власти над светской и пригрозил королю отлучением. К этому времени — всего через столетие после победы над Иоанном Безземельным — король Франции оказался самым могущественным монархом Европы¹.

Такой стремительный переход от раздробленности к абсолютизму, как во Франции, был нетипичен: другим странам пришлось преодолевать больше препятствий. И тем не менее параллели в развитии прослеживаются. В главе 6 мы видели, что Англии едва ли не единственной в Западной Европе удалось избежать фрагментации политической власти в XI веке. В последующие столетия английская сплоченность тоже не знала равных. Когда Иоанн Безземельный, хороший администратор, но крайне слабый политик, не сумел отвоевать свои французские владения, это привело не к ослаблению центральной власти, а к восстанию половины его знати в 1215 году и принятию Великой хартии вольностей, определившей обязательства монарха перед своими подданными (прежде всего знатью), которые воплотились в принципах более справедливого, но по-прежнему сложного государственного устройства. В 1215 году Хартия не закрепилась (и среди прочего подверглась осуждению на Четвертом Латеранском соборе), однако во время

малолетства сына Иоанна Генриха III (1216–1272) частично была принята к исполнению. Особенность Англии в том, что высшая аристократия не стремилась к утверждению независимой власти на местах, а воспринимала государственное управление как обязанность и прерогативу не только королевскую, но и свою. Эта олигархия, восходящая к объединению Англии в X веке, пережила и массовые «чистки» после Нормандского завоевания, и периоды неограниченного абсолютизма в XII веке при таких самодержцах, как Генрих I и Генрих II, которые еще больше препятствовали утверждению самостоятельной власти на местах, поручив местное управление сменяемым представителям короны — шерифам и выездным «окружным» судьям, почти как позже во Франции.

В XIII веке английское государственное управление продолжало развиваться и совершенствоваться, но усиливалась и власть аристократии. В частности, потому, что возрожденное королями налогообложение требовало согласия королевских собраний баронов и рыцарей (а к концу столетия и представителей городов), которые к 1230-м стали называться парламентами. При Генрихе III заседание Оксфордского парламента 1258 года вылилось в попытку узурпации власти верховными баронами под предводительством графа Лестерского Симона де Монфора, вознамерившегося упразднить подчинение правительства королю и учредить комиссии для расследования административных злоупотреблений на всех уровнях. Попытка провалилась (в начавшейся междоусобной войне бароны в 1265 году потерпели поражение), однако импульс к государственным преобразованиям не заглох. Эдуард I (1272–1307) издал в 1270–1280-х годах ряд имевших большие последствия указов, которые вместе с Хартией вольностей легли в основу сложившегося в дальнейшем английского общего права. Кроме того, Эдуард I завоевал Уэльс, в 1280-х годах окончательно подчинив его английской власти и английскому правительственному аппарату, а в 1290-х годах на какое-то время присоединил к своим владениям Шотландию. (Ирландия уже частично находилась под английским владычеством, хотя общественный уклад там очень сильно

отличался, см. главу 5.) Однако войны обходились дорого, и налоги были для них существенным подспорьем. В 1297 году, когда война с Францией потребовала повышения налогов, баронская верхушка в парламенте вынудила Эдуарда пойти на ограничение налогового произвола. И если уж сообщество аристократов успешно противостояло такому могущественному правителю, как Эдуард I, то с более слабыми монархами это впоследствии удавалось еще лучше. Переговоры между королями и парламентскими собраниями, не в последнюю очередь по поводу налогов, и впредь оставались отличительной чертой английской политики, как мы еще увидим в последующих главах⁴.

У Кастилии отправная точка была иной. Ни одно из крошечных королевств северной Испании начала XI века не располагало достаточно развитой инфраструктурой — даже крупнейшее из них, Леон, ставшее частью королевства Леон и Кастилия, когда правитель недавно образованной Кастилии Фернандо I (1035–1065) завоевал его в 1037–1038 годах. Однако именно в этот период Аль-Андалус распался на тайфы: к моменту кончины Фернандо I и он, и его христианские соседи богатели, собирая с них немалую плату за защиту. В 1085 году, как мы знаем из главы 3, его сын Альфонсо VI (1065–1109) завоевал одну из главных тайф — Толедо, старинную вестготскую столицу, ключ ко всей центральной Испании. Он и некоторые из его преемников провозглашали себя императорами. Так, согласно прежней историографии, начиналась реконкиста мусульманской Испании. Однако в действительности до этого было далеко, поскольку после 1086 года мусульмане воспряли духом под властью новой марокканской династии — Альморавидов. Безрезультатные войны с ними и такие же безрезультатные войны между христианскими королевствами и внутри них продолжались все следующее столетие и далее. Дело в том, что очень немногие представители христианской Испании считали своей главной целью отвоевание мусульманских земель, несмотря на все старания череды пап, а также французских добровольцев придать крестоносную окраску по крайней мере части христианско-

мусульманских войн на Пиренейском полуострове. Гораздо важнее для преемников Альфонсо VI было предотвратить распад самой Кастилии. Попытки объединить Арагон провалились. В 1109–1140 годы откололась и образовала отдельное королевство Португалия, которая в 1147 году узаконила свою независимость, отвоевав Лиссабон силами рыцарей, шедших во Второй крестовый поход. В 1157 году на какое-то время вновь обособился Леон, и теперь вместе с крохотной Наваррой в Испании оказалось пять христианских королевств. Однако Кастилия не раздробилась на графства и кастелянства, как Франция; бесконечная война на границах, как христианских, так и мусульманских, способствовала внутренней сплоченности, и аристократия по-прежнему старалась держаться поближе к кастильскому двору в надежде на пожалования в виде земель и сеньориальных прав по каролингскому образцу (иногда их даже называли так же, *honores*). Когда эти права, как и повсюду, начали попирались феодалами — владельцами замков, а также влиятельными городами в приграничной области, королевство перескочило через два столетия внепиренейской истории: кастильские короли перешли, как во Франции и Англии, к делегированию управления и правосудия на местах сменяемым чиновникам, которых здесь обычно называли *merinos*⁵.

Именно эта система распространилась на юг, когда Альфонсо VIII Кастильский все же потеснил мусульман, нанеся им поражение в битве при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году, и продолжила распространяться, когда Фернандо III (1217–1257) в следующей четверти столетия захватил почти весь Аль-Андалус — независимость сохранил только Гранадский эмират. В дальнейшем весь XIII век в Испании главенствовали кастильские короли. Появившееся благодаря завоеваниям огромное количество земель для пожалования, а также более основательное налогообложение с начала XIII века позволяло испанским королям больше столетия оставаться центром притяжения для честолюбивых местных властителей. Не изменили этот расклад даже политические промахи мыслителя и законодателя Альфонсо X (1252–1284). Он среди прочего

пытался упразднить местные законы, на которые опирались частные сеньории, и начавшееся с 1270-х годов сопротивление знати ознаменовало (временный) отход от «наступательной» — не оборонительной — тактики королевской власти⁶.

Еще одно королевство, которое шло тем же путем, что и соседи, — Венгрия. Сложившись в X веке как союз кочевых племен, занимавшихся набегами, с тех пор она успела остепениться. Иштван (Стефан) I (997–1038) принял христианство, и он же начал перенимать у франков инфраструктуру — не только епархии, но и графства, — превращая наследственную власть над бывшими вождями-кочевниками в нечто более организованное. Венгерский король сумел еще прочнее, чем английский, утвердиться в роли верховного землевладельца, тем самым поставив местные власти в зависимость от пожалований. Конечно, оставался риск, что графы присвоят пожалованную землю (так они нередко и поступали), но королю, несмотря на частые войны за наследство, удавалось сохранить стратегическое преимущество. В XII веке венгерские короли вели захватнические внешние войны в Хорватии и на Руси, и на этой волне, а также за счет доходов от серебряных рудников Беле III (1172–1196) удалось реорганизовать правление по германским, а может, и византийским образцам. Случайно уцелевший исторический документ рисует его обладателем значительного, по меркам XII века, богатства — возможно, даже более крупного, чем у королей Англии и Франции. Складывалось оно из земельных владений, серебра и торговых пошлин. Его сын Эндре (Андрей) II (1205–1235) вел иную политику, передавая особо приближенным обширные угодья. Провалившийся крестовый поход и бунты против такого распоряжения землей вынудили Эндре II подписать «Золотую буллу» 1222 года — расширенный аналог английской Великой хартии вольностей, защищавший права разных прослоек знати от королевского произвола. Сын Эндре II Бела IV (1235–1270) попытался вернуться к прежним порядкам, но нашествие монголов в 1241–1242 годах, разорившее и едва не уничтожившее страну, убедило венгров в необходимости глубокой обороны:

появившаяся в результате сеть замков находилась преимущественно под контролем местной знати. Тем не менее королевская власть оставалась сильной, и, как мы увидим в главе 11, в XIV веке ей удалось вернуть былое могущество. Венгрия уступала внутренней организованностью Англии и даже Кастилии, притом что богатства ей временами было не занимать. Однако три вышеупомянутых королевства роднило все более выраженное уравнивание королевской власти и действующей совместно аристократии⁷.

Крепла централизованная власть и в Италии. Наиболее выражен этот процесс был на юге, где Рожер II Сицилийский (1105–1154) в ходе войн 1127–1144 годов объединил все нормандские княжества, и папа Анаклет II признал его в 1130 году королем. С этих пор в нормандском Сицилийском королевстве с богатой столицей Палермо верховная власть почти всегда оставалась прочной, опираясь на разветвленный греко-арабо-латинский аппарат, представленный в провинциях назначаемыми королем юстициариями. Эта организационная структура пережила и завоевание Сицилии германским императором Генрихом VI в 1194 году, и долгий период малолетства его сына Фридриха II (1197–1250). Взойдя на престол, Фридрих стал одним из главных адептов централизованной власти на Сицилии и в королевствах южной Италии. Характерными ее чертами было законодательство, восходившее к римской традиции, довольно высокие налоги и методичная борьба с частными сеньориями, и, в отличие от некоторых более честолюбивых правителей других стран XIII века, Фридрих II почти не встречал сопротивления. Политика эта продолжилась даже после очередного завоевания Сицилии — на этот раз братом Людовика IX Карлом Анжуйским в 1266 году⁸.

В северной и центральной Италии положение было иным, но некоторые параллели имелись. У 50 с лишним итальянских городских коммун начиная с XII века складывалась, как мы видели в главе 6, согласованная структура управления, во главе которой почти всегда стоял консул. Сформировалась она как раз вовремя, чтобы отразить попытку, предпринятую германским императором

Фридрихом I Барбароссой (1152–1190), самым могущественным представителем династии Штауфенов, в 1158–1177 годах восстановить свою власть на севере. Теперь притязания Фридриха на императорскую власть опирались на римский закон и не были такими уж эфемерными, о чем прекрасно знали правители городов. Но на практике эта власть была слишком суровой для коммун, поэтому, один за другим поднимая мятеж и объединяясь против императора, города в конце концов нанесли ему поражение при Леньяно в 1176 году. В ближайшие столетия те или иные претенденты на верховную власть (в том числе Фридрих II после 1235 года) еще не раз пытались подчинить итальянские города, но до XVI века терпели фиаско. Таким образом, общинное управление являло собой противоположность усиливавшейся власти королей Франции, Кастилии или Сицилии. Кроме того, в нем не было стабильности; коммуну под управлением консулов не сумели преодолеть тягу внушительной военно-аристократической прослойки каждого города к делению на клики и междоусобной вражде. За последующие века города постепенно выработали институциональные способы борьбы с этим: во-первых, начиная где-то с 1190 года появились главы администрации подеста, назначавшиеся на год, получавшие жалованье и не входившие в число жителей города, а значит, предположительно не принадлежавшие ни к одной из соперничавших сторон. Затем где-то с 1250 года была учреждена должность народных капитанов, *capitani del popolo*, представлявших городскую элиту рангом пониже, предположительно менее склонную к образованию группировок. И наконец, начиная с 1300 года (даты везде очень приблизительные) пришла очередь *signori*, синьоров — единоличных правителей, которые вскоре начали передавать власть по наследству. Может быть, как основная европейская альтернатива монархической власти эти институты выглядят бледно и у монархии оставались свои приверженцы (в том числе Данте Алигьери, как мы увидим в главе 12). Но тем не менее эти перемены вели к тому, что городское управление становилось все более упорядоченным, развивались судеб-

ная и налоговая системы (в каких-то случаях превосходя аналоги в латинской Европе) и более четкими становились механизмы контроля над подведомственной территорией. Таким образом, даже раздробленная североитальянская городская власть укладывалась в основную схему развития большинства преуспевающих королевств XIII века⁹.

Папский престол тоже находился в Италии, однако власть пап распространялась на все духовенство латинской Европы благодаря тому, что к началу XII века независимость духовной власти от светской получала все более устойчивое признание. Как мы видели в главе 6, в начале XII века главенство пап в церковной сфере не было безоговорочным. В каждом королевстве имелись собственные нюансы, и епископы не всегда принимали или даже признавали указания пап, а местные харизматичные фигуры вроде Бернарда Клервоского могли обладать большим влиянием, чем далекий Рим. Изменилось это положение дел под влиянием судопроизводства. Раннесредневековое правосудие было развитым и сложным, но жалобы — будь то светские или духовные — редко выходили за пределы судебных инстанций конкретного королевства. Однако в XII веке духовные лица всей Европы постепенно стали привыкать обращаться с разногласиями к папе — равно как и светские лица по брачным вопросам, которые Церковь к этому времени уже относила к каноническому праву. Эта система набирала обороты при Иннокентии II (1130–1143) и получила еще более стремительное развитие во второй половине XII столетия. О полной централизации речи не шло, поскольку в основном церковное управление и урегулирование разногласий оставались прерогативой епископов и решались в рамках епархии. Епархии, начиная с XIII века все больше разнившиеся в организационном отношении, складывались, таким образом, в ячеистую церковную структуру, строением напоминавшую структуру светской власти. Однако каноническое право в европейских странах постепенно становилось все более стандартизированным, и возможность обращения за разрешением споров все крепче связывала епархиальную политику

с римской. Здесь наблюдалась определенная диалектика: погребенная под лавиной апелляций папская курия еще при Иннокентии II стала делегировать право судебного решения тем же местным епископам и аббатам, однако эти решения можно было обжаловать в курии — что и происходило, иногда раз за разом. Эта система судопроизводства приносила папской администрации огромные деньги (курия брала взятки по-крупному), позволявшие содержать немалый бюрократический аппарат, который и занимался разбором местных дел более целенаправленно. Таким образом, вмешательство папской администрации в местные вопросы усиливалось до конца XIV века. В стратегическом отношении папский престол в конце XII столетия занимал недостаточно прочные позиции, поскольку из-за Фридриха Барбароссы и волнений в самом Риме, взбунтовавшемся против папы в 1143 году и организовавшем неподвластную ему городскую коммуну, папы находились в постоянных разъездах. Но в 1188 году Климент III помирился с городом и вернулся, и в последующие полвека на папском престоле сменялись выходцы из собственной римской аристократии, которые могли использовать созданную предшественниками международную судебную систему более решительно и целенаправленно, как показали решения Четвертого Латеранского собора¹⁰.

Самым харизматичным из этих римских пап был Иннокентий III (1198–1216). Он определенно мог потягаться с европейскими королями способностью наносить рассчитанные политические удары — по Иоанну Безземельному за поддержку неугодного папе архиепископа Кентерберийского, по Филиппу II Французскому с его брачными неувязками и по двум соперничавшим королям Германии поочередно. Иннокентий III и его преемники в XIII веке вплоть до Бонифация VIII (1294–1303) были крупными фигурами на европейской политической арене и периодически претендовали на верховенство своей власти над светской. Система апелляций к Риму как высшей судебной инстанции, на которую по-прежнему опиралась эта власть, еще больше регламентировалась и бюрократизировалась; дальнейшее развитие получало и право пап назна-

чать епископов по всей Европе, обретая в результате значительную (хоть и не окончательную) власть над епархиями. Как мы видели, Бонифация VIII сгубило нежелание идти на уступки, хотя на примат духовной власти над светской претендовали не только некоторые его предшественники, но и преемники. Таким образом, существуя параллельно с усиливающейся королевской властью и зачатую соперничая с ней, в Европе складывалась первая крупная международная организация. Ее инфраструктура не уступала государственной, и, самое главное, она обладала авторитетом, в большинстве случаев ничуть не страдавшим из-за отсутствия силовой поддержки: распространение информации, правовые прецеденты, бюрократический аппарат укрепляли его и без оружия. Но к этому мы еще вернемся¹¹.

Так почему же этого перехода к более четко оформленной и более централизованной власти не произошло в Германии? Ведь очевидно, что власть, восстановленная Фридрихом Барбароссой, который мог распоряжаться на всей территории Германии, о чем свидетельствует в том числе смещение им одного из крупнейших представителей знати, Генриха Льва, герцога Баварии и Саксонии, ослабла уже после скоропостижной кончины сына Барбароссы, Генриха VI, в 1197 году. Сицилийский король Фридрих II был еще ребенком, и борьба за германский трон развернулась между братом Генриха VI Филиппом и сыном Генриха Льва Оттоном IV. В 1211 году Иннокентий III ставил уже принявшего сицилийскую корону Фридриха II с победителем Оттоном, и Фридриху действительно удалось в 1210-х годах утвердить свою власть, однако единства государство уже лишилось. После этого Фридрих редко бывал в Германии, а германским князьям ряд формальных привилегий, полученных в 1213 году (при Оттоне), в 1220 и 1231 годах, давал те же полномочия, что и «Золотая булла» — венгерским, да еще при почти постоянном личном отсутствии короля-императора. Окончательная ссора Фридриха с папой Иннокентием IV в 1245 году привела к междоусобной войне, и после смерти Фридриха в 1250 году и его сына Конрада IV в 1254 году в верховной

власти Германии образовался вакуум: до 1273 года общепризнанного правителя у нее не было. Короли-императоры конца столетия и последующих веков из новых династий — Габсбурги из (впоследствии) Австрии, Люксембурги из (впоследствии) Богемии, Виттельсбахи из Баварии — не претендовали на непосредственное владычество над всей Германией, как и остальные преемники до 1866 года¹².

Тем не менее спрашивать, почему в Германии не складывалось единое государство, неправомерно¹³. Мы ведь не задаемся этим вопросом, глядя на северную Италию, где шел аналогичный процесс. На самом деле усиление политической власти все же имело место, но не на уровне верховной королевской. Оно шло в княжествах, графствах, небольших сеньориях, епархиях и независимых городах (таких, как и в Италии, было много) на обширной территории от Балтийского моря до Альп и от Антверпена до Праги и Вены, на базе все более согласованных локализованных властных структур, становление которых мы наблюдали в главе 6. Так было уже при Барбароссе. Непосредственную власть он утверждал, прежде всего, в своем оплоте на Верхнем Рейне, осуществляя законодательную деятельность в «статутах мира» (идея, почерпнутая из концепции «Божьего мира») и опираясь на аппарат зависимых министерялов, но в дела германских княжеств вмешивался в основном извне — некоторые из них на протяжении двух столетий до 1273 года, если не больше, оставались «вдали от короля», как выразился Петер Морав, поскольку ни один из королей-императоров не властвовал над всей Германией в равной степени¹⁴. Барбаросса, в частности, сместив Генриха Льва, тем не менее оставил за ним фамильные земли, и их хватило, чтобы составить ядро крепкого княжества на севере с центром в Брауншвейге и Люнебурге, которое, хоть и дробилось в разные времена между наследниками, все же оставалось во владении потомка Генриха Георга Ганноверского, когда в 1714 году тот стал королем Великобритании Георгом I. Позже, после смерти Фридриха II, рейнский оплот королей-императоров из династии Штауфенов тоже был раздроблен — нередко на смехотворно мелкие уделы,

но многие другие княжества сохранились. Местные правители — как старинных земель вроде герцогства Баварского или Мейсенской марки, так и более молодых, сложившихся на основе фамильных владений, вроде земель Церингенов или Брауншвейгского княжества, а также на основе бывших королевских угодий и мелких министерIALских поместий, — утверждали судебную власть, контроль над местными церквями и монастырями, финансовые полномочия и от своего лица провозглашали земский мир, как и короли. Степень сплоченности и внутренней организации в этих землях варьировалась: от жесткого контроля в Мейсенской марке до борьбы за власть в герцогстве Австрийском, которое брал за образец в своих исследованиях Отто Бруннер¹⁵. Однако именно на этом уровне происходила повсеместная кристаллизация власти. Отличительной особенностью Германии была не столько слабость власти короля-императора, сколько то, что в этом скоплении местных политий его признавали в принципе — а его признавали, к нему апеллировали в любую эпоху, его почитали как сидящего где-то далеко правителя и иногда обращались к нему как к третейскому судье. Как мы еще увидим, к концу Средних веков ощущение принадлежности к единой культуре и, в самом широком смысле, политической общности у германцев по сравнению с началом XIII века в чем-то даже усилилось.

У этих политических зарисовок прослеживаются общие мотивы. Во-первых, к войне и правосудию, выступавшим до тех пор основными столпами средневекового государственного управления, добавились и другие — в частности, больше внимания стало уделяться финансовым полномочиям. У королей имелись собственные земли, и почти на всем протяжении Средних веков большинство правителей опиралось на доход с них, но постепенно на первый план начали выходить налоги. Первой на этот путь вступила Англия, когда Этельред II на рубеже X–XI веков начал собирать данегельд*, но к концу XII века налоги ввели в самых разных поли-

* Данегельд — «датские деньги», поземельный налог, введенный для уплаты дани датским викингам. — *Прим. пер.*

тических образованиях — от Каталонии до королевского домена Филиппа II во Франции и итальянских свободных городов, боровшихся с Фридрихом Барбароссой¹⁶. В XIII веке по мере повышения расходов на войну — поскольку теперь войско все больше состояло не из рекрутов и вассалов, а из наемников, которым нужно было платить, — значимость налогов росла. Активнее всего этот ресурс использовали короли Сицилии — вероятно, Фридрих II и, бесспорно, Карл Анжуйский были богатейшими монархами Европы¹⁷. В Англии налогообложение несколько сдало позиции в XII веке, но в XIII столетии было возрождено именно для того, чтобы финансировать военные кампании. К этому времени налоги потребовались и для крестовых походов, в частности Людовика IX, и с 1294 года налог, которым обложили французское духовенство, чтобы не разориться на войне с Англией, накалял конфликт между Филиппом IV и Бонифацием VIII¹⁸. Само по себе налоговое бремя было не таким тяжким, как во времена Римской империи или в тот же период в Византии и исламских государствах: налоги собирали бессистемно, в том числе и на Сицилии, где, несмотря на фискальную зрелость королевства, опыт недавнего исламского прошлого был уже утрачен — к этому мы еще вернемся в следующей главе. И только к Столетней войне налогообложение стало основополагающей статьей английского и французского бюджета; в главе 11 мы разберем этот вопрос подробнее применительно к королевствам периода после 1350 года. Но уже до XIV века западным правителям, не только на Сицилии, налоги обеспечивали дополнительную гибкость источников дохода, а кроме того, что немаловажно, и налогообложение, и доход от земель позволяли держать большой штат наемных чиновников, который, как и во времена Римской империи, существенно повышал эффективность управления в сильном государстве, прежде всего в области местного правосудия и руководства.

Это и есть второй из отмечаемых нами общих мотивов: почти все без исключения политические образования рано или поздно начинали полагаться, даже в управлении крупными территориаль-

ными единицами, на наемных чиновников, а не на высокопоставленных наместников — герцогов, графов и наследных кастелянов, как прежде. Пока еще не везде им выплачивалось жалованье (Франция, Англия и Италия были в этом отношении первопроходцами), но их переводили с места на место, тем самым лишая возможности передавать должность по наследству, и в любом случае выбирали не из самого благородного сословия — из мелкой знати, бюргеров, а в Германии даже формально несвободных, — что еще больше препятствовало утверждению ими самостоятельной власти, чего правители и добивались. Чиновники были склонны к коррупции — и с тех пор это так и повелось (человеку хочется конвертировать в личное богатство чужую власть, орудием которой он служит), — но при этом хранили верность правителю, поскольку властью их наделял лишь статус проводника власти верховной, и чем лучше наемник справлялся со своей задачей, тем надежнее мог удерживать эту власть. Ближе к XIII веку они все чаще стали получать специальное образование — богословское, если речь шла о духовенстве, обучение нотариальному делу, если речь шла о светских лицах, и юридическое в случае и тех и других. Чиновники и советники «из простых» не были новшеством; как мы видели в главе 4, именно таким был Эйнгارد при Карле Великом — образованный мыслитель откуда-то из центральной Германии, продвинувшийся по социальной лестнице благодаря своему уму и образованию и сумевший при этом не проникнуться свойственной традиционным аристократам спесью. Кроме того, правители, начиная с Меровингов, часто назначали клириков — как знатного происхождения, так и нет — на административные должности: отчасти потому, что священник с большей вероятностью знал грамоту, но отчасти и потому, что он не мог передать должность по наследству. У преуспевающих придворных духовного звания был иной путь — в епископы, и так было заведено у королей начиная с Дагоберта I в VII веке до Оттона I в X веке и у Генриха I и Генриха II в Англии XII столетия. Однако с 1150–1200 годов начинает складываться отдельное карьерное попри-

ще и для чиновничьей прослойки, а в некоторых случаях и цеховая принадлежность. Это было в новинку. Давайте рассмотрим несколько примеров такого карьерного роста, а потом поговорим о том, как изменилась сама организация управления, поскольку эти перемены были одновременно и причиной, и следствием растущего профессионализма чиновников.

Показательный пример такой карьеры, сделанной английским духовным лицом, — жизненный путь Вальтера Мертонского (ок. 1205–1277). Выходец из заурядной небогатой семьи, он учился правоведению в Мертонском монастыре в Суррее. Когда в 1236 году (именно в этот год, судя по всему, Вальтер Мертонский был рукоположен) туда приехал король Генрих III, священника взяли в помощники канцлера, одного из двух главных министров королевства в тот период. В 1240 году он проводил межевание королевских земель на юго-востоке Англии, в 1240-х трудился в Дареме на севере, к 1258 году выступал заместителем канцлера. В 1261–1263 годах стал канцлером сам — в разгар баронского восстания, а затем снова в 1272–1274 годах при Эдуарде I. Как и множество его предшественников, в конце концов он был возведен в сан епископа Рочестерского (1274–1277), но к тому времени ему было уже под 70, и назначение явилось, скорее, последней наградой перед уходом на покой, а не вершиной карьеры. Однако свою выгоду из карьерного роста он извлек. С 1240-х годов Вальтер Мертонский последовательно накапливал земли, что отражено в подробной документации, и к 1260-м годам был уже достаточно состоятелен. На этих землях в 1264 году он основал Мертонский колледж в Оксфорде — заведение, где предстояло обучаться следующему поколению государственных чиновников, не в последнюю очередь многочисленным племянникам самого Вальтера¹⁹.

Прекрасный пример карьерного пути, пройденного светским лицом, демонстрирует Гийом де Ногаре (ок. 1260–1313): рожденный в сельской местности под Тулузой, также в заурядной незнатной семье, он изучал римское право, а к 1287 году преподавал его в Университете Монпелье на крайнем юге Франции. Так он

попал в поле зрения короля, и в 1293 году де Ногаре уже выполнял поручения Филиппа IV и занимал должность королевского судьи в Бокере на окраине Прованса. Пока это была самая обычная карьера местного масштаба, но в 1295 году, когда де Ногаре прибыл к королевскому двору в Париже, начался резкий взлет. С этого времени до самой кончины он постоянно вращался на королевской орбите: был назначен королевским уполномоченным в Шампани, участвовал в заседаниях королевского совета в Париже, а в 1307–1313 годах состоял хранителем королевской печати (примерный аналог должности канцлера в Англии). Гийом де Ногаре был верным сторонником короля и принимал деятельное участие в его самых сомнительных начинаниях: именно он в 1303 году арестовал Бонифация VIII (в результате дерзкой операции, из-за которой на него ополчились и следующие папы — он получил прощение лишь в 1311 году), руководил изгнанием евреев из Франции в 1306 году и показательными процессами над тамплиерами в 1307 году. Как и Вальтер Мертонский, он существенно, хоть и не баснословно обогатился за это время (его боялись и ненавидели, но в систематическом незаконном присвоении не обвиняли никогда): де Ногаре располагал достаточно обширными владениями между Монпелье и Бокером, либо купленными на крупные денежные подарки от Филиппа IV, либо полученными прямым пожалованием. Этот предшественник Томаса Кромвеля был обязан своей впечатляющей карьерой не только королевскому покровительству и собственной политической хватке, но и глубокому знанию римского права, поскольку именно на него он опирался в своих действиях²⁰.

В знаниях и опыте королевская (а в Италии — городская) власть нуждалась все больше — управление постепенно усложнялось. Об этом усложнении красноречиво свидетельствуют письменные документы, делопроизводство, право и подход к решению проблем, что мы по очереди и рассмотрим. В Англии, которая выступала в этой области первопроходцем, по крайней мере со времен «Книги Страшного суда», объем письменной документации

в XII–XIII веках стремительно разрастался, в том числе за счет дошедшей до наших дней казначейской отчетности на длинных пергаментных свитках начиная с 1130-х, которая к 1200-м пополнилась также судебными решениями и административными приказами. Это больше похоже на одержимость, чем на действительное развитие делопроизводства, поскольку, судя по всему, потом в эти свитки мало кто заглядывал; однако, согласно часто цитируемым подсчетам Майкла Клэнчи, расход воска для печатей в английской канцелярии с конца 1220-х до конца 1260-х годов вырос почти в 10 раз, с 3,6 до 31,9 фунта в неделю, что указывает на существенное увеличение документооборота, поскольку воск использовался для запечатывания писем, которые действительно высылались из данного учреждения²¹. Схожая интенсификация деятельности наблюдается и в папской канцелярии, архивы которой дошли до нас со времен Иннокентия III почти полностью. То же самое демонстрируют уцелевшие архивы итальянских городов: мы располагаем их государственными реестрами начиная с XIII века, в частности уголовными судебными реестрами Болоньи и Перуджи, которые велись с 1226 и 1258 года соответственно, и расходными книгами сиенского казначейства «Биккерны», которые документировали доходы и расходы города и также велись с 1226 года²². О развитии делопроизводства свидетельствуют и появление реестров как таковых, и устойчиво растущее число записей в них.

Важно подчеркнуть, что увеличение объема письменной документации само по себе еще не означает роста грамотности в любом понимании (я здесь подразумеваю под ней умение читать и/или знакомство с письменными текстами); эта корреляция более характерна для позднего Средневековья. При Каролингах, как мы видели, знать в основном была грамотной, возможно, более грамотной, чем к XIII веку; деятельность, связанная с письмом, была уделом не только духовенства, а письменная документация применялась в разных сферах, как в государственном управлении, так и вне его²³. Тем не менее объемы этой документации уступали тем, которых достигли органы государственного управ-

ления гораздо более скромных территорий в XIII веке. Итак, дело не в росте грамотности, а в том, что все большее распространение получало использование письменной документации в повседневном политическом взаимодействии на самом обыденном уровне, в том числе с сельчанами, недостаточно грамотными, чтобы эти послания читать. В IX веке Людовик Благочестивый отправил бы гонца, чтобы тот огласил волю короля местному собранию (при этом гонец, как мы видели раньше, мог иметь при себе письменный текст); в XIII веке Эдуард I посылал скрепленное печатью предписание конкретным лицам с конкретными указаниями и оставлял себе копию. В результате связи были гораздо прочнее. Так же происходил обмен информацией; извещать население власти тоже все чаще предпочитали в письменном виде и получали отклик — хотя бы в форме петиций.

Это не значит, что короли и их советники полагались только на такой способ коммуникации. (Здесь самое время добавить, что более активное использование письма было сугубо техническим моментом, оно не меняло ни способность выражать мысли, ни тем более образ мышления, как иногда утверждают историки и социологи.) Устная связь не теряла значимости, как не теряет и по сей день. Часто создается впечатление, что всех этих посланцев от королевского двора, приносивших политические сплетни, которые в основном и давали затем материал для летописей, отправляли именно с этой целью: для распространения устной информации в желаемом ключе и сбора информации (то есть шпионажа). Однако для этого тоже требовалась гораздо более многочисленная когорта путешествующих по официальным делам, чем та, что имела в распоряжении правителей в предыдущие столетия, и эта когорта, учитывая торгово-экономические перемены, рассмотренные в главе 7, как раз множилась, равно как и представители цистерцианского и других монашеских орденов, а вскоре, как мы еще увидим, и нищенствующие монахи. Если аббат Луп Феррьерский из Западно-Франкской державы в своих письмах 850–860-х годов нередко тревожился, не зная, где именно в данный момент нахо-

дится король, то к началу XII века такие сведения уже распространялись систематически и целенаправленно — разумеется, когда королю не требовалось сохранить свое местопребывание в тайне²⁴. Итак: правительственный штат разрастался; чиновники перемещались и обсуждали государственные дела на более регулярной основе, чаще рассылались документы, чаще вершилось правосудие на местах, налоги собирались систематически, что позволяло, с одной стороны, содержать увеличенный чиновничий аппарат, а с другой — за счет необходимости вести точную отчетность, пусть даже силами самих налогоплательщиков, — увеличивало присутствие верховной государственной власти в городах и селениях каждого королевства, княжества, городской области Европы. Первопроходцами здесь выступали Италия и Англия; вскоре тем же путем двинулись Франция (и ее самое развитое в административном отношении княжество Фландрия) и Арагон; еще чуть позже — Кастилия, Венгрия и некоторые из германских княжеств; остальные государства Северной и Восточной Европы задерживались. Однако направление развития везде было одинаковым — усиление связей между властями и народом, а также контроля.

Как уже было сказано, чиновники обычно демонстрировали верноподданничество, но были не чужды коррупции. Существовал ли способ удержать эту коррупцию в границах допустимого? Каролинги пытались решить проблему с помощью подробно прописанной клятвы верности королю; кроме того, они регулярно посылали *missi* проверять, не бесчинствуют ли графы и другие представители власти на местах, и устраивали массовые покаяния. К началу XI века насаждаемое Каролингами морализаторство в политике исчезло почти везде и впоследствии, как мы видели, представало лишь одной из составляющих церковного «реформаторства» XI столетия, уже не имевшего отношения к светской власти. Однако практику посылать ревизоров, уполномоченных, следователей от имени верховных властей возродить было несложно даже там, где она действительно исчезла. Один из примеров — английские окружные судьи в XII веке, другой — пап-

ские легаты и делегированные судьи. Все чаще и чаще мы встречаем целенаправленные «дознания» по делам местных уполномоченных в Англии и Франции: расследование деятельности английских шерифов в 1170 году; чистка государственного аппарата, инициированная английскими баронами в 1258–1259 годах, или не менее тщательные *enquetes* (опросы), проведенные Людовиком IX во Франции в 1247–1248 годах и позже. Все они вскрывали злоупотребления местных чиновников и были нацелены на масштабную борьбу с коррупцией²⁵.

Помимо этого, мы наблюдаем развитие учета и контроля, который становится рутинным, даже зачастую бюрократическим. И снова — еще в середине XII века — пример подает Англия: ежегодные отчеты о финансовых делах графства, предоставляемые шерифами в Палату шахматной доски, получившую свое название от клетчатого полотна, на котором королевский казначей, как на счетах, проверял полученные от шерифа данные. Проверка велась в присутствии самого шерифа, у которого при этом наверняка тряслись поджилки, о чем красноречиво повествует наш самый надежный источник — «Диалог о Палате шахматной доски» Ричарда Фиц-Нигела, написанный около 1180 года. Автор «Диалога» не скрывает, что драматичная обстановка соответствовала, по его словам, «противостоянию и борьбе» шерифа и казначея. По указу Людовика IX, как сообщает нам его биограф Жуанвиль, бальи и другие чиновники после окончания срока службы задерживались в своем округе на 40 дней, в течение которых рассматривались жалобы на их работу. Форма отчетности здесь была иная (Палата шахматной доски не расследовала должностные злоупотребления, только недоимки и мошенничество), однако организация тоже на высоте. Дальнейшее развитие система получила в Италии (к 1210-м годам в таких городах, как Сиена, а затем и в других): в рамках ежегодной синдикации подеста и другие чиновники после снятия с себя полномочий задерживались в городе до окончания инспекционной проверки их финансово-хозяйственной деятельности и должностных нарушений²⁶.

Развитие в этом направлении было закономерным, особенно когда по мере роста нужд налогооблагающего государства через руки чиновников начали проходить большие деньги. В Аббасидском халифате, в частности, еще к концу IX века выработалась такая мера силового воздействия, как мусадара, когда смещаемых с поста визирей подвергали обыску и даже пыткам, чтобы выявить и конфисковать незаконно присвоенное во время пребывания в должности²⁷. Как и расследования, это было естественное развитие довольно древней идеи, возникшей задолго до Каролингов, что правление должно быть справедливым в религиозном понимании и за справедливостью должен следить не только Всевышний, но и ответственные на земле, если народ не хочет делить с властями божественную кару (в виде стихийных бедствий или поражения в войне) за несправедливое правление. К этому добавилась более поздняя идея, что чиновникам доверять нельзя и что народ хотя бы время от времени должен убеждаться в справедливости верховной власти без вмешательства посредников. Прежде графам и другим высокопоставленным представителям этой власти сходили с рук и большие злоупотребления, поскольку подозревать их — кроме как в чрезвычайных обстоятельствах — считалось оскорблением, тогда как чиновники низкого ранга с самого начала находились под более пристальным наблюдением. Однако растущая пристрастность в оценке правительственной деятельности в Европе XIII была, как и в Аббасидском халифате, следствием развития и усложнения чиновничьего аппарата.

Кроме того, подобная пристрастность объяснялась и усилением опоры на разветвленную судебную систему и правовую документацию. Само слово *inquisitio* (отсюда *inquest* — дознание, *enquete* — расследование, опрос, *enquiry* — расследование, а также инквизиция) восходит к классическому римскому праву и подразумевает, что в каких-то случаях судья может вызывать свидетелей помимо тех, что предлагаются истцом и ответчиком. К такой «инквизиции» прибегали Каролинги, в дальнейшем процедура сохранилась — и в рассматриваемый период применялась все

чаще — в судебном расследовании. Однако одной из самых любопытных особенностей столетия с лишним после 1150 года стал возросший интерес к римскому праву как таковому по всей Европе, даже там, где оно не применялось, то есть фактически на большей части континента, поскольку классическое римское право сохранилось в качестве основного закона лишь в Византии и некоторых итальянских городах. В большинстве регионов к 1150 году имелись довольно внушительные корпуса писаного права — в частности, в бывшей лангобардской Италии, бывшей вестготской Испании и бывшей англосаксонской Англии (там использовались ранне-средневековые в основе своей своды законов), а также в Ирландии, в меньшей степени — во франкских государствах, Франции и Германии. Исландцы, норвежцы и венгры спешили наверстать упущенное²⁸. Однако до римского права всем им было далеко. Принявшее четкую систематизированную форму благодаря кодификации Юстиниана в 530-х годах (см. выше, главу 3), оно поражало широтой охвата и глубиной проработки, достаточной, чтобы хватило на всю жизнь тому, кто пожелает вникнуть в его хитросплетения. Поле деятельности и авторитет специалистов по римскому праву в Европе росли и ширились.

Учитывая существование иных, более самобытных, а значит, более актуальных систем права, регулярно пополнявшихся за счет местных законов и установлений, не всегда понятно, почему сложившееся до VI века римское право оказалось таким востребованным в конце XII и XIII столетиях. Однако его выраженная логика облегчала анализ, а проработанность и подробность давали юристам представление о том, сколько тонкостей и деталей может включать в себя судебное разбирательство, тем самым обеспечивая достаточный материал для профессиональной подготовки, которую постепенно начинали предоставлять университеты, такие как Болонский и Монпелье. Влияние римского права в любом случае прослеживалось повсеместно, в том числе в Англии, где его систематичностью вдохновлялся автор, известный под именем Брактон, великого трактата по современному обычному праву, написанного (ориентиро-

вочно) в 1230-х годах. На основе Юстинианова кодекса в Кастилии по заказу Альфонсо X был создан всеобъемлющий свод законов на испанском языке, «*Siete partidas*» («Семь партий»), а в северной Франции при Филиппе IV были востребованы знатоки римского права из южной части державы — Гийом де Ногаре оказался далеко не единственным. Элементы римского права все чаще заимствовались для латания дыр в местных законах; целые положения (самое очевидное — пытки на допросах) внедрялись в местную практику как последнее слово в судопроизводстве; под политические притязания теперь подводилась база, построенная на романской терминологии — как у Фридриха Барбароссы в Италии; в этом же ключе кодифицировался заново местный правовой обычай — именно так поступил Оберто дель Орто (ум. в 1175), правящий консул Милана, со сборником лангобардского ленного права²⁹. Кроме того, римское право сильно повлияло на единственную правовую систему, способную потягаться с ним в проработанности, — церковное каноническое право, также преподававшееся в университетах (иногда теми же профессорами), которое, в отличие от большинства остальных правовых систем этого периода, постоянно дополнялось новыми писаными законами в виде решений церковных соборов и папских постановлений, достаточно часто составлявшимися в романизованном формате.

Развитие в этом направлении имело и другие последствия. Учитывая, во-первых, количество правительственных чиновников, получавших образование (в том числе в университетах, где основным методом обучения выступали дебаты), во-вторых, несогласованность между местными законами и стройной морально-правовой системой как римского, так и канонического права и, в-третьих, тенденцию к строгому учету и расследованиям, сопровождавшим пребывание в должности, постепенно укоренялась идея, что организацию управления можно усовершенствовать. Разумеется, в этой области попытки предпринимались и прежде. Каролинги, например, систематизировали управление вполне целенаправленно, в рамках «исправления» (см. главу 4), и во мно-

гом преуспели: примерами появившихся в результате нововведений могут служить и государевы посланцы *missi*, и регулярно издававшиеся капитулярии. Но происходило это в контексте возвышенной потребности преобразовать все пространство латинского христианского мира в глазах Господа, и львиная доля усовершенствований была, по сути, побочным продуктом этого более широкого преобразования. В дальнейшем правители (в том числе папы) и их советники довольно долгое время таких задач перед собой не ставили и расценивали правительственные «реформы» либо как возвращение к заведомо менее совершенному прошлому, либо (в недавно принявших христианство северных и восточных землях) как попытку встать на одну доску с более могущественными соседями. Даже подлинные преобразования, такие как появление управляемых консулами коммун в Италии, формулировались инициаторами в самом традиционалистском ключе — и это если перемены в принципе признавали. Трубить о переменах было бы не только трудно, но и опасно, учитывая шаткое положение консулов, избиравшихся равными и даже нижестоящими, не сравнимое с надежным местом в прежней иерархии. Только следующее поколение (как показало, например, восстание римской коммуны в 1143–1144 годах) иногда позволяло себе замахнуться на реформы, в чем мы очень скоро убедимся³⁰. Прошлые возрождали и реформаторы XIII века: английские бароны в 1215 году, требуя перемен в настоящем, попросту обратились к предположительно более справедливой форме правления из прошлого. Точно так же поступали противники Альфонсо X и Филиппа IV незадолго до его кончины. Перемены этого периода — как почти и любого другого — обычно были спонтанной реакцией на злободневные проблемы и в большинстве своем не рассматривались как задел на будущее, даже если поколение спустя именно им приходилось выступать шаблоном для следующих перемен. Наглядные тому примеры — растущая роль парламента в Англии XIII века как до, так и после неудавшегося переворота 1258 года или усиление папской инквизиции с 1230-х годов.

Однако постепенно, начиная с середины XII века, отдельные правители или (как правило) их министры принимаются обу-страивать административные структуры более целенаправленно. В Англии найдется немало примеров, когда министры в экспериментальном порядке вводили, скажем, тот или иной вид отчетности, а затем отказывались от него, если он себя не оправдывал¹¹. Сознательным решением можно считать и учреждение подеста в итальянских городах: как сказано в официальных генуэзских анналах за 1190 год, «столь многие, снедаемые завистью, жаждут заполучить должность консула коммуны, что город захлестнули бесконечные раздоры и распри, заговоры и расколы. Поэтому городские старейшины и советники, собравшись, постановили общим решением с будущего года должность консула упразднить, и почти [обратите внимание на это «почти»] все согласились впредь назначать подеста». Хотя шаг этот явно расценивался как вынужденная мера, продиктованная чрезвычайными обстоятельствами, он все же был нововведением (пусть и не таким радикальным, как может показаться, — до 1217 года консулы и подеста в Генуе чередовались). Таким же нововведением, хоть и не столь чрезвычайного характера, было образование «священного римского сената» — римской коммуны 1143–1144 годов, — упоминавшегося с тех пор даже в указаниях места и времени составления правительственных документов, а также официальный переход на римское право в Пизе 31 декабря 1160 года по прошествии пяти лет, в течение которых специально назначенные *constitutores* составляли новый свод законов, изучая и кодифицируя существующие¹². Пусть такие примеры сознательных нововведений были пока малочисленны, они расширяли горизонты правительственных возможностей. И когда в XIV веке появились первые идеологи государственной власти, такие как итальянец Бартоло да Сассоферрато, строившие свои теории не целиком и полностью на богословской почве, на которой традиционно велись дискуссии о нравственности и справедливости правления, они исходили из реального практического контекста. И в этом практическом контексте было

больше простора для сознательного решения назревших проблем, а также инновационных предложений со стороны критиков правительства, чем прежде. К этому мы еще вернемся.

Последнее, что необходимо подчеркнуть, возвращаясь заодно к тезисам, выдвинутым ранее: процессы централизации и уплотнения структур политической власти, начавшиеся в 1150–1300 годах, имели иную основу, чем, скажем, в начале IX века. Классическое раннесредневековое сочетание (наиболее ярко проявлявшееся у Каролингов) унаследованной от Рима идеи публичной власти с североевропейской политикой собраний и свойственно этой политике представления, что законность власти (и в том числе справедливость) обеспечивается коллективной деятельностью, уже кануло в небытие везде, кроме Англии, где еще сохранялись судебные коллегии графств и сотен. Государственная власть теперь строилась на другом фундаменте — ячеистом: на узаконенных, но при этом сурово эксплуатировавших крестьянство местных сеньориях XI века, крупных и мелких, к которым в XII веке добавились городские и сельские общины, отстаивавшие где только можно собственную независимость от этих сеньорий, а также епархии, ячейки международной сети под началом папы римского. Все это мы наблюдали в действии в этой и двух предыдущих главах³³. В Италии и Германии процесс был закономерен: королевская власть стремительно сдавала позиции, и освободившееся пространство занимали городские коммуны. Французские же короли выстраивали свое государство по кирпичику, присоединяя сеньорию за сеньорией — либо завоеваниями, либо принуждая официально признать подчинение короне; при этом внутри сеньорий отношения феодального подчинения (и противостояние ему) сохранялись иногда столетиями — остатки «феодальных» прав были упразднены только в 1790 году. Правители Каталонии — графы Барселоны, одна из самых процветающих династий княжеского ранга XII века, в 1137 году присоединившая также королевство Арагон, — делали то же самое, но им противостояло сообщество сеньоров, которые в 1202 году утвердили право помыкать соб-

ственными зависимыми крестьянами без королевского вмешательства, впоследствии закрепленное как *ius maltractandi*, «право дурного обращения»³⁴. (Это право сохранялось у господ и в Англии, пока крестьяне оставались юридически несвободными.) В Кастилии короли почти никогда не теряли гегемонии, однако к началу XIII века подвластная им территория тоже превратилась в лоскутное одеяло городских общин (консехос) и сеньорий. Сеньории в правительственных текстах различались по типам — королевские, монастырские, светские, общинные (когда сеньориальные поборы взимались несколькими господами сообща). Таким образом, у испанских сеньоров, даже охотно вращавшихся при королевском дворе каролингского типа, все же имелись собственные оплоты, которые для крупной каролингской знати были редкостью³⁵.

Политика собраний тоже соотносилась с верховной властью иначе. Если при Каролингах собрания — по крайней мере теоретически — были съездами всего свободного мужского населения королевства, узаконивающими королевскую власть «со стороны», то королевские собрания начала XIII века во Франции, Кастилии, Арагоне, Англии представляли собой просто расширенный королевский двор. Впоследствии за ними закрепилась более широкая легитимизирующая роль: выражение «община королевства» появилось в 1258 году в Англии, в 1314 году — во Франции и в 1320 году — в Арбротской декларации шотландцев (призванной дать отпор английской агрессии). Однако, пусть в целом идея общины на базе королевства была и не нова, эти ее воплощения представляли собой реконструкцию коллективной власти, теперь строившейся на противопоставлении местных прав сеньора укреплявшемуся верховному королевскому владычеству. В главе 12 мы увидим, какое развитие эта тенденция получила в следующих столетиях³⁶.

В рассматриваемый же период королевскую власть узаконивала, прежде всего и главным образом, личная преданность сеньоров. Все это подкреплялось обрядами и церемониями, в частности церемонией вассальной присяги, призванной усилить ее убедит-

тельность и вес в сознании присягавших (а также их собственных вассалов в собственных сеньориях, которые тоже приносили присягу). Основная функция «вассальных» связей (см. главу 1) и в самом деле заключалась в том, чтобы обставить личную преданность как можно большим количеством формальностей и ритуалов, что — как надеялись короли и сеньоры — должно было помешать измене. Королевский двор превращался в театральную сцену, где разыгрывался спектакль аристократической жизни, складывался свой этикет, включавший и «рыцарский» кодекс, который возник в середине XII века и оттачивался на протяжении четырех последующих столетий (см. главу 10). Такая пышность и сложность подогревала желание аристократов принадлежать к этому кругу — учиться к нему принадлежать, что, несомненно, усиливало королевскую власть, поскольку режиссурой на этой сцене занималась именно она, а спектаклям добавляли остроты не менее тщательно срежиссированные (хотя зачастую чересчур убедительно отыгранные) вспышки королевского гнева, который при необходимости мог смениться на милость. Вальтер Мап в своих историях о придворной жизни уподоблял двор английского короля Генриха II аду — на каждом шагу можно было оступиться и угодить в беду, — но все сочинение в целом демонстрировало притягательность этого круга. Вся эта режиссура тоже имела давние корни, как показал Герд Альтхофф, однако она неуклонно совершенствовалась и развивалась³⁷. Новые способы утверждения королевской власти, обеспечиваемые римским правом и зачастую превращенные фискальными нуждами в необходимость, а также новые механизмы местного контроля попросту надстраивались на имевшийся фундамент. Точно такой же надстройкой выступали и религиозные способы узаконивания королевской власти, например стремление каждого королевства провозгласить хотя бы одного правителя святым, тем самым сделав священным и сам королевский престол. Так (из королевств, рассмотренных в данной главе), Венгрия в 1083 году канонизировала Иштвана I, Германия в 1147 году — Генриха II, Англия в 1163 году — Эдуарда Исповедника, Франция

в 1297 году — Людовика IX и, как ни парадоксально, самого Карла Великого в 1165 году³⁸. Эта новая сложносоставная легитимизация довольно быстро обретала прочность — особенно там, где сильны были сами короли, — хотя и она не спасала неугодных или никудышных правителей от недовольства и даже свержения, как в случае с Эдуардом II в Англии в 1327 году. Его обвинили в том, что он «совершенно забросил свое королевство и не желал заботиться о добром управлении» (то есть теперь короля как человека воспринимали отдельно от короля как правителя)³⁹. Однако опирались эти надстройки на ячеистую структуру местной власти.

До сих пор в этой главе объектом нашего внимания была политика и политическая культура, но их нельзя рассматривать в отрыве от более широких культурных тенденций. Мы обсудим две — зарождение университетов и судьбы различных духовных движений. Обе, хотя и по-разному, укладываются в общую картину взаимодействия между локализованным структурированием политической деятельности и тенденцией к централизации, о которых мы говорили выше.

При соборах и в монастырях латинской Европы давно уже обучали не только духовенство, но и мирян (как правило, знатного происхождения, но не обязательно) грамоте, а после ее усвоения — грамматике и риторике. У нотариата складывалась собственная светская система подготовки в Италии, и там же, в частности в Павии, возникают к XI веку по крайней мере неофициальные школы права. В тот же период у некоторых соборных школ, например школы епископа Фульберта (ум. в 1028) при Шартрском соборе, набирается достаточно студентов, чтобы философская дискуссия достигла критической массы и начали множиться интересные тезисы, примерно как в Ахенской придворной философской школе в начале IX века. Однако именно в XII веке развивается новое явление: в города стекаются большие потоки студентов, иногда из разных стран, чтобы учиться у мастеров, котирующихся в стенах учебного заведения, а не за его пределами, за умение препода-

давать и дискутировать. Студенты рассчитывали после обучения получить должность в светском правительственном аппарате или в Церкви, хотя удавалось это далеко не всем — миф о бедном студенте берет начало именно здесь, в латинской поэзии и прозе XII века⁴⁰.

Главными центрами образования выступали Париж (в области богословия начиная с 1090-х годов) и Болонья (в области права начиная с 1120-х), хотя впоследствии к ним добавились университеты второго уровня — в Монпелье, Оксфорде, Падуе, Саламанке и другие. Их развитие было неразрывно связано с развитием городской экономики и денежного хозяйства, позволявшим профессорам зарабатывать на жизнь, а студентам — питаться, как говорилось в предыдущей главе, и происходило оно в начале XII века стремительно. К 1150-м годам фундаментальный болонский свод канонического права — *Concordia canonum discordantium*, или Декрет Грациана, — все активнее применялся в правовых спорах церквями в Италии, а вскоре и всей системой апелляций к папе. С болонскими специалистами по римскому праву советовался Фридрих Барбаросса. Болонский университет (*studium*) и соперничавшие с ним, как правило недолговечные, *studia*, возникавшие где-то с 1150 года, стали с этих пор основной кузницей руководящих кадров для итальянских городов. Что касается Парижа, то там философская дискуссия достигла критической массы, необходимой для возникновения новых идей, не позднее 1100 года, и город стал центром притяжения для харизматичных мыслителей. Самый известный среди них — Пьер Абеляр (ум. в 1142). Он волновал умы современников новаторскими диалектическими и богословскими теориями, мастерством яркой и претенциозной полемики, драматическими перипетиями личной жизни (вступил в любовную связь со своей ученицей Элоизой, также преуспевшей на интеллектуальном поприще, и был оскороплен ее опекуном) и до сих пор вызывает интерес у историков. Абеляр навлек на себя ненависть Бернарда Клервоского, самого влиятельного религиозного деятеля Северной Европы, и был осужден

за ересь (повторно), однако вдохновленные им и его обширными трудами мыслители становились впоследствии крупными фигурами в Церкви и светском правительстве. Собственно, логический подход Абеляра к теологии и возмущал Бернарда, который сам был богословом, но другого толка, мистического и созерцательного, однако будущее в Париже оказалось именно за абеляровским методом, слегка подкорректированным в сторону меньшей радикальности, и базовый для Средних веков учебник богословия, «Сентенции» Петра Ломбардского, написанный в 1150-х годах, многое почерпнул у Абеляра⁴¹.

Несмотря на творческую атмосферу парижских школ начала XII века, карьеру в них сделать было сложно; все крупные их представители в зрелом возрасте либо дорастали до епископов, либо уходили в монастыри. Чтобы остаться в Париже, профессорам необходимо было объединиться, создав, по сути, ремесленную гильдию (слово *universitas*, которое стали использовать в Париже к 1208 году, означало «гильдия», точнее «общность»), и зарабатывать программу обучения на основе общих, а не конкурирующих принципов. Так и произошло. К началу XIII века у них появились регулирующие уставы, а кроме того, привилегии, защищавшие их от посягательства парижских светских и духовных властей, от короля Франции в 1200 году до папы в 1208–1209 годах. В 1229 году они поссорились с королевой-регентом, матерью Людовика IX Бланкой Кастильской, и дружно покинули Париж, и только благодаря поспешному вмешательству папы Григория IX, подкрепившего примирение буллой, в 1231 году школы открылись вновь⁴². Булла была не просто стандартным папским постановлением или привилегиями, она представляла собой полноценную декларацию целей и задач организации, которую с этого времени мы уже можем называть университетом, как главной образовательной площадки, где обучали в том числе такому важному для церковной деятельности XIII века искусству, как проповедование. Примечательно участие папы Григория IX, поскольку на первый взгляд кажется странным, что его заботило благополучие Париж-

ского университета — да еще до такой степени, чтобы пересматривать уставы и вмешиваться в программу обучения, иногда по мелочам. Однако общая для объединяющейся Церкви интеллектуальная почва все больше возделывалась именно в Париже. Там учился и сам Иннокентий III, и далее в XIII веке Парижский университет (наряду с другими университетами, специализировавшимися на богословии, в частности Оксфордским и Саламанкским) выпустил немало будущих епископов и других высокопоставленных духовных лиц. Из его же стен вышли многие крупные европейские теологи XIII века, самым выдающимся из которых был южноитальянский аристократ Фома Аквинский (ум. в 1274). Его поражающие глубиной и систематизированностью труды до сих пор служат отправной точкой для западной теологии.

Важная особенность этих перемен заключалась в том, что они представляли собой еще один пример роста институционализации власти, происходившего в 1150–1300 годы. Отчасти это была просто рутинизация харизматичных фигур начала XII века, поскольку удерживать такой уровень исключительности уже не представлялось возможным, и действительно, начиная с 1150 года выдающиеся профессора в наших источниках встречаются реже, пока в середине XIII века вновь не приходит пора ярких ученых и мыслителей. Но в то же время, как и в государственном управлении, это признак растущей потребности в контроле. В действительности полностью контролировать происходившее в университете все равно не удавалось, каждый профессор имел собственный взгляд. Особенно заметно это стало, когда дебаты в XIII веке начали записывать, протоколируя вопросы наставнику на самые разные темы и его ответы. Такие протоколы, называвшиеся «кводлибет»*, зачастую расходились достаточно широко. Однако здесь имелся свой риск — в том числе опасность распространения ереси, и поэтому папы и другие власти, как университетские, так и внешние, пытались контролировать и содержание обучения (например, в какой

* Quodlibet, от латинского quod libet, «что угодно». — *Прим. пер.*

мере позволительно опираться на труды нехристианских мыслителей, таких как Аристотель и Ибн Рушд), и преподавательский состав (начиная с 1250-х не утихали споры о роли нищенствующих монахов в Парижском университете). В дальнейшем и папы, и светские правители действительно старались не упускать университеты из поля зрения, поскольку предоставлять самим себе эти потенциальные очаги элитарного образования, с одной стороны, и ученой критики — с другой, было бы недальновидно. Однако, несмотря на всю достигнутую институционализацию и контроль сверху, университеты в основе своей оставались ячеистой интеллектуальной структурой, легитимность которой зависела от признания заслуг каждого входившего в нее профессора.

Мирская духовная культура была еще более локализованной и представляла для центральной власти совершенно иную проблему. В XI веке, как мы видели в главе 6, ряд светских групп начал вырабатывать собственные, варьировавшиеся от места к месту модификации христианского обычая и принципов, формулируя ответы, которые иногда согласовывались с церковной реформой, а иногда подпадали под определение ереси. Где-то с 1150 года это явление стало еще заметнее. Доступность библейских текстов росла, их могли самостоятельно читать миряне — либо грамотные, либо те, кто входил в «сообщества» читателей и слушателей, о которых писал Брайан Сток⁴³, — и это обуславливало широкое разнообразие способов религиозного исповедания, не в последнюю очередь в силу значительной политической раздробленности Европы. Иногда на этой почве, как в предшествующие столетия, возникали новые ордены монахов или каноников — премонстрантов, гильбертинцев и тому подобные, а в государствах крестоносцев и затем на Западе — рыцарские ордены тамплиеров и госпитальеров, и все они, независимо от долговечности и успешности, вписывались, по крайней мере, в стандартные схемы религиозной иерархии. Однако иногда проповедники насаждали собственную версию христианского пуризма в привыч-

ном окружении, не создавая отдельных орденов. Один из таких деятелей — Вальд, мирянин из Лиона, — в 1179 году на Третьем Латеранском соборе добивался для своих последователей у папы Александра III права проповедовать, однако для этого требовалось также согласие местной церкви, а новый архиепископ Лиона наложил на эти проповеди запрет. Тем не менее вальденсы проповедовать не бросили, поэтому их все чаще причисляли к еретикам и время от времени преследовали, но им удалось отсидеться в альпийских долинах и в XVI веке влиться в протестантизм⁴⁴. Другая группа — ведущие аскетический образ жизни нидерландские бегинки (основоположницей движения была Мария из Уаньи, умершая в 1213 году), в основном зарабатывавшие на жизнь ткачеством, — в местной церковной структуре оставалась маргинальной и время от времени подпадала под подозрения, хотя в религиозной жизни, по крайней мере фламандских городов, несомненно участвовала⁴⁵. Гораздо больше повезло в этом отношении Франциску Ассизскому (ум. в 1226), который в 1205 году, отрекшись от собственного родителя — богатого торговца, ушел в нищенство, а затем возглавил движение нищенствующих монахов-«братьев». У ордена имелся и женский аналог, клариссы, основанный последовательницей Франциска Кларой Ассизской. Нищенствующим монахам запрещалось брать в руки деньги, а деятельность орденов финансировалась за счет пожертвований. Франциск, всегда полностью признававший церковную власть, произвел благоприятное впечатление на Иннокентия III, и в 1209 году тот разрешил братьям проповедовать. Между тем аскеза самого Франциска была настолько суровой, что после его кончины (и даже прежде) стали возникать разногласия между теми адептами, которые требовали полностью следовать идеалу основателя ордена, и теми, кто предлагал смягчить требования, приблизив их к повседневным реалиям. К концу XIII века в учении первых — «духовных францисканцев» (спиритуалов) — стали искать потенциальную ересь. Вторым же, основной части францисканского братства, благодеяния сослужили хорошую службу, и их огромными и дорогостоящими храма-

ми-дворцами, стоящими на окраинах многих городов (не только Ассизи), мы по сей день любимся как выдающимися памятниками позднесредневековой архитектуры. Как видим, францисканцы сумели занять любопытное промежуточное положение между влиятельностью и опалой⁴⁶.

Гораздо сложнее обстоит дело с катарами — как с происхождением, так и с верой. Они были окутаны тайной тогда и вызывают массу споров сейчас. Являлись ли катары дуалистами, считавшими, что материальный мир создан злым творцом, и проповедовавшими отказ от продолжения рода? Существовала ли институциональная связь между ними и дуалистским болгарским движением богомилов? Или это лишь наветы инквизиции, перекормленной знаниями о древних ересьях и готовой выбивать из угодивших в ее сети несчастных признание в том, что существовало лишь в воображении допрашивающего, — как выбивались признания в колдовстве в раннее Новое время? Известно, что самое подробное изложение принципов их веры обнаруживается как раз в протоколах инквизиции, которые набирают достаточный объем лишь к 1240-м годам, когда катары и без того повсюду скрывались от преследования. Однако эти споры помогли в значительной степени отточить и усовершенствовать текстовый анализ в ходе исторических исследований веры катаров и ересей в целом. В конечном счете наиболее вероятным представляется, что дуализма придерживались самые убежденные представители движения, у которых к тому же нередко складывалась некая организационная структура, однако знали о ней и придавали ей значение лишь главные активисты⁴⁷. При этом совершенно бесспорно — и более для нас важно, — что к середине — концу XII века в городах-коммунах Италии, а также в городах и сельской местности французского Лангедока и графства Тулузы существовали многочисленные группы мирян, дававших обет безбрачия, которых называли «добрыми людьми» (катарами их звали только в Италии и только противники, я это название использую просто для удобства) и которые проповедовали праведность, не являясь представителями Церкви. Многие

из них занимались ремесленным трудом, многие были вегетарианцами. В отличие от бегинок и францисканцев, они отвергали церковную иерархию как духовно бесполезную, а вместе с ней иногда и важнейшие таинства, такие как крещение. Главным их обрядом считалось «утешение» (*consolamentum*) — таинство приобщения, через которое рядовые приверженцы, как правило, проходили уже на смертном одре. Как и у вальденсов и других, у этой светской духовности и местного религиозного обычая, независимого от Церкви, имелись четкие прообразы в прошлом столетии и ранее, однако здесь они развивались в более самобытных направлениях. Какими бы ни были остальные принципы веры «добрых людей», отрицание церковной иерархии по ортодоксальным меркам той эпохи безоговорочно причислялось к ереси, даже если для рядовых христиан Италии или юга Франции главной была личная добродетель (в Италии имеются примеры признанных святых, которых позднее осуждали как еретиков, причем иногда без всяких последствий для их культа⁴⁸). Разница с нищенствующими монахами, в частности, не особенно заметна — за исключением тех случаев, когда монахи выступали инквизиторами.

Уже к середине XII века против катаров стали высказываться на церковных соборах, предпринимались также спорадические попытки приструнить их на местах. Затем все сильнее начали давить на графа Тулузы Раймунда VI (1194–1222), чтобы тот разобрался с ними на своих землях (что примечательно, итальянские города систематическому давлению такого рода не подвергались) — но граф не поддавался. Тем не менее когда в 1208 году в графстве Тулуза убили легата папы Иннокентия III, папа начал крестовый поход против графа и «еретиков» — печально известные Альбигойские войны. Нагрянувшие с севера Франции в Лангедок и Тулузское графство рыцари под предводительством Симона де Монфора (отца-предводителя баронского мятежа в Англии в 1258–1265 годах) десять с лишним лет разоряли южные земли, при случае вырезая и жителей⁴⁹. Как мы знаем, в конечном итоге северные власти утвердили свое господство на юге. Но вме-

сте с тем заметное распространение получила инквизиторская практика — а вскоре и теория, когда были написаны наставления для инквизиторов и разработаны правила проведения процессов, и это, как бы ни претило нам хвалить инквизицию, было лучше, чем лишать людей жизни без разбора, как в нескольких первых кампаниях против еретиков. Одной из самых заметных фигур в Лангедоке после 1206 года был кастильский монах Доминик из Калеруэги (ум. в 1221), считавший, что для противостояния катарам необходимо принять те же обеты бедности, что принимались «добрыми людьми». В 1217 году его ордену папой римским было даровано право проповедовать. Таким образом доминиканцы с самого начала оказались на переднем крае борьбы с катарами, и когда — с 1230-х годов — в инквизиции началось урегулирование, основным костяком ее стали именно доминиканцы и францисканцы как два основных братства проповедников в среде мирян. Травля постепенно охватывала Францию и Италию — к началу XIV века катаризм сдал позиции почти везде и встречался редко. Однако это не помешало дальнейшему распространению самостоятельной духовной деятельности мирян, которая, как мы еще увидим, в позднем Средневековье была представлена достаточно широко.

Акцент на важности проповеди, сделанный Четвертым Латеранским собором 1215 года, и булла, данная Григорием IX Парижскому университету в 1231 году, отчасти свидетельствовали о назревшей потребности бороться с ересями, чтобы в результате утвердить власть Церкви. И доминиканцы, и францисканцы очень быстро подключились к преподаванию в Париже — так они практиковались в проповедовании, и из их рядов вышло немало выдающихся мыслителей эпохи (в частности, доминиканцем был Фома Аквинский). Однако ощущение необходимости развивать проповедь было в принципе присуще Церкви XIII века, и в основном именно с его помощью та предполагала напоминать о себе «в народе». Да, проповедь была частью церковного обряда еще в раннем Средневековье, однако именно теперь растолковывать мирянам

суть веры стало как никогда важно¹⁰. Это означало в том числе необходимость добиться, чтобы приходские священники проповедовали больше (чего добиться удавалось не всегда), поэтому получили распространение руководства и пособия для них. В эту же схему укладывались и монашеские братства, которые за счет постоянных странствий, пусть даже по городам, а не по сельской местности, несли слово Божье еще более широким массам. В результате с христианской верой во всей полноте должно было знакомиться все больше и больше мирян — в чем как раз и заключалась задача Церкви. Энтузиастам от религии удавалось охватывать достаточно обширную аудиторию — как во время «Большой Аллилуйи» 1233 года, когда проповеди монашеских братств всколыхнули ряд итальянских городов от Пармы до Вероны и вылились в массовые богослужения с покаяниями¹¹. Здесь, как всегда, имелась и обратная сторона: как и в случае с катарами и вальденсами полувеком ранее, просвещенные миряне — или, по крайней мере, благочестивое меньшинство — могли проникнуться «неправильными» убеждениями, однако эта опасность существовала в любом случае. Гораздо важнее в тот момент была обретенная Церковью возможность руководить этим получающим официальное признание процессом распространения веры мирянами — как, например, при стремительном росте религиозных братств с 1250 года, ставших важным элементом позднесредневековой общественной деятельности и связывавших ремесленные гильдии с приходскими общинами¹². Это диалектическое соотношение церковного руководства и мирской изобретательности в поиске новых форм религиозности сохранялось и в дальнейшем.

Борьба пап с ересью шла примерно теми же темпами, что и укрепление авторитета папской курии за счет апелляций, и в каком-то смысле корень у них был один: в общем и целом папы и другие священноначальники стремились к централизации Церкви и всестороннему контролю не только религиозного обряда, но и веры. Нравятся нам ее цели и (тем более) методы или нет, вряд ли кто-то возьмется утверждать, что вести людей

к спасению — в ее понимании — не было прерогативой Церкви. Но, поскольку полностью контролировать веру не представлялось возможным — и до сих пор, при всех современных технологиях, не представляется, — церковные иерархи превышали свои полномочия. Евреев, в частности, притесняли и ограничивали во многих регионах Европы в основном под воздействием Церкви, как мы увидим в главе 10. Боб Мур и Джон Босуэлл утверждают, что усилились также гонения на прокаженных и гомосексуалистов: то есть в гомогенизирующемся латинском европейском обществе любые аутсайдеры привлекали внимание и страдали больше⁵³. Стремление добиться однородности травлей и принуждением сохранилось и в следующих веках, и в накаленной религиозной атмосфере XVI столетия оно примет еще более систематический характер.

В этой главе я доказывал, что Западная Европа конца XII–XIII веков двигалась (в большинстве случаев) по пути усиления централизации власти на основе ячеистой структуры XI века. Право давало больше возможностей для контроля, методы коммуникации и отчетности делали этот контроль более оперативным, но ячейки, то есть местные сеньории и городские или сельские общины, в основном никуда не исчезали. Те же самые базовые методы шли в ход при централизации веры — протоколы, руководства, контроль над зарвавшимися официальными представителями (чересчур усердствующих инквизиторов иногда могли подвергнуть дознанию и сместить)⁵⁴, правовая поддержка в виде папских постановлений. Сложнее утверждать, что в основе лежала еще и формализованная структура религиозных сообществ — папы и другие теоретики религии определенно принялись бы возражать, они претендовали на одинаковую власть над всеми, которой не обладали и короли. Однако религиозные сообщества делились в институциональном отношении, по крайней мере из-за ячеистой структуры епархий; и самое главное, действительно существовавшие практические различия в веровании — от области к области, от города к городу, от деревни к деревне, — выра-

женные (среди прочего) в рассмотренных нами формах мирской религиозности, служили для этих честолюбивых устремлений Церкви таким же тормозом. Читая отчеты о выявленных инквизицией ересь в сельских районах южной Франции, а потом Италии, а потом, столетием или двумя позже, в Англии и Испании, мы обнаруживаем сообщества, сами для себя решившие, что для них важно и как устроен мир — и духовный, и земной⁵⁵. Словно лупа, подставленная под солнечный луч, инквизиторский взгляд выжигал тех, на кого нацеливался, но проникнуть ему удавалось не всюду, и, разумеется, в Средние века такой задачи никто и не ставил. Поэтому впоследствии в этих регионах обнаруживалось значительное разнообразие локальных, иногда откровенно странных верований.

КРАХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, 1204 г.

Западноевропейские королевства, которые мы рассмотрели в предыдущей главе, к XIII веку оказались на гребне успеха, но до тех пор они были не единственными — и даже не самыми — могущественными христианскими государствами в Европе. К моменту кончины императора Василия II в 1025 году его империя (мы называем ее Византией, но, как нам уже известно, сам он и его подданные именовали ее Римской, вслед за Августом и Юстинианом) была, бесспорно, сильнейшим политическим образованием на континенте. Она протянулась от Дуная до Антиохии и от Бари на юге Италии до нынешних границ Ирана. Иными словами, Балканы, Греция, Анатолия (нынешняя Турция) и материковая южная Италия принадлежали к единой и сплоченной политической структуре с развитой фискальной системой, не знавшей равных в средневековых латинских странах, а ее столица Константинополь с населением свыше четверти миллиона человек была крупнейшим из когда-либо существовавших городов средневековой Европы¹. До конца XII века Византия, несмотря на территориальные потери, превосходила богатством и могуществом любое западное государство. Тем не менее всего через несколько десятилетий империи не стало. Анатолийское плоскогорье досталось туркам, Балканы перешли в руки сербских и болгарских правителей. Константино-

поль в 1204 году был взят французскими и итальянскими войсками, которые, как известно, в ходе Четвертого крестового похода отступили от своей изначальной цели — захватить мусульманский Египет — и вместо этого разрушили христианское государство. Противостояло новоявленной крошечной Латинской империи в Константинополе и захвату венецианцами греческих островов уже не единое византийское правительство в изгнании, а сразу три — в Никее (современный Изник), Трапезунде (современный Трабзон) и Арте на северо-западе Греции вкупе с более мелкими владениями в других греческих областях. И хотя латинский Константинополь тоже пал, отвоеванный никейским императором Михаилом VIII Палеологом в 1261 году, заново объединить византийскую державу уже не удалось. Политическое устройство Византийской империи представляло собой альтернативу тому пути развития, по которому двигались западные государства, но после 1204 года оно было утрачено.

Почему это важно? В какой-то мере потому, что распад Византийской империи сам по себе — крупное политическое событие, как и распад Западной Римской империи, и объяснений требует таких же сложных. На практике же ему посвящено меньше аналитических исследований, чем судьбе Западной Римской империи, поскольку с самим Четвертым крестовым походом, хотя он составлял лишь часть процесса, все вроде бы было ясно (жадность крестоносцев, цинизм венецианцев, слабость империи); однако в этой книге произошедшее с Византией заслуживает особого внимания. Кроме того, если мы хотим понять, почему историческое развитие в Средневековье шло в известных нам направлениях, необходимо разобраться и с тупиковыми путями. Византийская империя в пору своего расцвета была примером успеха для Средневековья, главным ориентиром для современников-европейцев за ее рубежами, в том числе для Каролингов и Оттонов¹. Другие страны — от Руси X века до Сицилии и Венгрии XII столетия — перенимали ее методы управления. Когда она рухнула, эти методы латинская Европа перенять уже не смогла, пришлось изобретать их заново,

и на это ушло время. Наследниками Византии, которые в течение 100 лет с 1350 года восстанавливали империю в границах царствования Василия II (а в конечном итоге и в более широких), стали турки-османы, и их мусульманское государство, как и ранее Халифат, не могло служить образцом для остальной Европы. Однако к 1204 году образцовость утратила и Византия — именно поэтому ее оказалось так легко разрушить. И нам нужно понять, почему так вышло.

Как мы видели в главе 3, к середине IX века кризис, который переживала Византия в раннем Средневековье, закончился. Василий I (867–886), узурпатор, имевший предположительно крестьянское происхождение, стал родоначальником Македонской династии, существовавшей почти два века, до 1056 года. Это не мешало захватывать власть остальным — династический принцип в Византии никогда не был сильным, — но род сохранял законность и неуклонно возвращался на престол, пока не прекратился после смерти последней представительницы. В царствование Василия I начал рассыпаться Аббасидский халифат, где за кризисом власти 860-х последовали два десятилетия междоусобицы. Воспользовавшись его слабостью, Василий I начал наступление на восток, за Таврские горы в центральной Анатолии, которые два столетия служили надежной византийско-арабской границей, а также завоевал половину южной Италии, тем самым частично компенсировав потери в войне на Сицилии. Когда у Аббасидов разразился последний кризис — начиная с 930-х годов, — византийские войска вновь двинулись на восток. В 930–960-х годах они закрепились в долине Верхнего Евфрата, а также отвоевали у арабов их крупнейшие острова в Восточном Средиземноморье — Крит и Кипр, а к 969 году вошли в Сирию и взяли Антиохию. С надежного Анатолийского и Эгейского плацдармов они устремились на запад и в 971 году заняли Болгарию. Удержать ее не удалось, и с восстановленной царем Самуилом (997–1014) Болгарской империей пришлось вести 30-летнюю войну, в результате которой с 1018 года Византия установила прочную власть над всеми Бал-

канами. Это была заслуга череды выдающихся полководцев аристократического происхождения, причем некоторым из них удавалось захватить и императорскую власть (больше всех преуспел Никифор II Фока, военачальник в 950–960-х годах, правивший в 963–969 годах), однако наследник из Македонской династии Василий II (976–1025) был военачальником сам и не только возглавил болгарские походы, но и распространил свою власть дальше на восток, в Армению³.

Полуторавековой успех в завоеваниях имел две подоплеки. Одной была профессиональная наемная армия. В VII веке Византия уцелела, организовав глубокую оборону на основе военных округов — фем. И хотя полупрофессиональные фемные войска по-прежнему составляли костяк военных сил, императоры все больше полагались на регулярные подготовленные наемные отряды, которым и отводилась роль ударных частей в период завоеваний. Своей военной системой византийцы гордились и даже увековечивали ее в научных трудах: в эпоху Македонской династии было создано несколько руководств по военному делу — в том числе самими императорами, например «Тактика Льва», написанная Львом VI (886–912)⁴.

Второй подоплекой была налаженная и крепкая фискальная система, которой требовала для своего содержания наемная армия, причем из года в год, поскольку в этот период Византия вела войны почти постоянно, особенно в 950–1010-х годах. Ни одному западному государству того периода такое было бы не по силам, но Византия, как мы знаем из главы 3, никогда не отказывалась от земельного налога, который к середине IX века собирали как в денежной форме (Византия чеканила монеты в большом количестве), так и в виде натурального оброка в воюющих областях. На редкость действенная государственная организация при Василии II позволила ему к концу царствования, несмотря на регулярные военные кампании, накопить в казне внушительный излишек. Считается, что для хранения денег были построены подземные лабиринты — оставшиеся в литературе устойчивым

символом алчности и богатства⁵. Западное государство возложило бы командование войсками на знать, и Византия к этому времени поступала так же; с IX века в ней складывалась прослойка военной аристократии, владевшая землями, в основном на Анатолийском плоскогорье, и в некоторых случаях передававшая командные должности по наследству от отца к сыну (самый яркий пример — род Фок). Однако войска от них не зависели, полководцы служили в армии, а не собирали дружину, и происхождение даже крупных военачальников зачастую было туманным. Кроме того, византийская аристократия никогда, по крайней мере до XII века, не обладала локальной властью почти нигде на территории империи, кроме разве что самого сердца центральной Анатолии. В Византии имелась достаточная прослойка независимого крестьянства, составлявшего основную массу фемных войск, а также служившего основным источником налоговых поступлений. В таких условиях утверждать самостоятельное владычество аристократии было затруднительно, и оппозиция централизованной имперской власти выражалась в попытках узурпации престола, а не отмежевания провинций⁶.

Фискальной системой необходимо было управлять, поэтому в Константинополе имелся внушительный бюрократический аппарат со сложной внутренней иерархией, который охватывал все сектора правительства — как во времена Римской империи, но значительно преобразованный. Для разросшейся столицы требовался отдельный аппарат — во главе с епархом, прямым наследником градоначальника VI века. Последний в свое время на государственном уровне обеспечил позднеримскому Константинополю поставки зерна, которые закончились после завоевания Египта персами в 618 году. Однако город, население которого с VIII века снова начало расти, к XI веку принял, как мы уже знаем, гигантские размеры, и обречь его на голод, вызвав тем самым народный гнев, императоры не рисковали: это могло стоить (и стоило некоторым из них) престола. Организация снабжения, по-прежнему требовавшая поставок со всей империи, хотя теперь они обе-

спечивались частными землевладельцами и купцами, была важной задачей, и из уставов дошедшей до нас «Книги епарха» следует, что к 900 году епархи устанавливали фиксированную цену на каждый из основных продуктов питания или регламентировали условия его закупки⁷. Аристократия занимала высокие должности и в гражданской администрации, и оплачивались они не хуже, чем командные. (Прежде считалось, что гражданская и военная знать противостояли друг другу, но это не так — структурной разницы между ними не было, военачальники в какой-то период могли состоять на административной службе или кто-то из их братьев мог подвизаться на чиновничьем поприще.) Западный дипломат Лиутпранд Кремонский (ум. в 972) описал увиденную в 950 году церемонию выплаты жалованья на Пасху: в течение трех дней император лично раздавал высоким чинам увесистые мешки с золотом — по старшинству, а потом еще неделю чиновники помельче получали плату из рук паракимомена — постельничего. Это был один из элементов высокоразвитой церемониальной культуры империи, находившей выражение в том числе — по крайней мере в Константинополе — в разнообразных процессиях, с разных сторон стекавшихся, как правило, к собору Св. Софии в восточной части города. Процессии приурочивались к церковным праздникам, но, кроме того, включали торжественные триумфальные въезды императора после военных побед. В процессиях участвовало население столицы, и они играли заметную роль в утверждении присутствия и легитимности верховной императорской власти в городе⁸.

Придворная культура в Константинополе тоже отличалась сложностью и насыщенностью. Вся византийская элита была грамотной — на посткаролингском Западе такого уровня не удавалось достичь столетиями; кадровые военные писали трактаты (в «Стратегике» Никифора II Фоки по крайней мере записки, послужившие основой, точно были написаны им самим; Кекавмен в 1070-х годах составил руководство по управлению государством); сельский землевладелец мог владеть обширной библиоте-

кой — как, например, Евстафий Воила, в 1059 году завещавший наследникам 80 книг, среди которых были и классические сочинения христианских церковных писателей, и светские романы⁹. В столице самые высокопоставленные чиновники хорошо знали богословие и литературу начиная с Гомера, многие занимались литературным творчеством сами — равно как и императоры, причем не только Лев VI: перу его сына Константина VII (913–920, 945–959) принадлежит анализ государственного устройства соседних стран и по крайней мере часть сборника «О церемониях» — пространного руководства по столичному церемониальному протоколу, в котором он открыто связывает церемонии с «порядком и величием» державы¹⁰. Для императоров сочиняли изысканную поэзию и прозу, часто на высоком, к тому времени уже архаичном, греческом; литературный мир оживляла (и документировала для нас, потомков) обширная формализованная эпистолография. Мир этот считал себя приверженцем традиции — литературное достоинство заключалось в том, чтобы копировать классические образцы, однако на самом деле и в жанрах, и в содержании хватало новаций: Константинополю после 850 года, как Ахену после 800-го и Парижу после 1100-го, хватало ресурсов, чтобы воспитать достаточно интеллектуалов, способных дать начало новому мышлению. Немало богословских трудов было создано профессиональными чиновниками начиная с возведенного на патриарший престол Фотия (ум. ок. 893); юридическое знание тоже оказалось на достаточно высоком уровне, чтобы на рубеже IX–X веков перевести весь Юстинианов кодекс на греческий и переработать его в «Базилики», создав более удобный для применения на территории империи свод законов¹¹. Несколько позже Михаил Пселл (ум. ок. 1078), служивший при семи императорах и пребывавший при некоторых в должности главы синклита (а также сумевший уцелеть в обстановке вражды между сменяющимися на престоле), автор одного из самых значимых и обстоятельных исторических трудов XI века — «Хронографии», а также писем и риторических, научных и философских трактатов, считал себя, по сути,

новым Платоном и располагал значительным собранием неоплатоновских сочинений наряду со стандартной подборкой классической и христианской литературы¹².

Культурное влияние Византии распространялось и на другие страны. Великая Болгария, возникшая в конце VII века на территории империи, пережив в середине IX века более успешные, чем прежде, нападения со стороны Константинополя, осознала, что уцелеть ей удастся, лишь переняв византийский стиль правления, и в 865 году приняла христианство. Точно так же столетием позже поступили и поляки. К 913 году Византия признала обучавшегося в Константинополе Симеона I (893–927) императором болгар — по-славянски царем (славянская составляющая в болгарской культуре с этого времени преобладала), и болгарская форма правления по духу стала в значительной степени византийской. Прием сработал — в том смысле, что завоевание Болгарии Византией шло как затяжной процесс¹³. Из Болгарии христианство византийского образца можно было распространять и на другие славянские государства, и в конце IX века на основе недавно созданного славянского алфавита — кириллицы, — за которым оказалось большое будущее, было разработано славянское богослужение. Затем примеру Болгарии последовали Киевские князья Рюриковичи, имевшие скандинавское происхождение, но правившие славяноязычным народом. К этому времени страна их называлась Русью — изначально это слово относилось к скандинавам, но теперь прочно ассоциировалось со славянами под властью Киева, на коренных землях, впоследствии получивших название Россия. Правящая княгиня Ольга (ок. 945–965) крестилась в Константинополе около 955 года, а ее внук Владимир (972–1015), заключивший союз с Василием II, около 988 года официально крестил всю Русь¹⁴.

Для Руси, в отличие от Болгарии, Византия угрозы не представляла. Киев располагался за лесами, отделявшими его от степного коридора, где хозяйничали тюркоязычные кочевники — от таких же кочевых племен произошли болгары. Сейчас степь

находилась под властью Хазарского каганата — единственного государства в средневековой истории, принявшего в качестве религии иудаизм. Правителей Руси тоже довольно часто именовали на тюркский манер каганами, тем более что система сбора дани у них развивалась по тюркскому образцу. Для Руси, как и для датчан в тот же период, византийское христианство было всего лишь полезным дополнением, подарившим ей церковную организацию во главе с митрополитом, привлечшим мастеров на строительство крупнейшей из византийских церквей XI века — сохранившейся по сей день Святой Софии Киевской, а также привившим письменную культуру, которая имела важное значение при формировании правительства. Кроме того, как и в Болгарии, христианство несло с собой славянизацию. Киев и без того был полностью славянским, князь Владимир и его отец Святослав носили славянские имена, однако важно отметить, что другой крупный политический центр, Новгород, основанный скандинавами на севере, на балтийскоязычной территории, тоже почти полностью перешел на славянскую письменность и кириллицу ко времени появления первых обнаруженных и до сих пор обнаруживаемых в болотистой почве берестяных грамот, самые ранние из которых датируются 1030-ми годами¹⁵.

Огромная территория Руси, не уступавшая размерами Германии, была почти полностью покрыта лесами. Несмотря на налаженное речное сообщение, технологии X века — да и многих последующих — не позволяли контролировать ее в достаточной степени. Охотничьи, а затем все больше крестьянские поселения в лесной глуши попросту сдавали князьям и их дружине оброк через сеть торговых городов. Поскольку сыновей у правящих русских князей было много, города распределялись между ними. Сам Владимир поначалу правил в Новгороде и объединил Русь только в 978 году. Его сын Ярослав (1015–1054) последовал его примеру, захватив киевский престол и став в 1036 году единовластным правителем Руси. Однако в дальнейшем ни одному из его сыновей или потомков до XV века объединить раздробленную Киевскую Русь не уда-

валось. Киев сохранял главенство, но к 1100 году за его престол боролись около десятка князей, состоявших в родстве между собой, каждый с собственной дружиной. Наиболее значимыми были три области — собственно Киевское княжество, Новгородское и усиливающееся окраинное Владимиро-Суздальское на северо-востоке, где после расчистки лесов обнаруживались плодородные земли. К концу XII века господствующее положение принадлежало именно ему. Однако в разгар междоусобной борьбы между Рюриковичами в 1237–1240 годах на Русь хлынули монголы, разорвавшие города и ставившие князей в зависимое положение данников. Монгольское нашествие оказалось сокрушительным ударом: население массово истреблялось и жестоко эксплуатировалось. Даже недолгий набег монголов на Венгрию, как мы видели, нанес королевству серьезный ущерб. И теперь степной коридор, по которому кочевые орды накатывали на раннесредневековые европейские государства, нес угрозу в первую очередь русским княжествам.

Василий II, несмотря на суровый и безжалостный нрав, был очень харизматичным правителем. Его преемники такой харизмой не обладали и на престоле надолго не задерживались: самое продолжительное царствование в период с 1025 по 1081 год длилось 13 лет, и государственная политика в это время последовательно не отличалась. Несколько десятилетий до 1060-х годов Византия в основном жила в мире, не ощущая серьезной внешней угрозы. Тревожный сигнал прозвучал в 1050-х годах, когда почти всю византийскую Италию завоевали нормандцы, не встретив достойного отпора со стороны византийских войск. В отсутствие внешних войн страх перед узурпацией престола и финансовые проблемы привели к задолженностям в выплатах военным, сокращению армии и роспуску большей части фемных войск — по сути своей оборонительных. В результате империи пришлось несладко, когда на нее обрушилась угроза невиданных с IX века масштабов — турки-сельджуки. Начав действовать с 1030-х годов со своего плацдарма в центральной Азии, они завоевали половину мусульманского

мира, к 1050-м вторглись в Армению, а вскоре после — в Анатолию. В 1071 году Роман IV встретился с ними в решающем сражении у Манцикерта на восточных рубежах империи и был разбит. Византийская армия рассеялась, и, хотя целенаправленного завоевания Анатолии сельджукские правители не предпринимали, отдельные турецкие захватнические отряды и мятежные византийские наемники создали на плоскогорье политический вакуум. Положение усугубила междоусобица, и до Алексея I Комнина (1081–1118) на византийском престоле никто надолго не задерживался. Однако к тому времени турки продвинулись далеко на запад, к Эгейскому морю, где вскоре закрепились в тылу Константинополя в ряде крупных городов, таких как Никея и Смирна (современный Измир). Кроме того, Алексею пришлось отражать на Балканах атаки нормандцев, уже завоевавших византийскую Италию, и набеги полукочевых тюркских племен из степей. К 1091 году он разделался с ними и укрепил свою власть на Балканах. Однако почти вся Анатолия была потеряна, и к началу 1090-х положение стало еще более отчаянным¹⁶.

Вот тогда Алексей обратился за помощью к Западу, и в 1095 году папа Урбан II призвал франков в Первый крестовый поход. Основные силы крестоносцев достигли Константинополя в 1097 году и успешно отвоевали Никею для Алексея Комнина, что дало ему возможность укрепить свою власть и на восточном побережье Эгейского моря. Однако к тому времени, когда год спустя крестоносцы наконец взяли Антиохию и Иерусалим, отношения с Алексеем уже испортились (историки до сих пор спорят, по чьей вине), и до конца этого крестового похода Византия больше ничего себе не вернула, зато получила под боком ряд беспокойных и часто враждебно настроенных латинских государств в Сирии и Палестине, в придачу к турецким эмиратам, постепенно формировавшимся в центральной Анатолии, в частности сельджукскому Румскому султанату с центром в Конье. Так складывалась новая геополитика. Алексею удалось отвоевать западную Анатолию, а его сын Иоанн II и внук Мануил I (1143–1180) восстановили визан-

тийскую власть и на южном побережье, однако с этих пор Византия, в отличие от VIII–X столетий, принадлежала больше к Европе, чем к Азии, и императоры не просто не сумели заново утвердиться на Анатолийском плоскогорье, но фактически отступились: единственная серьезная попытка вернуть его в 1176 году обернулась сокрушительным поражением¹⁷.

В действительности положение дел был не таким угрожающим, как выглядело на карте. Центральная Анатолия навсегда осталась турецкой, но с востока на Византию больше никто не посягал до XIV века, когда мир уже изменился до неузнаваемости. Однако византийская аристократия лишилась своих вотчин, в результате чего немало знатных родов X–XI века к XII столетию ослабли. Оставалось одно — предаваться ностальгии, как в великой эпической поэме XII века «Дигенис Акрит», герой которой — полуграб, полугрек — правит приграничными воюющими областями на плоскогорье¹⁸. Из династий уцелели в первую очередь сами Комнины и связанные с ними близким родством Дуки, средоточие власти которых переместилось в правительство, поскольку Алексей и его преемники назначали родственников на всевозможные высокие должности, попутно придумывая для них новые титулы. Так, например, своей матери Анне Далассине Алексей поручал финансовые дела, распространяя на правительство гендерное распределение ролей из семейной экономики. В дворцовых переворотах наступило столетнее затишье, и государственная власть стабилизировалась, обойдясь без кардинальных перемен, — система налогообложения не изменилась точно, кроме того, у нас есть свидетельства сохранения налаженной системы судопроизводства. Армия по-прежнему оставалась наемной и профессиональной, и по сравнению с предыдущими периодами усилилась тенденция набирать иноземцев, а также появились примеры раздачи воинам земель или права на сбор местного налога (так называемая прония) вместо платы за службу. Эту практику критиковал историк начала XIII века Никита Хониат, усердно искавший внутренние причины краха империи на рубеже XII–XIII столетий, и анализировали

современные историки, пытаясь провести параллели с западным военным феодализмом, но параллели получались слабые¹⁹.

Во многих отношениях Византия периода наивысшего могущества Комнинов не уступала стабильностью империи Василия II. Константинополь, по крайней мере, не беднел и не сокращался в размерах, чему способствовал и явный экономический подъем в Эгейских областях в XII веке. Как и на Западе, предпосылкой к этому служил демографический рост, а кроме того, укрупнение землевладения, как духовного, так и светского, за счет крестьян. К этому времени в большинстве стран Западной Европы этот процесс уже завершился, но в Византии, как мы знаем, независимое крестьянство всегда было многочисленным, а источником личного богатства в такой же или гораздо большей степени, чем сбор ренты с фамильных земель, служило официальное жалованье, обеспеченное налоговыми поступлениями. Однако с этого времени, по мере развития крупного землевладения, крестьянам зачастую приходилось платить одновременно и налоги, и ренту. Этот обновленный способ эксплуатации увеличивал покупательную способность элиты и тем самым способствовал развитию торговли. На греческих островах стали возникать районы винодельческой специализации, на Пелопоннесе — масличной; выращивание шелковицы для производства шелка сосредоточивалось в нескольких областях, крупными центрами шелкового ткачества были Фивы и Коринф в центральной Греции, и продукция экспортировалась не только в столицу, но и на Запад. Как свидетельствуют результаты раскопок, крупные города не ограничивались одним видом деятельности: в Коринфе помимо шелка изготавливали также стекло, керамику и металлические изделия, в других городах имелись крупные рынки. Согласно «Книге епарха», в столице уже к 900 году имелись ремесленные гильдии, и производство там, без сомнения, было самым налаженным²⁰. Пусть в общем и целом византийский экономический подъем уступал североитальянскому и фламандскому, но с большинством других западных стран Византия в этом

отношении потягаться могла. Рост благосостояния — у отдельных слоев — питал налоговую систему и, соответственно, государственную армию, а также интеллектуальную среду, дававшую в X–XI веках выдающиеся плоды. Политические деятели сохраняли прежние литературные пристрастия, примеров чему у нас немало (не в последнюю очередь — дочь Алексея Комнина Анна и ее муж Никифор Вриенний, писавшие исторические сочинения), но появлялись и новые жанры, такие как сатира. Там мы встречаем сетования на несправедливость пребывания образованного человека в бедности (точно такие же идеи бродили в этот период в Париже), то есть и здесь люди раскошеливались на обучение в надежде продвинуться по социальной лестнице и не всегда преуспевали²¹.

У роста благосостояния и культурного подъема имелись параллели и в политике. К этому времени отношения Византии с Западом оформились четче, чем когда-либо прежде, поскольку связи с государствами крестоносцев — и сами крестовые походы — проходили по контролируемым Византией морским и наземным путям. С этого времени на итальянские корабли из Венеции, Пизы и Генуи приходилась львиная доля византийских морских перевозок, и у итальянцев имелись торговые дворы в Константинополе, как в Леванте и Египте. При этом Мануил I, в частности, вмешивался в западные дела с невиданным после Василия I напором — как дипломатическими способами, посредством брачного и других союзов (наибольшим влиянием он пользовался в Венгрии), так и силой: хотя, в отличие от Василия I, утвердить свою власть в Италии он не сумел, важно, что он пытался сделать это, вторгшись в 1155–1156 годах в утраченную Византией Апулию. Мануил I хотел, чтобы его воспринимали на Западе как серьезную фигуру, и отчасти — благодаря своему богатству — преуспел в этом в круговерти складывавшихся и распадавшихся союзов между папой, королем Сицилии, итальянскими городами и германским императором²².

Более тесное знакомство Запада с Византией, однако, не привело к культурному сближению и взаимопониманию, что со временем вылилось в серьезную проблему. Мануил I, может быть,

и пытался ее преодолеть, но он был в меньшинстве. Видимо, слишком бросалось в глаза отношение византийцев, считавших западные народы алчными варварами (достаточно вспомнить широко распространенное мнение, будто на Западе питаются падалью, а также ужасавшие византийцев религиозные обычаи, такие как требование безбрачия от священников и причащение пресным хлебом)²³. Заметно было также, что византийцы не жалуют государства крестоносцев, которые в глазах западноевропейцев всегда были овеяны сиянием славы и подвига на передовой религиозной борьбы. Как бы то ни было, западные политические деятели, по мере того как они уверялись в своем культурном превосходстве и четче осознавали собственную идентичность, начинали сильнее отгораживаться от альтернативных ценностей и обычаев. Западное стереотипное представление о греках как о неблагодарных трусах и мастерах пустопорожных богословских споров, существовавшее со времен Римской республики и читавшееся между строк в западной риторике раннего Средневековья, в XII веке значительно укрепилось. Искренний трепет перед величием, богатством и культурой Константинополя, который — отчасти против воли автора — улавливается у Лиутпранда Кремонского в 950–960-х годах, с этого времени в западных источниках встречается гораздо реже, разве что в виде восхищения полумифическим градом чудес, образ которого перекликался с устоявшимся представлением об арабской роскоши. Иными словами, Византия, по определению Эдварда Саида, ориентализировалась²⁴. О том, чтобы взять действенную и состоятельную византийскую систему налогообложения за образец для вечно нуждавшихся в деньгах западных правителей, речи не было.

Вот в такой обстановке после 1180 года, когда после кончины Мануила I на престол должен был взойти малолетний наследник, в Византии началась новая череда заговоров, в результате которых сменялись, не задерживаясь надолго, некомпетентные правители. Не спасала и принадлежность всех соперников к роду Комнинов — друг друга они щадили не больше предшественников.

Осталась в прошлом политическая сплоченность в глазах Запада, существовавшая при Мануиле I, — события Третьего крестового похода в 1189–1190 годах особенно подчеркнули слабость империи. Что касается итальянских городов, еще в 1171 году Мануил I конфисковал имущество венецианцев, а в 1182 году Андроник I истребил константинопольских пизанцев и генуэзцев. Два итальянских города этого не простили, а венецианцы, хотя резня 1182 года сыграла им на руку, не могли забыть 1171 год. Перемена в византийской политике по отношению к ним в течение следующих двух десятилетий окончательно настроила их против Константинополя. Вместе с тем кризис верховной власти наконец создал предпосылки для не случавшегося прежде отмежевания провинций — сербов на северо-западе, армян на юго-востоке, Кипра под управлением Исаака Комнина, господствовавшего над восточной частью Эгейского моря, — а также для самого опасного из этих отмежеваний в силу близости к столице — восстания братьев Асений в 1186 году, в результате которого была восстановлена независимость Болгарии. По любым меркам это было много. Важным последствием этих событий стало истощение столичной казны и сопутствующее сокращение армии. Соответственно, когда участники Четвертого крестового похода, задолжавшие венецианцам и сами нуждавшиеся в деньгах, согласились отклониться от намеченного курса и помочь взойти на имперский престол тогдашнему претенденту, Алексею IV, для чего в 1203 году с боем взяли Константинополь, Алексей не смог ни выплатить им обещанное, ни дать отпор. Столицу брали и прежде — например, Алексей I в 1081 году, с немалым разорением и кровопролитием; падение 1203 года она перенесла легче. Но когда крестоносцы устали ждать (Алексей IV к тому времени погиб в результате очередного заговора) и в 1204 году снова пошли в наступление, городу пришлось туго. К этому времени Константинополь уже никакого трепета не вызывал, его воспринимали как купающуюся в роскоши столицу никчемных греков-раскольников. Поэтому 1204 год стал для города роковым. Константинополь был разграблен, его сокровища переправлялись на Запад,

Византия распалась на десяток мелких государств, нередко обязанных своим происхождением расколам 1180–1190-х годов, и слабую Латинскую империю в центре²⁵.

В определенном смысле вышеизложенное лишает 1204 год статуса ключевого события византийской истории; падение было обусловлено исключительно предшествующим расшатыванием империи после Мануила I и тем, что западные государства и Византия, так сказать, разлюбили друг друга. Однако в результате то, что могло оказаться временным, стало окончательным и роковым. Если бы не 1203–1204 годы, не исключено, что появился бы второй Алексей I, которому удалось бы объединить империю заново и вернуть ей статус значимой европейской державы, более интегрированной в культурном отношении в остальную Европу — возможно, при посредничестве итальянских городов. В XIII веке ряд западных регионов перешел на собственные, национальные языки, и для французских или итальянских политиков или интеллектуалов греческий был бы не сложнее для понимания, чем, скажем, немецкий. Кроме того, как мы знаем из предыдущей главы, в XIII веке Запад гораздо живее, чем в прошлые столетия, интересовался передовыми технологиями государственного управления. Византийская модель могла снова оказаться продуктивной, и даже больше, чем прежде. Но этого не произошло, точнее, произошло уже при возвышении османов, чего Запад, учитывая его культурные и религиозные взгляды, принять не мог и не принимал. Давайте в завершающей части данной главы посмотрим, как развивались дальнейшие события.

Латинская империя, созданная на базе завоеванного Константинополя, была слаба и до 1261 года просуществовала лишь чудом. Но, как говорилось в начале главы, после этого Византии, возрожденной уже под властью новой династии, Палеологов, так и не удалось сколько-нибудь существенно расширить территорию. В конце XIII — начале XIV века ее основная задача состояла в том, чтобы заново распространить свою власть с северо-западной Анатолии

на территорию современной Греции (о Болгарии речь уже не шла), но там приходилось соперничать с экспансионистской Сербией, которая при Стефане Душане (1331–1355) установила временное господство над всей северной Грецией, тогда как Византия в 1340-х годах переживала междоусобицу, а в 1347–1348 годах Константинополь сильно пострадал от Черной смерти. Пелопоннес, в свою очередь, был раздроблен на мелкие греческие и латинские государства; венецианцы и генуэзцы, базируясь на островах, главенствовали в морской торговле. Таким образом в регионе Эгейского моря происходило соперничество множества государств и владений, ни одно из которых не могло одержать верх над остальными. При этом империя с центром в Константинополе была самой богатой, обладала мощной городской культурой, развивавшейся на основе заложенного в прошлых столетиях, и по-прежнему заманивалась на честолюбивые и дорогостоящие архитектурные проекты — например, перестройку и украшение монастыря в Хоре (Кахрие-Джами в современном Стамбуле) по заказу придворного советника, ученого и мыслителя Феодора Метохита в 1315–1321 годах. В наши дни фрески и мозаика этого монастыря являют собой самый великолепный образец дошедшего до нас византийского искусства во всем Стамбуле, не считая того, что находится в соборе Св. Софии²⁶.

Этот взлет прервался, когда события приняли неожиданный оборот. В 1270-х годах вновь разоренный монгольскими набегами Румский султанат распался, что привело к высвобождению энергии мелких турецких мусульманских княжеств, которым ничто не мешало, сражаясь с соперниками, заглядываться и на богатые земли греков в Эгейском бассейне. Одно из таких княжеств, принадлежавшее Османской династии родом из крошечного городка Сегют под Никеей, в 1321–1331 годах завоевало Никею и Бурсу. Эти свои все еще скромные владения турки принялись с поразительной скоростью расширять. В 1354 году они вторглись во Фракию, а к концу 1360-х добрались до Черного моря, отрезав Константинополь, к которому теперь можно было подойти только

на корабле. За следующие 25 лет они заняли почти все Балканы, приостановившись лишь в 1389 году, когда сербы нанесли им большой урон в битве на Косовом поле, воспетой затем в фольклоре. (Тем не менее вскоре сербам пришлось признать владычество османов, а в 1439 году они были покорены полностью.) На материке под латинской и греческой властью оставались только Албания и южная Греция, а султан Баязид I (1389–1402) уже осаждал Константинополь. Отсрочку византийцам обеспечил пришедший из Центральной Азии Тамерлан, разбивший войска Баязида в Анкаре в 1402 году, но к этому времени от Византии остался фактически лишь Константинополь и осколок на Пелопоннесе вокруг Мистры. В 1430-х годах османы возобновили экспансию и к 1461 году захватили почти все оставшееся от латинских и греческих владений, за исключением венецианских островов, а сам Константинополь был взят в 1453 году после мастерски организованной султаном Мехмедом II (1451–1481) осады²⁷.

Появление на Балканах Османской империи стало важнейшим изменением в политическом устройстве Европы конца XV века (при этом в Азии владения империи были еще более обширными). К началу XVI века Османское государство представляло собой самую слаженную фискальную и политическую структуру на всем континенте. В подробностях я не описываю ее только потому, что свидетельства ее слаженности появляются лишь в последние годы столетия, а достаточный объем набирают только после 1500 года, то есть выходят за рамки рассматриваемого в этой книге периода. Но мы не можем обойти вниманием главный вопрос, который встает в связи с этим перед историком, а именно: как так вышло? Как удалось османам, располагавшим поначалу лишь крохотным аванпостом, добиться того, что не получилось у константинопольских императоров и напористых сербских королей, — надежно восстановить бывшую Византийскую империю в прежних границах, а затем раздвинуть их еще шире? Вне всякого сомнения, у них имелась сильная армия, почти с самого начала финансировавшаяся за счет земельного налога, — стандартная практика

для исламской и византийской традиции. К концу XV века, если не раньше, в качестве платы за службу воинам стали передавать право собирать налог с определенной территории — так называемый тимар. У этой практики имелись предшественники и в исламском мире (икта), и в Византии (прония, которая в поздневизантийский период играла более важную роль, чем прежде). Разницу в происхождении подчеркивал не один историк, и тем не менее там, где исторические источники (как в северной Греции) отражают преемственность политических режимов, нельзя не заметить существенную взаимосвязь между византийской и османской фискальными моделями¹⁸.

По сути своей политическое устройство, принесенное османами из их арабо-тюркского прошлого, — в частности почти универсальное представление о постоянной наемной армии с собственной кадровой организацией как о стандартной составляющей любого государства, — требовало перенимать и адаптировать любые фискальные модели, встреченные в завоеванных странах, то есть прежде всего византийскую. Вскоре османы придали ей централизованный характер, добавив заодно новые элементы. Они развивали ее, стремительно инкорпорируя региональную элиту и стабилизируя тем самым региональную власть этой элиты. Османской державе тоже не удалось избежать раздробленности, особенно в смутный период после 1402 года, но при этом она умела эффективно восстанавливаться — настолько эффективно, что к XVI веку государственная организация Османской империи оказалась наилучшей не только в современной ей Европе, но и во всей исламской истории до XIX столетия. Формирование такой прочной структуры не где-нибудь, а на территории бывшей Византии отнюдь не случайность. Султан Мехмед, заботливо заселяя Константинополь/Стамбул уже как свою столицу, признавал его византийское наследие, в рамках которого, впрочем, удерживаться не собирался¹⁹. Западно-европейским завоевателям бывших византийских и, собственно, бывших арабских земель редко удавалось так преуспеть. Напри-

мер, несмотря на то, что нормандское Сицилийское королевство многое почерпнуло из византийской и арабской модели, византийский земельный налог в Апулии был быстро приватизирован, и, хотя налогообложение на Сицилии сохранялось дольше, поскольку налоги взимались с мусульман, поступления в основном шли в частные руки, а в XII — начале XIII века налогообложение постепенно сокращалось вместе с таявшей мусульманской прослойкой³⁰. В XIII веке оно было введено заново на совершенно другой основе и организовано было хуже. Но османы осознавали значимость таких структур и лучше умели их использовать. У них было все для того, чтобы в новом мусульманском пространстве выступить наследниками Византии и Рима. Однако от прочих европейских держав их отделяла еще большая пропасть, чем Византию за все время ее существования; они вызывали ненависть и страх (и завораживали восточной экзотикой), а не восторг и желание подражать, и отношение это сохранялось ровно столько, сколько существовала Османская империя.

Государством, которое и в самом деле настойчиво провозглашало себя преемницей Византии, была Московия — княжество Московское. После монгольского нашествия в 1237–1240 годах русские княжества оказались в политической и даннической зависимости от одной из наследниц Монгольской империи — Золотой Орды. Киев, прежде сосредоточивавший в себе верховную власть, утратил свое значение, и теперь новый политический центр складывался вокруг Владимира на северо-востоке. В бесконечной чехарде междоусобиц, не утихавшей среди Рюриковичей и после 1240 года, князья Москвы, прежде крохотного городка на Владимирской земле, к 1320-м годам оказались самыми могущественными в основном благодаря благосклонности монгольских ханов. С этого же времени в Москве большую часть времени располагалась кафедра митрополита. Когда с 1420-х годов власть Орды начала слабеть, великий князь Московский стал главным правителем русских земель, а к 1520 году, с покорением Рязани, под властью Москвы объединились все независимые русские княжества³¹.

До тех пор всех русских митрополитов рукополагали в Константинополе, и зачастую назначал их сам Вселенский патриарх. С 1448 года, когда дни Византийской империи уже были сочтены, эта практика прекратилась. Но Русская церковь сохраняла прочную идеологическую связь с византийской традицией; не теряли ее и Рюриковичи — в частности, жена Ивана III София была из рода Палеологов. К XVI веку реакция Руси на падение Константинополя выразилась в провозглашении Москвы его преемницей. С этого времени стал формироваться устойчивый образ «Третьего Рима», и в 1547 году Ивана IV венчали на царство. Однако других элементов преемственности, кроме этой идеологической традиции (воплощенной в том числе в архитектуре — великолепных церквях византийского стиля, построенных в Средние века и раннее Новое время), на московских землях не наблюдалось. Фискальная система Московии довольно долго оставалась примитивной — сбор дани с городов и пока еще в основном независимого крестьянства; но к этому времени в связи с ростом церковного и светского землевладения крестьяне уже начали утрачивать независимость, хотя пока процесс шел медленно. Разрастающаяся Московия сталкивалась с необходимостью развивать политическую инфраструктуру, но выбирала модели, гораздо больше схожие с монгольскими, чем с византийскими³¹. Это неудивительно, поскольку центр Московии отстоял от остальной Европы — включая Византию — еще дальше, чем во времена Киевской Руси: от юга ее отделял не только степной коридор, который и в XVII веке еще оставался враждебным пограничьем, но и расширившееся Великое княжество Литовское, теперь тесно связанное с Польшей (см. главу II), которое воспользовалось моментом, когда власть Орды начала слабеть, и к 1360-м годам надолго подчинило Киев. Если сравнивать Османскую империю, воцарившуюся на бывших византийских землях и правившую из византийской столицы по византийскому в основе своей обычаю, с Московией, претендовавшей на преемственность с Византией с упорством, какого не знал ни один османский султан, но при этом не воплощавшей эту преемствен-

ность ни в инфраструктуре, ни в социальном укладе, первенство по устойчивости связей с Византией стоит присудить османам. Однако подчеркивание Русской церковью своего римско-византийского прошлого и принадлежности к православию имело существенное значение как тогда, так и потом.

Византийская империя играла важную роль в европейской истории до самого своего упадка, приведшего к событиям 1204 года, и, если бы не Четвертый крестовый поход, могла вернуть себе этот статус. Без нее не обходится ни одно серьезное исследование Средних веков. Наоборот, удивительно, что многим авторам все же удается обойтись — скорее всего, потому, что они рассматривают в основном период после XII века, когда Византия, хотя и оставалась крупным политическим игроком до 1180 года, уже ускользала из поля зрения западных авторов, а затем перестала выступать грозной силой. После этого европейское пространство стало почти полностью латинским — если не считать Балкан и Руси, на которые пока мало кто, кроме Венгрии и Польши, обращал внимание. Но до тех пор Византийская империя была самой богатой и развитой европейской державой и сохраняла этот общепризнанный статус по крайней мере до XI века. Никита Хониат, уязвленный событиями 1204 года, утверждал — помимо ожидаемых открытых нападок («они всегда нас ненавидели», «считали нас добычей» и т. п.), — что между Западом и Востоком никогда не было ничего общего: «Между нами и ними [латинянами] образовалась слишком глубокая пропасть непонимания, мы преследуем разные цели и диаметрально противоположны друг другу»³³. Его обида объяснима, но это не значит, что мы с ним согласимся.

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ И СООБЩЕСТВА В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Стоит нам обратиться к позднему Средневековью, и сведения о европейцах — особенно западноевропейцах — множатся в геометрической прогрессии. Судебные протоколы из итальянских городов дошли до нас сотнями тысяч, финансовые записи английского правительства примерно в тех же объемах. Более того, распространение грамотности привело к тому, что письменные документы стали уделом самых разных социальных слоев — вплоть до самых низов, ремесленников и иногда крестьян. Все чаще тексты писались не на латыни, то есть приближались — хоть и не полностью — к разговорной речи этих людей. В результате нам становится проще разобраться в культурных ценностях и обычаях большинства, не относящегося к высшим слоям общества, и подробнее исследовать не связанные с религией моральные установки элит. Поэтому давайте посмотрим, как реализовывался этот культурный уклад на практике, обращая особое внимание на гендерные различия, прежде всего применительно к женщинам, и на общинную сплоченность. В основном нас будет интересовать период после 1300 года, но по возможности мы будем заглядывать и в более ранние времена. Это неотъемлемый базис, культурный фундамент, если хотите, для анализа политических надстроек и дискурсов

и экономических перемен, которые мы будем разбирать в последних двух главах. Начнем мы с двух примеров религиозных нововведений, которые затрагивали женщин, и с реакции на них, чтобы пролить свет на более широкие представления того периода, касающиеся, прежде всего, женских гендерных ролей. Так мы неизбежно вступим в область мирских культурных ценностей, а затем рассмотрим их в других преломлениях, в том числе через призму художественной литературы того времени. Здесь в центре нашего внимания окажется самоидентификация представителей того или иного слоя — аристократии, горожан и крестьян соответственно, — оформляющаяся все четче и имеющая также обратную сторону — стигматизацию «чужих».

Итак, первой перед нами предстает будущая святая Екатерина Сиенская (скончалась в 1380 в возрасте 33 лет). Ее достижения и самобытный жизненный путь позволяют судить, насколько возможно было в ее время для женщины оказаться на ведущих ролях. Она родилась в зажиточной семье красильщиков, принадлежавших в Сиене к средним слоям элиты — в 1360-х годах из этой же прослойки происходили некоторые городские лидеры. Согласно ее биографу, она была у ее матери двадцать третьим ребенком, из которых до взрослого возраста дожили только пятеро. В юности она стала отказываться от пищи и к 1370-м годам не ела почти ничего. Весьма вероятно, что основной причиной ее смерти в 1380 году оказалось принятое незадолго до этого решение на месяц отказаться от воды. Кэролайн Байнум убедительно доказывает, что это решение — и связанные с ним физические симптомы, такие как сонливость и крайности в пищевых предпочтениях, вроде питья гноя, — нельзя списывать на анорексию, его необходимо рассматривать в контексте сложных отношений с пищей, с причастием и кровью Христовой, характерных для женщин, посвящающих себя Богу. Екатерина, которая отказалась и от брака и несколько лет провела в затворничестве в своей комнате, определенно не видела для себя иного предназначения, кроме духовного и подвижнического. Это стало понятно довольно рано, и в 1360-х

у нее имелись наставники из доминиканского ордена (базилика Сан-Доменико в Сиене и сейчас высится над тем районом, где жила Екатерина). К 1374 году она официально вступила в орден, привлекла внимание папы, и ее духовником был назначен генеральный магистр доминиканцев, который впоследствии написал самое подробное ее жизнеописание. У всех крупных религиозных деятелей женского пола имелся мужчина-духовник, чьи записи, переосмысляющие их жизнь в парадигме мужского восприятия, зачастую оказываются единственным источником сведений об их деятельности. Однако о Екатерине нам известно не только из вторых рук, поскольку до нас дошло свыше 380 ее писем и богословский труд, все на итальянском — если она и владела латынью, то слабо. В сочинениях видна ее самобытная приземленная метафоричность (например, отождествление божественной природы Христа с вином в открытой винной бочке, которым можно напиться пьяным, или сравнение двойственности его природы — соединения в нем божественного и человеческого — с привитым деревом). Она активно участвовала в тосканской и папской политике, много ездила по итальянским городам; ее считали достаточно влиятельной в политическом и нравственном отношении фигурой, чтобы убедить папу Григория XI вернуть престол из Авиньона, где он тогда располагался (см. главу 11), в Рим, что папа и сделал в 1377 году. В Сиене с ней тоже считались, хотя она далеко не всегда отстаивала интересы действующего сиенского правительства. Кроме того, она окружила себя свитой из влиятельных сиенцев, которую называла своей семьей — *famiglia* (она была их *tamma*; перенос образа семьи в политику позволял ей обращаться к папам римским *babbo* — «папуля»). На Екатерину часто смотрели с подозрением, как и на других религиозных деятельниц, которые, как мы еще увидим, настораживали современников самостоятельно — вне брака или стен монастыря — заработанным высоким статусом. Екатерине не раз приходилось представлять перед церковным судом. Как и другие религиозные деятельницы, она была признана святой не сразу, ее канонизировали только в 1461 году, по решению папы-

сиенца. Тем не менее в последние шесть лет своей жизни дочь ремесленника, не знавшая латыни — стандартного языка политики, была значимой политической фигурой в Сиене, Флоренции, Риме и Авиньоне. Суровой аскезы и сильной харизмы, которая отчетливо ощущается в письмах, для этого оказалось достаточно!

В качестве второго примера возьмем Марджери Кемп (ум. после 1439) — дочь, жену и мать торговцев из порта Кингс-Линн в Норфолке. Ее отец, многократно избиравшийся мэром Кингс-Линна и депутатом парламента, особенно преуспевал, и Марджери почти не знала бедности — кроме тех случаев, когда раздавала деньги нуждающимся. Почти все имеющиеся у нас сведения о ней — из ее автобиографии, которую она надиктовала в 1430-х годах, когда ей было за 60. Диктовка не означает, что она не знала грамоту (Екатерина Сиенская тоже диктовала, как и многие хронисты-мужчины, пока чудом не научилась писать в 1377 году), из книги Марджери неясно, умела ли она читать, но ребенка богатого торговца, даже женского пола, в это время уже, скорее всего, должны были обучить чтению, и она совершенно определенно была знакома с литературой духовного содержания. В книге Марджери — или «это создание», как она себя называет, — описывает глубоко личный, мистический опыт, построенный не на аскезе (если не считать целомудрия, которое давалось ей тяжело), а на публичном истерическом плаче и исступлении, особенно в религиозной обстановке, на самоуничижении и видениях Христа, с которым она обручилась во время паломничества в Рим. Более или менее обычным браком — если не считать душевных срывов — она тоже жила, родив в нем 14 детей, но в 1410-х годах видения призвали ее попросить у многострадального мужа разрешения отправиться в паломничество и отказаться от исполнения супружеских обязанностей. Он согласился при условии, что Марджери рассчитается с его долгами. Облачившись в непорочно-белые одежды, она посетила по очереди Иерусалим, Рим и Сантьяго-де-Компостела. Паломничества классические для любого, кто мог себе это позволить, но редко кто совершал все три, а видеть в таком долгом путе-

шествии одинокую — несмотря на присутствие спутников — женщину было тем более непривычно. Уже в преклонных годах она добавила к этим святыням балтийские (у нее была невестка в Германии, которая — не то чтобы охотно — сопровождала ее в Гданьск). Гораздо больше внимания в своем социальном окружении она привлекала поездками по Англии, причем внимания довольно скандального, учитывая ее одеяния, истерики и неизбежные беседы о религии с каждым встречным. В 1417 году, вернувшись из заграничных странствий, Марджери оказалась в затруднительном положении, поскольку в Англии шли гонения на ересь лоллардов (см. главу 12) и ей несколько раз пришлось доказывать свою непричастность к ним перед епископом и городскими властями (как выразился мэр Лестера, «ты пришла сманивать наших жен» — это лишь одно из многочисленных опасений, которые вызывала Марджери, согласно ее книге). Однако на самом деле епископы относились к ней достаточно благосклонно, поскольку на все вопросы она давала совершенно ортодоксальные ответы и получила свидетельства принадлежности к традиционной Церкви от обоих английских архиепископов. Обвинения в проповедовании — потенциальном распространении ереси — она опровергла, заявив, что просто беседовала с людьми. Марджери Кемп, судя хотя бы по ее книге, была личностью совершенно невыносимой, однако ей удалось занять свою нишу и оборонять ее от нападков представителей любых сословий. Современные историки высказывают предположения, что книгу она писала в надежде на канонизацию — мне так не кажется, но свою близость к Христу она определенно считала явлением исключительным, и очень похоже, что многие ее взгляд разделяли².

К гендерным аспектам деятельности Екатерины и Марджери я буквально через несколько строк вернусь, а пока давайте посмотрим на них как на мирянок. Они, несомненно, выделялись на общем фоне своим религиозным рвением и тем, что обе, при значительной разнице между ними, принадлежали к интуитивному духовно-религиозному направлению христианства (его

часто называют мистицизмом, но понятие это довольно расплывчатое). Нам, однако, важна не столько нетипичность их поступков для большинства, сколько восприятие этих поступков как приемлемых и даже достойных восхищения. Религиозность у мирян выражалась, как правило, участием в еженедельных и ежегодных обрядах — в церковных службах или крестных ходах, и внешними ее проявлениями обычно руководили священники, прерогативой которых были также проповеди и ежегодное исповедание прихожан³. Представление о том, что христианская вера требует посредничества священников, было основополагающим, и борьба с ересями в XIII веке, как мы видели в главе 8, в основном была нацелена на тех, кто этого не признавал. Так продолжалось и в более поздние времена. Марджери Кемп открыто обвиняли в ереси, Екатерина была на грани — они избежали осуждения и получили покровительство влиятельных лиц, поскольку полностью признавали (или такое создавалось впечатление) церковную иерархию (не обязательно испытывая столь же полное уважение к отдельным ее представителям). К позднесредневековым разновидностям ереси мы еще вернемся в последней главе книги — их целесообразнее всего рассматривать в рамках более широких проблем власти и раскола в этот период. А пока нам важно, что ни Марджери, ни Екатерину в конечном итоге еретиками не признали, хотя они участвовали в насаждении новых способов нравственного поведения, и религиозные власти в лице епископов и даже пап это устраивало. Это значит, что Церковь не любые притязания мирян на ведущие роли в религиозной сфере встречала в штыки; притязания эти скрупулезно анализировались, однако в тех случаях, когда они признавались приемлемыми, верховное духовенство только приветствовало расширение связей с божественным, обеспеченное вовлеченностью мирян. Григорий XI отчасти сам искал общения с Екатериной, поскольку его прежняя духовная собеседница, Бригитта Шведская (не менее выдающаяся, но не такая исключительная личность — в силу происхождения из аристократической, а не ремесленной прослойки), незадолго до того скон-

чалась. Точно так же обстояло дело с влиянием Франциска Ассизского на Иннокентия III, иногда таким же уважением пользовались бегинки во Фландрии и северной Франции. Однако этим духовная активность мирян и ее признание обществом и Церковью в позднем Средневековье не ограничивались. Еще одно яркое проявление такой активности — влиятельное (и хорошо изученное) движение «нового благочестия» (*devotio moderna*) в Нидерландах XV века⁴.

Как добивались признания и что этому препятствовало? Разобраться нелегко, поскольку о рассматриваемых исторических личностях заранее известно, что признание они в конце концов обретут, зато их путь к нему в исторических источниках вымощен стереотипами. Но какие-то общие принципы все же вырисовываются. Во-первых, не случайно оба моих примера взяты из городской религиозной среды — в городах шире был социальный простор для самоформирования (поэтому туда и переселялись — не в последнюю очередь женщины, которым возможность самостоятельного заработка позволяла вести независимое существование дольше, чем в деревне)⁵. Городским общинам тоже выгодно было иметь у себя отшельника или другого аскета — как отличительную особенность. Один из более ранних примеров такого рода — Сибилла Марсальская, необыкновенно истово верующая бегинка из небольшого лотарингского городка: она постилась, у нее случались видения, и в 1240 году к ней в Марсаль начали стекаться паломники. Жители города ничего против не имели, с благосклонностью отнесся к Сибилле и лично прибывший для расследования епископ Метца, как только увидел демона, с которым она сражалась. Лишь в ходе более тщательного расследования выяснилось — судя по всему, случайно, — что Сибилла мошенничала, причем крупно: демона изображала она сама. Если бы не громкий успех, никто, возможно, не озаботился бы проверками и Марсаль продолжал бы получать свою выгоду⁶. В свете этого восторг сиенцев по поводу святости Екатерины становится понятнее.

И наоборот, точно так же очевидно, что подозрительность по отношению к «духовным гигантам», характерная, как на собственном опыте узнали Екатерина Сиенская и Марджери Кемп, для этого периода, имела сильный гендерный крен. Екатерине удалось, как нам известно, добиться значительного международного признания, однако, как правило, на женщин, посвящавших себя Богу, смотрели косо, и в дальнейшем это неприятие только усиливалось. Отчасти так происходило потому, что женщин мужское религиозное пространство принимало плохо: они считались духовно более слабыми, более склонными к одержимости бесами (а поди отличи беснование от божественного откровения) и способными расстроить весь устанавливающий им границы мужской порядок. Другой известный пример — Жанна д'Арк, крестьянка, слышавшая божественные голоса, которую король Франции Карл VII поставил во главе своих войск, сражавшихся в 1429–1430 годах с английскими захватчиками, а англичане в 1431 году сожгли как еретичку: исход процесса зависел от того, признают ли голоса, которые она слышала, божественными или дьявольскими — официального подтверждения Церкви на этот счет не было, — и что решат относительно того, насколько женщине позволено облачаться в мужские военные доспехи. С середины XV века опасения стали усиливаться: некоторых женщин-визионеров начали причислять к новой категории духовно опасных — ведьмам. Жанна д'Арк была, по сути, первой из числа таких обвиняемых, поскольку на процессе ей вменялись в вину сношения с дьяволом⁷. Однако на самом деле подобные духовные опасения диктовались патриархальным соотношением сил и не в религиозных сферах: эти женщины действовали не так, как положено, без посредничества или руководства отца, мужа или хотя бы духовника. Они претендовали на неположенную им, по мнению многих, роль в обществе. На это соотношение сил — особенно применительно к женщинам — нам нужно взглянуть шире.

О том, что мужская гегемония создавала ограничения для женщин как в ту эпоху, так и в любую другую, известно всем, но про-

яснить положение дел необходимо. Данте в своей «Монархии» приводит расхожее проклятие: «Пусть у тебя в доме будет тебе равный» — считалось, что домохозяйству по определению присуща внутренняя иерархия. В 1392–1394 годах неизвестный парижский мещанин написал для своей молодой жены сборник советов и наставлений, подразумевающий, что жена не сможет ступить и шага без руководящих указаний мужа, даже если они абсурдны. Сборник изобилует выдержками из средневековой литературы о свехприлежных и сносящих любые издевки женах — таких как терпеливая Гризельда, которая во всем смиренно повиновалась намеренно унижавшему ее мужу (гораздо человечнее и полезнее выглядит вторая часть сборника, содержащая рекомендации по огородничеству и кулинарные рецепты). Женщины считались слабее, ниже рангом, более склонными к блуду и греху; их требовалось контролировать, если понадобится — силой, и репутация их была уязвима, причем, что немаловажно, сами женщины эти убеждения разделяли⁸. Изнасилования были в порядке вещей и редко наказывались; Андрей Капеллан, автор одного из первых руководств по придворному этикету, написанного в 1180-х годах, считает, что именно так дворянину приличествует забавляться с крестьянками. И так далее. Таковы были общепринятые нормы, на фоне которых нужно рассматривать любое сочинение, где имеется дерзкая героиня, — например «Декамерон» Джованни Боккаччо, созданный около 1350 года (Гризельда в нем тоже представлена — в несколько ироничном свете)⁹.

Эти ограничения отчасти закреплялись законодательно — в частности, законами о приданом, ограничивающими размер собственности, который замужней женщине дозволялось наследовать или которым она могла распоряжаться самостоятельно. Здесь городская среда снова оказывалась более благосклонной к притязаниям женщин на ведущие роли в некоторых областях, особенно в гендерно-дифференцированной экономической деятельности, например ткачестве или пивоварении. Не стоит забывать и о том, что даже в сельской местности представительницы крестьянско-

го большинства всю жизнь работали на равных в семейном под-
ряде и часто отвечали за продажу товара на рынке. Тем не менее
единственную категорию мирянок, которой позволялась продол-
жительная самостоятельность, составляли вдовы. Так, аугсбургское
семейство Фуггеров, нажившее в XV веке состояние на торговле
тканями, своим взлетом обязано не только мужчинам, но и вдо-
вам. Единственной сферой, остававшейся в непосредственном
ведении женщин, были домашнее хозяйство и домашняя эконо-
мика, что признавал даже тот неизвестный парижский мещанин.
Именно поэтому Алексей I, как мы знаем из предыдущей главы,
поручал своей матери Анне Далассине управлять византийской
казной в 1080-х годах, по сути сращивая государственный аппарат
с собственным домохозяйством. В других местах из этой домаш-
ней роли проистекала и более масштабная экономическая дея-
тельность: ткачество, например, считалось женским ремеслом,
поскольку в семье этим всегда занимались женщины, а мужчины
брали на себя крупное, более «публичное» ткацкое производ-
ство¹⁰. Гендерно дифференцированными были и области практи-
ческого знания: в ведении женщин всегда находилось деторожде-
ние, а также значительная часть практической медицины, но, когда
медицина превратилась в сферу профессиональной деятельности
(почти везде это произошло в позднем Средневековье), ее кадро-
вый состав стал мужским. Патриархальный контроль никогда
не был полным; при наличии уступчивого мужа (как у Марджери
Кемп) и экономической необходимости у многих женщин появля-
лось пространство для самостоятельных действий. Соответствен-
но наметившаяся в XVI веке Реформация считала необходимым
бороться с практической независимостью женщин путем ужесто-
чения правил и норм¹¹. Но и патриархальный контроль никуда
не исчезал, и любой желающий мог к нему прибегнуть.

Неудивительно, что, изучая женщин на ведущих ролях, исто-
рики зачастую вынуждены ограничиться королевами и предста-
вительницами верховной знати, которые обладали достаточной
властью — либо наследственной (при отсутствии братьев), либо,

чаще всего, как регенты при детях после смерти супруга. В неаристократических семьях женщины на таких ролях тоже оказывались, но применительно к аристократии у нас больше документальных источников. Эта власть, хоть и подлинная, тоже была ограничена. Женщинам-правительницам либо приходилось выдерживать повышенную враждебность и неприятие, либо повышать свой авторитет за счет замужества — а иногда и то и другое сразу. Таких примеров немало: Уррака Кастильская (1109–1126), правившие одна за другой графини Фландрии — Жанна и Маргарита (1206–1278), Джованна I Неаполитанская (1343–1382), Маргарита I Датская (1375–1412) и Изабелла I Кастильская (1474–1504) — причем последние две преуспели больше других. Маргарита Датская, хоть и унаследовала трон от отца, почти все время, как и остальные королевы-регенты, отдавала бразды фактического правления молодым мужчинам (сперва сыну, а затем одному из племянников по своему выбору). При этом Маргарита не только почти полностью подавила оппозицию, но и сумела расширить свою власть: за тот единственный временной промежуток, когда она правила единолично — в 1387–1389 годах, — ей удалось объединить Данию, Норвегию и Швецию (в последнем случае действуя силой)¹². Суровостью отличались и другие правительницы — Валлийской марки в частности, а Изабелла Французская, жена короля Англии Эдуарда II, с помощью своего любовника Роджера Мортимера в 1327 году свергла собственного мужа¹³. Тем не менее другие правительницы убеждались рано или поздно, что заведомо непрочная политическая власть для них непрочна вдвойне. То же касалось и поведения. С появлением идеи «куртуазной любви» и вдохновленных артуровскими легендами придворных манер (см. ниже) жены королей или сеньоров могли сколько угодно окружать себя молодыми рыцарями-воздыхателями, но горе той, которую сочтут подавшей соблазну. Обвинение в супружеской измене с таким поклонником могло дорого обойтись даже королевской особе, и подтверждением тому — участь невесток Филиппа IV Французского в 1314 году и Анны Болейн в Англии в 1536 году. Изольда

и артуровская Гиневра, которым были предъявлены аналогичные обвинения, остались в живых лишь потому, что были вымышленными героями.

Таким образом, безопасного и надежного общественного пространства для женщин не существовало — если не считать женских монастырей (но и монастыри часто были более закрытыми и бедными, чем мужские)¹⁴. Мирской властью женщина обладала — если обладала — только в контексте внутрисемейной иерархии, подчиняющейся жизненному циклу семьи. Становясь коллегиальной, власть теряла доступность для женщины; в правительство итальянских городских коммун женщины не допускались, университеты были исключительно мужским царством, как и большинство ремесленных гильдий (хотя в некоторых имелись участницы-женщины, преимущественно вдовы, а в Кёльне и Париже, в частности, существовали женские ткацкие и прядильные гильдии и распространено было членство женщин в других цехах)¹⁵. Соответственно основным объектом гендерного анализа становится компромиссное урегулирование (как с женской стороны, так и с мужской) ожиданий, установок, границ, категорий, основанных на половой принадлежности, — и это вполне закономерно. Именно в результате такого урегулирования — возвращаясь к Екатерине, Марджери и Жанне д'Арк — исключительные личности могли играть на гендерных стереотипах — в том числе о женской хрупкости, создавая себе духовное пространство, в некоторых случаях обеспечивавшее политическое влияние. Но такое удавалось лишь исключительным личностям (и исключительно благочестивым) и тоже было сопряжено с ограничениями и риском.

Изменилось ли что-то в этом отношении за весь период Средних веков? На этот счет мнения расходятся. Кто-то считает, что в раннем Средневековье было больше простора для женской власти и владения собственностью, тогда как примерно с 1100 года растущая патрилинейность аристократических родов на Западе и отлучение дочерей от наследования при наличии сыновей отрезало им путь к ведущим политическим ролям, сковав брачно-

семейными шаблонами, которые создали мужчины¹⁶. Да, несомненно, патрилинейность семьи становится гораздо заметнее во второй половине Средневековья (хотя она существовала и прежде); несомненно также, что доля семейного имущества, доступная женщинам во второй половине Средневековья, в целом уступала размерами получаемой прежде, а также что женщины в некоторых случаях лишались других прав наследования (правда, здесь нужно учитывать, насколько в принципе велик был их контроль над собственными владениями, а он очень разнился)¹⁷. Хозяйствующая власть политических деятельниц тем не менее всегда была непрочной: как мы видели в предыдущих главах, королевь-регенты меровингского периода или Византии до XII века, несмотря на могущество, сталкивались с теми же ограничениями и подвергались такой же критике, что и в XII–XV веках. Каролингских королей обвиняли в супружеской измене точно так же и по тем же причинам, что невесток Филиппа IV. Наследование по мужской линии увеличило число регентствующих королей и графинь при малолетних сыновьях — роль регентов была тем более существенной, что выбор законного наследника сужался. Я бы сказал, что женщины старались извлечь максимум из варьировавшихся, но всегда ограниченных возможностей для личной инициативы, и процент успеха, хоть и низкий, все же не стремился к нулю ни в один из рассматриваемых периодов. Рубеж XI–XII веков коренным переломом в этом отношении не ознаменовался.

Главным отличием позднего Средневековья я бы назвал, скорее, усиление двойственности. Патрилинейность лишала женщин права наследования, но давала им больше власти как вдовам-матерям. Университетское образование и профессионализация знания оставляли женщин за бортом, но устойчивое распространение грамотности среди светского населения открывало им доступ к книгам (женщины-писательницы были всегда, а матерей, в частности святую Анну и Деву Марию, в позднесредневековых сочинениях изображали обучающими детей чтению¹⁸). Города отстраняли женщин от управления, от покровительства гильдии и зача-

стью от ремесла, где они главенствовали прежде, но предоставляли им немыслимую для других мест возможность наняться на работу и иногда разбогатеть. Церковная иерархия наделяла большей властью мужчин, давших обет безбрачия, но светская набожность создавала — пусть и ограниченное — пространство для эмоциональной женской религиозности. Основной предпосылкой к этой двойственности служило уже наблюдавшееся нами экономическое развитие: усложнение экономики влекло за собой разного рода неоднозначность. И именно там, где сложность и двойственность создавали простор для прагматических решений, женщинам в общем и целом успешнее удавалось выторговать себе пространство для притязаний на ведущие роли. Для сравнения: в обществе с более четкими границами — как в эпоху Реформации, например, или позже, во времена Французской революции — выкроить такое пространство в промежутке между начальным периодом нововведений и более поздним, когда неизбежное усложнение позволяло вновь развернуться шире, было труднее.

Именно при таких обстоятельствах выдвинулась как писательница и философ Кристина де Пизан (ум. ок. 1430), когда в 1390 году умер ее молодой муж и ей пришлось самой кормить семью в Париже, со всеми вытекающими для вдовы трудностями с закреплением своих прав на собственность покойного супруга. Справившись, она стала зарабатывать на жизнь нетривиальным способом — писать стихи и прозу на заказ. Вряд ли ей удалось бы этим заняться, не будь она дочерью придворного астролога короля Франции Карла V и вдовой известного королевского секретаря, а значит, несмотря на бедственное финансовое положение, обладательницей нужных связей. Но ей совершенно точно не удалось бы преуспеть на литературном поприще, если бы не хорошее образование (в том числе знание литературы на латыни и итальянском, языке ее родителей) — лучшее, чем почти у любой из ранее упомянутых выдающихся женщин, что само по себе примечательно (кроме того, она могла пользоваться королевской библиотекой и вдохновлялась Овидием, Боэцием, Боккаччо и Фомой Аквин-

ским). Помимо прочего, она была на редкость одаренной поэтессой. В 1404–1405 годах Кристина Пизанская написала обширный трактат о враждебности мужчин к женщинам — «О Граде женском», в котором Разум, Праведность и Справедливость призывают ее построить город. Все три сходятся во мнении, что женщины оклеветаны мужчинами, а перечень образцов добродетели из прошлого (долгий перечень, в котором фигурирует и Гризельда) демонстрирует, что на самом деле женщинам свойственны кротость и преданность, а мужчинам — жестокость и похоть. Текст интересен независимостью мышления и гневным тоном — под ним охотно подпишутся (и подписываются) современные комментаторы, но нельзя не отметить и другое: хотя Кристина явно ставит женщин выше мужчин в нравственном отношении и приравнивает в интеллектуальном, во всех остальных областях она все же принимает обозначенные выше нормативные средневековые женские роли почти безоговорочно — мужчинам природой назначено руководить, женщина должна быть скромной и покорно сносить жестокость и злодеяния мужа. Она была такой же представительницей своего времени, как (хоть и в разных проявлениях) ее современницы Екатерина Сиенская и Марджери Кемп. Но ее пример как мыслительницы достаточно вдохновляет, чтобы именно им завершить эту часть главы, а кроме того, он демонстрирует возможности, которые к концу интересующего нас периода давало самообразование⁹.

Почти все, о ком я упоминал выше, писали на национальном языке, что само по себе, как мы видим, служит признаком устойчивого распространения грамотности среди светского населения. Разумеется, героями моих примеров круг писателей позднего Средневековья не ограничивался (почти повсюду на Западе латынь оставалась языком государственного управления, науки и международного общения на всем протяжении Средних веков, а зачастую и позже), однако такие писатели часто отражают культурные представления более широких слоев мирян. (Проще было в Визан-

тии, где все по-прежнему говорили на греческом, но там, напротив, слишком мала была доля по-настоящему «простонародных» текстов, поскольку литературный язык к тому времени обычно сильно отличался от разговорного.) Эти представления нужно проследить, если мы хотим разобраться в самоопределении аристократического, городского и крестьянского сословий позднего Средневековья. На них мы и сосредоточимся в оставшейся части главы, сравнивая созданные национальной литературой образы с другими элементами социокультурного уклада каждого из сословий по очереди.

Первое, о чем необходимо помнить, — в этот период в Западной Европе, как правило, главенствовала французская литературная культура. Французские эпические поэмы XII века о Карле Великом, в частности «Песнь о Роланде», переводили и пересказывали на древнескандинавском, немецком, испанском, английском, а также на латыни в прозе (этот вариант пользовался наибольшим влиянием), примером чего выступает так называемый «Псевдо-Турпин»²⁰. Традиция французского рыцарского романа конца XII–XIII веков, ассоциирующаяся в основном с легендами о дворе короля Артура в стихах и прозе, распространилась и на остальные страны латинской Европы, докатившись в том числе и до Уэльса — родины артуровских преданий. Переложения этих легенд составляли значительную долю немецкого литературного творчества XIII века, позже тем же самым занимались английские писатели от Джеффри Чосера (ум. в 1400) до Томаса Мэлори (ум. в 1471): в этих странах диалог между французским и национальным литературным стилем продолжался довольно долго²¹. Италия, где сам по себе рыцарский роман как жанр появился значительно позже, также питала уважение к французскому языку; труды Брунелло Латини (ум. в 1294) написаны большей частью на французском, равно как и первая редакция «Книги чудес света» Марко Поло, повествующей о его путешествии в Китай. И только когда Данте Алигьери (ум. в 1321) решил писать свою высокохудожественную «Божественную комедию» на итальянском, национальный

язык стал развиваться по-настоящему. Произведение Данте восхищало итальянцев с самого начала, как восхищал модернистов Джеймс Джойс в 1920–1930-х. Отрывки из «Божественной комедии» ходили в списках уже в 1310-х годах, когда автор еще продолжал работать над поэмой. Незамедлительно последовали и комментарии, однако влияние Данте за пределами Италии — кроме Испании — какое-то время оставалось довольно ограниченным²². Из итальянских сочинений самое сильное воздействие по ту сторону Альп оказал «Декамерон» Боккаччо — благодаря таким полиглотам, как Чосер и Кристина де Пизан (Данте они читали тоже, но опирались на него меньше).

Проблема национальных языков заключалась, разумеется, в переводе; французский был широко распространен (в Англии на нем достаточно долго говорила вся знать), прочие языки этим преимуществом не обладали, поэтому литературные достижения других народов были менее известны. Еще больше это относилось к византийскому роману, неизвестному к западу от Адриатики — хоть он и предшествовал первым романам артуровского цикла, влияния на них не оказал. (Кроме того, он, в отличие от большей части западной светской литературы, носил вневременной характер: возлюбленные пары в нем разлучает кораблекрушение и пиратский плен, а затем воссоединяет случай — социальный контекст, за исключением гендерного, из этих текстов почти намеренно устранен.) Французский же роман, наоборот, подавал пример «куртуазности» и «рыцарства» половине европейской аристократии: правители и придворные с конца XII по XVI век периодически наряжались артуровскими персонажами; артуровские образы воплощал в жизнь и Эдуард III, основавший в 1348 году орден Подвязки²³. Эти модели поведения внесли немалый вклад в самосознание аристократической прослойки того периода.

У рыцарского кодекса имелись и внелитературные корни. Турниры и поединки появились как военные учения, связи между сеньором и его рыцарями не ослабевали с раннего Средневековья, и любой сеньор, как мы видели, стремился сохранить их с помо-

щью церемоний, обрядов и пиров; религиозная подоплека поисков святого Грааля, как и у других артуровских тем, коренилась в существовавшем у военной знати еще со времен Меровингов представлении о ее духовном превосходстве над остальными. Изначальный успех французского рыцарского романа обусловлен тем, что он придавал аристократическому образу жизни эмблематичность, вбирая присущую южнофранцузской трубадурской традиции риторику *fin'amors* (куртуазной любви) и создавая увлекательные сюжеты из испытаний, выпадающих отдельным рыцарям, например Ланселоту, верному вассалу короля Артура, в жену которого он безнадежно влюблен. Как мы видели выше, в реальной жизни альковный колорит в политических играх дорого обходился чересчур увлекшимся, но литературный образ получался ярким. Рыцарские обряды постепенно увязывались в систему, в процессе очерчивая и идеализируя когорту «воюющих» — одно из трех сословий, наряду с «молящимися» и «работающими», на которые делилось общество по классификации, стремительно укоренявшейся в умах начиная с XII века. Параллельно в сочинениях Кретьена де Труа и Марии Французской, а в XIII веке — авторов обширного прозаического артуровского цикла, который впоследствии переведет и переложит Мэлори, прописывался придворный рыцарский этикет. За оставшуюся часть Средних веков рыцарский кодекс был проработан еще тщательнее. Он отличался на редкость тесной диалектической связью между литературным образом и самовосприятием. Разумеется, в жизни аристократы, как правило, были далеки от рыцарского идеала, с крестьянами и горожанами как в мирное время, так и в военное, они обращались порой не менее жестоко, чем в прежние века, но у светлого образа благородного странствующего рыцаря, который совершает подвиги, вдохновляясь любовью и верой, было большое будущее²⁴.

Кроме того, в этот период у аристократии вырабатывается новая степень самоидентификации. В раннем Средневековье свою принадлежность к правящей элите ее представители принимали как данность и не теоретизировали; примерно до XIII века

не существовало даже названия, которое в точности соответствовало бы понятию «аристократ» или «знать» — это наши термины, не средневековые. Самое близкое к такому понятию слово — *nobilis* — было слишком многозначным и применялось как в узком, так и в широком смысле. На практике принадлежность к знати была неоднозначной, так как учитывала ряд самых разных факторов — богатство, происхождение, должность, политические навыки, подготовку, королевскую милость, — и не у каждого потенциального аристократа имелось все перечисленное. Но к 1500 году, по крайней мере в королевской Европе (итальянские города-коммуны довольно долго отличались большей гибкостью), человек уже либо принадлежал к «знати», либо нет. Таким образом, высший слой аристократии был четко определен, пусть и по-разному в разных странах. Соответствующая родословная причисляла человека к знати почти автоматически, и контроль наследования становился более наглядным. Приобщиться к дворянскому сословию за счет брака с высокородным получалось редко, хотя некоторым женщинам удавалось, например Алисе Чосер (ум. в 1475), внучке знаменитого поэта, которая вышла замуж за рыцаря, затем последовательно за двух графов и умерла герцогиней Суффолкской. К XIV веку короли и другие правители могли и сами кого-то «пожаловать дворянством», и такой титул — по крайней мере теоретически — считался не ниже родового. Где-то (в Германии, в частности) аристократия, называвшая себя «дворянством» (*Adel*), противопоставлялась бюргерской городской верхушке; в других местах ключевым критерием было участие в заседаниях верхней светской палаты парламента или его аналогов. Возросшая роль рыцарского кодекса как идеала дворянского сословия позволяла правителям обыгрывать его, создавая ордены благородного рыцарства — орден Подвязки в Англии, орден Золотого Руна (1430) в Бургундии. За пределами этого сужающегося круга высшей знати зачастую по-прежнему имелась более широкая рыцарская и квазырыцарская прослойка, например английского мелкого нетитулованного дворянства (джентри) или городских

caballeros villanos в Кастилии. Они тоже принадлежали к привилегированному слою — и тоже могли стремиться к рыцарской доблести, но их статус оставался менее официальным и иногда более ситуативным, как прежде, в раннем Средневековье, у всей знати (так, джентри в источниках временами именуются *pobiles*, хотя в строгом смысле к благородному сословию они не принадлежали). Тем не менее во всей Европе с XIII века в притязаниях на принадлежность к аристократии появляется больше определенности и вместе с тем больше ограничений²⁵.

Принадлежность к городскому сословию тоже формулировалась подробнее и получала более полное отражение в исторических источниках. К XIV веку во всех городах сложилась та или иная форма самоуправления — сначала в полностью независимых городах-государствах северной и центральной Италии, имперских городах с особым статусом в Германии, фламандских городах, то и дело восстававших против местной графской власти, а затем и повсеместно, в самых разных воплощениях, как *де-юре*, так и *де-факто*. Они открыто заявляли о своей обособленности — и действительно, только начиная с позднего Средневековья в наших источниках четко фиксируются городские общественные церемонии почти по всему западу Европы. Подоплека у этих церемоний почти всегда была религиозной, и шествия на крупные религиозные праздники проводились повсеместно (не только в городах), однако во многих городских центрах на их основе развивалась более сложная система мероприятий. Большие города устраивали по несколько десятков подобных церемоний в год. Карта шествий в таких городах, как Рим, Милан и, разумеется, Константинополь, где они восходили к раннему Средневековью, была разветвленной и устоявшейся, но и во Флоренции, Венеции, Брюгге, Генте и других итальянских и фламандских городах в более поздние века сложились схожие обычаи. Особенно значимым поводом для торжеств стал с 1317 года окончательно получивший в Западной церкви статус всеобщего Праздник Тела и Крови Христовых в июне: в крупнейших английских городах поздние

го Средневековья, таких как Йорк, Честер, Уэйкфилд и Ковентри, разыгрывали специально по этому случаю поставленные «мистерии» — точно так же поступали в некоторых городах на юго-западе Германии, например во Фрайбурге и Кюнцельзау, а в северофранцузском Лилле в этот день состязались в своем искусстве драматурги. Наряду с ними существовали мероприятия более светского характера — состязания поэтов или лучников в Нидерландах XV века, бои быков и турниры в Риме в первое воскресенье Великого поста, регламентированные достаточно подробно в уставе 1360 года. Однако ни одно из этих торжеств не было чисто религиозным. Начнем с того, что обряды были многозначны: они систематически обретали у участников иное, не предусмотренное организаторами значение, а зачастую даже несколько разных одновременно. Общее для всех этих шествий и других мероприятий значение заключалось в демонстрации принадлежности участников к городской общине — демонстрация эта отличалась достаточной наглядностью, а также находила воплощение в танцах и турнирах до и после протокольных религиозных церемоний. Они, разумеется, тоже были призваны укреплять устои местной власти и социальную иерархию, как, например, возглавляемая папой римским процессия в Светлый понедельник в Риме, которая (среди прочего) утверждала его владычество в городе, или определенные торжества во время карнавала и в Рождество Иоанна Предтечи, которые ввел Лоренцо Медичи около 1490 года во Флоренции для демонстрации своей харизматической власти. С другой стороны, эти церемонии, как раньше во Флоренции, служили поводом для соперничества, поскольку турниры городской аристократии противопоставлялись процессиям гильдий. Любой процессии можно было воспрепятствовать, сделав тем самым политическое заявление: именно так обычно начинались раздор и смута в городе. Политические очки также зарабатывались посредством процессий, например пышных и дорогих *joyeuses entrées*, торжественных въездов в города бургундских герцогов и французских королей, которые, разумеется, представляли величие высшей власти,

но могли также утверждать авторитет городских сообществ (гильдий, братств), которые эти процессии финансировали. Почти все эти общественные мероприятия действительно организовывались на деньги горожан, что позволяло им почувствовать себя хозяевами и при необходимости заявлять о чем угодно¹⁶.

Города — даже после того, как Черная смерть ополовинила их население, — являлись сложным пространством, которое необходимо было регулировать. Из городских уставов, которые с XIII века доходят до нас в достаточном количестве, следует, что проблем у властей хватало: не только обеспечить сбор городских налогов, наладить работу рынков и гильдий, следить за порядком, но также создавать и отстаивать общественное пространство, заниматься уборкой нечистот (почти невыполнимая задача), изгонять из городского центра неприятное жителям производство (дубильное, например, либо, как ни странно, свечное) или пытаться, как в Италии, запретить несдержанные проявления горя в похоронных процессиях. Последний пример свидетельствует о том, что светские власти в городах часто считали своей прерогативой формирование общественной нравственности, как они ее понимали. Задачу должной организации городского управления первыми начали решать итальянские города — что логично, учитывая их самовластие, — но затем те же проблемы встали и перед остальными. Энциклопедический труд Брунетто Латини «Сокровище», написанный в 1260-х годах и вобравший в себя опыт автора, полученный в должности флорентийского государственного деятеля, в начале XIV века был в сокращенном и переработанном виде издан в Лондоне олдерменом Эндрю Хорном, а также широко распространялся и переводился в позднесредневековой Испании¹⁷. Однако такое управление было, разумеется, нацелено на сохранение власти городской верхушки или какой-то из ее фракций, часто в противостоянии внушительному сопернику; эта власть была не только административной, но и силовой. Необходимость укреплять свои позиции и бороться с угрозой, которую представляло для города как общности неповиновение меньшинства, мог-

ла повергнуть — и повергала — городские власти в моральную панику. Для внешнего ее проявления требовался повод — война, борьба с внешними властями, чума, — но в них обычно недостатка не было. В результате, как мы еще убедимся, страдали те самые маргинальные группы, считавшиеся источником угрозы.

Вдохновляющей литературы, которая выполняла бы ту же функцию, что и рыцарский роман, у горожан почти не было. Итальянские города, например, больше выражали свои устремления в архитектуре (площади, общественные здания) и живописи, в частности «Аллегория доброго и дурного правления» Амброджо Лоренцетти (1338–1339) в сиенском Палаццо Публико. Патристическая поэзия, городские хроники и трактаты по городскому управлению — в большинстве своем на латыни — редко претендовали на то, чтобы восполнить этот недостаток²⁸. В Италии пришлось дожидаться «Декамерона» Боккаччо, чтобы получить «гражданский» текст на национальном языке в виде высокохудожественных рассказов десяти флорентийских аристократов, укрывающихся от чумы на загородной вилле. Содержание большинства историй, в отличие от языка повествования, изяществом не отличается — они комичны и скабрёзны (и гораздо занятнее для современного читателя, чем основная масса упомянутых в данной главе произведений), но, как правило, разворачиваются в городской или коммерческой среде и отражают принципы и предубеждения городской аристократии, возвышаемые за счет изящного слога, которым повествуется о любовных приключениях. Этот же формат в 1380–1390-х заимствовал Чосер для «Кентерберийских рассказов», но в данном случае городское (а именно лондонское) самосознание сочетается с намерением рассказчиков, представляющих более широкий социальный срез, чем у Боккаччо, высказываться от имени не столько Лондона, сколько общества в целом²⁹. Как и следовало ожидать, в городах связанные произведения создавала в основном непричастная к ручному труду элита — в том числе в жанре *ricordanze* (воспоминаний), развившемся из приходно-расходных книг, по которым зажиточные итальянские горо-

жане начиная с XIV века восстанавливали события жизни своей и домочадцев. Лишь в XV веке среди авторов наконец попадают представители ремесленной прослойки — например, строитель Гаспаро Нади из Болоньи (ум. в 1504), повествование которого (несколько сотен страниц современного издания) начинается с даты его появления на свет в 1418 году и продолжается почти до самой смерти. Уже тогда он повествует в основном о политических событиях Болоньи и Италии в целом, а также о конфликтах среди собратьев по цеху, лишь иногда упоминая дела семейные — это на редкость обезличенный текст. Однако ни в одном жанре средневековой литературы не стоит и пытаться искать Ланселота или другого романтического героя среди городской верхушки, а тем более среди ремесленников³⁰.

Часть средневековой городской литературы, наоборот, была диаметрально противоположна вдохновляющей. Приземленностью сюжетов Боккаччо и Чосеру не уступают (а местами и превосходят их) северофранцузские фавлио XIII — начала XIV веков, относительно короткие стихотворные комические новеллы, несомненно восходящие к устному повествованию, временами поразительно непристойные. Простой пример — «О девице, которой стало дурно от разговоров о плотских утехах». Там недавно нанятый батрак выясняет, что главное — выражаться иносказательно, и тогда означенная девица будет только рада, если его вздыбленный конь, которого едва могут сдержать два круглых, как бубенцы, конюха, припадет к роднику на ее лужке. Нельзя сказать, что фавлио отражали только городские моральные ценности — в основном да, но жанр этот пользовался популярностью у разных социальных прослоек. Кроме того, в 1300 году эти новеллы, вне всякого сомнения, меньше оскорбляли чувства читателей и слушателей, чем скажем, в 1950-м или даже в наше время — для определенной части аудитории. Но их натурализм позволяет нам судить о социоэкономической гибкости северофранцузского общества, о котором они повествуют (немало нуворишей получает заслуженное по издевательским консервативным канонам этих про-

изведений наказание; часто используется образный ряд рынка): это прослойка пусть и не всегда городская, но связанная с городом. В любом случае можно утверждать с уверенностью, что общество, ценившее такие стихи, не просило себя идеализировать — или, по крайней мере, не требовало исключительно идеализации: фаблио повествуют о плутовстве и, самое главное, о наслаждении. Большой частью речь идет о наслаждении сексуальном, не привязанном к определенному месту или периоду, но и услад для желудка в этих текстах хватает: жаркое, куропатки, пироги, рыба, вино и другие кушанья и напитки описываются с не меньшим жаром, чем гениталии³¹. Нелишне добавить, что о поглощении вкусной пищи (а иногда и воздержании от нее) постоянно упоминается в книге Марджери Кемп (совершенно иного рода), а также в наставлениях парижского мещанина. Если убрать из средневековой светской литературы романтический флер (или по крайней мере приложить к этому все силы), останется достаточно частое и регулярное наслаждение едой³². Наверное, эта составляющая характерна для всего Средневековья, но с того времени она проявляется особенно отчетливо.

Гораздо сложнее обстоит дело с образами, порожденными непосредственно крестьянской средой. Фаблио, хоть и не всегда повествуют о горожанах, к крестьянам относятся с явным презрением. Часто цитируемый (в силу своей относительной пристойности) пример — «Погонщик ослов», главный герой которого, крестьянин, привычный к разгребанию навоза, попав в лавку пряностей, теряет сознание от незнакомого изысканного благоухания и приходит в себя, только когда ему суют под нос навозный ком. В этом отношении фаблио вторят основной массе прочей средневековой литературы. Комичная неотесанность и тупость крестьянского большинства была настолько очевидна грамотному сословию, что не всегда требовала особого подчеркивания. Как и гендерные различия, она принималась за аксиому, поэтому разрыв между крестьянами и остальными можно было без труда обыгрывать в текстах, например в мифах о якобы крестьянском происхождении

первых королевских династий Польши и Чехии, или пусть и простецкой, но в чем-то схожей с Христовой добродетели Петра-пахаря из одноименной поэмы XIV века Уильяма Лэнгланда. При этом ценности самого крестьянства, напротив, были настолько неподвластны пониманию большинства писателей, что крестьянские бунты позднего Средневековья казались почти бессмысленными. У историка Стивена Джастиса хорошо показано, как англоязычные тексты, призывающие к крестьянскому восстанию в 1381 году, апеллируют к понятию «правды», которое в том же значении — справедливой коллективной деятельности — фигурирует и в поэме Лэнгланда, однако от литераторов из высшего сословия оно совершенно ускользало, так что они без всякой крамольной мысли цитировали подстрекательства в своих хрониках. В большинстве дошедших до нас текстов систематически перевираются и иные представления крестьян о своих действиях³³.

К XIV веку почти по всей Европе грамотность распространяется и в крестьянской среде. В результате крестьяне находят способ поучаствовать в том числе в дискуссиях об управлении страной — подробнее мы поговорим об этом в главе 12. Однако в основном применение своей грамотности они находили прагматическое, и оно не отражает их культурные ценности. Показательный пример — Бенедетто дель Массариция (ум. ок. 1501), крестьянин из окрестностей Сиены, частичный собственник, частичный издольщик. С 1450 года и до самой смерти он вел записи по арендным платежам, сделкам купли-продажи и кредитным операциям в двух дошедших до нас приходно-расходных книгах. При этом сами записи делались не его рукой, потому что писать он не умел (хотя несомненно ценил это умение и мог читать). Записи увлекательны с точки зрения сложности сделок, но оставляют нас в неведении относительно мировоззрения автора³⁴. В большинстве случаев моральные ценности и установки крестьянства излагались в подробностях в суде — на гражданских тяжбах³⁵, слушаниях по уголовным делам и инквизиционных процессах по обвинению в ереси и притязаниях на святость — и потому, хотя они часто при-

водятся в первом лице, записаны были не крестьянами и зачастую не на языке того, кто давал показания. Тем не менее такие тексты — и в первую очередь касающиеся ереси — очень познавательны. Как мы знаем из главы 8, сообщаемое крестьянами инквизиторам пусть не всегда, но часто отражало то, что последние ожидали услышать, но привязанные к определенному контексту заявления о встречах с предполагаемыми еретиками дают также представление о взглядах крестьян по другим, сугубо мирским, вопросам. Знаменитое исследование Эммануэля Ле Руа Ладюри, посвященное очень позднему (1320-х годов) процессу над катарами в окситанской деревне Монтайю в Пиренеях, несмотря на некритическое восприятие источников, не принимающее в расчет не только искажение показаний инквизиторами, но и речевые стратегии самих крестьян, все же рисует подробную картину крестьянских представлений о времени и пространстве, сложном соотношении пастбищного животноводства и земледелия, семейном хозяйстве, предохранении и внебрачных половых связях (любвеобильный сельский священник вешал на шею некую травку, которая не давала семенной жидкости сворачиваться и тем самым предотвращала зачатие), а также правилах выбора вшей друг у друга. Именно такое стороннее изложение и дает нам самую подробную, хоть и искаженную картину мировоззрения крестьян во всей его полноте³⁶. Дальнейшие исследования (эта область вовсе не такое паханое поле, как может показаться) должны дать нам представление о различиях, поскольку средневековая Европа состояла из несметного множества крестьянских общин, каждая со своей системой ценностей, которые когда-нибудь — поскольку до сих пор этого не сделано — нам предстоит должным образом сравнить.

Вместе с тем об устройстве сельских общин в позднем Средневековье нам известно больше. Почти по всей Западной Европе примерно с 1100 по 1300 год деревни, как мы знаем из главы 7, получали льготные грамоты и другие формы подтверждения принадлежности к сельской общине. Со временем они становились более структурированными, формируясь вокруг приходской церкви и ее обря-

дов (как правило, содержание церкви возлагалось на прихожан), а также вокруг местных политических и экономических общинных организаций. Почти по всей Англии крестьяне, хотя в конце XIV века они зачастую оставались юридически несвободными, сами регулировали жизнь общины, о чем свидетельствуют записи поместных судов, и поддерживали порядок с помощью самостоятельно вырабатываемых обычаев. Общественный надзор и обычаи такого рода встречаются в Европе повсеместно. С XIV века (иногда раньше) они официально фиксировались в Англии в сборниках местных правовых норм, в Германии — в *Weistümer*, сводах обычного права, во Франции и Испании — в самих льготных грамотах, в Италии — в деревенских уставах, среди которых попадаются весьма сложные и подробные³⁷. Границы деревень и приходков к этому времени тоже обозначались посредством церемоний — крестных ходов (как в городах) или «околачивания границ», — хотя до 1500 года упоминания об этих обычаях довольно обрывочны. Зачастую мистическим смыслом наполнялась сама округа с ее святынями разной степени значимости — об этом нам известно, поскольку в XVI–XVII веках протестанты положили немало сил на то, чтобы их секуляризовать. На эти святыни община также опиралась, разрабатывая (зачастую конкурирующие) схемы коллективного отправления религиозных обрядов³⁸. Сельская жизнь была далеко не пасторалью, деревня всегда пребывала в напряженных отношениях с землевладельцем, к тому же находилась под управлением собственной верхушки, которая тоже умела помыкать: одной из составляющих конфликта на инквизиторских слушаниях в Монтайю было стремление сельчан-католиков известить главенствующую катарскую семью, в состав которой входил и упомянутый выше распутный и властный священник. Кроме того, возникали новые угрозы: сплоченности, когда возвышались менее заинтересованные в общине семьи, как это было, например, с йоменами в позднесредневековой восточной Англии, богатевшими на торговле зерном и спекулировавшими на местном земельном рынке; или самому существованию общины, как это было в Тоска-

не в позднем Средневековье, когда поселения стали постепенно распадаться на отдельные хозяйства издольщиков³⁹. Но обычно сельским общинам, сформировавшимся к концу Средневековья по всей Европе, удавалось уцелеть.

Единственной областью Европы, в литературе которой звучат подлинные крестьянские голоса, оказалась Исландия — благодаря традиции «родовых саг» XIII–XIV веков. Эти саги представляют собой подробные, натуралистичные и живописные рассказы о делах исландцев, которые несомненно были элитой острова, но при этом оставались крестьянами. Заселявшие Исландию в X веке норвежцы не принесли с собой даже ту слабую королевскую власть, которая имела у них на родине (см. главу 5), равно обходясь и без других форм верховного правления, кроме регулярных собраний, и почти на всем протяжении средневековой истории Исландии обладателей верховной власти определить сложно. Возможность не пахать землю самим появилась у кого-то, кроме крайне ограниченного круга лиц, лишь в XIII веке, и на рубеже X–XI веков, когда происходит действие в большинстве саг, само собой разумелось, что даже богатейшие герои повествования занимались крестьянским трудом. Родовые саги не имеют авторства, поэтому до сих пор нет единого мнения относительно того, кем были люди, которые их записывали, но исландская литература была в массе своей светской, и саги восходят к бесспорно светской устной традиции. Исландцы в этих сказаниях предстают недоверчивыми, мужественными, но при этом очень осторожными, как и положено крестьянам. Они не останавливались перед кровной местью, чтобы защитить свое достоинство, но при этом на основе собраний функционировала разветвленная сеть судов, куда можно было обратиться, прежде чем уладить дело миром или возобновить резню. Поскольку верховной власти с дисциплинарными полномочиями в Исландии не было, такие суды не имели собственной принуждающей силы (они могли только объявить кого-то вне закона и изгнать); их воздействие строилось на публичности слушаний, позволявшей показать остальным, что правиль-

но, а что дурно, и заронить сомнение в необходимости участия в дальнейшей резне.

Тем не менее в сюжетах исландских саг немало внимания уделяется необходимости кровной мести для защиты достоинства и правилам кровной вражды. В рамках описываемого социального уклада создавались высокохудожественные сказания о кровной вражде — с указанием мотивов и личностных характеристик всех главных действующих лиц, как мужчин, так и женщин, — не имеющие аналогов ни в каком другом типе средневековых текстов, за исключением малого числа наиболее подробных хроник. Классический пример — Гудрун, дочь Освивра, чрезвычайно волевая женщина, которая из ревности подстрекает своего мужа Болли (в ходе напряженной драматичной сцены) убить ее бывшего возлюбленного, своего двоюродного и приемного брата. Когда Болли в отместку убивают родичи и союзники Кьяртана, Гудрун без колебаний натравливает на них своих людей, однако уже в старости признается сыну, что «тому принесла величайшее горе, кого любила больше всех», подразумевая Кьяртана (его имени она не называет, нам остается догадываться). Такое внимание к личным качествам объяснялось тем, что в подобном обществе с его относительным экономическим равенством успех и поражение почти полностью зависели от личных достоинств и недостатков, а также репутации. Рисуемый этим неаристократическим обществом собственный образ на самом деле был вдохновляющим, но высокие устремления там лишь отчасти были связаны с честью, поскольку общество признавало ее за любым, кому хватало духа и умения ее не ронять. Она во многом зависела от поступков. Тем не менее обычная смелость и умение добиться своего путем выверенного и целенаправленного применения силы приветствовались — как и почти непревзойденная художественная лаконичность речей перед лицом невзгод и смерти⁴⁰.

Иногда, работая с позднесредневековыми источниками, историки пишут об обнаружении или развитии «индивидуальности». Но это ложный образ, поскольку восприятие себя как отдельной

личности присутствует в любом обществе — и в его существовании, скажем, в каролингский период, не усомнится ни один исследователь, знакомый с текстами каролингской эпохи. Ширящийся круг социальных групп, подающих голос в позднем Средневековье, означал лишь распространение грамотности, никоим образом не влиявшее, как подчеркивается в главе 8, на мировоззрение и уж тем более на представления об «индивидуальности». Но если где-то в Средневековье и существовало общество, много рассказывающее нам об индивидуальной идентичности, это Исландия, поскольку в ее крестьянской среде, более чем где бы то ни было еще в средневековой Европе, именно личностные качества определяли успех и поражение.

Формирование и самоопределение сообществ имело и обратную сторону — развитие практики отторжения. Для позднего Средневековья она была не внове. В главе 8 мы наблюдали, как рост централизованной власти, и светской, и духовной, в XIII веке сопровождался ростом враждебности к аутсайдерам — еретикам, евреям, прокаженным, гомосексуалистам: эти люди, недостойные принадлежать ко все строже определяемому христианскому обществу, все чаще воспринимались элитой (в частности) как несущие заразу и вызывающие животный страх. На такой же почве происходило отторжение и в позднем Средневековье. В частности, городские власти регулярно озабочивались проблемой вполне трудоспособных попрошайек и проституток, что приводило к систематическому ужесточению муниципального законодательства по отношению к ним. В Лондоне, надо отметить, самые крупные такие вспышки в XIV веке точно совпадают с периодами более общей напряженности — страхом перед вторжением французов в 1338–1340 годах в начале Столетней войны, последствиями Черной смерти в 1350–1360-х и крестьянского восстания 1381 года, сильно ударившего по Лондону. В муниципальных законах возникает фразеология «чистоты» и неотвязный образ посягательств на чистоту нравственную. Даже если кампании по «очищению» и встреча-

ли народную поддержку, возглавляла их прежде всего элита⁴¹. Так, теории о колдовстве в XV веке разрабатывали в первую очередь богословы и инквизиторы, умы мирян (за исключением жителей каких-нибудь альпийских долин) такие вопросы не занимали — до появления «Молота ведьм», написанного инквизитором Генрихом Крамером в 1487 году. Трактату было суждено большое и мрачное будущее в конце XVI–XVII веках⁴².

В этой практике отторжений ключевым представляется опыт иудеев, поскольку они являли собой постоянную нехристианскую составляющую, часто презираемую, но с богословской точки зрения терпимую, защищаемую папами как невольную свидетельницу триумфа христианства. Еврейские общины в средиземноморской Европе вели свою историю с Античности, и некоторые — особенно в Испании и на юге Италии — были вполне основательными и зажиточными. В начале XI века такие общины стали возникать и в городах северной Франции и Рейнской области — часто как купеческие, а затем в нормандской Англии (в Восточную Европу они начали переселяться позже, в ходе германской колонизации после 1150 года). Их достижения в толковании Библии, в философии и религиозной мысли не уступают достижениям христианства в классическом и позднем Средневековье, пусть они и не оказали такого влияния на христианскую интеллектуальную сферу, как переводы трудов арабских мыслителей, хотя влияние великого иудейского богослова Моисея Маймонида (ум. в 1204) испытал на себе Фома Аквинский. Со временем евреи все больше ассоциировались с ростовщицеством, и это, равно как и государственные должности, на которые их назначали короли, не способствовало симпатии к ним со стороны христианских соседей. Однако именно враждебность правителей и городской верхушки сыграла в истории еврейских общин самую значимую роль. Как и в вестготской Испании VII века, тоже озабоченной религиозным единством, в XIII веке евреи стали подвергаться все более жестоким гонениям со стороны верховной власти: Иннокентий III обязал их носить особую одежду, а во Франции при Людовике IX (одном из самых

ярких антисемитов среди средневековых европейских королей) Талмуд сжигали как источник святотатства. Подобные меры, а также изгнание евреев — из Англии в 1290 году, из Франции неоднократно начиная с 1306 года — были прежде всего инициативой королей, диктуемой религиозными и фискальными соображениями, и лишь во вторую очередь мнением народа. Это не значит, что народ отличался особой терпимостью. Как показывает Дэвид Ниренберг, светское население тоже ополчалось на евреев и систематически прибегало к насилию, либо увязывая его с церковным календарем (так, погромы часто вспыхивали в пасхальную неделю), либо во время крестовых походов, поскольку с самого их начала в Рейнской области в 1096 году всплески религиозного рвения регулярно сопровождались резней.

Таким образом, особой терпимости по отношению к евреям не было, и враждебность к ним со стороны высшего сословия только росла. В XIV веке проявления насилия, по-прежнему эпизодические, резко участились. Если не считать крестовых походов, 1321 год во Франции, 1336–1338 годы в Рейнской области, 1348–1351 годы в Испании, Франции и Германии (в Италии в этом отношении всегда было тише) и 1391 год снова в Испании были отмечены особенно сильными всплесками религиозной ненависти и резней в городах. Евреев (и прокаженных) обвиняли в отравлении колодцев — сначала в 1321 году, а затем в 1348–1351 годах, на волне истерии после Черной смерти, когда именно так попытались объяснить ее появление. Распространялись и другие наветы — будто евреи приносят в жертву христианских младенцев (поверье, родившееся, судя по всему, в Англии в XII веке) или оскверняют хлеб, приготовленный для причастия. Погромы вспыхивали в основном с подачи городских властей — городского совета и ему подобных органов. В Испании только гонения 1391 года (а также происходившие в XV веке, к тому времени обращенные заодно против выкрестов в королевском и городском правительстве) представляли собой побочный эффект политического протеста простого народа. Как бы то ни было, к концу Средневековья враждебность

по отношению к этому религиозному меньшинству укоренилась глубже по сравнению с прежними временами, явив собой одну из составляющих процесса более четкой прорисовки общественных границ, у которого были и другие проявления. Кульминацией его стало изгнание в 1492 году крупнейшей еврейской общины из королевств Испании — снова королевским указом, но на этот раз при более широкой народной поддержке⁴³.

Итак, в позднесредневековой культуре, как показывает эта глава, наблюдалось несколько четких тенденций: внутренняя противоречивость возникавших у женщин возможностей, появление все большего количества свидетельств (часто в форме художественного повествования) о культурных установках и обычаях ширящегося круга социальных групп, рост внутреннего единства социальных слоев и более четкое установление общественных границ, сопровождающееся усилением тревожности и потенциальной враждебности к аутсайдерам. Подоплекой этих тенденций служили более общие процессы: развитие экономики, что обусловило как расширение, так и сужение возможностей для притязаний женщин на ведущие роли (а также значительную социальную мобильность, как восходящую, так и нисходящую, что само по себе вело к более четкому обозначению социальных границ); устойчивое распространение грамотности, которое одновременно демонстрировало и обостряло растущее расслоение; а также противоречия и двойственность, связанные с укреплением централизованной и местной власти. Нет такого исторического периода, в котором крупные социокультурные перемены были бы обусловлены какой-то одной или несколькими причинами, однако эти три тенденции действительно характерны, прежде всего, для позднего Средневековья и подпитывались одна от другой. Как мы убедимся в следующей главе, со временем у властей и высшего сословия появлялись силы и ресурсы для ужесточения и расширения контроля, но при этом местные общества и уклады, в свою очередь развивавшиеся и усложнявшиеся, никакому контролю не подлежали.

Именно так проявляла себя после XI века ячеистая структура местной власти, о которой говорилось в главах 6 и 8: поскольку более широкая политическая власть надстраивалась на базе столь разнообразных оснований, это оборачивалось тем, что оказывалось очень трудно изменить природу самих ячеек — сеньорий, городских общин, деревень — извне. В позднем Средневековье ячейки отнюдь не слабели. Как мы недавно убедились, они, наоборот, оформлялись и крепили, поскольку теперь не только местные формы власти, но и социальные слои и классы обретали более четкие границы. Иногда правители реагировали остро и пытались поставить местные общины на колени жестокостью и силой. Однако общины не были безответными и тоже могли прибегнуть к силовому воздействию, если им что-то не нравилось. Плохо понимаемые социоэкономические перемены — к которым начиная с 1350 года относились и последствия Черной смерти, не говоря уже о воздействии масштабной войны, — почти в любом обществе пробуждают страх, который становится предпосылкой для насилия, и позднее Средневековье в этом отношении не стало исключением.

Однако это не значит, что страх и тревога были характерны исключительно для позднего Средневековья. Такой тезис встречается часто, но мне он кажется малоубедительным⁴⁴. Свои ужасы есть у любой эпохи, и тем не менее жизнь как-то продолжается. Если у позднего Средневековья и есть характерная особенность, отличающая его от раннего, — это приобщение гораздо более широких слоев населения к политической деятельности, как поддерживающей власти, так и оппозиционной. Другим следствием долгого экономического подъема и продолжавшегося, в том числе после Черной смерти, развития европейской экономики стало гораздо большее расслоение общества. Тех, кто претендовал на те или иные ведущие роли, наделяющие их полномочиями влиять на происходящее, стало больше. Земельная аристократия в самом широком понимании (то есть включая джентри и их аналоги в других странах Европы) начала пополняться еще в XI–XII веках, с причислением рыцарей и кастелянов к той или иной

разновидности благородного сословия. Каждая элитная прослойка обретала собственный голос, как локального, так и общенационального значения. В 1100 году городская элита существовала разве что в Италии, Константинополе и мусульманской Испании, к 1400 году она заявляла о себе (зачастую довольно громогласно и помпезно) почти повсюду, при этом собственные притязания имелись и у менее привилегированных городских слоев. В отдельных случаях, как мы наблюдали в начале главы, удавалось получить самостоятельную ведущую роль и горожанкам. Во многих странах громче стали и крестьянские голоса; после Черной смерти участились в том числе и крестьянские бунты. Итак, игроков на этом ячеистом общинном поле прибавилось. Их стало сложнее контролировать, против них приходилось вырабатывать новую политику, но и сами они порождали новые разновидности публичной сферы. Как была устроена эта политическая среда, мы рассмотрим в главе 12.

ГЛАВА II

ДЕНЬГИ, ВОЙНА И СМЕРТЬ 1350–1500 гг.

Позднее Средневековье принято отсчитывать от пандемии чумы 1347–1352 годов. Однако на самом деле в последних полутора веках средневекового тысячелетия имеются три крупные вехи. Другие две — это череда войн, главным образом между Англией и Францией, условно называемая историками Столетней войной (номинально 1337–1453) и Великая западная, или Папская схизма (1378–1417). Все три — исторические события с большой буквы. Несмотря на это, их переломное воздействие зачастую сильно преувеличено, однако они все равно остаются важными отправными точками. С них и со связанных с ними проблем мы и начнем, а затем двинемся дальше: сперва пройдемся по экономическим переменам этого периода, затем дадим беглый обзор происходившего в политике отдельных стран позднесредневековой Западной Европы, особенно в фискальных опорах государственного строительства. В следующей главе этот материал послужит нам канвой для обсуждения перемен в характере европейской политики.

Первые вспышки Черной смерти были отмечены в Крыму в 1346–1347 годах, откуда она распространилась по всему побережью Средиземного моря (особенно свирепствуя в Египте) и в 1348–1349 годах постепенно продвинулась из Италии на север, добралась в 1349–1350 годах до Скандинавии, а оттуда спустилась к Руси. Распухание лимфатических узлов, высыпание бубонов, жар — и, как правило, скорая гибель. Смертность была высо-

чайшей — от трети до половины населения, а последующие, более слабые волны эпидемии, регулярно накатывавшие примерно до 1400 года, а затем с меньшей регулярностью еще несколько столетий, сократили население Европы к концу XIV века почти вдвое по сравнению с 1346 годом. В XV веке восстановление демографии шло медленно. Области, которые обошла стороной первая волна чумы, неизбежно попали под следующие. Особенно туго приходилось городам, где люди жили скученно. Смерть не щадила даже власть имущих (к вящему ужасу летописцев), хотя в первую волну она унесла жизнь лишь одного европейского короля — Альфонсо XI Кастильского. И если первую волну можно было считать случайностью, ко второй (в большинстве стран нахлынувшей в 1361–1363 годах) люди осознали, что эта новая смертельная опасность их в покое не оставит¹.

Эпидемия чумы определила образ смерти на столетия вперед. Но (первое из целого ряда «но»), несмотря на ужас первой волны (повлекший за собой еврейские погромы, как нам уже известно), она не настолько сломила моральный дух и уверенность людей в себе, как иногда утверждается. Жизнь и без того была непредсказуемой; преждевременная кончина ввиду отсутствия развитой медицины не была чем-то из ряда вон выходящим, так что чума простополнила список причин смерти и для росших после 1350 года стала бедой знакомой. Напрашивается также предположение, что Черная смерть должна была прерывать войны — затрудняя сбор налогов и комплектование войск, но и этого не происходило (разве что ненадолго — Столетняя война возобновилась в 1355 году). А учитывая тесную связь между демографическим ростом и развитием европейской экономики в предшествующие столетия, после 1350 года должен был наступить экономический спад — и действительно, довольно долго историки считали его данностью, однако недавние исследования по Англии, Нидерландам и Италии посеяли серьезные сомнения в том, что так все и было. Серьезно пострадали только те экономические регионы, благополучие которых обеспечивала высокая численность населения, а таких было немного. Тем не менее эко-

номические последствия у Черной смерти имелись — какие, мы рассмотрим в другой части этой главы.

К Столетней войне привел еще более острый, чем в 1330-х годах, конфликт между Филиппом VI Французским (1328–1350) и Эдуардом III Английским (1327–1377) из-за статуса английской Гаскони с центром в Бордо. Прекратить противостояние не получалось, поскольку Эдуард (не без оснований) считал себя законным претендентом на французский трон по линии своей матери Изабеллы, одной из последних двух прямых наследников Филиппа IV. После 1337 года конфликт перерос в военные действия, выразившиеся в первую очередь в многочисленных набегах английской кавалерии на Францию, которая периодически пыталась давать отпор в генеральных сражениях, но большей частью проигрывала. В битве при Пуатье в 1356 году французский король Иоанн II был взят в плен, и по мирному договору англичанам отошла сильно увеличившаяся в размерах Гасконь на юге Франции. Затем эти территориальные приобретения начали таять под натиском кавалерии — на этот раз французской, — и к 1370-м годам англичане потеряли почти все завоеванное. В 1415 году с предпринятого Генрихом V Английским (1413–1422) наступления начался новый этап серьезной войны, который закончился новой победой англичан, при Азенкуре, и ознаменовался полноценной завоевательной кампанией на севере Франции, к 1429 году установившей английское владычество на половине французских земель (в 1420–1436 годах Париж находился в руках англичан, и в 1431 году малолетнего Генриха VI короновали там как короля Франции). Однако к этому времени французы — отчасти вдохновленные Жанной д'Арк — перешли в контрнаступление. В 1429 году Карл VII Французский (1422–1461) короновался уже в Реймсе, как предписывала французская традиция. К 1450 году англичане лишились всех завоеванных после 1415 года территорий, а в 1453 году потеряли и Бордо².

Эта война вошла в анналы как величайший имперский триумф Англии на Европейском континенте и серьезнейший (до 1940 года

по крайней мере) кризис во Франции. У Столетней войны имеются параллели в виде других политических авантур того периода, в частности французских и арагонских завоеваний в южной Италии, как мы еще увидим,³ но ее отличало то, что она угрожала крупнейшей державе латинской Европы и временами существенно истощала ее силы. И все же Англии, потерпевшей в 1296–1314 годах неудачу в попытке присоединить Шотландию, не хватало мощи, чтобы раз и навсегда завоевать Францию, в три раза превосходившую ее размерами и численностью населения. Сражения — это лишь начало, а дальше англичане полагались на французских сторонников, которые вели то утихавшую, то возобновлявшуюся междоусобную войну, и поэтому примирения между французами оставляли англичан без поддержки. Кроме того, 100 «военных» лет включали в себя и продолжительные периоды без военных действий (перемежавшиеся перемириями и браками); при этом войны между французами и англичанами начались еще в 1294 году и закончились по-настоящему только в 1558 году, когда англичане потеряли Кале — последние свои владения на материковой французской территории. Таким образом, Столетняя война — условность, и этот период легко поддается деконструкции. И тем не менее он важен по двум причинам. Во-первых, потому, что почти непрерывное состояние войны задавало направление почти всей остальной западноевропейской политике. Продолжавшиеся весь XIV век англо-шотландские войны — отголосок попытки англичан завоевать Шотландию — вливаются в Столетнюю за счет франко-шотландского союза. Еще одним ее ответвлением стало участие англичан и французоз в кастильских и португальских войнах в 1360–1370-х годах. Не оставались в стороне и имперские князья, например король Богемии Иоганн, погибший в сражении с англичанами в 1346 году⁴. Во-вторых, осознание постоянного участия в войне вело к фискализации государственной политики в обеих воюющих странах, что по большому счету было внове. К этому времени в европейских войнах почти повсюду, за редкими исключениями в виде Шотландии, Швейцарии

и Литвы, сражались наемники, поэтому государству требовались внушительные средства для оплаты их услуг. В отличие от коротких кампаний, Столетняя война не позволяла успокоить налогоплательщиков уверениями, что это временная мера. Это обстоятельство имело важные последствия для функционирования политической власти как в Англии, так и во Франции, и об этом мы еще поговорим.

Третьим ключевым событием была Папская схизма. После унижения Бонифация VIII в 1303 году все папы до 1378 года были франкоязычными, и папский престол находился не в Риме. С 1309 года он располагался в Авиньоне (юг нынешней Франции), который в силу небольших размеров проще было держать под контролем, чем Рим, и за столетие пребывания там папская администрация достигла непревзойденного уровня развития и достатка, а также добилась осуществления права инвеституры в латинской Европе во всей полноте. И хотя французской короне Авиньон не подчинялся, почва папской власти во многом была французской; почти половину финансов папской администрации обеспечивали французские церковные подати, при этом папы, со своей стороны, разрешали французским королям брать налог с церковных земель для войны с англичанами. Между тем подобающим местом нахождения папского престола по-прежнему считался Рим, и к 1370-м годам это ощущение окрепло. Как мы знаем, в 1377 году папа Григорий XI вернулся в Вечный город. Год спустя он умер, и конклав в крайне напряженной обстановке избрал папой итальянского архиепископа, принявшего имя Урбан VI (1378–1389). Однако вскоре папа Урбан поссорился с кардиналами, и четыре месяца спустя выборщики собрались вновь. Заявив, что прошлое решение было принято под угрозами, они выбрали нового понтифика — французского кардинала, ставшего папой Климентом VII (1378–1394). Отсутствие поддержки в центральной Италии вынудило папу Климента перебраться обратно в Авиньон, где он и оставался. Это был не первый папский раскол (в 1130 году ситуация, в силу легитимности притязаний обеих сторон, сложилась похожая), одна-

ко на сей раз европейские державы не смогли договориться, кого считать законным папой: Франция, Шотландия, Кастилия, Арагон и (поначалу) Неаполь признавали Климента; Англия, почти вся Германия, северная и центральная Италия, Польша, Венгрия и Скандинавия — Урбана. Эти предпочтения во многом были продиктованы Столетней войной; почти все остальное тоже зависело от геополитики. Сдавать позиции не подумала ни одна из сторон даже после смерти пап — на авиньонском престоле за последующие почти 40 лет сменились два папы, на римском — четыре. Ситуация усугублялась, и в 1409 году кардиналы с обеих сторон, собравшись в Пизе, сместили обоих пап и выбрали альтернативного кандидата — но, увы, папы отречься не пожелали, и теперь понтификов стало трое. Второй собор, в немецком Констанце (1414–1418), созданный под покровительством императора Сигизмунда (1410–1437), был продуман и спланирован более тщательно, и в результате один папа отрекся, второй был смещен, а третий лишился почти всей политической поддержки и утратил влияние. Мартин V (1417–1431), происходивший из старинного аристократического римского рода, стал первым общепризнанным папой с 1378 года (за прошедшее время Европа уже успела забыть, каково это) ⁵.

Несмотря на некоторую комичность раскола, смятения он принес немало, особенно в церкви и университеты, так как лишал епископат нравственной легитимности и международного охвата (к тому времени уже считавшихся его неотъемлемыми качествами), поскольку даже специалисты по каноническому праву не могли решить — а вскоре попросту отказались решать, — какого папу считать законным. Их задачей было заставить соперничающих пап отречься, чтобы начать с чистого листа, на что папы соглашались в теории, но от слов к делу переходить не спешили. Светские власти страдали меньше, вполне справляясь с ослаблением и неопределенным положением папства, хотя в конечном счете раскол доставил немало неудобств французам, и они активнее других старались положить ему конец. При этом вопреки долго бытовавшим в протестантской основной доктрине постулатам о пред-

посылках Реформации раскол вовсе не посеял недоверие к папской власти. Однако он все же сократил для пап возможность контролировать инвестиру по всей Европе, и потому их доход существенно снизился: у Мартина V он уменьшился вдвое по сравнению с доходом Григория XI, хотя впоследствии вырос вновь⁶. Прямым следствием стала некоторая независимость национальных церквей, которой они были лишены с XII века. А религиозная теория, которую пришлось разработать для оправдания церковных соборов, смещающих пап, окажет, как мы увидим в следующей главе, заметное влияние на более широкую политическую теорию.

Эти три стержневых события достаточно весомы, чтобы именно через их призму — кризиса и упадка — рассматривать все позднее Средневековье. Очень многие историки именно так и поступают. Но тогда этот период предстает в неверном свете. Джон Уоттс, в числе прочих, убедительно опровергая многие предшествующие исследования, доказывает, что системного кризиса политической власти на этом отрезке времени не наблюдалось. Скорее, наоборот, в этот период государственные образования постепенно обретали внутреннее территориальное единство и наращивали фискальную силу благодаря консолидирующим процессам XIII века, которые мы рассматривали в главе 8⁷. В эту же картину укладывается и экономическое развитие на данном историческом этапе, как мы вскоре убедимся. Во второй половине этой главы и в главе 12 мы продолжим политический анализ, поскольку, чтобы разобраться, как функционировала Европа в конце Средневековья, в числе ключевых вопросов нужно анализировать именно политическое устройство.

Хотя сокращение европейского населения вдвое не могло не сказаться на экономике, сокрушить ее Черной смерти не удалось. Для переживших чуму последствия были, скорее, положительными хотя бы потому, что для крестьян снижение плотности населения означало увеличение земельных наделов, а наемным работникам поредение рядов позволяло выторговать более выгодные условия, по крайней мере теоретически. Не особенно пострадал

и макроэкономический контекст. Как мы знаем из главы 7, в течение нескольких предшествовавших Черной смерти веков в Европе росла коммерциализация, развивались взаимоотношения между городом и деревней, возник крестьянский спрос на городские ремесленные изделия — и все это так и осталось. Города понесли большие потери, но, едва народ слегка оправился от потрясения, иммиграция возобновилась и показатели урбанизации при сократившемся населении в среднем остались прежними. О городском благосостоянии свидетельствуют и великолепные памятники светского средневекового зодчества в таких крупных городах, как Йорк, Брюгге, Валенсия, Венеция, Прага, появившиеся как раз после 1350 года. Да, в этот период, в отличие от этапа 1150–1300 годов, в европейской экономике меньше ощущался резкий взлет. Несмотря на отсутствие длительного экономического спада, устойчивое усложнение экономики продолжалось не везде, и кратковременные спады, в частности почти во всей Северной Европе в середине XV века, случались чаще⁸. Тем не менее Европа по-прежнему двигалась по пути экономической интеграции. Ориентация на фламандское текстильное производство, отличавшая североευропейскую экономику в XII–XIII веках, отошла на задний план, освободив место для более широкого круга северных городских отраслей. На XIV–XV века пришлась вершина расцвета ганзейских городов на Балтике и на севере Германии, богатевших в том числе за счет открывшихся возможностей экспорта зерна с польских равнин, куда, в свою очередь, импортировали ткани и соль. Англия от экспорта шерсти перешла к производству и экспорту сукна, частично потеснив фламандцев, а великие южногерманские города — Ульм, Аугсбург, Нюрнберг — при участии более мелких закладывали основы многовекового регионального господства в производстве текстиля и металлоизделий, а затем постепенно и в банковском деле. Ганзейский союз превратился в городскую лигу, определяющую политику балтийских государств послабее, например Швеции. От могущества Ганзы и южных городов во многом зависела расстановка политических сил и в Германии⁹.

Фландрии при такой конкуренции, несомненно, приходилось туго. Тем не менее благодаря сохранявшемуся спросу на роскошные ткани, сложной структуре местного потребления и выгодно-му расположению Брюгге как порта городам удавалось избежать разорения до конца Средних веков, когда центр тяжести производственной сферы экономики Нижних земель сместился на север, к Антверпену как центру торговли и в нынешние Нидерланды, где развивались интенсивное сельское хозяйство и изготовление дешевого текстиля¹⁰. Таким образом, новые центры производства и торговли лишь дополняли фламандские, а не вытесняли, и коммерческая деятельность Фландрии была тесно связана с Ганзой. Крупные итальянские города сталкивались с трудностями другого рода. К этому времени полуостровные государства создавали привилегированные условия для ведущей экономической деятельности своих крупнейших городов — Флоренции, Венеции, Милана, выступавших к тому же региональными политическими центрами, и государственное вмешательство сыграло важную роль в становлении, например, масштабного шелкового производства в Милане, Ферраре и Неаполе, однако в противовес ему усиливалась ремесленная деятельность в сельской местности и мелких городах, знаменуя поворот к расширению товарообмена между городом и деревней. Венеция и Генуя, в свою очередь, почти так же безраздельно, как и прежде, главенствовали в торговле предметами роскоши на Средиземноморье¹¹. Тем не менее в Южной Европе возникали новые области производства — Сицилия, Валенсия и Рагуза (современный Дубровник), а также Севилья, величайший кастильский торговый порт¹².

Такое расширение экономической деятельности было бы невозможно без сохранения коммерциализации примерно на прежнем уровне. И именно здесь сильнее всего сказались последствия Черной смерти. В деревнях снижение плотности населения вело, с одной стороны, к увеличению земельных наделов, а с другой — давало крестьянам возможность выторговать у землевладельца улучшение условий аренды. После 1350 года в Западной Европе

наконец исчезла крепостная зависимость, и в западных королевствах землевладельцам в общем и целом приходилось труднее, чем крестьянам. Без борьбы не обошлось и тут: как мы увидим в следующей главе, этот период ознаменовался крупными крестьянскими бунтами — в некоторых областях Европы, в частности к востоку от Эльбы, они не только были подавлены, но и привели к закреплению прежде свободного крестьянства, что способствовало развитию Польши как крупного производителя зерна на экспорт¹³. Между тем на Западе возникла сельскохозяйственная специализация (молочное животноводство, товарное овощеводство и садоводство, производство хмеля), крестьянский рацион обогатился (в Англии и Германии, в частности, в нем увеличилась доля мяса) и, что немаловажно, возросла покупательная способность крестьян применительно к ремесленным изделиям. Прежде это не имело большого значения, поскольку экономическому развитию способствовал в основном спрос среди высшего сословия, а не крестьян, однако теперь, с возникновением местной коммерции, это развитие получило подпитку и за счет крестьянского рынка. Более того, в Нидерландах, в Англии, в некоторых областях северной Италии распространялась практика ухода кого-то из крестьянской семьи в наемные работники по крайней мере на определенный период жизни — что само по себе предполагало повышение уровня коммерциализации. Следующим этапом в отдельных областях Нидерландов и на востоке Англии стало возвышение крестьянской элиты и средней прослойки, йоменов. Их разросшиеся владения все чаще обрабатывали наемные работники, что приводило к существенным изменениям в производственном базисе¹⁴. А наемным работникам — особенно в городах, где труд за деньги был преобладающей нормой, — в течение полутора веков после чумы сокращение их рядов давало возможность выторговывать повышенную оплату, несмотря на указы в области трудового права, которые большинство правителей старались издать чуть ли не сразу после отступления чумы (в Англии, например, в 1349 году) с целью удержать оплату труда в прежних рамках¹⁵. Все следующее

столетие и даже дольше между работниками и работодателями шла упорная борьба — в городах бунты вспыхивали в этот период едва ли не чаще, чем в сельской местности. Но и здесь покупательная способность населения росла, одновременно подпитывая коммерциализацию и пользуясь ее плодами.

Это, разумеется, очень общая картина, и на ее основе не стоит делать слишком далеко идущие выводы. Социальная мобильность в этот период была ярко выражена, учитывая новую сельскую прослойку и неослабевающий приток крестьянских семей в города, где некоторым из них удавалось нажить состояние; давала о себе знать и растущая интенсивность товарообмена. Однако это было относительное развитие, экономическая интеграция, в частности, продвинулась ненамного (впрочем, она и в XXI веке еще не завершена), наемные работники почти повсюду составляли меньшинство (иногда совершенно мизерное), и в отношении этого периода по-прежнему трудно сказать, зависело ли усложнение экономики от крестьянского (то есть массового) спроса больше, чем от элитного. В общем и целом в экономике XV века заметна высокоуровневая сбалансированная система со своими достоинствами и недостатками, имевшая предпосылки для интенсификации сельскохозяйственного и городского ремесленного производства, а также дававшая возможность новым регионам-участникам (южной Германии, восточной Англии и северным Нидерландам) воспользоваться сохраняющимися каналами торгового обмена. После окончания Столетней войны к ним присоединились не задействованные ранее области Франции. В результате геополитическая обстановка в Европе менялась, иногда значительно. Однако ни в 1500 году, ни даже в 1600-м никаких коренных изменений в экономической структуре этой системы не наблюдается, как бы ни силились разглядеть здесь его зачатки историки, которым застит глаза промышленный переворот. В Европе бесспорно складывалась инфраструктура, необходимая, чтобы извлечь экономическую выгоду из следующей, уже внешней, перемены — прорыва португальцев в Индийский океан, а испанцев — в Атлантику

и Америку на рубеже XV–XVI веков. К тому времени самые активные регионы Южной Европы процветали больше, чем давний экономический лидер Средиземноморья — Египет, который (как сейчас представляется) не сумел, в отличие от европейских регионов, оправиться от последствий чумы. Однако опередить в экономическом развитии великие азиатские области — западное побережье Индии, Бенгалию, восточный и центральный Китай — Европе до конца рассматриваемого периода не удалось, и никто от нее этого не ожидал¹⁶.

Вот на таком фоне развивалась политическая история стран Европы после 1350 года, краткий экскурс в которую мы сейчас совершим, чтобы лучше представлять себе разнообразие, царившее на континенте в этот наиболее полно документированный период. Начнем мы с Франции, а затем двинемся против часовой стрелки через Британию, Пиренейский полуостров, Италию и германские земли, повернем на восток к Венгрии и Польше, а оттуда на север к Скандинавии (о еще более восточных территориях см. главу 9). На политической арене появляются три интересных новых игрока — Швейцария, Бургундия и Литва, а некоторые из прежних меняют конфигурацию. Нас будут интересовать не столько летописные подробности политических взлетов и падений, сколько некоторые базисные элементы политического устройства, прежде всего, меняющееся благосостояние правителей. Основное внимание я буду уделять характеру фискальной системы каждого государства, поскольку и государственный аппарат, и война (особенно война) к этому времени обходились гораздо дороже, чем, скажем, в 1200 году, что имело свои последствия. Таким образом, для сравнительной политической истории принципиально важно, полагались ли государи по-прежнему на доходы с собственных земель — «домена», как часто называют эти владения специалисты по данному периоду, или развивали налогообложение, чтобы содержать более многочисленную или постоянную армию и более разветвленный государственный аппарат. Проще говоря, правителям,

не создавшим к этому времени сильную фискальную систему, сложнее было чего-то добиться как во внутренней, так и во внешней политике, хотя попытки они предпринимали, поскольку замыслы у не имевших ресурсов были не менее честолюбивые, чем у тех, кто такими ресурсами располагал. Это обстоятельство истории подчеркивают нечасто, но мне оно кажется существенным, поэтому я уделяю ему особое внимание¹⁷.

В 1300 году Франция была самым могущественным государством Европы, равно как и в 1500-м, по крайней мере на западе (на юго-востоке континента ее к тому времени превзошла Османская империя), однако в промежутке ей пришлось нелегко. В основном из-за вторжений англичан, но не только. Безумие короля-долгожителя Карла VI (1380–1422) привело к тому, что между двумя крупными нашествиями англичан страну раздирали распри, иногда перераставшие в войны, среди его ближайших родственников, каждый из которых обладал внушительным территориальным оплотом и стремился заполучить верховную власть. Франция, как мы знаем из предыдущих глав, состояла из сеньорий, часть которых со временем разрасталась и крепла. В периоды недееспособности короля эта частичная децентрализация становилась особенно заметной, что подтвердила и смута в начале XV века. Когда Генрих V в 1415 году вторгся во Францию, междоусобица еще не утихла, и именно ей он во многом обязан своими успехами после Азенкура. Новый герцог Бургундии и граф Фландрии Филипп Добрый (1419–1467) после гибели своего отца от рук французских противников заключил с Англией официальный союз, сохранявшийся с 1420 по 1435 год, поэтому о единстве французской державы в 1420-е говорить не приходится. Тем удивительнее ее устойчивость и способность к сопротивлению. Карл V (1364–1380) еще в бытность регентом во время нахождения своего отца Иоанна II в английском плену без труда убедил французские Генеральные штаты ввести в 1360 году довольно крупную подать, чтобы выкупить короля, и с 1363 года эта подать превратилась в регулярный налог. Он послужил финансовой основой и для пер-

вого контрнаступления французов на англичан, и для кампаний в Испании и на юге Италии, а также для развития государственного аппарата, ряды которого, что немаловажно, все активнее пополняла аристократия, тем самым теснее связывая свои интересы с правительственными. С этого времени французская фискальная система оставалась на редкость прочной. Несмотря на значительное ее расшатывание при Карле VI и во время завоевания части Франции Генрихом V, в 1421 году будущему Карлу VII удалось возродить эту систему, чтобы профинансировать новую военную кампанию, а с 1435 года заняться дальнейшим ее реформированием. К моменту кончины Карла VII в 1461 году и налог, и постоянная армия, содержание которой он обеспечивал, стали неотъемлемой частью французских королевских ресурсов, уже не требовавших одобрения Генеральными штатами. Если в 1330-х годах половина дохода Филиппа VI поступала с королевского домена, к концу XV века эта доля сократилась до 2% уже сильно увеличившегося бюджета. Людовик XI (1461–1483) методично эту систему развивал, подавляя в процессе дворянские налоговые бунты. Подчинив в 1477–1482 годах герцогство Бургундское, король стал полновластным правителем в собственном государстве¹⁸.

Англия преуспела меньше. Да, войну с Францией она в итоге проиграла, но и в ходе военной кампании успешная оккупация французских земель не означала резкого пополнения казны, поскольку ее истощали военные расходы. (Тем не менее отдельных представителей аристократии война обогащала, и тем самым создавался стимул для ее продолжения¹⁹.) К началу войны англичане были больше приучены к налогам, чем французы, что на первом этапе сыграло Англии на руку: целенаправленные сборы на военные нужды в 1339 и 1415 годах принесли суммы, о которых ни в каком другом европейском государстве в то время не могло быть и речи. Однако на такой же высоте находился и парламентский контроль над финансами, поэтому ни один английский король в позднем Средневековье не мог и даже не пытался вводить сколько-нибудь существенный налог без парламентского одобрения. Как я доказы-

вал в главе 8, английский господствующий класс уже привык считать своей функцией участие в управлении страной (в отличие от любого другого европейского политического образования, за исключением итальянских городов-государств, в Англии не существовало неприступных независимых сеньорий, разве что в колонизированной Ирландии), и осуществлять эту функцию ему все больше помогал парламент, который к этому времени созывался почти ежегодно. Главенство в парламенте принадлежало палате лордов, однако и палата общин, представлявшая мелкопоместное дворянство и городскую верхушку, к концу XIV века обретала голос. В периоды ослабления королевской власти парламент мог прибегнуть к прямому вмешательству, борясь с «корруптированностью» королевских сановников, как в 1376, 1388 и 1449–1450 годах. Кроме того, хотя сплоченность Англии как таковая и способствовала силе государства, но короли достаточно долго были слабы. В 1370 году, воспользовавшись преклонным возрастом Эдуарда III и малолетством его внука Ричарда II (1377–1399), у власти, как и во Франции, оказались непопулярные королевские родственники, в частности дядя Ричарда Джон Гонт. Сын Джона Гонта Генрих Ланкастер узурпировал трон, сместив выросшего Ричарда II, который пытался ограничить влияние аристократии, но при этом сам Генрих IV (1399–1413), находившийся как узурпатор в сложном положении, на десять лет выпустил из рук Уэльс, находившийся под властью харизматичного принца Оуэна Глендоуэра (ум. ок. 1415), и все больше слабел здоровьем: в последние годы его жизни страной управлял совет вельмож. Генрих V был совершенно иной политической фигурой, но правил всего девять лет, а от имени малолетнего Генриха VI (1422–1461) снова правили родственники-регенты. Повзрослевший Генрих VI оказался самым никудышным правителем за всю средневековую историю Англии, и к 1440-м годам военная кампания шла из рук вон плохо. Распри в среде крупной аристократии, а также между аристократами и парламентом переросли после 1455 года в открытую междоусобную войну, и к 1460 году на корону претендовал потомок Эдуарда III Ричард, герцог Йоркский. Войну между Лан-

кастерами и Йорками выиграл сын Ричарда Эдуард IV (1461–1483), но в 1485 году его брат Ричард III погиб в сражении против англо-валлийского узурпатора, имевшего очень мало оснований для притязаний на престол, — Генриха VII Тюдора. Таким образом, единственными достойными правителями в течение столетия начиная с 1370 года оказались Генрих V и Эдуард IV, но оба они были у власти недолго²⁰.

Сохранять государственное единство и разветвленность правительственного аппарата — а они сохранялись на всем протяжении этого периода, несмотря на войны между Ланкастерами и Йорками с 1455 года (в XIX веке названными Войной Алой и Белой розы), — помогла ответственность вельможной олигархии, созывавшей королевский совет и постоянно взаимодействовавшей с парламентом. В ней тоже не обошлось без розни, приводившей к смене состава, но сам институт сохранялся. А вот что изменилось по сравнению с прежним уровнем — это налогообложение. За исключением 1339 и 1415 годов, английские королевские ресурсы до XV века, как правило, уступали французским примерно вдвое, но в XV столетии налогообложение постепенно приходило в упадок, и к 1480-м поступления в королевскую казну Англии не превышали и четверти от доходов ее более крупной соседки, причем свыше трети этих поступлений обеспечивал королевский домен, разросшийся за счет конфискаций в ходе междоусобных войн. Международные амбиции Англии тоже стали более умеренными. Когда Эдуард IV вторгся во Францию в 1475 году, Людовик XI попросту откупился от отчаянно нуждавшегося в деньгах английского короля, и на протяжении столетия с лишним Англия завоевательных войн почти не вела²¹.

В Шотландии государственное устройство было гораздо проще. Наемную армию она не держала, в основном используя военную силу для защиты от англичан и для пограничных набегов. Почти весь королевский доход обеспечивали королевские владения, а также судебные и таможенные пошлины, так что суммы по английским меркам (не говоря уже о французских) были мизер-

ными. Попытки Якова I и Якова III в 1420-х и 1470-х годах добиться от шотландского парламента согласия на регулярный сбор налогов почти ни к чему не привели. Шотландское государственное устройство было ближе к раннесредневековому, чем к большинству современных ему моделей, и структура местной власти в Шотландии почти не менялась с XII века. Роберт I Брюс (1306–1329), давший отпор англичанам, после победы частично обновил состав шотландской аристократии за счет своих сторонников, а его внук, основатель династии Стюартов Роберт II (1371–1390), раздавал титулы собственной родне. Однако это не особенно укрепило королевскую власть, поскольку с такими ограниченными ресурсами и инфраструктурой напрямую контролировать происходящее на местах не удалось бы ни одному королю, и даже его шерифы были наследственными лордами. Постоянная угроза со стороны Англии (пусть и ослабшая в XV веке) создавала предпосылки для объединения королевства, при этом король и сановная верхушка, как правило, действовали сообща и заключали брачные союзы (но случались и периоды кризиса верховной власти — и Яков I, и Яков III были убиты, в 1437 и 1488 годах соответственно). Яков IV (1488–1513) преуспел в централизации больше, методично объезжая территорию королевства — тоже в раннесредневековом духе. И все равно Шотландия оставалась слабо централизованной²².

Перенесемся теперь на Пиренейский полуостров. Португалии, самому мелкому из трех его королевств, приходилось, как и Шотландии, обороняться от более сильного соседа — Кастилии. В конце XIV века она попыталась завоевать Португалию, воспользовавшись междуцарствием 1383–1385 годов, но потерпела неудачу (отчасти благодаря английским войскам), и Жуан I Ависский (1385–1433), а также его преемники в XV веке правили стабильным государством, границы которого не менялись с 1297 года (и — за исключением одной деревни — до наших дней). Политическая консолидация, без которой Португалии не удалось бы уцелеть, позволила королям создать единую законодательную систе-

му и ввести постоянный торговый налог. После того как в 1411 году с Кастилией был наконец заключен мир, португальцы обратились к единственной доступной им для завоеваний области — Африке. Попытки покорить Марокко каждый раз оборачивались разорительной неудачей, однако с западным побережьем Африки португальцам повезло больше: в 1419–1421 году они заполучили Мадейру, где вскоре было организовано прибыльное сахарное производство, а с 1420-х годов постепенно продвигались дальше на юг вдоль Африканского континента. Походы финансировались наследными принцами и портовыми городами. Устойчивая экономическая и военная экспансия в южном направлении вывела португальцев в 1490-х годах к Индийскому океану, но до тех пор их амбиции — а также получаемые прибыли — были скромнее. Налоги португальские короли собирали, но в первую очередь, как и в Шотландии, благополучие государства обеспечивали доходы с дома — благодаря его обширности. Однако государственная власть у португальцев оказалась сильнее шотландской²³.

Кастилия превосходила Португалию размерами и политическим весом. Ее король обладал идеологическим преимуществом как воплощение авангарда борьбы с мусульманами, хотя с середины XIV века единственный оставшийся эмират — Гранада — угрозы не представлял, пускай и сам редко оказывался под ударом. В ходе междоусобной войны 1360-х годов Педро I в 1369 году сменил на троне его незаконнорожденный старший брат Энрике II Трастамара. Междоусобица, как и везде, приводила к передаче прав сбора налогов колеблющемуся дворянству и городам с целью склонить их на ту или иную сторону, но в то же время порождала встречную потребность добывать средства на армию. Тем не менее короли, как и в Португалии, сохраняли контроль над торговым налогом, а кастильские кортесы проявили готовность одобрить прямые налоговые сборы на войны с Арагоном и Англией при Энрике II и его сыне Хуане I (1379–1390). Королевские доходы в Кастилии конца XIV века были внушительными и не уступали английским. Именно это обстоятельство послужи-

ло политической подоплекой еврейских погромов 1391 года (когда новый король Энрике III был еще ребенком), поскольку в том числе и таким образом народ выражал протест против королевской власти, достигшей к тому моменту своего расцвета²⁴.

В XV веке за расцветом последовал спад. Кастилия пережила череду слабых правителей, а также междоусобную войну 1440-х годов между стоящими у власти вельможами, схожую с разгоревшейся в Англии десятилетием позже. Королевские притязания на централизованную власть оставались такими же честолюбивыми, но королевские доходы в середине века постепенно сокращались из-за передачи прав дворянству и к 1470-м годам вдвое уступали английским — которые, как мы знаем, к этому времени тоже снизились. Изабелла I (1479–1516), сочетавшаяся браком с наследником арагонского престола Фердинандом II (1479–1516), перехватила корону у своей племянницы, законной наследницы Хуаны, в достаточно сложный для Кастилии момент. Но Изабелле, что примечательно, удалось переломить ситуацию. Ее династический союз с Арагоном был не первым, но он, в отличие от других, оказался долговечным и предполагался таким с самого начала. Изабелле с супругом удалось заново утвердить королевские финансовые полномочия, установить более строгий порядок в стране и до некоторой степени напрямую подчинить себе кортесы, города и даже некоторые сеньории, на которые такой контроль не распространялся с 1400 года. Высокий уровень политической консолидации, которой добилась Изабелла в Кастилии, выразился и в менее похвальных деяниях — походе на Гранаду в 1487–1492 годах, изгнании евреев год спустя и гонениях на евреев-выкрестов. Однако представление об «общественном благе», как его часто называли в позднесредневековой Европе, перипетии последних десятилетий не истребили, и в Кастилии, как и во Франции и Англии, аристократия к этому времени плотно участвовала в управлении страной, извлекая из него финансовые выгоды и убеждаясь таким образом в преимуществе сильной королевской власти²⁵.

Политическое устройство Арагона напоминало кастильское — парламент, называемый кортесами (здесь их было несколько — в силу большей децентрализации королевства), одобрял сбор налогов, но в меньших объемах и на более ограниченных условиях, чем в Кастилии. Его крупные города, в частности, были сильнее и контролю поддавались с большим трудом. Кортесы Каталонии и Валенсии — главные столпы арагонского правительства — вырабатывали договорную политическую теорию ограничения королевской власти на основе соглашения, выраженную среди прочего в авторитетном политико-религиозном трактате «Двенадцатый христианин» Франсеска Эшимениса (ум. в 1409) и имеющую параллели в английской политической практике. С ее помощью кортесы добивались уступок от короля. Однако нужно учитывать, что Арагон располагался на побережье Средиземного моря, а Барселона и Валенсия были крупными центрами торговли, поэтому ресурсы у королевства имелись, пусть они и предоставлялись на определенных условиях. Присматривался он и к соседним территориям, регулярно распространяя свое владычество на Сардинию и Сицилию: арагонские короли, в основном из младшей ветви, правили Сицилией с 1282 года, а Неаполем — с 1442 года, пока в 1503 году Фердинанд II не завоевал их окончательно. Эти приобретения (включающие плодородный остров) подвигали Арагон на то, чтобы замахиваться на непосильное, как временами поступала и Англия²⁶.

До 1282 года Неаполь (то есть материковая часть южной Италии) и Сицилия составляли единое королевство под властью нормандцев, а затем, как мы знаем, Штауфенов. В 1266 году в ходе побочной кампании папских войн с Фридрихом II его завоевал Карл Анжуйский, брат Людовика IX, но в 1282 году Сицилия восстала и предпочла арагонского короля. Карл I, пока держал в руках все королевство Штауфенов, был богатейшим монархом Европы и располагал крепкой налоговой базой, но и его внук Роберт (1309–1343), который правил одним только Неаполем, удерживался на уровне современной ему Англии²⁷. Однако в XIV веке два

южных королевства основную массу своих доходов тратили на войну друг с другом, что привело на обеих территориях к усилению независимости вельмож. В 1385 году король Неаполя Карл III (1381–1386) усугубил положение, отправившись завоевывать венгерский престол, — политическая авантюра подарила ему на год дополнительный королевский титул, но потом стоила жизни. Притязания неаполитанских правителей на венгерскую корону сохранялись до 1414 года, хотя к тому времени Неаполю приходилось самому отбиваться от посягательств со стороны Франции. Сицилия между тем в XV веке процветала под властью арагонских королей. Неаполю везло меньше, пока арагонцы не завоевали и его — арагонский король Альфонсо V (1416–1458, король Неаполя в 1442–1458) под конец жизни перенес туда свой двор и вместе с сыном Фердинандом (ум. в 1494) воспользовался спокойным периодом, чтобы наладить централизованное правление и создать сильную фискальную базу без ограничений со стороны парламента — в таком состоянии десятилетием позже Неаполь отвоюет Фердинанд II Трестамара. Оба королевства, таким образом, были достаточно богаты, чтобы представлять собой лакомый кусок для захватчиков, но недостаточно сильны, чтобы дать им отпор. Не самое удачное сочетание²⁸.

Разрозненные североитальянские города-государства трудно поддаются обобщению, но по крайней мере две общие тенденции в этот период их развития отметить можно — отход от «республиканской» формы правления и постепенное перерастание в более крупные политические единицы. На смену непрерывному политическому брожению коммун XIII века, которые постоянно реформировались в попытках унять вражду между соперничающими группировками и приспособиться к требованиям нового социального слоя, приходила долгосрочная передача полномочий единственному правителю, который, как правило, оказывался у власти как глава группировки, а потом захватывал ее насовсем и передавал по наследству. В английском языке к таким правителям часто применяют термин «деспот», но итальянцы используют

более мягкое — *signori*, «господа». Они были разными. Висконти в Милане (1277–1447) и Эсте в Ферраре (с 1240 года) представляли собой два старинных аристократических рода, возвысившихся еще в XI веке или раньше; делла Скала в Вероне (1263–1404) и Медичи во Флоренции (с 1434 года) происходили из коммерческой верхушки — последние были крупнейшими банкирами своего времени; Сфорца в Милане (1450–1500) вели род от кондотьеров. Почти всех их приводило к власти декларируемое намерение защищать и почитать республиканские институты, что они и делали, при этом назначая на должности своих людей и истребляя соперников в полном соответствии с рекомендациями крайне прагматичного шедевра Никколо Макиавелли «Государь», написанного в 1513–1514 годах. Противились этой тенденции только Венеция, Генуя, Сиена и (пережившая период сеньориальной власти) Лукка — в основном за счет установления сплоченной и замкнутой олигархии главенствующих семей, распределявших между собой управленческие должности. Такая система и в самом деле зачастую оказывалась гораздо более закрытой, чем сохраняющая меритократический характер правительственная модель синьорий.

Вторая тенденция была завоевательной. Итальянские города систематически сражались друг с другом с XII века, но в XIV столетии более сильные начали захватывать земли поверженного соперника целиком. Зачинщиками выступили Флоренция и Милан, в 1404 году их примеру последовала Венеция. К 1454 году, когда итальянские державы заключили Лодийский мир и на четверть века обеспечили полуострову относительную стабильность, эти три города-государства безоговорочно господствовали на севере. Стоит добавить, что тенденция к укрупнению не предполагала никакой связи с переходом под власть государей-синьоров. Из трех вышеперечисленных городов государь во времена завоеваний имелся только у Милана, обладавшего при этом солидным опытом внутригородских войн. Между тем важно учесть, что завоеванные города — Пиза под властью Флоренции или Верона под властью венецианцев — сохраняли прежнее политическое

устройство, которое с этого времени просто подпадало под чужое руководство. Таким образом, здесь просматривается параллель с более общей преемственностью правления в условиях власти государей-синьоров. В большинстве случаев правители итальянских городов прекрасно сознавали и принимали во внимание заботы подданных — иначе им грозил бунт: и Милан, и Флоренция, в частности, ненадолго восстанавливали республиканское правление в полном объеме в 1447–1450 и 1494–1512 годах соответственно, а в 1494–1509 годах так же поступила Пиза. Несмотря на это, власть в итальянских городах была твердой, и к налогам они были приучены. Налоги в городах северной Италии — и тем более в принадлежащей им сельской округе — в конце Средних веков почти бесспорно были выше, чем в любой другой стране латинской Европы. К XV столетию налогообложение отличалось большей скрупулезностью, о чем свидетельствует, например, флорентийский *catasto*, кадастр 1427–1430 годов, в котором оценивалось каждое поле во владении потенциальных налогоплательщиков. Государственным чиновникам (получавшим жалованье из тех же налогов) приходилось взаимодействовать с каждым домовладельцем Флорентийской республики лично и учитывать гораздо больше деталей, чем прописывала английская «Книга Страшного суда», которая тремя столетиями ранее была передовым инструментом оценки. Собранные таким образом средства долгое время шли на оплату наемных войск, невзирая на опасность такого расклада для мелких политических образований; каждый итальянец прекрасно знал, что Франческо Сфорца — это лишь вершина айсберга честолюбивых замыслов вояк-кондотьеров. Однако после Лодийского мира налоги продолжали собирать, и богатство Италии — и в наши дни заметное по дорогостоящим зданиям XV века почти в каждом итальянском городе — несколько десятилетий после 1494 года будет манить все новых и новых захватчиков из Франции и Германии²⁹.

На середине этого экскурса самое время подвести промежуточные итоги. У всех рассмотренных выше королевств и городов-госу-

дарств Западной и Южной Европы, кроме Шотландии, имелась та или иная форма систематического сбора налогов. В Восточной и Северной Европе, к которым мы сейчас перейдем, такого почти не было — крупным исключением выступала Бургундия, располагавшаяся под боком у Франции и делившая с ней развитую фискальную систему, а в Восточной Европе — Венгрия. Таким образом, условная граница, проходящая, если совсем упрощенно, от Венеции на северо-запад к Антверпену, отмечала подлинную разницу в политическом единстве и политическом весе между государствами позднего Средневековья — а также в политическом влиянии, поскольку восточные и северные государства латинской Европы оглядывались на Францию, главную державу Западной и Южной Европы, и в меньшей степени на Италию и Англию гораздо больше, чем Франция (или Италия с Англией) на них. В главе 5 мы видели, как постепенно размывалась к XII веку такая четкая в IX столетии граница между европейским севером и югом. Но даже в позднем Средневековье, за некоторым исключением, она по-прежнему отражала резкий контраст, к этому времени не столько в культуре, сколько в экономике и, как следствие, политической власти. И все же восточные и северные государства представляли не меньший интерес, чем их западные и южные соседи, поэтому теперь мы присмотримся к ним поближе, хоть и не останавливаясь надолго.

Если Италия тяжело поддается обобщению, то в отношении Германии того времени оно попросту невозможно. Германская империя (или «Священная Римская империя германской нации», как она именовалась с 1474 года) существовала по-прежнему, но без прямой централизованной власти. В действительности у императоров в большинстве своем имелись могущественные местные оплоты, поскольку Люксембурги владели Богемией (1346–1400, 1410–1437), сменившие их Габсбурги — герцогством Австрийским. Богемия была крупной и относительно сплоченной, Австрия же хоть и менее сплоченной, но по крайней мере крупной. Однако

в остальной части империи присутствие верховного правителя было в основном церемониальным. Это не мелочь — и авторитет имперского идеала, подразумевавшего обращение к императору как к третьейскому судье, не падал, а, наоборот, рос. Но Карл IV (1346–1378) для обеспечения срочных политических нужд закладывал имперские земли и права с большим размахом, и к середине XV века от них почти ничего не осталось. Поразительно, что в конце этого столетия — а именно при деятельном императоре Максимилиане I (1493–1519) из династии Габсбургов — была предпринята попытка возродить роль верховной власти за счет высших законодательных и судебных органов управления и впервые введенного в 1495–1499 годах общеимперского налога, но даже тогда дворянство крупного герцогства Баварского отказалось его ратифицировать, и возобновлять сбор не стали. Империя представляла собой лоскутное одеяло из сотен княжеств и имперских городов, владевших территориями разной площади. На юге и севере страны самыми богатыми и влиятельными политическими образованиями были города, главные из которых — Нюрнберг, Аугсбург, Любек и Кёльн, тогда как крупнейшие в территориальном отношении политические единицы располагались в другой части империи: на востоке — Бранденбург, Саксония, Богемия, Австрия, Бавария, на дальнем западе — герцогство Бургундское, которое в XV веке расширялось в противоположную от Франции сторону. В имперских городах правительственная структура и финансово-бюджетная система были достаточно развитыми — схожими с итальянскими, но менее сложными. Более крупные княжества и королевства такими системами в массе своей не располагали, и даже в XV веке, когда налогообложение стало внедряться шире, источником дохода князей выступал, прежде всего, домен. Такие яркие различия между германскими землями на фоне роста национального самосознания вызывали непреходящие дискуссии и вели к осознанию альтернативных возможностей — в большей степени, чем во многих других странах Европы³⁰. Это осознание усилится, когда в 1517 году Мартин Лютер распространит в Виттенберге свои

95 тезисов и когда многие германские княжества в начале XVI века примут тот или иной вариант римского права. Поскольку пока эту тенденцию мы можем лишь отметить, целесообразнее будет рассмотреть три (нетипичных) региональных примера — Богемию, швейцарские кантоны и Бургундию, которые дадут нам представление о политическом потенциале субъектов империи.

Богемия была единственной славяноязычной политией в составе Германской империи и благодаря лесистым горам, окружавшим ее с трех сторон, обладала необычайно прочной территориальной целостностью, несмотря на устойчивый приток на окраины и в города германских переселенцев. Исконная чешская династия Пржемысловичей пресеклась в 1306 году, и к 1310 году Богемией правили западногерманские Люксембурги. Карл IV был не только императором, но занимал также главенствующее положение среди современных ему князей. Он сделал Прагу настоящей столицей и основал там университет — отпечаток его эпохи город несет до сих пор. Основные доходы Карлу IV приносили домен и богатые серебряные рудники в Кутна-Горе. Он присоединил еще несколько княжеств и земель — пусть временно, но для этого ему пришлось заложить ряд имперских владений. Сын Карла Вацлав (Венцель) IV (1378–1419) таким авторитетом не обладал — он тоже получил императорскую корону, однако в 1400 был низложен половиной выборщиков, а в самой Богемии вынужден был в 1405 году уступить значительную часть полномочий объединившейся знати. Его смерть в 1419 году пришлась на вспыхнувшее на фоне кризиса власти восстание гуситов — участников религиозного движения, вдохновленного учением Яна Гуса, который в 1415 году был казнен как еретик на соборе в Констанце. К Гусу и его последователям мы еще вернемся в следующей главе, здесь же нам важно лишь то, что гуситы, отражая атаки католических войск, захватывали чешские земли. С 1419 по 1436 год чехи в принципе не признавали королевскую власть и переходили под управление сеймов, которые часто срывались из-за конфликтов между радикальным гуситским крылом, состоявшим из мелкого дворянства,

горожан и крестьян, и умеренным, представленным знатью и университетскими профессорами. Войска гуситов были добровольческими, и финансовые ресурсы государства порядком сократились, не восполнившись даже после победы умеренного крыла в конце 1430-х годов. Новый король Йиржи из Подебрад (1458–1471) был гуситом знатного происхождения, и ему тоже пришлось противостоять папам, снаряжавшим против него крестовые походы. Он отражал атаки и всеми силами старался восстановить единство страны. Помимо этого, он укреплял свою власть за счет возобновления сбора пошлин на добычу серебра. Та же практика продолжилась и при Ягеллонах, не баловавших Богемию личным присутствием, и затем при королях из Габсбургской династии¹¹.

Швейцарская конфедерация образовалась, как принято считать, после подписания в 1291 году договора между тремя сельскими общинами, проживавшими в западных владениях Габсбургов по берегам Фирвальдштетского озера. В 1351 году — здесь мы вступаем на более твердую почву — они заключили договор о взаимной военной помощи с близлежащим Цюрихом, подкрепив его аналогичными пактами с Берном, Люцерном и другими центральными городами. Кроме этого союза были и другие, объединявшие города и мелкие земли южной Германии, которые пытались обезопасить себя в раздробленной империи, однако большинство из них находились в подданстве у Габсбургов, и в 1386 году швейцарцам пришлось сразиться с присланной для восстановления австрийской власти армией. Поражение, нанесенное военачальнику Габсбургов герцогу Леопольду III, который погиб в этой битве, укрепило дух Швейцарской конфедерации и позволило ей значительно расшириться. Восстановить свою власть Габсбургам так и не удалось, а в 1474 году она была свергнута официально. Конфедерация создала собственную профессиональную пехотную армию на базе крестьянского ополчения, солдат которой другие державы брали на наемную службу, и, учредив довольно аморфное независимое правительство, на протяжении XV — начала XVI веков постепенно принимала в свои ряды все новые и новые города и земли. Важ-

но подчеркнуть, что Швейцария была (и остается) именно конфедерацией, а не единым государством. Каждый субъект был отдельной единицей и имел собственную финансовую систему; бывало, что кантоны даже воевали между собой. Интересы городов, знати и сельских общин тоже вступали в структурное противоречие, но, против обыкновения (в противовес, например, происходившему в Богемии), проигравшей стороной в большинстве случаев оказывалось сельское дворянство; в результате конфликт развивался главным образом между городами и сильными сельскими общинами. Неудивительно, что в начале XVI века перспектива «ошвейцаривания» народа воспринималась как революционная угроза³²

Герцоги Бургундии представляли собой младшую ветвь французской правящей династии. В 1384 году они унаследовали Фландрию — богатейшее графство, также входившее в состав французского королевства. Однако и графство, и герцогство располагались на окраине Франции и были тесно связаны с землями Священной Римской империи. Из этих земель в 1384 году герцогам отошла Франш-Конте, в 1404–1430 годах — Брабант, в 1428 году — Эно и Голландия. К середине XV века они почти целиком подчинили себе Нижние земли (исторические Нидерланды), что до тех пор не удавалось ни одним региональным властям, — националисты в Бельгии и в современных Нидерландах именно от их правления предпочитают вести историю своих стран. Бургундские герцоги, как мы знаем, часто выступали ключевыми союзниками Англии на втором этапе Столетней войны, и Филипп Добрый уже мыслит категориями государства в новой территориальной конфигурации, с крайне честолюбивой придворной культурой. Средства им позволяли: по имеющимся у нас данным, после расширения границ их доходы, в основном за счет налогов, были сопоставимы с английскими. Однако основной их приток обеспечивали Нижние земли, что означало необходимость взаимодействовать с фламандскими и брабантскими городами, а связываться с ними всегда было себе дороже. Другую ключевую проблему для герцогов Бургундских представляла разрозненность владений, разделенных землями

нескольких держав, и отсутствие единого налогового режима. Сын Филиппа Доброго Карл Смелый (1467–1477) попытался исправить положение завоеваниями, но встретил суровый отпор со стороны германских земель, в 1476 году потерпел поражение от швейцарцев, а в 1477 году погиб в бою. На этом история Бургундского герцогства в строгом смысле слова заканчивается, поскольку вскоре Бургундию вернул под власть Франции Людовик XI. Однако герцогам удалось, по крайней мере, объединить Нижние земли, и продолжавшая править там дочь Карла Смелого Мария (1477–1482) вышла замуж за Максимилиана I Габсбурга. После ее смерти Максимилиан I унаследовал их единым комплектом, но за наследство в 1482–1492 годах пришлось побороться с французскими и фламандскими городами³³. В результате Габсбурги со своим ненадежным имперским и австрийским оплотом унаследовали основной источник бургундского богатства и могущества, которое им впоследствии представится случай приумножить. Сын Марии и Максимилиана Филипп женился на наследнице престола Кастилии и Арагона Хуане. Филипп умер молодым, а Хуану отстранили от власти как обезумевшую, поэтому в 1517–1519 годах титул императора, Австрию, все Нижние земли, всю Испанию и всю южную Италию унаследовал сын Филиппа Карл V. Затем к его владениям добавились Мексика и Перу. Таким образом, Карл V, сам почти не воюя, пожинал плоды завоевательной политики бургундцев и арагонцев, тем самым создавая предпосылки для кардинальных перемен в европейской истории в следующем столетии.

Эти три примера демонстрируют, насколько по-разному развивались отдельные земли в составе Священной Римской империи. Политические игроки из числа правителей империи могли действовать и далеко за ее пределами: последний император из династии Люксембургов, брат Венцеля Сигизмунд, большую часть времени находился не в Богемии (до мира с гуситами в последние годы его жизни), а в Венгрии, которой он правил 50 лет начиная с 1387 года. И хотя Богемия временами выступала могущественным оплотом, Венгрия была гораздо могущественнее. Сдавшему

позиции в XIII веке королевскую власть (см. главу 8) укрепили два деспотичных короля из новой династии (Венгрия стала еще одним приобретением для Анжуйского дома) Карл Роберт и Лайош I (1309–1382), которые за счет пошлин на добычу серебра, а с 1320-х и золота и впоследствии земельного налога вернули себе половину располагавшихся на территории королевства замков и правили почти без препятствий со стороны старинной знати. Лайош, в частности, ходил в походы в чужие земли, расширяя свои владения на юг, а в 1370 году унаследовал и польскую корону. Его дочери поделили между собой Польшу и Венгрию, и после смутного периода, ознаменовавшегося, как мы знаем, кратковременным воцарением неаполитанского короля, на венгерский престол возшел Сигизмунд как супруг дочери Лайоша Марии. Однако дворянские бунты против германского/чешского короля продолжались до начала XV века, и занятый делами империи Сигизмунд половину своего царствования в Венгрии не появлялся. Неудивительно, что за этот период королевские доходы сократились и внутренние связи королевства ослабли — в том числе и потому, что золотые прииски и поступления от них к этому времени тоже начали истощаться. Но добыча золота и сбор налогов продолжались, и инфраструктура королевства — с наемными чиновниками — выдержала и долгое отсутствие Сигизмунда, и возникшую необходимость оборонять южную границу от османов, и частую смену правителей после кончины Сигизмунда. В 1458 году королем был избран Матьяш Корвин, сын знатного полководца и регента Яноша Хуняди, — он результативно правил до 1490 года, восстановив королевскую власть и собирая достаточно большие налоги, чтобы содержать постоянную армию и пышный двор в своей столице, Буде. Однако его преемники были гораздо слабее, а давление знати — сильнее, и после великой победы турок при Мохаче в 1526 году большая часть венгерского королевства была завоевана Османской империей. В основном по этой причине венгерские историки крайне неприязненно относятся к власти дворянства в средневековой Венгрии. И тем не менее ключевая

мысль, которую необходимо подчеркнуть: сильному и удачливому королю всегда удавалось восстановить власть. Примеры тому — и Карл Роберт, и Матьяш, и, пусть в меньшей степени, Сигизмунд. Обширный королевский домен, устоявшаяся практика налогообложения и, не в последнюю очередь, доходы от золотодобычи обеспечивали казне хотя бы минимум при слабой королевской власти, а при сильной — финансовые поступления на уровне английских и кастильских. И по богатству короны, и по прочности политической инфраструктуры Венгрия на протяжении всего позднего Средневековья оставалась самым могущественным королевством к северу от Рима и к востоку от Франции³⁴.

В совершенно ином положении находилась северная соседка Венгрии — Польша. Раннее королевство Польское, разделенное между наследниками в 1138 году, как мы знаем из главы 5, частично — и с большим трудом — объединил Владислав I Локетек (король в 1320–1333). Но и после этого ему и его сыну Казимиру III (ум. в 1370) приходилось бороться с крайней децентрализацией королевства, с наполовину независимыми герцогами, с вкраплениями независимых городов (под юрисдикцией германского права) в судебной системе и с растущим авторитетом дворянства. Под боком у Польши находилось Великое княжество Литовское, единственное из крупных европейских государств, не принявшее христианство. Консолидированное при Гедимине (1315–1342), оно постепенно расширялось на восток, в основном за счет враждовавших между собой русских княжеств (см. главу 9). Польшу и Литву объединяло в тактическом отношении противостояние германскому государству тевтонских рыцарей, основанному на балтийском побережье и стремившемуся завоевать восточную Балтику, — как раз в этот период оно достигло наивысшего расцвета. В разгар начавшейся после смерти Казимира III и кончины в 1382 году его преемника Лайоша I Венгерского борьбы за власть Ягайло Литовский (1377–1434) взял в жены дочь Лайоша Ядвигу и в 1386 году принял христианство, а год спустя вззошел на польский трон под именем Владислава II Ягелло.

По договору с ним его двоюродный брат Витовт получил власть над Литвой и правил как великий князь до 1430 года, распространив литовское господство на юго-восток до Черного моря, а также сокрушив тевтонских рыцарей при Танненберге (Грюнвальде) в 1410 году. Царствование Витовта стало вершиной владычества литовских князей на русских землях — после этого восточные рубежи Литвы постепенно возвращались обратно под натиском московских правителей. И тем не менее объединенная польско-литовская держава — к этому времени образующая костяк региона, хотя в некоторые периоды у каждой из частей имелся свой правитель из династии Ягеллонов, — в географическом отношении была крупнейшим государством всей Европы XV века. Однако далеко не самым могущественным. Воевать литовское войско умело, но политическая инфраструктура в великом княжестве была развита слабо, и ему приходилось признавать значительную самостоятельность крупных частей бывшей Киевской Руси. Польшей, хоть и более сплоченной, объединенной в конце XV века Казимиром IV (1446–1492) и его преемниками, знать, выступавшая единым фронтом на земских собраниях — сеймах, правила в той же степени, что и король. Противостоять им могли только самые сильные короли, такие как сам Казимир. Структурированной налоговой системы в Польше не было (сеймы часто отказывали королю в просьбах о введении налога), и королям обычно приходилось довольствоваться только доходами с домена — за исключением периодов войн, когда налоговые сборы сеймы одобряли чаще. Частые трения между королями и могущественными местными дворянами, в Венгрии, а иногда и в Богемии, как правило, разрешавшиеся в пользу правителя, в Польше — особенно с 1490-х годов — заканчивались иначе. Сложные родственные связи между монархами трех королевств — в результате которых с 1490 года каждым из трех правил представитель династии Ягеллонов — не влияли на принципиальные структурные различия³⁵.

Схожие династические игры происходили в трех скандинавских королевствах — Дании, Норвегии и Швеции. Самой разви-

той инфраструктурой среди них всегда обладала Дания, а самой слабой — Швеция. Из предыдущей главы мы знаем, что Маргарита I (ум. в 1412), наследница датского короля Вальдемара IV с 1375 года и вдова норвежского короля Хакона VI с 1380 года, в 1387–1389 годах объединила все три королевства силой. Ее провозглашенный наследником внучатый племянник Эрик Померанский (1389–1439) был коронован как король всех трех государств при создании в 1397 году Кальмарской унии — союза куда более официального, чем происходившие де-факто династические объединения Ягеллонов, и пережившего смещение самого Эрика в 1439–1440 годах. Тем не менее уния просуществовала недолго. Союз Дании и Норвегии сохранялся до 1815 года, тогда как Швеция в 1448 году выбрала собственного короля — аристократа Карла Кнутссона. В 1457 году Швецию отвоевал Христиан I Датский (1448–1481), но восстановление независимости было лишь вопросом времени, и к 1523 году Швеция обрела ее снова — под властью новой династии Васа. Какое-то время все три скандинавских королевства тяготели к выборной монархии, в которой ведущая роль отводилась, соответственно, собраниям знати и где управление на местах осуществляла она же. В этом отношении они напоминали Польшу с ее подчиненным аристократии «конституционализмом», и политическая структура каждого из них зачастую оказывалась такой же слабой. Но в Скандинавии знать обладала гораздо меньшей властью на местах. Во многих областях крестьянство, жившее там искони, по-прежнему обладало правом голоса и на практике часто главенствовало на местных законодательно-политических собраниях, тингах, которые вели традицию с раннего Средневековья (см. главу 5). Крестьянские бунты, вспыхнувшие в Швеции и Дании в 1433–1434 годах, а в Норвегии — в 1436 году, знаменовали в случае Швеции стремление к независимости. Налог скандинавские короли собирали, но, как правило, небольшие, недостаточные, чтобы содержать армию, не подчиняющуюся гегемонии знати и крестьян. К этому нужно добавить отдельное политическое влияние крупных городов, а также межнациональ-

ной (но преимущественно германской) Ганзейской лиги, которая их объединяла. Официально утвержденный в XVI веке шведский риксдаг оказался едва ли не единственным в Европе парламентом, где было представлено четвертое сословие — крестьянское. Неспособность королей возглавить политическое общество (даже в какой-то мере в Дании) роднит Скандинавию не только с Польшей, но и в первую очередь с Шотландией. Кроме того, их роднит политическое устройство, которое, несмотря на многочисленные позднесредневековые атрибуты — такие как хартии юридических и политических свобод (принятые в Швеции и Дании в 1319 и 1360 годах соответственно), — в основе своей больше напоминало раннесредневековую политику собраний³⁶.

В этом беглом обзоре политической истории латинской Европы после 1350 года можно уловить несколько общих тенденций. Одна из них — игры престолонаследования, позволявшие одной династии править сразу несколькими разными королевствами. Анжуйская ветвь французского королевского дома правила в Неаполе, Венгрии и Польше, кастильские короли — в Арагоне, арагонские короли — на Сицилии и в Неаполе, германские и затем польские короли — в Богемии и Венгрии, австрийские короли — почти во всех этих странах начиная с конца Средних веков, германские короли — иногда в скандинавских странах, английский король — в течение короткого срока во Франции и, чуть раньше, в Шотландии. При этом политические границы — за исключением некоторых областей Восточной Европы — почти не менялись, как и внутреннее политическое устройство королевств, зато в династических союзах наблюдались постоянные «тектонические сдвиги».

Вторая тенденция, тесно связанная с первой, — возможность ввязываться в довольно честолюбивые политические авантюры в чужих землях, зачастую за морем. Как правило, они оказывались химерой (при этом урон наносили вполне ощутимый, как, например, английские кампании во Франции), но иногда обеспечивали достаточно долговечное господство — Арагонской дина-

стии на Сицилии, в частности. По сути, почти всех перечисленных в этой главе правителей роднит готовность, едва заполучив достаточно средств для содержания армии (а иногда и не дожидаясь этого), идти в поход не только на соседей, но иногда и в довольно далекие земли — за военной славой и вожаемыми территориями приобретениями. Достававшиеся большими усилиями ресурсы тратились в первую очередь на демонстрацию могущества — пышный двор и статусные сооружения, характерные для периода после 1350 года, однако величайшим (и самым дорогостоящим) признаком государственной мощи служила армия, которую логично было использовать по назначению. Военная машина, ставшая основой для политического и фискального развития в раннем Новом времени, зарождалась именно теперь, в позднем Средневековье, а дальнейшее государственное строительство почти повсюду в латинской Европе велось на фундаменте XIII века. Как утверждалось в начале главы, несмотря на кризисы разного рода, которые переживались многими государствами, эту эпоху нельзя назвать веком системного кризиса политической власти, скорее, наоборот, в чем мы имели возможность убедиться в ходе более подробного разбора³⁷.

Тем не менее, говоря о налогово-бюджетной системе как таковой, основной упор нам нужно сделать на различия, которых в этой области у государств позднесредневековой Европы хватало. Разные формы налогообложения (прямые и косвенные налоги), разная регулярность сбора (какие-то собирали ежегодно, но многие вводили только во время войн), разный размер налога, разное соотношение между доходами с домена и налоговыми поступлениями. Разные модели вводимых королями налогов по-разному отражались на их подданных, и эти различия пока еще не удостоились систематического исследования. Однако имелось и общее проявление. Чем больше ресурсов — любого происхождения — было у правителя, тем более широкие возможности перед ним открывались. От уровня ресурсов напрямую зависели внутренние инфраструктура и политическое единство европейских держав.

К концу XV века самым могущественным и богатым государством Европы, с самой доходной системой налогообложения, бесспорно оказалась Османская империя, опиравшаяся на фискальные модели, унаследованные как от Византийской империи, так и от Халифата (см. главу 9). В отношении плотности учета и сборов ей не было равных среди западных политических образований — за исключением преуспевших итальянских городов-государств, поскольку, как мы знаем, римский и исламский опыт налогообложения на Западе был утрачен и западные государства, изобретая все заново, создавали менее эффективные системы и упускали возможность поучиться у более развитых соседей. Богатейшим королевством на Западе была Франция — с конца XIII века почти неизменно, за исключением периодов упадка во время Столетней войны. В фискальном охвате ее, как уже было сказано, превосходили итальянские города, однако они уступали ей размерами и вследствие этого могуществом. На третьем месте находились Англия и Кастилия, а также бургундские Нижние земли XV века, хотя первые две больше преуспевали в этом отношении в XIV столетии, чем в дальнейший период, длившийся почти до конца XV века. За ними с небольшим отрывом следовали Венгрия, Неаполь/Сицилия и Арагон, а также некоторые германские города. Дальше — но уже с сильным отставанием — шли Богемия и Португалия. Политическое устройство всех остальных государств Европы было гораздо проще, и их правители — в Польско-Литовской унии и в остальной Восточной Европе, а также в Шотландии, Скандинавии и большинстве германских земель, — хоть и придерживались того же политического стиля и имели схожие побуждения с правителями более богатых областей, достигали гораздо меньшего. Воевать им становилось чем дальше, тем тяжелее; им хуже удавалось держать в подчинении знать, их судейская роль тоже зачастую оставалась не востребованной. Фискальное единство здесь было тесно связано с политическим.

Должен подчеркнуть, что в вышесказанном нет никакой этической оценки, исключительно структурные выводы. Утверждать,

будто богатый и властный король, вытягивающий огромные деньги у подданных, в каком-то отношении «лучше» (или тем паче «современнее») короля, которому приходится противостоять могущественной аристократии, было бы нелепо. Но стоит учесть, что политическое единство могла обеспечивать в том числе хорошо организованная законодательная структура и система принятия решений. В этом отношении выделяется Англия, а также итальянские города-государства, которым и здесь сильно облегчала задачу компактность. В Англии же внутренней организации по-прежнему способствовала вовлеченность господствующего класса в политику и не прерывавшаяся с раннего Средневековья традиция судопроизводства на основе собраний — единственный подобный пример среди более могущественных государств данного периода, поскольку другим королевствам, сохранявшим ранне-средневековую традицию политики собраний, в частности скандинавским, до могущества было далеко.

Этот довольно приблизительный рейтинг политико-фискального единства и благосостояния в большинстве случаев служит и рейтингом боеспособности, за некоторыми исключениями, в частности в лице Италии, где военный потенциал многочисленных богатых политий оставался невостребованным, а также Литвы и Швейцарии, которые, наоборот, замахивались на непосильное. Это общий расклад, полученный на основе вышеизложенного. Его необходимо учитывать, когда в следующей главе мы будем говорить о политическом устройстве и главенствующих ролях: о том, как функционировали парламенты разного типа, о решении злободневных задач, об интеллектуализации выбора политического курса и о расколах. Здесь, как мы увидим, тоже намечались общие тенденции, но в силу обозначенных выше различий эти тенденции по-прежнему получали в разных странах разное преломление.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ 1350–1500 гг.

Мы уже знаем, как были организованы и откуда черпали ресурсы государства Европы в позднем Средневековье, однако это лишь одна составляющая политики того периода. Не менее важны представления народа — как верхов, так и низов — о том, как правители должны распоряжаться этими ресурсами и, в более широком смысле, как следует управлять государством. В позднем Средневековье эти вопросы послужили поводом к пространным дискуссиям. Они знаменовали расширение общественного пространства в политике, характерное именно для этого периода, и в данной главе нам предстоит обозначить его социально-политический контекст.

В злополучные для Англии годы правления Генриха VI — особенно несколько десятилетий номинального руководства по достижении совершеннолетия (1437–1461), когда страна все больше сбивалась с политического курса и проигрывала войну с Францией, — образованная прослойка (а иногда и не только она) вела разнообразные политические дискуссии. Они продолжались и в 1460–1470-х при сменившем Генриха Эдуарде IV из династии Йорков. В ходе этих дискуссий был выдвинут ряд предложений по поводу наилучшего выхода из сложившейся ситуации, зачастую противоречащих друг другу и сильно разнящихся содержа-

нием и акцентами. Так, *Libel of English policy* («Книжица английской политики») — ксенофобский, но свидетельствующий о хорошей осведомленности автора поэтический памфлет, написанный в 1436–1437 годах, утверждал, что самым выигрышным направлением для английской политики будет жесткий силовой контроль над торговыми путями через Ла-Манш, который вынудит негодаев фламандцев и итальянцев поддерживать политические интересы Англии. Направленный против Йорков трактат 1459 года *Somnium vigilantis* убедительно и безапелляционно доказывал, что идея восстания против государственной власти ради «всеобщего блага» содержит в себе противоречие, поскольку необоснованно подразумевает поправление закона, а йоркисты — это все равно что гнилой зуб, и мириться с ними нельзя. Джордж Эшби, заключенный в тюрьму чиновник-ланкастерец, в своем полном банальностей стихотворении *Active policy of a prince* («Деятельная политика государя»), появившемся около 1463 года, заявлял, что отвернуться от Генриха VI советников побудила жадность (не самая оригинальная мысль), но при этом выдвигал и несколько адресных предложений: сыну Генриха Эдуарду, доведись ему взойти на престол, ни за что не стоит доверять придворным; перед народом ему следует появляться регулярно, но и народу доверять нельзя ни в коем случае. Наиболее ярко выраженное воплощение такого рода выпады получили, когда Джон Фортескью (ум. ок. 1477), главный судья палаты общих тяжб с 1442 года, тоже ланкастерец, который, впрочем, в 1471 году перешел на сторону Йорков, преподнес Эдуарду IV трактат «Об английском правлении»: в нем он советовал королю расширять свои земельные владения, изымая земли у прежних бенефициариев, чтобы иметь возможность тратить при необходимости больше своих самых богатых подданных, которые в противном случае могут поднять мятеж, как уже не раз бывало в последнее время, — а бедных, наоборот, держать в сытости, чтобы избежать конфликта (поскольку английские бедняки не такие трусы, как французские, и с большей вероятностью могут взбунтоваться)¹.

Неизвестно, внял ли король этим советам. Хотя обогатиться Эдуард IV явно старался изо всех сил, но сложно утверждать, что он делал это по рекомендации Фортеस्कю. Однако в совокупности эти наставления свидетельствуют, что политические деятели того периода, включая тех, кто не принадлежал к аристократии, размышляли о неудачах в политике и пытались найти наилучший выход из положения. Эти теоретические выступления, что немаловажно — в основном на английском, не на латыни, подкреплял действием еще более широкий круг радующих за судьбу страны: так, моряки, в 1450 году обезглавившие герцога Саффолка (с 1443 года фактически забравшего верховную власть у короля), сделали это во имя общины королевства, которую ставили выше короля. В том же году вспыхнул крестьянский мятеж под предводительством Джека Кэда в Кенте — не столько против королевской власти, в отличие от предшествующего бунта 1381 года (см. ниже), сколько в поисках лучшего руководства, чем предлагалось им на протяжении десятилетий («мы обвиняем не всех господ и не все окружение короля <...> но тех, кого признает виновным справедливый и истинный суд»). Каким бы цинизмом ни отличались в этот период маневры политических руководителей, они вынуждены были действовать в обстановке непрерывной злободневной полемики о том, что такое хорошее правительство и как улучшить существующее, которую они не могли откровенно и неприкрыто игнорировать².

Полемика эта велась не только в Англии. Один из примеров — споры между умеренными и радикальными ветвями гуситского движения, другой — северная Италия: в каждом городском совете (в том числе при синьориальной форме власти) дискутировали, как лучше организовать управление (немало протоколов этих заседаний дошли до нас). Эти дискуссии перекликались с теоретическими трудами — например, полным метких наблюдений трактатом доктора римского права Бартоло да Сассоферрато (ум. в 1357) о тиранах (и против тиранов), то есть тех, кто правит несправедливо. Трактат обосновывал необходимость смещения «власти-

теля, подрывающего устои и сеющего смуту», если его признает таковым «справедливый судья». Схожие доводы легли в основу разумного, но менее предубежденного против тирании сочинения Никколо Макиавелли об эффективном руководстве под названием «Государь»: при необходимости можно лишить кого-то жизни, но государь «должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, нежели потерю имущества». Местами этот трактат представлял собой лишь ужесточенный вариант того, что написал Фортескью за тысячу с лишним километров от Италии¹. По всей Европе в XV веке текущую политику анализировали и критиковали. Это было внове: по крайней мере, внове был такой накал дискуссий.

Здесь важно четко обозначить, о какой именно новизне я веду речь. Разумеется, никто не отрицает, что образованные европейцы рассуждали о нравственных и юридических аспектах «правильной» политики, то есть занимались «политологией» со времен Каролингов и раньше. В конце XI века к таким спорам добавилась бурная полемика на тему противостояния папской и императорской власти в выступлениях Григория VII и его преемников. В XII веке она получила дальнейшее развитие благодаря каноническому и переработанному римскому праву; в XIII столетии свой вклад внесли недавние переводы Аристотеля. Свой идеи (во многих случаях очень мудрые, и мы к ним еще вернемся) высказывали — среди прочих — Иоанн Солсберийский в XII веке, Фома Аквинский и Эгидий Римский в XIII столетии, Данте Алигьери, Марсилиус Падуанский, Бартоло да Сассоферрато и Джон Уиклиф в XIV веке, Леонардо Бруни, Кристина де Пизан и Николай Кузанский в XV веке. Таким образом, поле средневековой политической мысли было плодородным. Однако ее светочи в большинстве своем не разменивались на конкретные предложения, касающиеся злободневных проблем. Они разрабатывали теорию, не привязанную к повседневной практической политике. Не меньшей обобщенностью отличались и «зеркала для государей» — наставления правителям, восходящие как жанр к каролингской и византийской

традициям, эталоном которых стал написанный в 1277–1280 годах для будущего короля Франции Филиппа IV трактат «О правлении государей» Эгидия Римского⁴. Даже конкретизируя, авторы таких сочинений, как правило, ограничивались обличительными речами в защиту или в порицание тех или иных крупных политических институтов (императорской власти в Италии, например, или отношений правителя с законом), которые в действительности зачастую строились по совершенно иным принципам. Эту особенность они сохраняли, даже если их автор, как, например, Бруни, в 1427–1444 годах занимавший пост государственного секретаря Флоренции, сам был облечен политической властью. И вот от такого рода сочинений политические выступления в Англии середины XV века, с которых я начал эту главу, сильно отличались. Авторы их — за исключением Фортескью — не были мыслителями (если он читал некоторые из вышеперечисленных трудов, то у других знакомство с ними не прослеживается), и гораздо больше абстрактных принципов управления государством их интересовала политическая конкретика. Дискуссии о политическом курсе можно обнаружить и в XIII, и даже в XII веке — какие-то из них я рассматривал в главе 8. Но тогда эти вопросы поднимались реже. Перемены наметились к концу XIV века — открытые дискуссии на политические темы стали более насыщенными и активнее документировались, влияние их усилилось.

Одной из основных предпосылок к таким переменам было усиление роли парламентов после 1350 года, связанное с возросшей потребностью в налогах, и, как следствие, лучше подготовленная почва для мер со стороны государства, прежде всего в тех странах, которые занимают верхние строчки в рейтинге политико-фискального устройства, приведенном в конце предыдущей главы. Но это далеко не все; другая причина заключалась в частом проведении международных церковных соборов, особенно в начале XV века. Сюда же можно добавить растущую роль развитого судопроизводства и, разумеется, распространение грамотности или, по крайней мере, деятельности, связанной с письмом, среди светского населе-

ния. Посмотрим, как все эти факторы взаимодействовали между собой.

Слово «парламент» в этот период обозначало совещательный орган только в Англии и Шотландии. (Французские *parlements* выполняли в первую очередь судебную функцию.) Во Франции такое представительское учреждение называлось *etats-generaux*, генеральные штаты (возникшие как провинциальные ассамблеи сословий), в Испании — кортесы, в Польше — сейм, в германских землях и в Богемии — очень часто *dieta* (на немецком — ландтаг или рейхстаг), в Скандинавии — тинг (хотя затем появился и риксдаг, как в немецком). Почти во всех присутствовало сословное деление: высшее сословие заседало и принимало решения отдельно от мелкого дворянства и городской верхушки, а во многих случаях (но не в Англии) и от духовенства. Крайне редко к участию допускалось крестьянство (в Швеции, как мы знаем, а также в Германской империи и в некоторых областях Альп). Зачастую это были представительские органы — то есть одних представителей сословия (только мужского пола) выбирали выражать мнение других, которые на собрании не присутствовали, за исключением высшей аристократии и высшего духовенства, которые, как правило, являлись лично⁵. Этим собраниям всегда было обеспечено пристальное внимание историков, которые видели в них зачатки современной представительной демократии. Пользы от этого мало; у тех учреждений были иные предпосылки, и даже о генеалогической преемственности между ними и современными демократическими институтами можно говорить лишь в редких случаях (самые явные примеры — Англия и Скандинавия). Гораздо интереснее, на мой взгляд, определить степень их родства с политическими собраниями раннего Средневековья, на которые сходились все свободные люди королевства, чтобы узаконить власть короля, как мы видели в начальных главах, и здесь вряд ли кто-то, кроме Скандинавии, сможет претендовать на преемственность во всей полноте. В Англии — единственной оставшейся кандидатуре — наиболее очевидными наследниками собраний англосаксонского

периода выступали, как мы уже знаем, суды графств и сотен. Королевские собрания в XII веке, даже если поздние тексты на древнеанглийском сохраняли применительно к ним терминологию периода до 1066 года, представляли собой, прежде всего, собрания советников-дворян (не будем забывать, что дворянство как такое было создано Вильгельмом I после Нормандского завоевания), созываемые королем и узаконенные его властью, а не наоборот. Английские парламенты периода после 1230-х годов восходят, скорее, к ним, чем к англосаксонским аналогам⁶. По сути, повсюду, кроме Скандинавии, парламенты (как я их дальше буду называть для удобства) развивались из королевских советов, то есть совещаний правителя с сановниками, созданными именно для этой цели, а не для того, чтобы они узаконивали его власть.

Однако затем узаконивающая функция к представительным органам вернулась — уже на иных основаниях, чем в раннем Средневековье. Как мы знаем, могущество (при его наличии) парламентам обеспечивало постепенное развитие налогово-бюджетных потребностей королевской власти, особенно у сильнейших государств. На большей территории Европы из всех коллективных органов только парламенты обладали достаточным авторитетом, чтобы одобрить крупные налоги. Как правило, именно поэтому в состав участников стали входить и представители городов — в Арагоне еще в 1210-х годах, в Англии на постоянной основе к 1290-м годам. Налог на города приносил хорошие поступления, но вводить его без их согласия было рискованно, поскольку города обладали достаточной сплоченностью, чтобы дать отпор. Но стоило признать необходимость согласования налогов с коллективными органами, и эти органы закономерно решали, что распоряжаться собранными средствами тоже их задача, в результате чего в большинстве парламентских кругов разгоралась полемика о политическом курсе. К концу XIV века почти по всей Европе законы также принимали (а иногда и предлагали) парламенты. К тому времени появившееся в XIII веке понятие «общины королевства» расширилось до «общего дела» (*res publica*, *chese*

publique) или «общего блага, благополучия, выгоды» (*bonum commune, bien commun*) как идеи внутригосударственного коллективного блага, значимого для широких слоев общества. Сюда постепенно включались все, кто так или иначе участвовал в политике, в том числе и низы, как в случае с матросами, казнившими герцога Саффолка⁸.

Здесь необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Первое — сам по себе размах политической полемики, которая становилась признанной составляющей публичной сферы. Народный отклик выражался в песнях и поговорках, часто — но не обязательно — провокационного характера. К XIV веку появляются петиции к английскому парламенту, свидетельствующие о том, что низы — городские общины, а иногда и крестьяне — с одной стороны, уважают парламент (особенно его судебную/законодательную функцию), а с другой — считают возможным на него влиять⁹. Впервые появляется пропаганда: сочинения, намеренно распространяемые политическими властями с целью заручиться поддержкой — в первую очередь в политически активных (и грамотных) кругах, но также и в широких массах¹⁰. В конце Средневековья развитие книгопечатания еще больше облегчило задачу, но и в рукописной сфере для пропаганды уже имелась своя ниша.

Второе обстоятельство заключается в том, что мир был очень раздробленным. Мы сейчас не говорим о крупных сообществах, охватывающих всю страну, или, по крайней мере, говоря о них, учитываем, что речь идет о настоящей политической элите, королевских чиновниках, объединениях знати или высшего духовенства. Для всех остальных мир ограничивался непосредственным окружением — довольно четко очерченными социальными стратами: сеньория, город или, уровнем ниже, род, гильдия, братство, деревня. Они обозначились почти по всей Европе в XI веке, а к позднему Средневековью, как мы знаем, размежевание между ними усилилось¹¹. Эти пересекающиеся объединения часто противостояли друг другу, и разногласия между ними составляли немалую долю позднесредневековых конфликтов, отраженных в имеющихся у нас

источниках¹². Однако к этому времени такие сообщества зачастую гораздо лучше осознавали свою усиливающуюся роль в более масштабном политическом устройстве и культуре — ко многим позднесредневековым государствам вполне применимо понятие «национального» самосознания. Правители же, со своей стороны, как в XIII веке, так и в XV (см. главу 8), взаимодействовали не с народом в целом (и даже не с более вероятной прослойкой совершеннолетних состоятельных мужчин), а с этой сетью сообществ. Во Франции даже налоги требовали одобрения городов и местных собраний (*etats*) в той же степени или даже большей, чем генеральных штатов, и сбор налогов тоже иногда поручался именно им (зачастую он был организован в разных местах по-разному). В XV веке короли делегировали отправление правосудия региональным *parlements*, которые становились центрами местных политических сообществ¹³. В Кастилии в конце XIII — начале XVI веков стихийно формировались городские лиги — или «братства» — с целью противостоять королевской власти или ее несостоятельности, и иногда эти объединения обретали значительный вес в королевстве¹⁴. Расширившиеся Венеция, Милан, Флоренция, а также владения герцогов Бургундских в XV веке состояли из сети самоуправляющихся общин — в основном городов, в силу урбанизированности этих областей, а в Нижних землях к ним добавлялись и сельские сеньории. Разумеется, главенствовали над ними и облагали их налогом правящие города или герцоги, однако в остальном они пользовались самостоятельностью. Не что иное, как конфедерацию таких общин, представляла собой Швейцария — а также Ганза. В основе главных моделей позднесредневековой политики по-прежнему лежало ячеистое устройство, возникшее в результате преобразований на местах после «феодальной революции», как я не раз подчеркивал, хотя к этому времени ячейки уже были пронизаны структурами, увязывающими их с королевской властью и отношениями на уровне королевства. Любому правителю, чтобы преуспеть, приходилось договариваться с разными типами сообществ, составлявших его государство.

Эта коллективная политика получила поддержку, хоть и краткосрочную, в период проведения Базельского собора в 1431–1449 годах — во многом неожиданный поворот, закончившийся к тому же ничем, но тем не менее важный. Констанцкий собор 1414–1418 годов, на котором происходило смещение пап (см. главу 11), закрепил за советами прелатов полномочия определять судьбу Западной церкви и предполагал продолжение этой традиции. Следующим успешно проведенным собором стал Базельский (в промежутке был один неудавшийся), получивший активную поддержку светских европейских правителей, не желавших возвращения неограниченной папской власти, как в XIII–XIV веках, и возлагавших на решения соборов надежды на реформу Церкви. Кроме того, они полагали — уже более правомерно, — что церковный собор имеет больше шансов, чем папа, разобраться с самым пугающим политическим явлением того периода — захватом Богемии гуситами. В Базеле епископы и аббаты собрались в расширенном — по сравнению с Констанцем — составе, к которому добавились также университетские профессора и низшее духовенство. Полный состав — кроме папы. Евгений IV (1431–1447) не только не присутствовал на соборе, но и активно пытался сорвать его. В самом начале папа попробовал отменить его, но участники проигнорировали отмену и сразу же выпустили постановление, что прекратить собор могут только собравшиеся.

Так была подготовлена почва для самого принципиального испытания сил в противостоянии между монархией и общиной за весь позднесредневековый период. Базельский собор отстранил Евгения IV (от него отвернулось большинство собственных кардиналов) и заключил собственный договор с гуситами — довольно действенный, а также выступил посредником в перемирии между Францией и Бургундией. Кроме того, на нем был рассмотрен ряд самых серьезных, с точки зрения современников, церковных злоупотреблений, связанных, прежде всего, с осуществляемыми папой назначениями на церковные должности. Между тем к концу 1430-х годов попытки Евгения IV сорвать собор стали более изощренны-

ми, что накаляло обстановку. Закончилось все тем, что в 1439 году собор низложил папу и, по необъяснимым мотивам, избрал незадолго до того отрекшегося от власти герцога Савойского Амадея VIII, который принял тронное имя Феликс V. Светские власти соблюдали подчеркнутый нейтралитет, но для многих этот ход был слишком радикальным, и постепенно крепла поддержка Евгения IV, а после его смерти — Николая V, его преемника. В 1449 году собор признал окончательное поражение и объявил о роспуске. Тем не менее и Евгению IV, и Николаю V пришлось в обмен на поддержку светских властей признать их фактическое господство над региональными церквями — в гораздо большем объеме, чем во время Папского раскола. Базельский собор интересен, прежде всего, своей ролью в формировании новых представлений о практической политике. Многие приверженцы консилиаризма действительно считали, что верховная власть в Церкви должна принадлежать правильно организованному собору, а не папе и даже не епископам. Николай Кузанский (ум. в 1464) — пожалуй, самый передовой мыслитель из числа участников собора — в 1433 году написал труд «О согласии католиков», убедительно отстаивая превосходство консенсуса и закона над властью пап в частности и прелатов в целом. Роспуск Базельского собора не помешал его участникам, за без малого 20 лет поднаторевшим в полемике, разойтись с аналогичными идеями по всей Европе. Примерно как Лига Наций в 1920–1930-х годах (столь же интересный, хоть и неудачный проект), собор породил новое поколение международных экспертов в области принципов и практики коллективного управления, а также сильные, но самопровозглашенные конституционные монархии, которым и выпало главенствовать в следующий период¹⁵.

Закон — это еще одна составляющая наряду с коллегиальностью, на которую необходимо обратить внимание, поскольку он тоже распространялся все шире. Сперва теория. Юстинианов свод римского права в XII–XIII веках часто наделяли почти религиозным авторитетом, поэтому от специалистов в данной области

не приходилось ожидать значимого вклада в достижение политических договоренностей. В подтверждение можно привести слова Жака де Ревиньи (ум. в 1296), писавшего: «О том, что Франция подчиняется империи, сказано в [Юстиниановом кодексе]. И мне нет дела, что король Франции этого не признает», — достойная категоричность, при этом сознательно отвергающая существующую политическую действительность. Однако уже через полвека появились достаточно искушенные толкователи римского права, в частности, уже упоминавшийся Бартоло да Сассоферрато и его ученик Бальдо дельи Убальди (ум. в 1400), которые в своих самых авторитетных трудах впервые показали, что романистика может взаимодействовать с реальным средневековым миром, а не с идеальным представлением о нем. Так, о раздельном суверенитете они рассуждали в самом нейтральном ключе, что определенно было полезнее, чем категоричность де Ревиньи. Как и следовало ожидать от Италии того периода, лучше всего бартолистская адаптация применялась к синьориальному правлению и народному согласию на уровне городов, но доводы, касающиеся суверенитета, брались на вооружение и за пределами Италии: оба мыслителя в конце Средних веков и даже позже оказывали заметное влияние на Испанию, Францию и Германию¹⁶.

Особенный авторитет завоевывала в этот период юридическая практика. Больше законов записывалось, больше новых законов издавалось, и, самое главное, больше людей обращалось в суд, и гораздо больше судебных постановлений фиксировалось письменно. Кроме того, суд служил не только для разрешения конфликтов; зачастую в местных судах подписывали кредитные соглашения и заключали другие договоры. В ранний период судебные архивы, как мы знаем, обнаруживаются в основном в Италии и Англии, но к концу Средних веков они уже имелись повсюду и не только на уровне городов и королевств. Ближе к XV веку протоколы открытых судебных заседаний появляются даже на уровне деревень — на территории от Каталонии до Польши, притом что сельскую Польшу никак нельзя было назвать передовой в этом

отношении¹⁷. Иными словами, крестьяне не меньше горожан и знати повсеместно приобщались к области письменного права, тем самым взаимодействуя с политическими институтами, о которых мы говорили. Даже если это участие не всегда было добровольным и возникало в обстановке большего или меньшего принуждения, к этому времени письменная сфера уже затрагивала каждого: не меняя образ мысли (повторю, грамотность этого никогда не делала), но давая представление о том, что где-то существует порядок. Таким образом, почти все местные сообщества испытывали влияние гласных форм судебного разбирательства, и с его порядками, пусть и далекими от совершенства (и справедливости), знакомился все больший процент европейцев. Росло количество профессиональных юристов (в Южной Европе багаж их знаний часто включал труды Бартоло), и юридические знания, как теоретические, так и практические, распространялись все шире. В главах 8 и 10 мы наблюдали активизацию в XIII веке духовной деятельности мирян, что приводило к новому пониманию религии, в котором церковные власти (правомерно или нет) видели угрозу. То же самое век или позже спустя происходило в области правового знания у светского населения. Немалой долей своего развития позднесредневековая публичная сфера как на верховном уровне, так и на уровне местной общины была обязана юридической практике и порождаемому ею дискурсу.

Подытожим, опираясь на материалы этой и предыдущей глав: позднесредневековая политика требовала больших, чем прежде, финансовых затрат, в основном потому, что войска теперь почти повсеместно были наемными (а примерно с 1400 года затраты увеличились из-за артиллерии)¹⁸; соответственно, нормой стало налогообложение, по крайней мере в самых сплоченных государствах того периода — Франции, Англии, Бургундии, на Пиренейском полуострове и в Италии, в Венгрии и Османской империи. Государственная власть к этому времени тоже воспринималась как данность, встречая отпор только на окраинах Европы, таких

как Шотландия и Швеция. Общественные дискуссии подразумевали ее наличие почти повсеместно, споры шли лишь о ее расходах и направленности, а не о законности. А благодаря политической полемике, которая велась в парламентах и городских советах, а также правовой риторике в городах и деревнях общественная дискуссия все глубже укоренялась в пока еще обособленных ячейках, которые постепенно осознавали характер своих взаимоотношений с «общественным благом» и способы и возможности им распорядиться. Сознательное определение политического курса теперь тоже документировалось лучше и, судя по всему, стало более пространственным, чем в предыдущие столетия. Чрезмерно обобщать здесь не стоит; до полного единства в различающихся между собой европейских королевствах и политических образованиях 1350–1500 годов было далеко, особенно в более слабых в налогово-бюджетном отношении государствах на севере и востоке. Основная масса крестьян на практике была отстранена от действительного участия в большинстве политических процессов, даже если эти процессы их ущемляли (как любые налоги и, разумеется, любая война) и даже если у крестьян имелась выраженная точка зрения на то, как надлежит этими процессами управлять. Однако не обращать внимания на публичную сферу к этому времени уже было невозможно. И мы рассмотрим ее с двух сторон: с точки зрения роли интеллектуалов в этой среде, а затем с точки зрения пространства для несогласия, выражаемого словом или делом. Два этих разных аспекта объединяла в себе, как мы вскоре убедимся, политическая фигура чешского мыслителя Яна Гуса, своим несогласием повлиявшего на политику некоторой части Европы.

Общественные европейские мыслители — то есть те, кто завоевывал умы благодаря знаниям и авторитету, а не политическому или социальному положению, — появились гораздо раньше позднего Средневековья. В начале XII века такими мыслителями, выражавшими взаимно противоположные взгляды, были Пьер Абеляр и Бернард Клервоский, а в XI столетии — Михаил Пселл в Константинополе. Уже тогда окружающие с интересом ждали

их новых высказываний и действий. Но с начала XIV века таких фигур становится гораздо больше и среди них чаще, чем прежде, начинают попадаться светские лица. Как мы знаем, люди прислушивались к Данте, когда он, поставив себе высочайшую планку, сочинял аллегорическую «Божественную комедию» в 20-летнем изгнании, куда был отправлен с должности приора во флорентийском правительстве в 1302 году, когда потерпела поражение его партия. Но к нему прислушивались и когда он писал трактат «О монархии» — о законном превосходстве светской власти императора над папской и, как следовало понимать, над властью независимых итальянских городов. Как нетрудно догадаться, вторая работа для большинства политических деятелей этих городов практической ценности не имела, однако с ней все же знакомились — таково было влияние автора¹⁹. Полстолетия спустя, около 1340 года, Франческо Петрарка (ум. в 1374), оставив карьеру при папском дворе в Авиньоне, выбрал более привлекательный (для него) путь — гостить по очереди в итальянских городах в качестве знаменитого поэта (сочиняющего на латинском и итальянском), писать письма в цicerоновой манере и высокохудожественные трактаты, а также совершить первое в истории восхождение на гору ради эстетического или духовного удовольствия (в 1336 году он взобрался на вершину Мон-Ванту в Провансе). Петрарка мог платить городам за гостеприимство написанием речей, однако еще большее значение для них он имел как культурный символ²⁰.

По мере того как итальянская городская верхушка училась ценить знание классической литературы и мастерство риторики и прозы, ряды таких интеллектуалов в конце XIV и особенно в XV веках неуклонно пополнялись. Умение полемизировать и писать в «гуманистической» манере стало пропуском к благополучию и покровительству. Традиционно это течение ассоциируется, прежде всего, с Флоренцией, но на самом деле почти в каждый итальянский город — а также в королевские дворы по всему северу Европы, от Англии до Польши, — проникала эта длившаяся целое

столетие мода на интеллектуальную полемику и высокую латынь (а потом и греческий), проявлявшаяся и в науке, и в литературной критике, и в архитектуре²¹. Архитектурное ее отражение включало творения Леона Баттисты Альберти (ум. в 1472) — подвизавшегося, как водится, при нескольких городских дворах в качестве мыслителя, но, кроме того, спроектировавшего ряд самых дорогостоящих и популярных зданий в Италии в неоклассическом (или ренессансном, как его называют сейчас, но не тогда) стиле, от Римини до Рима. В свою очередь, его протеже Бернардо Росселлино перестроил весь центр горного тосканского городка Пьенца по заказу родившегося там папы Пия II (1458–64), создав идиллический декоративный ансамбль²².

Альберти, в отличие от Данте и Петрарки, состоял на службе у Церкви — в других странах, особенно в северной Европе, общественные мыслители тоже могли принадлежать к клиру. Пример тому — Жан Жерсон (ум. в 1429): редкий случай, когда крестьянскому мальчишке удалось выбиться в люди благодаря образованию и дорасти до ректора Парижского университета. Таким образом, признанный официальный статус у него имелся, однако широкую известность он обрел главным образом благодаря трактатам на латинском и французском на все мыслимые и немыслимые темы — от вегетарианства у монахов до народных суеверий и ночных поллюций. Один из них, о доблести Жанны д'Арк, написанный незадолго до смерти, выделяется своей актуальностью — а также стойкостью политических убеждений, поскольку Париж тогда находился во власти англичан и другие университетские профессора должны были выступать судьями на процессе. Рукописных копий трактатов Жерсона у нас имеется больше, чем трудов любого другого позднесредневекового мыслителя, за исключением Данте. Кроме того, он был одним из идеологов Констанцского собора. На его примере хорошо видно, какая широкая аудитория могла быть в тот период у университетского профессора — питающая интерес к философии богословского толка, а не античной культуре, — и это напоминает нам, что богословие сохраняло веду-

щую роль в интеллектуальной жизни позднего Средневековья²³. И здесь самое время поговорить о еще двух мыслителях, на которых нам необходимо обратить внимание, поскольку в честологии и общественном признании они могли потягаться с Жерсоном и тоже подвизались на богословском поприще, но их деятельность имела иную, более раскольническую направленность. Это Джон Уиклиф (ум. в 1384) и Ян Гус (ум. в 1415).

Богословское учение Уиклифа отличалось большей сложностью, чем у Гуса. Он преподавал в Оксфордском университете, в 1360–1370-х годах выпустил ряд достаточно глубокомысленных философских, а затем богословских трудов, однако к середине 1370-х его учение стало стремительно перерастать в богословскую критику папской роскоши и отстаивание необходимости секуляризации церковных земель. Кроме того, он отрицал присутствие Христа в евхаристии. Этих взглядов, высказываемых с характерной для него резкостью, хватило, чтобы в 1377 году получить официальное осуждение со стороны папы, а в 1382 году — быть изгнанным из Оксфорда. Примечательно, что достаточно долго за Уиклифа было кому заступаться. В 1370-х его патроном был сын короля и регент Джон Гонт, имелись у него последователи и в народе. Только после крестьянского восстания 1381 года, к которому он якобы подстрекал своими проповедями (что само по себе свидетельствует о том, какое влияние ему приписывали), он впал в немилость у властей²⁴. Но и тогда у Уиклифа оставались последователи — лолларды, считавшиеся еретиками у церковных иерархов. Один известный представитель братства — сэр Джон Олдкасл — в 1414 году предпринял попытку мятежа, что привело к повсеместному пресечению деятельности лоллардов и растущей их маргинализации в Англии в оставшуюся часть века. Но к этому времени взгляды Уиклифа распространились далеко за пределы университета, в процессе иногда видоизменяясь. Лолларды часто были проповедниками-самоучками — того же рода, что и «добрые люди» в «катарский» период на юге Европы. Как и прежние еретики-миряне, они ставили авторитет Библии, которая теперь име-

лась у них на английском, выше церковного, отвергали мирскую власть Церкви (здесь они теснее всего сближались с Уиклифом) и в основном отрицали пресуществление²⁵. Однако их ересь отличалась от большинства предшествующих наличием сложных богословских корней. Уиклиф, хоть и заходил в своих взглядах дальше других, не был такой уж белой вороной в университетских дебатах. Если бы не дополняющая профессорский статус общественная роль, он вполне мог бы избежать осуждения со стороны папы — назревала Великая схизма, папам было не до него.

Десятилетие спустя Уиклифа, чьи сочинения добрались до Праги, прочитал Ян Гус и во многом подпал под его влияние. Гус был профессором Пражского университета, а с 1409 года — ректором и, что не менее, а может, и более важно, настоятелем и проповедником влиятельной Вифлеемской часовни. Соответственно, он не только писал, но и проповедовал в духе учения Уиклифа, особенно в том, что касалось церковного богатства и мирской власти, Библии на местном языке (он сам перевел немалую ее часть на чешский) и авторитета служителей Церкви: папу и священников стоит слушать лишь в том случае, если они сами святы. В контексте Папского раскола, близившегося к завершению, последняя идея, надо сказать, уже не казалась такой радикальной и отсылала к принципам Констанцкого и Базельского соборов (а также находила параллели в раннесредневековой — и тогда не еретической — миланской патарии). Поэтому не так уж удивительно, что Гус рискнул отправиться в 1414–1415 годах в Констанц защищать свои взгляды, тем более учитывая наличие у него императорской охранной грамоты. И тем не менее его судили и сожгли как еретика. Он не отрекся от приверженности учению Уиклифа, которое к тому времени окончательно признали ересью, а упорствуя в своих взглядах, заодно отрицал авторитет собора. Однако Гус пользовался гораздо большей поддержкой среди светского населения, чем Уиклиф, — на его стороне был даже король Вацлав IV (до определенной степени) и значительная часть дворянства, а кроме того, чешскоязычные священнослужители, горо-

жане и крестьяне. Гуситское восстание, в которое оказалось вовлечено большинство населения Чехии и которое представляло бесспорно самую буйную «ересь» Средневековья, явилось прямой реакцией на его казнь. Постулаты восставших не во всем отвечали учению Гуса — так, требование причащать мирян не только хлебом, но и вином, ставшее самой яркой отличительной чертой гуситов, сам Гус сформулировал очень поздно, в 1414 году, и вряд ли он одобрил бы действия самых радикальных своих последователей, о которых мы сейчас поговорим. Но Гус был тем самым средневековым общественным мыслителем, чьи слова и поступки — пусть и в ореоле мученичества — действительно отразились на политической жизни Европы²⁶.

Кроме Гуса, никто из аналогичных фигур не оказал значительного влияния на развитие публичной сферы как таковой. По самой природе своей дискурс большинства редко черпает непосредственно из сочинений избранных, и потом немногим общественным мыслителям — то есть действовавшим вне официальных институтов власти — удавалось совершить настоящий переворот. Лютер, Маркс (но тоже в основном уже после смерти), Ганди выделяются именно в силу своей исключительности. Тем не менее средневековые мыслители демонстрируют высокое развитие общественного дискурса на том этапе и приемлемость в нем достаточно замысловатой интеллектуальной полемики, даже если его более ориентированные на политику направления — споры о праве королей повышать налоги или определение политического курса, о котором мы говорили в начале главы, — имели и прикладное значение. Здесь позднее Средневековье ознаменовалось настоящей переменой благодаря упрощению коммуникации и приобщению мирян к письменности, что, с одной стороны, облегчило восприятие письменных текстов, а с другой — способствовало распространению сложных идей. Эту перемену, подчеркиваю, нельзя считать прямым шагом к Реформации, хотя и Уиклифа, и Гуса участники движения называли своими предтечами, и современные историки это мнение часто разделяют. Ни тот ни другой не дохо-

дили до крайностей Реформации XVI века — учения об абсолютном предопределении или отрицания сакрального статуса священнослужителей; скорее, их следует рассматривать в контексте разного рода движений за реформу латинской Церкви, восходящих еще к XI веку, только в XV столетии полемика велась уже в университетской среде. Но коммуникация и письменная культура позднего Средневековья (которые после 1450 года получили дальнейшее развитие благодаря стремительному распространению книгопечатания) сообщили попыткам мыслителей и мирян изменить Церковь — а Лютер и современники действительно стремились именно к этому — гораздо большую эффективность.

Религиозное раскольниковство было лишь одним из видов оппозиционного движения в конце Средних веков, причем не самым распространенным. Значительные масштабы оно приняло только у гуситов, поэтому с них мы и начнем, учитывая, однако, что с точки зрения организации они представляют, скорее, исключение среди раскольниковских движений более мирской направленности. Отнести различные гуситские группировки в Богемии к какому-то одному сословию невозможно, поскольку в них были представлены все слои — от высшей аристократии (и даже епископов) до крестьянства, и все равно нельзя не поразиться той буре гнева, которую подняла в Богемии гибель Гуса в 1415 году, и росту радикализма в рядах гуситов в ближайшие годы. Под влиянием проповедей в городах и селах спонтанно возникали религиозные общины, которые затем выбирали собственный доктринальный путь. Пражское восстание 1419 года привело к расправе над членами городского совета; в 1419–1420 годах группа радикалов основала собственный город Табор и ввела общность имущества; в мае 1420 года гуситы приняли «Четыре пражские статьи» — программу, объединявшую и умеренных, и радикалов, основные положения которой включали право причащаться вином, свободу проповеди и бедность церкви. В 1420 году гуситская крестьянская армия, возглавленная выдающимся полководцем Яном Жижкой

(ум. в 1424), одержала победу в первом из триумфальных оборонительных сражений с крестоносцами, посланными папой римским и королем Венгрии Сигизмундом, который после смерти Вацлава унаследовал и чешскую корону. Черета побед продолжалась до 1434 года, и в этот период в гуситском движении главенствовало радикальное крыло, но и потом ведущая роль почти два столетия принадлежала аристократической фракции со схожими основополагающими принципами²⁷.

Интересы крестьянства никогда не были для гуситского движения первостепенными. Табориты, несмотря на религиозный радикализм, собирали оброк с крестьян на своих землях точно так же, как прежние господа, так что единственной подлинной переменной (пусть и крупной), которую принесла радикальная стадия гуситского движения, было резкое сокращение церковных владений и общего богатства Церкви. Наиболее важная особенность движения — особенно в начале, в 1415–1420 годах, — состояла в другом: в той стремительности, с которой на волне возмущения гибелью Гуса ширился социальный и территориальный охват движения в городах и сельской местности по крайней мере чешскоязычных областей. Оно наглядно демонстрировало скорость, с которой теперь распространялись в Европе идеи и с которой крестьянское большинство могло озаботиться достаточно глубокомысленными богословскими вопросами, что и привело в Богемии к вовлечению крестьян — на какое-то время — в государственную политику. Тенденция эта соотносится с народным участием в политической полемике в других странах Европы, даже если никто не заходил так далеко, как чехи, в своей готовности переосмыслить на религиозной почве политические устои — вплоть до законности королевской власти.

У других оппозиционных движений цели носили более мирской характер — в первую очередь речь шла о необходимости социальных и политических реформ. Таких движений было больше, чем зачастую кажется историкам. Сэмуэль Кон, применяя достаточно широкое определение, отмечает с 1200 по 1425 год

свыше тысячи народных движений и бунтов в городах и деревнях Италии, Франции и Нидерландов. Почти 60% из них относятся к периоду после Черной смерти, то есть во второй половине XIV века их число резко возрастает²⁸. Они продолжались весь XV век и даже в XVI — включая кастильское восстание комунерос 1520–1521 годов, Крестьянскую войну на юге Германии в 1525 году и Норфолкское восстание в Англии в 1549 году. Один из наиболее успешных бунтов пришелся на самый конец Средних веков — каталонское восстание ременсов, крепостных крестьян, в 1462–1486 годах. Необычность этого восстания заключалась в том, что еще с 1380 года крестьян поддерживали арагонские короли, у которых имелись свои причины для ограничения прав аристократии. Но начиная с этого времени крестьяне выдвигали все более согласованные требования, поднимаясь сперва на отдельные восстания, а потом, в 1460-х годах, когда в Арагоне развернулась борьба за престол, начали общую войну. В 1486 году Фернандо II официально отменил крепостную зависимость (отчасти из признательности крестьянам за вооруженную поддержку, оказанную его отцу). Восстание ременсов — яркий пример того, что не все крестьянские бунты неизбежно топили в крови, как принято считать. Безнаказанными оставались и многие восстания более раннего периода, обозначенного Коном, даже если редко кому удавалось добиться такого же успеха, как ременсам. Из тех, кто не попал в очерченные Коэном рамки, стоит отметить крестьян Дитмаршена на крайнем севере Германии, которые на протяжении XV века благополучно противостояли и местным феодалам, и датским королям; юридически подкованных крестьян хорватских островов в тот же период, которые вели переговоры лично с венецианским дожем и, не в последнюю очередь, крестьянские общины в швейцарских горах, к концу XIV века добившиеся окончательной независимости²⁹.

Тем не менее восстание ременсов стояло особняком в силу одной принципиальной особенности — оно было направлено против землевладельцев. В большинстве случаев протест вызы-

вали не землевладельцы (а в городах — хозяева-наниматели) и не условия труда, которые если и оказывались причиной негодования, то лишь отчасти. Основная масса народных протестов конца Средних веков была направлена против поборов и несправедливого обращения со стороны не столько землевладельцев, сколько государства — в том числе против налогового бремени. Поводом для уже упоминавшегося великого крестьянского восстания 1381 года на востоке Англии послужил сбор подушного налога за этот и предшествующий год, а войдя в Лондон, повстанцы прицельно атаковали отдельных королевских чиновников — в частности, Джона Гонта (его дворец был сожжен) и лорда-канцлера, архиепископа Кентерберийского Садбери (он был обезглавлен). Разумеется, восставшие желали и отмены серважа, и снижения ренты, но в остальном их требования касались налогов, закона и справедливой власти, а отмена личной зависимости в равной степени подразумевала обобщенную, общинную политическую свободу¹⁰. Жакерия, не менее крупное восстание, охватившее окрестности Парижа в 1358 году (и как раз очень жестоко подавленное), представляла собой бунт против дворянства, а не против государства и налогов, однако основные предпосылки ее были политическими: в неразберихе Столетней войны крестьянская самооборона перерастала в мятежи против дворян, не обеспечивших своим крестьянам защиту, декларируемую аристократической риторикой. Негодование крестьян, взбунтовавшихся против Флоренции в 1400-х годах, было вызвано не размером налога, а его несправедливостью: в одних областях Флорентийской республики он был выше, чем в других, о чем крестьяне прекрасно знали. Еще отчетливее эти мотивы проявлялись в многочисленных городских восстаниях, вспыхивавших по всей континентальной Европе — в Нидерландах, Франции, Испании, Италии, германских землях — и направленных на снижение налогов или утверждение местных политических прав для ущемленных в них горожан (причем ущемленной не всегда оказывалась беднейшая прослойка) или на то, чтобы добиться реализации этих прав в путанице юрис-

дикций, характерной для большинства городов. В начале Средних веков, когда государственная власть либо была слаба, либо находилась где-то далеко, восстания такого рода случались крайне редко. К тому, что после 1250-го и особенно после 1350 года они участились, привело, прежде всего, то, что государства (в том числе города-государства) стали активнее собирать налоги и ужесточать свою власть. Иными словами, восстания представляли собой реакцию на усиление государственного вмешательства и вспыхивали чаще всего там, где власть была сильнее. При этом у многих в призывах фигурировал образ свободы, а также справедливости и истины, как, например, в Англии в 1381 году. Люди объединялись не только против чужих, как мы видели в главе 10, но и против правителей²¹.

Это возвращает оппозиционные движения и бунты в сферу общественной жизни. Как мы знаем, в полемику о выборе политического курса к этому времени вовлекались все более широкие слои общества. И такая полемика могла вылиться в прямое насильственное вмешательство — о чем свидетельствуют и казнь герцога Саффолка, и восстание Джека Кэда в Англии 1450 года. О том же свидетельствует и быстрота, с которой в Богемии в 1410-х годах несогласие с церковными порядками переросло в прямое насилие. И в 1381 году, даже если английские повстанцы не вдохновлялись Уиклифом (доказательств этому по-прежнему нет), они понимали большую часть происходившего в политике страны и прицельно обрушивали свой гнев на ее правителей — а также отлично осознавали силу письменного слова, судя по тому, как целенаправленно восставшие жгли судебные записи в Лондоне и манориальные архивы в большинстве селений восточной Англии. Таким образом, в десятилетия после Черной смерти в Европе распространилось ощущение, что прерогатива участия в политической полемике и принятия на себя ведущих политических ролей принадлежит не только традиционной элите. Однако, учитывая, что в большинстве стран у низов, как городских, так и сельских, отсутствовала легитимная возможность реализации себя в этой главенствующей роли, неудивительно, что стремление обрести ее часто приводило

к насилию. И хотя события порой принимали почти революционный оборот, это насилие было направлено в основном на достижение сиюминутных политических целей. Это ставит его в один ряд с узаконенной, но не менее кипучей и протестной (а иногда и склонной к насилию) общественной ареной парламентов, судов и выбора политического курса. Разумеется, у этих моделей направленного воздействия низов имелась и социоэкономическая подоплека. Не исключено, что потрясение от Черной смерти и рост собственности у переживших эпидемию подтолкнули по крайней мере часть огромного большинства бесправных европейцев к тому, чтобы шире осмыслить свое место в мире; при этом регионы, находившиеся под тяжелым налоговым гнетом, зачастую характеризовались также сложной экономикой и социальной мобильностью, что способствовало развитию новых идей. Однако свою роль играло также упрощение коммуникации и распространение грамотности, создававшее почву не только для политической полемики, но и для организованной оппозиции. В этом отношении крестьянское восстание 1381 года в Англии — это отнюдь не обернувшийся поражением однократный утопический порыв, каким его часто изображают, а характерное для позднего Средневековья проявление стремления участвовать в политической жизни³².

ГЛАВА 13

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что на самом деле изменилось в Европе за средневековое тысячелетие? Самые важные, с моей точки зрения, отдельные перемены я перечислил в начале главы 1, и они стали предметом нашего дальнейшего обсуждения. Однако теперь нам придется отступить на шаг назад и взглянуть шире, охватывая всю Европу целиком, со всеми необходимыми обобщениями, ведущими нас к той картине позднего Средневековья, которая предстала перед нами в последних трех главах. Если что-то и оставалось неизменным на протяжении всех Средних веков, это бывшая граница Римской империи. Да, в общих чертах, как мы видели, политическая карта Европы, какой мы знаем ее в XXI веке, сложилась уже к 1500 году; это само по себе немаловажно как подлинное следствие социально-политических перемен в средневековой Европе в целом. Но теперь мы знаем: если отвлечься от политических рубежей и обратить внимание на инфраструктуру королевств и прочих государственных образований XV века, станет ясно, что старая граница по Рейну и Дунаю никуда не исчезла: почти все сильные державы, как мы помним из главы 11, оказались к югу от нее, а к северу политическое единство было величиной гораздо менее постоянной. Да, нельзя отрицать, что некоторым из южных областей — большей части Балкан, например, — пришлось пережить достаточно суровые встряски, приводившие в разное время к резким структурным переломам, тогда как на севере значительной устойчивостью обладала Венгрия и ряд других государств. Но римская инфраструктура

тура — дороги и сеть городов, в частности, — сохраняла свое значение. Франция, Испания, Италия и не в последнюю очередь Османская империя (территория которой, за исключением Ирака и Венгрии после 1500 года, в основном удерживалась в прежних имперских пределах) не утратили связи с прошлым. Окончательно римская граница стерлась только в XVIII веке.

В связи с этим можно говорить о структурной преемственности в аграрном средневековом обществе. Однако структурных изменений в нем тоже хватало. Как мы видели в главах 7 и 11, численность населения Европы не единожды кардинально менялась — около 900 года, после демографического спада в начале Средних веков, она стала расти, к 1300 году увеличилась втрое, а затем половину унесла Черная смерть. Это сказывалось на сельскохозяйственном производстве, динамика которого в общем и целом соответствовала демографическим колебаниям: классическое Средневековье было периодом интенсификации и расчистки земель, а в позднем стала расти сельскохозяйственная специализация в связи с падением спроса на зерно как на основной продукт питания. Долгий подъем способствовал и развитию торговли, особенно во Фландрии и северной Италии, которой удачное расположение позволило выстоять против Черной смерти и в позднем Средневековье расширить географию торговли. Таким образом, к концу Средних веков экономическая активность стала более широкомасштабной, что вело к сглаживанию даже старинных экономических различий между севером и югом.

Что касается культурных перемен: несомненным крупным сдвигом, хотя и по-разному проявлявшимся в разных странах, как я доказывал в главе 5, стала христианизация большей части Европы, распространявшаяся главным образом во второй четверти Средних веков из бывших римских провинций на север и восток континента. Она приносила с собой церковные институты, а это значит, что с XII века общая церковная иерархия объединяла всю латинскую Европу, пусть и оставляя за рамками менее централизованный православный Восток. Церковные лидеры пытались

с помощью этих институтов насаждать на территории размером больше половины континента единую модель веры — или по крайней мере религиозных обрядов. Они потерпели фиаско — культурной однородности в Европе добиться так и не удалось, и к этому я еще вернусь, — но важно уже само стремление. Однако, возможно, еще важнее было постепенное распространение грамотности, расширявшей сперва территориальный, а с XIII века и социальный охват: от светской элиты до горожан и даже, местами, до отдельных частей крестьянского большинства. Влияние этого на поведение людей мы рассматривали в главах 4, 8, 10 и 12. Процесс распространения грамотности позволяет нам узнать больше — и о более широких слоях общества, но ту же возможность он давал и самим средневековым европейцам: к концу периода обмен информацией, по сравнению с началом, значительно расширился. Но если Церковь стремилась к религиозной, а значит, культурной однородности, то приобщение людей к грамоте, наоборот, усиливало различия. Наличие самостоятельного доступа к текстам, рассуждающим о взаимоотношениях человека с миром, вело к тому, что местные общества закономерно приходили к собственным выводам на этот счет и порой отстаивали свои представления с отчаянным упорством. Этому способствовало и обособление местных сообществ как ячеек с собственным социальным укладом и самосознанием, что служило ключевым элементом социополитических изменений на протяжении средневекового тысячелетия.

Присмотревшись же к самим социополитическим изменениям, мы увидим отчетливую разницу между двумя половинами средневекового тысячелетия. Политическое развитие латинской Европы после Черной смерти, о котором мы говорили в последних двух главах, имеет более давние предпосылки, но и они берут начало в первую очередь в XI веке. Это столетие оказалось наиболее переломным в средневековой истории Западной Европы. В предшествующий период, несмотря на резкую регионализацию постримского пространства, которая вела к ослаблению и обеднению большинства правителей и знати (за исключением некоторых областей Франк-

ской державы), крупнейшие раннесредневековые королевства — Испанское, Итальянское, Франкское — унаследовали от Римской империи политическую практику и концепцию публичной власти, сохранившиеся на столетия. Эта публичность послужила почвой для достаточно амбициозной политической программы при Каролингах, когда короли в более тесном, чем в какой-либо другой период Средневековья, сотрудничестве со светской и духовной знатью пытались «реформировать» политику. Главенствующая для любого политического игрока роль публичной сферы с верховным правителем в центре была непосредственным наследием Рима и в раннем Средневековье подкреплялась распространенным убеждением, что политика собраний, также проводившихся публично, представляет собой ключевой инструмент узаконивания власти. Даже если теперь обозначению этого главенства не способствовало неистощимое богатство, получаемое за счет налогов, оно по-прежнему имело принципиальное значение, поскольку власть на местах была плохо развита и редко воспринималась как законная сама по себе: аристократа, в частности, считали — и небезосновательно — ущербным, если он ограничивался местной властью и не стремился под покровительство верховного правителя, которое по-прежнему считалось почетным и доходным. В X веке эта публичность сохранялась, прежде всего, в Германии и Италии, проникнув к тому времени также в Англию и начиная распространяться на север и восток — в Скандинавию и среди славян. Однако в течение XI века она исчезла почти повсюду. В этом отношении западные государства превзошла Византийская империя: ее политические и фискальные институты выстояли после отхода восточных провинций к арабам в VII веке. На какое-то время — в основном в X столетии — с Византийской империей сравнились в блеске и сплоченности Омейядский халифат и Аль-Андалус. Византийцы сохраняли римский стиль правления до распада империи вследствие отмежеваний в XII веке и завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 году. Таким образом, перелом XII века на востоке был даже более резким, чем перелом в XI столетии на западе.

Начиная с XI века политическая практика западных стран развивалась совершенно иначе. Как мы знаем из второй половины книги, предпосылками для этого поворота послужили три основные тенденции. Во-первых, дробление каролингских держав почти всей Западной Европы на сеть графств, сеньорий и местных городских и сельских общин — так называемая «феодалная революция», происходившая примерно в 950–1100 годах. Во-вторых, восстановление в XII–XIII веках верховной политической власти, которая, однако, в дальнейшем противостояла этим частично независимым ячейкам. В-третьих, упомянутый выше долгий экономический подъем X–XIII веков, обеспечивший Европе значительное благополучие и свободу действий, которые сохранялись и в позднем Средневековье. Вторая и третья тенденция в совокупности позволяли некоторым правителям разрабатывать более сложные формы налогообложения, что, в свою очередь, способствовало образованию новой прослойки наемных чиновников, чаще, чем прежде, имевших специальную подготовку, полученную в университете или ином учебном заведении, существование которых тоже обусловила усложнившаяся и потому давшая возможность их содержать экономика. Те же тенденции в массе своей вскоре наметились и в Османской империи, однако там развитие — после децентрализации юго-восточной части Европы в 1200–1400 годах — отличалось большей последовательностью, поскольку османы достаточно много унаследовали от Византии, с поправкой, разумеется, на кардинальную смену религии и политического языка.

И здесь мы возвращаемся к позднему Средневековью. К 1350 году на Западе применение юридических знаний было достаточно широким, чтобы существование письменного закона обретало большую наглядность для низов, и все больше разных европейских сообществ приобщались к грамоте. После 1350 года одно только постепенное увеличение налоговых полномочий способствовало расширению контингента налогоплательщиков на большей части Европы — будь то города или возникающие кол-

легиальные органы государственного уровня, то есть парламенты. Но приобщение к письменной культуре и реакция на растущее вмешательство централизованной власти сами по себе объединяли местные сообщества и усиливали их способность противостоять чужим — соперникам, аутсайдерам или государству. Таким образом, сильнее стали не только правители, но и объединения подданных. В этих условиях в связи с необходимостью одобрения налогов, а зачастую и новых законов формировалась публичная сфера, которая после 1350/1400 годов стала сильнее, чем когда-либо прежде за весь период Средневековья, исключая расцвет политики собраний при Каролингах. Отсюда же проистекало стремление представителей всех слоев общества, от дворянства до крестьян, брать на себя ведущие политические роли, как мы видели в последней главе. Корни новоявленного внимания к решению политических задач нужно искать здесь же, в развивающейся публичной сфере, а также в появлении начиная с XII века прослойки профессиональных чиновников, от которых требовали отчета по итогам службы. В результате возник потенциал для несогласия, признаки которого отмечались почти в каждой стране латинской Европы. В этом отношении отдаленные предпосылки восстания Уота Тайлера 1381 года, Гуситских войн и всего, что относилось к поздне-средневековой общественно-политической сфере в целом, восходят к социально-политическим переменам, спровоцированным «феодальной революцией». В каком-то смысле этот процесс знаменовал лишь возврат к публичной политике каролингского периода, но на этот раз помимо собраний, созываемых и ратифицируемых королями, у нее появилась сильная опора на местную общественную политику.

Тем не менее, повторяю, эта общеевропейская, на первый взгляд, политика не была однородной. Да, в каком-то отношении европейские страны стали ближе друг к другу, поскольку сообщение и торговля связывали всех со всеми — пусть в несколько этапов, — достигая даже Османской империи и Московии, где итальянские зодчие с 1470-х годов строили церкви и светские зда-

ния Московского Кремля¹. О том, что некоторые тенденции и в самом деле охватывали почти всю Европу, свидетельствуют и явные попытки скандинавских правителей в своих отношениях с парламентом подражать гораздо более богатым и могущественным французским королям. Возможно, лишь у Литвы и Московии на одной окраине Европы и ирландских правителей — на другой имелись по-настоящему незнакомые остальным европейцам политические установки. Парламентская политика в той или иной форме была распространена почти повсеместно, по крайней мере в латинской Европе, на этом же пространстве (включавшем Польшу, Швецию и Шотландию) свободно перемещались представители интеллектуальной сферы. Но, еще раз подчеркну, процесс этот был далек от завершения. Его затрудняло развитие национальных языков, из-за которого вновь возникала проблема перевода, а также возрождение в XV веке национальных церквей и растущее противостояние между Османской империей и католическими государствами. Как мы уже убедились, под сходством в политических порядках скрывались глубокие различия в политических ресурсах. Прочие проявления местного уклада и культуры распространялись гораздо хуже, чем политические модели. В доходящих до нас с конца XV века неприукрашенных докладах венецианских послов о местах их службы встречаются довольно нелестные отзывы об увиденном: в 1492 году — о непонятной манере парижан превозносить инфантильные поступки короля Карла VIII, в 1497 году — о крайней враждебности к иностранцам и диковинном обычае оставлять женам в наследство все имущество мужа в Англии². Разумеется, в самой Венеции житель севера Европы обнаружил бы не меньше странностей.

Однако эти расхождения не умаляют основного тезиса второй части книги: могущество местной политики плюс приобщение все более широких социальных слоев к грамоте, плюс сохранение устойчивого экономического равновесия, плюс начавшееся вмешательство государства, обусловленное налогообложением, развитием сообщения и, опять-таки, грамотности, — все это спо-

собствовало формированию почти по всей Европе политического устройства, допускавшего вовлеченность и участие. Именно этим характеризуется последнее столетие Средних веков, а не теми якобы позднесредневековыми явлениями, о которых твердят многие учебники, — кризис, тревожность, Возрождение, предчувствие надвигающейся Реформации и завоевания европейцами других континентов. И это одна из основных составляющих того наследия, которое Средние века оставили будущим поколениям.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сокращения

ЕМЕ	Раннесредневековая Европа
MGH	Monumenta Germaniae historica (вся серия MGH доступна в сети на сайте www.dmgh.de)
NCMH	The new Cambridge medieval history, 7 томов (Cambridge, 1995–2005)

- Abrams, L., 'Diaspora and identity in the Viking age', EME, 20 (2012), 17–38.
- 'Germanic Christianities', in T. F. X. Noble and J. M. H. Smith (eds), The Cambridge history of Christianity, vol. 3 (Cambridge, 2008), 107–29.
- Abu Lughod, J. L., Before European hegemony (Oxford, 1989).
- Abulafia, D., Frederick II (London, 1988).
- The great sea (London, 2011).
- The two Italies (Cambridge, 1977).
- The western Mediterranean kingdoms, 1200–1500 (Harlow, 1997).
- Acién Almansa, M., 'El final de los elementos feudales en al-Andalus', in M. Barceló and P. Toubert (eds), L'incastellamento (Rome, 1998), 291–305.
- Entre el feudalismo y el Islam, 2nd edn (Jaén, 1997).
- Ahrweiler, H., Byzance et la mer (Paris, 1966).
- Airlie, S., Power and its problems in Carolingian Europe (Farnham, 2012).
- 'Private bodies and the body politic in the divorce case of Lothar II', Past and present, 161 (1998), 3–38.
- 'Talking heads', in P. S. Barnwell and M. Mostert (eds), Political assemblies in the earlier middle ages (Turnhout, 2003), 29–46.

- 'The aristocracy', NCMH, vol. 2 (1995), 431–50.
- 'The palace of memory', in S. Rees Jones et al. (eds), *Courts and regions in medieval Europe* (York, 2000), 1–19.
- Airlie, S. et al. (eds), *Staat im frühen Mittelalter* (Vienna, 2006).
- Albèri, E., *Le relazioni degli ambasciatori veneti al senato* (Florence, 1839).
- Albertoni, G., *L'Italia carolingia* (Rome, 1997).
- Vassalli, feudi, feudalesimo (Rome, 2015).
- Alfonso, I., 'Desheredamiento y desafuero, o la pretendida justificación de una revuelta nobiliaria', *Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévales*, 25 (2002), 99–129.
- Algazi, G., 'Lords ask, peasants answer', in G. Sider and G. Smith (eds), *Between history and histories* (Toronto, 1997), 199–229.
- Allmand, C., *The Hundred Years War*, revised edn (Cambridge, 2001).
- Althoff, G., *Family, friends and followers* (Cambridge, 2004).
- Althoff, G., 'Ira regis', in B. H. Rosenwein (ed.), *Anger's past* (Ithaca, NY, 1998), 59–74.
- *Spielregeln der Politik im Mittelalter* (Darmstadt, 1997).
- Althoff, G. and H. Keller, *Heinrich I. und Otto der Grosse*, 2 vols (Göttingen, 1994).
- Álvarez Borge, I., *Clientelismo regio y acción política* (Murcia, 2014).
- *La plena edad media: siglos XII–XIII* (Madrid, 2003).
- 'Soldadas, situados y fisco regio en el reinado de Alfonso VIII de Castilla (1158–1214)', *Journal of Medieval Iberian Studies*, 7 (2015), 57–86.
- Amari, M. (ed.), *I diplomi arabi del R. Archivio fiorentino* (Florence, 1863).
- Amory, P., *People and identity in Ostrogothic Italy*, 489–554 (Cambridge, 1997).
- Anderson, C., *Renaissance architecture* (Oxford, 2013).
- Andreas aulae regiae capellanus, *De amore*, ed. E. Trojel (Berlin, 2006); trans. J. J. Parry, *The art of courtly love by Andreas Capellanus* (New York, 1941).
- Andrews, F., 'Living like the laity?', *Transactions of the Royal Historical Society*, 6 ser. 20 (2010), 27–55.

- The early Humiliati (Cambridge, 1999).
- Angold, M., The Byzantine empire, 1025–1204 (London, 1984).
- The Fourth Crusade (Harlow, 2003).
- (ed.), The Byzantine aristocracy, IX to XIII centuries (Oxford, 1984).
- Annales Fuldenses, ed. F. Kurze, MGH, Scriptores rerum Germanicarum, vol. 7 (Hannover, 1891), trans. T. Reuter, The Annals of Fulda (Manchester, 1992).
- Annali genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori, vol. 2, ed. L. T. Belgrano and C. Imperiale di Sant'Angelo (Rome, 1901).
- Anonymus Valesianus, pars posterior, ed. and trans. in J. C. Rolfe, Ammianus Marcellinus, vol. 3 (Cambridge, MA, 1964), 530–69.
- Archer, R. E., 'Chaucer, Alice, duchess of Suffolk (c. 1404–1475)', Oxford dictionary of national biography (Oxford, 2004).
- Ardizzone, F., 'Rapporti commerciali tra la Sicilia occidentale ed il Tirreno centro-meridionale alla luce del rinvenimento di alcuni contenitori di trasporto', in G. P. Brogiolo (ed.), II Congresso nazionale di archeologia medievale (Florence, 2000), 402–7.
- Arnade, P., Realms of ritual (Ithaca, NY, 1996).
- Arnold, B., German knighthood, 1050–1300 (Oxford, 1985).
- Princes and territories in medieval Germany (Cambridge, 1991).
- Arnold, J. H., Belief and unbelief in medieval Europe (London, 2005).
- Inquisition and power (Philadelphia, 2001).
- 'The Cathar middle ages as an historiographical problem', in D. d'Avray and A. Sennis (eds), Catharism (in press).
- What is medieval history? (Cambridge, 2008).
- Arnold, J. H. and K. J. Lewis, companion to the book of Margery Kempe (Cambridge, 2004).
- Ashtiany, J. et al. (eds), 'Abbasid belles-lettres (Cambridge, 1990).
- Ausenda, G. et al. (eds), The Langobards before the Frankish conquest (Woodbridge, 2009).
- Avellini, L., 'Artigianato in versi del secondo Quattrocento fiorentino', in G.-M. Anselmi et al., La 'memoria' dei mercatores (Bologna, 1980), 153–229.

- Axboe, M., 'Danish kings and dendrochronology', in G. Ausenda (ed.), *After empire* (Woodbridge, 1995), 217–51.
- Bagge, S., 'Borgerkrig og statsutvikling i Norge i middelalderen', *Historisk Tidsskrift* (Oslo), 2 (1986), 145–97.
- *From Viking stronghold to Christian kingdom* (Copenhagen, 2010).
- 'The Europeanization of Europe', in Noble and Van Engen, *European transformations*, 171–93.
- Bagge, S. and S. W. Nordeide, 'The kingdom of Norway', in Berend, *Christianization*, 121–66.
- Baker, N. S. and B. J. Maxson (eds), *After civic humanism* (Toronto, 2015).
- Baldwin, J. W., *The government of Philip Augustus* (Berkeley, 1986).
- Balestracci, D., *La zappa e la retorica* (Florence, 1984).
- Barber, C., *Figure and likeness* (Princeton, 2002).
- Barber, M., *The Crusader states* (New Haven, 2012).
- *The two cities*, 2nd edn (London, 2004).
- Bardach, J., 'La formation des Assemblées polonaises au XVe siècle et la taxation', *Anciens pays et assemblées d'états: Standen en landen*, 70 (1977), 251–96.
- Bardsley, S., *Venomous tongues* (Philadelphia, 2006).
- Barford, P. M., *The early Slavs* (London, 2001).
- Barnish, S., 'Taxation, land and barbarian settlement in the western empire', *Papers of the British School at Rome*, 54 (1986), 170–95.
- Barnwell, P. S., *Kings, courtiers and imperium* (London, 1997).
- Baronas, D. and S. C. Rowell, *The conversion of Lithuania* (Vilnius, 2015).
- Barratt, N., 'The revenues of John and Philip Augustus revisited', in S. D. Church (ed.), *King John: new interpretations* (Woodbridge, 1999), 75–99.
- Barron, W. R. J. (ed.), *The Arthur of the English* (Cardiff, 2001).
- Barros, C., *Mentalidad justiciera de los irmandiños, siglo XV* (Madrid, 1990).
- Barrow, J., *The clergy in the medieval world* (Cambridge, 2015).
- Barta, G. and J. Barta, 'Royal finance in medieval Hungary', in W. M. Ormrod et al. (eds), *Crises, revolutions and self-sustained growth* (Stamford, 1999), 22–37.

- Barthélemy, D., *La mutation de l'an mil a-t-elle eu lieu?* (Paris, 1997).
- *L'an mil et la paix de Dieu* (Paris, 1999).
- *Nouvelle histoire des Capétiens, 987–1214* (Paris, 2012).
- *The serf, the knight, and the historian* (Ithaca, NY, 2009).
- Bartlett, R., *England under the Norman and Angevin kings, 1075–1225* (Oxford, 2000).
- 'From paganism to Christianity', in Berend, *Christianization*, 47–72.
- *The making of Europe* (London, 1993). Русский перевод: Барлетт Р. Становление Европы. — М.: РОССПЭН, 2007.
- *Trial by fire and water* (Oxford, 1986).
- Barton, R. E., *Lordship in the county of Maine, c.890–1160* (Woodbridge, 2004).
- Barton, S., 'Spain in the eleventh century', *NCMH*, vol. 4.2 (2004), 154–90.
- *The aristocracy in twelfth-century León and Castile* (Cambridge, 1997).
- Bartoš, F. M., *The Hussite revolution, 1424–1437* (Boulder, CO, 1986).
- Bartusis, M. C., *Land and privilege in Byzantium* (Cambridge, 2012).
- Bassett, S., 'Divide and rule?', *EME*, 15 (2007), 53–85.
- (ed.), *The origins of Anglo-Saxon kingdoms* (Leicester, 1989).
- Bates, D., *Normandy before 1066* (London, 1982).
- Bateson, M., *George Ashby's poems* (London, 1899).
- Beaton, R., 'The rhetoric of poverty', *Byzantine and Modern Greek studies*, 11 (1987), 1–28.
- Becher, M., *Eid und Herrschaft* (Sigmaringen, 1993).
- Becher, M. and Jarnut, J. (eds), *Der Dynastiewechsel von 751* (Münster, 2004).
- Becker, A., *Papst Urban II. (1088–1099)*, 3 vols (Stuttgart-Hannover, 1964–2012).
- Beech, G. et al. (eds), *Le Conventum (vers 1030)* (Geneva, 1995).
- Bell, A. R. et al., *The soldier in later medieval England* (Oxford, 2013).
- Bennett, J. M., *Ale, beer, and brewsters in England* (Oxford, 1996).
- *History matters* (Manchester, 2006).

- Bennett, J., *Medieval women in modern perspective* (Washington, DC, 2000).
- Bennett, J. M. and R. M. Karras (eds), *The Oxford handbook of women and gender in medieval Europe* (Oxford, 2013).
- Berend, N. (ed.), *Christianization and the rise of Christian monarchy* (Cambridge, 2007).
- Berend, N., P. Urbańczyk and P. Wiszewski, *Central Europe in the high middle ages* (Cambridge, 2013).
- Bergengruen, A., *Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich* (Wiesbaden, 1958).
- Bernheimer, T., *The 'Alids* (Edinburgh, 2014).
- Biller, P., 'Goodbye to Waldensianism?', *Past and present*, 192 (2006), 3–33.
- review of R. I. Moore, *The war on heresy: faith and power in medieval Europe*, with Moore's reply, *Reviews in history*, review no. 1546 (2014), <http://www.history.ac.uk/reviews/review/1546>, accessed 4 January 2015.
- Billoré, M. and M. Soria (eds), *La rumeur au moyen âge* (Rennes, 2011).
- 'Birmingham Quran manuscript', https://en.wikipedia.org/wiki/Birmingham_Quran_manuscript, accessed 25 October 2015.
- Birrell, J., 'Manorial customs reconsidered', *Past and present*, 224 (2014), 3–37.
- 'Peasants eating and drinking', *The agricultural history review*, 63 (2015), 1–18.
- Bisson, T. N., *The crisis of the twelfth century* (Princeton, 2009).
- 'The "feudal revolution"', *Past and present*, 142 (1994), 6–42; with the debate which followed it in *Past and present*, 152 (1996), 196–223; 155 (1997), 177–225.
- *The medieval crown of Aragon* (Oxford, 1991).
- *Tormented voices* (Cambridge, MA, 1998).
- Bitel, L. M., *Women in early medieval Europe, 400–1000* (Cambridge, 2002).
- Black, A., *Council and commune* (London, 1979).
- *Political thought in Europe, 1250–1450* (Cambridge, 1992).

- Blair, J., 'Small towns 600–1270', in Palliser, *The Cambridge urban history*, 245–70.
- *The Church in Anglo-Saxon society* (Oxford, 2005).
- Bloch, M., *La société féodale*, 2 vols (Paris, 1940), trans. L. A. Manyon, *Feudal society* (London, 1961). Русский перевод: Блок М. Феодалное общество. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
- Blockmans, W. P., 'A typology of representative institutions in late medieval Europe', *Journal of medieval history*, 4 (1978), 189–215.
- 'Representation (since the thirteenth century)', *NCMH*, vol. 7 (1998), 29–64.
- 'The Low Countries in the middle ages', in Bonney, *The rise of the fiscal state*, 281–308.
- Blockmans, W. and W. Prevenier, *The promised lands* (Philadelphia, 1999).
- Boccaccio, G., *Decamerone*, ed. V. Branca, *Tutte le opere di Giovanni Boccaccio*, vol. 4 (Milan, 1976), trans. G. Waldman, *The Decameron* (Oxford, 1993).
- Bogucki, M., 'On Wulfstan's right hand', in S. Gelichi and R. Hodges (eds), *From one sea to another* (Turnhout, 2013), 81–110.
- Bois, G., *The crisis of feudalism* (Cambridge, 1984).
- Bonnassie, P., *La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle* (Toulouse, 1975–76).
- Bonney, R. (ed.), *Economic systems and state finance* (Oxford, 1995).
- (ed.), *The rise of the fiscal state in Europe, c.1200–1815* (Oxford, 1999).
- Borsch, S. J., *The Black Death in Egypt and England* (Austin, TX, 2005).
- Boswell, J., *Christianity, social tolerance and homosexuality* (Chicago, 1981).
- Bosworth, C. E., 'Musādara', in P. J. Bearman et al. (eds), *Encyclopedia of Islam*, 2nd electronic edn (Leiden, 2002), http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-2/mus-a-dara-COM_0804?s.num=0&s.f.s2_parent=s.f.book.encyclopaedia-of-islam-2&s.q — usadara, accessed 2 January 2015.

- Bouchard, C. B., 'Those of my blood': constructing noble families in medieval Francia (Philadelphia, 2001).
- Bougard, F., 'La cour et le gouvernement de Louis II (840–875)', in R. Le Jan (ed.), *Le royaume et les élites dans l'Europe carolingienne* (Lille, 1998), 249–67.
- Bourin, M. and R. Durand, *Vivre au village au moyen âge* (Paris, 1984).
- Bourin, M. and P. Martínez Sopena (eds), *Pour une anthropologie du prélèvement seigneurial dans les campagnes médiévales (XIe — XIVe siècles)*, 2 vols (Paris, 2004–07).
- Bourin, M., F. Menant and L. To Figueras, 'Les campagnes européennes avant la peste', in *idem* (eds), *Dynamiques du monde rural dans la conjoncture de 1300* (Rome, 2014), 9–101.
- Boyle, L. E., 'Montaillou revisited', in J. A. Raftis (ed.), *Pathways to medieval peasants* (Toronto, 1981), 119–40.
- Brady, T. A., *Turning Swiss* (Cambridge, 1985).
- Brand, C. M., *Byzantium confronts the West, 1180–1204* (Cambridge, MA, 1968).
- Brandes, W., *Finanzverwaltung in Krisenzeiten* (Frankfurt, 2002).
- Bredero, A., *Bernard of Clairvaux* (Edinburgh, 1996).
- Brenner, R., 'Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe', *Past and present*, 70 (1976), 30–75.
- Brennu-Njáls saga, ed. Einar Ó. Sveinsson, *Íslensk Fornrit*, vol. 12 (Reykjavík, 1954), trans. Magnús Magnússon and Hermann Pálsson, *Njal's saga* (London, 1960). Русский перевод: *Сага о Ньяле / Исландские саги*. — СПб., 1999. — Т. 2. — С. 47–370.
- Brentano, R., *Two churches* (Berkeley, 1968).
- Briggs, C., *Credit and village society in fourteenth-century England* (Oxford, 2009).
- Brines i Garcia, Ll., *La filosofia social i política de Francesc Eiximenis* (Seville, 2004).
- Britnell, R., *Britain and Ireland, 1050–1530: economy and society* (Oxford, 2004).
- *The commercialisation of English society, 1100–1500*, 2nd edn (Manchester, 1996).

- Broadberry, S. et al., *British economic growth, 1270–1870* (Cambridge, 2015).
- Brogiolo, G. P. and A. Chavarría Arnau, *Aristocrazie e campagne nell'Occidente da Costantino a Carlo Magno* (Florence, 2005).
- Bromwich, R. et al. (eds), *The Arthur of the Welsh* (Cardiff, 1991).
- Brooks, N., *Communities and warfare, 700–1400* (London, 2000).
- 'The organization and achievements of the peasants of Kent and Essex in 1381', in R. I. Moore and H. Mayr-Harting (eds), *Studies in medieval history presented to R. H. C. Davis* (London, 1985), 247–70.
- Brown, A. and G. Small, *Court and civic society in the Burgundian Low Countries c. 1420–1530* (Manchester, 2007).
- Brown, E. A. R., 'The tyranny of a construct', *American Historical Review*, 79 (1974), 1063–88.
- Brown, M., *Disunited kingdoms* (Harlow, 2013).
- Brown, P., *Power and persuasion in late antiquity* (Madison, WI, 1992).
- *The cult of the saints* (Chicago, 1981). Русский перевод: Браун П. Культ святых: его становление и роль в латинском христианстве. — М.: РОССПЭН, 2004.
- 'The rise and function of the holy man in late antiquity', *Journal of Roman studies*, 61 (1971), 80–101.
- *The rise of western Christendom* (2nd edn, Oxford, 1997).
- *Through the eye of a needle* (Princeton, 2012).
- Brown, T. S., *Gentlemen and officers* (Rome, 1984).
- Brown, W., *Unjust seizure* (Ithaca, NY, 2001).
- Brown, W. et al. (eds), *Documentary culture and the laity in the early middle ages* (Cambridge, 2013).
- Brown-Grant, R., *Christine de Pizan and the moral defence of women* (Cambridge, 2000).
- Bruand, O., *Voyageurs et marchandises aux temps carolingiens* (Brussels, 2002).
- Brubaker, L., *Inventing Byzantine iconoclasm* (London, 2012).
- Brubaker, L. and J. Haldon, *Byzantium in the iconoclast era, c. 680–850* (Cambridge, 2011).
- Brubaker, L. and J. M. H. Smith (eds), *Gender in the early medieval world* (Cambridge, 2004).

- Brucker, G., Giovanni and Lusanna (London, 1986).
- Brühl, C. R., *Fodrum, gistum, servitium regis* (Cologne, 1968).
- Brunel, G. and O. Guillotjeannin (eds), 'Les préambules des chartes de franchises', in Bourin and Martínez Sopena, *Pour une anthropologie*, vol. 2, 161–309.
- Brunner, O., *Land and lordship* (Philadelphia, 1992).
- Bruschi, C., 'Familia inquisitionis', *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen âge*, 125 (2013), <https://mefrm.revues.org/1519>, accessed 15 November 2015.
- *The wandering heretics of Languedoc* (Cambridge, 2009).
- Bruschi, C. and P. Biller (eds), *Texts and the repression of heresy* (Woodbridge, 2003).
- Buc, P., *The dangers of ritual* (Princeton, 2001).
- Buchberger, E., *Shifting ethnic identities in Spain and Gaul, 500–700* (Amsterdam, 2016).
- Bührer-Thierry, G., 'La reine adultère', *Cahiers de civilisation médiévale*, 35 (1992), 299–312.
- Buko, A., 'Unknown revolution', in F. Curta (ed.), *East central and eastern Europe in the early middle ages* (Ann Arbor, MI, 2005), 162–78.
- Bull, M., *Knightly piety and the lay response to the First Crusade* (Oxford, 1993).
- Bullough, D. A., "'Baiuli" in the Carolingian "regnum Langobardorum" and the career of Abbot Waldo (+813)', *English Historical Review*, 77 (1962), 625–37.
- Burns, J. H. (ed.), *The Cambridge history of medieval political thought, c. 350 — c.1450* (Cambridge, 1988).
- Bynum, C. W., *Holy feast and holy fast* (Berkeley, 1987).
- 'Women's stories, women's symbols', in eadem, *Fragmentation and redemption* (New York, 1992), 27–51.
- Byock, J., *Viking age Iceland* (London, 2001).
- Byrne, F. J., *Irish kings and high-kings* (London, 1973). Русский перевод: Бирн Ф. Дж. Короли и верховные правители Ирландии. — СПб.: Евразия, 2006.
- Caciola, N., *Discerning spirits* (Ithaca, NY, 2003).

- Caesar, M., *Dante: the critical heritage* (London, 1989).
- Callow, C., 'Reconstructing the past in medieval Iceland', *EME*, 14 (2006), 297–324.
- Cameron, A., 'The construction of court ritual', in D. Cannadine and S. Price (eds), *Rituals of royalty* (Cambridge, 1987), 106–36.
- *The Mediterranean world in late antiquity, AD 395–600* (London, 1993).
- Cammarosano, P., *Nobili e re* (Bari, 1998).
- (ed.), *Le forme della propaganda politica nel Due e nel Trecento* (Rome, 1994).
- Cammarosano, P. and S. Gasparri (eds), *Langobardia* (Udine, 1990).
- Campbell, B. M. S., 'The agrarian problem in the early fourteenth century', *Past and present*, 188 (2005), 3–70.
- (ed.), *Before the Black Death* (Manchester, 1991).
- Campbell, B. M. S. et al., *A medieval capital and its grain supply* (n. p., 1993).
- Campbell, J., 'The late Anglo-Saxon state: a maximum view', *Proceedings of the British Academy*, 87 (1994), 39–65.
- (ed.), *The Anglo-Saxons* (Oxford, 1982).
- Canning, J., *Ideas of power in the late middle ages, 1296–1417* (Cambridge, 2011).
- *The political thought of Baldus de Ubaldis* (Cambridge, 1987).
- Cantini, F., 'Ritmi e forme della grande espansione economica dei secoli XI–XIII nei contesti ceramici della Toscana settentrionale', *Archeologia medievale*, 37 (2010), 113–27.
- Cardon, D., *La draperie au moyen âge* (Paris, 1999).
- Carocci, S., *Signorie di Mezzogiorno* (Rome, 2014).
- (ed.), *La mobilità sociale nel medioevo* (Rome, 2010).
- Carocci, S. and S. M. Collavini, 'Il costo degli stati', *Storica*, 52 (2011), 7–48; in English as 'The cost of states', in J. Hudson and A. Rodríguez (eds), *Diverging paths* (Leiden, 2014), 125–58.
- Caron, M.-T., *Noblesse et pouvoir royal en France, XIIIe — XVIe siècle* (Paris, 1994).
- Carpenter, C., *The Wars of the Roses* (Cambridge, 1997).

- Carpenter, D. A., *The reign of Henry III* (London, 1996).
- Carpentier, É., *Une ville devant la peste* (Paris, 1962).
- Carpentier, É. and M. Le Mené, *La France du XIe au XVe siècle* (Paris, 1996).
- Carruthers, M., *The book of memory* (Cambridge, 1990).
- Carus-Wilson, E. M., 'The first half-century of the borough of Stratford-upon-Avon', *Economic history review*, 18 (1965), 46–63.
- Castellanos, S., 'The political nature of taxation in Visigothic Spain', *EME*, 12 (2003), 201–28.
- Castellanos, S. and I. Martín Viso, 'The local articulation of central power in the north of the Iberian peninsula (500–1000)', *EME*, 13 (2005), 1–42.
- Castor, H., *Joan of Arc* (London, 2014).
- Catto, J., 'Andrew Horn', in R. H. C. Davis and J. M. Wallace-Hadrill (eds), *The writing of history in the middle ages* (Oxford, 1981), 367–91.
- Cavell, E., 'Intelligence and intrigue in the March of Wales', *Historical research*, 88 (2015), 1–19.
- Cazelles, R., *Nouvelle histoire de Paris de la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V (1223–1380)* (Paris, 1972).
- Challet, V. and I. Forrest, 'The masses', in Fletcher et al. (eds), *Government*, 279–316.
- Chapelot, J. and R. Fossier, *The village and house in the middle ages*, trans. H. Cleere (Berkeley, 1985).
- Charles-Edwards, T. M., *Early Christian Ireland* (Cambridge, 2000).
- *Wales and the Britons, 350–1064* (Oxford, 2013).
- Chazan, R., *The Jews of medieval western Christendom, 1000–1500* (Cambridge, 2006).
- Cherubini, G. and R. Francovich, 'Forme e vicende degli insediamenti nella campagna toscana dei secoli XIII–XV', *Quaderni storici*, 24 (1973), 877–904.
- Cheyne, J.-C., 'Les Phocas', in *Le traité sur la guérilla*, 289–315.
- *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (Paris, 1996).
- Chibnall, M., *Anglo-Norman England, 1066–1166* (Oxford, 1986).
- Chittolini, G. (ed.), *La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento* (Bologna, 1979).

- Choniates, N., *Historia*, trans. in H. J. Magoulias, *O city of Byzantium: annals of Niketas Choniates* (Detroit, 1984). Русский перевод: Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1–2. — СПб., 1860–1862.
- Christian, W. A., Jr., *Local religion in sixteenth-century Spain* (Princeton, 1981).
- Christie, N., *From Constantine to Charlemagne* (Aldershot, 2006).
- Christine de Pizan, *Le livre de la cité des dames*, ed. E. J. Richards, *La città delle dame* (Milan, 1997), trans. R. Brown-Grant, *The book of the city of ladies* (London, 1999). Русский перевод отрывков: Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде женском» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. — М.: Наука, 1991.
- Clanchy, M. T., *Abelard* (Oxford, 1997).
- ‘Did mothers teach their children to read?’ in C. Leyser and L. Smith (eds), *Motherhood, religion and society in medieval Europe, 400–1400* (Farnham, 2011), 129–53.
- *England and its rulers, 1066–1307*, 3rd edn (Oxford, 2006).
- *From memory to written record*, 3rd edn (Chichester, 2013).
- Clarke, H., and B. Ambrosiani, *Towns in the Viking age*, 2nd edn (Leicester, 1995).
- Claude, D., *Adel, Kirche und Königtum im Westgotenreich* (Sigmaringen, 1971).
- Clay, J.-H., *In the shadow of death* (Turnhout, 2010).
- Cohn, S. K., *Creating the Florentine state* (Cambridge, 1999).
- *Lust for liberty* (Cambridge, MA, 2006).
- *Popular protest in late medieval Europe* (Manchester, 2004).
- ‘The Black Death and the burning of PDFJews’, *Past and present*, 196 (2007), 3–36.
- *The Black Death transformed* (London, 2002).
- Colish, M., *Peter Lombard* (Leiden, 1994).
- Collavini, S., ‘*Honorabilis domus et spetiosissimus comitatus*’ (Pisa, 1998).
- Collection haut moyen âge*, directed by R. Le Jan (Turnhout, 2006–11): vol. 1, F. Bougard et al. (eds), *Les élites au haut moyen âge*; vol. 5,

- P. Depreux et al. (eds), *Les élites et leurs espaces*; vol. 6, F. Bougard et al. (eds), *Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval* (400–1100); vol. 7, F. Bougard et al. (eds), *La culture au haut moyen âge*; vol. 10, J.-P. Devroey et al. (eds), *Les élites et la richesse au haut moyen âge*; vol. 13, F. Bougard et al. (eds), *Théories et pratiques des élites au haut moyen âge*.
- Collins, R., *Visigothic Spain 409–711* (Oxford, 2004).
- Conant, J., *Staying Roman* (Cambridge, 2012).
- Concilios visigóticos e hispano-romanos, ed. J. Vives (Barcelona, 1963).
- Constable, G., 'Cluny in the monastic world of the tenth century', *Settimane di studio*, 38 (1991), 391–448.
- Constable, O. R., *Trade and traders in Muslim Spain* (Cambridge, 1994).
- Constantin VII Porphyrogénète, *Le livre des cérémonies*, ed. and trans. A. Vogt (Paris, 1935–39).
- Contamine, P., *War in the middle ages* (Oxford, 1984). Русский перевод: Контамин Ф. *Война в Средние века*. — СПб.: Ювента, 2001.
- (ed.), *L'économie médiévale* (Paris, 1993).
- Contreni, J. J., 'The Carolingian renaissance', *NCMH*, vol. 2 (1995), 709–57.
- Cortese, E., *Il diritto nella storia medievale*, 2 vols (Rome, 1995).
- Cortese, M. E., *Signori, castelli, città* (Florence, 2007).
- Cosgrove, A. (ed.), *A new history of Ireland*, vol. 2 (Oxford, 2008).
- Coss, P., *The origins of the English gentry* (Cambridge, 2003).
- Costambeys, M., *Power and patronage in early medieval Italy* (Cambridge, 2007).
- Costambeys, M., M. Innes and S. MacLean, *The Carolingian world* (Cambridge, 2011).
- Crescenzi, V., 'Il sindacato degli ufficiali nei comuni medievali italiani', in A. Giuliani and N. Picardi (eds), *L'educazione giuridica*, vol. 4.1 (Perugia, 1981), 383–529.
- Cressier, P. et al. (eds), *Los Almohades: problemas y perspectivas* (Madrid, 2005).
- Crick, J. (ed.), *Charters of St Albans, Anglo-Saxon charters*, vol. 12 (Oxford, 2007).

- Crone, P., *Medieval Islamic political thought* (Edinburgh, 2004).
- *Slaves on horses* (Cambridge, 1980).
- Crouch, D., *The birth of nobility* (London, 2005).
- Crummey, R. O., *The formation of Muscovy, 1304–1613* (Harlow, 1987).
- Cubitt, C., *Anglo-Saxon church councils, c. 650 — c. 850* (Leicester, 1995).
- 'The tenth-century Benedictine reform in England', *EME*, 6 (1997), 77–94.
- Curta, F., *Southeastern Europe in the middle ages, 500–1250* (Cambridge, 2006).
- Cushing, K. G., *Reform and the papacy in the eleventh century* (Manchester, 2005) d'Avray, D. L., *Papacy, monarchy and marriage, 860–1600* (Cambridge, 2015).
- *The preaching of the friars* (Oxford, 1985).
- Dagron, G., *Emperor and priest* (Cambridge, 2003).
- Dain, A., 'Les stratégistes byzantins', *Travaux et mémoires*, 2 (1967), 317–92.
- Dal Santo, M., *Debating the saints' cult in the age of Gregory the Great* (Oxford, 2012).
- Dante, *Monarchia*, ed. and trans. P. Shaw (Cambridge, 1995). Русский перевод в книге: Алигьери Д. Малые произведения. — М.: Наука, 1968.
- Davids, A. (ed.), *The empress Theophano* (Cambridge, 1995).
- Davies, R., 'The medieval state', *Journal of historical sociology*, 16 (2003), 280–300.
- *The revolt of Owain Glyn Dŵr* (Oxford, 1995) Davies, W., *Acts of giving* (Oxford, 2007).
- *Small worlds* (London, 1988).
- *Wales in the early middle ages* (Leicester, 1982).
- Davis, J. R., *Charlemagne's practice of empire* (Cambridge, 2015).
- Davis, N. Z., 'Les conteurs de Montaillou', *Annales ESC*, 34 (1979), 61–73.
- *The return of Martin Guerre* (Cambridge, MA, 1983). Русский перевод: Дэвис Н. З. Возвращение Мартена Герра. — М.: Прогресс, 1990.

- de Jong, M., 'Bride shows revisited', in Brubaker and Smith, *Gender*, 257–77.
- 'Carolingian political discourse and the biblical past', in C. Gantner et al. (eds), *The resources of the past in early medieval Europe* (Cambridge, 2015), 87–102.
- 'The empire that was always decaying', *Medieval worlds*, 2015, no. 2, 6–25. — *The penitential state* (Cambridge, 2009).
- 'What was public about public penance?', *Settimane di studio*, 45 (1997), 863–904.
- de Oliveira Marques, A.H., *Portugal na crise dos séculos XIV e XV* (Lisbon, 1987).
- Dean, T., *Crime in medieval Europe* (Harlow, 2001).
- Decker, M., *Tilling the hateful earth* (Oxford, 2009).
- Dejoux, M., 'Mener une enquête générale, pratique. et méthodes', in Pécout, *Quand gouverner c'est enquêter* FINAL, 133–55.
- Delogu, P., 'Il regno longobardo', in G. Galasso (ed.), *Storia d'Italia*, vol. 1 (Turin, 1980), 3–216.
- Delogu, P. and Gasparri, S. (eds), *Le trasformazioni del V secolo* (Turnhout, 2010).
- Demandt, A., *Der Fall Roms*, 2nd edn (Munich, 2014).
- *Die Spätantike* (Munich, 1989).
- 'The osmosis of late Roman and Germanic aristocracies', in E. K. Chrysos and A. Schwarcz (eds), *Das Reich und die Barbaren* (Vienna, 1989), 75–86.
- Depreux, P., *Les sociétés occidentales du milieu du VIe à la fin du IXe siècle* (Rennes, 2002).
- 'Lieux de rencontre, temps de négociation', in R. Le Jan (ed.), *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IXe siècle aux environs de 920)* (Lille 1998), 213–31.
- Déroche, V., 'La forme de l'informe', in P. Odorico and P. Agapitos (eds), *Les vies des saints à Byzance* (Paris, 2004), 367–85.
- Deshman, R., *The benedictional of Æthelwold* (Princeton, 1995).
- Devroey, J.-P., *Économie rurale et société dans l'Europe franque (VIe — IXe siècles)* (Paris, 2003).

- *Puissants et misérables* (Brussels, 2006).
- Dhuoda, *Liber manualis*, ed. P. Riché, *Dhuoda: Manuel pour mon fils* (Paris, 1975), trans. C. Neel, *Handbook for William* (Lincoln, NE, 1999). Русский перевод фрагментов в книге: Памятники средневековой латинской литературы, VIII–IX века. — М.: Наука, 2006.
- di Renzo Villata, M. G., 'La formazione dei «Libri Feudorum»', *Settimane di studio*, 47 (2000), 651–721.
- Dialogus de Scaccario*, ed. and trans. E. Amt, *Constitutio domus regis*, ed. and trans. S. D. Church (Oxford, 2007).
- Diario bolognese di Gaspare Nadi*, ed. C. Ricci and A. Bacchi della Lega (Bologna, 1886).
- Die Toulser Vita Leos IX.*, ed. H.-G. Krause, *MGH, Scriptores rerum Germanicarum*, vol. 70 (Hannover, 2007), trans. I. S. Robinson, *The papal reform of the eleventh century* (Manchester, 2004), 97–157.
- Digenis Akritis*, ed. and trans. E. Jeffreys (Cambridge, 1998). Русский перевод: Дигенис Акрит/Перевод, статьи и коммент. А. Я. Сыркина. — М.: Изд-во АН, 1960.
- Dodd, G., *Justice and grace* (Oxford, 2007).
- Doig, J. A., 'Political propaganda and royal proclamations in late medieval England', *Historical research*, 71 (1998), 253–80.
- Dölger, F., *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jahrhunderts* (Leipzig, 1927).
- Dollinger, P., *The German Hansa* (London, 1964).
- Dols, M. W., *The Black Death in the Middle East* (Princeton, 1977).
- Donner, F., *Narratives of Islamic origins* (Princeton, 1998).
- Dora Spadaro, M., *Raccomandazioni e consigli di un galantuomo* (Alessandria, 1998).
- Dronke, P., *Women writers of the middle ages* (Cambridge, 1984).
- du Colombier, P., *Les chantiers des cathédrales*, 2nd edn (Paris, 1973).
- Dubin, N. E., *The fabliaux* (New York, 2013).
- Duby, G., *La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise*, 2nd edn (Paris, 1971).

- Rural economy and country life in the medieval West (Columbia, SC, 1968).
- The chivalrous society (London, 1977).
- The early growth of the European economy (London, 1974).
- The three orders (Chicago, 1980). Русский перевод: Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. — М.: Языки русской культуры, 2000.
- 'Women and power', in T.N. Bisson (ed.), *Cultures of power* (Philadelphia, 1995), 68–85
- Dumolyn, J., 'Justice, equity and the common good', in D'A.J. D. Boulton and J.R. Feenstra (eds), *The ideology of Burgundy* (Leiden, 2006), 1–20.
- Dumolyn, J. and J. Haemers, "A bad chicken was brooding", *Past and present*, 214 (2012), 45–86.
- 'Patterns of urban rebellion in medieval Flanders', *Journal of medieval history*, 31 (2005), 369–93.
- Dunbabin, J., *Charles of Anjou* (Harlow, 1998).
- *France in the making, 843–1180*, 2nd edn (Oxford, 2000).
- Dupré Theseider, E., 'Caterina da Siena, santa', in *Dizionario biografico degli Italiani*, vol. 22 (Rome, 1979), 361–79.
- Durliat, J., 'La peste du VIe siècle', in *Hommes et richesses dans l'empire byzantin*, vol. 1 (Paris, 1989), 107–19.
- Dutton, P. E., *The politics of dreaming in the Carolingian empire* (Lincoln, NE, 1994).
- Dyer, C., *An age of transition?* (Oxford, 2005).
- 'England's economy in the fifteenth century', *The fifteenth century*, 13 (2014), 201–25.
- 'How urbanized was medieval England?', in J.-M. Duvosquel and E. Thoen (eds), *Peasants and townsmen in medieval Europe* (Ghent, 1995), 169–83.
- *Making a living in the middle ages* (London, 2002).
- 'Medieval Stratford', in R. Bearman (ed.), *The history of an English borough* (Stratford, 1997), 43–61, 181–5.

- Standards of living in the later middle ages (Cambridge, 1989).
- Earenfight, T., *Queenship in medieval Europe* (Basingstoke, 2013).
- Ebels-Hoving, B., *Byzantium in westerse ogen, 1096–1204* (Assen, 1971).
- Edwards, J., 'Religious faith and doubt in late medieval Spain', *Past and present*, 120 (1988), 3–25.
- *The Spain of the Catholic monarchs, 1474–1520* (Oxford, 2000).
- Einhard, *Vita Karoli Magni*, ed. G. Waitz, MGH, *Scriptores rerum Germanicarum*, vol. 25 (Hannover, 1911), trans. P. E. Dutton, *Charlemagne's courtier* (Peterborough, ON, 1998), 15–39. Русский перевод: Эйхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. — М.: Росспэн, 1999.
- Ekonomou, A. J., *Byzantine Rome and the Greek popes* (Lanham, MD, 2007).
- Eldevik, J., *Episcopal power and ecclesiastical reform in the German empire* (Cambridge, 2012).
- Elliott, D., *Fallen bodies* (Philadelphia, 1999).
- *Proving woman* (Princeton, 2004).
- Elukin, J. M., *Living together, living apart* (Princeton, 2007).
- Engel, P., *The realm of St Stephen* (London, 2001).
- Ennen, E., *The medieval woman* (Oxford, 1989).
- Epistolario di Santa Catarina da Siena*, ed. E. Dupré Theseider, vol. 1 (Rome, 1940), trans. S. Noffke, *The letters of St. Catherine of Siena*, vol. 1 (Binghampton, NY, 1988).
- Epstein, S. R., *An island for itself* (Cambridge, 1992).
- *Freedom and growth* (London, 2000).
- Esmonde Cleary, A. S., *The ending of Roman Britain* (London, 1989).
- *The Roman West, AD 200–500* (Cambridge, 2013).
- Estepa Díez, C., *Las behetrías castellanas*, 2 vols (Valladolid, 2003).
- Faith, R., *The English peasantry and the growth of lordship* (Leicester, 1997).
- Farmer, D. L., 'Prices and wages', in *The agrarian history of England and Wales*, vol. 2, ed. H. E. Hallam (Cambridge, 1988), 715–817.
- Fehring, G. P., *The archaeology of medieval Germany* (London, 1991).

- Feller, L., *Les Abruzzes médiévales* (Rome, 1998).
- *Paysans et seigneurs au Moyen Âge, VIIIe — XVe siècles* (Paris, 2007).
- Feller, L. et al., *La fortune de Karol* (Rome, 2005).
- Fenster, T. and D. L. Smail (eds), *Fama* (Ithaca, NY, 2003).
- Ferruolo, S. C., *The origins of the university* (Stanford, 1985).
- Fichtenau, H., *Living in the tenth century* (Chicago, 1991).
- Fine, J. V. A., *The late medieval Balkans* (Ann Arbor, MI, 1987).
- Fiore, A., 'From the diploma to the pact' (in press).
- Firnhaber-Baker, J., 'The eponymous Jacquerie', in eadem, *The Routledge history handbook of medieval revolt* — (ed.), *The Routledge history handbook of medieval revolt* (London, 2016).
- Fleckenstein, J., 'Über die Herkunft der Welfen und ihre Anfänge in Süddeutschland', in G. Tellenbach (ed.), *Studien und Vorarbeiten zur Geschichte des grossfränkischen und frühdeutschen Adels* (reiburg, 1957), 71–136.
- Fleming, R., *Britain after Rome* (London, 2010).
- *Kings and lords in conquest England* (Cambridge, 1991).
- 'Recycling in Britain after the fall of Rome's metal economy', *Past and present*, 217 (2012), 3–45.
- Fletcher, C., 'Political representation', in idem et al., *Government*, 217–39.
- Fletcher, C. et al. (eds), *Government and political life in England and France, c.1300 — c.1500* (Cambridge, 2015).
- Fletcher, R., *The conversion of Europe* (London, 1997).
- Flint, V. I. J., *The rise of magic in early medieval Europe* (Oxford, 1991).
- Flori, J., *L'essor de la chevalerie, XIe — XIIe siècles* (Geneva, 1986).
- Fögen, M. T., 'Reanimation of Roman law in the ninth century', in L. Brubaker (ed.), *Ninth-century Byzantium: dead or alive?* (Aldershot, 1998), 11–22.
- Foot, S. and C. F. Robinson (eds), *The Oxford history of historical writing*, vol. 2 (Oxford, 2012).
- Forrest, I., *The detection of heresy in late medieval England* (Oxford, 2005).

- Fortescue, Sir John, *On the laws and governance of England*, ed. S. Lockwood (Cambridge, 1997).
- Fossier, R., *Enfance de l'Europe, Xe — XIIe siècles* (Paris, 1982).
- Fouracre, P., 'Carolingian justice', *Settimane di studio*, 42 (1995), 771–803.
- *Frankish history* (Farnham, 2013).
- 'Space, culture and kingdoms in early medieval Europe', in P. Linehan and J. L. Nelson (eds), *The medieval world* (London, 2001), 366–80.
- *The age of Charles Martel* (London, 2000).
- Fournier, G., *Le château dans la France médiévale* (Paris, 1978).
- France, J., *Western warfare in the age of the Crusades, 1000–1300* (Ithaca, NY, 1999).
- Franceschi, F. and L. Molà, 'L'economia del Rinascimento', in M. Fantoni (ed.), *Il Rinascimento italiano e l'Europa*, vol. 1 (Treviso-Vicenza, 2006), 185–200.
- 'Regional states and economic development', in Gamberini and Lazzarini, *The Italian Renaissance state*, 444–66.
- Francovich, R. and M. Ginatempo (eds), *Castelli*, vol. 1 (Florence, 2000).
- Franklin, S., *Writing, society and culture in early Rus, c. 950–1300* (Cambridge, 2002). Русский перевод: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
- Franklin, S. and J. Shepherd, *The emergence of Rus, 750–1200* (London, 1996). Русский перевод: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
- Frankopan, P., *The First Crusade: the call from the east* (London, 2011). Русский перевод: Франкопан П. Первый крестовый поход. Зов с Востока. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Freedman, P., *Images of the medieval peasant* (Stanford, 1999).
- *The origins of peasant servitude in medieval Catalonia* (Cambridge, 1991).
- Freedman, P. and M. Bourin (eds), *Forms of servitude in northern and central Europe* (Turnhout, 2005).

- Fried, J., *Die Ursprünge Deutschlands bis 1024* (Berlin, 1994).
- 'Gens und regnum', in J. Miethke and K. Schreiner (eds), *Sozialer Wandel im Mittelalter* (Sigmaringen, 1994), 73–104.
- Frost, R., *The making of the Polish-Lithuanian union, 1385–1569* (Oxford, 2015).
- Fryde, E. B. and M. M. Fryde, 'Public credit, with special reference to north-western Europe', *The Cambridge economic history*, vol. 3, 430–553.
- Fudge, T. A., *Jan Hus* (London, 2010).
- *The magnificent ride* (Aldershot, 1998).
- Fuentes Ganzo, E., 'Pactismo, cortes y hermandades en León y Castilla: siglos XIII–XV', in F. Foronda and A. I. Carrasco Manchado (eds), *El contrato político en la Corona de Castilla* (Madrid, 2008), 415–52.
- Furió, A., *Història del país valencià* (Valencia, 1995).
- Gadol, J., *Leon Battista Alberti* (Chicago, 1969).
- Gamberini, A. and I. Lazzarini, *The Italian Renaissance state* (Cambridge, 2012).
- Gamberini, A. et al. (eds), *The languages of political society* (Rome, 2011).
- Ganshof, F. L., *The Carolingians and the Frankish monarchy* (London, 1971).
- Ganz, D., 'The debate on predestination', in M. T. Gibson and J. L. Nelson, *Charles the Bald*, 2nd edn (Aldershot, 1990), 283–302.
- 'Theology and the organisation of thought', *NCMH*, vol. 2 (1995), 758–85.
- García de Cortázar, J., 'La formación de la sociedad feudal en el cuadrante noroccidental de la Península Ibérica en los siglos VIII a XIII', *Initium*, IV (1999), 57–121.
- Garzella, G., *Pisa com'era* (Naples, 1990).
- Gasparri, S. (ed.), 774 (Turnhout, 2008).
- Gasparri, S. and C. La Rocca (eds), *Carte di famiglia* (Rome, 2005).
- Gauvard, C., 'De grace especial': crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge (Paris, 1991).
- (ed.), *L'Enquête au moyen âge* (Rome, 2009).

- ary, P. J., *Aristocracy in Provence* (Stuttgart, 1985).
- ‘Ethnic identity as a situational construct in the early middle ages’, *Mitteilungen des anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 113 (1983), 15–26.
- Living with the dead in the middle ages* (Ithaca, NY, 1994).
- Phantoms of remembrance* (Princeton, 1994).
- The myth of nations* (Princeton, 2002).
- lichi, S. and R. Hodges (eds), *New directions in early medieval European archaeology* (Turnhout, 2015).
- ltner, G., *The making of medieval antifraternalism* (Oxford, 2012).
- remek, B., *The margins of society in late medieval Paris* (Cambridge, 1987).
- osh, S., *Kings’ sagas and Norwegian history* (Leiden, 2011).
- christ, R., *Gender and material culture* (London, 1994).
- lett, A. (ed.), *On barbarian identity* (Turnhout, 2002).
- lis, M. B., ‘Heresy in the flesh’, in Stone and West, *Hincmar of Rheims*, 247–67.
- son, J. P., ‘A defence of the proscription of the Yorkists in 1459’, *English historical review*, 26 (1911), 512–25.
- atempo, M., ‘Esisteva una fiscalità a finanziamento delle guerre del primo “200?”’, in XXXVII semana de estudios medievales (Pamplona, 2011), 279–342.
- ‘Finanze e fiscalità’, in Salvestrini, *L’Italia*, vol. 1, 241–94.
- atempo, M. and L. Sandri, *L’Italia delle città* (Florence, 1990).
- izburg, C., *The night battles* (London, 1983).
- ck, T. F., *From Muslim fortress to Christian castle* (Manchester, 1995).
- etz, H.-W., ‘Die Wahrnehmung von “Staat” und “Herrschaft” im frühen Mittelalter’, in S. Airlie et al. (eds), *Staat im frühen Mittelalter* (Vienna, 2006), 39–58.
- “Nobilis”: der Adel im Selbstverständnis der Karolingerzeit’, *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 60 (1983), 153–91.
- etz, H.-W. et al. (eds), *Regna and gentes* (Leiden, 2003).
- ffart, W., *Barbarians and Romans, A. D. 418–584* (Princeton, 1980).

- The narrators of barbarian history (A. D. 550–800) (Princeton, 1988).
- Goitein, S. D., *A Mediterranean society* (Berkeley, 1967–93).
- Goldberg, E. J., 'Louis the Pious and the hunt', *Speculum*, 88 (2013), 613–43.
- 'Popular revolt, dynastic politics and aristocratic factionalism in the early middle ages', *Speculum*, 70 (1995), 467–501.
- *Struggle for empire* (Cambridge, 2006).
- Goldberg, J., *Trade and institutions in the medieval Mediterranean* (Cambridge, 2012).
- Goldberg, P. J. P., *Women, work and life cycle in a medieval economy* (Oxford, 1992).
- Goldthwaite, R. A., *The economy of Renaissance Florence* (Baltimore, 2009).
- Göller, K. H., *König Arthur in der englischen Literatur des späten Mittelalters* (Göttingen, 1963).
- Gonnet, G., 'Le cheminement des vaudois vers le schisme et l'hérésie (1174–1218)', *Cahiers de civilisation médiévale*, 19 (1976), 309–45.
- González Jiménez, M., *Alfonso X el Sabio* (Barcelona, 2004).
- Goodman, A., *Margery Kempe and her world* (Harlow, 2002).
- Goodson, C., *The Rome of Pope Paschal I* (Cambridge, 2010).
- Górecki, P., *Economy, society, and lordship in medieval Poland, 1100–1250* (New York, 1992).
- Gouma-Peterson, T. (ed.), *Anna Komnene and her times* (New York, 2000).
- Gowers, B., '996 and all that', *EME*, 21 (2013), 71–98.
- Grant, A., *Independence and nationhood* (Edinburgh, 1984).
- Gravdal, K., *Ravishing maidens* (Philadelphia, 1991).
- Gray, P. T. R., *The defence of Chalcedon* (Leiden, 1979).
- Greatrex, G. and S. N. C. Lieu, *The Roman eastern frontier and the Persian wars, part II* (London, 2002).
- Green, J. A., *The government of England under Henry I* (Cambridge, 1986).
- 'The last century of Danegeld', *English historical review*, 96 (1981), 241–58.

- Green, M. H., 'Women's medical practice and health care in medieval Europe', *Signs*, 14 (1989), 434–73.
- (ed.), *Pandemic disease in the medieval world*, 1 (2014), http://scholarworks.wmich.edu/medieval_globe/1/, accessed 7 April 2015.
- Green, W. A., 'Periodisation in European and world history', *Journal of world history*, 3 (1992), 13–53.
- Gregory of Tours, *Decem libri historiarum*, ed. B. Krusch and W. Levison, MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*, vol. 1.1, 2nd edn (Hannover, 1951), trans. L. Thorpe, *The history of the Franks* (Harmondsworth, 1974). Русский перевод: Григорий Турский. История франков. — М.: Наука, 1987.
- *De virtutibus sancti Martini episcopi*, ed. B. Krusch, MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*, vol. 1.2 (Hannover, 1885), 584–661, trans. R. Van Dam, *Saints and their miracles in late antique Gaul* (Princeton, 1993), 200–303.
- Grillo, P., *Legnano 1176* (Bari, 2010).
- *Milano in età comunale (1183–1276)* (Spoleto, 2001).
- Grimm, P., *Tilleda*, 2 vols (Berlin, 1968–90).
- Gunn, S. and A. Janse (eds), *The court as a stage* (Woodbridge, 2006).
- Gurr, T. R., 'Historical trends in violent crime', *Crime and justice*, 3 (1981), 295–353.
- Guzowski, P., 'Village court records and peasant credit in fifteenth- and sixteenth-century Poland', *Continuity and change* 29 (2014), 115–42.
- Häberlein, M., *The Fuggers of Augsburg* (Charlottesville, VA, 2012).
- Hadley, D. M. (ed.), *Masculinity in medieval Europe* (London, 1999).
- Haldon, J., *A critical commentary on the Taktika of Leo VI* (Washington, DC, 2014).
- 'Approaches to an alternative military history of the period ca. 1025–1071', in *Ē autokratoria se krisē* (Athens, 2003), 45–74.
- *Byzantium in the seventh century*, 2nd edn (Cambridge, 1997).
- *Warfare, state and society in the Byzantine world, 565–1204* (London, 1999).
- Halsall, G., *Barbarian migrations and the Roman west, 376–568* (Cambridge, 2007).

- Settlement and social organisation (Cambridge, 1995).
- 'Violence and society in the early medieval West', in idem (ed.), Violence and society in the early medieval West (Woodbridge, 1998), 1–45.
- Warfare and society in the barbarian West, 450–900 (London, 2003).
- Hamilton, S., Church and people in the medieval West, 900–1200 (Harlow, 2013).
- Hankins, J. (ed.), Renaissance civic humanism (Cambridge, 2000).
- Harper, K., Slavery in the late Roman world, AD 275–425 (Cambridge, 2011).
- Harriss, G., Shaping the nation: England, 1360–1461 (Oxford, 2005).
- Harvey, A., Economic expansion in the Byzantine empire, 900–1200 (Cambridge, 1989).
- Harvey, I. M. W., Jack Cade's rebellion of 1450 (Oxford, 1991).
- Harvey, S., Domesday (Oxford, 2014).
- Hatcher, J., Plague, population and the English economy, 1348–1530 (London, 1977).
- Hay, D., Europe: The emergence of an idea, 2nd edn (Edinburgh, 1968).
- Head, T. and R. Landes, (eds), The peace of God (Ithaca, NY, 1992).
- Heather, P., The fall of the Roman empire (London, 2005).
- The Goths (Oxford, 1996).
- 'The Huns and the end of the Roman empire in western Europe', English historical review, 110 (1995), 4–41.
- 'Theoderic, king of the Goths', EME, 4 (1995), 145–73.
- Hébert, M., Parlementer: assemblées représentatives et échanges politiques en Europe occidentale à la fin du moyen âge (Paris, 2014).
- Heinzelmann, M., Gregory of Tours (Cambridge, 2001).
- Helbig, H., Der wettinische Ständestaat (Münster, 1955).
- Helle, K. (ed.), The Cambridge history of Scandinavia, vol. 1 (Cambridge, 2003).
- 'The Norwegian kingdom', in idem (ed.), The Cambridge history of Scandinavia, vol. 1, 369–91.
- Hendy, M. F., Studies in the Byzantine monetary economy, c. 300–1450 (Cambridge, 1985).

- Henneman, J. B., 'France in the middle ages', in Bonney, *The rise of the fiscal state*, 101–22.
- Herbert, M., Iona, Kells and Derry (Oxford, 1988).
- Herlihy, D., *Opera muliebria* (New York, 1990).
- Herlihy, D., and C. Klapisch-Zuber, *Tuscans and their families* (New Haven, 1985).
- Hill, D. and M. Worthington (eds), *Æthelbald and Offa, British archaeological reports*, B383 (Oxford, 2005).
- Hillenbrand, C., *The Crusades: Islamic perspectives* (Edinburgh, 1999).
- Hilton, R. H., *English and French towns in feudal society* (Cambridge, 1995).
- 'Freedom and villeinage in England', *Past and present*, 31 (1965), 3–19.
- *Bond men made free* (London, 1973).
- Hilton, R. H. and T. H. Aston (eds), *The English rising of 1381* (Cambridge, 1984).
- Hobbins, D., *Authorship and publicity before print* (Philadelphia, 2009).
- 'The schoolman as public intellectual', *American historical review*, 108 (2003), 1308–35.
- Hodges, R., *Dark age economics*, 2nd edn (London, 2012).
- Hodges, R. and D. Whitehouse, *Mohammed, Charlemagne and the origins of Europe* (London, 1983).
- Holmes, C., *Basil II and the governance of empire (976–1025)* (Oxford, 2005).
- Holmes, C. and N. Standen (eds) *The global middle ages* (Oxford, forthcoming).
- Holmes, G. A., 'The "libel of English policy"', *English historical review*, 76 (1961), 193–216.
- Hornbeck, J. P., *What is a Lollard?* (Oxford, 2010).
- Howard-Johnston, J., *Witnesses to a world crisis* (Oxford, 2010).
- Howell, M. C., *The marriage exchange* (Chicago, 1998).
- 'Women, the family economy, and the structures of market production in cities of northern Europe during the late middle ages', in B. A. Hanawalt (ed.), *Women and work in preindustrial Europe* (Bloomington, IN, 1986), 198–222.

- Hoyland, R., *Seeing Islam as others saw it* (Princeton, 1997).
- Hudson, A., *The premature Reformation* (Oxford, 1988).
- Hudson, A. and A. Kenny, 'Wyclif, John (d. 1384)', *Oxford dictionary of national biography* (Oxford, 2004).
- Hudson, J., *The Oxford history of the laws of England: 871–1216* (Oxford, 2012).
- Hunt, E. S., 'A new look at the dealings of the Bardi and Peruzzi with Edward III', *The journal of economic history*, 50 (1990), 149–62.
- Hyams, P. R., *King, lords and peasants* (Oxford, 1980).
- Hybel, N. and B. Poulsen, *Danish resources c. 1000–1550* (Leiden, 2007).
- Imber, C., *The Ottoman empire, 1300–1650* (Basingstoke, 2002).
- İnalçık, H., 'The policy of Mehmed II towards the Greek population of Istanbul and the Byzantine buildings of the city', *Dumbarton Oaks papers*, 23/4 (1969–70), 229–49.
- Innes, M., *Introduction to early medieval western Europe, 300–900* (London, 2007).
- *State and society in the early middle ages* (Cambridge, 2000).
- Iogna-Prat, D. et al. (eds), *Cluny* (Rennes, 2013).
- Irsigler, F., *Untersuchungen zur Geschichte des frühfränkischen Adels* (Bonn, 1969).
- Isenmann, E., *Die deutsche Stadt im Spätmittelalter 1250–1500* (Stuttgart, 1988).
- 'The Holy Roman Empire in the middle ages', in Bonney, *The rise of the fiscal state*, 243–80.
- Isla Frez, A., *La alta edad media* (Madrid, 2002).
- Jaeger, C. S., *The envy of angels* (Philadelphia, 1994).
- James, L., *Empresses and power in early Byzantium* (Leicester, 2001).
- Jamroziak, E., *The Cistercian order in medieval Europe, 1090–1500* (Abingdon, 2013).
- Jankowiak, M., 'Two systems of trade in the western Slavic lands in the 10th century', in M. Bogucki and M. Rębkowski (eds), *Economies, monetisation and society in the West Slavic lands, 800–1200 AD* (Szczecin, 2013), 137–48.

- Jarnut, J., *Agilolfingerstudien* (Stuttgart, 1986).
- Jarrett, J., *Rulers and ruled in frontier Catalonia, 880–1010* (Woodbridge, 2010).
- Jeffreys, E., *Four Byzantine novels* (Liverpool, 2012).
- John Lydos, *On powers*, ed. and trans. A. C. Bandy, Ioannes Lydos, *On powers or The magis-tracies of the Roman state* (Philadelphia, 1983).
- Johns, J., *Arabic administration in Norman Sicily* (Cambridge, 2002).
- Joinville, Jean sire de, *Histoire de Saint Louis*, ed. N. de Wailly (Paris, 1868), trans. M. R. B. Shaw, Joinville and Villehardouin (London, 1963). Русский перевод: Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. — СПб.: Евразия, 2012.
- Jolliffe, J. E. A., *Angevin kingship* (London, 1955).
- Jón Hnefill Aðalsteinsson, *Under the cloak* (Reykjavík, 1999).
- Jón Viðar Sigurðsson, *Chieftains and power in the Icelandic commonwealth* (Odense, 1999).
- Jones, A. H. M., *The later Roman empire, 284–602* (Oxford, 1964).
- Jones, M. H. and R. Wisbey (eds), *Chrétien de Troyes and the German middle ages* (Woodbridge, 1993).
- Jones, P. J., 'Florentine families and Florentine diaries in the fourteenth century', *Papers of the British School at Rome*, 24 (1956), 183–205.
— *The Italian city-state* (Oxford, 1997).
- Jordan, W. C., *Louis IX and the challenge of the Crusade* (Princeton, 1979).
— *The great famine* (Princeton, 1996).
- Jular, C., *Los adelantados y merinos mayores de León (siglos XIII–XV)* (León, 1990).
— 'The king's face on the territory', in I. Alfonso et al. (eds), *Building legitimacy* (Leiden, 2004), 107–37.
- Jurdjevic, M., 'Hedgehogs and foxes', *Past and present*, 195 (2007), 241–68.
- Justice, S., *Writing and rebellion* (Berkeley, 1994).
- Kaegi, W. E., *Heraclius* (Cambridge, 2003).
- Kafadar, C., *Between two worlds* (Berkeley, 1995).
- Kaiser, R., *Churrätien im frühen Mittelalter* (Basel, 1998).

- Kaldellis, A., *The argument of Psellos' Chronographia* (Leiden, 1999).
- *The Byzantine republic* (Cambridge, MA, 2015).
- Káldy-Nagy, Gy., 'The first centuries of the Ottoman military organization', *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 31 (1977), 147–83.
- Kaminsky, H., *A history of the Hussite revolution* (Berkeley, 1967).
- 'The great schism', *NCMH*, vol. 6 (2000), 674–96.
- 'The noble feud in the middle ages', *Past and present*, 177 (2002), 55–83.
- Kanter, J. E., 'Peripatetic and sedentary kingship', in J. Burton et al. (eds), *Thirteenth-century England, XIII* (Woodbridge, 2011), 11–26.
- Kaplan, M., *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle* (Paris, 1992).
- Karpova Fasce, E., 'Gli architetti italiani a Mosca nei secoli XIV–XV' *Quaderni di scienza della conservazione*, 4 (2004), 157–81.
- Karras, R. M., *Common women* (New York, 1996).
- *Slavery and society in medieval Scandinavia* (New Haven, 1988).
- Kastritsis, D. J., *The sons of Beyazid* (Leiden, 2007).
- Katajala, K., 'Against tithes and taxes, for king and province', in idem (ed.), *Northern revolts* (Helsinki, 2004), 32–52.
- Kay, S., *Raoul de Cambrai* (Oxford, 1992).
- Keen, M., *Chivalry* (New Haven, 1984). Русский перевод: Кин М. Рыцарство. — М.: Научный мир, 2000.
- Keene, D., 'Towns and the growth of trade', *NCMH*, vol. 4.1 (2004), 47–85.
- Kekaumenos, *Consilia et narrationes*, ed. and trans. C. Roueché (2013), online at www.ancientwisdoms.ac.uk/library/kekaumenos-consilia-et-narrationes/, accessed 21 November 2015. Русский перевод: Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в./Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.
- Kekewich, M., 'The attainder of the Yorkists in 1459', *Historical research*, 55 (1982), 25–34.

- Keller, H., 'Die italienische Kommune als Laboratorium administrativen Schriftgebrauchs', in S. Lepsius et al. (eds), *Recht — Geschichte — Geschichtsschreibung* (Berlin, 2014), 67–82.
- *Signori e vassalli nell'Italia delle città (secoli IX–XII)* (Turin, 1995).
- *Zwischen regionaler Begrenzung und universalem Horizont* (Berlin, 1986).
- Kelly, C., *Ruling the later Roman empire* (Cambridge, MA, 2004).
- Kelly, F., *A guide to early Irish law* (Dublin, 1988).
- Kempshall, M. S., *The common good in late medieval political thought* (Oxford, 1999).
- Kennedy, H., *Muslim Spain and Portugal* (London, 1996).
- *The armies of the caliphs* (London, 2001).
- *The prophet and the age of the caliphates*, 2nd edn (Harlow, 2004).
- Kirkham, V., 'Petrarch the courtier', in eadem and A. Maggi (eds), *Petrarch* (Chicago, 2009), 141–50.
- Klaniczay, G., *Holy rulers and blessed princesses* (Cambridge, 2002).
- Klassen, J., 'Hus, the Hussites and Bohemia', *NCMH*, vol. 7 (1998), 367–91.
- Kohl, T., *Lokale Gesellschaften* (Ostfildern, 2010).
- Kolbaba, T. M., *The Byzantine lists* (Urbana, 2000).
- Kostick, C., *The social structure of the First Crusade* (Leiden, 2008).
- Kosto, A. J., 'Reconquest, Renaissance and the histories of Iberia, ca. 1000–1200', in Noble and Van Engen, *European transformations*, 93–116.
- Kotel'nikova, L. A., *Mondo contadino e città dal XI al XIV secolo* (Bologna, 1975).
- Koziol, G., *The politics of memory and identity in Carolingian royal diplomas* (Turnhout, 2012).
- Krag, C., 'The early unification of Norway', in K. Helle (ed.), *The Cambridge history of Scandinavia*, vol. 1 (Cambridge, 2003), 184–201.
- Krah, A., *Absetzungsverfahren als Spiegelbild von Königsmacht* (Aalen, 1987).
- Kula, W., *An economic theory of the feudal system* (London, 1976).
- Kümin, B., *The shaping of a community* (Aldershot, 1996).
- Kypta, U., *Die Autonomie der Routine* (Göttingen, 2014).

- La Rocca, C. (ed.), *Italy in the early middle ages* (Oxford, 2002).
- Lacy, N. J., *Reading fabliaux* (New York, 1993).
- Ladero Quesada, M. A., 'Castile in the middle ages', in Bonney, *The rise of the fiscal state, 177–99*.
- *El siglo XV en Castilla* (Barcelona, 1982).
- *Fiscalidad y poder real en Castilla (1252–1369)* (Madrid, 1993).
- Lahey, S. E., *John Wyclif* (Oxford, 2009).
- Laiou, A. E. (ed.), *The economic history of Byzantium from the seventh through the fifteenth century* (Washington, DC, 2002).
- Laiou, A. E. and C. Morrisson, *The Byzantine economy* (Cambridge, 2007).
- Laleman, M. C. and P. Raveschot, 'Maisons patriciennes médiévales à Gand (Gent), Belgique', in P. Demolon et al. (eds), *Archéologie des villes dans le Nord-Ouest de l'Europe (VIIe — XIIIe siècle)* (Douai, 1994), 201–5.
- Lambert, T. B., 'Theft, homicide and crime in late Anglo-Saxon law', *Past and present*, 214 (2012), 3–43.
- Langdon, J. and J. Masschaele, 'Commercial activity and population growth in medieval England', *Past and present*, 190 (2006), 35–82.
- Lansing, C., *Passion and order* (Ithaca, NY, 2008).
- *Power and purity* (New York, 1998).
- *The Florentine magnates* (Princeton, 1991).
- Lansing, C. and E. D. English, *companion to the medieval world* (Oxford, 2009).
- Lantschner, P., *The logic of political conflict in medieval cities* (Oxford, 2015).
- Latini, B., *Li livres dou tresor*, ed. S. Baldwin and P. Barrette (Tempe, AZ, 2003).
- Laxdæla saga, ed. Einar Ó. Sveinsson, *Íslenzk fornrit*, vol. 5 (Reykjavík, 1934), trans. Magnús Magnússon and Hermann Pálsson, *Laxdæla saga* (London, 1969). Русский перевод: *Сага о людях из Лососьей долины // Исландские саги. Т. 1.* — СПб., 1999. — С. 217–410.
- Lazzarini, I., *L'Italia degli stati territoriali, secoli XIII–XV* (Rome, 2003) *Le concile de Clermont de 1095 et l'appel à la Croisade* (Rome, 1997).

- Le Goff, J., *Saint Louis* (New York, 2009). Русский перевод: Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001.
- Le Jan, R., *Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe — Xe siècle)* (Paris, 1995).
- *La société du haut moyen âge* (Paris, 2003).
- 'Les cérémonies carolingiennes', *Settimane di studio*, 52 (2015), 167–96.
- Le ménagier de Paris*, ed. J. Pichon (Paris, 1846); trans. G. L. Greco and C. M. Rose, *The good wife's guide* (Ithaca, NY, 2009).
- Le Roy Ladurie, E., *Montaillou* (London, 1978).
- Le traité sur la guérilla de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)*, ed. and trans. G. Dagron and H. Mihăescu (Paris, 1986). Русский перевод: Никифор II Фока. Стратегика/Пер. и коммент. А. К. Нефедкина. — СПб.: Алетея, 2005.
- Lecuppre-Desjardin, E., *La ville des cérémonies* (Turnhout, 2004).
- Lees, C. A. (ed.), *Medieval masculinities* (Minneapolis, 1994).
- Leges Langobardorum, 643–866*, ed. F. Beyerle, 2nd edn (Witzenhausen, 1962), trans. up to 755 in K. F. Drew, *The Lombard laws* (Philadelphia, 1973). Русский перевод: Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). — М.: Наука, 1992.
- Leges Visigothorum*, ed. K. Zeumer, MGH, *Leges*, vol. 1 (Hannover, 1902).
- Lemerle, P., *Byzantine humanism* (Canberra, 1986). Русский перевод: Лемерль П. Первый византийский гуманизм: Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. — М.: Квадриум, 2017.
- *Cinq études sur le XIe siècle byzantin* (Paris, 1977).
- Lestringant, F. and M. Zink (eds), *Histoire de la France littéraire*, vol. 1 (Paris, 2006).
- Lev, Y., *State and society in Fatimid Egypt* (Leiden, 1991).
- Lewis, P. S., *Later medieval France* (London, 1968).
- 'The failure of the French medieval estates', *Past and present*, 23 (1962), 3–24.

- Leyser, C., 'The memory of Gregory the Great and the making of Latin Europe, 600–1000', in K. Cooper and C. Leyser (eds), *Making early medieval societies* (Cambridge, 2016), 181–201.
- Leyser, K., 'Concepts of Europe in the early and high middle ages', *Past and present*, 137 (1992), 25–47.
- 'Ottonian government', in idem, *Medieval Germany and its neighbours 900–1250* (London, 1982), pp. 69–101.
- *Rule and conflict in an early medieval society* (London, 1979).
- Li Bozhong, *Agricultural development in Jiangnan, 1620–1850* (Basingstoke, 1998).
- Libri dell'entrata e dell'uscita della repubblica di Siena, detti del camarlingo e dei quattro provveditori della Biccherna, vol. 1 (Siena, 1903) and following Lieberman, V., *Strange parallels*, 2 vols (Cambridge, 2003 YUP — 09).
- Linehan, P., 'Spain in the twelfth century', *NCMH*, vol. 4.2 (2004), 475–509.
- Little, L. K. (ed.), *Plague and the end of antiquity* (Cambridge, 2007).
- Liutprand of Cremona, *Liudprandi Cremonensis opera*, ed. P. Chiesa (Turnhout, 1998), trans. P. Squatriti, *The complete works of Liudprand of Cremona* (Washington, 2007). Русский перевод: Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. — М.: Русская панорама, 2006.
- Lombard-Jourdan, A., *Paris: genèse de la 'ville'* (Paris, 1976).
- Lot, F. and R. Fawtier, *Histoire des institutions françaises au moyen âge*, vol. 2 (Paris, 1958).
- Loud, G., *The age of Robert Guiscard* (Harlow, 2000).
- Loveluck, C., *Northwest Europe in the early middle ages, c. AD 600–1150* (Cambridge, 2013).
- Lowry, H. W., *The nature of the early Ottoman state* (Albany, NY, 2003).
- Lukowski, J. and H. Zawadzki, *Concise history of Poland*, 2nd edn (Cambridge, 2006).
- Luongo, F. T., *The saintly politics of Catherine of Siena* (Ithaca, NY, 2006).

- Lupus of Ferrières, *Epistolae*, ed. E. Dümmler, MGH, *Epistolae*, vol. 6 (Berlin, 1925), 1–126, trans. G. W. Regenos, *The letters of Lupus of Ferrières* (The Hague, 1966).
- Luscombe, D. (ed.), *The letter collection of Peter Abelard and Heloise* (Oxford, 2013).
- Maas, M. (ed.), *The Cambridge companion to the age of Justinian* (Cambridge, 2005).
- MacGeorge, P., *Late Roman warlords* (Oxford, 2002).
- Machiavelli, N., *De principatibus*, ed. G. Inglese (Rome, 1994); trans. P. Bondanella, *The prince* (Oxford, 2005). Русский перевод: Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь/Пер. М. А. Юсима. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Mack, C. R., *Pienza* (Ithaca, NY, 1987).
- MacKay, A., 'Popular movements and pogroms in fifteenth-century Castile', *Past and present*, 55 (1972), 33–67.
- *Spain in the middle ages* (London, 1977).
- MacLean, S., *Kingship and politics in the late ninth century* (Cambridge, 2003).
- 'Palaces, itineraries and political order in the post-Carolingian kingdoms', in J. Hudson and A. Rodríguez (eds), *Diverging paths* (Leiden, 2014), 291–320.
- Maddicott, J. R., *The origins of the English parliament, 924–1327* (Oxford, 2010).
- Magdalino, P., *Constantinople médiévale* (Paris, 1996).
- *The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge 1993).
- 'The medieval empire (780–1204)', in C. A. Mango (ed.), *The Oxford history of Byzantium* (Oxford, 2002), 169–208.
- Maguire, H. (ed.), *Byzantine court culture from 829 to 1204* (Washington, 1997).
- Mainoni, P. (ed.), *Politiche finanziarie e fiscali nell'Italia settentrionale (secoli XIII–XV)* (Milan, 2001).
- Mainstone, R. J., *Hagia Sophia* (New York, 1988).
- Maire Vigueur, J.-C., *Cavaliers et citoyens* (Paris, 2003).
- *L'autre Rome* (Paris, 2010).

- Maire Vigueur, J.-C. and E. Faini, *Il sistema politico dei comuni italiani (secoli XII–XIV)* (Milan, 2010).
- Malfatti, C. V. (ed.), *Two Italian accounts of Tudor England* (Barcelona, 1953).
- Mann, N., *Petrarch* (Oxford, 1984).
- Manzano Moreno, E., *Conquistadores, emires y califas* (Barcelona, 2006).
- Map, W., *De nugis curialium*, ed. and trans. M. R. James, 2nd edn (Oxford, 1983).
- Marchal, G. P., 'Die Antwort der Bauern', *Vorträge und Forschungen*, 31 (1987), 757–90.
- *Sempach 1386* (Basel, 1986).
- Markus, R. A., *Gregory the Great and his world* (Cambridge, 1997).
- Margolis, O., *The politics of culture in Quattrocento Europe* (Oxford, 2016).
- Martin, G. H., 'Merton, Walter of (c.1205–1277)', *Oxford dictionary of national biography* (Oxford, 2004).
- Martin, J., *Medieval Russia, 980–1584*, 2nd edn (Cambridge, 2007).
- Martin, J.-M., *La Pouille du VIe au XIIe siècle* (Rome, 1993).
- Martindale, J., "An unfinished business", *Anglo-Norman studies*, 23 (2000), 115–54.
- *Status, authority and regional power* (Aldershot, 1997).
- Martines, L. *The social world of the Florentine humanists, 1390–1460* (London, 1963).
- Marx, K., *The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*, trans. D. Fernbach, *Surveys from exile* (London, 1973), 143–249. Русский перевод: Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения. Т. 8. — М.: Госполитиздат, 1957.
- Masschaele, J., 'Economic takeoff and the rise of markets', in C. Lansing and E. D. English (eds), *A companion to the medieval world* (Oxford, 2009), 89–110.
- *Peasants, merchants, and markets* (New York, 1997).
- McCormick, M., *Eternal victory* (Cambridge, 1986).
- *Origins of the European economy* (Cambridge, 2001).

- McDonnell, E. W., *The beguines and beghards in medieval culture* (New York, 1954).
- McFarlane, K. B., *The nobility of later medieval England* (Oxford, 1973).
- McKitterick, R., *Charlemagne* (Cambridge, 2008).
- *Perceptions of the past in the early middle ages* (Notre Dame, IN, 2006).
- *The Carolingians and the written word* (Cambridge, 1989).
- *The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987* (Harlow, 1983).
- McNamara, J. A. and S. Wemple, 'The power of women through the family in medieval Europe: 500–1100', *Feminist studies*, 3/4 (1973), 126–41.
- McSheffrey, S., 'Heresy, orthodoxy and English vernacular religion, 1480–1525', *Past and present*, 186 (2005), 47–80.
- Meijers, E. M., *Études d'histoire du droit*, vol. 3 (Leiden, 1959).
- Melve, L., *Inventing the public sphere* (Leiden, 2007).
- Menant, F., *Campagnes lombardes au moyen âge* (Rome, 1993).
- *L'Italie des communes (1100–1350)* (Paris, 2005).
- Ménard, P., *Les fabliaux* (Paris, 1983).
- Mengel, D. C., 'A plague on Bohemia?', *Past and present*, 200 (2011), 3–34.
- Menjot, D. and M. Sánchez Martínez (eds), *Fiscalidad de estado y fiscalidad municipal en los reinos hispánicos medievales* (Madrid, 2006).
- Merrills, A. and R. Miles, *The Vandals* (Oxford, 2014).
- Meyer, T., 'The state of the dukes of Zähringen', in G. Barraclough (ed. and trans.), *Medieval Germany, 911–1250*, vol. 2 (Oxford, 1938), 175–202.
- MGH, *Capitularia regum Francorum*, ed. A. Boretius and V. Krause, 2 vols (Hannover, 1883–97).
- MGH, *Epistolae*, vol. 5, ed. K. Hampe et al. (Berlin, 1899).
- MGH, *Epistolae*, vol. 7, ed. E. Caspar et al. (Berlin, 1928).
- MGH, *Formulae Merovingici et Karolini aevi*, ed. K. Zeumer (Hannover, 1886).

- MGH, *Poetae Latini aevi Carolini*, vol. 2, ed. E. Dümmler (Berlin, 1884).
- Milani, G., *I comuni italiani, secoli XII–XIV* (Bari, 2005).
- Miller, M. C., 'The crisis in the Investiture Crisis narrative', *History compass*, 7/6 (2009), 1570–80.
- *The formation of a medieval church* (Ithaca, NY, 1993).
- Miller, W. I., *Bloodtaking and peacemaking* (Chicago, 1990).
- 'Why is your axe bloody?' (Oxford, 2014).
- Mitchell K. and I. Wood (eds), *The world of Gregory of Tours* (Leiden, 2002).
- Molinari, A. (ed.), 'Mondi rurali d'Italia', *Archeologia medievale*, 37 (2010), 11–281.
- Mollat, M., 'Recherches sur les finances des ducs valois de Bourgogne', *Revue historique*, 219 (1958), 285–321.
- Molyneaux, G., *The formation of the English kingdom in the tenth century* (Oxford, 2015).
- Montanari, M., *L'alimentazione contadina nell'alto medioevo* (Naples, 1979).
- Moore, R. I., 'Family, community and cult on the eve of the Gregorian reform', *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., 30 (1980), 49–69.
- *The first European revolution, c. 970–1215* (Oxford, 2000).
- *The war on heresy* (London, 2012).
- *The formation of a persecuting society*, 2nd edn (Oxford, 2007).
- Moorhead, J., *Justinian* (London, 1994).
- *Theoderic in Italy* (Oxford, 1992).
- Moraw, P., *Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung* (Berlin, 1985).
- Morelli, S., 'Note sulla fiscalità diretta e indiretta nel Regno angioino', in C. Massaro and L. Petracca (eds), *Territorio, cultura e poteri nel Medioevo e oltre*, vol. 1 (Galatina, 2011), 389–413.
- Morris, C., *The papal monarchy* (Oxford, 1989).
- Morrison, K. F., *Understanding conversion* (Charlottesville, VA, 1992).
- Morsel, J., *L'aristocratie médiévale* (Paris, 2004).

- Mortensen, P., and B. Rasmussen (eds), *Fra stamme til stat i Danmark*, 2 vols (Højbjerg, 1988–91).
- Moss, R. E., *Fatherhood and its representations in Middle English texts* (Woodbridge, 2013).
- Moustakas, K., 'Byzantine "visions" of the Ottoman empire', in A. Lymberopoulou (ed.), *Images of the Byzantine world* (Farnham, 2011), 215–29.
- Müller, G. (ed.), *Documenti sulle relazioni delle città toscane coll'Oriente cristiano e coi Turchi* (Florence, 1879).
- Müller-Mertens, E., *Karl der Grosse, Ludwig der Fromme, und die Freien* (Berlin, 1963).
- *Regnum Teutonicum* (Berlin-Vienna, 1970).
- Murray, A., *Reason and society in the middle ages* (Oxford, 1978).
- Muscatine, C., *The Old French fabliaux* (New Haven, 1986).
- Myhre, B., 'Chieftains' graves and chieftom territories in south Norway in the migration period', *Studien zur Sachsenforschung*, 6 (1987), 169–87.
- Myking, J. R. and C. Porskrog Rasmussen, 'Scandinavia, 1000–1750', in B. van Bavel and R. Hoyle (eds), *Social Relations: Property and Power* (Turnhout, 2010).
- Naccache, A., *Le décor des églises des villages d'Antiochène du IVe au VIIe siècle* (Paris, 1992).
- Naismith, R., *Money and power in Anglo-Saxon England* (Cambridge, 2012).
- Nedungatt, G., and M. Featherstone (eds), *The Council in Trullo revisited* (Rome, 1995).
- Nef, A. and V. Prigent (eds), *La Sicile de Byzance à l'Islam* (Paris, 2010).
- Negrelli, C., 'Towards a definition of early medieval pottery', in S. Gelichi and R. Hodges (eds), *From one sea to another* (Turnhout, 2012), 393–416.
- Nelson, J. L., 'Aachen as a place of power', in M. de Jong et al. (eds), *Topographies of power in the early middle ages* (Leiden, 2001), 217–41.
- *Charles the Bald* (London, 1992).
- 'How the Carolingians created consensus', in W. Fałkowski and Y. Sassier (eds), *Le monde carolingien* (Turnhout, 2009), 67–81.

- 'Literacy in Carolingian government', in R. McKitterick (ed.), *The uses of literacy in early medieval Europe* (Cambridge, 1990), 258–96.
- *Politics and ritual in early medieval Europe* (London, 1986).
- 'The settings of the gift in the reign of Charlemagne', in W. Davies and P. Fouracre (eds), *The languages of gift in the early middle ages* (Cambridge, 2010), 116–48.
- Neville, L., *Authority in Byzantine provincial society, 950–1100* (Cambridge, 2004).
- *Heroes and Romans in twelfth-century Byzantium* (Cambridge, 2012).
- Ní Mhaonaigh, M., *Brian Boru* (Stroud, 2007).
- Nicéphore, *Discours contre les Iconoclastes*, trans. M.-J. Mondzain-Baudinet (Paris, 1989).
- Nicholas, D., *Medieval Flanders* (Harlow, 1992).
- *The growth of the medieval city* (Abingdon, 1997).
- Nicholls, K. W., *Gaelic and Gaelicized Ireland in the middle ages*, 2nd edn (Dublin, 2003).
- Nicholson, R., *Scotland: the later middle ages* (Edinburgh, 1974).
- Nicol, D. M., *The last centuries of Byzantium, 1261–1453*, 2nd edn (Cambridge, 1993).
- Nielsen, P. O. et al. (eds), *The archaeology of Gudme and Lundeberg* (Copenhagen, 1994).
- Nirenberg, D., *Communities of violence* (Princeton, 1996).
- Noble, T. F. X., *The Republic of St. Peter* (Philadelphia, 1984).
- (ed.), *From Roman province to medieval kingdoms* (London, 2006).
- Noble, T. F. X. and J. Van Engen (eds), *European transformations* (Notre Dame, IN, 2012).
- Notker, *Gesta Karoli magni imperatoris*, ed. H. F. Häfele, MGH, *Scriptores rerum Germanicarum*, N. S., vol. 12 (Berlin, 1959). Русский перевод фрагментов в книге: *Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX века*. — М.: Наука, 2006.
- Nowakowska, N., *Church, state and dynasty in Renaissance Poland* (Aldershot, 2007).

- Ó Corráin, D., *Ireland before the Normans* (Dublin, 1972).
- O'Callaghan, J. F., *The cortes of Castile-León, 1188–1350* (Philadelphia, 1989).
- Oldfield, P., *City and community in Norman Italy* (Cambridge, 2009).
- Olesen, J. E., 'Inter-Scandinavian relations', in K. Helle (ed.), *The Cambridge history of Scandinavia*, vol. 1 (Cambridge, 2003), 710–70.
- Oliva Herrer, H. R. et al. (eds), *La comunidad medieval como esfera pública* (Seville, 2014).
- Ormrod, W. M., 'England in the middle ages', in Bonney, *The rise of the fiscal state*, 19–52.
- 'The west European monarchies in the later middle ages', in Bonney, *Economic systems*, 123–60.
- Ormrod, W. M. and J. Barta, 'The feudal structure and the beginnings of state finance', in Bonney, *Economic systems*, 53–79.
- Orning, H. J., *Unpredictability and presence* (Leiden, 2008).
- Oschema, K., *Bilder von Europa im Mittelalter* (Ostfildern, 2013).
- Ostrowski, D., *Muscovy and the Mongols* (Cambridge, 1998).
- Ousterhout, R., *The art of the Kariye Camii* (London, 2002).
- Padoa-Schioppa, A., *Il diritto nella storia d'Europa*, vol. 1 (Padua, 1995).
- Palliser, D. M. (ed.), *The Cambridge urban history of Britain*, vol. 1 (Cambridge, 2008).
- Palmer, J. T., 'Defining paganism in the Carolingian world', *EME*, 15 (2007), 402–25.
- *The Apocalypse in the early middle ages* (Cambridge, 2014).
- Panella, C., 'Merci e scambi nel Mediterraneo in età tardoantica', in A. Carandini et al. (eds), *Storia di Roma*, vol. 3.2 (Turin, 1993), 613–97.
- Panero, F., *Schiavi servi e villani nell'Italia medievale* (Turin, 1999).
- Pantos, A., 'In medle oððe an þinge', in eadem and S. Semple (eds), *Assembly places and prac-tices in medieval Europe* (Dublin, 2004), 180–201.
- Papaioannou, S., *Michael Psellos: rhetoric and authorship in Byzantium* (Cambridge, 2013).
- Paravicini Bagliani, A., *Il trono di Pietro* (Rome, 1996).

- Parisse, M., 'Leone IX, papa, santo', in *Dizionario biografico degli Italiani*, vol. 64 (Rome, 2005), 507–13.
- Parsons, J. C., 'Isabella (1295–1358)', *Oxford dictionary of national biography* (Oxford, 2004).
- Parthasarathi, P., *Why Europe grew rich and Asia did not* (Cambridge, 2011).
- Partner, P., 'The "budget" of the Roman church in the Renaissance period', in E. F. Jacob (ed.), *Italian Renaissance studies* (London, 1960), 256–78.
- Paschasius Radbert, *Epitaphium Arsenii*, ed. E. Dümmler, *Philosophische und historische Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 2 (1900), 1–98, trans. A. Cabaniss, *Charlemagne's cousins* (Syracuse, NY, 1967).
- Passio prima Leudegarii episcopi Augustodunensis, ed. B. Krusch, *MGH, Scriptores rerum Merovingicarum*, vol. 5 (Hannover, 1910), 282–322, trans. P. Fouracre and R. A. Gerberding, *Late Merovingian France* (Manchester, 1996), 193–253.
- Pastor, R., *Resistencias y luchas campesinas en la época de crecimiento y consolidación de la formación feudal* (Madrid, 1980).
- Patzold, S., *Das Lehnswesen* (Munich, 2012) Patzold, S., *Ich und Karl der Grosse* (Stuttgart, 2013).
- Pécout, T. (ed.), *Quand gouverner c'est enquêter* (Paris, 2010).
- Pedersen, F., 'A good and sincere man... even though he looked like a Slav', *Mediaeval Scandinavia*, 20 (2010), 141–62.
- Pegg, M. G., *A most holy war* (Oxford, 2008).
- *The corruption of angels* (Princeton, 2001).
- Pérez Sanchez, D., *El ejército en la sociedad visigoda* (Salamanca, 1989).
- Peterson, J. L., 'Holy heretics in later medieval Italy', *Past and present*, 204 (2009), 3–31.
- Petrocchi, G., 'Biografia', *Enciclopedia dantesca: appendice* (Rome, 1978), 3–53.
- Phillips, J., *The Fourth Crusade and the sack of Constantinople* (London, 2005).
- Pirenne, H., *Histoire de Belgique*, vol. 1, 5th edn (Brussels, 1929).

- Mohammed and Charlemagne (London, 1939). Русский перевод: Пиренн А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. — М.: Центрполиграф, 2011.
- Pixton, P. B., *The German episcopacy and the implementation of the decrees of the Fourth Lateran Council, 1216–1245* (Leiden, 1995).
- Pohl, W., 'Frontiers in Lombard Italy', in idem et al. (eds), *The transformation of frontiers* (Leiden, 2001), 117–41.
- Pohl, W. and P. Erhart (eds), *Die Langobarden* (Vienna, 2005).
- Pohl, W. and G. Heydemann (eds), *Strategies of identification* (Turnhout, 2013).
- Pollard, A., 'The people, politics and the constitution in the fifteenth century', in R. W. Kaeuper (ed.), *Law, governance and justice* (Leiden, 2013), 311–28.
- Pollock, F. and F. W. Maitland, *The history of English law before the time of Edward I*, 2 vols (Cambridge, 1898).
- Poloni, A., *Trasformazioni della società e mutamenti delle forme politiche in un Comune italiano* (Pisa, 2004).
- Poly, J.-P. and É. Bournazel, *The feudal transformation, 900–1200* (New York, 1991).
- Pomeranz, K., *The great divergence* (Princeton, 2000).
- Portass, R., 'All quiet on the western front?', *EME*, 21 (2013), 283–306.
- Pössel, C., 'Authors and recipients of Carolingian capitularies, 779–829', in R. Corradini et al. (eds), *Texts and identities in the early middle ages* (Vienna, 2006), 253–74.
- Postan, M., *The medieval economy and society* (London, 1972).
- Poulsen, B. and S. M. Sindbaek (eds), *Settlement and lordship in Viking and early medieval Scandinavia* (Turnhout, 2011).
- Prater, E. S., *Curia and cortes in León and Castile* (Cambridge, 1980).
- Prestwich, M., *Plantagenet England 1225–1360* (Oxford, 2005).
- Prigent, V., 'The mobilisation of fiscal resources in the Byzantine empire (eighth to eleventh centuries)', in J. Hudson and A. Rodríguez (eds), *Diverging paths* (Leiden, 2014), 182–229.
- Prinz, F., *Klerus und Krieg im früheren Mittelalter* (Stuttgart, 1971).
- Provero, L., *L'Italia dei poteri locali* (Rome, 1998).

- Pryor, J., 'Foreign policy and economic policy', in L. O. Frappell (ed.), *Principalities, powers and estates* (Adelaide, 1980), 43–55.
- Psellos, M., *Chronographia*, trans. E. R. A. Sewter, *Fourteen Byzantine rulers* (London, 1966). Русский перевод: Михаил Пселл. *Хронография. Краткая история*/Пер. Я. Н. Любарского, Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой. — СПб.: Алетея, 2003.
- Puin, G.-R., *Der Diwān von 'Umar ibn al-Haṭṭāb* (Bonn, 1970).
- Purkis, W. J., *Crusading spirituality in the Holy Land and Iberia*, c.1095 — c.1187 (Woodbridge, 2008).
- Quaglioni, D., *Politica e diritto nel Trecento italiano* (Florence, 1983).
- Raccagni, G., *The Lombard league, 1167–1225* (Oxford, 2010) Raine, M., '“Fals flesch”', *New Medieval Literatures*, 7 (2005), 101–26.
- Randsborg, K., *The Viking age in Denmark* (London, 1980).
- Rapp, C., *Holy bishops in late antiquity* (Berkeley, 2005).
- Rawcliffe, C., *Leprosy in medieval England* (Woodbridge, 2006).
- Recht, R. (ed.), *Les bâtisseurs des cathédrales gothiques* (Strasbourg, 1989).
- Redon, O., 'Seigneurs et communautés rurales dans le contado de Sienne au XIIIe siècle', *Mélanges de l'École française de Rome: moyen âge*, 91 (1979), 149–96, 619–57.
- Reimitz, H., *History, Frankish identity and the framing of Western ethnicity, 550–850* (Cambridge, 2015).
- Reuter, T., 'Assembly politics in western Europe from the eighth century to the twelfth', in P. Linehan and J. L. Nelson (eds), *The medieval world* (London, 2001), 432–50.
- *Germany in the early middle ages, c. 800–1056* (London, 1991).
- 'Gifts and simony', in E. Cohen and M. de Jong (eds), *Medieval transformations* (Leiden, 2000), 157–68.
- *Medieval politics and modern mentalities*, ed. J. L. Nelson (Cambridge, 2006).
- Rexroth, F., *Deviance and power in late medieval London* (Cambridge, 2007).
- Reyerson, K., 'Urban economies', in Bennett and Karras, *The Oxford handbook of women and gender*, 295–310.
- Reynolds, S., *Fiefs and vassals* (Oxford, 1994).

- Kingdoms and communities in western Europe, 900–1300 (Oxford, 1984).
- 'There were states in medieval Europe', *Journal of historical sociology*, 16 (2003), 550–5.
- Riché, P., *Écoles et enseignement dans le haut moyen âge* (Paris, 1989).
- Gerbert d'Aurillac (Paris, 1987).
- Rimbert, Vita Anskarii, ed. G. Waitz, MGH, *Scriptores rerum Germanicarum*, vol. 55 (Hannover 1884).
- Rio, A., *Slavery after Rome, 500–1100* (Oxford, 2016).
- Ripoll, G. and J. M. Gurt (eds), *Sedes regiae* (ann. 400–800) (Barcelona, 2000).
- Rist, R., *Popes and Jews, 1095–1291* (Oxford, 2016).
- Rizzi, A., (ed.), *Statuta de ludo* (Rome, 2012).
- Roach, L., *Kingship and consent in Anglo-Saxon England, 871–978* (Cambridge, 2013).
- Robert of Torigni, *Chronica*, ed. R. Howlett, *Chronicles of the reigns of Stephen, Henry II and Richard I*, vol. 4 (London, 1889).
- Robertson, A. J. (ed.), *Anglo-Saxon charters* (Cambridge 1939).
- Robinson, C. F., *Islamic historiography* (Cambridge, 2003).
- Robinson, I. S., *Henry V of Germany, 1056–1106* (Cambridge, 1999).
- *The papacy 1073–1198* (Cambridge, 1990).
- Rodríguez, López, A., *La consolidación territorial de la monarquía feudal castellana* (Madrid, 1994).
- *La estirpe de Leonor de Aquitania* (Barcelona, 2014).
- Roesdahl, E., *The Vikings* (London, 1987).
- Rollo-Koster, J. and T. M. Izbicki (eds), *A companion to the Great western schism (1378–1417)* (Leiden, 2009).
- Roper, L., *Oedipus and the Devil* (London, 1994).
- *The holy household* (Oxford, 1989).
- Rosenwein, B., *A short history of the middle ages*, 3rd edn (Toronto, 2009).
- *Rhinoceros bound* (Philadelphia, 1982).
- 'The family politics of Berengar I, king of Italy (888–924)', *Speculum*, 71 (1996), 247–89.

- Rosser, G., *The art of solidarity in the middle ages* (Oxford, 2015).
- Rowell, S. C., *Lithuania ascending* (Cambridge, 1994).
- Rubellin, M., *Église et société chrétienne d'Agobard à Valdès* (Lyon, 2003).
- Rubin, M., *Corpus Christi* (Cambridge, 1991).
- *Gentile tales* (Philadelphia, 1999).
- *The hollow crown* (London, 2005).
- Rubin, M. and W. Simons (eds), *The Cambridge history of Christianity*, vol. 4 (Cambridge, 2009).
- Ruggiero, G., *The Renaissance in Italy* (Cambridge, 2015).
- Runciman, S., *A history of the Crusades*, 3 vols (Cambridge, 1951–54).
- Rustow, M., *Heresy and the politics of community* (Ithaca, NY, 2008).
- Ryan, M., 'Bartolus of Sassoferrato and free cities', *Transactions of the Royal Historical Society*, 6 ser., 10 (2000), 65–89.
- Sabapathy, J., 'Accountable rectores in comparative perspective', in A. Béranger and F. Lachaud (eds), *Hiérarchie des pouvoirs, délégation de pouvoir et responsabilité des administrateurs dans l'antiquité et au moyen âge* (Metz, 2012), 201–30.
- Sabapathy, J., *Officers and accountability in medieval England 1170–1300* (Oxford, 2014).
- Sablonier, R., 'The Swiss confederation', *NCMH*, vol. 7 (1998), 645–70.
- Sackville, L., *Heresy and heretics in the thirteenth century* (York, 2011).
- Sadeghi, B. and M. Goudarzi, 'Šanʿā ʾī and the origins of the Qurʾān', *Der Islam*, 87 (2012), 1–129.
- Sales i Favà, Ll., 'Suing in a local jurisdictional court in late medieval Catalonia', *Continuity and change*, 29 (2014), 49–81.
- Salvatori, E., *La popolazione pisana nel Duecento* (Pisa, 1994).
- Salvestrini, F., (ed.), *L'Italia alla fine del medioevo*, vol. 1 (Florence, 2006).
- Sanders, G. D. R., 'Corinth', in Laiou, *The economic history*, vol. 2, 647–54.
- Sanders, P., *Ritual, politics and the city in Fatimid Cairo* (Albany, NY, 1994).
- Sansterre, J.-M., *Les moines grecs et orientaux à Rome aux époques byzantine et carolingienne* (Brussels, 1983).

- Sapori, A., *La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi* (Florence, 1926).
- Sarris, P., *Economy and society in the age of Justinian* (Cambridge, 2006).
- *Empires of faith, 500–700* (Oxford, 2011).
- Sassier, Y., 'L'utilisation d'un concept romain aux temps carolingiens', *Médiévales*, 15 (1988), 17–29.
- Sawyer, B. and P. Sawyer, *Medieval Scandinavia* (Minneapolis, 1993).
- Sawyer, P., 'Kings and royal power', in Mortensen and Rasmussen, *Fra stamme til stat*, vol. 2, 282–8.
- (ed.), *The Oxford illustrated history of the Vikings* (Oxford, 1997).
- Sayers, J., *Innocent III* (London, 1994).
- Scales, L., *The shaping of German identity* (Cambridge, 2012).
- Scase, W., "Strange and wonderful bills", in R. Copeland et al. (eds), *New medieval literatures*, vol. 2 (Oxford, 1998), 225–47.
- Schieffer, R., *Die Entstehung des päpstlichen Investiturverbots für den deutschen König* (Stuttgart, 1981).
- Schmitt, O. J., 'Les hommes et le pouvoir', in idem, *au moyen âge tardif* (Paris, Collège de France, 2011), online edn at <http://books.openedition.org/cdf/1511>, accessed 12 July 2015. Korčula sous la domination de Venise au XVe siècle: pouvoir, économie et vie quotidienne dans une île dalmate
- Schneidmüller, B., *Die Welfen* (Stuttgart, 2000).
- Scholz, S., *Politik — Selbstverständnis — Selbstdarstellung* (Stuttgart, 2006).
- Scott, T., *The city-state in Europe, 1000–1600* (Oxford, 2012).
- 'The economic policies of the regional city-states of Renaissance Italy', *Quaderni storici*, 49 (2014), 219–63.
- Scull, C., 'Urban centres in pre-Viking England?', in J. Hines (ed.), *The Anglo-Saxons from the migration period to the eighth century* (Woodbridge, 1997), 269–310.
- Seibt, F., 'Die Zeit der Luxemburger und der hussitischen Revolution', in K. Bosl (ed.), *Handbuch der Geschichte der böhmischen Länder*, vol. 1 (Stuttgart, 1967), 351–568.

- Seidel, I., *Byzanz im Spiegel der literarischen Entwicklung Frankreichs im 12. Jahrhundert* (Frankfurt, 1977).
- Semple, S., 'Sacred spaces and places in pre-Christian and conversion period Anglo-Saxon England', in H. Hamerow et al. (eds), *The Oxford handbook of Anglo-Saxon archaeology* (Oxford, 2011), 742–63.
- Senatore, F., 'The kingdom of Naples', in Gamberini and Lazzarini, *The Italian Renaissance state*, 30–49.
- Ševčenko, I., 'Re-reading Constantine Porphyrogenitus', in J. Shepard and S. Franklin (eds), *Byzantine diplomacy* (Aldershot, 1992), 167–95.
- Shepard, J., 'Bulgaria', NCMH, vol. 3 (1999), 567–85.
- (ed.), *The Cambridge history of the Byzantine empire, c. 500–1492* (Cambridge, 2008).
- Shepard, J. and S. Franklin, *The emergence of Rus, 750–1200* (London, 1996).
- Sidonius Apollinaris, *Carmina and Epistolae*, ed. and trans. W.B. Anderson, *Poems and letters*, 2 vols (Cambridge, MA, 1936–65).
- Русский перевод фрагментов в книге: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. — М.: Наследие, 1998.
- Signes Codoñer, J., *The emperor Theophilos and the east, 829–842* (Farnham, 2014).
- Simms, K., *From kings to warlords* (Woodbridge, 1987).
- Simons, W., *Cities of ladies* (Philadelphia, 2001).
- Sizgorich, T., 'Narrative and community in Islamic late antiquity', *Past and present*, 185 (2004), 9–42.
- Skinner, P., *Medieval Amalfi and its diaspora, 800–1250* (Oxford, 2013).
- *Women in medieval Italian society, 500–1200* (Harlow, 2001).
- Skinner, Q., *The foundations of modern political thought*, vol. 1 (Cambridge, 1978).
- Skoda, H., *Medieval violence* (Oxford, 2013).
- 'La Vierge et la vieille', in T. Kouamé (ed.), *Experts et expertise au Moyen Âge* (Paris, 2012), 299–311.

- Skovgaard-Petersen, I., 'The making of the Danish kingdom', in K. Helle (ed.), *The Cambridge history of Scandinavia*, vol. 1 (Cambridge, 2003), 163–83.
- Šmahel, F., *Die hussitische Revolution*, 3 vols (Hannover, 2002).
- Small, G., *Late medieval France* (Basingstoke, 2009).
- Smith, J. M. H., 'Einhard: the sinner and the saints', *Transactions of the Royal Historical Society*, 13 (2003), 55–77.
- *Europe after Rome* (Oxford, 2005).
- 'Rulers and relics c. 750–950', *Past and present*, supplement 5 (2010), 73–96.
- Snorri Sturluson, *Heimskringla*, ed. Bjarni Aðalbjarnarson, 3 vols, Íslenzk fornrit, vols 26–28 (Reykjavík, 1941–51): *Hákona saga goða* (vol. 1, 150–97), *Óláfs saga Tryggvasonar* (vol. 1, 225–372), *Óláfs saga ins Helga* (vol. 2); trans. L. M. Hollander (Austin, TX, 1964).
Русский перевод: Стурлусон С. Круг Земной. — М.: Наука, 1980.
- Southern, R. W., *Saint Anselm* (Cambridge, 1990).
- *Scholastic humanism and the making of Europe*, 2 vols (Oxford, 1995–2001).
- *The making of the middle ages* (London, 1953).
- *Western society and the church in the middle ages* (London, 1970).
- Spiegel, G. M., *Romancing the past* (Berkeley, 1993).
- Spufford, P., *Money and its use in medieval Europe* (Cambridge, 1988).
- *Power and profit* (New York, 2002).
- Squatriti, P., 'Digging ditches in early medieval Europe', *Past and present*, 176 (2002), 11–65.
- Stafford, P., *Queen Emma and Queen Edith* (Oxford, 1997).
- *Queens, concubines and dowagers* (London, 1983).
- *Unification and conquest* (London, 1989).
- Stancliffe, C., 'Religion and society in Ireland', *NCMH*, vol. 1 (2005), 397–425.
- Statuta sive leges municipales Arelatis*, ed. C. Giroud, *Essai sur l'histoire du droit français au Moyen Âge*, vol. 2 (Paris, 1846), 185–245.
- Stephenson, P., *Byzantium's Balkan frontier* (Cambridge, 2000).

- Stevenson, K., *Power and propaganda* (Edinburgh, 2014).
- Stock, B., *The implications of literacy* (Princeton, 1983).
- Stokes, L., *Demons of urban reform* (Basingstoke, 2011).
- Stone, R., *Morality and masculinity in the Carolingian empire* (Cambridge, 2011).
- Stone, R. and C. West (eds), *Hincmar of Rheims* (Manchester, 2015).
- Storia medievale* (Rome, 1998).
- Story, J., *Carolingian connections* (Aldershot, 2003).
- (ed.), *Charlemagne* (Manchester, 2005).
- Strayer, J. R., *The reign of Philip the Fair* (Princeton, 1980).
- Strohm, P., *Social Chaucer* (Cambridge, MA, 1989).
- Stuard, S. M., *A state of deference* (Philadelphia, 1992).
- 'Brideprice, dowry, and other marital assigns', in Bennett and Karras, *The Oxford hand-book of women and gender*, 148–62.
- Sumption, J., *The Hundred Years War*, 4 vols (London, 1990–2015).
- Sverris saga, ed. Thorleifur Hauksson, *Íslensk fornrit*, vol. 30 (Reykjavík, 2007). Русский перевод: *Сага о Сверрире*. — М.: Наука, 1988.
- Swanson, R. N., *Religion and devotion in Europe, c.1215 — c.1515* (Cambridge, 1995).
- *Universities, academics and the Great Schism* (Cambridge, 1979).
- Sykes, K., *Inventing Sempringham* (Berlin, 2011).
- Tabacco, G., *The struggle for power in medieval Italy* (Cambridge, 1989).
- Tabacco, G., and G. G. Merlo, *Medioevo* (Bologna, 1981).
- Takayama, H., *The administration of the Norman kingdom of Sicily* (Leiden, 1993).
- Tanner, N. P. (ed.), *Decrees of the ecumenical councils*, vol. 1 (London, 1990).
- Tanner, R., *The late medieval Scottish parliament* (East Linton, 2001).
- Taylor, A., *The shape of the state in medieval Scotland* (Oxford, 2016).
- Taylor, Cl., *Heresy, crusade and inquisition in medieval Quercy* (Woodbridge, 2011).
- Taylor, Cr., *Joan of Arc: la Pucelle* (Manchester, 2006).
- 'War, propaganda and diplomacy in fifteenth-century France and England', in C. Allmand (ed.), *War, government and power in late medieval France* (Liverpool, 2000), 70–91.

- TeBrake, W. H., *A plague of insurrection* (Philadelphia, 1993).
- Tellenbach, G., 'Die geistigen und politischen Grundlagen der karolingischen Thronfolge', *Frühmittelalterliche Studien*, 13 (1979), 184–302.
- *Königtum und Stamme in der Werdenzeit des deutschen Reiches* (Weimar, 1939).
- *The church in western Europe from the tenth to the early twelfth century* (Cambridge, 1993).
- Teuscher, S., *Lords' rights and peasant stories* (Philadelphia, 2012).
- The Book of Margery Kempe*, ed. B. Windeatt (Cambridge, 2004); trans. A. Bale (Oxford, 2015).
- The Cambridge economic history of Europe*, vols 1, 2 (2nd edn) and 3, ed. M. M. Postan et al. (Cambridge, 1963–87).
- The new Cambridge medieval history*, 7 vols (Cambridge, 1995–2005) [NCMH].
- Thietmar of Merseburg, *Chronicon*, ed. R. Holtzmann, MGH, *Scriptores rerum Germanicarum*, N. S., vol. 9 (Berlin, 1935), trans. D. A. Warner, *Ottonian Germany* (Manchester, 2001). Русский перевод: Титмар Мерзебургский. Хроника. — М.: Русская панорама, 2009.
- Thomas, L., 'La vie privée de Guillaume de Nogaret', *Annales du Midi*, 16 (1904), 161–207.
- Thompson, A., *Francis of Assisi* (Ithaca, NY, 2012).
- *Revival preachers and politics in thirteenth-century Italy* (Oxford, 1992).
- Tibi, A. T., *The Tibyān: memoirs of 'Abd Allāh b. Buluggīn, last Zīrid amīr of Granada* (Leiden, 1986).
- Titone, F., 'The kingdom of Sicily', in Gamberini and Lazzarini, *The Italian Renaissance state*, 9–29.
- To eparchikon biblion, the Book of the Eparch, le livre du préfet* (London, 1970). Русский перевод: Византийская Книга Эпарха/ Вступ. статья, пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. — М.: Издательство восточной литературы, 1962.
- Torre, A., *Il consumo di devozioni* (Venice, 1995).

- Toubert, P., 'Les statuts communaux et l'histoire des campagnes lombardes au XIVe siècle', *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 72 (1960), 397–508.
- *Les structures du Latium médiéval* (Rome, 1973).
- *L'Europe dans sa première croissance* (Paris, 2004).
- Tout, T. F., *Chapters in the administrative history of mediaeval England*, vol. 2 (Manchester, 1920).
- Trexler, R. C., *Public life in Renaissance Florence* (New York, 1980).
- Tyerman, C., *God's war* (London, 2006).
- Urbańczyk, P. and S. Rosik, 'Poland', in Berend, *Christianization*, 263–318.
- Valdeón Baroque, J., *Los conflictos sociales en el reino de Castilla en los siglos XIV y XV* (Madrid, 1975).
- Vale, M., *The princely court* (Oxford, 2001).
- Valente, C., 'The deposition and abdication of Edward II', *English historical review*, 113 (1998), 852–81.
- Valenti, M., *L'insediamento altomedievale nelle campagne toscane* (Florence, 2004).
- Vallejo Triano, A., *Madinat al-Zahra* (Seville, 2004).
- Vallerani, M., *Medieval public justice* (Washington, DC, 2012).
- van Bavel, B., *Manors and markets* (Oxford, 2010).
- Van Dam, R., *Leadership and community in late antique Gaul* (Berkeley, 1985).
- Van Engen, J. H., *Sisters and brothers of the common life* (Philadelphia, 2008).
- Vauchez, A., *Francis of Assisi* (New Haven, 2012).
- 'The Church and the laity', *NCMH*, vol. 5 (1999), 182–203.
- *The laity in the middle ages* (Notre Dame, IN, 1993).
- Verhulst, A., *The Carolingian economy* (Cambridge, 2002).
- *The rise of cities in north-west Europe* (Cambridge, 1999).
- Vie de Théodore de Sykéôn, ed. A.-J. Festugière, 2 vols (Brussels, 1970).
- Русский перевод: Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители/Пер., предисл. и коммент. Д. Е. Афиногенова. — М.: Индрик, 2005.

- Vignoli, P. (ed.), *I costituti della legge e dell'uso di Pisa* (sec. XII) (Rome, 2003).
- Viguera Molins, M. J. (ed.), *Los reinos de Taifas: Al-Andalus en el siglo XI* (Madrid, 1994).
- Villalon, L. J. A. and D. J. Kagay (eds), *The Hundred Years War: a wider focus* (Leiden, 2005).
- Violante, C., 'I laici nel movimento patarino' in *I laici nella «societas cristiana» dei secoli XI e XII* (Milan, 1968), 587–687.
- Vita sanctae Geretrudis*, ed. B. Krusch, MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*, vol. 2 (Hannover, 1888), 447–74, trans. P. Fouracre and R. A. Gerberding, *Late Merovingian France* (Manchester, 1996), 301–26.
- Vollrath, H., 'Sutri 1046 — Canossa 1077 — Rome 1111', in *Noble and Van Engen, European transformations*, 132–70.
- von Euw, A. and P. Schreiner (eds), *Kaiserin Theophanu* (Cologne, 1991).
- Waddell, H., *The wandering scholars of the middle ages* (London, 1932).
- Wagner, D. M. et al., 'Yersinia pestis and the plague of Justinian 541–543 AD: a genomic analysis', *The Lancet infectious diseases*, 14.4 (2014), 319–26.
- Waley, D. and T. Dean, *The Italian city-republics*, 4th edn (Harlow, 2010).
- Wallace, D., *Chaucerian polity* (Stanford, 1997).
- Walmsley, A., *Early Islamic Syria* (London, 2007).
- Walsham, A., *The Reformation of the landscape* (Oxford, 2011).
- Wamers, E., *Die frühmittelalterlichen Lesefunde aus der Löhrrstrasse (Baustelle Hilton II) in Mainz* (Mainz, 1994).
- Ward-Perkins, B., *The fall of Rome and the end of civilization* (Oxford, 2005).
- Wasserstein, D., *The rise and fall of the party-kings* (Princeton, 1985).
- Watanabe, M., *The political ideas of Nicholas of Cusa* (Geneva, 1963).
- Watson, A., *The evolution of law* (Oxford, 1985).
- Watts, J., *Henry VI and the politics of kingship* (Cambridge, 1996).
- 'Ideas, principles and politics', in A. J. Pollard (ed.), *The Wars of the Roses* (Basingstoke, 1995), 110–33, 234–7.

- The making of polities (Cambridge, 2009).
- 'The pressure of the public on later medieval politics', in L. Clark and C. Carpenter (eds), *Political culture in late medieval Britain* (Woodbridge, 2004), 159–80.
- Wemple, S. and J. A. McNamara, 'The power of women through the family in medieval Europe, 500–1100', *Feminist studies*, 1 (1973), 126–41.
- Wei, I. P., *Intellectual culture in medieval Paris* (Cambridge, 2012).
- Werner, K. F., 'Important noble families in the kingdom of Charlemagne', in T. Reuter (ed.), *The medieval nobility* (Amsterdam, 1975), 137–202.
- *Les origines avant l'an Mil* (Paris, 1984).
- 'Missus-marchio-comes', in W. Paravicini and K. F. Werner (eds), *Histoire comparée de l'administration (IVe — XVIIIe siècles)* (Munich, 1980), 191–239.
- Werner, M., *Der Lütticher Raum in frühkarolingischer Zeit* (Göttingen, 1980).
- West, C., 'Competing for the Holy Spirit', in P. Depreux et al. (eds), *Compétition et sacré au haut moyen âge* (Turnhout, 2015), 347–60.
- 'Lordship in ninth-century Francia', *Past and present*, 226 (2015), 3–40.
- *Reframing the feudal revolution* (Cambridge, 2013).
- Whaley, J., *Germany and the Holy Roman Empire*, vol. 1 (Oxford, 2012).
- Whelan, R., *Being Christian in Vandal Africa* (in press).
- White, S. D., *Feuding and peace-making in eleventh-century France* (Aldershot, 2005).
- *Re-thinking kinship and feudalism in early medieval Europe* (Aldershot, 2005).
- Whittaker, C. R., *Frontiers of the Roman empire* (Baltimore, 1994).
- Whittle, J., *The development of agrarian capitalism* (Oxford, 2000).
- Whittow, M., 'The Byzantine economy (600–1204)', in Shepard, *The Cambridge history of the Byzantine empire*, 465–92.
- *The making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (Basingstoke, 1996).
- Wickham, C., *Community and clientele in twelfth-century Tuscany* (Oxford, 1998).

- 'Consensus and assemblies in the Romano-Germanic kingdoms', *Vorträge und Forschungen*, 82 (2016, in press).
- Courts and conflict in twelfth-century Tuscany (Oxford, 2003).
- Early medieval Italy (London, 1981).
- Framing the early middle ages (Oxford, 2005).
- 'Le forme del feudalesimo', *Settimane di studio*, 47 (2000), 15–51.
- 'Lineages of western European taxation, 1000–1200', in M. Sánchez and A. Furió (eds), *Actes, Col·loqui Corona, municipis i fiscalitat a la baixa Edat Mitjana* (Lleida, 1997), 25–42.
- Medieval Rome (Oxford, 2015).
- 'Ninth-century Byzantium through western eyes', in L. Brubaker (ed.), *Ninth-century Byzantium: dead or alive?* (Aldershot, 1998), 245–56.
- Sleepwalking into a new world (Princeton, 2015).
- 'Social structures in Lombard Italy', in Ausenda et al., *The Langobards*, 118–48.
- 'Space and society in early medieval peasant conflicts', *Settimane di studio*, 50 (2003), 551–87.
- 'The early middle ages and national identity', in N. Fryde et al. (eds), *Die Deutung der mittelalterlichen Gesellschaft in der Moderne* (Göttingen, 2006), 107–22.
- 'The "feudal revolution" and the origins of Italian city communes', *Transactions of the Royal Historical Society*, 6th ser., 24 (2014), 29–55.
- The inheritance of Rome (London, 2009).
- William Fitz Stephen, *Vita Sancti Thomae*, ed. J. C. Robertson, *Materials for the history of Thomas Becket*, vol. 3 (London, 1877), 1–154.
- Williams, A., *Kingship and government in pre-conquest England, c.500–1066* (Basingstoke, 1999).
- The world before Domesday (London, 2008).
- Inkelmann, F., *Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert* (Berlin, 1987).
- Inroth, A., *The conversion of Scandinavia* (New Haven, 2012).

- Witt, R. G., *The two Latin cultures and the foundation of Renaissance humanism in medieval Italy* (Cambridge, 2012).
- Wolff, P., 'The 1391 pogrom in Spain', *Past and present*, 50 (1971), 4–18.
- Wolfram, H., and W. Pohl (eds), *Typen der Ethnogenese*, 2 vols (Vienna, 1990).
- Wood, I., 'Administration, law and culture in Merovingian Gaul', in R. McKitterick (ed.), *The uses of literacy in early medieval Europe* (Cambridge, 1990), 63–81.
- *Gregory of Tours* (Oxford, 1994).
- *The Merovingian kingdoms, 450–751* (Harlow, 1994).
- *The missionary life* (Harlow, 2001).
- *The modern origins of the early middle ages* (Oxford, 2013).
- Wood, S., *The proprietary church in the medieval West* (Oxford, 2006).
- Wormald, J., 'Scotland: 1406–1513', *NCMH*, vol. 7 (1998), 513–41.
- Wormald, P., *The making of English law*, vol. 1 (Oxford, 1999).
- (ed.), *Lay intellectuals in the Carolingian world* (Cambridge, 2007).
- Wright, T. (ed.), *Political poems and songs relating to English history, composed during the period from the accession of EDW. III to that of RIC. III*, vol. 2 (London, 1861).
- Y Gododdin, in I. Williams (ed.), *Canu Aneirin* (Cardiff, 1938), trans. K. Jackson, *The Gododdin* (Edinburgh, 1969).
- Yorke, B., *The conversion of Britain, 600–800* (Harlow, 2006).
- Young, M. J. L. et al. (eds), *Religion, learning and science in the 'Abbasid period* (Cambridge, 1990).
- Zanella, G., *Heretitalia* (Spoleto, 1995).
- Zanini, E., *Le Italie bizantine* (Bari, 1998).
- Zavagno, L., *Cities in transition* (Oxford, 2009).
- Zerner, M. (ed.), *Inventer l'hérésie?* (Nice, 1998).
- Zorzi, A., 'Giustizia criminale e criminalità nell'Italia del tardo medioevo', *Società e storia*, 46 (1989), 923–65.
- Zotz, T., 'Die Formierung der Ministerialität', in S. Weinfurter (ed.), *Die Salier und das Reich*, vol. 3 (Sigmaringen, 1992), 3–50.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Новый взгляд на Средние века

- 1 Лучший, на мой взгляд, учебник (на самом деле больше чем учебник) — B. Rosenwein, *A short history of the middle ages* (2009). Другие ключевые интерпретации см. G. Tabacco and G. G. Merlo, *Medioevo* (1981); J. H. Arnold, *What is medieval history?* (2008) и два сборника на уровне выше среднего — *Storia medievale* (1998) и C. Lansing and E. D. English, *A companion to the medieval world* (2009). Более короткие периоды см.: M. Innes, *Introduction to early medieval western Europe, 300–900* (2007) и J. M. H. Smith, *Europe after Rome* (2005) о раннем Средневековье; R. Bartlett, *The making of Europe* (1993) и M. Barber, *The two cities* (2004) о классическом Средневековье; J. Watts, *The making of polities* (2009) о позднем Средневековье. C. Wickham, *The inheritance of Rome* (2009) также охватывает первую половину Средневековья, но подробнее, чем в данной книге, в которой более 60% материала посвящено второй половине средневекового периода. Дополнительно о раннем Средневековье см. Wickham, *The inheritance*.
Примечание: на протяжении всей книги я буду ссылаться на авторитетные источники на разных языках, но при отсылках к обзорным материалам предпочтение будет отдаваться англоязычным.
- 2 Происхождение слова «средневековый» см., например: W. A. Green, 'Periodisation in European and world history' (1992).
- 3 Критику националистического взгляда на Средневековье см., например: P. J. Geary, *The myth of nations* (2002), 1–40; C. Wickham, 'The early middle ages and national identity' (2006).

Об уходящей далеко в прошлое истории серьезных изысканий по раннему Средневековью см.: I. Wood, *The modern origins of the early middle ages* (2013).

- 4 См., например: C. Holmes and N. Standen, *The global middle ages*.
- 5 См. в первую очередь: V. Lieberman, *Strange parallels* (2003–2009), vol. 1 о Юго-Восточной Азии, vol. 2 для сравнения.
- 6 Обзор многовековой истории см.: D. Abulafia, *The great sea* (2011).
- 7 K. J. Leyser, 'Concepts of Europe in the early and high middle ages' (1992). О более поздних периодах см.: D. Hay, *Europe: The emergence of an idea* (1968), 37–55, 73–95 и в первую очередь — K. Oschema, *Bilder von Europa im Mittelalter* (2013), esp. 195–315, 429–50.
- 8 Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 8.
- 9 I. S. Robinson, *Henry IV of Germany, 1056–1106* (1999), 73–4, 140–50. В результате и Генрих, и Григорий довольно смутно представляли себе политическую позицию и принципы друг друга. См.: H. Vollrath, 'Sutri 1046 — Canossa 1077 — Rome 1111' (2012), 147–9.
- 10 J. E. Kanter, 'Peripatetic and sedentary kingship' (2011), 12–15.
- 11 См. в первую очередь: J. Martindale, 'An unfinished business' (2003), с некоторыми отличиями в интерпретации. Цитаты из Robert of Torigni, *Chronica* (1889), 203; William fitz Stephen, *Vita Sancti Thomae* (1877), с. 22. Следует учесть, что впоследствии, в 1173 году, Раймунд присягнул на верность Генриху и признал его сеньором, что помогло английскому королю сохранить лицо, хотя подлинных политических обязательств эта присяга не предполагала.
- 12 S. Reynolds, *Fiefs and vassals* (1994), особ. (об этом периоде) 266, 272–3. Против феодализма, например, E. A. R. Brown, 'The tyranny of a construct' (1974); D. Crouch, *The birth of nobility*

- (2005), 261–78. Недавние хорошие учитывающие историографию обзоры (особенно о «феодально-вассальном» направлении) см.: S. Patzold, *Das Lehnswesen* (2012); G. Albertoni, *Vassalli, feudi, feudalesimo* (2015). О различиях в значении см.: C. Wickham, 'Le forme del feudalesimo' (2000).
- 13 J. France, *Western warfare in the age of the Crusades, 1000–1300* (1999), 59–62, 68–75.
- 14 M. Bloch, *La société féodale* (1940), vol. 2, 249, в английском издании, *Feudal society*, 446, данное место переведено не вполне точно.
- 15 В числе главных недавних примеров J. Fried, 'Gens und regnum' (1994), 73–104 (но см., например: S. Airlie et al., *Staat im frühen Mittelalter* (2006)); R. Davies, 'The medieval state' (2003) (но см., например: S. Reynolds, 'There were states in medieval Europe' (2003)).
- 16 J. A. Green, 'The last century of Danegeld' (1981).
- 17 О политических играх см. в первую очередь: G. Althoff, *Spielregeln der Politik im Mittelalter* (1997). О собственном придворном этикете и играх у самого Генриха см.: W. Map, *De nugis curialium* (1983) — классическое современное пособие.
- 18 T. N. Bisson, *Tormented voices* (1998) дает четкое представление о взглядах крестьян на подобные вымогательства, выраженных в жалобах на господ в XII веке и позже в Каталонии, которая представляла собой типичный пример региона, где землевладельцы расширяли список повинностей в рамках 'seigneurie banale' (см. главу 6). О массовом презрении к крестьянам со стороны землевладельческого класса см.: P. Freedman, *Images of the medieval peasant* (1999).
- 19 О раннем Средневековье см., например: C. Wickham, *Framing the early middle ages* (2005), 259–65, 558–66; A. Rio, *Slavery after Rome, 500–1100* (2016). О периоде после 1000 года (рубж весьма приблизительный) см.: F. Panero, *Schiavi servi e villani nell'Italia medievale* (1999); D. Barthélemy, *La mutation de l'an mil a-t-elle eu lieu?* (1997), 57–171; и в первую очередь P. Freedman

- and M. Bourin, *Forms of servitude in northern and central Europe* (2005). О Каталонии см.: P. Freedman, *The origins of peasant servitude in medieval Catalonia* (1991).
- 20 См., например: T. B. Lambert, 'Theft, homicide and crime in late Anglo-Saxon law' (2012); T. Fenster and D. Smail, *Fama* (2003). О чести в раннесредневековом контексте см.: Smith, *Europe after Rome*, 100–14.
- 21 T. R. Gurr, 'Historical trends in violent crime' (1981). О стратегическом применении силы в контексте придворной борьбы см., например: C. Wickham, *Courts and conflict in twelfth-century Tuscany* (1998), 85–8, 199–222. О насилии как норме см. на примере Франции ок. 1300 года: H. Skoda, *Medieval violence* (2013).
- 22 W. I. Miller, *Bloodtaking and peacemaking* (1990), об Исландии; Gregory of Tours, *Decem libri historiarum* (1951), 9.19, для сравнения — 7.47; C. Lansing, *The Florentine magnates* (1991), 166–8 — о Буондельмонте ди Буондельмонти. О расплывчатости общего определения «кровной вражды» см.: G. Halsall, 'Violence and society in the early medieval West' (1998); о том, как она переходит в междоусобную войну, см.: позднесредневековые источники, приведенные в H. Kaminsky, 'The noble feud in the middle ages' (2002); однако библиография там обширная.
- 23 K. W. Nicholls, *Gaelic and Gaelicized Ireland in the middle ages* (1993), 98–100.
- 24 Einhard, *Vita Karoli Magni* (1911), с. 24; о необходимости возлияний см., например: лейтмотив раннесредневековой валлийской поэмы Y Gododdin. Сюжеты с убийством за пиршественным столом см., например, у Gregory of Tours, *Decem libri historiarum*, 10.27 — достаточно наглядное описание.
- 25 P. Skinner, *Women in medieval Italian society, 500–1200* (2001), 35–47 об Италии; F. Kelly, *A guide to early Irish law* (1988), 104–5. В целом о раннем Средневековье см.: Smith, *Europe after Rome*, 115–47; L. Brubaker and J. M. H. Smith, *Gender in the early medieval world* (2004); L. M. Bitel, *Women in early medieval Europe, 400–1000* (2002). О второй половине Средних веков

- (но с важными отсылками к более раннему периоду) основы можно найти в J. M. Bennett and R. M. Karras, *The Oxford handbook of women and gender in medieval Europe* (2013). О женском представительстве на собраниях в поздней англосаксонской Англии см.: A. J. Robertson, *Anglo-Saxon charters* (1939), nn. 66, 78; J. Crick, *Charters of St Albans* (2007), n. 7. О стереотипах в Китае см.: Li Bozhong, *Agricultural development in Jiangnan, 1620–1850* (1998), 143.
- 26 Общие сведения см.: C. A. Lees, *Medieval masculinities* (1994); D. M. Hadley, *Masculinity in medieval Europe* (1999). О выучке, необходимой для участия в сражениях в раннем Средневековье, см.: G. Halsall, *Warfare and society in the barbarian West, 450–900* (2003), 177–214.
- 27 См.: гл. 8 о разных вариантах скептических реакций местного населения на основные христианские обряды и догмы; но скепсис — это не то же самое, что полное неверие, которое, судя по всему, было редкостью: см.: J. H. Arnold, *Belief and unbelief in medieval Europe* (2005), 225–30.
- 28 См.: гл. 8 о проповедовании.

Глава 2. Рим и его западные преемники: 500–750 гг.

- 1 A. Demandt, *Der Fall Roms* (2014), 719 with 638–9 перечисляет 227 гипотетических причин «падения» Рима — по сравнению с 210 в первом издании.
- 2 О рабстве см. K. Harper, *Slavery in the late Roman world, AD 275–425* (2011). Григорий Нисский (ум. ок. 395) единственный из крупных богословов критиковал рабство как институт: там же, 345–6. Фундаментальные исследования поздней Римской империи см. у A. H. M. Jones, *The later Roman empire* (1964) — по-прежнему актуально, несмотря на год издания; A. Cameron, *The Mediterranean world in late antiquity, AD 395–600* (1993) — лучший из кратких обзоров; A. Demandt, *Die Spätantike* (2014) — масштабный обобщающий труд; P. Brown, *Through the eye of a needle* (2012) — внушительный плод труда

всей жизни, посвященного позднеантичной христианской культуре и обществу.

- 3 C. R. Whittaker, *Frontiers of the Roman empire* (1994).
- 4 Материалы по данному и следующим абзацам см. среди прочего в G. Halsall, *Barbarian migrations and the Roman West*, 376–568 (2007); P. Heather, *The fall of the Roman empire* (2005) (со значительными отличиями в расстановке акцентов); Wickham, *The Inheritance*, где во всех случаях приведена другая библиография. Тезисы *The Inheritance*, посвященной раннему Средневековию, лежат в основе и этой главы, и трех следующих. В дальнейшем этот источник будет цитироваться реже, но опора на него по-прежнему подразумевается. О Куре см. R. Kaiser, *Churrätien im frühen Mittelalter* (1998).
- 5 P. Heather, 'The Huns and the end of the Roman empire in western Europe' (1995), 27–8 — защищает Аэция, но, на мой взгляд, недостаточно убедительно.
- 6 P. MacGeorge, *Late Roman warlords* (2002), 167–268.
- 7 Чтобы получить представление об этих спорах, см. сильно различающиеся картины у W. Goffart, *Barbarians and Romans, A. D. 418–584* (1980); Halsall, *Barbarian migrations*; P. J. Geary, 'Ethnic identity as a situational construct in the early middle ages' (1983); H. Reimitz, *History, Frankish identity and the framing of Western ethnicity, 550–850* (2015); W. Pohl and F. W. Heydemann, *Strategies of identification* (2013); H. Wolfram and W. Pohl, *Typen der Ethnogenese* (1990); P. Heather, *The Goths* (1996). T. F. X. Noble, *From Roman province to medieval kingdoms* (2006) — переиздание ключевых глав и статей этих споров. Самые ожесточенные баталии см. у A. Gillett, *On barbarian identity* (2002).
- 8 A. Demandt, 'The osmosis of late Roman and Germanic aristocracies' (1989), 75–86.
- 9 Сидоний Аполлинарий. Письма. Книга I. Письмо 2 к Агриколе. Пер. М. Стасюлевича.
- 10 A. Merrills and R. Miles, *The Vandals* (2014), 177–203; J. Conant, *Staying Roman* (2012), 159–86; R. Whelan, *Being*

Christian in Vandal Africa — основы знаний о вандальской Африке.

- 11 См. например: Heather, *The fall*, 415–25; а также применительно к Африке предыдущее примечание.
- 12 Например: Anonymus Valesianus, *pars posterior*, с. 60. Об остготах см. J. Moorhead, *Theodoric in Italy* (1992); P. Heather, 'Theoderic, king of the Goths' (1995); а также вдохновляющий ревизионистский материал P. Amory, *People and identity in Ostrogothic Italy, 489–554* (1997). Сравнительный анализ происходившего в Италии V века при небольшом количестве вторжений см.: P. Delogu and S. Gasparri, *Le trasformazioni del V secolo* (2010).
- 13 Обзор см. у J. Moorhead, *Justinian* (1994), 63–88, 101–9.
- 14 Подробный обзор см. у H.-W. Goetz, *Regna and gentes* (2003); о Франкской державе см.: Reimitz, *History, Frankish identity*; дальнейшие сведения см. в E. Buchberger, *Shifting ethnic identities in Spain and Gaul, 500–700* (2016).
- 15 Общие сведения см. в G. Ripoll and J. M. Gurt, *Sedes regiae* (ann. 400–800) (2000).
- 16 Обзор см. в Wickham, *Framing*, 62–124; специальное исследование римского налогообложения и управления см., например, в: Jones, *The Later Roman empire*, 450–69; C. Kelly, *Ruling the later Roman empire* (2004), 107–231 — два очень разных подхода; об остготах см.: S. Barnish, 'Taxation, land and barbarian settlement in the Western empire' (1986).
- 17 Wickham, *Framing*, 711–59, 805–14 and *passim*; B. Ward-Perkins, *The fall of Rome and the end of civilization* (2005); Halsall, *Barbarian migrations*, 320–70; A. S. Esmonde Cleary, *The Roman west, AD 200–500* (2013), 303–482. О Британии см.: A. S. Esmonde Cleary, *The ending of Roman Britain* (1989); R. Fleming, 'Recycling in Britain after the fall of Rome's metal economy' (2012).
- 18 Общие обзоры всего изложенного см. в NCMH, vol. 1; P. Sarris, *Empires of faith, 500–700* (2011); Innes, *Introduction*, 214–313.

- 19 Wickham, *Framing*, 635–81.
- 20 Wickham, *The inheritance*, 170–7; см. дополнительно, под другим углом: V. I. J. Flint, *The rise of magic in early medieval Europe* (1991). Ключевой обзор см. в: P. Brown, *The rise of western Christendom* (1997).
- 21 О Галлии см., например: R. Van Dam, *Leadership and community in late antique Gaul* (1985), 202–29; предпосылки времен позднего Рима см. в P. Brown, *Power and persuasion in late antiquity* (1992); C. Rapp, *Holy bishops in late antiquity* (2005); о реликвиях — в первую очередь P. Brown, *The cult of the saints* (1981). В дальнейшем преимуществами владения святынями пользовались на Западе и правители, см.: J. M. H. Smith, 'Rulers and relics c. 750–950' (2010).
- 22 Gregory of Tours, *Decem libri historiarum* (5.18 for 577); idem, *De virtutibus sancti Martini episcopi* (1885). О Григории Турском см. W. Goffart, *The narrators of barbarian history* (A. D. 550–800) (1980); M. Heinzelmann, *Gregory of Tours* (2004); I. Wood, *Gregory of Tours* (1994); K. Mitchell and I. Wood, *The world of Gregory of Tours* (2002); Reimitz, *History, Frankish identity*, 27–123. О более поздней роли епископов в военных действиях см.: F. Prinz, *Klerus und Krieg im früheren Mittelalter* (1971).
- 23 Более подробно рассматривается в: C. Wickham, 'Consensus and assemblies in the Romano-Germanic kingdoms' (2016). Цитата: Лиутпранд, предисловие к Закону 1 в *Leges Langobardorum* 643–866 (1962). В Вестготском королевстве, где силен был римский стиль правления, роль собраний была не столь значима.
- 24 Основы истории Меровингов см. в Wood, *The Merovingian kingdoms*, 450–751 (1994).
- 25 J. L. Nelson, *Politics and ritual in early medieval Europe* (1986), 1–48; цитата из Григория Турского, *Decem libri historiarum*, 6.5.
- 26 О Гертруде см.: *the Vita sanctae Geretrudis* (1888). Об аристократах в общем см.: R. Le Jan, *Famille et pouvoir dans le monde franc (Vle — Xe siècle)* (1995), особ. 387–401 гг. о меровингском периоде; P. Depreux, *Les sociétés occidentales du milieu du VIe à la fin*

- du IXe siècle (2002), 115–24, 131–41; F. Irsigler, *Untersuchungen zur Geschichte des frühfränkischen Adels* (1969); H.-W. Goetz, “Nobilis” (1983); Wickham, *Framing*, 168–203; и в первую очередь о раннесредневековом периоде в целом серию о *Les élites*, в R. Le Jan’s *Collection haut moyen âge series*. О знати и власти над монастырями см.: S. Wood, *The proprietary church in the medieval West* (2006).
- 27 О VII в. см.: Wood, *The Merovingian kingdoms*, 140–272; P. Fouracre, *Frankish history* (2013); о более поздних временах см.: P. Fouracre, *The age of Charles Martel* (2000).
 - 28 I. Wood, ‘Administration, law and culture in Merovingian Gaul’ (1990), 63–81; P. S. Barnwell, *Kings, courtiers and imperium* (1997), 23–40; Wickham, *The inheritance*, 120–9.
 - 29 О знати см. примечание № 26. Анализ на примере отдельных франкских знатных семей см. в A. Bergengruen, *Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich* (1958), 65–80; J. Jarnut, *Agilolfingerstudien* (1986); M. Werner, *Der Lütticher Raum in frühkaro-lingischer Zeit* (1980), esp. 216–27, 341–475; P. J. Geary, *Aristocracy in Provence* (1985).
 - 30 Gregory of Tours, *Decem libri historiarum*, 8.9; *Passio prima Leudegarii* (1910), c. 5.
 - 31 Общие обзоры — D. Claude, *Adel, Kirche und Königtum im Westgotenreich* (1974); R. Collins, *Visigothic Spain 409–711* (2004). Цитаты — *Leges Visigothorum* (1902), 12. 2 and 3 (*Jewish laws*), 9.1.21 (*Egica*); о Третьем соборе см.: *Concilios visigóticos* (1963); об Эрвиге — там же, 413.
 - 32 Об археологии см. обзоры и библиографию в S. Gelichi and R. Hodges, *New directions in early medieval European archaeology* (2015).
 - 33 См., например: S. Castellanos, ‘The political nature of taxation in Visigothic Spain’ (2003). Об армии см. D. Pérez Sanchez, *El ejército en la sociedad visigoda* (1989).
 - 34 Общие обзоры — C. Wickham, *Early medieval Italy* (1981); C. La Rocca, *Italy in the early middle ages* (2002); P. Delogu,

- 'Il regno longobardo' (1980); P. Cammarosano and S. Gasparri, *Langobardia* (1990); W. Pohl and P. Erhart, *Die Langobarden* (2005); and G. Ausenda et al., *The Langobards before the Frankish conquest* (2009). О лангобардах на закате их владычества см.: S. Gasparri, 774 (2008). О римских областях Италии см.: T. S. Brown, *Gentlemen and officers* (1984); E. Zanini, *Le Italie bizantine* (1998).
- 35 P. Cammarosano, *Nobiliere* (1998), 74–83; C. Wickham, 'Social structures in Lombard Italy' (2009); Liutprand, law 135, in *Leges Langobardorum*. Анализ на примере местных сообществ см. в: M. Costambeys, *Power and patronage in early medieval Italy* (2007); S. Gasparri and C. La Rocca, *Carte di famiglia* (2005). Об археологии/экономике см.: самое позднее в N. Christie, *From Constantine to Charlemagne* (2006); G. P. Brogiolo and A. Chavarría Arnau, *Aristocrazie e campagne nell'Occidente da Costantino a Carlo Magno* (2005), общий обзор западных областей, но Италии уделяется особое внимание.
- 36 Ratchis, law 13, in *Leges Langobardorum*; контекст см. в: W. Pohl, 'Frontiers in Lombard Italy' (2001).

Глава 3. Кризис и преобразования на Востоке: 500–850/1000 гг.

- 1 О сирийских церквях см.: A. Naccache, *Le décor des églises des villages d'Antiochène du IVe au VIIe siècle* (1992); об орошении и расширении возделываемых земель см.: M. Decker, *Tilling the hateful earth* (2009), esp. 174–203; о Святой Софии см.: R. J. Mainstone, *Hagia Sophia* (1988).
- 2 Обзоры и библиографию см. в: C. Panella, 'Merci e scambi nel Mediterraneo in età tardoantica' (1993); Wickham, *Framing*, 713–20.
- 3 Общие сведения см. в: L. K. Little, *Plague and the end of antiquity* (2007); о чумном патогене см. в том числе: D. M. Wagner et al., 'Yersinia pestis and the plague of Justinian 541–543 AD: a genomic analysis' (2014); об относительно слабом воздействии см.:

J. Durliat, 'La peste du VIe siècle' (1989) — статья, пережившая критику.

Общие сведения см. у Moorhead, Justinian; M. Maas, *The Cambridge companion to the age of Justinian* (2005); P. Sarris, *Economy and society in the age of Justinian* (2006), 200–27; об Иоанне Лиде см.: Kelly, *Ruling*, 11–104; об Иоанне Каппадокийском, Иоанне Лиде см.: On powers (1983) 2.21, 3.57–71.

См., например: P. T. R. Gray, *The defence of Chalcedon* (1979). P. Brown, 'The rise and function of the holy man in late antiquity' (1971); о Симеоне и Феодоре см.: M. Kaplan, *Les hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle* (1992), 199–202, 224–7; V. Déroche, 'La forme de l'informe' (2004); M. Dal Santo, *Debating the saints' cult in the age of Gregory the Great* (2012), 195–216; о бесах см.: *Vie de Théodore*, с. 43, 114–18.

G. Greatrex and S. N. C. Lieu, *The Roman eastern frontier and the Persian wars, part II* (2002), W. E. Kaegi, *Heraclius* (2003) и J. Howard-Johnston, *Witnesses to a world crisis* (2010), источники, текст и библиография.

См.: J. F. Haldon, *Byzantium in the seventh century* (1997), о периоде в целом; о псевдо-Мефодии и отношении к нему см.: J. T. Palmer, *The Apocalypse in the early middle ages* (2014), 107–29; о христианских взглядах на ислам см.: R. Hoyland, *Seeing Islam as others saw it* (1997), 484–9, 535–44. Основы представлений о теологических мотивах императоров см.: G. Dagron, *Emperor and priest* (2003), 158–91.

О статистике, касающейся земли и ресурсов, см.: M. F. Hendy, *Studies in the Byzantine monetary economy*, с. 300–1450 (1985), 620. О Византийской империи как полностью сохраняющей римский уклад см.: A. Kaldellis, *The Byzantine republic* (2015). Haldon, *Byzantium in the seventh century*, 208–54.

W. Brandes, *Finanzverwaltung in Krisenzeiten* (2002), 116–238; о знати см.: F. Winkelmann, *Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert* (1987) — о данном периоде; о более позднем см. гл. 9.

- 12 F. Curta, *Southeastern Europe in the middle ages, 500–1250* (2006), 39–84. О городах см., например: L. Zavagno, *Cities in transition* (2009).
- 13 Об итальянской торговле см.: F. Ardizzone, 'Rapporti commerciali tra la Sicilia occidentale ed il Tirreno centro-meridionale alla luce del rinvenimento di alcuni contenitori di trasporto' (2000), A. Nef and V. Prigent, *La Sicile de Byzance à l'Islam* (2010) и C. Negrelli, 'Towards a definition of early medieval pottery' (2012) — однако здесь требуется более широкое обобщение.
- 14 R. A. Markus, *Gregory the Great and his world* (1997), e.g. 87–91, 104–5; A. J. Ekonomou, *Byzantine Rome* (2007), 199–243; J. M. Sansterre, *Les moines grecs* (1983), 3–127.
- 15 H. Ahrweiler, *Byzance et la mer* (1966), 17–92; о путях см.: M. McCormick, *Origins of the European economy* (2001), 502–8.
- 16 Крайне спорный (по крайней мере для немусульман) вопрос о времени создания Корана, возможно, приближает к разрешению обнаружение очень раннего фрагмента Корана в Университете Бирмингема (MS Mingana 1572a); подробный и тщательный обзор текущего состояния науки применительно к этому открытию см.: 'Birmingham Quran manuscript', https://en.wikipedia.org/wiki/Birmingham_Quran_manuscript, accessed 25 October 2015 (ссылка может измениться). Палимпсест, состоящий примерно из 80 текстов Корана, почти наверняка созданного до 660 года, найденный в городе Сана, Йемен, также содержит лишь незначительные отличия от стандартного текста, см.: B. Sadeghi and M. Goudarzi, 'Šan'ā' i and the origins of the Qur'ān' (2012). Убедительные доводы в пользу 650 года как примерной даты создания прежде уже приводились в F. Donner, *Narratives of Islamic origins* (1998), 35–63. О разнообразии бытовых вариаций ислама в ранний период см.: T. Sizgorich, 'Narrative and community in Islamic late antiquity' (2004).
- 17 H. Kennedy, *The armies of the caliphs* (2001), 2–7.
- 18 G.-R. Puin, *Der Dīwān von 'Umar ibn al-Haṭṭāb* (1970); Kennedy, *The armies of the caliphs*, 59–78.

- 19 См.: обзоры в М. J. L. Young et al., *Religion, learning and science in the 'Abbasid period* (1990); J. Ashtiany et al., *'Abbasid belles-lettres* (1990); P. Crone, *Medieval Islamic political thought* (2004); C. F. Robinson, *Islamic historiography* (2003).
- 20 См., например: A. Walmsley, *Early Islamic Syria* (2007).
- 21 Обзоров этого долгого периода много, но самыми выдающимися по-прежнему остаются Н. Kennedy, *The prophet and the age of the caliphates* (2004) и P. Crone, *Slaves on horses* (1980). Об Алидах см.: T. Bernheimer, *The 'Alids* (2014).
- 22 Y. Lev, *State and society in Fatimid Egypt* (1991); P. Sanders, *Ritual, politics and the city in Fatimid Cairo* (1994); о жизни при Фатимидах с точки зрения многочисленного еврейского меньшинства см.: M. Rustow, *Heresy and the politics of community* (2008).
- 23 E. Manzano Moreno, *Conquistadores, emires y califas* (2006), 34–195.
- 24 H. Pirenne, *Mohammed and Charlemagne* (1939) и уже упоминавшаяся *'Histoire de Belgique'*, vol. 1 (1929), 34–41, 177 и далее.
- 25 См.: J. Goldberg, *Trade and institutions in the medieval Mediterranean* (2012); об испанской оконечности см.: O. R. Constable, *Trade and traders in Muslim Spain* (1994), 1–51.
- 26 По этой теме см.: L. Brubaker and J. Haldon, *Byzantium in the iconoclast era*, с. 680–850 (2011).
- 27 О Феофиле см.: J. Signes Codoñer, J., *The emperor Theophilos and the east, 829–842* (2014).
- 28 Brubaker and Haldon, *Byzantium in the iconoclast era*, 9–68, очень точное обобщение также в: L. Brubaker, *Inventing Byzantine iconoclasm* (2012). О постановлениях собора см.: G. Nedungatt and M. Featherstone, *The Council in Trullo revisited* (1995).
- 29 Brubaker and Haldon, *Byzantium in the iconoclast era*, 69–286; о богословии см. также: C. Barber, *Figure and likeness* (2002). О дошедших до нас частях «Изысканий», цитированных для последующего порицания, см.: Nicéphore, *Discours contre les Iconoclastes* (1989).
- 30 L. James, *Empresses and power in early Byzantium* (2001).

- 31 О христианских королевствах см.: A. Isla Frez, *La alta edad media* (2002); W. Davies, *Acts of giving* (2007); S. Castellanos and I. Martín Viso, 'The local articulation of central power in the north of the Iberian peninsula (500–1000)' (2005); R. Portass, 'All quiet on the western front?' (2013); J. A. García de Cortázar, 'La formación de la sociedad feudal' (1999).
- 32 Общие сведения см. в: Manzano, *Conquistadores*; H. Kennedy, *Muslim Spain and Portugal* (1996).
- 33 Manzano, *Conquistadores*, 363–491; M. Acién Almansa, *Entre el feudalismo y el Islam* (1997) и уже упоминавшаяся 'El final de los elementos feudales en al-Andalus' (1998). О Мадина аз-Захра см.: A. Vallejo Triano, *Madinat al-Zahra* (2004).
- 34 A. T. Tibi, *The Tibyān* (1986): 87–92 об Альфонсо, III–12 о советах, 124–55 о фиаско Абдаллаха, 152–3 о Гранаде. О тайфах в общем см.: M. J. Viguera Molins, *Los reinos de Taifas* (1994); D. Wasserstein, *The rise and fall of the party-kings* (1985).
- 35 Самые свежие данные см. в большом сборнике: P. Cressier et al., *Los Almohades* (2005).

Глава 4. Эксперимент Каролингов: 750–1000 гг.

- 1 Лучшее пособие по Каролингам на данный момент — M. Costambeys et al., *The Carolingian world* (2011). До этого классикой была R. McKitterick, *The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987* (1983), с собранием статей в NCMH, vol. 2. Историографический обзор см. в: M. de Jong, 'The empire that was always decaying' (2015); о ключевых подходах — S. Airlie, *Power and its problems in Carolingian Europe* (2012). О правлении Карла Великого в общем — J. Story, *Charlemagne* (2005). Общую политическую канву, которая будет упоминаться далее, см. во всем вышеперечисленном.
- 2 Общие сведения см. в: M. Becher and J. Jarnut, *Der Dynastiewechsel von 751* (2004).
- 3 См., например: Costambeys et al., *The Carolingian world*, 160–70.

- 4 Об армии см.: F. L. Ganshof, *The Carolingians and the Frankish monarchy* (1971), 267. Об Ахене см. J. L. Nelson, *Aachen as a place of power* (2001) и J. R. Davis, *Charlemagne's practice of empire* (2015), 322–35; для меня они предпочтительнее скептической R. McKitterick, *Charlemagne* (2008), 157–71.
- 5 О Карле Толстом см.: S. MacLean, *Kingship and politics in the late ninth century* (2003) — очень воодушевляющее чтение.
- 6 Об Италии — G. Tabacco, *The struggle for power in medieval Italy* (1989) (базовый синтез истории средневековой Италии), 109–36; G. Albertoni, *L'Italia carolingia* (1997); F. Bougard, *La cour et le gouvernement de Louis II (840–875)* (1998). Восточно-Франкская держава — E. J. Goldberg, *Struggle for empire* (2006). О Карле Лысом — J. L. Nelson, *Charles the Bald* (1992).
- 7 MGH, *Epistolae*, vol. 7 (1928), 386–94, at 388–9.
- 8 T. Reuter, *Medieval politics and modern mentalities* (2006), 251–67 — о проблемах империи в постэкспансионистский период; R. McKitterick, *Perceptions of the past in the early middle ages* (2008), 63–89, and Davis, *Charlemagne's practice of empire*, 135–57 — о мятежах 780–790-х.
- 9 О Гвидонидах — Le Jan, *Famille et pouvoir*, 95–6, 250–1. О каролингской знати в общем — G. Tellenbach, *Königtum und Stamme in der Werdezeit des Deutschen Reiches* (1939), 42–55; K. F. Werner, 'Important noble families in the kingdom of Charlemagne' (1975); Goetz, "Nobilis" ; Le Jan, *Famille et pouvoir*, 401–13; S. Airlie, 'The aristocracy' (1995); Costambeys et al., *The Carolingian world*, 271–323. Более полную библиографию о знати/правящем классе см. в гл. 2 п. 26.
- 10 См. в первую очередь: J.-P. Devroey, *Puissants et misérables* (2006); также уже упоминавшуюся 'Économie rurale et société dans l'Europe franque (VIe — IXe siècles)' (2003) (267–96 о богатстве знати); P. Toubert, *L'Europe dans sa première croissance* (2004), 27–115, 145–217; O. Bruand, *Voyageurs et marchandises aux temps carolingiens* (2002); McCormick, *Origins*, 639–69; A. Verhulst, *The Carolingian economy* (2002). Класси-

- ческая работа на эту тему — G. Duby, *The early growth of the European economy* (1974) — была слишком пессимистичной.
- 11 О Майнце — E. Wamers, *Die frühmittelalterlichen Lesefunde aus der Löhrrstrasse (Baustelle Hilton II)* (1994); M. Innes, *State and society in the early middle ages* (2000), 96–9 — в центре внимания Рейнская область. О портах — H. Clarke and B. Ambrosiani, *Towns in the Viking age* (1995), общий обзор; более широкий контекст см. в первую очередь в: C. Loveluck, *Northwest Europe in the early middle ages, c. AD 600–1150* (2013); классика по этой теме — R. Hodges, *Dark age economics* (2012); R. Hodges and D. Whitehouse, *Mohammed, Charlemagne and the origins of Europe* (1983).
- 12 Общие сведения см. в: G. Tellenbach, 'Die geistigen und politischen Grundlagen der karolingischen Thronfolge' (1979), особ. 249–53; J. L. Nelson, *How the Carolingians created consensus* (2009); P. Depreux, *Lieux de rencontre, temps de négociation* (1998), 213–31; T. Reuter, *Assembly politics in western Europe from the eighth century to the twelfth* (2001); S. Airlie, *Talking heads* (2003), 29–46; R. Le Jan, *Les cérémonies carolingiennes* (2015). О лошадях см.: J. L. Nelson, *The settings of the gift in the reign of Charlemagne* (2010), 143; об Агтины и публичном покаянии см.: M. de Jong, *What was public about public penance?* (1997), особ. 887–93.
- 13 О «публичности» см., например: H.-W. Goetz, *Die Wahrnehmung von "Staat" und "Herrschaft" im frühen Mittelalter* (2006); Y. Sassier, *L'utilisation d'un concept romain aux temps carolingiens* (1988), где рассматривается раннесредневековое значение понятия «*res publica*». Об Агобарде см.: M. de Jong, *The penitential state* (2009), 142–3.
- 14 B. Schneidmüller, *Die Welfen* (2000), 58–72.
- 15 C. West, *Lordship in ninth-century Francia* (2015), о епископе Ланском Гинкмаре, а также см. более подробный анализ там же, в *Reframing the feudal revolution* (2013), 19–105. О 802 годе (MGH, *Capitularia* (1883–97), п. 33, сс. 2–9) и клятвах в целом см.: M. Becher, *Eid und Herrschaft* (1993).

- 16 Einhard, *Epistolae*, n. 42, in MGH, *Epistolae*, vol. 5 (1889), 131; см.: Innes, *State and society*, 129–30, 146–7. Лучшее изображение средневекового землевладельца в центральной Италии показана у L. Feller et al., *La fortune de Karol* (2005).
- 17 О редких победах крестьян см.: C. Wickham, *Space and society in early medieval peasant conflicts* (2003), 560, и (о вмешательстве государя) MGH, *Formulae* (1886), 293, 324–5; о последнем см.: Costambeys et al., *The Carolingian world*, 267. Ценные материалы о крестьянском обществе и правосудии при Каролингах на окраине Бретани см.: W. Davies, *Small worlds* (1988).
- 18 В дополнение к литературе, приведенной в п. 11, 15, 16, 17, см., например: P. Bonnassie, *La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle* (1975–76); J. Jarrett, *Rulers and ruled in frontier Catalonia, 880–1010* (2010); T. Kohl, *Lokale Gesellschaften* (2010); Costambeys, *Power and patronage*; P. Toubert, *Les structures du Latium médiéval* (1973); L. Feller, *Les Abruzzes médiévales* (1998); Gasparri and La Rocca, *Carte di famiglia*.
- 19 Wickham, *Framing*, 573–88; E. Müller-Mertens, *Karl der Grosse, Ludwig der Fromme, und die Freien* (1963), 97–111. Costambeys et al., *The Carolingian world*, 263–8 — более оптимистичный взгляд.
- 20 E. J. Goldberg, *Popular revolt, dynastic politics and aristocratic factionalism in the early middle ages* (1995).
- 21 MGH, *Poetae*, vol. 2 (1884), 120–4; см.: W. Brown, *Unjust seizure* (2001), 1–5, 206–9 (я использую его перевод).
- 22 K. F. Werner, *Missus-marchio-comes* (1980); Davis, *Charlemagne's practice of empire*, esp. 47–127, 293–8; P. Fouracre, *Carolingian justice* (1995) — прагматический взгляд на злоупотребления судей; Bullough, 'Baiuli' in the Carolingian 'regnum Langobardorum' and the career of Abbot Waldo (+813) (1962), 630–1 — о missi, расследующих злоупотребления предшественников; A. Krah, *Absetzungsverfahren als Spiegelbild von Königsmacht* (1987), 7–88 — о новых случаях смещения графов до 840 года (почти половина приходится на смуту начала

- 830-х). MGH, *Capitularia*, n. 58 об ответах Карла Великого; Paschasius Radbert, *Epitaphium Arsenii* (1900), 1.26 — о сновениях; MGH, *Epistolae*, vol. 5, 277–8, and Einhard, *Epistolae*, nn. 20–21, и далее 120–1.
- 23 R. McKitterick, *The Carolingians and the written word* (1989); уже упоминавшаяся работа Charlemagne, 214–91; Davis, *Charlemagne's practice of empire*, 311–22; J. L. Nelson, *Literacy in Carolingian government* (1990); об импровизированном характере многих капитуляриев — C. Pössel, 'Authors and recipients of Carolingian capitularies, 779–829' (2006). О личных собраниях документов — McKitterick, *The Carolingians and the written word*, 46–60; также Charlemagne, 263–6; P. Wormald, *The making of English law* (1999), 53–70. О парижском собрании — MGH, *Capitularia*, n. 39.
- 24 MGH, *Capitularia*, n. 22; см., например: McKitterick, *Charlemagne*, 237–45, 306–20.
- 25 О Пасхалии I см.: C. Goodson, *The Rome of Pope Paschal I* (2010), esp. 257–73; о папах до 825 года см.: T. F. X. Noble, *The Republic of St. Peter* (1984), esp. 277–324. О папах IX века в целом, о которых написано мало общих аналитических работ, см.: обзор в S. Scholz, *Politik — Selbstverständnis — Selbstdarstellung* (2000), 147–245.
- 26 Об образовании в общем — J. J. Contreni, *The Carolingian renaissance* (1995); P. Riché, *Écoles et enseignement dans le haut moyen âge* (1989). О 784 годе см.: MGH, *Capitularia*, n. 29. О вразумлении см., например: de Jong, *The penitential state*, 112–41; R. Stone, *Morality and masculinity in the Carolingian empire* (2011), e.g. 42–6, 116–58. О предопределении см.: D. Ganz, *The debate on predestination* (1990); M. B. Gillis, *Heresy in the flesh* (2015). О многосторонней деятельности Гинкмара см.: R. Stone and C. West, *Hincmar of Rheims* (2015).
- 27 Dhuoda, *Liber manualis* (1975). Общие сведения см. в: P. Wormald, *Lay intellectuals in the Carolingian world* (2007). Об Эйнгарде см.: S. Patzold, *Ich und Karl der Grosse* (2013);

J. M. H. Smith, 'Einhard: the sinner and the saints' (2003). Об Экхарде см., например: McKitterick, *The Carolingians and the written word*, 248–50. Об использовании документов мирянами (не только при Каролингах) см.: W. Brown et al., *Documentary culture and the laity in the early middle ages* (2013). De Jong, *The penitential state*, 148–84; см. также: P. E. Dutton, *The politics of dreaming in the Carolingian empire* (1994), 92–101 — об Эйнгарде. Об образном ряде охоты — E. J. Goldberg, 'Louis the Pious and the hunt' (2013). О важности библейских текстов — M. de Jong, *Carolingian political discourse* (2015) — обобщение ее недавних работ.

De Jong, *The penitential state*, 188–205; уже упоминавшаяся 'Bride shows revisited' (2004), о Юдифи. Общие сведения см. в: G. Bühner-Thierry, 'La reine adultère' (1992); S. Airlie, *Private bodies and the body politic* (1998).

De Jong, *The penitential state*, 214–62, 271–9.

История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том II. СПб. 1864 (пер. М. М. Стасюлевича).

Об истории каждого из королевств см.: обзоры в NCMH, vol. 3. Анализ отдельных примеров см. в: B. Rosenwein, *The family politics of Berengar I, king of Italy (888–924)* (1996). О «царьках» см. *Annales Fuldenses* (1891), s.a. 888.

K. F. Werner, *Les origines avant l'an mil* (1984), 487–561; J. Dunbabin, *France in the making, 843–1180* (2000), 17–123; G. Koziol, *The politics of memory and identity in Carolingian royal diplomas* (2012) — важное переосмысление, особенно (на с. 459–533) правления Карла Простоватого.

См.: T. Reuter, *Germany in the early middle ages* (1991); G. Althoff and H. Keller, *Heinrich I. und Otto der Grosse* (1994); J. Fried, *Die Ursprünge Deutschlands* (1984). О королевах — P. Stafford, *Queens, concubines and dowagers* (1983), 149–52 and passim; Le Jan, *Famille et pouvoir*, 372–9.

Reuter, 'Assembly politics'; K. Leyser, *Rule and conflict in early medieval society* (1979) и уже упоминавшаяся Ottonian

- government (1982); о королевских разъездах см.: C. R. Brühl, *Fodrum, gistum servitium regis* (1968), 116–28, необходимый контекст см. в: S. MacLean, *Palaces, itineraries and political order in the post Carolingian kingdoms* (2014), 291–320.
- 36 P. Riché, Gerbert d'Aurillac (1987); P. Dronke, *Women writers of the middle ages* (1984), 55–83.
- 37 H. Fichtenau, *Living in the tenth century* (1991), 3–77; Althoff, *Spielregeln*, esp. 21–56, 157–84, 229–57; G. Althoff, *Family, friends and followers* (2004), 136–59; методологические предостережения см. в: P. Buc, *The dangers of ritual* (2001). Как подчеркивает Альтхофф, предотвращению подобных маневров служили и не менее формализованные критические выступления.
- 38 P. J. Geary, *Phantoms of remembrance* (1994), esp. 23–9, 115–57. О спорах по поводу рубежа X–XI веков см.: гл. 6 п. 10.
- 39 West, *Reframing the feudal revolution*, esp. 72–7, 98–105, 259–63.

Глава 5. Расширение границ христианской Европы, 500–1100 гг.

- 1 Об их разбросе см.: L. Abrams, *Germanic Christianities* (2008); о самовосприятии миссионеров см.: I. Wood, *The missionary life* (2001). Что на самом деле происходило с переходящими в христианство, сказать невозможно, у каждого крестившегося имеется своя история о том, как он узрел свет истины, и восстановить ее можно лишь задним числом. (См.: K. F. Morrison, *Understanding conversion* (1992), xii, 23, посвящена переходу в более строгую веру в рамках средневекового христианства, но может рассматриваться в более широком контексте.)
- 2 Хорошее пособие по историографии S. Foot and C. F. Robinson, *The Oxford history of historical writing* (2012).
- 3 Добротное стандартное изложение см. в: R. Fletcher, *The conversion of Europe* (1997); N. Berend, *Christianization and the rise of Christian monarchy* (2007) — о севере и востоке Европы.
- 4 Достойного общего труда по северному язычеству не существует, но конкретные примеры см. у J.-H. Clay, *In the shadow of*

- death (2010), 132–7, 279–331; S. Semple, *Sacred spaces and places in pre-Christian and conversion period Anglo-Saxon England* (2011); Jón Hnefill Aðalsteinsson, *Under the cloak* (1999), 37–43, 109–23; и более обобщенно в R. Bartlett, *From paganism to Christianity* (2007), 47–72. Разумные предостережения содержатся у J. Palmer, *Defining paganism in the Carolingian world* (2007).
- 5 Rimbart, *Vita Anskarii* (1884) с. 26–7 (Sweden); Snorri Sturluson, *Heimskringla* (1941–51), *Hákona saga* гл. 15–19 (Norway); J. Byock, *Viking age Iceland* (2001), особенно 170–84; Thietmar of Merseburg, *Chronicon* (1935), 6.24–5 (Liutizi).
 - 6 Общие сведения см. в: Wickham, *Framing*, 303–79, 519–88. О значительной доле владеющего землей крестьянства в Скандинавии XVI века см.: J. R. Myking and C. Porskrog Rasmussen, 'Scandinavia, 1000–1750' (2010), 290–1; у S. Bagge, *From Viking strong-hold to Christian kingdom* (2010), 111–21, см. идеи, как вписать эти данные в средневековый контекст.
 - 7 Kelly, *A guide to early Irish law*, 29–33; R. Faith, *The English peasantry and the growth of lordship* (1997), 1–14 и в других местах.
 - 8 Byock, *Viking age Iceland*, 121–2, 252–62, 326–9 — о разнообразии мелких, но совокупных доходов знати; N. Berend et al., *Central Europe in the high middle ages* (2013), 282–3; J. Martin, *Medieval Russia, 980–1584* (2007), 13–19, 64–8, 139 и т. д.
 - 9 C. Stancliffe, *Religion and society in Ireland* (2005) — о принятии христианства. Об Уэльсе см.: W. Davies, *Wales in the early middle ages* (1982) и T. M. Charles-Edwards, *Wales and the Britons, 350–1064* (2013); об упадке в Британии V века см.: гл. 2, п. 17.
 - 10 Общие сведения см. в: F. J. Byrne, *Irish kings and high-kings* (1973); T. M. Charles-Edwards, *Early Christian Ireland* (2000); D. Ó Corráin, *Ireland before the Normans* (1972); M. Herbert, *Iona, Kells and Derry* (1998).
 - 11 О Маэл Сехналле и Бриане см.: Byrne, *Irish kings and high-kings*, 256–66; M. Ní Mhaonaigh, *Brian Boru* (2007).

- 12 Общие сведения см. в: A. Cosgrove, *A new history of Ireland*, vol. 2 (2008); K. Simms, *From kings to warlords* (1987).
- 13 См.: S. Bassett, *The origins of Anglo-Saxon kingdoms* (1989) — о размерах королевств; B. Yorke, *The conversion of Britain, 600–800* (2006); о сложностях послепереходного периода см.: J. Blair, *The Church in Anglo-Saxon society* (2005).
- 14 J. Campbell, *The Anglo-Saxons* (1982), 53–68; о собраниях см.: A. Pantos, *In medle oddē an þinge* (2004); о портах см.: C. Scull, *Urban centres in pre-Viking England?* (1997) и R. Fleming, *Britain after Rome* (2010), 183–212: книга в целом — хорошая отправная точка для изучения истории Британии через призму материальной культуры.
- 15 Общие сведения см. в: N. Brooks, *Communities and warfare, 700–1400* (2000); D. Hill and M. Worthington, *Æthelbald and Offa* (2005); J. Story, *Carolingian connections* (2003), 167–211; о городах см.: S. Bassett, *Divide and rule?* (2007); о вале см.: P. Squatriti, *Digging ditches in early medieval Europe* (2002); о королевских ресурсах и монетах см.: R. Naismith, *Money and power in Anglo-Saxon England* (2012), особ. 23–46, 96–106; о церковных соборах см.: C. Cubitt, *Anglo-Saxon church councils, c. 650–850* (1995).
- 16 Faith, *The English peasantry*, 56–125, 153–77; Wickham, *Framing*, 347–51.
- 17 Общие сведения о позднем англосаксонском королевстве см. в: P. Stafford, *Unification and conquest* (1989).
- 18 A. Williams, *Kingship and government in pre-conquest England*, с. 500–1066 (1999), 73–122; R. Fleming, *Kings and lords in conquest England* (1991), 21–52; J. Campbell, 'The late Anglo-Saxon state: a maximum view' (1994); Wormald, *The making of English law*, 277–85, 306, 311, 344–5, 417–26, 444–65 — о Каролингах; L. Roach, *Kingship and consent in Anglo-Saxon England, 871–978* (2013); P. Stafford, *Queen Emma and Queen Edith* (1997), 199–206; G. Molyneaux, *The formation of the English kingdom in the tenth century* (2015); о Людовике Благочестивом

- и монастырской реформе см.: R. Deshman, *The benedictional of Æthelwold* (1995), 209–14.
- 19 Гудме и ранняя консолидация политической власти — см.: P. Mortensen and B. Rasmussen, *Fra stam til stat i Danmark* (1988–91); P. O. Nielsen et al., *The archaeology of Gudme and Lundeborg* (1994). *Godofrid's kingdom: P. Sawyer, Kings and royal power* (1991); K. Randsborg, *The Viking age in Denmark* (1980); M. Axboe, *Danish kings and dendro-chronology* (1995).
- 20 Хороший обзорный материал по викингам см. в: P. Sawyer, *The Oxford illustrated history of the Vikings* (1997); о расселении викингов см.: L. Abrams, *Diaspora and identity in the Viking age* (2012).
- 21 Общие сведения см. в: I. Skovgaard-Petersen, *The making of the Danish kingdom* (1978); о военных лагерях см.: E. Roesdahl, *The Vikings* (1987), 136–41.
- 22 Об устройстве поместий и их связи с крестьянскими наделами см.: N. Hybel and B. Poulsen, *Danish resources c. 1000–1550* (2007), 165–95, 385–90; а также подробные исследования у B. Poulsen and S. M. Sindbaek, *Settlement and lordship in Viking and early medieval Scandinavia* (2011).
- 23 Об археологических данных см., например: B. Myhre, *Chieftains' graves and chiefdom territories in south Norway and in the migration period* (1987). О периоде после 900 года см.: C. Krag, *The early unification of Norway* (2003); Bagge, *From Viking stronghold*, 25–37; A. Winroth, *The conversion of Scandinavia* (2012), 115–44; S. Bagge and S. W. Nordeide, *The kingdom of Norway* (2007). Об осторожном отношении к поэзии в ранних преданиях см.: S. Ghosh, *Kings' sagas and Norwegian history* (2011). Об Олафе Трюггвасоне и Олафе Святом, о тингах и битве при Стикластадире см.: Snorri Sturluson, *Heimskringla, Óláfs saga Tryggvasonar*, с. 55–8, 65–9; *Óláfs saga ins Helga*, с. 40, 181, 205, 215–35 (Снорри Стурлусон, *Круг земной*, М.: Наука, 1980, пер. М. И. Стеблин-Каменского).
- 24 H. J. Orning, *Unpredictability and presence* (2008), 125–53, 257–310; K. Helle, *The Norwegian kingdom* (2003); Bagge, *From*

- Viking stronghold, 38–63, 229–32, 292–4; S. Bagge, *Borgerkrig og statsutvikling i Norge i middelalderen* (1986). Об армии см.: «Сага о Сверрире» с. 8, 11 и далее.
- 25 Аналогичный довод см. в: S. Bagge, *The Europeanization of Europe* (2012).
- 26 P. M. Barford, *The early Slavs* (2001), 47–88, 113–23, 131–3; о рабах см.: McCormick, *Origins*, 733–77; о работорговле в X веке см.: M. Jankowiak, *Two systems of trade in the western Slavic lands in the 10th century* (2013) — первую публикацию масштабного исследовательского проекта, который Марек Янковяк любезно со мной обсуждает.
- 27 Barford, *The early Slavs*, 251–67; A. Buko, *Unknown revolution* (2005); P. Urbańczyk and S. Rosik, 'Poland' (2007); Berend et al., *Central Europe*, 97–102, 118–24, 144–7, 282–3 — самый современный из обзоров на английском языке, основанный на новейших данных.
- 28 Berend et al., *Central Europe*, 161–3, 330–2.
- 29 Berend et al., *Central Europe*, 172–6, 198–201, 267–73, 282–6, 374–80; об устройстве поместий, особенно в начале XIII века, см.: P. Górecki, *Economy, society, and lordship in medieval Poland, 1100–1250* (1992), особенно 67–192.
- 30 О Шотландии в классическом Средневековье см. в первую очередь: A. Taylor, *The shape of the state in medieval Scotland* (2016); более поздний период см. в гл. 11.
- 31 M. Bogucki, *On Wulfstan's right hand* (2013), хороший недавний обзор польских портов до 1000 года. Об Англии и континенте см.: Loveluck, *Northwest Europe*, 302–60.
- 32 Bartlett, *The making of Europe*, esp. 269–91.

Глава 6. Передел Западной Европы: 1000–1150 гг.

- 1 Последняя редакция текста — G. Beech et al., *Le conventum* (vers 1030) (1995); предыдущее издание с хорошим комментарием см. в: J. Martindale, *Status, authority and regional power* (1997), studies VIIa, VIIb, VIII. Недавний анализ текста см., например,

- в: S. D. White, *Re-thinking kinship and feudalism in early medieval Europe* (2005), VII, VIII, X, XIII; D. Barthélemy, *L'an mil et la paix de Dieu* (1999), 339–54.
- 2 S. Kay, *Raoul de Cambrai* (1992), 1284–1352, 1459–1549.
 - 3 R. E. Barton, *Lordship in the county of Maine, c. 890–1160* (2004) — хорошее обсуждение преемственности сеньорий. Дискуссии на эту тему см. ниже, п. 10 и 11.
 - 4 «Франция» ('France') — это всего лишь французское название Франкии; что касается Германии, термин *regnum Teutonicum* возникает в конце XI века, но до поры до времени лишь sporadически. Значение его см. в: E. Müller-Mertens, *Regnum Teutonicum* (1970), 87–144, 328 и далее. Отличный недавний обзорный сборник, посвященный сложностям социальных перемен в рассматриваемый в данной главе, а также в гл. 8 период (материалы посвящены XII веку), — T. F. X. Noble and J. Van Engen, *European transformations* (2012).
 - 5 Общие сведения о Саксонии см. в: Reuter, *Germany and H. Keller, Zwischen regionaler Begrenzung und universalem Horizont* (1986).
 - 6 О конце XI века см.: Robinson, Henry IV. О министерiales — B. Arnold, *German knighthood, 1050–1300* (1985), 23–75; T. Zotz, *Die Formierung der Ministerialität* (1992).
 - 7 Хороший обзор в: Dunbabin, *France in the making*; мотивирующая работа — D. Barthélemy, *Nouvelle histoire des Capetians* (2012).
 - 8 Общий обзор см. в: Stafford, *Unification and conquest*, 69–100; о знати см.: A. Williams, *The world before Domesday* (2008).
 - 9 Обзорные материалы среди прочего см.: M. Chibnall, *Anglo-Norman England, 1066–1166* (1986); M. T. Clanchy, *England and its rulers, 1066–1307* (2006), 23–137; R. Bartlett, *England under the Norman and Angevin kings, 1075–1225* (2000); J. A. Green, *The government of England under Henry I* (1986). О «Книге Страшного суда» лучшая отправная точка на сегодняшний день — S. Harvey, *Domesday* (2014).

- 10 Материалы основных участников спора см. в: J.-P. Poly and É. Bournazel, *The feudal transformation, 900–1200* (1991); Barthélemy, *La mutation de l'an mil*, esp. 15–28; T. N. Bisson, 'The "feudal revolution"' (1994), и последующую дискуссию в *Past and present*; Barton, *Lordship*; T. N. Bisson, *The crisis of the twelfth century* (2009); West, *Reframing the feudal revolution*. R. I. Moore, *The first European revolution, c. 970–1215* (2000) — вдохновляющий обзор XI–XII веков, ярко и живо обобщающий «революционную» модель.
- 11 G. Duby, *La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise* (1971), 173–90, 245–62 — первым выстроил модель *seigneurie banale*; R. Fossier, *Enfance de l'Europe (Xe — XIIe siècles)* (1982), 288–601 — назвал процесс деления на формализованные сеньории «объяснением» (*encellulement*), позволив мне тем самым характеризовать определенную структуру средневекового государства как «ячеистую». Международный обзор сеньорий разных типов, основанный на последних данных, см. в: M. Bourin and P. Martínez Sopena, *Pour une anthropologie du prélèvement seigneurial dans les campagnes médiévales (XIe — XIVe siècles)* (2004–2007). О том, как была устроена жизнь в мире «без государств», см., например: P. J. Geary, *Living with the dead in the middle ages* (1994), 95–160, а также: S. D. White, *Feuding and peace-making in eleventh-century France* (2005), хотя он с этой картиной не согласился бы. О ранних тихих крестьянских восстаниях см.: B. Gowers, *996 and all that* (2013).
- 12 О Блоке см.: гл. 1, п. 14. К этому времени налоги начинает собирать и Англия, однако земельный налог не являлся основным источником королевских ресурсов (10% в 1130 году), а после 1130-х, возможно, собирался не каждый год; последний раз он взимался при Генрихе II в 1162 году — см.: Green, *The last century of Danegeld*.
- 13 Loveluck, *Northwest Europe*, 215–48; G. Fournier, *Le château dans la France médiévale* (1978), 35–79, 100–14; G. P. Fehring, *The archaeology of medieval Germany* (1991), 98–135; R. Francovich and M. Ginatempo,

- Castelli (2000); M. Valenti, *L'insediamento altomedievale nelle campagne toscane* (2004); P. Grimm, Tilleda (1968–90).
- 14 J. Hudson, *The Oxford history of the laws of England: 871–1216* (2012), 273–84, 537–62, 751–68; о делении на свободных и зависимых см.: гл. 7 п. 14 и гл. 8 п. 35 о Кастилии.
 - 15 B. Arnold, *Princes and territories in medieval Germany* (1991), особ. 61–76, 196–201.
 - 16 T. Meyer, *The state of the dukes of Zähringen* (1938); Keller, *Zwischen regionaler Begrenzung*, 347–9.
 - 17 West, *Reframing the feudal revolution*, esp. 232–54. То же самое относится к Германии и Италии, хотя это сравнение проводится еще реже; тем не менее см.: J. Eldevik, *Episcopal power and ecclesiastical reform in the German empire* (2012).
 - 18 Tabacco, *The struggle for power, 191–208*; H. Keller, *Signori e vassalli* (1995), в особ. 118–36; F. Menant, *Campagnes lombardes au moyen âge* (1993), 395–477, 728–35, 757–65; L. Provero, *L'Italia dei poteri locali* (1998); A. Fiore, *From the diploma to the pact*; Wickham, *The 'feudal revolution'*. Исследование на примерах см. в: S. Collavini, *Honorabilis domus et spetiosissimus comitatus* (1998); M. E. Cortese, *Signori, castelli, città* (2007).
 - 19 См.: C. Wickham, *Sleepwalking into a new world* (2015); G. Milani, *I comuni italiani, secoli XII–XIV* (2005); J.-C. Maire Vigueur and E. Faini, *Il sistema politico dei comuni italiani (secoli XII–XIV)* (2010).
 - 20 D. Bates, *Normandy before 1066* (1982), 162–82.
 - 21 См.: C. Leyser, *The memory of Gregory the Great and the making of Latin Europe, 600–1000* (2016), 197–201.
 - 22 Обобщенные материалы см. в: C. Cubitt, *The tenth-century Benedictine reform in England* (1997). Об Англии и Людовике Благочестивом см. выше, гл. 5, п. 18.
 - 23 См. среди прочих: B. Rosenwein, *Rhinoceros bound* (1982); G. Constable, *Cluny in the monastic world of the tenth century* (1991); D. Iogna-Prat et al., *Cluny* (2013) — сборник статей широкой тематики.

- 24 См.: Die Toulser Vita Leos IX. (2007), I.I, 3, 8–14; краткую биографию см. в: M. Parisse, Leone IX, papa, santo (2005).
- 25 Общие сведения см. в: T. Head and R. Landes, The Peace of God (1992); Barthélemy, L'an mil; хорошую критику предлагает K. G. Cushing, Reform and the papacy in the eleventh century (2005), 39–54.
- 26 C. Violante, I laici nel movimento patarino (1968); R. I. Moore, Family, community and cult on the eve of the Gregorian reform (1980), 65–9. Я благодарен Джеймсу Норри за возможность воспользоваться идеями его докторской диссертации, находившейся на завершающей стадии. Моральная паника среди мирян возникала не только в Италии; в датском Роскилле в 1124 году вспыхнул поднятый светским населением бунт против вступления священников в брак. См.: F. Pedersen, A good and sincere man — even though he looked like a Slav (2010), 152–3.
- 27 R. I. Moore, The war on heresy (2012), 63–83.
- 28 Лучше этот материал подан в R. W. Southern, The making of the middle ages (1953), 125–7. Лучшие — из множества аналогов — вводные материалы ко всему периоду, с моей точки зрения, — G. Tellenbach, The church in western Europe from the tenth to the early twelfth century (1993) и Cushing, Reform and the papacy; для более углубленного изучения см.: S. C. Hamilton, Church and people in the medieval west, 900–1200 (2013) и резкую общую критику в M. C. Miller, The crisis in the Investiture Crisis narrative (2009).
- 29 О Петре Дамиани см.: D. Elliott, Fallen bodies (1999), 95–106; Cushing, Reform and the papacy, 120–4. О симонии как поводе для моральной паники см.: T. Reuter, Gifts and simony (2000). О Гумберте из Муанмутье см.: C. West, Competing for the Holy Spirit (2015).
- 30 Здесь я вторю R. Schieffer, Die Entstehung des päpstlichen Investiturverbots für den deutschen König (1981).
- 31 C. Wickham, Medieval Rome (2015), 423–5.

- 32 О папе Урбане см.: A. Becker, *Papst Urban II. (1088–1099)* (1964–2012). О Клермоне см. там же: vol. 1, 220–5, vol. 2, 374–413; *Le concile de Clermont* (1997), 1–140.
- 33 J. Barrow, *The clergy in the medieval world* (2015), 135–47.
- 34 О Вероне см.: M. C. Miller, *The formation of a medieval church* (1993), 50–60, 71–80; о преемственности на протяжении всего периода см.: Hamilton, *Church and people*, 60–118.
- 35 L. Melve, *Inventing the public sphere* (2007), особ. 45–119 — основополагающая работа по данной теме, однако автор рассматривает адресатов полемики XI века как «публичную сферу», тогда как я склонен считать этот круг более ограниченным и даже, за исключением некоторых итальянских городов, более ограниченным, чем прежде, в эпоху Каролингов, или, наоборот, после 1350 года и далее.
- 36 Толково о Бернарде см. в: A. Bredero, *Bernard of Clairvaux* (1996); о цистерцианцах, еще одном независимом международном монашеском ордене, см.: E. Jamrozak, *The Cistercian order in medieval Europe, 1090–1500* (2013).
- 37 G. Loud, *The age of Robert Guiscard* (2000) — хороший политический анализ с не менее хорошим обзором предшествующей библиографии. Фундаментальное исследование сеньорий — S. Carocci, *Signorie di Mezzogiorno* (2014). Об Апулии, расположенной на «каблуке» Италии, см.: J.-M. Martin, *La Pouille du VIe au XIIe siècle* (1993). О Сицилии см. в первую очередь: J. Johns, *Arabic administration in Norman Sicily* (2002).
- 38 Bartlett, *The making of Europe*, 85–90.
- 39 C. Tyerman, *God's war* (2006) — анализ без победного ликования стоит множества других, написанных более восторженными авторами. О привлечении в ряды крестоносцев см.: M. Bull, *Knightly piety and the lay response to the First Crusade* (1993).
- 40 Один из примеров — S. Runciman, *A history of the Crusades* (1951–54), vol. 3, 469–80. Хорошие примеры нейтрального подхода — C. Hillenbrand, *The Crusades: Islamic perspectives* (1999);

C. Kostick, *The social structure of the First Crusade* (2008), особ. 287–300.

- 41 Новейшее изложение см. в: M. Barber, *The Crusader states* (2012).
- 42 Дискуссия в данном направлении см.: Bisson, *The crisis*, 573–82, обобщение второй половины книги.

Глава 7. Долгий экономический подъем: 950–1300 гг.

- 1 Некоторые базовые обзоры: *The Cambridge economic history of Europe* (1963–87), vols. 1 and 2; G. Duby, *Rural economy and country life in the medieval west* (1968) (самый толковый); Fossier, *Enfance*; и учебник P. Contamine, *L'économie médiévale* (1993). Во всех сильно чувствуется, что изданы они были давно.
- 2 Как отмечено у J. Masschaele, *Economic takeoff and the rise of markets* (2009) (однако у него своя точка зрения: он предпочитает рассматривать демографический подъем как следствие, а не причину коммерциализации).
- 3 P. Grillo, *Milano in età comunale (1183–1276)* (2001), 209–34.
- 4 В данном случае лучше обойтись без конкретных имен; однако необходимо пояснить, что британская экономическая история — исключение. См. в: C. Dyer, *Standards of living in the later middle ages* (1989); в уже упоминавшейся 'Making a living in the middle ages' (2002); в R. Britnell, *The commercialisation of English society, 1100–1500* (1996); и в уже упоминавшейся 'Britain and Ireland, 1050–1530: Economy and society' (2004); также в J. Masschaele, *Peasants, merchants, and markets* (1997); J. Langdon and J. Masschaele, *Commercial activity and population growth in medieval England* (2006).
- 5 Исключения — W. Kula, *An economic theory of the feudal system* (1976) и G. Bois, *The crisis of feudalism* (1984), где нет попыток перенести более поздний опыт на период до 1350 года.
- 6 О Париже до 1223 года см.: A. Lombard-Jourdan, *Paris: genèse de la 'ville'* (1976), 35–154 — наиболее полный из имеющихся анализов, хоть и незавершенный; см. также: J. W. Baldwin, *The government of Philip Augustus* (1986), 342–51. Об источни-

ках пополнения казны Иоанна и Филиппа: новейшее исследование — N. Barratt, *The revenues of John and Philip Augustus revisited* (1999). В XIII веке становится проще, поскольку объемом документации растет, как и город, население которого с 50 000 человек в 1200 году увеличивается до 200 000 с лишним к 1328 году, сравниваясь с населением Милана (а может, и превышая его), крупнейшего города Европы: см. É. Carpentier and M. Le Mené, *La France du XIe au XVe siècle* (1996), 296–306; R. Cazelles, *Nouvelle histoire de Paris de la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V (1223–1380)* (1972), 131–49.

- 7 См.: J. Hatcher, *Plague, population and the English economy, 1348–1530* (1977), 68–71, Langdon and Masschaele, 'Commercial activity and population growth', 54–68, и S. Broadberry et al., *British economic growth, 1270–1870* (2015), 10–13 — о разбросе в вычислениях даже для Англии (я у себя привожу усредненные цифры, демонстрирующие лишь порядок изменений); о Франции в IX веке см.: Devroey, *Économie rurale*, 65–75.
- 8 Об ирригации см.: T. F. Glick, *From Muslim fortress to Christian castle* (1995), 64–91; Menant, *Campagnes lombardes*, 182–203.
- 9 Обзор расчистки земель всех видов — Fossier, *Enfance*, 126–247.
- 10 Самые убедительные материалы на данную тему — Bartlett, *The making of Europe*, 111–66.
- 11 См., например: M. Montanari, *L'alimentazione contadina nell'alto medioevo* (1979), особ. 211–18, 469–76.
- 12 J. Chapelot and R. Fossier, *The village and house in the middle ages* (1985), 251–82; Dyer, *Standards*, 160–6; A. Molinari, 'Mondi rurali d'Italia' (2010).
- 13 Verhulst, *The Carolingian economy*; Devroey, *Puissants et misérables*.
- 14 Общие сведения см. в: Duby, *Rural economy*, 186–278; R. H. Hilton, *Freedom and villeinage in England* (1965) — об усилении зависимости в Англии после 1180 года; а также гл. 1, п. 19.
- 15 Duby, *Rural economy*, 186–93, 224–31, 239–52; анализ по отдельным областям см. у Freedman and Bourin, *Forms of servitude*.

- 16 B. M. S. Campbell, *The agrarian problem in the early fourteenth century* (2005).
- 17 Цитируется по: O. Redon, *Seigneurs et communautés rurales dans le contado de Sienne au XIIIe siècle* (1979), 158; о льготных грамотах в целом см.: обзоры в C. Wickham, *Community and clientele in twelfth-century Tuscany* (2003), 192–219; Bourin and Martínez Sopena, *Pour une anthropologie*, vol. 2, 115–267.
- 18 S. Reynolds, *Kingdoms and communities in western Europe, 900–1300* (1984), 122–54.
- 19 Общие сведения см. в: M. Bourin and R. Durand, *Vivre au village au moyen âge* (1984); об английском укладе см.: J. Birrell, *Manorial customs reconsidered* (2014).
- 20 P. Spufford, *Money and its use in medieval Europe* (1988), 74–131, 339–62.
- 21 Об Англии см.: C. Briggs, *Credit and village society in fourteenth-century England* (2009). О ценах на овец см.: D. L. Farmer, *Prices and wages* (1988), 754.
- 22 Базовые материалы по городам: D. M. Palliser, *The Cambridge urban history of Britain* (2008); C. Dyer, *How urbanized was medieval England?* (1995); R. H. Hilton, *English and French towns in feudal society* (1995); F. Menant, *L'Italie des communes (1100–1350)* (2005); D. Nicholas, *The growth of the medieval city* (1997); D. Keene, '=*Towns and the growth of trade*'= (2004). О Константинополе см.: гл. 9, п. 1. Размеры итальянских городов: M. Ginatempo and L. Sandri, *L'Italia delle città* (1990); я провел экстраполяцию на основе их данных.
- 23 M. Postan, *The medieval economy and society* (1972), 212.
- 24 Общие сведения см. в: Wickham, *Sleepwalking*, 67–117; об археологии — F. Cantini, *Ritmi e forme della grande espansione economica dei secoli XI–XIII nei contesti ceramici della Toscana settentrionale* (2010); о мирных договорах см.: G. Müller, *Documenti sulle relazioni delle città toscane coll'Oriente cristiano e coi Turchi* (1879), 40–58; M. Amari, *I diplomi arabi del R. Archivio fiorentino* (1863), nn. 2–6.

- D. Abulafia, *The two Italies* (1977) — рассматривает торговые сношения Генуи и Пизы в XII веке.
- 25 Стены, дома — G. Garzella, *Pisa com'era* (1990). 1228; E. Salvatori, *La popolazione pisana nel Duecento* (1994). О Пизе после 1200 года см.: A. Poloni, *Trasformazioni della società e mutamenti delle forme politiche in un Comune italiano* (2004).
- 26 О Генте до 1200 года см.: A. Verhulst, *The rise of cities in north-west Europe* (1999), 12–13, 38–9, 54–6, 61–5, 75–9, 123–40; M. C. Laleman and P. Raveschot, *Maisons patriciennes médiévales à Gand (Gent), Belgique* (1994). О периоде после 1200 года см.: D. Nicholas, *Medieval Flanders* (1992), 110–23, 130–8, 164–79, 217–30 — удобное обобщение собственных материалов автора и других работ.
- 27 W. H. TeBrake, *A plague of insurrection* (1993); J. Dumolyn and J. Haemers, *Patterns of urban rebellion in medieval Flanders* (2005); общие сведения см. в: S. K. Cohn, *Lust for liberty* (2006), 32–3, 54–7, и ниже, гл. 12.
- 28 Britnell, *Britain and Ireland, 140 with 153*; J. Blair, *Small towns 600–1270* (2008), 258–70.
- 29 См.: E. M. Carus-Wilson, *The first half-century of the borough of Stratford-upon-Avon* (1965) и C. Dyer, *Medieval Stratford* (1997) о дальнейшем развитии.
- 30 Dyer, *Making a living*, 163–74; Britnell, *The commercialisation*. О братстве см. G. Rosser, *The art of solidarity in the middle ages* (2015), 80–1, 114–15, 204–5.
- 31 B. M. S. Campbell et al., *A medieval capital and its grain supply* (1993), особ. карту на стр. 61; о Сицилии см.: S. R. Epstein, *An island for itself* (1992), 163 и далее, 270 и далее — критический анализ.
- 32 Wickham, *Framing*, 712–18, 794–819.
- 33 P. Spufford, *Power and profit* (2002) — хороший обзор. Об Италии см.: P. J. Jones, *The Italian city-state* (1997), 152–332.
- 34 E. B. Fryde and M. M. Fryde, *Public credit, with special reference to north-western Europe* (1963), 455–61; тем не менее краху Барди

- и Перуцци способствовали и внутренние проблемы Флоренции: A. Saponi, *La crisi delle Compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi* (1926), 50–86, 140–82, 204–6, с критическими замечаниями E. S. Hunt, *A new look at the dealings of the Bardi and Peruzzi with Edward III* (1990).
- 35 J. L. Abu Lughod, *Before European hegemony* (1989) — хороший общий обзор глобальной экономики в период 1250–1350 годов; 212–47 о Египте.
- 36 О генезисе и экономической истории см.: S. Goitein, *A Mediterranean society* (1967–93), esp. vol. 1; Goldberg, *Trade*. О европейских евреях см. гл. 10.
- 37 L. A. Kotelnikova, *Mondo contadino e città dal XI al XIV secolo* (1975), 26–141. Котельникова Л. А. *Итальянское крестьянство и город в XI–XIV вв.* — М.: Наука, 1967.
- 38 Duby, *Rural economy*, 126–52, по-прежнему хороший общий обзор; данное направление развития в последнее время мало исследуют. О вяленой рыбе см.: B. Sawyer and P. Sawyer, *Medieval Scandinavia* (1993), 157–9.
- 39 W. C. Jordan, *The great famine* (1996).
- 40 B. M. S. Campbell, *Before the Black Death* (1991) (подробная картина для Англии); S. R. Epstein, *Freedom and growth* (2000), 38–55; M. Bourin et al., *Les campagnes européennes avant la peste* (2014).
- 41 О каменщиках, переходящих с одной европейской стройки на другую, — P. du Colombier, *Les chantiers des cathédrales* (1973), 47–8; R. Recht, *Les batisseurs des cathédrales gothiques* (1989), 113–77, хороший анализ на примере строительства соборов. О социальной мобильности см.: мультирегиональные исследования в S. Carocci, *La mobilità sociale nel medioevo* (2010).

Глава 8. Неоднозначность восстановления централизованной власти: 1150–1300 гг.

- 1 R. W. Southern, *Saint Anselm* (1990), 191, 232 и далее, 274–304.
- 2 О канонах см.: N. P. Tanner, *Decrees of the ecumenical councils* (1990), vol. 1, 230–71. Контекст: см., например, C. Morris,

The papal monarchy (1989), esp. 417–38. О неэффективности см., например: P. B. Pixton, *The German episcopacy and the implementation of the decrees of the Fourth Lateran Council, 1216–1245* (1995), esp. 437–59. Об успешных результатах см., например: R. Bartlett, *Trial by fire and water* (1986), 98–102, 127–35 — об относительной быстроте отказа от ордалий в разных странах поочередно в первые десятилетия после порицания их на соборе.

- 3 См. среди прочих: Baldwin, *The government of Philip Augustus*, esp. 152–75, 220–58; W. C. Jordan, *Louis IX and the challenge of the Crusade* (1979), 45–64, 159–71; для сравнения — J. Le Goff, *Saint Louis* (2009), 45–64, 159–71, своеобразная книга (и не имеет особого отношения к приводимым здесь тезисам), однако не упомянуть ее нельзя; о Филиппе IV см.: J. R. Strayer, *The reign of Philip the fair* (1980), 36–99.
- 4 См., например: Clanchy, *England and its rulers, 181–283*; Bartlett, *England*; M. Prestwich, *Plantagenet England 1225–1360* (2005), 81–187; J. R. Maddicott, *The origins of the English parliament, 924–1327* (2010), 157–331; D. A. Carpenter, *The reign of Henry III* (1996), 75–106, 183–97, 381–408; и P. Coss, *The origins of the English gentry* (2003) — о взаимосвязи между этими процессами и устоями аристократии.
- 5 S. Barton, *Spain in the eleventh century* (2004) и P. Linehan, *Spain in the twelfth century* (2004) дают краткий политический очерк; S. Barton, *The aristocracy in twelfth-century León and Castile* (1997), 104–47, и I. Álvarez Borge, *La plena edad media* (2003), 247–84, дают более глубокий социополитический анализ. A. J. Kosto, *Reconquest, Renaissance and the histories of Iberia, ca. 1000–1200* (2012) — убедительные доводы против реконкисты как средства усмирения. Об идеологии крестовых походов см.: W. J. Purkis, *Crusading spirituality in the Holy Land and Iberia, c.1095 — c.1187* (2008), 120–78. О первых merinos см.: I. Álvarez Borge, *Clientelismo regio y acción política* (2014); C. Jular, *Los adelantados y merinos mayores de León (siglos XIII–XV)* (1990),

- 56–159; для сравнения — уже упоминавшуюся ‘The king’s face on the territory’ (2004).
- 6 A. Rodríguez López, *La consolidación territorial de la monarquía feudal castellana* (1994) — о Фердинанде III; M. González Jiménez, *Alfonso X el Sabio* (2004) — очень живое изложение; о сложностях восстаний 1270-х годов см.: I. Alfonso, *Desheredamiento y desafuero, o la pretendida justificación de una revuelta nobiliaria* (2002). О фискальной системе см. в первую очередь: M. A. Ladero Quesada, *Fiscalidad y poder real en Castilla (1252–1369)* (1993); E. S. Prater, *Curia and Cortes in León and Castille* (1980), 186–202; о введении налогообложения см.: I. Álvarez, *Soldadas, situados y fisco regio en el reinado de Alfonso VIII de Castilla (1158–1214)* (2015).
- 7 P. Engel, *The realm of St Stephen* (2001), 37–107; Berend et al., *Central Europe, 147–60, 176–81, 189–94, 208–11, 226–36, 244–9, 286–8, 425–32*; о налогообложении см.: W. M. Ormrod and J. Barta, *The feudal structure and the beginnings of state finance* (1995), 76–9, и G. Barta and J. Barta, *Royal finance in medieval Hungary* (1999).
- 8 Хороший вводный материал см. у H. Takayama, *The administration of the Norman kingdom of Sicily* (1993); D. Abulafia, *Frederick II* (1988), особ. 321–39; J. Dunbabin, *Charles I of Anjou* (1998), особ. 55–76; Carocci, *Signorie di Mezzogiorno*.
- 9 Ключевой вводный материал — D. Waley and T. Dean, *The Italian city-republics* (2010); Menant, *L’Italie des communes*; Milani, *comuni italiani*; Jones, *The Italian city-state*; а также важная монография J. C. Maire Vigueur, *Cavaliers et citoyens* (2003). О войне с Барбароссой см.: G. Raccagni, *The Lombard league, 1167–1225* (2010); P. Grillo, *Legnano 1176* (2010). Для сравнения о городах Южной Италии см.: P. Oldfield, *City and community in Norman Italy* (2009); P. Skinner, *Medieval Amalfi and its diaspora, 800–1250* (2013).
- 10 R. W. Southern, *Western society and the church in the middle ages* (1970), 105–21, 184–5 — великолепный вводный материал;

- о развитии папской курии до Иннокентия III см., например: I. S. Robinson, *The papacy 1073–1198* (1990), 179–208. Об использовании контроля папы римского над брачным правом в политических целях см.: D. L. d'Avray, *Papacy, monarchy and marriage, 860–1600* (2015).
- 11 О XIII веке см.: Southern, *Western society*, 122–33, 188–213; R. Brentano, *Two churches* (1968); A. Paravicini Bagliani, *Il trono di Pietro* (1996); J. Sayers, *Innocent III* (1994).
- 12 Толковый обзор этих тенденций см. в: Keller, *Zwischen regionaler Begrenzung*, 375–500.
- 13 Необходимые материалы к этому абзацу см. в: Arnold, *Princes and territories*, и L. Scales, *The shaping of German identity* (2012).
- 14 P. Moraw, *Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung* (1985), 175. О городах см.: T. Scott, *The city-state in Europe, 1000–1600* (2012), 56–63, 129–64.
- 15 H. Helbig, *Der wettinische Ständestaat* (1955), 1–53 — о Мейсене; O. Brunner, *Land and lordship* (1992), особ. 36–94, 139–99, 296–324.
- 16 Обзорные материалы см.: C. Wickham, *Lineages of western European taxation, 1000–1200* (1997).
- 17 France, *Western warfare*, 70–5, 131–4; сравнительную статистику богатства королей см. в: J. Pryor, *Foreign policy and economic policy* (1980), 45–6. Общие сведения см. у M. Ginatempo, *Esisteva una fiscalità a finanziamento delle guerre del primo '200?* (2011), который предостерегает против заблуждения, будто за счет налогов (примерно до 1250 года) финансировалось сколько-нибудь существенное количество войн.
- 18 Jordan, *Louis IX*, 78–104; Strayer, *The reign*, 250–60.
- 19 G. H. Martin, *Merton, Walter of* (с. 1205–1277) (2004).
- 20 L. Thomas, *La vie privée de Guillaume de Nogaret* (1904); Strayer, *The reign*, особ. 52–62.
- 21 M. T. Clanchy, *From memory to written record* (2013), 61–4 и более общий обзор на с. 46–82.
- 22 *Libri dell'entrata e dell'uscita della republica di Siena* (1904) — сборник ранних приходно-расходных книг сиенской «Бик-

керыны»; о Болонье, Перудже и их преемниках см.: A. Zorzi, *Giustizia criminale e criminalità nell'Italia del tardo medioevo* (1989), 942–5. Новейшие исследования, посвященные письменной документации в итальянских коммунах см. в: H. Keller, *Die italienische Kommune als Laboratorium administrativen Schriftgebrauchs* (2014).

- 23 См. гл. 4, п. 23.
- 24 Lupus of Ferrières, *Epistolae* (1925), nn. 121, 124 (nn. 118, 123 of the translation); Map, *De nugis curialium*, 470–2, о Генрихе I. О политике устной коммуникации см.: M. Billoré and M. Soria, *La rumeur au moyen âge* (2011).
- 25 J. Sabapathy, *Officers and accountability in medieval England 1170–1300* (2014), 47–52, 86–91, 113–20 — лучшая из литературы по Англии отправная точка на данный момент; о Франции — Jordan, *Louis IX*, 51–64, 236–45; M. Dejou, *Mener une enquête générale, pratiques et méthodes* (2010). Общие сведения см. в: C. Gauvard, *L'enquête au moyen âge* (2005); T. Pécourt, *Quand gouverner c'est enquêter* (2010). О расследованиях при Каролингах см.: Davis, *Charlemagne's practice of empire*, 260–78.
- 26 *Dialogus de Scaccario* (2007), 1.1, 5 (p. 10 for quote); Jean sire de Joinville, *Histoire de Saint Louis* (1868), с. 140; V. Crescenzi, 'Il sindacato degli ufficiali nei comuni medievali italiani' (1981), 406–51. Основы по этой теме см. в: Sabapathy, *Officers and accountability*, passim (стр. 91–110 о Ричарде Фиц-Нигеле); в уже упоминавшейся 'Accountable rectores in comparative perspective' (2012); и более общие сведения см. у Bisson, *The crisis*, 316–49, который показывает, как в разных странах Западной Европы конца XII века финансовый учет предшествовал общему учету и контролю и служил предпосылкой для него.
- 27 С. Е. Bosworth, *Musādara* (2002).
- 28 Как ни странно, приличного сравнительного анализа сводов европейских законов как текстов не существует, но A. Padoa-Schioppa, *Il diritto nella storia d'Europa* (1995), все же лучше остальных

- ных; по Скандинавии хорошее краткое введение дает R. M. Karras, *Slavery and society in medieval Scandinavia* (1988), 167–78.
- 29 Об Оберто см.: M. G. di Renzo Villata, *La formazione dei 'Libri Feudorum'* (2000); Reynolds, *Fiefs and vassals*, 215–30. Общие сведения см. в A. Watson, *The evolution of law* (1985), 66–97. О римском праве и о том, как на практике выглядело судопроизводство, отличное исследование на примере северной Италии представлено у M. Vallerani, *Medieval public justice* (2012).
- 30 Общие сведения см. в Wickham, *Sleepwalking*.
- 31 См.: Clanchy, *From memory*, 65 и *Dialogus de Scaccario*, 2.2 (р. 112) — о Ричарде Ильчестерском и о казначейских свитках 1160-х годов; T. F. Tout, *Chapters in the administrative history of mediaeval England* (1920), vol. 2, 258–67 об административных реформах Уолтера Степлдона в 1320-х. Добавлю, что *Dialogus* представляет собой рассказ об устройстве английского правительства в форме вопросов и ответов; сама необходимость разъяснения того, как функционирует казначейство, — это полпути к тому, чтобы задуматься о возможностях его усовершенствования. См. также: U. Кырта, *Die Autonomie der Routine* (2014), особ. 208–22, 245–50 — этой ссылкой я обязан Джону Сабапати, — о том, как чиновники английского правительства отдавали предпочтение прежде всего непреднамеренным нововведениям; это послужило фоном для всех более сознательных перемен.
- 32 *Annali genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori*, vol. 2 (1901), 36; Wickham, *Medieval Rome*, 442–5; P. Vignoli, *I costituiti della legge e dell'uso di Pisa (sec. XII)* (2003).
- 33 См. в первую очередь: Bisson, *The crisis*. Этот и следующий абзацы появились как ответ — хоть и в виде возражения — Bisson, *The crisis*, Reynolds, *Kingdoms and communities*, and Watts, *The making of polities*.
- 34 Freedman, *The origins of peasant servitude*, 89–118; Bisson, *The crisis*, 508–12. Основополагающие более общие материалы по Арагону — T. N. Bisson, *The medieval crown of Aragon* (1991).

- 35 О сеньориях см. в первую очередь: С. Estepa Díez, *Las behetrías castellanas* (2003), особ. т. 1, 39–87, 181–229.
- 36 Об общине королевства см.: Reynolds, *Kingdoms and communities*, 268–87.
- 37 J. E. A. Jolliffe, *Angevin kingship* (1955), 96–109, и G. Althoff, *Ira regis* (1998) — о королевском гневе; Map, *De nugis curialium*, 2–24, 498–512; см.: Althoff, *Spielregeln*, о политической режиссуре при Оттонах и позже.
- 38 G. Klaniczay, *Holy rulers and blessed princesses* (2002), 96–9, 123–55, 158–61, 171–3, 296–8. Среди прочих канонизированных королевских особ — датский король Кнут III, шведский Эрик IX и норвежский Олаф Святой.
- 39 C. Valente, *The deposition and abdication of Edward II* (1998), цитата на с. 880.
- 40 О первых школах, перерастающих в университеты, см.: C. S. Jaeger, *The envy of angels* (1994); применительно к бедным школярам трудно не сослаться на H. Waddell, *The wandering scholars* (1932), особ. 156–8, с ее выразительными образами. О греческих параллелях того периода см. гл. 9, п. 21.
- 41 Общие сведения см. в: S. C. Ferruolo, *The origins of the university* (1985), особ. 11–66; R. W. Southern, *Scholastic humanism and the making of Europe* (1995–2001). О Болонье, PDF (1995), vol. 2, 57–214, и R. G. Witt, *The two Latin cultures and the foundation of Renaissance humanism in medieval Italy* (2012), 235–59 — вводные материалы по североитальянской интеллектуальной культуре, 900–1250. Об Абеляре см. среди прочих: M. T. Clanchy, *Abelard* (1997), и D. Luscombe, *The letter collection of Peter Abelard and Heloise* (2013); для сравнения — M. Colish, *Peter Lombard* (1994), 96–131, 254–63.
- 42 См. Ferruolo, *The origins*, 279–315; I. P. Wei, *Intellectual culture in medieval Paris* (2012), особ. 87–124 на эту и последующую тему. (Обратите внимание, что в Болонье университет был гильдией не преподавателей, а студентов.)
- 43 B. Stock, *The implications of literacy* (1983), 90–2.

- 44 M. Rubellin, *Eglise et société chrétienne d'Agobard à Valdès* (2003), 455–500; о более поздних периодах см.: P. Biller, *Goodbye to Waldensianism?* (2006) — отстаивает версию об относительной сплоченности секты. Примерно то же самое происходило с североитальянским братством проповедников, известных как гумилиаты, но в 1199–1201 годах большинство из них вернулось в лоно церкви как квазимонашеская конгрегация: F. Andrews, *The early Humiliati* (1999), 38–98. Анализ на примере еще одного монашеского движения — гильбертинцев — см. у K. Sykes, *Inventing Sempringham* (2011).
- 45 См. в первую очередь: W. Simons, *Cities of ladies* (2001), а также D. Elliott, *Proving woman* (2004), 47–84.
- 46 Из новейшего см.: A. Vauchez, *Francis of Assisi* (2012). О сохраняющемся переходном статусе францисканцев и других братств см.: G. Geltner, *The making of medieval antifraternalism* (2012).
- 47 Дискуссия здесь ведется обширная. Среди последних работ, сильно различающихся во взглядах, но хорошо владеющих источниками, — M. Zerner, *Inventer l'hérésie?* (1998); C. Bruschi and P. Biller, *Texts and the repression of heresy* (2003); J. H. Arnold, *Inquisition and power* (2001); C. Bruschi, *The wandering heretics of Languedoc* (2009); L. Sackville, *Heresy and heretics in the thirteenth century* (2011); C. Taylor, *Heresy, crusade and inquisition in medieval Quercy* (2011); G. Zanella, *Hereticalia* (1995), особ. 127–43; C. Lansing, *Power and purity* (1998); M. G. Pegg, *The corruption of angels* (2001); Moore, *The war on heresy* (см. также: обзор Биллера и ответ Мура в *Reviews in history* (2014)). J. H. Arnold, *The Cathar middle ages as an historiographical problem* (в печати), толково подводит итоги дискуссии. В совокупности эти материалы легли в основу следующих абзацев.
- 48 Lansing, *Power and purity*, 92–6; J. L. Peterson, *Holy heretics in later medieval Italy* (2009).
- 49 Недавнее — негодующее — повествование о крестовых походах см. у M. G. Pegg, *A most holy war* (2008).

- 50 См.: D. L. d'Avray, *The preaching of the friars* (1985), особ. 15–28; A. Vauchez, *The Church and the laity* (1999), 183–94; о предыдущих столетиях см.: Hamilton, *Church and people*, 10–15, 172–7.
- 51 О 1233 годе см.: A. Thompson, *Revival preachers and politics in thirteenth-century Italy* (1992).
- 52 См.: Rosser, *The art of solidarity*.
- 53 R. I. Moore, *The formation of a persecuting society* (2007) классика по данной теме, хотя C. Rawcliffe, *Leprosy in medieval England* (2006) показывает, насколько сложным было отношение к прокаже на всем протяжении Средних веков и насколько относительной была сегрегация. О гомосексуалистах в этот период (я использую современный термин, хотя в то время половые характеристики этой категории были иными) — J. Boswell, *Christianity, social tolerance and homosexuality* (1981), 269–302 (странное сочетание тщательного анализа источников и притянутых за уши гипотез).
- 54 См. примеры в: C. Bruschi, *Familia inquisitionis* (2013).
- 55 Общие сведения см. в: Arnold, *Belief and unbelief*; а также хорошие примеры развитых микрокультурных верований, извлеченные из инквизиторских протоколов 1240–1330 годов, — Pegg, *The corruption of angels*; E. Le Roy Ladurie, *Montaillou* (1978); плюс о более поздних периодах — J. Edwards, *Religious faith and doubt in late medieval Spain* (1988); C. Ginzburg, *The night battles* (1983).

Глава 9. Крах альтернативных возможностей, 1204 год

- 1 P. Magdalino, *Constantinople médiévale* (1996), 55–7 — склонен исходить из подсчетов Жоффруа де Виллардуэна — 400 000 жителей в 1204 году; но, даже если отталкиваться от других цифр, Константинополь определенно превосходил численностью своих главных соперников XIII века, Париж и Милан, в каждом из которых насчитывалось порядка 200 000 жителей (см. гл. 7).
- 2 См.: C. Wickham, *Ninth-century Byzantium through western eyes* (1998) о Каролингах; A. von Euw and P. Schreiner, *Kaiserin*

- Theophanu (1991) и A. Davids, *The empress Theophano* (1995) об Оттонах. Толковые вводные материалы по рассматриваемому в данной главе периоду: J. Shepard, *The Cambridge history of the Byzantine empire*, с. 500–1492 (2008).
- 3 М. Whittow, *The making of Orthodox Byzantium, 600–1025* (1996), 310–91; C. Holmes, *Basil II and the governance of empire (976–1025)* (2005), 448–543.
 - 4 J. Haldon, *Warfare, state and society in the Byzantine world, 565–1204* (1999), 112–20, 217–25; A. Dain, 'Les stratégistes byzantins' (1967); J. Haldon, *A critical commentary on the Taktika of Leo VI* (2014), 3–87.
 - 5 М. Psellos, *Chronographia*, trans. Sewter (1966), 45–6. О фискальной системе в рассматриваемый период см. по-прежнему актуальную работу F. Dölger, *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jahrhunderts* (1927), 9–112; Hendy, *Studies*, 157–242 (охватывает более широкий период); V. Prigent, *The mobilisation of fiscal resources in the Byzantine empire (VIII–XI века)* (2014).
 - 6 М. Angold, *The Byzantine aristocracy, IX to XII centuries* (1984); Kaplan, *Les hommes et la terre*, 331–73; J.-C. Cheynet, *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)* (1996), 207–48; J.-C. Cheynet, 'Les Phocas' (1986). О провинциях см.: L. Neville, *Authority in Byzantine provincial society, 950–1100* (2004).
 - 7 *To eparchikon biblion* (1970). Книга Эпарха / Пер. Сюзюмова М. Я. — М.: 1962.
 - 8 Liutprand of Cremona, *Opera* (1998), *Antapodosis*, 6.10 (trans. Squatriti, 200–2); Constantin VII Porphyrogénète, *Le livre des cérémonies* (1935–39); A. Cameron, *The construction of court ritual* (1987), 106–36; M. McCormick, *Eternal victory* (2001), 144; Dagron, *Emperor and priest*, 84–124, 204–19.
 - 9 О Никифоре см.: *Le traité sur la guérilla*; Kekaumenos, *Consilia et narrationes* (2013); о Воиле см.: P. Lemerle, *Cinq études sur le XIe siècle byzantin* (1977), 15–63 (24–5 о ссылках на книги), vol. 1, 2.

- 10 Constantin VII Porphyrogénète, *Le livre des cérémonies*, vol. 1, 2; о сочинениях, которые Константин действительно мог написать, см.: I. Ševčenko, *Re-reading Constantine Porphyrogenitus* (1992).
- 11 См., например: P. Lemerle, *Byzantine humanism* (1986); Н. Maguire, *Byzantine court culture from 829 to 1204* (1997); М. Т. Fögen, *Reanimation of Roman law in the ninth century* (1998).
- 12 A. Kaldellis, *The argument of Psellos' Chronographia* (1999); S. Papaioannou, *Michael Psellos* (2013).
- 13 Общие сведения см. в: Curta, *Southeastern Europe, 119–24, 147–79, 213–47*; J. Shepard, *Bulgaria* (1999); P. Stephenson, *Byzantium's Balkan frontier* (2000), 18–23.
- 14 Материалы этого и следующих двух абзацев см. в первую очередь в: J. Shepard and S. Franklin, *The emergence of Rus, 750–1200* (1996) и Martin, *Medieval Russia*.
- 15 S. Franklin, *Writing, society and culture in early Rus, c. 950–1300* (2002).
- 16 J. Haldon, *Approaches to an alternative military history of the period ca. 1025–1071* (2003); общие сведения см. в: М. Angold, *The Byzantine empire, 1025–1204* (1984), 12–91, но более свежего общего анализа периода у нас нет.
- 17 P. Frankopan, *The First Crusade: the call from the east* (2011), 57–172; P. Magdalino, *The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (1993), 95–8, 123–32.
- 18 Digenis Akritis (1998) (сами тексты принадлежат к позднему Средневековью). Дигенис Акрит / Пер., статьи и комментарии Сыркина А. Я. — М., 1960.
- 19 Magdalino, *The empire of Manuel I, 1180–266*; о пронии см. М. С. Bartusis, *Land and privilege in Byzantium* (2012), 64–111, 165–70; Niketas Choniates, *Historia*, trans. in H. J. Magoulias, *O city of Byzantium* (1984), 118–19 (сс. 208–9).
- 20 A. Harvey, *Economic expansion in the Byzantine empire, 900–1200* (1989); Magdalino, *The empire of Manuel I, 1180–71*;

- A. E. Laiou and C. Morrisson, *The Byzantine economy* (2007), 90–165 (дайджест монументальной A. E. Laiou, *The economic history of Byzantium from the seventh through the fifteenth century* (2002)); M. Whittow, 'The Byzantine economy (600–1204)' (2008) — об осторожности; G. D. R. Sanders, 'Corinth' (2002); *To eparchikon biblion*.
- 21 R. Beaton, *The rhetoric of poverty* (1987); о Никифоре — L. Neville, *Heroes and Romans in twelfth-century Byzantium* (2012); об Анне Комнине, более значимой исторической личности, чем ее муж, — T. Gouma-Peterson, *Anna Komnene and her times* (2000).
- 22 Magdalino, *The empire of Manuel I*, 56–108.
- 23 T. M. Kolbaba, *The Byzantine lists* (2000), 35 и далее.
- 24 Liutprand of Cremona, *Antapodosis*, bk. 6; *Relatio*, passim (trans. Squatriti, 195–202, 238–82). О граде чудес — I. Seidel, *Byzanz im Spiegel der literarischen Entwicklung Frankreichs im 12. Jahrhundert* (1977), 49–54, 95–9; B. Ebels-Hoving, *Byzantium in westerse ogen, 1096–1204* (1971), 119–23, 170–81, 253–4, 263–9; M. Angold, *The fourth crusade* (2003), 58–74.
- 25 C. M. Brand, *Byzantium confronts the West* (1968); Angold, *The fourth crusade*; J. Phillips, *The Fourth Crusade and the sack of Constantinople* (2005).
- 26 О политической истории см.: D. M. Nicol, *The last centuries of Byzantium, 1261–1453* (1993); о монастыре в Хоре — R. Ousterhout, *The art of the Kariye Camii* (2002), обобщение имеющихся на сегодня знаний. О сербском и болгарском фольклоре — J. V. A. Fine, *The late medieval Balkans* (1987).
- 27 См.: C. Imber, *The Ottoman empire, 1300–1650* (2002), 7–37, обзорные сведения.
- 28 Bartusis, *Land and privilege*, 579–96 очень толковый материал. Ценные сведения об османской армии дают Gy. Káldy-Nagy, *The first centuries of the Ottoman military organization* (1977). C. Kafadar, *Between two worlds* (1995), особ. 118–50 и H. W. Lowry, *The nature of the early Ottoman state* (2006).

- 29 Н. İnalcık, The policy of Mehmed II towards the Greek population of Istanbul and the Byzantine buildings of the city (1969–70); об ограниченном признании Мехмеда и реакции Византии см.: K. Moustakas, Byzantine 'visions' of the Ottoman empire (2011). О раздробленности после 1402 года: D. J. Kastritsis, The sons of Beyazid (2007).
- 30 Johns, Arabic administration, особ. 38.
- 31 R. O. Crummey, The formation of Muscovy, 1304–1613 (1987), 29–93; Martin, Medieval Russia, 174–254.
- 32 D. Ostrowski, Muscovy and the Mongols (1998), 36–63, 177–80, 219–43.
- 33 Choniates, Historia, trans. Magoulas, 167 (с. 301).

Глава 10. Гендерные роли и общинность в позднесредневековой Европе

- 1 E. Dupré Theseider, Caterina da Siena, santa (1979); C. W. Bynum, Holy feast and holy fast (1987), 165–80, 204–7; и ценнейшая работа F. T. Luongo, The saintly politics of Catherine of Siena (2006) — 97, 109 о винной бочке (он подчеркивает также эротичность рисуемого Екатериной образа — вскрытие бочки, здесь сделанной из креста, на котором был распят Иисус, пикой); о привитом дереве — Epistolario di Santa Catarina da Siena (1940), п. 41.
- 2 The Book of Margery Kempe (2004) (с. 48 — о Лестере, 52 — о непричастности к проповедованию); особенно полезными мне показались J. H. Arnold and K. J. Lewis, A companion to the book of Margery Kempe (2004) и A. Goodman, Margery Kempe and her world (2002).
- 3 Обзорные сведения см. в: R. N. Swanson, Religion and devotion in Europe, c.1215–1515 (1995).
- 4 См. в первую очередь: J. H. Van Engen, Sisters and brothers of the common life (2008).
- 5 Об Англии см.: P. J. P. Goldberg, Women, work and life cycle in a medieval economy (1992), особ. 324–61; сравните с J. M. Bennett,

- History matters (2006), 82–107; уже упоминавшейся ‘Ale, beer, and brewsters in England’ (1996), например 37–43, 58–9; на общее содержание ее более пессимистичный взгляд не влияет. Общеевропейские обзорные материалы см. в: K. Reyerson, *Urban economies* (2013), 295–310.
- 6 N. Caciola, *Discerning spirits* (2003), 87–98.
- 7 О моделях и проблемах женской святости см.: C. W. Bynum, *Women’s stories, women’s symbols* (1992); Caciola, *Discerning spirits*, 309–19 и в других местах; Elliott, *Proving woman*; A. Vauchez, *The laity in the middle ages* (1993), 171–264. Об опасениях по поводу демонизма и (прежде всего женской) порочности см.: Elliott, *Fallen bodies*, особ. 35–60. О Жанне д’Арк см.: Н. Castor, *Joan of Arc* (2014), по материалам обширной библиографии (в основном, как ни странно, на английском); Сг. Taylor, *Joan of Arc: la Pucelle* (2006) больше чем просто хорошая подборка исторических документов. О ведьмах см. п. 42 ниже.
- 8 Dante, *Monarchia* (1995), 1.5.5; *Le ménagier de Paris* (1846). Литературы по гендерным отношениям и положению женщин в Средневековье хватает, но самый лучший сборник на данный момент, с хорошими вводными материалами ко всей этой главе и отсылками к более ранним работам, — Bennett and Karras, *The Oxford handbook of women and gender*. Об уязвимости женской репутации см., например: аналитический разбор обвинений в позднесредневековой Англии S. Bardsley, *Venomous tongues* (2006). О патриархальном укладе в семье см.: R. E. Moss, *Fatherhood and its representations in Middle English texts* (2013).
- 9 Andreas aulae regiae capellanus, *De amore* (2006), 1.11.3; общие сведения см. в: K. Gravdal, *Ravishing maidens* (1991), 104–21 и в других местах; G. Boccaccio, *Decamerone* (1993), 10.10 о Гризельде.
- 10 D. Herlihy, *Opera muliebria* (1990), 75–102. Bennett, *Ale, beer, and brewsters*, 51–76 демонстрирует, что и промышленное пивоварение в позднем Средневековье взяли на себя муж-

чины. D. Cardon, *La draperie au moyen âge* (1999) показывает, что в промышленном ткачестве соотношение сил между мужчинами и женщинами в позднем Средневековье в континентальной Европе было примерно равным. О Фуггерах см.: M. Häberlein, *The Fuggers of Augsburg* (2012), 12–20 (они не были исключением, см.: E. Ennen, *The medieval woman* (1989), 165–84, 201, 209–10); в XVI веке женщин от руководящих ролей в торговом доме Фуггеров, наоборот, отстраняют: Häberlein, *The Fuggers*, 34–5, 204.

- 11 О медицине см., например: M. H. Green, *Women's medical practice and health care in medieval Europe* (1989); H. Skoda, *La Vierge et la vieille* (2012). О Реформации см.: L. Roper, *The holy household* (1989) (подчеркивает, что данные правила затрагивают и мужей); и уже упоминавшуюся 'Oedipus and the Devil' (1994), 37–52.
- 12 О Маггарите см.: краткий обзор у J. E. Olesen, *Inter-Scandinavian relations* (2003), 720–9; о королевах в общем см.: T. Earenfight, *Queenship in medieval Europe* (2013); A. Rodríguez, *La estirpe de Leonor de Aquitania* (2014).
- 13 E. Cavell, *Intelligence and intrigue in the March of Wales* (2015); J. C. Parsons, *Isabella* (1295–1358), *Oxford dictionary of national biography* (2004). (Открытая связь Изабеллы с Мортимером была крайне нетипична и оправдана лишь тем, что их отношения начались, когда оба были в изгнании во Франции, — при дворе мужа Изабелле такое с рук не сошло бы.)
- 14 R. Gilchrist, *Gender and material culture* (1994).
- 15 Ennen, *The medieval woman*, 170, 180–7, 230.
- 16 См., например: J. A. McNamara and S. Wemple, *The power of women through the family in medieval Europe: 500–1100* (1973); G. Duby, *Women and power* (1995). Я предпочитаю более последовательный труд J. Bennett, *Medieval women in modern perspective* (2000).
- 17 Общие материалы о приданом и брачных договорах см.: S. M. Stuard, *Brideprice, dowry, and other marital assigns* (2012)

- и М. С. Howell, *The marriage exchange* (1998), 196–228; проделанный Хауэлл разбор на примере Дуэ показывает, что контроль женщин над собственностью мог быть более сложным и в некоторых отношениях более длительным, чем предполагали многие предыдущие исследования.
- 18 М. Т. Clanchy, *Did mothers teach their children to read?* (2011), 139–53.
- 19 Christine de Pizan, *Le livre de la cité des dames* (1997), особ. 1.11, 27, 2.50, 3.9; комментарии см. среди многих прочих: R. Brown-Grant, *Christine de Pizan and the moral defence of women* (2000), 128–74.
- 20 О многогранном влиянии «Псевдо-Турпина» во Франции (в частности, в более поздних переводах обратно на французский) см. в первую очередь: G. M. Spiegel, *Romancing the past* (1993), 69–98.
- 21 О Германии см., например: M. H. Jones and R. Wisbey, *Chrétien de Troyes and the German middle ages* (1993); об Англии — W. R. J. Barron, *The Arthur of the English* (2001); об Уэльсе — R. Bromwich et al., *The Arthur of the Welsh* (1991).
- 22 G. Petrocchi, *Biografia* (1978), 45–9, о ранних цитатах; M. Caesar, *Dante: the critical heritage* (1989), 15–18, о Данте за границей.
- 23 О дворах и их социальных драмах см., например: M. Vale, *The princely court* (2001), особ. 179–246; S. Gunn and A. Janse, *The court as a stage* (2006). О византийском романе см.: E. Jeffreys, *Four Byzantine novels* (2012).
- 24 Беглый обзор всей средневековой французской литературы — F. Lestringant and M. Zink, *Histoire de la rance littéraire*, vol. 1 (2006); о трех сословиях см.: G. Duby, *The three orders* (1980), 271–353. О рыцарстве — J. Flori, *L'essor de la chevalerie* (1986), с поправками в D. Barthélemy, *The serf, the knight and the historian* (2009), 137–53. О многогранности рыцарского кодекса в действительном применении см., например: M. Keen, *Chivalry* (1984). О религиозной добродетели дворянства (и сохранявшемся ускоренном пути высшего сословия к свято-

- сти) см.: A. Murray, *Reason and society in the middle ages* (1978), 331–82.
- 25 Общие сведения см. у Coss, *The origins*; Crouch, *The birth of nobility*; K. B. McFarlane, *The nobility of later medieval England* (1973); J. Morsel, *L'aristocratie médiévale* (2004) дает общеевропейский анализ. О раннеевропейском употреблении слова *nobilis* см.: Goetz, 'Nobilis'. Об Алисе Чосер см.: R. E. Archer, *Chaucer, Alice, duchess of Suffolk* (с.1404–1475) (2004).
 - 26 R. C. Trexler, *Public life in Renaissance Florence* (1980), 218–23, 450–2; J.-C. Maire Vigueur, *L'autre Rome* (2010), 178–84; M. Rubin, *Corpus Christi* (1991), 164–84, 271–87. О торжественных въездах см.: A. Brown and G. Small, *Court and civic society in the Burgundian Low Countries c. 1420–1530* (2007), 23–8, 165–209 — о текстах; P. Arnade, *Realms of ritual* (1996), особ. 127–58; E. Lecuppre-Desjardin, *La ville des cérémonies* (2004), особ. 103–97, 259–302.
 - 27 J. Catto, Andrew Horn (1981), 387–91; для сравнения: Q. Skinner, *The foundations of modern political thought* (1978), vol. 1, 27–48 и B. Latini, *Li livres dou tresor* (2003); о скорби см.: C. Lansing, *Passion and order* (2008); о свечах см., например: *Statuta sive leges municipales Arelatis* (1846), 221, с. 93 об Арле.
 - 28 Хороший обзор дает Jones, *The Italian city-state*, 440–76.
 - 29 Boccaccio, *Decamerone*; о Чосере см., например: P. Strohm, *Social Chaucer* (1989), 84–91; об отсутствии отсылок к Лондону см.: D. Wallace, *Chaucerian polity* (1997), 156–81.
 - 30 *Diario bolognese di Gaspare Nadi* (1886); о *ricordanze* см., например: P. J. Jones, *Florentine families and Florentine diaries in the fourteenth century* (1956). «Декамерон» Боккаччо, 5.8, 9, 10.1, наполовину приближается к тому, чтобы приписать ценности, воспеваемые рыцарской литературой, гражданскому высшему сословию, но лишь наполовину; обратите внимание, кроме того, на квазиэпическую поэму о футбольном матче, приписываемую флорентийскому купцу и дипломату XV века Джованни Фрескобальди в L. Avellini, *Artigianato in versi del secondo Quattrocento fiorentino* (1980), 178–81, 213–29.

- 31 См.: N.E. Dubin, *The fabliaux* (2013) — недавно выпущенный параллельный перевод почти половины всего корпуса, но жертвующий дословностью ради художественности, поскольку автор задается целью воспроизвести французскую стихотворную форму; 872–85 — о *La damoisele qui n'oit parler de fotre qui n'aüst mal au cuer*. Своими идеями о социальном контексте фаблю я обязан прежде всего P. Ménard, *Les fabliaux* (1983) (65–72 о пище); C. Muscatine, *The Old French fabliaux* (1986) (73–83 о пище) и N.J. Lacy, *Reading fabliaux* (1993).
- 32 О духовном контексте отношений Марджери с пищей см.: M. Raine, 'Fals flesch' (2005). Об отношении крестьян к хорошей пище см., например: J. Birrell, *Peasants eating and drinking* (2015).
- 33 *Le vilain asnier* (in Dubin, *The fabliaux*, 176–80); общие сведения см. в первую очередь у Freedman, *Images of the medieval peasant*, 133–56. О 1381 году см.: S. Justice, *Writing and rebellion* (1994), 102–39, 181–90; и ниже, гл. 12.
- 34 D. Balestracci, *La zappa e la retorica* (1984).
- 35 О свидетельствах крестьян в суде см.: Wickham, *Courts and conflict* и G. Brucker, *Giovanni and Lusanna* (1986), 21–5. Классический пример, пусть и в обработке комментаторов, относящийся к началу XVI века, см.: N.Z. Davis, *The return of Martin Guerre* (1983).
- 36 *Le Roy Ladurie, Montaillou*; ключевые критические разборы — L.E. Boyle, *Montaillou revisited* (1981) и N.Z. Davis, *Les conteurs de Montaillou* (1979). Более поздние примеры см. в гл. 8, п. 55.
- 37 Birrell, *Manorial customals*; G. Algazi, *Lords ask, peasants answer* (1997); S. Teuscher, *Lords' rights and peasant stories* (2012); G. Brunel and O. Guillotjeannin, *Les préambules des chartes de franchises* (2007) — сравнительный обзор с библиографией. Перечень средневековых уставов итальянских деревень см. в: A. Rizzi, *Statuta de ludo* (2012), 29–76; одно из немногих аналитических исследований этих уставов — P. Toubert, *Les statuts communaux et l'histoire des campagnes lombardes au XIVe siècle* (1960).

- 38 См.: A. Walsham, *The Reformation of the landscape* (2011); B. Kümin, *The shaping of a community* (1996); A. Torre, *Il consumo di devozioni* (1995); W. A. Christian Jr., *Local religion in sixteenth-century Spain* (1981) — важные аналитические разборы на примерах, относящихся к периоду после 1500 года.
- 39 J. Whittle, *The development of agrarian capitalism* (2000); G. Cherubini and R. Francovich, 'Forme e vicende degli insediamenti nella campagna toscana dei secoli XIII–XV' (1973).
- 40 Об Исландии см. в первую очередь: Miller, *Bloodtaking and peacemaking*; Byock, *Viking age Iceland*; Jón Viðar Sigurðsson, *Chieftains and power in the Icelandic commonwealth* (1999); об историчности родовых саг — C. Callow, *Reconstructing the past in medieval Iceland* (2006). Классику этого жанра — *Brennu-Njáls saga* (1954) (Сага о Ньяле), см. в W. I. Miller, *Why is your axe bloody?* (2014) и *Laxdæla saga* (1934) (Сага о людях из Лососьей долины) (цитата со с. 78).
- 41 О Лондоне см. в первую очередь: F. Rexroth, *Deviance and power in late medieval London* (2007), 27–187; о проституции в целом — R. M. Karras, *Common women* (1996). Ср. также B. Geremek, *The margins of society in late medieval Paris* (1987), 199–215, о Париже (гонения на попрошайек, но не на проститутток) и о положении в разных странах Европы см.: T. Dean, *Crime in medieval Europe* (2001), 47–72.
- 42 См.: L. Stokes, *Demons of urban reform* (2011), о предпосылках охоты на ведьм в XV веке.
- 43 О противоречивости папской политики см.: R. Rist, *Popes and Jews, 1095–1291* (2016). О XIV веке — D. Nirenberg, *Communities of violence* (1996) (200–30 — о регулярности погромов в пасхальную неделю); S. K. Cohn, *The Black Death and the burning of Jews* (2007); P. Wolff, *The 1391 pogrom in Spain* (1971); A. MacKay, *Popular movements and pogroms in fifteenth-century Castile* (1972). Миф об осквернении см. в: M. Rubin, *Gentile tales* (1999). Общий обзор см. в: R. Chazan, *The Jews of medieval western Christendom, 1000–1500* (2006). J. M. Elukin,

Living together, living apart (2007) — гораздо сильнее, чем сделал бы я, подчеркивает относительно мирный характер христианско-еврейских отношений.

Глава 11. Деньги, война и смерть: 1350–1500 гг.

- 1 Cohn, *The Black Death transformed* — лучший обзор на данный момент. Автор считает, что Черная смерть не была бубонной чумой (*Yersinia pestis*), но более свежие биоархеологические исследования дают все основания думать иначе — список литературы на данную тему см. в: M. H. Green, *Pandemic disease in the medieval world* (2014). И все же по характеру течения и передачи Черная смерть не во всем схожа с бубонной чумой. Модельное исследование на основе города Орвьесто см. в: É. Carpentier, *Une ville devant la peste* (1962). См. также критические замечания в D. C. Mengel, *A plague on Bohemia?* (2011).
- 2 C. Allmand, *The Hundred Years War* (2001); очень подробное изложение, пока доведенное до 1422 года, — J. Sumption, *The Hundred Years War* (1990–2015). О внутренней структуре (и поразительной малочисленности) английских войск см.: A. R. Bell et al., *The soldier in later medieval England* (2013).
- 3 Общие сведения см. в: D. Abulafia, *The western Mediterranean kingdoms, 1200–1500* (1997).
- 4 См.: L. J. A. Villalon and D. J. Kagay, *The Hundred Years War: a wider focus* (2005) — взгляд на войну в масштабах всей Европы.
- 5 Толковые основополагающие материалы см. в: H. Kaminsky, *The Great Schism* (2000); о реакции университетов см.: R. N. Swanson, *Universities, academics and the Great Schism* (1989); о ряде новых направлений см.: J. Rollo-Koster and T. M. Izbicki, *A companion to the great western schism (1378–1417)* (2009).
- 6 P. Partner, *The 'budget' of the Roman church in the Renaissance period* (1960).

- 7 Watts, *The making of politics* — и предшествующая библиография.
- 8 Об Англии — Britnell, *The commercialisation*, 155–203; уже упоминавшаяся *'Britain and Ireland'*, 320–506; Dyer, *Making a living*, 265–362; уже упоминавшаяся *'An age of transition?'* (2005); уже упоминавшаяся *'England's economy in the fifteenth century'* (2014). Классические обзоры, берущие за основу модель экономической депрессии, — *The Cambridge economic history*, vol. 2; Contamine, *L'économie médiévale*, 329–405.
- 9 О Ганзе — P. Dollinger, *The German Hansa* (1964), по-прежнему не теряет актуальности; более свежие материалы — E. Isenmann, *Die deutsche Stadt im Spätmittelalter 1250–1500* (1988), 341–402, охватывающие и южную Германию. Из недавних работ, посвященных английскому сукну, см., например: Britnell, *Britain and Ireland*, 326–31, 351–4.
- 10 Общие сведения см. в: B. van Bavel, *Manors and markets* (2010), 242–371; о Фландрии — Nicholas, *Medieval Flanders*, 273–85, 378–91.
- 11 Две важные монографии на базе итальянских исторических источников — R. A. Goldthwaite, *The economy of Renaissance Florence* (2009) и Epstein, *Freedom and growth*; удачно обобщают недавние работы об Италии в целом F. Franceschi and L. Molà, *L'economia del Rinascimento* (2006), уже упоминавшаяся *'Regional states and economic development'* (2012), 444–66 и T. Scott, *The economic policies of the regional city-states of Renaissance Italy* (2014).
- 12 О Валенсии см., например: A. Furió, *Història del país valencià* (1995), 204–10; о Сицилии — Epstein, *An island for itself*, 162–313; о Португалии — S. M. Stuard, *A state of deference* (1992), 171–202.
- 13 R. Brenner, *Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe* (1976).
- 14 Разнообразные примеры см. в Dyer, *An age of transition?* 194–229 (подчеркивает, что наемный оплачиваемый труд в Англии появился еще раньше); Whittle, *The development*; Brenner,

- Agrarian class structure, 61–75; van Bavel, *Manors and markets*, 242–6; Bois, *The crisis of feudalism*, 300–68.
- 15 Разбор этой тенденции на примере Англии см. в: Dyer, *Standards*, 211–33.
- 16 О Египте — самые свежие материалы в S. J. Borsch, *The Black Death in Egypt and England* (2005), 23–54; более ранние работы — M. W. Dols, *The Black Death in the Middle East* (1977), 255–80. Об Индии и Китае — P. Parthasarathi, *Why Europe grew rich and Asia did not* (2011); K. Pomeranz, *The great divergence* (2000) (работа, устоявшая в этом отношении перед критикой) — обе посвящены более поздним столетиям, но сделанные наблюдения можно отнести и к периоду до 1500 года.
- 17 Как общий справочник по всем позднесредневековым государствам см.: NCMH, тт. 6 and 7 — как правило, достаточно традиционные, качественные политические обзоры. Watts, *The making of polities* — свежий и выражено сравнительный подход. О налогово-бюджетных институтах см.: R. Bonney, *Economic systems and state finance* (1995) и уже упоминавшуюся ‘*The rise of the fiscal state in Europe*’, с. 1200–1815 (1999) — это основные вводные материалы плюс критический анализ в S. Carocci and S. M. Collavini, *Il costo degli stati* (2011), 20–48. При этом некоторые местные источники по налогообложению, на которые я ссылаюсь ниже, наоборот, сильно ему уступают.
- 18 См.: M.-T. Caron, *Noblesse et pouvoir royal en France, XIIIe — XVIe siècle* (1994) о позднем Средневековье в целом; P. S. Lewis, *Later medieval France* (1968) — передовое социополитическое исследование; G. Small, *Late medieval France* (2009); о налогообложении см.: J. B. Henneman, ‘*France in the middle ages*’ (1999); W. M. Ormrod, *The west European monarchies in the later middle ages* (1995), особ. 136–55. C. Fletcher et al., *Government and political life in England and France*, с. 1300–1500 (2015) — ценное сравнительное исследование Франции и Англии.
- 19 McFarlane, *The nobility*, 19–40 — исчерпывающий анализ.

- 20 Общие сведения см. (в числе многих) в: G. Harriss, *Shaping the nation* (2005); J. Watts, *Henry VI and the politics of kingship* (1996); C. Carpenter, *The Wars of the Roses* (1997); R. Davies, *The revolt of Owain Glyn Dŵr* (1995).
- 21 О налогообложении см.: Ormrod, *England in the middle ages* (1999); Ormrod, *The west European monarchies*, особ. 136–55.
- 22 A. Grant, *Independence and nationhood* (1984); J. Wormald, *Scotland: 1406–1513* (1998); K. Stevenson, *Power and propaganda* (2014); в поддержку им R. Nicholson, *Scotland: the later middle ages* (1974). О политике налогообложения — R. Tanner, *The late medieval Scottish parliament* (2001), 7–30, 51–4, 197–222. Сравнение с Англией см. в: M. Brown, *Disunited kingdoms* (2013).
- 23 См. в первую очередь: A. H. de Oliveira Marques, *Portugal na crise dos séculos XIV e XV* (1987), особ. 81–6 (о земле), 298–316 (право и налогообложение).
- 24 Общие сведения см. в не теряющем актуальности A. MacKay, *Spain in the middle ages* (1977), 133–59 (также о периоде после 1400 года); более конкретно см.: Ladero, *Fiscalidad*, 331–44 и уже упоминавшуюся ‘*Castile in the middle ages*’ (1999); Ormrod, *The west European monarchies*, особ. 144–55; для сравнения — J. F. O’Callaghan, *The cortes of Castile-León, 1188–1350* (1989), 130–51 (о предшествующем периоде), а также Wolff, *The 1391 pogrom in Spain*.
- 25 См., например: J. Edwards, *The Spain of the Catholic monarchs, 1474–1520* (2000), особ. 38–141. О налогообложении см.: M. A. Ladero Quesada, *El siglo XV en Castilla* (1982), 58–113; о долгом XV столетии специальные исследования в D. Menjot and M. Sánchez Martínez, *Fiscalidad de estado y fiscalidad municipal en los reinos hispánicos medievales* (2006), которые затрагивают также и Арагон.
- 26 Общие сведения см. в Bisson, *The medieval crown of Aragon; for Eiximenis*, Ll. Brines i Garcia, *La filosofia social i política de Francesc Eiximenis* (2004), особ. 130–5, 143–58.
- 27 Pryor, *Foreign policy and economic policy*, особ. 45–6.

- 28 Abulafia, *The western Mediterranean kingdoms* — с точки зрения политики; удобные недавние структурные обзоры со ссылками на итальянские источники — F. Titone, *The kingdom of Sicily*, (2012) и F. Senatore, *The kingdom of Naples* (2012). О налогообложении см.: S. Morelli, *Note sulla fiscalità diretta e indiretta nel regno angioino* (2011).
- 29 Ценная подборка статей со ссылками на все предшествующие материалы в: A. Gamberini and I. Lazzarini, *The Italian Renaissance state* (2012); из более раннего — сравнительные статьи в F. Salvestrini, *L'Italia alla fine del medioevo*, vol. 1 (2006) и более короткие, но по-прежнему выдающиеся обзоры в: J. M. Najemy, *Italy in the age of the Renaissance: 1300–1550* (2004). Монографическое исследование см. в: I. Lazzarini, *L'Italia degli stati territoriali, secoli XIII–XV* (2003). О налогах см.: P. Mainoni, *Politiche finanziarie e fiscali nell'Italia settentrionale (secoli XIII–XV)* (2001); M. Ginatempo, 'Finanze e fiscalità' (2006). О флорентийском кадастре см.: D. Herlihy and C. Klapisch-Zuber, *Tuscans and their families* (1985), особ. 10–27.
- 30 Общие сведения см. в: Scales, *The shaping of German identity*; Moraw, *Von offener Verfassung*, esp. 183–94; Isenmann, *Die deutsche Stadt im Spätmittelalter*; и о налогах — в уже упоминавшейся 'The Holy Roman Empire in the middle ages' (1999). Очень многое я почерпнул из неопубликованной работы Дункана Харди. О названии империи в 1474 году — J. Whaley, *Germany and the Holy Roman Empire*, vol. 1 (2012), 17.
- 31 Общие материалы по истории Чехии — устаревающий F. Seibt, *Die Zeit der Luxemburger und der hussitischen Revolution* (1967). О гуситах до 1436 года см. гл. 12, п. 27.
- 32 R. Sablonier, *The Swiss confederation* (1998); Scott, *The city-state*, 164–92; G. P. Marchal, *Sempach 1386* (1986) (исследование, посвященное Люцерну); уже упоминавшаяся 'Die Antwort der Bauern' (1987); о влиянии швейцарского опыта на остальные страны — T. A. Brady, *Turning Swiss* (1985).

- 33 Общие сведения см. в толковом синтезе W. Blockmans and W. Prevenier, *The promised lands* (1999); о финансах см.: M. Mollat, *Recherches sur les finances des ducs valois de Bourgogne* (1958) и W. Blockmans, *The Low Countries in the middle ages* (1999).
- 34 Engel, *The realm of St Stephen* — недавняя работа. О налогообложении см.: Ormrod and Barta, 'The feudal structure', 76–9; Barta and Barta, *Royal finance*.
- 35 О Литве до 1345 года см.: S. C. Rowell, *Lithuania ascending* (1994); о ее стремительной христианизации в XV веке см.: D. Baronas and S. C. Rowell, *The conversion of Lithuania* (2015). О Польше — N. Nowakowska, *Church, state and dynasty in Renaissance Poland* (2007), 11–36, 65–7, о Казимире IV; повествовательное изложение — R. Frost, *The making of the Polish — Lithuanian union, 1385–1569* (2015), 267–76, 286–90, 354–73 — к этой работе можно обращаться как к вводным материалам по политике Литвы XV века. О налогах см., например: J. Bardach, *La formation des Assemblées polonaises au XVe siècle et la taxation* (1977).
- 36 Хорошие материалы на данную тему — статьи в Helle, *Cambridge history of Scandinavia*, vol. 1, 581–770; о крестьянских восстаниях см. K. Katajala, *Against tithes and taxes, for king and province* (2004), 39–49.
- 37 Здесь я снова вторю Watts, *The making of politics*, на чьих идеях во многом построена эта глава.

Глава 12. Переосмысление политики: 1350–1500 гг.

- 1 T. Wright, *Political poems and songs relating to English history, composed during the period from the accession of EDW. III to that of RIC. III* (1861), vol. 2, 157–205 (сборник включает много похожих текстов на народном языке, отражающих реакцию на определенные события или ратующих за определенные политические перемены); J. P. Gilson, *A defence of the proscription of the Yorkists in 1459* (1911); M. Bateson, *George Ashby's poems* (1899), 12–41 (at 19, 24–6, 33, 40); Sir John Fortescue, *On the laws and*

- governance of England (1997), 92–3, 100–14. Для сравнения: G. A. Holmes, *The 'libel of English policy'* (1961) — о первом из упомянутых сочинений; M. Kekewich, *The attainder of the Yorkists in 1459* (1982) — о втором. Кроме того, см.: Watts, *Henry VI*, esp. 39–51, уже упоминавшуюся *'The pressure of the public on later medieval politics'* (2004) и уже упоминавшуюся *'Ideas, principles and politics'* (1995); а также A. Pollard, *The people, politics and the constitution in the fifteenth century* (2013) — об общих проблемах.
- 2 Watts, *Ideas, principles*, 110 (и 92–3 о смерти Саффолка); о Кэде — I. M. W. Harvey, *Jack Cade's rebellion of 1450* (1991) (цитата со с. 190). Казнь Саффолка была одобрена в едкой сатирической поэме на английском: Wright, *Political poems*, vol. 2, 232–4. О расклеивании афиш см.: W. Scase, *'Strange and wonderful bills'* (1998).
 - 3 F. Šmahel, *Die hussitische Revolution* (2002), в частности 1735–1781; Bartolo, *Tractatus de tyranno*, in D. Quagliioni, *Politica e diritto nel Trecento Italiano* (1983), 175–213, цитата на с. 199; N. Machiavelli, *De principatibus* (1994), с. 17.
 - 4 Об Эгидии Римском см.: M. S. Kempshall, *The common good in late medieval political thought* (1999), 130–55. Об остальных — вводные материалы см. у J. H. Burns, *The Cambridge history of medieval political thought*, с. 350–1450 (1988) и A. Black, *Political thought in Europe, 1250–1450* (1992). J. Dunbabin, *Government*, в Burns, *цит. соч.*, 477–519 ближе всего к моим доводам.
 - 5 Обзор структурных различий см. в: W. P. Blockmans, *A typology of representative institutions in late medieval Europe* (1978); см. также уже упоминавшуюся *'Representation (since the thirteenth century)'* (1998); о Франции и Англии — C. Fletcher, *Political representation* (2015), 217–39. Ценный сравнительный анализ состава парламентов Западной Европы см. в: M. Hébert, *Parlementer* (2014).
 - 6 См.: Bartlett, *England, 143–59*. Более подробно — Maddicott, *The origins* (лучшие материалы по собраниям государственных

- ного уровня, хотя и с бóльшим акцентом на преемственности, чем мои доводы); о судах графств и сотен см.: F. Pollock and F. W. Maitland, *The history of English law before the time of Edward I* (1898), vol. 1, 532–60.
- 7 Bisson, *The medieval crown of Aragon*, 76–81; Maddicott, *The origins*, 204–5, 299–300, 316–20 об Англии; и более общие материалы — Hébert, *Parlementer*, 175–84.
 - 8 Общие сведения см., например, в: H. R. Oliva Herrer et al., *La comunidad medieval como esfera pública* (2014); A. Gamberini et al., *The languages of political society* (2011). О бургундских землях см. J. Dumolyn, 'Justice, equity and the common good' (2006). Добавлю, что понятие коллективной власти народа, по крайней мере в Константинополе, в форме республики или политики появилось в Византийской империи уже в XI веке (и даже раньше): Kaldellis, *The Byzantine republic*, особ. 89–164.
 - 9 G. Dodd, *Justice and grace* (2007), 207–11 (крестьяне), 266–78 (города). Однако большинство таких петиций составлялось относительно зажиточной прослойкой.
 - 10 Cr. Taylor, *War, propaganda and diplomacy in medieval France and England* (2000) (о текстах для служебного пользования); J. A. Doig, *Political propaganda and royal proclamations in late medieval England* (1998); об Италии (где процесс начался еще в XIII веке), P. Cammarosano, *Le forme della propaganda politica nel Due e nel Trecento* (1994) — хотя не все рассматриваемые в примерах тексты предназначались для широкой публики.
 - 11 См.: Reynolds, *Kingdoms and communities* — о взаимоотношениях между ними по крайней мере до 1300 года.
 - 12 См., например: P. Lantschner, *The logic of political conflict in medieval cities* (2015).
 - 13 См. традиционно: F. Lot and R. Fawtier, *Histoire des institutions françaises au moyen âge*, (1958), vol. 2, 201–85, 472–508; для дальнейшего ознакомления — Lewis, *Later medieval France*, 245–64, 328–74 и уже упоминавшаяся 'The failure of the French medieval estates' (1962) — о городах и собраниях.

- 14 J. Valdeón Baroque, *Los conflictos sociales en el reino de Castilla en los siglos XIV y XV* (1975), 65–81, 192–200; E. Fuentes Ganzo, *Pactismo, cortes y hermandades en León y Castilla* (2008): их расцвет пришелся на XIV век, но идея братства и в дальнейшем вдохновляла и служила структурной составляющей крестьянских и городских восстаний (о XV веке см.: Galicia, C. Barros, *Mentalidad justiciera de los irmandiños, siglo XV* (1990)).
- 15 Общие сведения о Базеле см. в: A. Black, *Council and commune* (1979); о Николае Кузанском см.: M. Watanabe, *The political ideas of Nicholas of Cusa* (1963). О более сильных монархиях следующего периода см.: Watts, *The making of polities*, 339–419.
- 16 M. Ryan, *Bartolus of Sassoferrato and free cities* (2000); J. Canning, *The political thought of Baldus de Ubaldis* (1987). Цитату см. в: Jacques de Révigny, *Lectura in digestum vetus in proemio*, cited in E. M. Meijers, *Études d'histoire du droit* (1959), vol. 3, 9 (для сравнения 59–80 о сочинениях де Ревиньи в целом).
- 17 О Каталонии и Польше см.: Ll. Sales i Favà, *Suing in a local jurisdictional court in late medieval Catalonia* (2014) и P. Guzowski, *Village court records and peasant credit in fifteenth- and sixteenth-century Poland* (2014). Среди других крупных исследований — C. Gauvard, 'De grace especial' (1991); Vallerani, *Medieval public justice*. О кредитах — Briggs, *Credit*.
- 18 P. Contamine, *War in the middle ages* (1984), 137–72.
- 19 Dante, *Monarchia*. См., например: J. Canning, *Ideas of power in the late middle ages, 1296–1417* (2011), 60–80.
- 20 Кратко, но емко см. у N. Mann, *Petrarch* (1984). V. Kirkham, *Petrarch the courtier* (2009) — хорошо освещена политическая роль Петрарки, при этом и его общее влияние разбирается в книге не хуже.
- 21 Из всей обширной библиографии особенно полезными мне кажутся L. Martines, *The social world of the Florentine humanists, 1390–1460* (1963); J. Hankins, *Renaissance civic humanism* (2000); G. Ruggiero, *The Renaissance in Italy* (2015); N. S. Baker and B. J. Maxson, *After civic humanism* (2015); O. Margolis, *The*

- politics of culture in Quattrocento Europe (2016). Разобраться в довольно обособленной англо-американской историографии поможет M. Jurdjevic, *Hedgehogs and foxes* (2007).
- 22 В качестве ведущего пособия все еще актуальна J. Gadol, Leon Battista Alberti (1969); о Пьенце см.: C. R. Mack, *Pienza* (1987).
- 23 D. Hobbins, *Authorship and publicity before print* (2009); уже упоминавшаяся 'The schoolman as public intellectual' (2003).
- 24 S. E. Lahey, John Wyclif (2009); A. Hudson and A. Kenny, *Wyclif, John (d. 1384)* (2004).
- 25 Общие сведения о лоллардах см. в: A. Hudson, *The premature Reformation* (1980). J. P. Hornbeck, *What is a Lollard?* (2010), где четко показан диапазон убеждений лоллардов; о более поздних лоллардах см.: S. McSheffrey, *Heresy, orthodoxy and English vernacular religion, 1480–1525* (2005). О реакции на их деятельность — I. Forrest, *The detection of heresy in late medieval England* (2005).
- 26 Изданная биография на английском — T. A. Fudge, *Jan Hus* (2010).
- 27 H. Kaminsky, *A history of the Hussite revolution* (1967), T. A. Fudge, *The magnificent ride* (1998), J. Klassen, *Hus, the Hussites and Bohemia* (1998) и в первую очередь огромный Šmahel, *Die hussitische Revolution* обобщают чешскую историографию, приведенную в этом и следующем абзацах.
- 28 Cohn, *Lust for liberty* (статистика на с. 228).
- 29 Freedman, *The origins of peasant servitude, 179–202* о ремеслах; уже упоминавшаяся 'Images of the medieval peasant', 190–203 (и выше, гл. 11) о Дитмаршене и Швейцарии; O. J. Schmitt, *Les hommes et le pouvoir* (2011) — о хорватском городе Корчула.
- 30 На эту тему библиография тоже обширна. В категории классики — R. H. Hilton, *Bond men made free* (1973); R. H. Hilton and T. H. Aston, *The English rising of 1381* (1984); Justice, *Writing and rebellion*; об организации крестьян — N. P. Brooks, *The organization and achievements of the peasants of Kent and Essex in 1381* (1985).

- 31 Общие сведения см. в Cohn, *Lust for liberty*, его же *Creating the Florentine state* (1999) — о флорентийских бунтах около 1400 года, и его же сборник исторических источников *Popular protest in late medieval Europe* (2004). О Жакерии — J. Firnhaber-Baker, *The eponymous Jacquerie* (2016). О Фландрии — Dumolyn and Haemers, *Patterns of urban rebellion* и уже упоминавшаяся *'A bad chicken was brooding'* (2012). О Франции и Англии — V. Challet and I. Forrest, *The masses* (2015). О бунтах как элементах городской политики во Фландрии и Италии — Lantschner, *The logic of political conflict*. О раннесредневековых бунтах — Wickham, *Space and society*. Самые свежие вводные материалы — J. Firnhaber-Baker, *The Routledge history handbook of medieval revolt* (2016).
- 32 Как подчеркивается в недавней работе, приведенной в предыдущем примечании, а также в Pollard, *The people*.

Глава 13. Заключение

- 1 См., например: C. Anderson, *Renaissance architecture* (2013), 106–8; E. Karpova Fasce, *Gli architetti italiani a Mosca nei secoli XIV–XV* (2004).
- 2 E. Albèri, *Le relazioni degli ambasciatori veneti al senato* (1839), 3–26; C. V. Malfatti, *Two Italian accounts of Tudor England* (1953), 36, 40 (Мальфатти не знал, что автор, Андреа де Франчески, был штатным венецианским послом). За эти ссылки отдельное спасибо Изабелле Ладзарини.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абдаллах бен Зири, эмир Гранады 109
Абд ар-Рахман I, эмир аль-Андалуса
100, 107, 108
Абд ар-Рахман III, халиф аль-Андалуса
108, 109
Абдул-Малик, халиф 98
Абеляр, Пьер 263, 383
Аверроэс (Ибн Рушд) 110, 266
Австразия 74
Австрия 111, 171, 212, 244, 356, 361
Агилульф, король лангобардской
Италии 81
Агобара, архиепископ Лионский 120,
131, 137
Адельгейда, императрица Германии 135
Азенкур, битва при 335, 345
Айстульф, король лангобардской
Италии 81
Аквинский, Фома 265, 270, 311, 328,
373
Аquitания 33, 75, 168, 174, 186, 233
Аларих II, король вестготов 72
Албания 292
Александр II, папа римский 190
Александр III, папа римский 267
Александрия, Египет 222, 224
Алексей IV, император Византии 289
Алексей I Комнин, император Византии
284, 285, 287, 289, 290, 306
Алжир 56, 57
Алиенора Аквитанская, королева
Англии 33
Алкуин 127
Аль-Андалус 39, 100, 101, 106–108,
110, 114, 161, 170, 205, 216, 236,
237, 398
Альберих, римский патриций 186
Альберти, Леон Баттиста 385
Альбигойские крестовые походы 233,
269
Аль-Мансур, хаджиб аль-Андалуса 99,
108
Аль-Мансур, халиф 99
Альморавиды 109, 110, 236
Альмохады 110
Альтхофф, Гера 261, 478
Альфонсо VIII 237
Альфонсо V, король Арагона 23, 108,
236, 237, 353
Альфонсо VI, король Кастилии 23, 108,
236, 237
Альфонсо X, король Кастилии 237,
256, 257, 334
Альфонсо XI, король Кастилии 334
Альфред, король Уэссекса 151, 152
Амадей VIII, герцог Савойский 380
Америка 26, 344
Анаклет II, папа римский 239
Анастасий, римский император 86
Англая 23, 34, 38, 43, 70, 119, 125, 127,
134, 140, 142, 143, 145, 148,
150–153, 155, 156, 163–165,
167, 170, 174, 175, 179, 183, 185,
187, 194, 196, 203, 204, 209, 210,
213, 214, 219, 220, 223, 226, 228,
230–232, 234, 237, 238, 245,
247–249, 252, 253, 255, 257–261,
269, 273, 301, 307, 313, 315, 324,
328, 329, 334, 335, 338, 340, 342,
343, 346, 348, 349, 351, 356, 360,
368–370, 372, 374–376, 381, 382,
384, 386, 391–393, 398, 463, 482,

- 484, 485, 489, 490, 492, 496, 504,
507, 512, 513, 517, 518, 521
- Анна Далассина 285, 306
- Анна Комнина 287
- Анна, святая 309
- Ансельм, архиепископ
Кентерберийский 230
- Арагон 110, 237, 252, 259, 260, 338,
350–352, 361, 366, 368, 376,
391, 514
- Арбротская декларация 260
- Ариане 60, 72, 78, 88
- Аристотель 266, 373
- Армения 88, 277, 284
- Арунальф, император и король
Восточно-Франкского
королевства 115, 133
- Артур, король 312, 314
- Ассени, братья, правители Болгарии 289
- Аттины, съезд в 119, 474
- Аудоин Руанский 75, 76
- Аэций 58
- Б**
- Базельский собор 9, 379, 387
- Байнум, Кэролайн 298
- Балканы 29, 53, 56, 57, 86, 89, 93, 143,
160, 274, 284, 292, 296, 395
- Бальдо дельи Убальди 381
- Бартлетт, Роберт 166
- Бартоло да Сассоферрато 258, 372, 373,
381
- Баязид I, османский султан 292
- Бела III, король Венгрии 238
- Бела IV, король Венгрии 238
- Бельгия 74, 101, 117, 360
- Бенедикт IX, папа римский 191
- Беренгар I, король Италии 133
- Бернард, граф Септиманский 128, 130
- Бернард Клервоский, аббат 194, 241,
263, 383
- Бернард, король Италии 119, 131
- Бернардо Росселлино 385
- Бланка Кастильская, королева Франции
264
- Блок, Марк 36, 178
- Боккаччо, Джованни 305, 310, 313,
319, 320
- Болгария 93, 142, 276, 281, 289, 291
- Болейн, Анна, королева Англии 307
- Болеслав I, король Польши 162
- Болеслав III, король Польши 163
- Болли, сын Торлейка 326
- Бонифаций VIII, папа римский 234,
242, 246, 249, 337
- Бонифаций, архиепископ Майнца 113
- Босуэлл, Джон 272
- Боземунд, князь Антиохии 198
- Бозций 7, 310
- Бретань 57, 72, 234
- Бриан Бору, король Ирландии 148
- Бригитта Шведская 302
- Британия, *см. также* Англия;
Шотландия; Уэльс 25, 31, 53,
55, 56, 65, 66, 142, 147, 244, 344,
465, 479, 480
- Брунгильда, королева франков 73, 77
- Бруни, Леонардо 373
- Бруннер, Отто 245
- Бруно, архиепископ Кельнский 135,
156
- Бруно, епископ Тульский, *см. также*
Лев IX 187, 190
- Буондальмонти — Арриги, кровная
вражда 46, 462
- Бургундия 56, 57, 58, 72, 133, 174, 186,
187, 226, 234, 315, 344, 345, 356,
357, 360, 378, 379, 382
- В**
- Вальдесмар IV, король Дании 365
- Вальдессы 267, 269, 271
- Вальд из Лиона 267
- Вальтер Мертонский 248, 249
- ван Артевельде, Филипп 218
- ван Артевельде, Якоб 218

- Вандалы 56, 57, 60, 61, 63, 86
 Василий I, император Византии 116,
 274, 276, 283, 286, 287
 Василий II, император Византии 274,
 276, 277, 281, 283, 286
 Вацлав IV, король Чехии и (под именем
 Венцель) император Германии
 358, 387, 390
 Великая хартия вольностей 234, 235,
 238
 Венгрия 28, 102, 114, 142, 157, 160,
 165, 167, 171, 198, 232, 238, 252,
 261, 275, 283, 287, 296, 338, 344,
 356, 361, 363, 366, 368, 382,
 390, 395
 Венеция, Италия 214, 222, 224, 225,
 287, 316, 340, 341, 354, 356,
 378, 401
 Верденский договор 115, 116
 Верона, Италия 193, 271, 354, 487
 Верхняя Лотарингия 187
 Вестготы 56–58, 60, 61, 78, 80, 87, 108,
 113, 126, 255, 328
 Вигго 129
 Византий, *см. также* Константинополь
 91
 Византия 22–26, 39, 40, 53, 64, 74, 78,
 81, 89, 91, 93, 94, 97, 101–106,
 110, 114, 126, 141, 142, 166,
 170, 179, 193, 196, 198, 201,
 216, 222, 246, 255, 274–277,
 281, 283–288, 290, 292–296,
 309, 312, 368, 398, 399, 435, 469,
 504, 518
 Викинги 116, 119, 134, 142, 145, 147, 151,
 155, 216, 217, 245, 481
 Вильгельм I, король Англии 175, 184,
 230, 376
 Вильгельм II, король Англии 230
 Витовт, великий князь литовский 364
 Владимир I Святославич, русский князь
 8, 281, 282
 Владислав II Ягелло, король Польши
 363
 Владислав I Локетек, король Польши
 363
 Возрождение 23–26, 402
 Воила, Евстафий 280
 Война Алой и Белой розы 348
 Восточно-Франкское королевство, *см.*
также Франкское королевство;
 Германия 115, 116, 121, 127,
 133–137, 139, 170
 Вриенний, Никифор 287
 Второй крестовый поход 237
 Вульфстан, архиепископ Йоркский 152
- ## Г
- Габсбурги 244, 356, 359, 361
 Галлия, *см. также* Франкское
 государство, Франция 56–59,
 61, 63, 64, 66, 68, 72, 75, 78, 83,
 96, 99, 466
 Ганди, Махатма 388
 Ганза, Ганзейская лига 166, 222, 340,
 341, 366, 378
 Гарольд II, король Англии 175
 Гасконь 233, 234, 335
 Гастингс, битва при 175
 Гвидо да Велате, архиепископ
 Миланский 188
 Гвидо Медико, сеньор Тинтиннано 211
 Гедимин, великий князь литовский 363
 Гейзерих, король вандалов 57
 Генрих II, император Германии 261
 Генрих III, император Германии 172,
 189, 192
 Генрих IV, император Германии 31, 172,
 180, 192, 194
 Генрих VI, император Германии 243
 Генрих I, король Англии 31, 134, 172,
 194, 230, 247, 347
 Генрих II король Англии 33, 38, 148,
 174, 232, 235, 261
 Генрих III, король Англии 235, 248
 Генрих IV, король Англии 347
 Генрих V, король Англии 347

- Генрих VI, король Англии 335, 347, 370
 Генрих VII, король Англии 348
 Генрих I, король Восточно-Франкского королевства 133
 Генрих Лев, герцог Баварии и Саксонии 243, 244
 Генуя, Италия 182, 214, 216, 217, 222, 224, 258, 287, 341, 354, 491
 Георг I Ганноверский, король Великобритании 244
 Герберга, королева Западно-Франкского королевства 135
 Герберт Орильякский, *см.* Сильвестр II 137
 Германия, *см. также* Восточно-Франкское королевство 25, 28, 31, 72, 111, 117, 121, 133, 140, 142, 154, 170–172, 179, 180, 182, 194, 198, 199, 206, 208, 209, 222, 229, 231, 232, 242–244, 247, 255, 259, 261, 282, 301, 315, 316, 324, 329, 338, 340, 342, 343, 356, 359, 391, 398, 483, 485, 507, 512
 Гертруда, настоятельница Нивельского монастыря 74
 Гийом де Ногаре 248, 256
 Гильдии 218, 223, 264, 271, 286, 308, 309, 317, 318
 Гильом V, граф Пуату и герцог Аквитании 168, 169, 173, 179, 180, 184
 Гильом Благочестивый, герцог Аквитании 186
 Гиневра, королева 308
 Гинкмар, архиепископ Реймский 127, 137, 476
 Гинкмар, епископ Ланский 121
 Годфред, король Дании 154
 Гомер 280
 Гораций 127
 Горм, король Дании 156
 Госпитальеры 266
 Готическая архитектура 23, 203, 229
 Готшалк 128
 Гранада 108, 110, 237, 350, 351, 472
 Грейвз, Роберт 109
 Греция 26, 93, 102, 274, 286, 291–293
 Григорий I Великий, папа римский 94, 185
 Григорий VI, папа римский 189, 190, 192, 373
 Григорий VII, папа римский 31, 137, 172, 190, 192, 194, 373
 Григорий IX, папа римский 264, 270
 Григорий XI, папа римский 299, 302, 337, 339
 Григорий, епископ Турский 45, 63, 68, 73, 427, 466
 Гризельда 305, 311
 Гримбальд из Сен-Бертена 152
 Гримм, братья 31
 Гуго де Лузиньян (ум. ок. 1030) 168–170, 174, 176, 179, 184
 Гуго де Лузиньян (ум. в 1219) 233
 Гуго Капет, король Франции 134
 Гудрун, дочь Освивра 326
 Гумберт де Муанмутье 190
 Гундхарт 121
 Гунтрамн, король франков 68
 Гуситы 111, 358, 388, 389
 Гус, Ян, *см. также* Гуситы 358, 383, 386–390
- ## Д
- Дагоберт I, король франков 73, 75, 76, 247
 Даимберт, архиепископ Пизанский 216
 Дамаск, Сирия 98
 Даневирке 154
 Данегельд 245
 Дания 119, 142, 145, 146, 154–156, 159, 160, 162, 164, 211, 307, 364
 Данте Алигьери 240, 305, 312, 373, 384, 385, 507
 Дезидерий, епископ Кагорский 76
 Джованна I Неаполитанская 307

Джойс, Джеймс 313
 Джон Гонт, герцог Ланкастер 347, 386, 392
 Джотто 8, 223
 Доминиканцы 270, 299
 Доминик из Калеруэги 270
 Дуода 128
 Дэвис, Дженнифер 124

Е

Евгений IV, папа римский 379
 Египет 32, 39, 53, 62, 86, 88, 89, 95, 97, 99–101, 106, 222, 224, 233, 275, 278, 287, 333, 344, 492, 513
 Екатерина Сиенская 298, 300, 304, 311
 Ересь, *см. также* Катары; Гуситы;
 Инквизиция; Вальденсы 49, 60, 231, 264–266, 268, 270, 271, 273, 301, 302, 322, 387

Ж

Жакерия 392
 Жанна, графиня Фландрии 307
 Жерсон, Жан 385
 Жижка, Ян 389
 Жуан I Ависский, король Португалии 349
 Жуанвиль 253, 431

З

Западно-Франкское королевство, *см. также* Франция; Франкское государство 115, 116, 133–135, 137, 138, 168, 170, 251
 Зенон, римский император 57
 Золотая Орда 294
 Зоя, императрица Византии 105

И

Ибн Рушд, *см.* Аверроэс 110, 266
 Иерийский собор 104
 Иерусалим 88, 198, 216, 284, 300

Изабелла I, королева Кастилии 48, 307, 351
 Изабелла Ангилемская, королева Англии 233
 Изабелла Французская, королева Англии 307, 335
 Изольда 307
 И Нейллы 147
 Инквизиция 254, 257, 268, 270, 273, 322
 Иннокентий II, папа римский 8, 199, 231, 241, 250, 267, 269, 303, 495
 Иннокентий III, папа римский 8, 159, 199, 231, 242, 243, 250, 265, 267, 269, 303, 328, 495
 Иннокентий IV, папа римский 243
 Иоанн II, император Византии 284
 Иоанн II, король Франции 335, 345
 Иоанн VIII, папа римский 127
 Иоанн Каппадокийский 87
 Иоанн, король Англии 32, 148, 174, 203, 229, 233, 234, 242
 Иоанн Лид 86
 Иоанн Скот 128
 Иоанн Солсберийский 373
 Ирак 90, 96, 98, 99, 106, 396
 Ираклий, император Византии 89, 91, 96
 Иран, *см. также* Персия 90, 96, 98, 99, 274
 Ирина, императрица Византии 105, 106
 Ирландия 25, 46, 47, 106, 127, 140, 142, 143, 145–147, 149, 150, 155, 163–165, 166, 231, 235, 255, 347, 412
 Ислам, *см. также* Мусульмане 22, 90, 95–97, 99, 107, 185, 246, 293, 368, 469, 470
 Исландия 45, 142, 144, 145, 155, 325, 327, 462, 510
 Испания, *см. также* Аль-Андалус; Арагон; Кастилия; Каталония 25, 26, 29, 39, 40, 53, 56, 57, 60,

- 61, 65, 66, 78, 79, 82, 83, 96, 99,
106, 108, 114, 127, 129, 179, 194,
206, 207, 209–211, 226, 229,
236, 237, 255, 273, 313, 318, 324,
328, 329, 332, 346, 361, 375, 381,
392, 396
- Италия 7, 9, 25, 28, 32, 39, 40, 47,
53, 56–58, 60, 62, 65, 66, 72,
79, 81–83, 86, 94, 96, 102,
111, 113–120, 123, 125, 133,
135–138, 170–172, 179, 181,
182, 184, 188, 192, 194–199,
202, 205, 207, 209–215, 219,
221, 222, 225–228, 232, 234,
239, 241, 244, 247, 249, 252, 253,
255–257, 259, 262, 263, 268,
270, 273, 274, 276, 283, 287,
312, 316, 318, 319, 324, 328,
329, 332–334, 336, 337, 342,
344, 346, 352, 355, 356, 361, 369,
372, 374, 381, 382, 385, 391, 392,
396, 398, 462, 465, 468, 473, 475,
485–487, 491, 494, 497, 512,
518, 521
- Иштван I, король Венгрии 238, 261
- ## Й
- Йездигерд III, шах Персии 90
- Йиржи из Подсбра, король Чехии 359
- ## К
- Казимир I, король Польши 163, 363
- Казимир III, король Польши 363
- Казимир IV, король Польши 364
- Кальмарская уния 365
- Капеллан, Андрей 305
- Капетинги 134, 173
- Карл IV, император Германии и король Чехии 357, 358
- Карл V, император Германии 304, 335, 345
- Карл I Анжуйский, король Неаполя и Сицилии 239
- Карл III, король Неаполя 353
- Карл V, король Франции 310, 345, 401
- Карл VI, король Франции 345, 401
- Карл VII, король Франции 304, 335, 346, 401
- Карл VIII, король Франции 401
- Карл Анжуйский 246, 352
- Карл Великий, император франков 46, 76, 82, 111, 113, 114, 116, 117, 119, 121, 123, 125–127, 129, 132, 135, 137, 141, 142, 152, 154, 156, 170, 193, 247, 262, 312, 421, 445, 472, 476
- Карл Кнутссон, король Швеции 365
- Карл Лысый, император франков 115, 116, 121, 127, 473
- Карл Мартелл, майордом франков 75, 76, 112, 113
- Карломан I, король франков 75, 112
- Карл Простоватый, король Западно-Франкского королевства 133, 134
- Карл Роберт Анжуйский, король Венгрии 362
- Карл Смелый, герцог Бургундский 361
- Карл Толстый, император франков 115, 116, 130, 132, 133
- Каролинги 22, 28, 37, 70, 71, 73, 75, 77, 84, 111–113, 115–117, 120–122, 124, 125, 127, 129–138, 150, 152, 177, 183, 185, 186, 188, 199, 211, 250, 252, 254, 256, 259, 260, 275, 373, 398, 400, 421, 472, 475, 477, 480, 487, 496, 500
- Карфаген 58
- Кассиодор Сенатор 63
- Кастилия 23, 109, 110, 171, 179, 232, 236, 239, 240, 252, 256, 260, 316, 338, 349–352, 361, 368, 378, 485
- Каталония 43, 111, 246, 259, 352, 381, 461, 462, 519
- Катары 268, 269, 271, 323, 324
- Кекавмен 279, 432
- Кемп, Марджери 300, 301, 304, 306, 308, 311, 321, 509

Кенвульф, король Мерсии 150
 Киев 155, 165, 222, 281, 283, 294, 295
 Кипр 85, 276, 289
 Китай 27, 96, 100, 224, 312, 344
 Клара Ассизская 267
 Клермонский собор 192, 194
 Климент II, папа римский 189, 192
 Климент III, папа римский (ум. в 1100) 192, 194
 Климент III, папа римский (ум. в 1191) 242
 Климент VII, папа римский 337
 Клэнчи, Майкл 250
 Кнуд, король Дании и Англии 156, 174, 175, 498
 Колумб, Христофор 26
 Конрад II, император Германии 156, 172, 187
 Конрад IV, король Германии 243
 Конрад I, король Восточно-Франкского королевства 133, 156, 243
 Константин II, император Византии 94
 Константин IV, император Византии 91, 92, 94
 Константин V, император Византии 102–104, 280
 Константин VI, император Византии 105
 Константин VII, император Византии 280
 Константинополь 7, 8, 53, 62, 85–87, 89, 91, 93, 94, 100, 102, 103, 214, 216, 222, 224, 274, 278, 279, 281, 284, 286–291, 293, 295, 316, 332, 383, 398, 436, 490, 500, 518
 Констанцкий собор 379, 385, 387
 Кон, Сэмуэль 390
 Контрреформация 26
 Коран 7, 95, 98, 185, 470
 Кордова 7, 78, 107, 108, 110
 Косово поле, битва при 292
 Крамер, Генрих 328

Крестоносцы, *см. также* Альбигойские крестовые походы; Первый крестовый поход; Второй крестовый поход; Четвертый крестовый поход 32, 51, 198, 266, 275, 284, 287–289, 390, 398, 487

Крестьянская война в Германии 391
 Крестьянское восстание 1381 года 327, 372, 386, 392, 394

Кретьен де Труа 314
 Кристина Пизанская 311, 415
 Крит 103, 276
 Кромвель, Томас 249
 Крум, болгарский хан 103
 Куртре, битва при 219
 Кьяртан Олафссон 326
 Кэд, Джек 372, 393

Л

Лайош I Анжуйский, король Венгрии (Людовик I) 362, 363
 Лангедок 72, 269
 Ланселот 314, 320
 Лас-Навас-де-Толоса, битва при 237
 Латини, Брунетто 312, 318
 Лев III, император Византии 102
 Лев IV, император Византии 105
 Лев V, император Византии 106, 280
 Лев VI, император Византии 277, 280
 Лев IX, папа римский 190, 192, 196
 Левант 53, 85, 97, 287
 Леньяно, битва при 240
 Леовигиальд 78
 Леодегарий Отёнский, епископ 75
 Леон, Испания 108, 236
 Леопольд III, герцог Австрии 359
 Ле Руа Ладюри, Эммануэль 323
 Ливан 88
 Лига Наций 380
 Лиссабон, Португалия 237
 Литва 29, 142, 337, 344, 363, 369, 401, 516

Лиутпранд, епископ Кремонский 279,
 288, 436
 Лиутпранд, король лангобардской
 Италии 71, 81, 83
 Лодийский мир 354
 Ломбардия 182
 Лондон 8, 150, 214, 222, 318, 319, 327,
 392, 393, 508, 510
 Лоренцетти, Амброджо 8, 319
 Лоренцо Медичи, правитель
 Флоренции 317
 Лотарингия 135, 187
 Лотарь I, император франков 114–116,
 129–131
 Лотарь II, франкский король 130
 Луп Феррьерский, аббат 251
 Лэнгленд, Уильям 322
 Людовик II, император Италии 116
 Людовик IV, король Западно-
 Франкского королевства 134
 Людовик VI, король Франции 173
 Людовик VII, король Франции 33, 34,
 38, 174, 232
 Людовик VIII, король Франции 233
 Людовик IX, король Франции 23, 126,
 233, 239, 246, 253, 262, 264,
 328, 352
 Людовик XI, король Франции 346,
 348, 361
 Людовик Благочестивый, император
 франков 50, 111, 114, 115,
 119, 121, 123, 128–131, 152,
 155, 186, 193, 251, 480,
 485
 Людовик Немецкий, король Восточно-
 Франкского королевства
 114–116, 121–123, 136
 Лютер, Мартин 357, 388

М

Маврикий, император Восточной
 Римской империи 89, 94
 Мавритания 57, 62

Магнус Олафссон, король Норвегии
 159
 Маймонид, Моисей 328
 Макиавелли, Никколо 109, 354, 373
 Маккиттерик, Розамунда 125
 Максимилиан I, император Германии
 357, 361
 Малкольм IV, король Шотландии 33
 Мануил I, император Византии 284,
 287, 288, 290
 Манцикерт, битва при 284
 Мап, Вальтер 261
 Маргарита, графиня Фландрии 307
 Маргарита, королева Дании 48, 307,
 365
 Мария, графиня Бургундии 361
 Мария из Уаньи 267
 Мария, королева Венгрии 362
 Мария Французская 314
 Маркс, Карл 30, 388
 Марокко, *см. также* Мавритания 57,
 109, 350
 Марсилиус Падуанский 373
 Мартин I, папа римский 91, 94
 Мартин V, папа римский 338, 339
 Мартина, императрица Византии 105
 Мартин, епископ Турский 69
 Массариция, Бенедетто дель 322
 Матильда, графиня Тосканы 173
 Матьяш Корвин, король Венгрии 362
 Маэл Сехналл мак Маэл Руан, король
 Ирландии 148
 Меровинги 72, 73, 75, 76, 112, 113, 115,
 118, 120, 139, 247, 314, 466
 Месопотамия 90
 Метохит, Феодор 291
 Мехмед II, османский султан 292, 293
 Мешко I, король Польши 161, 165
 Милан 62, 136, 182, 188, 192, 202, 214,
 219, 222, 224, 256, 316, 341, 354,
 378, 489, 500
 Михаил III, император Византии 106
 Михаил VIII Палеолог, император
 Византии 275

Михаил Пселл 280, 383, 446
 Монголы 28, 238, 283, 291, 294, 295
 Монофелитство 91, 94
 Монофизитство 60, 78, 87, 88, 91
 Моравия 116, 142, 161
 Морав, Петер 244
 Мортимер, Роджер 307
 Московия 294, 295, 400
 Мохач, битва при 362
 Муавия, халиф 98
 Мур, Боб 272
 Мухаммед, пророк 95, 96, 98
 Мэлори, Томас 312, 314

Н

Наварра 237
 Нади, Гаспаро 320
 Неаполь 81, 94, 195, 196, 215, 338, 341, 352, 366, 368
 Нейстрия 74
 Нидерланды, *см. также* Фландрия 28, 31, 111, 171, 206, 208, 228, 303, 317, 334, 341–343, 360, 391, 392
 Никей, Второй собор 105, 106
 Никифор I, император Византии 103, 106, 277, 279, 435
 Никифор II Фока, император Византии 277, 279, 435
 Никифор Вриенний 287
 Николай I, папа римский 127
 Николай V, папа римский 380
 Николай Кузанский 373, 380
 Ниренберг, Дэвид 329
 Новгород 219, 222, 282
 Новый Завет 55, 141
 Норвегия 7, 142, 143, 154–157, 159, 164–166, 226, 307, 364
 Нормандия 33, 134, 155, 174, 175, 184, 198
 Нормандское завоевание 180, 196, 235, 376
 Нортумбрия 127, 149, 150, 152
 Норфолкское восстание 391
 Ноткер Санкт-Галленский 132

О

Оберто дель Орто 256
 Овидий 310
 Ода, королева Восточно-Франкского королевства 130
 Одоакр, король Италии 57, 59
 Одо, король Западно-Франкского королевства 133
 Одон, аббат Кляуни 186
 Олаф Святой, король Норвегии 158, 159, 498
 Олаф Трюггвасон, король Норвегии 158, 159
 Олдкасл, Джон 386
 Ольга, княгиня Киевская 281
 Омар бен Хафсун 107
 Омейяды 98, 100, 107, 108, 110, 398
 Османская империя 36, 39, 53, 291–293, 295, 345, 362, 368, 382, 396, 399, 400
 Османы 26, 29, 53, 102, 290, 292, 293, 296, 362, 399
 Остготы, *см. также* Готы 56, 57, 61, 63, 65, 66, 86
 Оттон I, император Германии 135–137, 156, 162, 170, 190, 243, 247
 Оттон II, император Германии 135, 137, 162
 Оттон III, император Германии 135, 137, 162, 190
 Оттон IV, император Германии 243
 Оттоны, *см. также* Оттон I, Оттон II, Оттон III, Оттон IV 134, 136, 137, 139, 153, 171, 179, 199, 275, 498, 501
 Оуэн Глендоуэр, правитель Уэльса 347
 Оффа, король Мерсии 150, 152, 154

П

Палеологи 290, 295
 Палестина 32, 51, 89, 98, 171, 184, 199, 284

Палская схизма 333, 337, 387
 Папство 167, 194, 195, 338
 Париж 8, 125, 134, 173, 203, 214, 224,
 233, 249, 263, 264, 270, 280, 308,
 310, 335, 385, 392, 488, 500,
 510
 Пасхалий I, папа римский 127
 Пасхалий II, папа римский 194
 Педро I, король Кастилии 350
 Пенда, король Мерсии 149
 Первый крестовый поход 198, 284, 423
 Персия, *см. также* Иран 89, 96
 Петрарка, Франческо 384, 385, 519
 Петр Дамиани 190, 486
 Петр Ломбардский 264
 Пиза 182, 215, 216, 218, 219, 222, 258,
 287, 338, 354, 491
 Пий II, папа римский 9, 385
 Пипин I, майордом франков 75, 76, 112
 Пипин II, король франков 74–76, 112
 Пипин III, король франков 75, 76, 112,
 113, 150
 Пипин, сын Людовика Благочестивого
 114
 Пиренн, Анри 101
 Платон 281
 Плектруда 75
 Поло, Марко 312
 Польша 142, 143, 145, 160, 161, 164,
 165, 206, 222, 226, 231, 232,
 295, 296, 322, 338, 342, 344,
 362–366, 375, 381, 384, 401,
 516, 519
 Португалия 29, 110, 237, 349, 350, 368
 Постан, Майкл 215
 Премонстранты 266
 Пржемысловичи 358
 Прованс 75, 76, 133, 249, 384
 Прокопий Кесарийский 87
 Промышленный переворот 64, 225,
 343
 Протестантизм 49, 193, 267
 Пуатье, битва при 335

Р

Рабан Мавр, архиепископ Майнца 121,
 128
 Равенна 62, 81, 94
 Раймунд V, граф Тулузы 33
 Раймунд VI, граф Тулузы 269
 Рауль де Камбре 169
 Ревиньи, Жак де 381, 519
 Рейнольдс, Сьюзен 35
 Рекаред, король Испании 78
 Реконкиста 236
 Реформация 26, 27, 306, 310, 339, 388,
 402, 506
 Римская империя 21, 22, 25, 28, 31, 35,
 42, 53–56, 58, 60, 62, 64, 66, 72,
 74, 80, 81, 83, 85, 89–92, 96, 97,
 101, 111, 126, 138, 140, 143, 154,
 199, 215, 223, 246, 275, 278, 395,
 398, 463
 Рихарда, императрица франков 130
 Ричард I, герцог Йоркский 347
 Ричард I, король Англии 220
 Ричард II, король Англии 347
 Ричард III, король Англии 348
 Ричард Фиц-Нигел 253
 Роберт I Брюс, король Шотландии 349
 Роберт I, король Западно-Франкского
 королевства 133, 134, 349
 Роберт II Стюарт, король Шотландии
 349
 Роберт Гвискар 197
 Робертины 134
 Роберт, король Неаполя 352
 Родерих, король вестготов 79
 Рожер I, граф Сицилии 197
 Рожер II, король Сицилии 199, 239
 Румский султанат, *см. также* Сельджуки
 284, 291
 Русь 29, 142, 146, 161, 222, 238, 275,
 281, 282, 295, 296, 333, 364,
 423
 Рыцарство 313, 315
 Рюриковичи 281, 283, 294, 295

С

- Садбери, Саймон, архиепископ
Кентерберийский 392
- Сайд, Эдвард 288
- Саксония 31, 122, 136, 142, 153, 171,
212, 243, 357, 483
- Саладин, султан Египта и Сирии 199
- Саллюстий 137
- Сантьяго-де-Компостела 108, 300
- Сасаниды 89
- Саффолк, герцог 372, 393, 517
- Сверрир, король Норвегии 159
- Святой Грааль 314
- Святослав, князь Киевский 282
- Священная Римская империя 356, 360,
361
- Сельджуки, *см. также* Османы; Турки
170, 283, 284
- Сербия 85, 291
- Сибилла Марсальская 303
- Сигиберт I, король франков 68, 73
- Сигизмунд, император Германии
и король Венгрии 338, 361, 390
- Сидоний Аполлинарий, епископ
Клермонский 59, 464
- Сильвестр II, папа римский 137
- Симеон, болгарский царь 281
- Симеон Столпник 88
- Симон де Монфор-младший, граф
Лестера 235
- Симон де Монфор-старший 269
- Сирия 85, 89, 98, 99, 101, 199, 206, 222,
276, 284
- Сицилия 86, 93, 94, 99, 100, 103, 195,
197, 199, 205, 215, 221, 226, 239,
240, 246, 275, 276, 287, 294, 341,
352, 366–368, 487, 491,
512
- Скандинавия, *см. также* Дания;
Норвегия; Швеция; Викинги
25, 32, 70, 144, 145, 154, 155,
166, 209, 214, 231, 333, 338, 344,
365, 368, 375, 398, 479, 497

- Склавины, *см. также* Славяне 89, 93,
102, 160
- Снорри Стурлусон 158, 451, 481
- София, императрица Византии 105
- София, супруга Ивана III 295
- Союз тридцати девяти, правительство
Гента 218
- Стеллинга, восстание 122
- Стефан II, папа римский 113
- Стефан Душан, король Сербии 291
- Стикластадир, битва при 158, 481
- Сток, Брайан 266
- Столетняя война 223, 246, 327, 333–
336, 338, 343, 360, 368, 392
- Стюарты 349

Т

- Тамерлан 292
- Тамплиеры 234, 249, 266
- Танненберг, битва при 364
- Тевтонские рыцари 363
- Теодорих II, король вестготов 59, 78
- Теодорих III, король франков 78
- Теодорих, король остготов 57, 60, 66
- Теодульф Орлеанский 127
- Теренций 137
- Тертри, битва при 75
- Теутберга, франкская королева 130
- Тинг 70, 158, 365, 375, 481
- Толедские церковные соборы 78
- Третий Латеранский собор 267
- Трульский собор 104
- Тунис 56, 58, 99, 215, 233
- Турки, *см. также* Османы; Сельджуки
274, 276, 283, 291

У

- Уиклиф, Джон 373, 386–388, 393
- Уоттс, Джон 19, 339
- Урбан II, папа римский 189, 192, 194,
198, 284
- Урбан IV, папа римский 337
- Уррака, королева Кастилии 307

Усман, халиф 98

Уэльс 57, 147, 235, 312, 347, 479, 507

Ф

Фатимиды 99, 108, 110

Феодора, императрица Византии 87,
105, 291, 454

Феодор Сикеот, епископ 88

Феодор Тарсийский, архиепископ
Кентерберийский 149

Феофано, императрица Германии 135

Феофил, император Византии 103, 106,
471

Фердинанд III, король Кастилии 23

Фердинанд II, король Арагона 352, 353

Фердинанд, король Неаполя и Сицилии
353

Фернандо I, король Кастилии и Леона
236, 237, 351, 391

Филипп II Август, король Франции 23,
174, 199, 229, 232, 233, 242, 246

Филипп IV, король Франции 229, 233,
246, 249, 256, 257, 307, 309, 335,
374, 493

Филипп VI, король Франции 335, 346

Филипп Добрый, герцог Бургундии
345, 360

Фландрия 39, 86, 174, 179, 198, 202,
205, 214, 218, 219, 222, 227, 228,
234, 252, 303, 307, 341, 345, 360,
396, 512, 521

Флоренция 46, 214, 217, 219, 223, 300,
316, 341, 354, 374, 378, 384,
392, 492

Фока, император Византии 89

Фортеस्कью, Джон 371–374

Фотий, патриарх Константинополя 280

Франкское государство, *см. также*

Восточно-Франкское
королевство, Западно-
Франкское королевство 68,
73–75, 79, 80, 83, 103, 105, 112,
113, 117, 118, 120, 127, 133, 135,

136, 138, 149, 151, 170, 186, 204,
398, 465

Францисканцы 267, 269, 270, 499

Франциск Ассизский 8, 267, 303

Франция, *см. также* Западно-

Франкское королевство 23,
25, 28, 31, 33, 34, 36, 53,
56, 111, 115, 117, 125, 126,
168–170, 173, 177, 179–183,
187, 190, 192, 194–196, 199,
203, 209–212, 219, 228, 229,
232–234, 236–238, 240,
246–248, 252, 253, 255, 256,
260, 261, 264, 269, 273, 303,
304, 310, 324, 328, 329, 333,
335–337, 343–346, 348, 351,
353, 355–357, 360, 366, 368,
370, 374, 375, 378–382, 391,
392, 396, 462, 483, 489,
496, 506, 507, 513, 517,
521

Франчески, Андреа де 521

Фредегонда, королева франков 69, 73,
77

Фридрих I Барбаросса, император
Германии 173, 199, 240, 243,
244, 246, 263, 494

Фульберт, епископ Шартрский 262

Х

Халкидоняне 60, 78

Харальд Клак, датский король 154

Харальд Прекрасноволосый, король
Норвегии 157

Харальд Синезубый, король Дании
156, 162

Харальд Суровый, король Норвегии
159

Хильдебранд, архидьякон, *см.*
Григорий VII 190, 192

Хильдерик II, король франков 75, 77

Хильперик, король франков 68

Хиндасвинт, король вестготов 80

Хлодвиг, король франков 72, 78, 81
 Хлотарь II, король франков 69, 73–77
 Хокон VI Норвежский 365
 Хониат, Никита 285, 296, 415
 Хорватия 142, 238
 Хорик I, король Дании 154
 Хорик II, король Дании 155
 Хорн, Эндрю 318
 Хосров I, шах Персии 89
 Хосров II, шах Персии 89
 Христиан I, король Дании 365
 Хросвита Гандерсхаймская 137
 Хуан I, король Кастилии 350
 Хуана, королева Кастилии и Арагона
 351, 361

Ц

Цистерцианцы 166, 194, 251, 487
 Цицерон 127

Ч

Черная смерть, *см. также* Чума 22, 163,
 204, 219, 223, 227, 291, 318, 327,
 329, 331–334, 339, 341, 391,
 393, 396, 397, 511
 Четвертый крестовый поход 275, 289,
 296
 Четвертый Латеранский собор 230,
 234, 242, 270
 Чехия 111, 116, 160, 322, 388, 515
 Чосер, Алиса 315, 508
 Чосер, Джеффри 312, 319, 320
 Чума, *см. также* Черная смерть 23, 86,
 204, 209, 227, 319, 333, 334, 339,
 342, 344, 511

Ш

Шампань 174, 222, 226, 249
 Швейцария 171, 181, 336, 344, 360,
 369, 378, 520
 Швеция 142, 144, 146, 154, 165, 232, 307,
 340, 364, 375, 383, 401

Шотландия 33, 142, 155, 165, 231, 235,
 336, 338, 348, 349, 356, 366, 368,
 375, 383, 401, 482
 Штауфены 240, 244, 352

Э

Эброин, майордом франков 75, 78
 Эгидий Римский 373, 517
 Эгика, король вестготов 79
 Эдгар, король Англии 152, 185
 Эдуард I, король Англии 23, 223, 229,
 235, 251, 262, 313, 335, 348,
 370, 372
 Эдуард II, король Англии 223, 262, 307,
 335, 347
 Эдуард III, король Англии 223, 313,
 335, 347
 Эдуард IV, король Англии 348, 370, 372
 Эдуард Исповедник, король Англии
 175, 261
 Эдуард Старший, король Англии 151
 Эдуард, сын Генриха VI Английского
 371
 Эйнгара 46, 121, 127–129, 247, 476,
 477
 Эйрих, король вестготов 58, 60, 72
 Экхард, граф Макона 8, 128, 477
 Элоиза 263
 Эндре II, король Венгрии 238
 Энрике II, король Кастилии 350
 Энрике III, король Кастилии 351
 Эоганахты, правители Мюнстера 147
 Эрвиг, король вестготов 79
 Эрик Померанский, король Дании,
 Норвегии и Швеции 365
 Эрлембальд, вождь патарии 189
 Этельбальд, король Мерсии 150
 Этельред II, король Англии 153, 166,
 174, 175, 245
 Этельстан, король Англии 152
 Этельфледа, правительница Мерсии
 152
 Эшби, Джордж 371

Ю

Юдифь, императрица франков 121,
130, 477
Юлий Цезарь 127
Юстиниан, император Римской
империи 61–63, 65, 85–87, 89,
255, 274

Ядвига, королева Польши 363
Яков I, король Шотландии 349
Яков III, король Шотландии 349
Яков IV, король Шотландии 349
Яцшо Хуньяди 362
Япония 173
Ярослав, князь Киевский 282

Я

Ягайло, великий князь литовский, *см.*
Владислав II Ягелло 363
Ягеллоны 359, 364, 365

Уикхем Крис

Средневековая Европа

От падения Рима до Реформации

Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *Е. Аксёнова, М. Миловидова, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Арт-директор *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке Алату

Подписано в печать 06.09.2018. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 34 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 8700.

ООО «Альпина нон-фикшн»
123007, ул. 4-я Магистральная, д. 5,
строение 1, офис 13
Тел. +7 (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Люди Севера

История викингов, 793–1241

Джон Хейвуд, 2017, 452 с.

О чем книга

До XIX в. их считали дикими варварами сродни вандалам и готам, разграбившим античный Рим. С наступлением эпохи романтизма средневековый образ викингов — непобедимых морских разбойников — получил новую трактовку. Во второй половине XX в. и этот воинственный образ подвергся пересмотру, когда археологи обнаружили, что у викингов

были и мирные занятия — ремесла, торговля, географические исследования. Так кем же они были на самом деле? И какую роль сыграли в жизни Европы? На эти вопросы дает ответы историческое исследование Джона Хейвуда. Из него вы узнаете, кем были предки викингов и кого они вытеснили, когда завоевали земли на севере Европы. Хейвуд рассказывает о культуре, письменности, прикладном искусстве и религии викингов, об одноглазом Одине, вооруженном гигантским молотом Торе и боге плодородия Фрейре. А также о том, как викингам удавалось строить драккары — «корабли-драконы» без единой металлической детали и какую роль эти удивительные корабли сыграли в мировой истории.

Почему книга достойна прочтения

- Книга посвящена эпохе викингов, продлившейся несколько веков и затронувшей почти всю Европу. Это рассказ об экспансии древних скандинавов на Британские острова, по всему Европейскому континенту и на Восток, о заселении Исландии и Гренландии, об открытии норманнами Америки и о той роли, которую они сыграли в становлении российской государственности.
- Джон Хейвуд провел подробное исследование эпохи викингов как явления европейской истории и культуры.
- Книга входит в топ-30 бестселлеров в разделе «История Скандинавии» на Amazon.com.

Кто автор

Джон Хейвуд — специалист по истории Европы «темных веков», автор ряда книг о цивилизации викингов.

SPQR

История Древнего Рима

Мэри Бирд, пер. с англ., 2017, 696 с.

О чем книга

Древний Рим — тема всеобщего интереса; опыты знакомства с его образами и историей сопровождают нас в науках, литературе, искусстве. Но насколько близки к реальности наши представления о той эпохе? Книга Мэри Бирд, одного из ведущих мировых специалистов по древней истории, неизбежно изменит многие из них. Сенат и народ, Цицерон и Катилина, Ганнибал,

Цезарь, Клеопатра, Август и Нерон... Описывая взаимоотношения власти и человека, политическое устройство и конфликты, становление государственности и империи, знаменитых и никому не известных римлян, автор обрушивает множество мифов, заставляет по-иному взглянуть на многие события давней истории. Здесь есть все лучшее, что читатель может найти в научно-популярной литературе: глубокие и все-сторонние знания о предмете, великолепный язык рассказчика, умение передать пульс повседневной жизни. Читая о далеком прошлом, мы сопереживаем ему так, словно читаем блог самого Цицерона, словно играем в кости в помпейском трактире.

Почему книга достойна прочтения

Книги по истории Древнего Рима или пугают непривычного читателя шеренгами незнакомых лиц, понятий и мест, или все упрощают. Мэри Бирд предлагает иной подход: мы быстро погружаемся в увлекательную историю, удаленную от нас на две тысячи лет и больше; мы многого про нее не знаем, но все равно на ней построены почти все современные политические системы мира. Знакомство не будет простым, но без него обойтись нельзя: не зная ничего о Древнем Риме, мы не поймем современность.

Виктор Сонькин, автор книги «Здесь был Рим», лауреат премии «Просветитель»

Кто автор

Мэри Бирд — профессор истории Древнего мира Кембриджского университета, редактор раздела антиковедения *The Times Literary Supplement* (еженедельного литературного приложения к *The Times*).

Получив признание в мировом научном сообществе, стала членом Британской академии и Американской академии искусств и наук. Удостоена высших наград: ордена Британской империи, премии Национального общества книжных критиков, премии принцессы Астурийской.

Византия

История исчезнувшей империи

Джонатан Харрис, пер. с англ., 2017, 386 с.

О чем книга

Возникнув на обломках великой Римской империи, Византия на протяжении своей более чем тысячелетней истории была ареной постоянных вторжений, осад и войн. Граница Запада и Востока, символ христианского мира — Константинополь — манил захватчиков, поражая своим богатством и великолепием. Каким образом Византийская империя, которой некогда принадлежало полмира, несмотря на все потрясения, просуществовала поразительно долго и почему в конце концов исчезла почти бесследно, словно растворилась? Древнюю державу не спасли ни мощная армия, ни искусность ее политиков, ни неприступные стены Константинополя, ни вера в то, что Бог не оставит первую на земле христианскую империю, распространившую новую религию не только по своей обширной территории, но и в соседних государствах. О том, как зародилась, правила миром и погибла Византия, а также какое наследие оставила современному миру, рассказывает британский историк Джонатан Харрис.

Почему книга достойна прочтения

Рассказ Харриса об этом удивительном обществе яркое и увлекательное... Его взгляд внимателен к деталям: ему всегда удастся найти самую захватывающую историю, чтобы заинтересовать читателя центральным персонажем главы... Автор успешно преодолевает ограничения, налагаемые краткостью изложения, позволяя читателю прочувствовать, что значило быть византийцем.

Питер Хизер, *BBC History Magazine*

Кто автор

Джонатан Харрис — профессор Королевского колледжа Холлоуэй Лондонского университета. Тема его исследований — история Византии и отношения между Византией и Западом, особенно во времена Крестовых походов и в эпоху итальянского Возрождения. Автор ряда книг, а также статей и обзоров в журналах *History Today* и *BBC History Magazine*.

Первый крестовый поход Зов с Востока

Питер Франкопан, пер. с англ., 2018, 352 с.

О чем книга

Первый крестовый поход — величайшее событие Средневековья, изменившее историю Европы и стран Востока. Принято считать, что он начался по призыву папы Урбана II, когда тысячи рыцарей отправились отвоевывать Святую землю у мусульман. Но что, если на самом деле инициатива исходила вовсе не из Рима? Опираясь на малоизученные источники,

британский историк Питер Франкопан предлагает свой взгляд на эти события. Истинным вдохновителем и организатором Первого крестового похода он считает византийского императора Алексея I Комнина, талантливого дипломата, чудом удержавшегося на троне, но при этом сумевшего поставить военные ресурсы Европы себе на службу. Страница за страницей Франкопан распутывает хитросплетения версий и источников, разоблачает «черную легенду» о «коварном» императоре и, раскрывая неизвестную историю Первого крестового похода, показывает последствия этой экспедиции для Востока и Запада.

Почему книга достойна прочтения

Питер Франкопан не только увлекательно и ярко повествует о перипетиях Первого крестового похода, но и восстанавливает историческую справедливость в отношении истинной роли Византии в инициировании похода и обеспечении его успеха. Крестовый поход в конечном счете был «проектом» Константинополя, успешно разрешившим насущные политические задачи Византийской империи. Книга написана в популярном стиле и рассчитана на широкий круг читателей. Вместе с тем это полноценное исследование, абсолютно достоверное с точки зрения строгой науки и созданное первоклассным историком, имеющим свой особый взгляд на предмет, а также вкус к «неудобным» и «странным» деталям в событиях, будто бы давно известных.

Рустам Шукуров, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

Кто автор

Питер Франкопан — британский историк-медиевист, профессор Оксфордского университета, популяризатор науки. Директор Центра византийских исследований Оксфордского университета.

Падение Османской империи **Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920**

Юджин Роган, пер. с англ., 2018, 559 с.

О чем книга

Первая мировая война оказала огромное влияние на формирование современного Ближнего Востока, а раздирающие его конфликты — революции, гражданские войны и противостояние между израильтянами и палестинцами — восходят корнями

к послевоенному урегулированию и разделу Османской империи. В своей книге известный британский историк Юджин Роган представляет историю Первой мировой войны, раскрывая последствия, к которым она привела на Ближнем Востоке, и ту важнейшую роль, которую сыграл в ней регион. Автор живо и увлекательно рассказывает о политических интригах и военных баталиях, развернувшихся на османских землях от Галлиполийского полуострова до Аравии. В отличие от окопной войны на Западном фронте, на Ближнем Востоке боевые действия носили динамичный и непредсказуемый характер. Прежде чем военная фортуна повернулась лицом к державам Антанты, турки нанесли им сокрушительные поражения на Галлиполийском полуострове, в Месопотамии и Палестине. Тем не менее война привела просуществовавшую больше шести веков Османскую империю к распаду, который стал эпохальным событием мировой истории.

Почему книга достойна прочтения

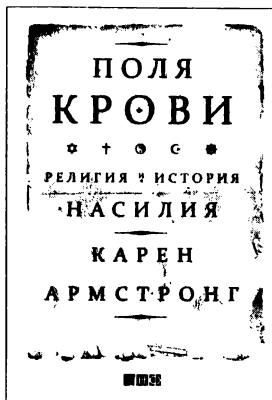
Западный мир очень мало знает об участии турецкого и арабского народов в Первой мировой войне. Большая часть литературы по теме отражает исключительно опыт союзных войск. За 100 лет исследований историками воссоздана исчерпывающая картина Первой мировой войны глазами солдат и полководцев Антанты. Юджин Роган предлагает взглянуть на эту войну с другой стороны линии фронта. Автор использует в своей работе архивные материалы, которые лишь недавно стали доступны западным ученым. При этом книга не только исключительно информативна, но и прекрасно написана: ее отличают живой язык, увлекательность повествования, яркие персонажи.

Кто автор

Юджин Роган — британский историк-арабист, профессор Оксфордского университета, специалист по современной истории Ближнего Востока, директор Центра ближневосточных исследований Колледжа Св. Антония.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Поля крови

Религия и история насилия

Карен Армстронг, пер. с англ., 2016, 538 с.

О чем книга

Войны, терроризм, агрессивная нетерпимость, социальное насилие сопровождают человечество на протяжении всей истории. Вина ли религия, которую все чаще в этом упрекают?

История от каменного века до наших дней раскрывает непростую картину. Встроенная в государственный аппарат религия уже в ранних земледельческих

обществах превращается в инструмент социального подавления. От имени религии совершается немало преступлений, ею оправдывали колонизацию и рабство, погромы и теракты. И вместе с тем из века в век вера смягчает нравы и учит видеть ближнего не только в единокровном. Религии человечество обязано тем, что стало человечеством, не застряв на уровне варварства, где каждое племя — в окружении враждебных племен. Это увлекательное исследование истории религиозных войн и роли религии во власти и политике, написанное всемирно известным религиоведом Карен Армстронг, — глубокое и непредвзятое изложение опыта разных религий: язычества, иудаизма, буддизма, христианства и ислама.

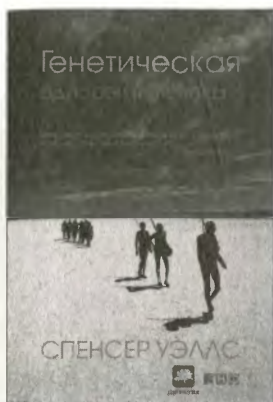
Почему книга достойна прочтения

Своевременная и страстно написанная книга... Без сомнения, вызовет горячие споры на фоне нынешних зверств ИГИЛ и многих других актов насилия, которые совершаются во имя религии.

Джон Корнуэлл, *Financial Times*

Кто автор

Карен Армстронг — один из самых авторитетных историков религии. После семи лет пребывания в католическом монастыре она отказывается от монашеского сана, получает диплом в Оксфорде и преподает в Лондонском университете. С 1982 г. переходит на положение независимого писателя и теле/радиожурналиста. Ее перу принадлежит более 20 книг. Издательством «Альпина нон-фикшн» выпущены: «История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе», «Будда», «Иерусалим: Один город, три религии» и «Битва за Бога: История фундаментализма».

Генетическая одиссея человека

Уэллс Спенсер, пер. с англ., 2016, 292 с.

Факт существования единственного предка, давшего начало всему сегодняшнему разнообразию, не означает, что в то время жил лишь один человек. Это значит лишь то, что потомки других людей, живших в то время, вымерли.

О чем книга

Об эволюции человеческого развития. Книга основана на исследованиях дезоксирибонуклеиновой кислоты, которые доказывают следующее: ДНК —

это не обычная молекула в человеческом организме и даже не просто молекула, несущая в себе прямые гены родителей. Это целый зашифрованный исторический документ! Его расшифровка и, как следствие, экскурсу в историческое прошлое человечества и посвящена эта книга.

Почему книга достойна прочтения

- Эволюционный смысл рекомбинации хромосом ДНК.
- Тесная связь между возникновением обезьян, африканских племен и нас с вами.
- Причины выживания и эволюционирования популяций — анализ существующих теорий и их корректировка.
- Оригинальное построение книги: рассказ о происхождении человека как путешествие во времени в качестве биологического вида.
- Красочные иллюстрации в виде эксклюзивных фотографий.
- Обязанность познать себя и принять участие в генетических исследованиях как часть глобальной истории человечества.

Кто автор

Уэллс Спенсер — популяционный генетик и антрополог, исследователь-партнер Национального географического общества США и профессор Корнеллского университета. Руководитель проекта «Генография» (The Genographic Project). Получил степень бакалавра наук в области биологии в Университете Техаса в Остине в 1988 году и степень доктора биологии в Гарвардском университете в 1994 году, специализируясь в области популяционной и эволюционной генетики. С 2001 г. выступает в качестве независимого ученого, писателя и кинорежиссера. Его фильмы показывали на телеканалах PBS, Discovery и National Geographic.

Чистый лист

Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня

Стивен Пинкер, пер. с англ., 2018, 608 с.

О чем книга

На протяжении нескольких столетий многие интеллектуалы пытались установить принципы справедливости, основываясь на убеждении, что человек рождается «чистым листом», на котором родители и общество записывают его биографию. Многие авторы отчаянно пытаются дискредитировать предположение о врожденном характере человеческих свойств, ведь если люди рождаются разными, то оправданы дискриминация и расизм, если человек — продукт биологии, тогда свобода воли является всего лишь мифом, а жизнь не имеет высшего смысла и цели. Пинкер убедительно показывает, что отказ от анализа вопросов человеческой природы не только противоречит современным открытиям в генетике, нейробиологии и теории эволюции, но и искажает наши представления о самих себе. Наследуются ли интеллект и таланты? Можно ли искоренить насилие в отношениях между людьми и государствами? Существует ли свобода воли, а вместе с ней — и ответственность за свои поступки? Об этих вопросах рассуждает когнитивный психолог Стивен Пинкер в одной из самых значимых своих книг.

Почему книга достойна прочтения

Лучшая книга о человеческой природе, которую я когда-либо читал.

Мэтт Ридли

Какой превосходный мыслитель и писатель... И как отважно бросает он вызов либеральному тренду в науке, в то время как сам принадлежит к лучшему сорту либералов. Пинкер — звезда, и научному миру повезло, что он в его рядах.

Ричард Докинз

Кто автор

Стивен Пинкер — почетный профессор психологии Гарвардского университета, признанный специалист в области когнитивных исследований. Широко известен своими исследованиями в области психолингвистики, автор бестселлеров о феномене человеческого языка, мозге и сознании. Включен в список 100 наиболее влиятельных людей современности журналом Time.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

... 7 (495) 130 87 01 / 7 (800) 550 50 00

Крис Уикхем — британский историк-медиевист, профессор истории Средних веков Оксфордского университета, член Британской академии, автор ряда исторических трудов.

Увлекательная, продуманная, авторитетная — на сегодняшний день это лучшая книга о Средневековье. Без видимых усилий Уикхем увязывает исторические детали и примеры с крупными темами и глобальными переменами.

Пол Фридман, Йельский университет

Пишущий умно, четко и хорошим слогом Крис Уикхем разворачивает перед нами картину Средневековья как динамичного периода огромных перемен. Перед нашими глазами проходят императоры, папы, богословы, рыцари и мистики, а также крестьяне, купцы и целые города. Прежде всего Уикхем стремится показать экономические и структурные основы периода. Именно такими Средние века и должны представлять перед нами в XXI веке — не незатейливой антитезой «современности», но веками человеческого труда, изобретательности и поисков решений, когда реальные люди совершали выбор, находясь в обстоятельствах, которые они не выбирали.

Джон Арнольд, Кембриджский университет

«Средневековая Европа» — образец четкого и доступного изложения, превосходный ответ выдающегося историка на непростой вызов: раскрыть историю целого тысячелетия на 500 страницах.

Приводя свои аргументы, данные и интерпретации, Крис Уикхем вовлекает читателей в настоящее интеллектуальное приключение, постоянно держа их в напряжении.

Майке де Йонг, почетный профессор Утрехтского университета

Цена 979 руб.

2-28-1
11.10.2018 000 "РАМОТА"
Реформации (Уикхем)

Сити-Город

ВК:

Номер
9847844
Код
2682785
ТБХ
11-7112

Думай по-своему

АНФ

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

заказ книг +7 (495) 120-07-04
и на сайте www.nonfiction.ru

[f/alpinanonfiction](http://alpinanonfiction)

[vk/alpinanonfiction](http://alpinanonfiction)

[@alpinanonfiction](http://alpinanonfiction)

Nonfictionbook

[/nonfictionbook](http://nonfictionbook)